Юрий Безелянский

О СССР — без ностальгии

Воспоминания и дневник москвича

Книга первая | 30–80-е годы

О СССР – без ностальгии. 30–80-е годы

Юрий Николаевич Безелянский

Аннотация
Юрий Безелянский. О СССР – без ностальгии. Воспоминания и дневник москвича. Книга первая. 30–80-е годы
Начало
1932–1938 годы
1939 год
1940 год – Первый класс. Стихи для детей
1941 год – Война, эвакуация
1942–1944-е. Военные годы
1945 год. Победа
1946 год – Дети двора
1947 год – 14/15 лет. Гуляйполе
1948 год – 15/16 лет. Стиляга
1949 год – 16/17 лет. «Я хочу одной отравы – пить и пить стихи!»
1950 год – 17/18 лет. Школьные проблемы: переход из дневной школы в вечернюю школу рабочей молодёжи
1950 год. Отрывки из дневников
1951 год – 18/19 лет. В волнах неопределённости

1952 год – 19/20 лет. Смерть мамы. Аттестат зрелости. Женитьба как спасение утопающего
1953 год – 20/21 год. Смерть Сталина, путешествие в места ссылки отца, в Сибирь. Плехановский институт, проблески новой жизни
1954 год – 21/22 года. Жизнь студенческая
1955 год – Снова неспокойный и переживательный год. Пионерский лагерь с любовным романом
1956 год – 23/24 года. Ещё один трудный и к тому же високосный год
1957 год – Первый самостоятельный рабочий год. Тихий бухгалтер
1958 год – 25/26 лет. Жизнь без кардинальных изменений
1959 год – 26/27 лет. «Катится, катится / Голубой вагон». Шестидесятники
1960 год – 27/28 лет. Последний бухгалтерский год, и снова без дневника
1961 год – 28/29 лет. Первые шаги по журналистской дороге. Первый советский сборник Цветаевой
1962 год – 29/30 лет. Год из советского времени
1963 год – 30/31 год. Очередной год в «СПК». Книжный запой
1964 год – 31/32 года. Ничего выдающегося. Ру-

тина
1965 год – 32/33 года. «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь…»
1966 год – 33/34 года. Любовь и Радиокомитет. Смерть Анны Ахматовой
1967 год – 34/35 лет. Развод и новая семейная жизнь на литературной подкладке
1968 год – 35/36 лет. Обозреватель на радио и наблюдатель истории. Командировка в Таллин. Конец «Пражской весны»
1969 год – 36/37 лет. Главное событие – отпуск: Ялта – Массандра – Одесса
1970 год – 100 лет со дня рождения Ленина и 30-летие Ще
1971 год – 38/39 лет. Тбилиси как песня «Тбилисо». Начало больничного тура Ще
1972 год – Больничная эпопея Ще, 40-летие Ю.Б., командировка в Ташкент, отпуск – Ленинград
1973 год – 40/41 год. Первый выезд на Запад: страны Бенилюкса
1974 год – 41/42 года. Симеиз, Киев, тома ЮБиблии
1975 год – 43 года. Беспокойный год с отдыхом: Адлер, Гагры, Сухуми, Батуми. «Зеркало» Андрея Тарковского
1976 год – 43/44 года. Скандинавский вояж: Шве-

ция – Дания. Литературные наброски: от Ивана Грозного до Николая Рубцова
1977 год – 44/45 лет. Начало работы над Календарём мировой истории. Отдых в прибалтийской Паланге
1978 год – 45/46 лет. Один дневник и никаких дополнений
1979 год – 46/47 лет. Карьерный слом: из радио в газету
1980 год – 47/48 лет. Возвращение в «СПК», пресс-центр московской Олимпиады, интервью с артистами по заданию «Советского экрана». Ульяновск и Запорожье. Вечер поэзии в зале Чайковского
1981 год – 48/49 лет. Год бранчливого Петуха или мокрой Курицы. Поездка в Чехословакию. Слёт наставников в Минске. Знаменитый гость – Андрей Тарковский
1982 год – 49/50 лет. На кооперативной волне. Конец брежневского застоя. Командировка в Таллин, в марте – «Берёзки», в декабре – короткий отдых в «Лесном»
1983 год – 50/51 год. Разъездной год. Туризм: Греция – Кипр – Египет. Командировки: Вильнюс, Волгоград, Владивосток
1984 год – 51/52 года. Вечер Евтушенко в зале Чай-

ковского. Кооперативный съезд в Кремлёвском дворце. Поездки: Винница, Жмеринка, Тбилиси, Гори. Отдых в Кисловодске
1985 год – 52/53 года. Отдых в Кисловодске. Новый этап жизни: вдвоём. Поездки: Киев, Брест, Витебск, Днепропетровск. Отдых в Аксаково. Книги, Календарь
1986 год – 53/54 года. Явление Бориса Ельцина. Чернобыль. Командировки: Гродно, Ярославль (Карабиха), Калинин (Тверь). Отдых в Суханово и Ярославле
1987 год – 54/55 лет. Книжно-журнальное раздолье гласности. Поездки: Тернополь, Хмельницкий. Ще в Финляндии, отдых в Коктебеле
1988 год – 55/56 лет. Карьера: зам. главного редактора в «СПК». Командировки: Ивано-Франковск, Закарпатье, Бухара. Отпуск: Рига, «Лесные поляны»
1989 год – 56/57 лет. Каунас, Вильнюс. Отпуск в Вороново. Тур по Италии. Съезд народных депутатов СССР
Послесловие

Аннотация

«О СССР – без ностальгии» – книга воспоминаний и дневников одного московского интеллигента в очках. О детстве, о школе, об институте и работе в советских учреждениях, с подробностями и проблемами ушедшего времени. Поиск своего места в жизни. Повествование о том, как автор данной книги шёл трудно, набивая себе шишки, к заветной цели: стать писателем.

Современному читателю будет интересно узнать, что читал мальчик-юноша-молодой человек, что видел, с кем встречался, во что верил и в чём сомневался. В книге много отчаяния, стихов и рассуждений о жизни.

Книга рассчитана на массового читателя: для старшего поколения – в усладу узнавания ушедших лет, для молодых – в назидание и в урок, как жили их отцы и деды, начиная с 30-х годов прошлого века. Без восхищения и ностальгии, а с некоторой болью и иронией. Субъективно? Несомненно. А если иначе, то нудно и скучно…

Юрий Безелянский
О СССР – без ностальгии. Воспоминания и дневник москвича. Книга первая. 30–80-е годы

Начало

Модное выражение «Книга памяти». И таких книг издано множество: о войне, об индустриализации и коллективизации в стране, о космических полётах, «о доблестях, о подвигах и славе», как выразился Александр Блок, но не только. Ещё о голодоморе, о Большом терроре, о зверствах, о ГУЛАГе… Да мало ли о чём можно вспоминать. Главное: помнить, не забывать прошлое, извлекать из него уроки. Как гласит китайская поговорка:

«Самые бледные чернила лучше, чем наилучшая память».

А кроме общественно-политической жизни, у каждого индивида есть своя, личная, частная, приватная, со своими поражениями и победами, драматическими коллизиями и поворотами, тупиками и надеждами. И тут лучше классика не скажешь. Пушкин, «Воспоминания», 1828 год:

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной

Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Будем равняться в откровенности на Александра Сергеевича, не скрывая отвращения и горьких слёз. Что было, то было. Позади длинный путь от неизвестности и заурядности к популярности в узких кругах. Ошибки, заблуждения и промахи. От упоения жизнью к разочарованию и скепсису. Обо всём этом и хочу поделиться с молодым поколением, а вдруг кому-то поможет.

О себе могу сказать: я — странный человек с бурлящей памятью. Систематик по натуре, любитель всё записывать и фиксировать на бумаге (такой же манией страдал Стендаль). Отдельные попытки написать автобиографию были не раз, ну и в течение 70 лет с маленькими перерывами вёл дневник, который и лёг в основу данной книги «О СССР — без ностальгии». Книга получилась своеобразная и трудно определимая по жанру: то ли хроника, то ли жизнеописание, то ли воспоминания, то ли какой-то мемуаразм, некое шоу по типу салата оливье. Впрочем, судить не мне. Как

гласит латинское изречение: Littera scripta manet (Написанное остаётся). И кто-нибудь обязательно натолкнётся на книгу на одной из пыльных полок библиотеки.

* * *

С чего начинается книга? Каждая по-своему. Лев Толстой свой роман «Анна Каренина» начал так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

А Томас Манн свой знаменитый роман «Волшебная гора» начал так: «В самый разгар лета один ничем не примечательный человек отправился из Гамбурга, своего родного города, в Давос…»

Я долго думал, как после краткого предисловия начать свою книгу. И решил без всяких литературных изысков, топорно, почти по-канцелярски со стандартного представления героя, то бишь автора, как говорится, в лоб. Анкета героя. Всё честно: если понравится — будут читать, нет — отодвинут книгу. Итак:

Листок по учёту кадров

ФИО — Безелянский Юрий Николаевич (Копелевич).

Рождение — 2 марта 1932 года в Москве, в престижном роддоме им. Грауэрмана на Старом Арбате. Москвич в третьем поколении.

Национальность — по паспорту русский. Но русский с примесью еврейской, украинской, польской и французской кровей.

Родители — мать Безелянская Ольга Алексеевна (урождённая Кузнецова), годы жизни 1909–1952. Отец — Николай (Копель) Ефимович Безелянский, родился в Витебске, 1906–1966. Пострадал в годы сталинских репрессий, «враг народа», но впоследствии полностью реабилитированный.

Образование — высшее экономическое (Институт народного хозяйства им. Плеханова) и политическое (Институт марксизма-ленинизма).

Партийность — в пионерах не был замечен, хотя с удовольствием распевал песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи, / Мы пионеры — дети рабочих!..» В ряды ВЛКСМ вступил поздно, неоднократно занимал должности комсомольского секретаря. Член КПСС с 1963 года, вышел из партии после распада СССР.

Общественная работа — кем только не был — комсомольским и партийным секретарём, председателем профкома, председателем комиссии народного контроля, пионервожатым в пионерских лагерях и т. д. Последний партийный пост — секретарь партбюро Главной редакции радиовещания на страны Латинской Америки на Иновещании в Госкомитете по радиовещанию и телевидению СССР. Маленькая «шишка».

Награды и поощрения — медаль «В память 850-летия Москвы» (1998), медаль «Ветеран труда» (1989), значок «Отличник потребительской кооперации СССР» (1982).

Членство в творческих организациях — член Союза журналистов СССР (1964), билет № 2465, член Клуба писателей ЦДЛ, член Союза писателей Москвы — билет вручала Римма Казакова.

Диплом Союза журналистов по итогам 2001 года — лауреат премии в номинации «За профессиональное мастерство» (24 января 2002 г.).

И всё! Разные отдельные почётные грамоты. Но ни Нобеля, ни Шнобеля, никакого Кюхельбекера не получал (и как писал Пушкин: «и было мне и кюхельбекерно и тошно…»). Всё дело в литературном одиночестве, вне групп, вне стаи. Одинокий волк…

Мнения, отзывы, оценки в СМИ — более 100 интервью в различных газетах и журналах:

«Человек-архив», «Библиоман и коллекционер», «Хранитель времени», «Ловец информационного жемчуга», «Рыцарь Серебряного века и летописец Огненного», «Субъективный календарист», «Человек-энциклопедия», «Человек без Интернета», «Автор книг с загадочным очарованием» и т. д. А сколько восторгов в читательских письмах, ну и хулы, разумеется. Я только усмехаюсь и смеюсь в душе…

Кажется, я удалился далеко от жанра «Листка по учёту кадров».

Выговоры, наказания — был выговор в Мосхлебторге за прогул и вынужденный уход из Радиокомитета в результате конфликта с главным редактором — фрондировал.

Воинское звание — старший лейтенант запаса. В армии не служил, но военную подготовку получил при институте. По натуре пацифист, человек мира и противник любой войны. В барабаны не бью и в фанфары не трублю…

Главное хобби — футбол.

Главное увлечение — книги.

Любимый город — Париж…

На этом придуманный кадровик заткнулся и стал чесать за ухом: что это за фрукт Ю.Б.?..

23 декабря 2018 г.

1932–1938 годы

Золотое и горькое детство

Я родился 2 марта 1932 года в 2 часа дня в Москве, на Старом Арбате, в образцовом родильном доме им. Грауэрмана. Переболел многими болезнями и даже полежал в Морозовской больнице. В итоге выжил и превратился в упитанного малыша, по крайней мере, так выглядел на детских фотографиях, на руках у няни и верхом на деревянной лошадке. Рос шустрым ребёнком, и за шустрость прозвали «юлою».

Из раннего детства ничего не помню, так, эпизоды и обрывки. И всегда удивляюсь, как некоторые вспоминатели уверенно рассказывают о своих детских годах.

Моё детство почти безоблачное. Я был единственным сыном. Отец до моего рождения послужил моряком на Балтфлоте (тельняшка, бескозырка), потом служба в органах: старший лейтенант госбезопасности. Получил в Москве квартиру в престижном доме на Мытной улице, в доме, где находился знаменитый магазин в округе «Три поросёнка» (кстати, одна из лю-

бимых книг детства). На служебной машине меня возили в детсад НКВД в Большом Комсомольском переулке, а когда забирали обратно, то неизменный заезд в Армянский переулок в кондитерский магазин за шоколадными бомбами, внутри которых находилась малюсенькая деревянная игрушка. Это помню точно. Летом семья выезжала в Крым. А потом вся эта благодать рухнула. И 8 лет были вычеркнуты из жизни отца, если не считать последующую ссылку в Сибирь. Итак, 8 лет безотцовщины — с 7 по 15 лет. И мама осталась без мужа, в дальнейшем семья уже не склеилась. Можно благодарить Бога, что обошлось без расстрела…

Клуб 1932

Вернёмся к 1932 году, о своих ровесниках с 32-го года я написал в 2000 году книгу «Клуб 1932», мне было интересно сопоставить свою судьбу с судьбою своих звёздных ровесников. И какие имена! Президент Франции Жак Ширак, звезда Голливуда Элизабет Тейлор, россыпь российских писателей и поэтов: Василий Аксёнов, Владимир Войнович, Василий Белов, Фридрих Горенштейн, Роберт Рождественский, Римма Казакова, драматург Михаил Шатров, кинорежиссёры Андрей

Тарковский, Милош Форман, Франсуа Трюффо, композиторы Франсис Лей, Мишель Легран, Родион Щедрин, артисты Евгений Урбанский, Омар Шариф, Энтони Перкинс (фильм «Психо»), Александр Белявский, Зиновий Высоковский (пан Зюзя), художник, мастер пышных женских форм Фернандо Ботеро, первые леди Раиса Горбачёва и Наина Ельцина и ещё несколько десятков известнейших персон…

1932 год — сколько важнейших событий и сенсационных фактов произошло! Бушевал мировой кризис. Русский эмигрант Павел Гор-гулов застрелил президента Франции Поля Думера. Лётчица Амелия Эрхарт, первая из женщин, пересекла на самолёте Атлантику. Весь мир ужаснулся злодеяниям «сладкой парочки» Бонни и Клайда, прославившейся убийствами и грабежами. Лучшим фильмом года стал «Вампир».

Ну, а в СССР был выдвинут лозунг ДиП — догнать и перегнать передовой Запад (с тех пор только и занимаемся этими догонялками и всё больше и больше отстаём). Страна гудела и звенела от индустриального размаха.

Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,

Страна встаёт со славою
Навстречу дня!..

Автора текста этой песни Шостаковича Бориса Корнилова вскоре расстреляли как «врага народа». ГУЛАГ набирал обороты. Руками заключённых строился Беломорканал. Господи, как много всего было!..

Не отставал и культурный фронт. В Художественном театре состоялась премьера «Мёртвых душ». Раскритикованный в пух и прах Михаил Булгаков вынужден был перелопачивать чужой текст. «Я смотрю на полки, — признавался писатель, — и ужасаюсь: кого мне ещё придётся инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Эфрона?..»

«Белая гвардия» Булгакова была встречена в штыки, а расписывать какую-то «Улицу радости» (она с успехом шла в Театре революции) Михаил Афанасьевич не хотел да и не смог бы…

15 мая 1932 года была объявлена «антирелигиозная пятилетка». Предполагалось к 1 мая 1932 года ликвидировать все церкви, все молитвенные дома и изгнать «само понятие Бога». Появилось движение «Юные безбожники».

Ретиво принялись исправлять мозги и писа-

телям с помощью выдуманного «социалистического реализма». Быстренько определили, кто правильный социалистический писатель, а кто «писатель буржуазного лагеря». Эмигрировавшие писатели Куприн, Осоргин, Набоков и другие создавали пронзительно ностальгические произведения об ушедшей старой России… Не вынесли жизни новой России Максимилиан Волошин и куртуазный поэт Николай Агнивцев: оба ушли в том же 1932 году.

Ах, Агнессочка, Агнессочка!

Опустилась занавесочка!..

Да, всё это было в 1932 году. А мы с вами, дорогой читатель, будем двигаться по хронике 30-х годов и далее, узнавая, что там происходило с данным товарищем (а ныне постаревшим господином Ю.Б.). Путь длинный, впереди более 80 лет.

6 января 2019 г., серое утро, белый снег

1939 год

Арест отца и пакт Молотова – Риббентропа

1939-й — это третий год Большого террора. По стране катится каток репрессий, попал под него и отец. Воображаемых врагов народа срезали слоями — интеллигенцию, крестьян, рабочих, служащих, военных, чекистов. 24 января пришли за отцом, мне было ещё 6 лет. Сначала следствие и тюрьма (Лубянка, Бутырка), следствие, и 29 ноября 1939 года вынесено решение Особого совещания при НКВД СССР. На основании статей 58-10 и 58-11 отец, как «враг народа», был приговорён к 8 годам лишения свободы. Отбывал в лагере где-то под Свердловском. Потом отца освободили, он вернулся в Москву, но мне, ещё маленькому, ничего не рассказывал. А потом вторая волна посадок, и его отправили в ссылку в Красноярский край. Через 15 лет постановлением Прокуратуры СССР, МВД СССР и КГБ при Совете Министров СССР от 7 июля 1954 года отец был полностью реабилитирован. Оказалось: не виновен! И таких невиновных насчитывалось несколько миллионов. До сегодняшнего дня цифры не уточнены и

оспариваются…

Вернусь к себе. Мне 7 лет. Отец в тюрьме, мать одна с сыном. Обычная судьба сталинского счастливого времени. Но вот парадокс: до 7 лет лично для меня время действительно было счастливое — рос в любви, в достатке. Но вот золотое детство померкло. Закатилось, как солнце. Пришли другие времена, а времена, как сказал поэт, не выбирают…

Отца взяли, и мы с мамой лишились многих удобств и привилегий, в частности престижной квартиры в доме на Мытной, и переехали (или нас переселили? — об этом я никогда не слышал от мамы) в коммунальную квартиру, в маленькую комнату на 1-м этаже в 1-м корпусе гостиничного типа в Арсентьевском переулке, рядом с Мытной. А потом переехали в отдельную однокомнатную квартиру — 14,7 кв. м с малюсенькой прихожей-кухней, газовая плита, раковина, туалет. Ванная комната одна на все 10 квартир в коридоре. В этой комнате и умерла мама 14 июня 1952 года. Дом № 28, квартира № 98.

1939 год помню смутно, а точнее, почти ничего не помню, кроме ребяческих забав. Резвился с соседскими мальчишками. Летом меня вывез в Анапу младший брат отца дядя Яша. Отец был

чекистом, а дядя Яша — парикмахером, совсем иная судьба, и каток проехал мимо него. Осталась от Анапы фотография: я на камне в море недалеко от берега. Несмышлёный мальчик среди морских волн с неизвестной собственной судьбой. Хотя тогда и для всех взрослых судьба была неизвестна: сегодня тебя ценят и уважают, а завтра арест, тюрьма, лагерная пыль.

В 1939 году арестовали великого режиссёра, реформатора театра Всеволода Мейерхольда, бросили в тюрьму Исаака Бабеля. О нём я написал в книге «Опасная профессия: писатель» (2013). Он предчувствовал свою судьбу. В одном из рассказов он написал пророческую фразу: «А тем временем несчастье шаталось под окнами, как нищий на заре». Только время суток не угадал: за Бабелем пришли на рассвете 16 мая 1939-го на дачу, где он отдыхал с семьёй. Исаака Эммануиловича ликвидировали в 1940 году, писателю было 46 лет.

Шли аресты, на экраны страны вышел фильм «Щорс» о Гражданской войне, где красные доблестно побеждали белых. Но Гражданская давно закончилась, а на горизонте вспыхивала Вторая мировая война. Два диктатора, Гитлер и Сталин, играли в геополитические игры, пытаясь обхит-

рить и обмануть друг друга.

23 августа в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении между СССР и Германией, пакт Молотова — Риббентропа. А ещё секретные протоколы о разделе сфер влияния в Восточной Европе: кому какие территории можно оттяпать. Народ недоумевал, какой пакт, какая дружба, и ходила шутка (опять-таки потихоньку), что фашистская Германия и Советский Союз — «заклятые друзья». И началась между друзьями делёжка: Красная армия оккупировала Западную Украину и Западную Белоруссию, заключили договоры с прибалтийскими странами, что потом дало возможность аннексировать и их. 30 ноября началась советско-финская война, которую историки назвали «неизвестной войной». Ну и другие исторические «художества», за которые 15 декабря последовало исключение СССР из Лиги Наций.

Подумаешь, исключили, разве это главное. Главное:

Спасибо Яше Риббентропу,
Что он открыл окно в Европу.

Эта шутка приведена в книге «Самиздат века» (1997). И ещё одна шуточка: о необходимости

переименовать Химки в Иоахимки в честь всё того же Иоахима Риббентропа.

Что было ещё в 1939-м? 1 августа открылась Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ). В Большом театре возобновили оперу «Жизнь за царя» под новым названием «Иван Сусанин». И Сусанин оказался нужным, и царь необходим.

В обстановке всеобщего ликования 21 декабря отмечался 60-летний юбилей Сталина.

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полёт!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт…

Текст песни Алексея Суркова. Не отстал и другой поэт, Михаил Исаковский:

О самом родном и любимом –
О Сталине песню споём!

И пели. И верили. Правда, не все. Кто-то всё-таки разбирался во всей этой Сталиниаде и потихоньку отводил душу, рассказывая анекдоты. Потихоньку, потому что боялись загреметь в лагерь, и отнюдь не пионерский. Всего лишь два анекдота из того прошлого.

1. — Вы не скажете, где здесь Госстрах?

— Госстрах не знаю, но Госужас рядом.

2. Два еврея проходят мимо Лубянки. Один тяжело вздыхает.

— Ха! — откликается второй. — Он мне будет рассказывать!..

Ностальгия по СССР

А автор книги воображает себя стоящим у кромки моря под названием Память, и тут набегает одна волна, за ней другая, третья. Короче, ностальгия, которая в народе приобрела причудливые очертания в виде шинели Дзержинского, усов Сталина, бровей Брежнева и т. д. Но ещё задолго до сегодняшних воспоминателей и вздыхателей о советском прошлом Осип Мандельштам написал злые строки об Иосифе Сталине:

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Живописный ряд прошлого можно продолжать бесконечно долго: тут и конница Будённого, и Чапаев с Анкой-пулемётчицей, и Алексей Стаханов с шахтёрскими рекордами, и отважный лётчик Валерий Чкалов, и раздавленный в тюремной камере учёный Николай Вавилов, ну и инду-

стриализация с коллективизацией, голодомор, ГУЛАГ, заводы и каналы, поблёскивающее пенсне Лаврентия Берии, и Большой театр, и Большой террор, и ещё много чего большого и грандиозного в СССР по популярной песне «Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек…».

Ностальгия вмещает всё, но очень избирательно: выталкивая позорное и плохое, выпячивая хорошее и энтузиазное. Гордость и эйфорию вместо слёз и страданий. Особенно тогда, когда будущее покрыто «непроницаемым туманом», как выразился историк Карамзин. А воспоминания словно сладкая карамель.

И кто выдумал эту ностальгию? Этот термин ввёл швейцарский медик Иоганн Хофер в XVII веке, и означал он болезненное состояние пациента. Вот и сегодня многие больны ностальгией: самоутешением и самооправданием, видя прошлое как исключительно успешное. Не надо было принимать мучительные решения о будущем, государство всё определяло, социально по минимуму защищало и вселяло уверенность в завтрашнем дне: и на пенсию проводят, и чайный сервиз подарят. Все проблемы и тревоги прошлого времени забыты, но зато высветлены отдельные островки страховки и заботы, чего

ныне нет и в помине: «Денег нет, а вы держитесь!»

Ах, ностальгия — сладкий сон. А теперь вернёмся к очередному году.

1940 год – Первый класс. Стихи для детей

В конце 30-х детей принимали в школу с 8 лет, поэтому в первый класс я пошёл 1 сентября 1940-го в 8 с половиной лет. Школа рядом с домом на Мытной. Учился с удовольствием, но никаких подробностей не помню, а какие сохранились, то стёрлись войной. Осталась одна фотография класса — полна коробочка — под 40 детей. Наверняка в школе учили и читали стихи, возможно, про Родину и Сталина, но я приведу другие, которые действительно нравились дошколятам и первоклашкам. Их писали Корней Чуковский, Вера Инбер, Агния Барто, Сергей Михалков и другие.

И герои стихов были удивительные: Мойдодыр, Крокодил, который «наше солнце проглотил», Человек Рассеянный с улицы Бассейной, и Бычок, который боится: «Ой, доска качается. Сейчас я упаду!..» И Мишка, у которого оторвали лапу, «но всё равно его не брошу, потому что он хороший». Ну и конечно,

Знают взрослые и дети,
Весь читающий народ…

И кого знали? Дядю Стёпу.

Он идёт из отделенья,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от удивленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»

А кругом дяди Стёпы шумящая детвора.

У Танюши дел немало,
У Танюши много дел:
Утром брату помогала,
Он с утра конфеты ел.

Ну а это? «Тра-та-та / Мы везём с собой кота…» Или –

Собачье сердце устроено так:
Полюбило – значит, навек.

Или опять про девочку Танюшу:

Перед сном сказала маме:
– Вы меня разденьте сами,
Я устала, не могу.
Я вам завтра помогу.

Классика!.. Я рос с этими стихами, детскими, которые сочиняли взрослые дяди и тёти. О них я

тогда ничего не знал. А когда сам стал взрослым, то узнал и о многих написал: о Корнее Чуковском в книге «99 имён Серебряного века», об Инбер и Барто — в «Золотых перьях». А когда я познакомился с дневником Корнея Ивановича, то он стал моим любимым писателем из-за своей трудной судьбы и неистощимого юмора.

Как травили Корнея Чуковского! Надежда Крупская писала в «Правде» (1 февраля 1928 г.): «Я думаю „Крокодила“ нашим ребятам давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть».

Многие упрекали Чуковского, что он не затронул «ни одной советской темы, ни одна его книга не будит в ребёнке социальных чувств, коллективных устремлений… а восхваляет мещанство и кулацкое накопление…». Это про то, как муха шла по полю, «и муха денежку нашла»? Не годится детям знать про деньги: пережиток капитализма! Ещё досталось Тараканищу, из него критика вырезала целые куски, к примеру, такой:

И сказал ягуар:
Я теперь комиссар,
Комиссар, комиссар, комиссарище.
И прошу подчиняться, товарищи.

Становитесь, товарищи, в очередь…

О комиссарах так непочтительно, так и до вождей доберутся, — нет, так дело не пойдёт, Корней Иванович, уберите, или мы, цензоры, сами вырубим текст!.. И под корень пошли ещё «кузнечики-газетчики», которые «что с утра и до утра / Голосят они „ура“».

Что сказать? Кретины! Власть всегда нагружала литературу идеологией и пропагандой и рассматривала ребёнка как будущий винтик в государственной машине.

По своему малолетству многого тогда я не знал. И что Агния Бар-то — это в книгах, а на самом деле она — Гетель Лейбовна Волова, и что у неё была непростая судьба, и что её сын, 18-летний Эдгар, был сбит машиной в Лаврушинском переулке, около писательского дома, в 45-м за несколько дней до окончания войны… А Вера Инбер — страшное дело! — была племянницей Льва Троцкого, и тоже много хлебнула эта «хрупкая попутчица социализма». Она пыталась идти в ногу с комсомольскими поэтами, но у неё это плохо получалось. А ещё антисемитизм… Обо всём этом я узнал уже взрослым дядей…

За детскими стихами в школе пришла русская классика: Пушкин, Лермонтов, Некрасов… А

потом мне подвернулся сборник «Чётки» Анны Ахматовой, и я целиком переключился на Серебряный век. Упивался строками с серебристым отливом тоски и печали: Блок, Бальмонт, Брюсов и т. д. (смотрите книгу «99 имён Серебряного века»). А в какой-то момент пришёл черёд обэриутам — Даниилу Хармсу и его компании. Один из этой компании — «Кондуктор чисел» Николай Олейников (1898–1942) погиб в 1937 году как «враг народа», а в документах указали: в 1942-м от тифа. Мало убили, так ещё и врали! И остались в живых только стихи:

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?..

На этом обрываю неполный рассказик о детской поэзии и перехожу к внешним делам, к международному положению, сложившемуся в 1940 году. (30 декабря 2018 г.)

Два диктатора, Гитлер и Сталин, кроили Европу на свой лад. 10 мая, узнав о нападении Гитлера на Голландию, Бельгию и Люксембург, Вячеслав Молотов выразил уверенность в успехе Германии. А в начале августа СССР аннексировал Литву,

Латвию и Эстонию, превратив их в советские социалистические республики. В ноябре Молотов ведёт переговоры в Берлине с Гитлером. С 1939-го по 1940-й общий объём советского экспорта в Германский рейх возрос с 61,6 до 738,5 млн рублей. Укрепляли мощь врага?.. А 18 декабря была принята директива № 216 об операции «Барбаросса» (о внезапном нападении на СССР). А если верить книге Суворова, то Сталин активно готовился к нападению на фашистскую Германию, только степень готовности оказалась разной…

Удалось Сталину наконец-то ликвидировать давнего главного соперника за ленинское наследие Льва Троцкого. Его убил наймит Меркадер ударом ледоруба по голове. 21 августа Льва Давидовича не стало. Следует вспомнить и расправу в июле 1937 года с верхушкой Красной армии, обвинённой якобы в заговоре против Сталина. Были расстреляны 3 маршала, 8 адмиралов, 14 командармов и тысячи офицеров. Я помню учебник истории с портретами Тухачевского, Якира, Уборевича и других высших чинов с выколотыми глазами (выкалывали глаза учителя или кто?..). Но это уже совсем иная тема.

Лично для меня 1940 год ещё знаковый из-за рождения двух близких мне людей.

24 мая родился Иосиф Бродский в Ленинграде. 1 августа в Москве — Анна Харашвили. Щекастик, команданте Ще. Закончила филологический факультет МГУ. 3 ноября 1967 года вступила в брак с Юрием Безелянским. Жена, хозяйка, помощница, муза, журналистка, соавтор и автор своих нескольких книг. Все остальные подробности — по дневникам Ю.Б.

Ну а Бродский! Первый купленный сборничек в мягкой обложке «Назидание» (1990) сразу очаровал и сделал меня поклонником этого поэта.

Равенство, брат, исключает братство.
В этом следует разобраться…

Из «Письма римскому другу»:

Посылаю тебе, Постус, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?
Всё интриги, вероятно, да обжорство…

Очень трудно ограничиться одной цитатой из Бродского, хочется ещё и ещё. Вот поздний сборник прекрасного Иосифа «Пейзаж с наводнением» (изд. «Ардис»). Начало «Ответа на анкету»:

По возрасту я мог бы быть уже
в правительстве. Но мне не по душе
а) столбики их цифр, б) их интриги,
в) габардиновые их вериги…

И раннее стихотворение: «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку… / Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса».

Запрись. Сочиняй или читай Хронику жизни.

1941 год – Война, эвакуация

В сентябре я должен был пойти во 2-й класс, но война нарушила естественный ход событий. 22 июня 1941 года грянула, вспыхнула, развернулась, ошеломила война: гитлеровские полчища напали на Советский Союз.

Войну я встретил в 9 лет в подмосковной Фирсановке на даче у маминых знакомых. Меня срочно привезли домой, и первое впечатление от военной Москвы: ночное небо во время налётов вражеской авиации. Мятущиеся прожектора, гул самолётов, свист бомб, грохот разрывов. Было захватывающе интересно наблюдать за воздушными боями. Я залезал на крышу дома и наблюдал, но, правда, до тушения зажигалок дело не доходило.

Первое время мы с мамой провели в Арсентьевском переулке, в Замоскворечье, а потом перебрались на Волхонку, к родственникам — к Кузнецовым, и все вместе, как только объявляли воздушную тревогу, устремлялись в метро на станцию «Библиотека им. Ленина», в туннель и располагались на рельсах в ожидании окончания

налёта. Сотни людей лежали, сидели и вздрагивали от страха. Кто-то пытался задремать, кто-то вёл тревожный разговор о том, что будет дальше. Многие верили в пропаганду о том, что «любимый город может спать спокойно, / И видеть сны, и зеленеть среди весны…».

Однако довоенная удаль и защищённость быстро испарились, и никто уже не распевал предвоенные звенящие песни:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, –
Будь сегодня к походу готов!..

Оказалось, что не готовы к походу на врага, и под напором фашистских армий сдавали город за городом. И вот уже враг у ворот Москвы…

А кто писал эти фальшивые бодряческие песни и марши с игрою мускулов и выпячиванием груди? О том, что «С нами Сталин родной, и железной рукой / Нас к победе ведёт Ворошилов!..»

Ни Ворошилов, ни прославленная конница Будённого не привели нас к победе. Победу ковал народ и совсем другие полководцы. Победа пришла через 4 года через тяжёлые поражения и

миллионные потери людей.

Для меня, мальчишки, будущее скрывалось в сплошном тумане, и я в силу малого возраста не мог разобраться во всех причинах и следствиях разыгравшейся трагедии. И только потом, будучи взрослым и прочитав многие военные книги, я уяснил эти ужасные вопросы — что, как и почему?.. Но при этом меня особенно интересовали поэты и писатели, фанфаристы и барабанщики, трубадуры победоносной войны. Об одном таком мажоре, Василии Лебедеве-Кумаче, я написал в книге «Опасная профессия: писатель» (2013). Вот отрывок из книги:

В середине октября 1941 года Лебедеву-Кумачу позвонил Александр Фадеев и сказал: «Вы назначены начальником последнего эвакуационного эшелона писателей в Казань». По свидетельству родных, Василий Иванович закричал: «Я никуда из Москвы не поеду! Я мужчина, я могут держать в руках оружие!» Ещё один звонок из ЦК: объявлена всеобщая эвакуация. Значит, Москву сдают?! Лебедев-Кумач метался по квартире и говорил жене, не говорил, а почти кричал: «Как же так? Я же писал: „Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим“… Значит, я всё врал?! Ну как же я мог так врать? Как же?..»

Лебедев-Кумач был буквально ошеломлён.

В воспоминаниях Юрия Нагибина написано, что на перроне Киевского вокзала он услышал, что Лебедев-Кумач сошёл с ума, срывал с груди ордена и клеймил позором вождей как предателей…

Жена поэта-песенника вспоминала, как он при отъезде увидел в газетном киоске портрет Сталина, глаза у него сделались белыми, и он заорал каким-то диким голосом: «Что же ты, сволочь усатая, Москву сдаёшь?!» К счастью, Лебедева-Кумача не арестовали, а направили на лечение в психиатрическую больницу. Там Лебедев-Кумач оклемался и вновь запел свои привычные патриотические песни:

Мы – храбрые люди,
Мы родину любим.
И жизнь мы готовы отдать за неё…

Вот такая была история с мажорным Кумачом… Ну, а возвращаясь к нашей семье: мама решила не эвакуироваться, а остаться в Москве, а меня отправить с дядей Шурой, который вместе со своим радиозаводом отправлялся на восток. С собою он взял младшую сестру Машу, двоих её маленьких детей и в придачу ещё одного племян-

ника — меня. В таком составе мы отправились в эвакуацию.

Нас приютили где-то за Чистополем, рядом с Елабугой, где трагически рассчиталась с жизнью Марина Цветаева. Жили мы в каком-то небольшом поселении. Жили тяжело. Голод не голод, а было трудно. Пришлось мне коллекцию марок, которые я собирал перед войной, а там были редкие экземпляры Тасмании и Мадагаскара, обменять на картошку. Пришлось и поработать в колхозе за какие-то трудодни. А ещё выучился ездить на лошади и ругаться по-татарски. Ну и что-то ещё.

Главное, что запомнилось длинными и тёмными вечерами, как Маша развлекала свой детский сад. Пела она не народные русские песни, типа «Во поле берёзонька стояла…», а песни с лагерно-тюремным уклоном: «Таганка, все ночи, полные огня, / Таганка, зачем сгубила ты меня…»

Или вот такое душераздирающее:

По тундре, по железной дороге,
Где мчится курьерский
«Воркута – Ленинград»…

Ну и конечно, про неведомую Мурку: «Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая. / Здравствуй,

моя Мурка, и прощай!..»

И я с жгучим интересом узнавал, что же такое натворила эта неведомая Мурка? Она «зашухарила всю нашу малину». Мне было жалко эту убитую Мурку, и даже больше, чем маршала Клима Ворошилова, который как-то бездарно сник в годы войны.

Когда я вернулся в Москву (отдельная песня), то во дворах звучали не военные песни, а все те же уголовные и блатные, а ещё разухабистые одесские, они всех тонизировали и бодрили: «На Дерибасовской открылася пивная, / Там собиралася компания блатная…»

Нет, снова гоп-стоп! Оставим в покое Васюшмаровоза, маркера Моню и прочих колоритных персонажей. Я не виноват, это лукавое перо само увело меня в сторону от тяжёлого военного бытия. В Москве меня ждал новый песенный кумир — Александр Вертинский, с иным репертуаром: изысканными богемными ариетками. (2 января 2019 г.)

1942–1944-е. Военные годы

Осенью 1942 года мама вызволила меня из эвакуации. В Москву просто так возвратиться было нельзя, поэтому меня привезли нелегально, в поезде зайцем. Вдвоём с мамой мне было хорошо. Мама любила меня и заботилась обо мне, но при этом совершенно не стесняла моей свободы. Она выполняла какие-то заказы для фронта, что-то шила, строчила на машинке, а потом я помогал ей отвозить выполненные заказы на какой-то пункт на улице Кирова (ныне Мясницкая). В целом было нелегко, но вполне терпимо. А потом появились американские поставки по ленд-лизу: какие-то консервы, шоколад и прочие вкусности.

Осенью 1942 года пошёл во 2-й класс, это был последний год совместного обучения с девочками. Первые коллизии: я симпатизировал некой Аде, «цыпочке», а она на меня не обращала внимания, зато другая девочка, Роза, ко мне питала симпатию (сегодня сказали бы: клеилась) и норовила всё время читать неприличные стишки. Но мне была ближе мальчишеская компания: Гера Левитас и Юрка Фураев (как сложились их

судьбы, не знаю).

В третий класс уже перешёл в другую мужскую школу № 554 в Стремянном переулке, наискосок на другой стороне расположился Институт им. Плеханова, и я, конечно, не знал, что в дальнейшем мне придётся стать плехановцем.

3-й и 4-й классы закончил с похвальной грамотой, ну, а с 5-го класса (1945–1946) начался шалтай-болтай. И в табеле появилось определение «ленивый мальчик».

А война тем временем шла и полыхала. Советская армия перешла в контрнаступление и стала освобождать город за городом, и после освобождения каждого производился салют, что приводило всех мальчишек в экстаз. По радио ликовал Леонид Утёсов: «С боем взяли город Брянск…» А дальше перечисление городов и улиц: «…Значит, нам туда дорога, / Киевская улица на запад нас ведёт…» Позднее в учебниках по истории с восхищением напишут о «Десяти сталинских ударах».

1945 год. Победа

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в возрасте 13 лет и отправился на Манежную площадь участвовать в народном ликовании. Ура! Мы победили! Были забыты отступления и поражения, громадные людские потери и разрушения. На первом плане красовались подвиги и геройство. Слагались мифы и легенды. Конечно, главным героем войны был генералиссимус Сталин, ну и исполнители его воли — маршалы. Я помню одну растиражированную фотографию: сидят маршалы Мерецков, Конев, Василевский, Жуков, Рокоссовский. А за ними стоят Толбухин, Малиновский, Говоров, Ерёменко, Баграмян. Интересно, знают ли эти имена современные мальчишки?..

Сияние Победы. Фанфары и литавры. А какова была цена Победы? Подлинные цифры погибших и раненых долго скрывались, да и сегодня цифра в 28 миллионов наверняка не окончательная. Да и не все погибшие бойцы похоронены. Поиск жертв Отечественной войны продолжается по сей день. Поэты и писатели долгие годы обходили

жестокую правду о войне стороной. Одним из первых был Иосиф Бродский, написавший стихотворение «На смерть Жукова»:

Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?..

Гибель людей, ошибки командования, просчёты Верховного — всё было табуировано. Правдивых свидетельств и воспоминаний было мало. Лишь отдельные строки, к примеру, Александра Твардовского отражали реальные события:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый!
Снег шершавый, кромка льда…
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода –
Ни приметы, ни следа…

Несколько слов о личном военном счёте. Отец из лагеря рвался на фронт, но получил отказ: политических на войну не посылали… Мама во время бомбёжки получила травму головы (ударная волна разбила оконную раму), что в дальнейшем привело к ранней смерти. Дядя Вася (Василий Кузнецов), любимый брат мамы, погиб

в котле под Смоленском. Дядя Лёша (Алексей Кузнецов) и двоюродный брат отца Алексей (Элий Безелянский) вернулись в войны ранеными, но живыми.

Ну, а я, мальчишка, без вклада в Победу. Вот только выступал однажды перед ранеными бойцами в Институте Вишневского (рядом со школой) в постановке Гайдара «Тимур и его команда». Исполнял роль не положительного Тимура и не хулигана Квакина, а какого-то Коли Колокольчикова. Выздоравливающие солдаты и офицеры дружно хлопали. Вот и весь вклад… Короче, в танке не горел, в плену не был, под бомбы не попадал. А попал в книгу «Мое опалённое войною детство» (фонд Ельцина, 2015). Там на страничке коротко рассказал о себе и привёл свои единственные строки о войне:

Шли поезда на восток.
Где-то там, под Казанью,
Жизнь давала урок
Трудностей в назиданье.
Ел из мякины хлеб,
Собирал на растопку щепки
И впервые понял, что человек

Сработан довольно крепко…

Это, пожалуй, всё, что я писал о войне (не моя это тема), лишь однажды прикоснулся к мифологии, когда работал в журнале «СПК» и Георгий Фролов (знакомый по многотиражке «Советский студент») принёс свою статью о Вере Волошиной ко Дню Победы. Статью бездарную и плохо написанную, пришлось её исправлять и дописывать (вот так создаются мифы!). Потом мой исправленный вариант Фролов вставил в свою патриотическую книжку. В дальнейшем Фролов сделал на Вере Волошиной свою карьеру, и, как говорится, Бог ему судья…

Ну, а я к 70-летию Победы, в 2015 году, опубликовал в «Московской правде» большую публикацию «Поэты и писатели на войне и о войне». И повторил её в журнале «Наука и религия». В моём тексте всё серьёзно, драматично и искренне.

Ну, а в народной памяти прошедшая ужасная война с каждым годом предстаёт всё более лучистой и сиятельной. И враг был какой-то игрушечный и нестрашный, и как говорил актёр Кадочников в «Подвиге разведчика», обращаясь к фашистскому генералу: «Вы болван, Штюбинг!» И до сих пор звучит утёсовская уничижительная песенка о том, что

Барон фон дер Пшик
Покушать русский шпиг
Давно собирался и мечтал.
Любил он очень шик,
Стесняться не привык,
Заранее о подвигах кричал…
…Мундир без хлястика,
Разбита свастика.
А ну-ка, влазьте-ка
На русский штык!
Барон фон дер Пшик,
Ну где твой прежний шик?
Остался от барона только пшик!
Капут!

Над немецким бароном издеваются до сих пор. И современные русские патриоты, не знающие, что такое война, про кровь и страдания, пишут на стекле своих автомобилей: «Мы можем повторить!» Подразумевая дорогу на Берлин. Милитаристский угар. Откуда это взялось? После войны, в 50–60-е, люди пели иное: «Хотят ли русские войны?..» Что-то изменилось в обществе, в стране. Поменялись вектор и тренд. Россия как

осаждённый лагерь. Кругом одни враги… Нет, я не политолог и не буду комментировать сегодняшнюю ситуацию (тем более что она может качнуться в любой момент). А приведу несколько трезвых и мудрых высказываний:

«Война — это всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени» (Томас Манн).

«Война — это по большей части каталог грубых ошибок» (Уинстон Черчилль).

«По-настоящему война никому не нужна, но многим нужна ненависть» (Макс Фриш).

На этом и поставим точку.

Футбол в моей жизни

Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело…

Николай Заболоцкий. «Футбол». 1926 г.

А ударчик – самый сок,
Прямо в верхний уголок!

Андрей Вознесенский. Из сборника «Треугольная груша». 1962 г.

Футбол — не проходящее увлечение, даже не увлечение, а какая-то особая болезнь — боление за выбранный футбольный клуб. И поменять его нельзя, он один на всю жизнь. Любимую женщину можно поменять, а клуб-команду нельзя, это на всю жизнь. Будь то «Динамо», «Спартак», «Барселона» или «Бавария» (далее по числу команд в мире).

После турне московского «Динамо» осенью 1945 года в Англию и страстных репортажей Вадима Синявского из Туманного Альбиона я стал профессиональным поклонником (слово «фанат» мне не нравится) динамовцев и вот уже более 70 лет неизменно болею за бело-голубых. Вместе с ними и в радости, и в печали…

А в футбол играл мальчишкой даже до 1945 года. Учился во вторую смену, и после школы при фонарях гоняли тряпичный мяч (о кожаном даже и не мечталось). Тряпичный мяч мастерил Сергей Голубничий, будущий секретарь советского посольства в Вашингтоне. И в этот тряпичный мяч мы самозабвенно играли, моими партнёрами и соперниками были Саша Большаков по

кличке Конь, Толя Фомичёв, Борис Ширяев, Коля Алексеев и другие одноклассники (позднее подключился Боря Давидовский, переехавший из Киева в Москву). Играли по схеме, кто пришёл: 2 на 2, 3 на 3, 4 на 4 и т. д. Число не имело значения. Не было и ворот. Брошенные портфели означали штанги ворот. А какой был азарт! Какая бушевала страсть обязательно победить.

Сегодня я смотрю на спортивную площадку во дворе нашего дома с настоящими маленькими воротами, сеткой и… никого нет, никто не играет. У нынешних ребят другие интересы. А я печалюсь: нам бы такую площадку да ещё с кожаным мячом! Нашему военному поколению не повезло…

Я играл в футбол с 11–12 лет и до ветеранских 40 и более лет, потеряв совсем скорость и так и не научившись ловко владеть мячом, «С ног срезаются мячи» (Вознесенский).

Ветераном играл на разных стадионах, где было свободное поле, и на лесных полянах. «Юрок, что ты делаешь?!» — только удивлялся Давидовский. А я если не успевал, то сразу «косил» соперника. «Да, были схватки боевые!..»

Это всё любительский футбол, а на официальном уровне выступил всего лишь один раз

на первенстве Москвы среди вузов. Без всякой тренировки вышел играть за сборную Плехановского института и против кого? Против крепких ребят из Института физкультуры. И… А что «и»? И провалился. И пасовал плохо, и мяч не мог отнять. Полное фиаско. Получил вдобавок травму и позорно покинул поле. Стыдно вспоминать…

Итак, никчёмный практик, но отличный теоретик. Изучал книги по технике и тактике футбола. Вёл футбольную статистику: кто сколько сыграл матчей и сколько забил мячей. По двум командам: по «Динамо» (Москва) и сборной команде СССР. Приятельствовал с лучшим статистиком страны Константином Есениным (в нём больше от матери Зинаиды Райх, чем от отца, поэта Есенина).

В 1946 году несколько раз выполнял роль мальчика, подающего мячи на стадионе «Динамо». И подавал мячи в руки прославленных корифеев футбола: Бориса Пайчадзе, Григория Федотова, неповторимого «циркача» Пеки (Петра Дементьева). Ну и всех любимых динамовцев, включая Чепчика (Василия Трофимова) с его молниеносными рывками по краю поля…

В период 1948–1951 годов ходил почти на все московские матчи «Динамо» да ещё и на некото-

рые игры дублёров. И именно в дубле впервые увидел долговязого Льва Яшина. Болельщиком начинал с безбилетника, с толпою бросавшегося на прорыв мимо контролёров, потом солидно покупал билет на Восточную трибуну. Был период знакомства с динамовским полузащитником Александром Малявкиным, который снабжал меня билетами на престижную Северную трибуну. Ну, а когда я вошёл в состав пресс-центра «Динамо», то получил пропуск и с гордым видом проходил на трибуну мимо толпы фанатов, не сумевших купить билет. А ещё писал программы футбольных матчей на «Динамо» и для Лужников. Чуть было не стал спортивным журналистом и ходил устраиваться на работу в еженедельник «Футбол» к главному редактору Льву Филатову.

Господи, чего только не было: и интервью с игроками «Динамо» и сборной СССР, и футбольные репортажи вёл на радио на Бразилию, и газетные заметки, кажется, последняя в «Вечерней Москве» называлась так: «Конец эры Романцева».

В 90-е годы перестал ходить на стадион и переключился на боление по телевизору по двум причинам: журналистика и писательство съедали всё время, и тратить на футбол с дорогой 3–4 часа было излишней роскошью. А второе:

глаза. Плохо стал видеть да ещё свой театральный бинокль обменял на лиры в Италии. Так что исключительно диванный болельщик…

Увы, некогда великий футбольный клуб «Динамо» ныне среди средненьких команд и борется за выживание. Увы и ах. А в 1945 году советские футболисты с литерой «Д» на груди заставили ахнуть весь футбольный мир: 19:9, две победы, две ничьих в Великобритании. Первая игра в Лондоне с «Челси» (Абрамович ещё не родился, нынешний владелец «Челси»). 13 ноября, стадион «Стэмфорд Бридж», 70 тыс. зрителей. Состав динамовцев: Хомич, Радикорский, Семичастный (капитан), Станкевич, Блинков, Леонид Соловьёв, Архангельский («Динамо», Ленинград), Карцев, Бесков, Бобров (ЦДКА), Сергей Соловьёв. Англичане повели 2:0. На 65-й минуте Василий Карцев забил первый ответный гол. Итог: 3:3.

И в честь триумфального турне в Московском театре оперетты был показан спектакль «Одиннадцать неизвестных», где высмеяли звезду английского футбола с условным именем Стенли Мак-Плют! Грубо говоря, побили, как барона фон дер Пшика. Наши — это о-го-го! Все гиганты, как один. Каждый Илья Муромец. Знай наших! Гипертрофированная гордость и зазнайство — это

тоже русский менталитет.

Эх, поскромнее надо, товарищи. Поскромнее…

Шахматы

Футбол и шахматы — прекрасное сочетание. Ноги и голова…

В шахматы научился играть, кажется, с 12 лет, с 1944 года, а подогрел интерес к ним широко разрекламированный шахматный радиоматч СССР — США, состоявшийся 1–4 сентября 1945 года. Стране, уставшей от войны, хотелось чего-то мирного и спокойного, а тут ещё дружба с великим союзником — с американцами. Встреча на Эльбе породила столько радужных надежд! И вот заочная встреча шахматистов: ходы в партии передавались по радио (телевизионные мосты пришли значительно позднее).

Наши шахматисты сидели за столиками с часами в ЦДРИ, американские коллеги — в отеле «Генри Хадсон» в Нью-Йорке. По десять игроков с обеих сторон, по две партии: белыми и чёрными. И советские шахматисты сокрушили американцев со счётом 15,5:4,5. На первой доске Михаил Ботвинник обыграл дважды американского чемпиона Арнольда Денкера. За наших выступали Смыслов, Болеславский, Флор, Котов, Лилиенталь

и др. На последней доске — Давид Бронштейн.

Америку защищали два сильных гроссмейстера: поляк Самюэль Решевский и Роберт Файн.

Выиграли! Ура! А в ноябре шахматистов поддержали футболисты: триумфальная поездка «Динамо» в Англию, 19:9. Кругом победы!..

Увлечён шахматами был и я. Даже несколько раз ходил в Центральный клуб железнодорожников и смотрел игры на первенство Москвы. Почему-то из всех шахматистов меня привлекал Соло (Соломон) Флор, родившийся в Западной Украине, а потом выступавший за Чехословакию.

Чудом сохранилась таблица на первенство 6-го класса «Б» (1946– 1947). Первое место занял Володя Половнев, второе — Ю.Б. при 12 участниках. Потом записался в шахматную секцию общества «Трудовые резервы» и играл там в турнирах (руководитель Леонид Щербаков). Получил 3-ю шахматную категорию, не набрал нужных баллов для получения 2-й категории и как-то остыл к шахматам, опять же было некогда и не с кем играть. Но время от времени изучал шахматную литературу и особенно дебюты партий: испанская партия, сицилианская защита, королевский гамбит… Лёгкое знание дебютов впоследствии

помогло в игре блиц по 10 и 5 минут на партию. Этой быстрой игрой я увлекался в редакции «СПК» и в Радиокомитете. «Интересно девки пляшут», — приговаривал Лёва Левченко, двигая ту или иную пешку в схватках на радио. Давно это было, и вторя Ноздрёву: «Давненько я не брал в руки шашек…»

В дальнейшем шахматы оставались редким занятием, только тогда, когда появлялся партнёр. Но тем не менее я следил за шахматными событиями и переживал, когда страну покидали выдающиеся шахматисты: Виктор Корчной, 10-й чемпион мира Борис Спасский, 13-й — Гарри Каспаров. Весь был захвачен сражением за шахматную корону между нашим Спасским и американцем Робертом Фишером. Надрывался в песне и Владимир Высоцкий с наигранным возмущением по поводу «этого Шифера»:

Вижу, он нацеливает вилку –
Хочет есть, – и я бы съел ферзя…
Под такой бы закусь да бутылку!
Но во время матча пить нельзя…

Но моё главное достижение — сеанс одновременной игры на 10 досках в пионерском лагере. И если уж не Бобби Фишер, то Остап Бендер точ-

но!..

Ныне шахматы в далёком прошлом, но до сих пор помню имена великих шахматистов прошлого: Цукерторта, Морфи, Стейница, Ласкера, Капабланку, Чигорина, Алёхина… И часто вспоминаю афоризм Савелия Тартаковера: «Самая опасная позиция — выигрышная».

Кино моей юности

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной,

Ах, механик, ради Бога, что ты делаешь со мной.

Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса

Заставляет меня плакать и смеяться два часа.

Быть участником событий, пить, любить, идти на дно…

Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!..

Юрий Левитанский. «Кинематограф»

Сегодня кино не играет такой роли, какую

играло в судьбе людей в первые десятилетия изобретения братьев Люмьер. Кино тогда не только развлекало, оно учило, воспитывало, формировало вкусы и характеры. Открывало горизонты и давало ориентиры. Кино было мощным «агитатором и пропагандистом». Но в то же время кино утешало, вселяло надежду на то, что всё образуется: трудности будут преодолены, проблемы решены и всё кончится хеппи-эндом — счастливым голливудским концом. Бедные разбогатеют, влюблённые обретут счастье. А порок и зло будут непременно наказаны. Наивное, чистое время! Время великих иллюзий!..

И меня в 40–50-е годы кино учило, воспитывало, развлекало и утешало. Многие картины я смотрел по многу раз: «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Сердца четырёх», «Небесный тихоход», «Мечта» с неподражаемой Фаиной Раневской: «Так не говорят, но так думают...» Картины можно долго перечислять. И многие актёры были в те годы моими кумирами: Любовь Орлова, Людмила Целиковская, Фаина Раневская, Лидия Смирнова, Михаил Жаров, Пётр Алейников, Астангов и т. д. Много было прекрасных комических артистов: Игорь Ильинский, Эраст Гарин, Плятт, Мартинсон, Сорокин. Пере-

числяй — не перечислишь. Не любил фильмы про Гражданскую войну, исторические картины, «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна даже пугал. Игнорировал сказочные сюжеты, типа «Садко». То есть не был всеядным, а почти привередливым потребителем кинопродуктов.

Основными кинотеатрами моей юности были «Авангард» (в бывшей церкви) на Калужской (ныне Октябрьской) площади и «Ударник». Это — базовые кинотеатры, а потом уже «Центральный» на Арбате, «Форум», «Уран», «Повторный» и т. д.

Но кроме советских фильмов в послевоенные годы показывали и трофейное кино, ленты, привезённые из Германии, и это было настоящей экзотикой, мало похожей на отечественные поделки. Захватывающая «Индийская гробница», «Багдадский вор» с магическим Конрадом Фейдтом, ленты с Франческой Гааль — «Петер» и «Маленькая мама». Блистательные «Три мушкетёра», полные комического блеска, и многие другие. И, конечно, Дина Дурбин с картиной «Сестра его дворецкого» (и как она очаровательно пела «Очи чёрные»!). Но всё же выделю другой фильм — «Девушка моей мечты» в советском прокате, а на Западе — «Женщина моих грёз». Это

Марика Рокк (или другая транскрипция — Рёкк). Она начинала свою карьеру в различных шоу и варьете Франции, Англии, Германии и США. По национальности — венгерка. Любимая актриса Гитлера и Геббельса. По сравнению с Марикой Рокк наша Любовь Орлова сразу побледнела. Второй сорт. Увы… Если говорить об этом, то надо признать второсортность и всего советского кино, за малым исключением. И все наши популярные актрисы-звёзды на фоне Мэрилин Монро, Софи Лорен, Катрин Денёв и далее по списку всего лишь маленькие звёздочки (играть по большому счёту было нечего, да и операторское искусство хромало).

В 60-е годы распевали частушки Юрия Ханютина:

Ах вы кины, мои кины,
Кины новые, хреновые,
Нерентабельные…

С каждым днём работать хуже,
Плана нет – душа горит.
Нет, не нужен «Голый остров» –
Дайте голую Брижит.

То есть голую Брижит Бардо. Но не скоро появи-

лась на экране «Маленькая Вера». А потом наше кино отбросило запреты и приличия и ударилось во все тяжкие. Правда, отдавая предпочтение не сексу (стоп: духовные скрепы!), а мордобою, тут душа гуляет!..

Конечно, были отдельные прорывы в настоящее мировое кино (Андрей Тарковский, «Комиссар» Аскольдова, Сокуров и т. д.), но в целом всё тонет в серятине, в сериальщине, так что в кинотеатры я ходить перестал давно, но и ТВ смотрю редко. И извините меня, «Улицы разбитых фонарей» — мне некомфортно. Кому интересно, можно почитать мою книгу «Кинозвёзды. Плата за успех» (2009). А я тем временем обрываю разговор о кино и перехожу к дальнейшей хронике по годам.

13 января 2019 г.

1946 год – Дети двора

После скудного существования в эвакуации московская жизнь была в сладость, с её масштабом и возможностями. Ещё шла война, окна были заклеены бумажными полосками, чтобы стекло не трескалось от взрывной волны. Питались по продовольственным карточкам. И однажды — о ужас! — я их потерял или их украли. Я был в отчаянии, но мама утешила: «Ничего, как-нибудь обойдёмся!» Но ужас потери продкарточек остался в моей памяти…

Итак, мальчишество, 10–14 лет. Учёба и школьная буза. Сначала отличник, потом позиции сдал. Как-то неинтересно было готовить уроки, тем более мама никогда меня не контролировала. Затягивал двор. Хотелось играть, соревноваться. Вот уж точно: тихоней не был. Напротив, сгусток энергии. Целый набор каких-то дворовых игр: прыжки в «козла» и «отмерялы», втыкание ножичков в землю и что-то ещё, что уже совсем не помню. И ещё одно увлечение по весне, когда около тротуаров неслись потоки воды, — пускать кораблики. Кораблики выдалбливал из коры, со-

оружал на них подобие мачты с парусом. И было жгуче интересно, как несло кораблик по мутному потоку воды. И ещё, начитавшись Жюля Верна, дома любил рисовать свой «Наутилус» с внешней стороны и в разрезе и насыщать его корабельное пространство различными предметами.

Ба! А коллекционирование марок, особенно из экзотических стран. Мама выдавала деньги, и я ездил в магазин филателии на Кузнецкий мост и покупал кусочек чего-то, что никогда не мог бы увидеть воочию…

В те годы я как-то совмещал двор и домашние увлечения. Дома рисование и чтение, во дворе физическое раздолье. Постоянный крик, шум, ор, ссоры, лёгкие тычки в грудь. Весело и привольно. И никакого надзора родителей. Как правило, семьи были неполные: отцы воевали на фронте или сидели по лагерям и тюрьмам. А матери вкалывали, чтобы заработать на хлеб, и им было некогда заниматься и воспитывать своих чад. А чада резвились. Почти махновское гуляйполе.

Сегодня всё иное, по крайней мере в Москве. Вот передо мной номер газеты «МК» от 8 декабря 2018 года, публикация «Боевые мамаши против чайлд-фри», и диву даюсь. Новое явление: гиперопека так называемых «интернет-мам». Для

этих новых мам забота о детях — нечто вроде соревнований в соцсетях. Как выглядит ребёнок, как одет-подстрижен, во скольких кружках занимается. Эти мамы выкладывают в соцсетях по 20 фоток в день: вот мы поели, вот мы гуляем, вот наши обновы и т. д. Ребёнок для них вроде куклы или любимой собачки.

Ну, а мы в те 40–50-е годы были другими под прессом социальной уравниловки. В основном неблагополучные, бедненькие. Дети неухоженные, вольно играющие во дворах. И только крики вечером: «Петя, хватит играть! Иди домой!.. Маша, сколько тебя можно звать? Мигом домой! Хватит!..»

И никаких оплаченных секций: по танцам, балету, хоккею, фигурному катанию, биатлону, хорошим манерам и этикету и т. д. Были, конечно, кружки в Домах пионеров, но это было сплошное любительство. Это сегодня родители вкладывают деньги в детей, в надежде, что вложенное окупится и «дитя» засветится высокооплаченной звездой…

В моих сверстников Андреев — Тарковского и Вознесенского — никто не вкладывал, они сами ставили себе цель и добивались её и карабкались наверх. Я тоже карабкался, но явно запоздал. Моя

дорога была извилистой и с явными отклонениями в сторону. В итоге известность получил, но ни Нобеля, ни Шнобеля. Но это я забежал вперёд…

Возвращаясь к теме двора… Вначале он был основной территорией обитания, и всё же я часто выбирался в центр Москвы. Из Арсентьевского переулка на Большую Серпуховскую, к скверу завода Ильича, а там на трамвай и в центр. Или в отчий дом на Волхонке, в гости к дяде Шуре, Александру Алексеевичу Кузнецову, умельцу с радиозавода, смастерившему самолично телевизор с малюсеньким экраном и очень неохотно демонстрирующему телекадры своим племянникам и племянницам. В основном наслаждался экраном сам со своей тётей Симой.

А мой удел — радиопередачи дома, и одна из любимых «Театр у микрофона» и разные литературные композиции: «Тартарен из Тараскона», «Звёздный мальчик» и др. И завораживающий голос актёра Николая Литвинова: «Слушай, дружок!» И дружок слушал. Потрясал монолог Нехлюдова в исполнении Василия Ивановича Качалова про соблазнённую Катюшу Маслову: «Все так… Всегда так…»

В театр ходил, но мало. Но «Синюю птицу» в Художественном видел. Ещё — «Пиквикский

клуб», «Мёртвые души», в Театре революции — «Таню» с бесподобной Марией Бабановой… Я регулярно ездил к Большому театру и в киоске покупал репертуарный театральный сборник. Изучал его и знал наперечёт все спектакли и всех исполнителей различных театров.

Мама дала деньги, и я купил в букинистическом магазине два больших альбома, один про Художественный театр, а другой — про театр «Летучая мышь» Балиева. Внимательно читал, имена Москвина, Книппер-Чеховой, Андровской, Ершова, Яншина и других корифеев МХАТа мне были близки. Знал и тех, кто эмигрировал в первые годы после революции во время зарубежных гастролей, — Михаил Чехов, любимец Станиславского Ричард Болеславский, который в январе 1920 года перебрался в Польшу, там играл и ставил спектакли.

О театре можно написать много, но в специальной главе. А пока заглянем в «ТАБЕЛЬ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ, ПОВЕДЕНИЯ И ПРИЛЕЖАНИЯ УЧЕНИКА». 6-й класс «Б», 1946–1947 годы.

Забавная маленькая тетрадочка: полный набор всех оценок, от пятёрок до двоек. Высшие оценки по истории, географии, литературе и иностранному языку, низкие — по алгебре, физике… и

мелким бисером (места мало) записи учителей для сведения родителей: не сняв шапку, прошёл в класс… неоправданно пропустил учебный день… прогул учебного дня… отказался на предложение учителя выйти из класса… никогда не бывает на своём месте… (Когда я прочитал об этом Ще, она отреагировала точно: «Летучий голландец!»)

Табель тянет за собой шлейф воспоминаний, и почему-то вспоминается, как в каком-то классе появился новенький: рослый парубок, приехавший из Киева, — Борис Давидовский, и на каком-то уроке или на внеклассном чтении разбирали пушкинских «Цыган», и Борис мямлил строки:

Земфиры нет как нет: и стынет
Убогий ужин старика.

Все попадали с парт. Борис никак не тянул на романтического Алеко, а тем более на решительную Земфиру. Но с тех пор имя Земфиры накрепко приклеилось к новичку.

Ну, а меня в школе многие звали Демоном. За немного романтический и загадочный облик и за эмоциональное чтение лермонтовской поэмы:

Печальный демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землёй,

И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой…

И надо отметить, что в те молодые годы по духу мне больше соответствовал Михаил Юрьевич, чем Александр Сергеевич. Мне импонировали дух мятежа и неприятия того, что окружало поэта.

В январе 1946 года произошла литературная катастрофа: вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». И начались мракобесные танцы. О том, как убивали Зощенко и травили Ахматову, я написал спустя долгие десятилетия в книге «69 этюдов о русских писателях» (2008). Кто любопытный, может достать книгу и прочитать. Мне в 1946-м было 14 лет, и я, конечно, не мог понять глубину произошедшего. Я не читал Михаила Зощенко, но слушал, как его читают артисты по радио. Например, знаменитый рассказ для детей «Ёлка» о Лёле и Миньке, как они снимали подарочные украшения в виде сластей и фруктов.

«…Лёля говорит:

— Если ты второй раз откусишь яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я не мог».

Этот прелестный рассказ для детей, а ещё я с удовольствием слушал по радио рассказ для взрослых «Аристократка», в исполнении, кажется, блистательного артиста Театра сатиры Владимира Хенкина. Герой рассказа Григорий Иванович признаётся друзьям: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках». И рассказывает, как сводил одну такую в шляпке в театр, а там, в театре — буфет, а в буфете блюдо с пирожными. А далее:

А далее в рассказе такой сюжет: дамочка «кушает второе пирожное», третье «и берёт четвертое».

«Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложь, говорю, взад!..»

А потом герою пришлось за всё заплатить, и он обратился к дамочке: «докушайте», а она сконфузилась. Тут появился какой-то дядя:

«– Давай, — говорит, — я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги…

Так мы с ней и разошлись. Не нравятся мне аристократки» (1923).

А вот мне лично очень понравился богемно-аристократический Александр Вертинский, мне

повезло: я был на одном его полузакрытом концерте. И был покорён его исполнением песен и ариеток. Тут же многое выучил и часто напевал: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?..» Мне это было как-то ближе, чем широко популярное: «Броня крепка, и танки наши быстры…»

Что делать: по натуре я нон милитар, а индивидуал, тяготеющий к локальности и интимности.

3 января 2019 г.

1947 год – 14/15 лет. Гуляйполе

Второй послевоенный год. Страна залечивала раны. 14 декабря отменили карточки на продовольственные и промышленные товары. Нехватки ощущались всего. Жизнь далеко не сытая, скудная, все одеты кое-как, многие донашивали военные шинели. Мама старалась что-то перешить и перелицевать из старого, и поэтому я был одет ещё более или менее, в отличие от многих одноклассников. Заказов у мамы было много, и машинка «Зингер» не переставала стучать. «Строчит пулемётчик…»

Ну, а мне 2 марта исполнилось 15 лет, вполне рабочий возраст, но я о работе и о своём будущем даже не помышлял, да никто и не подталкивал.

Хорошо помню, как в класс не входила, а буквально врывалась учительница английского языка Марина Георгиевна Маркарьянц с криком: «Ну, лодыри, ну, бездельники, ну, оболтусы, опять не выучили уроки?!.» И класс одобрительно гудел. Среди лодырей и оболтусов ходил и я со своим приятелем Андреем Тарковским (никто не мог догадаться, что Андрей — будущая звезда

кинематографа). Но были в классе и несколько отличников, среди них — Игорь Шмыглевский, опять же будущий знаменитый физик. Класс был неровный: отличники; способные, но ленивые и третья категория: серые троечники… Все были шумные, крикливые, драчливые. Однажды мы повздорили с Борисом Ширяевым и дрались в течение всего учебного дня во время переменок. Помахали кулаками, сели за парты, звонок — и опять драка…

Но чего не было тогда у нас в классе, в школе и во всей стране, так это социального неравенства, деления на бедных и богатых, была, конечно, разница в достатке, но несущественная. Но не было ни просторных квартир, ни коттеджей, ни автомобилей, ни драгоценностей. И соответственно, не было презрения богатых к бедным, взглядов сверху вниз, унижения. Это сегодня читаю про миллиардеров Арашуковых — отце и сыне — из Карачаево-Черкесии, и только развожу руками, как такое можно? Теперь можно, и наследный принц империи Арашуковых, когда учился в школе, платил по 500 рублей одноклассникам, чтобы те завязывали ему шнурки на ботинках… Это то, к чему мы сегодня пришли: к вопиющему неравенству и цинизму отдельных представите-

лей элит. А в 1947 году и слово такого «элита» не знали… (7 марта 2019 г.)

Но вернёмся назад, в прошлое.

Открываю ещё один сохранившийся табель оценки знаний, где вторым пунктом правил для учащихся значилось: «Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе». И 20-й пункт: «Дорожить честью своей школы и своего класса, как своей собственной». Увы, я не дорожил и учился спустя рукава. Не было старших, чтобы кто-то за мной следил, наставлял, убеждал, что школа — это необходимый фундамент для жизни. Маме было некогда. Она, что называется, вкалывала за машинкой, чтобы прокормить свою маленькую семью да ещё помогать младшей сестре Маше с её двумя маленькими детьми. С мамы никакого спроса. Я показывал ей свой табель, а она только укоризненно качала головой. И никакой брани в мой адрес.

Смотрю на сентябрьский табель: алгебра — три тройки и одна двойка, Конституция — двойка, химия — двойка. Декабрь — даже по любимой литературе — двойка, хотя в апреле — неожиданно по физике — пять. Годовые оценки: 5 — по литературе и истории, а ещё по физкультуре.

И единственная двойка по черчению… Это 7-й класс.

В книге «Самиздат века» приведено несколько популярных самодеятельных школьных песен, только непонятно, в какие годы они были созданы, но это не важно, важна суть. Вот на мотив «Раскинулось море широко»:

Товарищ, не в силах я химии сдать,
И алгебра мне надоела,
В глазах теоремы столбами стоят,
Черчение душу отъело.
Он вышел из класса – сознания нет,
В глазах у него помутилось…
Упал он на чистый школьный паркет,
Упал, сердце больше не билось…

Но главное: перешёл из 7-го в 8-й класс. Нет, главное было другое: гуляние и встречи с девочками. Очередная Клава Леонова, младшая сестра, а мой напарник по встречам Витя Крючков — со старшей. Как раз на тот год выпал праздник 800-летия Москвы, и я умудрился в компании вдрызг напиться. Больно вспоминать… А ещё в том году мы со Славкой Саввой, можно сказать, не вылезали из парка Горького, и перед глазами

проплывали вереницы девочек. Все они не являлись личностями, а по существу представляли лишь функции особей в юбках. Ледяное сердце юноши даже не вздрагивало. Вздрагивание пришло позднее…

1948 год – 15/16 лет. Стиляга

Собственно, дневник я начал вести 9 ноября 1948 года, в 16 лет, с такой примечательной фразы: «Снова дома вместо школы». То есть прогульщик. Что сказать с позиции лет? Конечно, был глупый. Конечно, был наивный. И конечно, не задумывался о своём будущем.

Первые тетради дневников по соображениям семейной цензуры я уничтожил, о чём сегодня очень сожалею. Но последующие дневники, начиная с 1950 года, сохранил. Уничтожил 1948 год, жалко провала в хронике лет, и поэтому попытаюсь что-то восстановить по памяти.

Энциклопедический справочник Larousse выделил в политической жизни СССР несколько событий: восстание заключённых Печорских лагерей, убийство в январе спецслужбами выдающегося актёра Соломона Михоэлса и смерть в августе 52-летнего Андрея Жданова, отвечающего в Политбюро партии за культуру в стране и ставшего инициатором зловещего постановления ЦК о литературных журналах.

Итак, Жданов умер, и, казалось бы, мне, учени-

ку, закончившему 7-й класс и перешедшему в 8-й, дела нет до сталинского сатрапа (конечно, таких слов я тогда не произносил и не знал их, до разоблачения культа личности тогда было ещё далеко), и тем не менее дату 31 августа я запомнил. Мы с дружком Славой пошли в парк Горького на танцверанду «шестигранника» потанцевать, — и облом: «в связи со смертью товарища Жданова все культурные мероприятия отменяются». Мы не скорбели, мы, мягко говоря, огорчились: при чём тут Жданов, когда всем молодым хочется потанцевать, постилять…

И тут, разумеется, есть повод поговорить о танцах и джазе. Соседка по дому Лида Николаева начала меня учить танцам лет в 14 — танго, фокстрот, вальс почему-то не давался. А потом в моду вошёл американский джаз, разные там буги-вуги, и молодёжь с ума сходила по музыке, исполняемой оркестром Гленна Миллера, Дюка Эллингтона и других джазистов. «Александер регтайм», «Караван» и прочие музыкальные шлягеры. Не буду сейчас напрягать мозги, а лучше процитирую свою публикацию «Сан-Луи — город нашей юности», напечатанную в январском номере 1997 года газеты «Мир печати» (и такая была). Вот этот текст:

Сегодня никого ничем не удивишь. Ни войной, ни модой, ни сексом, ни некрофилией, ни киллерством — ничем. Привыкли. С экрана и с эстрады можно увидеть и услышать такое!.. Хорошо ли, плохо ли, но можно… А вот были времена совсем другие. Светлые, советские. О них некоторые седовласые граждане льют слёзы. СССР как оплот мира и социализма, ни преступности, ни проституции, — порядок, как в казарме. И тишина! Только по праздникам литавры, пафос и ликование под портретами вождей. Золотые гулаговские времена!

Когда это было? Конец 40-х — начало 50-х годов. Нам по 16–18 лет, и мы бросаем вызов обществу. Нет, не политический и не экономический (об этом не могло быть и речи!), а примитивно бытовой. Мы против серых неказистых одежд. Мы против бодряческих и маршевых песен. Мы — это так называемые «стиляги», — за новые отношения между молодыми, где есть место не только подвигу, а простым человеческим «вещам» — любить, петь, танцевать, веселиться. Мы как бы инстинктивно чувствовали, что с возрастом ЭТО пройдёт, и старались своё получить сполна.

О, Сан-Луи, город стильных дам,

Крашеные губы он целует там.
Девушка хохочет,
Полная любви огня,
С ней мой любимый хочет
Позабыть меня…

«Сан-Луи» — одна из любимых песенок стиляг, хотя по тексту и немудрящая, и глупенькая.

В те годы было много популярных песен. И про артиллеристов, которым «Сталин дал приказ», и про весёлый, вольный ветер, который «обшарил всё на свете», и про паровоз, который летит вперёд, а там впереди — «в коммуне остановка» и т. д. Но почему-то подобное петь не хотелось, тем более открыто призывное: «Вперёд, в поход, герои-патриоты, / Родной страны — родные сыновья, / Стрелки, танкисты, снайперы, пилоты…» А если я, к примеру, не танкист, а артист балета, то что тогда? Ты родине не нужен?..

Нет, нам, молодым, не хотелось всего этого официального и насквозь пропагандистского, душа требовала иного — камерного, личного, интимного, чего-то иностранного, вроде «Бесаме мучо» — что-то тягуче завлекательное…

Стиляги — обычные парни, которые жаждали новизны и поэтому с упоением пели: «Падн ми,

бойз, из дет Чаттануга-чуча!..»

Всё это прорывалось сквозь железный занавес и запреты на всё чужое, инакое. А как известно, всё запретное всегда сладкое, и мы с придыханием смотрели и «Серенаду солнечной долины», и «Девушку моей мечты», и прочие западные фильмы.

Расскажи, о чём тоскует саксофон,
Голосом своим терзает душу он…

Или вот ещё была иностранная песенка с русскими дурацкими словами: «Мы идём по Уругваю, / Ночь — хоть выколи глаза. / Слышны крики попугаев / И гориллы голоса…»

Охочих до «Уругвая» и «Сан-Луи» хватала милиция, их прорабатывали на комсомольских собраниях, о них печатали хлёсткие фельетоны, короче, боролись в «нездоровыми явлениями в молодёжной среде». Сага о стилягах неизменно попадала в рубрику сатирического журнала «Крокодил» — «Вилы в бок». Печатались язвительные басни, типа:

Ты его, подруга, не ругай!
Может, он залётный попугай,
Может, когда маленький он был,

Кто-то его на пол уронил…

Но били по стилягам и похлеще, с политическим прицелом:

Сегодня он играет джаз,

А завтра родину продаст…

…Сегодня умудрённый опытом, седой и уже старый, я с завистью смотрю на молодых, но при этом мало что понимаю в их новой молодёжной субкультуре: у каждого поколения свои песни, своя «Чуча». И Бог им в помощь!.. (Перепечатано с сокращениями 17 декабря 2018 г.)

Ещё немного добавлю в тему. 25 января 1996 года писатель и драматург Виктор Славкин, с которым мы вместе снимались в ТВ-сериале «Старая квартира», подарил мне свою книгу «Памятник неизвестному стиляге» с дарственной надписью: «Юрию Николаевичу мой посильный вклад в библиотеку». В книге Славкина представлена снискавшая большую популярность пьеса «Взрослая дочь молодого человека», посвящённая воспоминаниям компании повзрослевших стиляг.

«Наш Бэмсик — первый стиляга факультета, король джаза. А как ходил, как ходил!.. небрежно!

На голове кок. Галстук с драконами болтается по полу… пиджак, плечи на вате — во! „А мой пиджак, а канареечного цвета, тот не чувак, кто не носит узких брюк…“»

Славкин привёл в своей книге много всяких перлов: и как восхищались стилягами, и как ими возмущались, девушки-патриотки решительно говорили: «Я не лягу / Под стилягу…»

Но вернусь к себе. Я танцевал на многих верандах и площадках: парк Горького, Сокольники, Мытищи, ресторан «Москва», дворец ЗИС (потом сменили на Лихачёва), «Спорт», клуб «Каучук» и т. д. В кинотеатре «Ударник» с упоением слушали выступление джаз-оркестра под управлением Лацци Олаха перед сеансом кино.

В 1952 году умерла мама, я женился, и музыка ушла от меня в сторону. Но когда где-нибудь я слышу джазовые импровизации, я вздрагиваю, как конь, вспоминающий бега на ипподроме. И я готов запеть: «Были когда-то и мы рысаками…» Ну, и стилягами тоже. Как сказал поэт:

Это было давно, я не помню, когда это было.

Может быть, никогда…

И последняя фраза: было. Было! Однако увле-

чение джазом и танцами очень мешало учёбе в школе. Увы…

Надо заканчивать тему о том, как я был стилягой. Недолго: года три (1948–1950). Это было время увлечения так называемым «стилем». К ботинкам прибивались металлические маленькие подковки, что создавало эффект пристукивания, что-то вроде степа. Не случайно в театре «Летучая мышь» у Гурвича спустя годы шла ностальгическая постановка «Я степую по Москве». Танцы «стилем», демонстрационные прогулки по улице Горького, по «Бродвею», где был тогда притягательный первый в Москве «Коктейль-холл». И всегда была очередь, чтобы попасть туда, на второй этаж, заказать какой-то коктейль и медленно тянуть его через соломинку. И воображать, что мы не в Москве, а где-то «в притонах Сан-Франциско», и не хватало одного: лилового негра, который подаёт даме манто… О господи, сколько во всём этом было глупости.

В 1952 году все эти танцы-шманцы закончились, уже было не до них: передо мною встали реальные проблемы жизни. И танцплощадки были забыты, именно тогда, когда «стиль» уступил место новому увлечению — рок-н-роллу с элементами акробатики. А затем массы увлёк

твист, и все безумно стали твистовать, изображая в танцевальных движениях профессию полотёра. Позднее появилось что-то ещё и т. д. Но это уже, как выразился безвременно ушедший поэт Борис Рыжий и по другому поводу: «Но только без меня…»

Ну, в заключение: покаяние. Каюсь. Я совершил маленький акт предательства к своему прошлому, к своему стиляжеству, и в пору студенчества в плехановской многотиражке «Советский студент» тиснул стишок на злобу дня, бичующий московских стиляг, под названием «Очнись, одиночка!». Вот начало этого позорного стихотворения:

Подчас и так у нас бывает:
В занятиях избрав особый стиль,
Он лекции почти не посещает,
Но всё ж пустить в глаза умеет пыль…

Ну и ударная концовка (чёрт дернул меня написать такое, а может, нависшая надо мною тень Сергея Михалкова?):

…Его забота – только быть красивым
И на груди чтоб галстук был не крив…
А ну, очнись, красавец-одиночка!

Взгляни на жизнь своей родной страны,
Не танцевальные шажочки,
А трудовые нам нужны шаги!

Оп-па! Деканат, ректорат и администрация Плехановского института были довольны: какие у нас есть ПРАВИЛЬНЫЕ студенты!.. А свой стыд за содеянное я тихо спрятал в тряпочку… (4 января 2019 г.)

Пока пишешь книгу, появляются всё время какие-то дополняющие публикации. И вот рецензия в «МК» о премьере мюзикла «Стиляги» в Театре наций — «Два мира — два Шапиро». Повторение киномюзикла Валерия Тодоровского в театральном варианте. Как написано в рецензии: «Сюжет построен на гиперболизированном конфликте между двумя образами жизни: советским — замкнутость, уныние, сплошные запреты и маршевый коллективизм, доведённый до тупости, и как бы американским — свобода, раскованность, многоцветность, рок-н-ролл, доведённый до идиотизма. В общем, „два мира — два Шапиро…“»

Такая вот трактовка спустя десятилетия. Ладно, не зацикливаемся и читаем-бежим дальше. Счётчик жизни стучит остервенело… (7 марта 2019 г.)

1949 год – 16/17 лет. «Я хочу одной отравы – пить и пить стихи!»

Закончил далеко не блестяще 8-й класс и перешёл в 9-й. 2 марта исполнилось 17 лет. Будучи абсолютно свободным от домашней опеки и контроля со стороны мамы, я вёл вольную и беспорядочную жизнь: развлечения, танцы, книги, стихи, поиски собственного «я» и т. д. Никакой системы, всё в хаосе и в сумбуре. Домашний беспризорник.

В школе в комсомол не приняли (успеваемость, поведение), но об этом нисколько не жалел, мне даже нравилось быть белой вороной. В своём классе пытался верховодить и водил дружбу с двумя старшеклассниками — Димулей Тюремновым (его отец был артистом в Музыкальном театре Станиславского. Фамилия Тюремнов — явно для оперетты) и Женькой Рубцовым. Нас сблизил общий язык и тяга к юмору. Мы в основном говорили на языке Остапа Бендера и других героев «12 стульев» и «Золотого телёнка»:

— Дышите глубже: вы взволнованы!

— А может быть, вы хотите, чтобы я дал вам

ключ от квартиры, где деньги лежат?

— Ну, что, лёд тронулся?

— Крепитесь… Запад нам поможет.

И так далее. Позднее я с восторгом читал «Записные книжки» Ильи Ильфа. Вот несколько записей:

«– Все талантливые люди пишут разно, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком.

— Никто не будет идти рядом с вами, смотреть только на вас и думать только о себе.

— Он посмотрел на него, как царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь может посмотреть на еврея?»

Ильф умер рано, в апреле 1937 года, когда мне исполнилось 5 лет. О своём любимом писателе я написал эссе «Великий комбинатор сатиры и юмора» и поместил в книгу «Золотые перья» (2008). Илья Арнольдович умирал тяжело. И физически, и морально: «Тяжело и нудно жить в краю непуганых идиотов». И, предчувствуя террор, говорил: «Кирпич летит».

В 1949 году «Стулья» и «Золотого телёнка» переиздало издательство «Советский писатель» и попало под раздачу. Критики изгалялись: «Это книжка для досуга, для лёгкого послеобеденного

отдыха» (А. Зорич). «Пустой юмор ради юмора» (Борис Горбатов, автор патриотического романа «Непокорённые»).

Но вернёмся в 1949 год.

В январе 1949-го развернулась разнузданная кампания против «безродных космополитов и низкопоклонства перед Западом». 16 марта в «Литературной газете» появилась статья под заголовком «Убрать с дороги космополитов». Мишенью нападок стали деятели науки и культуры…

21 декабря широко и торжественно отмечалось 70-летие вождя. «Правда» вышла с обращением к «товарищу Сталину — великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина». Воздух был наполнен славословием, а в небе прожектора высвечивали портрет гениального Иосифа Виссарионовича…

Я жил в это время. В 1949 году мне было 17 лет. Мой космос располагался в основном в Замоскворечье, между Серпуховской улицей и Даниловским рынком. То, что происходило в мире и в Советском Союзе, пролетало мимо меня по касательной. Я был растворён в своих увлечениях: девочки, джаз, танцы, поэзия, футбол и немного шахмат. О литературных процессах

ничего не ведал, лишь доносились какие-то обрывки новостей. Настоящая историческая память о прошедших годах пришла с опытом и возрастом.

Эпоха книг и авторов изъятых,

Эпоха выдвижения прохвостов… –

как написал неведомый мне студент-фронтовик М. Качкурин.

Полного дневника за 1949 год уже нет, но сохранились какие-то отдельные даты и описания. Основной танцевальной площадкой был клуб «Спорт» в начале Ленинградского шоссе. Моей лучшей партнёршей была Зоя Петрова, но, увы, положившая глаз на моего взрослого друга, студента Архитектурного института Виктора Шерешевского. Мне оставалось найти замену, и нашёл в двух татарочках, сёстрах Ахметовых — Зое и Розе. Бурный юношеский роман. Но были и другие «кандидатки в фаворитки», как выразился Игорь Северянин (поэма «Валентина»). Так вот, этих Валентин были десятки, хотя никаким Дон Жуаном и Казановой я не был, так, какой-то жалкий ученик, всего лишь подмастерье любовных дел, да ещё с литературными претензиями. Вот строки, написанные 7 октября 1950 года:

Я долго слонялся по свету,
Искал бесконечно красивых,
Искал беспредельно влюблённых
И верных любви и завету.
Но мне попадались другие,
С мечтой для меня непонятной,
С душой для меня незнакомой, –
Друг другу мы были чужими.

Лето 1949-го я провёл на даче в Тайнинке, у маминой тётки — бабы Лёли. Она сдала комнатку на втором этаже моей знакомой студентке Ляле (Брониславе Шнейдер), а потом уже её друзья, студенты, появились в соседних дачах, и образовалась весёлая студенческая компания, мне, школьнику, всё это было в отраду и в опыт. Играли в волейбол и домино, ходили в лес, ездили в кино в Мытищи, а главное, о чём-то пылко говорили, спорили, обсуждали. Потом Ляля познакомила меня со своей подругой, студенткой исторического факультета МГУ Светланой Растопчиной, и 7 ноября, на праздник Октября, мы с Игорем Горанским были приглашены в правительственный дом на Берсеневской набережной, в Дом на набережной (по книге Юрия Трифонова).

Мне было 17, Светлане — 22 года, но она не ощущала возрастной разницы и «купилась» на мой более взрослый внешний вид. В её квартире собралась шумная компания, пили-пели-говорили, а потом в ванной я и Светлана упоённо слились в поцелуе. И ничего другого эротического и сексуального. А было смешное: узнав о новом романе, Ляля спросила меня: «Теперь ты на Светлане женишься?» Такие вот были инфантильные студентки советской поры.

Любовь была бурной и краткой, и я подарил Светлане свой школьный доклад о Байроне (единственный экземпляр!). А может, не любовь, а всего лишь любовное тяготение друг к другу. Несколько встреч в 1950 году, — и всё. Финита ля амор!..

Кончились страсти, кончились муки.
В спокойствии дни так тихо идут.
Уже не хочу целовать твои руки:
Новые дали меня влекут.

Читаю сегодня всё это и думаю: прыткий был юноша! В тот год много читал, игнорируя школьные учебники, и много писал стихов. Разных, но с креном в одиночество и тоску, типа «Рыцарь печальный, красивый и нежный…». Вот стихо-

творение от 15 декабря:

Чувствую, что прогнил я весь
В тоске, в одиночестве и печали.
Вот перед вами стою я здесь
И слышу: «Боже, какой вы стали!..
Раньше вы милым таким были,
Смеялись, резвились – ну, как дитя.
Скажите по совести: почему вы взвыли?
Может, от боли, кого полюбя?..»
Что же ответить могу вам на это?
Обрывки слов застревают во рту.
Может, вам скажет то, что стал я поэтом –
Мысли и чувства в кошмарном чаду…

3 мая написал стих под Маяковского, нещадно ругал Америку (чем она не угодила? Непонятно):

…Человеку в Нью-Йорке нечем дышать.
Даже нельзя спокойно пожрать –
В ресторане рёв соло,
Повсюду реклама «drink Cola».
А если пойдёшь в кино, то там

убийства и яд.

Да. Что можно сказать сегодня (а сегодня — 19 декабря 2018 года) об этих строчках? Яд советской пропаганды проникал в каждого из нас, в старых и малых.

Другое дело — под Киплинга. Знаменитое: «Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам / Суда уходят в плаванье к далёким берегам…» И вот «наш ответ»:

В Бразилии, в Бразилии
Под крики какаду
Одетый в белоснежное
По улицам иду.
Широкополое сомбреро
Одето набекрень.
И небо голубое
На землю струит лень…

Фантазийная картинка. Как Киплинг: «И я хочу в Бразилию — к далёким берегам…» И что ты думаешь, мой уважаемый читатель? Через 17 лет, после написания этого «хочу», я начал работать в Радиокомитете, в отделе радиовещания на Бразилию. Кульбит судьбы!..

А вот как я писал в стиле декаданса, начитав-

шись поэтов Серебряного века:

Раздался звон – разбилась страсть.
Горит закат в пурпуре.
Над телом потерял я власть,
Оно трепещет в буре.

Повергнутый души тюльпан
Разнёсся в огненные блики.
Исчез уж благовонный фимиам
Под возгласы и крики…

30 ноября 1949 г.

И вдогонку, через 4 дня:

Призрак явился ко мне,
Одетый в соблазны счастья.
Веером страсти разбил он ненастья, –
И счастлив я был вполне.

Но призрак есть призрак.
В декабрьский день
Покинул, ушёл он в туманную сень,
Ведь призрак – сквозь призму рок.

Для одноклассников 8-го «Б» это был удар под дых: знай наших! И крестьяне писать стихи

умеют!..

И когда катил этот вал декадентщины, я предложил Андрею Тарковскому, с которым мы сидели на одной парте, написать совместный стих: строчку он, строчку я. Учителя мы не слушали, он что-то нам объяснял и рассказывал, а мы, два шалопая, принялись строчить. И вышло целое стихотворение в день 30 ноября 1949 года. Привожу только начало:

Проходят дни густой лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой тишины.
Пришёл, уснул под гробом чёрной сенью,
Увидел сероскучной жизни сны…

И концовка:

В печальном шёпоте страданий,
Окутанная синей пеленой,
Судьба мне подарила на прощанье
Эдельвейс, оплаканный тобой.

Далее цитата из книги «Избранное из избранного плюс Салат воспоминаний» (2015). В эссе об Андрее Тарковском я писал:

«Удивительно: ровесники бредили Котовским

и Чапаевым, считали, что „броня крепка, и танки наши быстры“, а тут — тишина, гроб, эдельвейс и жизнь, проходящая „лиловой тенью“. Да, мы тогда были настроены так: романтизм сочетался с декадансом, нам с Андреем как бы передали эстафетную палочку Серебряного века…»

Прибавим болельщицкие страсти. Да, был страстным болельщиком (слово «фанат» ещё не появилось). Ходил на матчи любимого клуба и отчаянно болел. 1949-й был одним из удачных годов в летописи «Динамо». Уверенная и, можно сказать, блистательная победа в чемпионате СССР. Несколько матчей врезались в память.

2 мая — с ЦДКА, с тогдашним основным соперником. Судья — Латышев, состав динамовцев: Хомич, Петров, Семичастный, Пётр Иванов, Блинков, Леонид Соловьёв (капитан), Бесков, Конов, Сергей Соловьёв (Карцев), Малявкин, Владимир Ильин. А после матча Александр Фомич Малявкин пригласил меня и одного своего старого друга к нему домой на Самотёчную отпраздновать победу. Много пили и за «Динамо», и за Родину, и за Сталина. А потом мне стало плохо и меня приводили в чувство. Как доехал домой на троллейбусе № 10 по Садовому кольцу и дальше по Мытной — не помню.

30-летнему Малявкину, здоровому мужику и спортсмену, было хоть бы хны, а 17-летний почти нежный юноша сломался. Больше таких пьянок с Малявкиным не было. Только пиво. А однажды из Еревана он привёз мне пару вкуснейших груш. По дружбе и симпатии… Ещё знаменательный матч с «Зенитом», 12 июня, который на старте вырвался вперёд, и все волновались, как сыграет «Динамо». Динамовцы выиграли триумфально — 8:0. Три гола забил Александр Малявкин. 5 августа игра с «Шахтёром» (Сталино). С рекордным счётом 10:1. Четыре гола забил Константин Бесков. И, наконец, интереснейшая и драматическая игра со «Спартаком» — 1 октября — 5:4. Стадион кипел от восторга (футбол в 40-х — спорт № 1). В ходе матча дрогнул «тигр» Хомич, и мудрый тренер Михей (Якушин) поменял его на молодого грузинского вратаря Вальтера Саная.

Не удалось «Динамо» сделать дубль: проиграли в финале Кубка СССР московскому «Торпедо», зато с блеском выиграли международную товарищескую игру с будапештским клубом «Вашаш» (венгры были тогда в фаворе. Имена Пушкаша, Кочиша, Грошича звучали, как сегодня Месси и Роналду). Динамовцы раскатали венгров — 5:0. А сегодня некогда славному «Динамо» грозит вылет во вторую группу — ФНЛ. Но какие остались воспоминания! Под знаменитый марш Матвея Блантера! «Динамо» — как великая Римская империя Цезарей. А что нынче Италия в глобальном мире? Заурядная европейская страна…

20 декабря 2018 г.

1950 год – 17/18 лет. Школьные проблемы: переход из дневной школы в вечернюю школу рабочей молодёжи

Первый самиздатовский дневник «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках» (2011) начинается именно с 1950 года, с эмоциональной записи великовозрастного 17-летнего школьника, оказавшегося в бурном житейском море без руля и без ветрил. Без родительского контроля, без советов взрослых наставников, предоставленный самому себе. Отсюда метания, поиски, ошибки, заблуждения, отчаяние, нащупывание собственного «я». Ну, а ещё разыгравшиеся гормоны, зов пола. Поэтому, читатель, будь снисходителен и не критикуй «юношу бледного со взором горящим», по определению Валерия Брюсова.

Вот обложка той первой книги.

Наверное, имеет смысл привести и маленькое предисловие той первой самиздатовской книги с пространным эпиграфом:

«Вместо того чтобы печатать роман, я начал писать дневник. Читатель увлекается мемуарной литературой. Скажу о себе, что и мне гораздо приятней читать мемуары, нежели беллетристику… Зачем выдумывать, „сочинять“. Нужно честно день за днём записывать истинное содержание прожитого без мудрствований, а кому удаётся – с мудрствованиями…»

Юрий Олеша. 5 мая 1930 года

Дневник — жанр древний и весьма распространённый. Кто только не вёл дневники — писатели, учёные и простые люди. Многие из дневников известны и стали знаменитыми: записи царского цензора Александра Никитенко, Льва Толстого, Достоевского, Корнея Чуковского, братьев Гонкур, Жюля Ренара, Анны Франк и т. д. Одно перечисление имён тех, кто фиксировал события своей жизни и свои размышления о ней, заняло бы множество страниц. Все писали о себе и о мире, о том, что заботит и тревожит, но суть, кажется, всех дневниковых исповедей выразил Иван Бунин в короткой записи от 1 января 1943 года: «Господи, спаси и помоги».

У моего ровесника Андрея Тарковского в книге «Мартиролог» — так он назвал свой дневник — есть запись: «Очень плохо себя чувствую. Поджимает сердце и ужасно болит затылок… Вечером был у Юры Безелянского. Он очень милый…» (28 марта 1981 г.)

Далее какой-то обрыв записи. Ну, не важно. Важно, что упомянул. А что коротко, то понятно: для Андрея я не был Хемингуэем и не Феллини, а всего лишь товарищ по школе.

Ну а теперь о своём дневнике. Дневник я начал вести 9 ноября 1948 года, в 16 лет, с такой примечательной фразы: «Сижу дома вместо школы».

Конечно, был глупый. Конечно, был наивный. Но очень хотелось разобраться в себе самом. Хотелось исповедоваться и каяться.

— Кайся, кайся! — сурово ответил монах.

А другой отозвался: — Аминь! — как говорится в народной английской балладе «Королева Элинор» в переводе Самуила Маршака.

Первые тетради дневников я уничтожил, о чём сегодня сожалею, но последующие, немного самоцензурированные, сохранил. И вот на руках бесчисленное множество дневниковых записей, написанных сначала от руки, затем отпечатанных на машинке. Всего 68 тетрадей, и это

примерно около 7 тысяч страниц. Левиафан, а не дневник. Около семидесяти лет жизни, начиная с сохранившегося 50-го года XX столетия. Издать всё невозможно да и не нужно, много излишних личных подробностей и мелких деталей. Поэтому я решил сделать нечто избранное из дневников. Отобрать только то, что, на мой взгляд, может представить интерес, особенно для молодых, тем более что в записях отражена фоном жизнь страны. И в ней тоже многим читателям хочется разобраться — в СССР, в советских реалиях.

Это книга о СССР без ностальгии. Никакого фимиама и никакого восторга. Всё как было, без приукрашивания и патриотического флёра. Жизнь при Сталине, Хрущёве, Брежневе и других коммунистических вождях. Вместе со страной я шагал от социалистического строя к капиталистическому. От цензуры к свободе. От тайных записей к изданным книгам.

Итак, некий духовный стриптиз, с мукою и болью… Хотя смех и ирония тоже присутствуют.

Юрий Безелянский 15 августа 2010 г.

1950 год. Отрывки из дневников

29 января

Становлюсь всё злее и злее. Мне хочется стереть с лица земли всех: и «Ундину», и Лялю Ш. И всё потому, что очень страдаю и почти изнемог. И надоело носить фальшивую маску…

30 января

Прочитал вчерашнюю запись. Н-да. Явная мизантропия… Сегодня настроение иное. Даже улыбнулась фортуна: я выиграл все четыре игры в настольный хоккей… За мой доклад в классе о Байроне Марина Георгиевна подарила мне книжку Омара Хайяма, сказав, что я — молодец. Читаю с удовольствием:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

* * *

Живи, безумец! Трать, пока богат,
Ведь ты же сам не драгоценный клад!
И не мечтай, не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад.

1 февраля

Чувствую, что круг знакомых у меня всё-таки узок. Надо расширять. И главное: нет жизненной подруги, если выражаться высокопарно. Читаю декадентов — Бальмонта и Виктора Гофмана. «Я вольный ветер, я вечно вею…» И Гофмана: «У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий, / Их один только я для тебя мог придумать любя…»

3 февраля

Вчера почти весь день с И.Г. шатались по улицам. В повторном кинотеатре посмотрели «Музыкальную историю». Вечером поехали в ресторан «Москва», там открыли зал танцев, билет стоит 12 рублей. Утекли последние свободные деньжульки. Знакомые ребята угостили нас коктейлем, который мы тянули через соломинку. Постилял со стильной девочкой из Планового института. Уходящий стиль с пристукиванием

каблучков. Лабухи играли стильные вещи. Было много классных чувих…

6 февраля

В гостях у Лены встретил Веру. Она вышла замуж. Выглядела очень хорошенькой. Ей к лицу зелёное полудлинное платье. Мне стало грустно, вспоминалось лето 1948 года, когда я флиртовал с Верой, её полненькие губки… Вечером с Димой выпили пивка, купили четвертинку водки, положили сахара и прошлогодние вишни, всё это вскипятили, потом заморозили, а затем это подобие ликёра выпили. Получилось вкусно и тягуче…

9 февраля

В школе идут дела без всяких осложнений. Пока. Ближайшая задача не получать двоек. А ещё — подыскать хорошенькую «зеленоглазую мадонну», чтоб не было скучно. Жду письма из Сибири от мамы и деньжулек.

12 февраля

Был в «Москве». Встретил там Мишу Калика (ГИК и ГИТИС), Георгия из ГИКа, Гию из архитектурного и других знакомых чуваков. С Каликом и Шерешевским взяли троих девиц и поехали ко мне на Арсентьевштрассе. Купили водку, вермут

и закусывали всё яблоками. Тосты, брудершафты… В мои объятия на этот раз попала Рая… Сегодня болит голова, будто была дикая попойка. На улице тает снег. Дикая грязь… Читаю Генри Фильдинга.

16 февраля

В школу не хожу. Уроками не занимаюсь. Увлекся афоризмами. «Хочу — половина могу» (Суворов). «Счастлив был Адам: ему не приходилось произносить чужих слов» (Марк Твен). «Наружность и манеры более выразительны, чем слова» (Ричардсон).

17 февраля

Я живу один, без мамы. На свободную квартиру слетаются, как на мёд, друзья и знакомые. Разговоры, игры, танцы, выпивка. Приходится иногда не открывать дверь… Вчера «Ундина» — она старше меня на 4 года, — разревелась, как маленькая, из-за ревности…

2 марта

Итак, долгожданный день наступил. Мне — 18 лет… Всё-таки как ещё мало! Всё ещё впереди: институт, работа, любовь, жена… А сегодня преподнёс себе «подарок»: не пошёл в школу (опять прогул!). Новорождённый встал в 10-м часу,

попил чай, убрался в комнате, и всё один, без мамы и папы, без единой живой души. Только две игрушки: старый дружок плюшевый Мишка и кукла Танька. Компания!..

3 марта

Как прошёл вчерашний день? Днём поехал в Центральную баню, где отлично вымылся, постригся (причёска теперь далеко не стильная, без длинных волос). Выпил бутылку пива по новым, сниженным ценам и домой. Там Маша приготовила обед. Поел и по друзьям — сначала к Игорю Горанскому, потом к Ляле Шнейдер. Вечером домашнее застолье: Маша, Ляля и 10-летний Бобочка. К 21 часу поехал в «Москву» на танцы, в зал ресторана гостиницы. Танцевал…

Далее в дневнике обрыв, что-то густо зачёркнуто, очевидно, какая-то сексуальная связь, и стихи, написанные на уроке то ли химии, то ли геометрии:

Позади 18 прожитых лет…
Я вчера справлял день рожденья.
В старый поношенный фрак был одет,
Нежный, застенчивый, полный смиренья.

Не было шумных и праздных гостей,
Не было блеска, вина и веселья.
Не было пышных газетных статей,
Сплетающих имя моё в ожерелье.
Не блистал в позолоте дворец,
Не плескалось игривое море,
Не было любящих близких сердец.
Только ветер шумел на просторе…

В тени Байрона

Что сказать спустя 69 лет? Если о стишках, то они, безусловно, слабые. Но за их слабостью чувствуется одиночество гребца в открытом и бушующем море жизни в поисках сказочного острова больших надежд и желаемых свершений.

Великовозрастный школьник, не придающий значение школьному образованию и занимающийся своим стихийным самообразованием. Некий байроновский Чайльд-Гарольд, находящийся в разладе с обществом, презирающий светскую чернь и разочарованный во всех человеческих идеалах.

Великий Байрон и 18-летний советский школьник, — очень смешно. Но в 1950 году я был

увлечён Байроном и в школе даже сделал доклад о нём (по предложению учительницы английского языка). Мне импонировал Байрон — нежный и злой, грустный и весёлый, рассудительный, как Вольтер, и сумасшедший, как ветер, — так я характеризовал мирового классика в дневнике от 31 марта. И в дневнике вписаны строки Байрона:

Он сам теперь от света удалился,
Надежды нет, но всё ж не так темно.
Он знает, что он попусту родился,
Что до могилы всё предрешено,
И это знанье горечи даёт улыбку…

И это цитировал советский юноша в то время, когда вся страна (так уверяла пропаганда) пела песню «Наш Ленин» на слова Маргариты Алигер:

Мы высоко голову несём,
В будущее вера горяча, –
Потому что всюду и во всём
Чувствуем живого Ильича!

Нам светло и радостно идти
По дороге ленинской вперёд, –
По тому великому пути

Неуклонно Сталин нас ведёт.

А я как-то шагал не в ногу и не по той дороге. Никакой веры, пафоса и патриотизма. Юноша-одиночка. Индивидуал. Из серии «лишних людей». Байронист:

Пресыщен всем, утратив счастья грёзы,
Он видеться с друзьями перестал:
В его глазах порой сверкали слёзы,
Но гордый Чайльд им волю не давал.

А теперь снова вернёмся к дневнику 1950 года.

7 марта

Вчера пробовал питаться чистым воздухом и «святым духом»… Перечитывал чудесную драйзеровскую «Сестру Керри»…

9 марта

Играл в шахматы, в настольный теннис. В школу опять не хожу. В кармане ровно один рубль.

11 марта

Вчера со Славкой ездили узнавать насчёт выгрузки угля, чтобы немного подзаработать. Но ничего не вышло…

13 марта

Вчера были первые в моей жизни выборы. Я голосовал за Михаила Алексеевича Яснова в Верховный Совет СССР и за Николая Александровича Булганина в Совет национальностей, т. е. за нерушимый, сталинский блок коммунистов и беспартийных…

Сегодня днём ко мне приходили Игорь Шмыглевский и Андрей Тарковский… А вечером снова один. По приёмнику слушал джаз, снова один и один. Повеситься, что ли? Ей-богу, тошно.

На фоне серого пейзажа
Я тосковал.
Под звуки бешеного джаза
Я зарыдал.

Зачем живу на свете я?
К чему? К чему?
Зачем гнетёт тоска меня?..
Так почему?

18 марта

Читаю «Милого друга» Мопассана, а в школе на уроках «Шагреневую кожу» Бальзака… Эх, надо исправлять двойки по химии и математике. А заниматься не хочется. Разве можно заниматься,

когда понемножку пригревает солнышко?..

20 марта

18-го с Андрюшей Тарковским прогулялись по центру…

Почему я плохо учусь? Ведь я способный, а может быть, даже немного больше, так, по крайней мере, говорят многие. Так почему? Странная, непонятная обломовская лень окутывает меня, как саваном… Нет внутренней дисциплины, усидчивости…

23 марта

Выше голову, «Милый друг». Всё проходит, старина. Всё забывается, даже двойки…

25 марта

…А тут ещё «пантера»… Как всё надоело! Ничего не хочу. Никого не хочу…

28 марта

Сейчас на мне плащ разочарования покроя Онегина и Чайльд-Гарольда. Я всё видел, всё познал. Отсюда горькая, пессимистическая улыбка на жизнь… Перечитываю любимого Байрона.

4 апреля

Записываю в дневник стихи Игоря Шмыглевского (не только свои), чтобы они не затерялись,

вот только некоторые:

Старая, дырявая галоша,
Сколько лет ты шлёпала по лужам,
Сколько раз под непосильной ношей
Ты, как говорят, просила кушать.
Долго я по улицам слонялся,
На тебя отыскивал похожих,
Твой напарник где-то затерялся,
Развалился на ходу, быть может.
С видом кислым и обледенелым,
Снегом занесённые до точки,
Мы плетёмся по дороге белой,
Сочиняя пошленькие строчки…

Игорь, Игорь, откуда такой пессимизм? «Шагают сутки вереницей шумной, / Всё в жизни пошло, пошло и смешно. / И ни одной мечты моей безумной / На этом свете сбыться не дано…» И это пишет умный парень и притом комсомолец…

5 апреля

…А вдруг будет война? И прекрасно! Пойду на фронт, защищать родину. Убьют — что ж поделаешь, всё равно когда-нибудь придётся быть на том свете. Рано или поздно — это не играет роли.

Мне надоело вечно носить маску…

Я не ловелас, не балагур, не легкомысленный Хлестаков, не разочарованный Печорин, как некоторые думают обо мне. Нет и ещё раз нет! Но почему я бешусь и задыхаюсь в собственной злобе, в негодовании на других… Моя раздражительность доходит до предела. Какой же выход?!

11 апреля

Мама всё время болеет. Бесконечный круг: головная боль, сердце, ноги, порошки, грелки, аптеки, врачи… И в моей голове сумбур и тупая боль…

14 апреля

Погода испортилась. Идёт мелкий дождик. Довольно прохладно. Вчера был у Светланы Растопчиной (впоследствии Юрий Трифонов напишет роман «Дом на набережной». — 18.03.2010). Блоковская «Прекрасная дама» очень бледная и полупрозрачная. Разговаривали, как давние старые друзья (студентка МГУ и школьник из 9-го класса. — Ю.Б.).

17 апреля

В школе на вечере должен был читать Маяковского, но почему-то испугался и не вышел. Вечером с Розой Гусевой гулял и напевал ей пе-

сенки Вертинского и Лещенко…

Реплика. Жаль, что в дневнике не написал, какие именно песенки напевал, а их я знал множество. Мне нравился изысканно-богемный Александр Вертинский и бесшабашный, простецкий, удалой Пётр Лещенко. Из Вертинского, возможно, пел:

В банановo-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван…

А далее о судьбе:

Вы плачете, Иветта,
Что ваша песня спета,
А сердце не согрето без любви огня…

Может быть, моя спутница по прогулкам вздрагивала (этого я уже не помню), а я нагнетал дальше:

Замолчи, замолчи, умоляю,
Я от слов твоих горьких устал.
Никакого я счастья не знаю,
Никакой я любви не встречал…

Это слова «Любовницы», написанной Вертинским (слова и музыка) в Париже в 1934 году. Мне было тогда всего 2 года.

19 апреля

Зреет мысль: бросить школу и уехать на юг. Авось, повезёт!.. В Москве с моей подмоченной биографией закрыты двери многих учебных заведений, хотя и говорят, что сын за отца не отвечает…

27 апреля

26-го утром играл в баскетбол в школе, потом в волейбол на площадке 553-й женской школы на Люсиновке. Вечером — офицерский клуб МВД, первомайский вечер Института востоковедения. Приличный концерт. Володин и Савицкая, Казимир Малахов (песенки), волшебник Дик Читашвили, чтец Першин, солист ГАБТ Бурлак и другие. Самый большой успех выпал на долю Мироновой и Менакера. А с 12 часов ночи и до утра танцы под джаз. Солировали сакс, труба и гавайская гитара. Играли и «Караван», и «Вуги-вуги», и «Сан-Луи». Ещё фоксы и блюзы. Я был в восторге и в упоении. Познакомился и всю ночь танцевал с красивой девушкой — Наташей Пушкарёвой…

Она! Она!.. Глаза и руки,

И косы толстые, и зубок ровный ряд.
Долой печали, одиночество и муки,
Я вновь оденусь в радостный наряд.

29 апреля

Вчера с Наташей гуляли по просекам в Сокольниках. Она — десятиклассница, работает секретарём в деканате в Востоковедении… А днём в школе прыгнул в длину на 5 метров. А хорошо бы на 6 — тогда второй разряд… Ездили со Славкой сдавать книги в букинистический магазин…

4 мая

2-го на «Динамо» смотрел матч «Динамо» — «Торпедо», 0:1. А на следующий день поехал в Химки на водохранилище «Динамо» на игру дублёров. Тут динамовцы выиграли со счётом 4:2. В воротах стоял молодой Лев Яшин.

8 мая

Стать писателем — моя мечта, спрятанная глубоко за футболом и стишками… Хочу быть хорошим стилистом, чтобы каждая фраза была жемчужиной мысли и сверкала отточенностью…

10 мая

«Я ничего не понимаю в этой жизни. Я с покор-

ным тупым страхом вытягиваю свой билет и сам не могу прочесть надписи… Я не знаю, что будет со мною завтра… Я не знаю ни очереди событий, ни времени их прихода, ни их стихийной силы, ни их тёмного значения» (Александр Куприн. «Вечерний гость»).

2 июня

Зачитываюсь Константином Симоновым.

Минутами казалось, что и ей
Хотелось быть большой, неосторожной.
Сердитые морщинки у бровей,
И голос вдруг по-женскому тревожный,
И взгляд такой, как будто вдруг она
Заметила посередине фразы
Глаза мужчины, койку у окна
И ключ в двери, повёрнутый два раза.

Нет, не повёрнутый. Но всё равно,
Пусть три шага ты мне позволишь взглядом:
Шаг к двери – заперта, шаг к лампочке – темно.

И шаг к тебе, чтоб быть с тобою рядом...

11 июня

Встретил Борю Ширяева. Когда-то в школе была знаменитая тройка мушкетёров: Ширяй — Портос, Баженов Юрка — Арамис и я — Атос... Вечером с Наташей в Сокольниках. Домой вернулся в час ночи.

14 июня

Стоит отвратительнейшая погода. Пасмурно, холодно, сыро. Как будто не июнь, а какой-нибудь ноябрь и вот-вот выпадет снег. Хожу в свитере, а вчера пришлось надеть пальто.

15 июня

Вчера с двух часов дня до одиннадцати вечера у Станислава крутили патефон с джазовыми пластинками. С Леной Архиповой мощно «рвал», т. е. танцевал...

22 июля

Играл в шахматы, ходил в библиотеку, взял объёмистую книгу — однотомник Александра Блока. Вечером в парке Горького концерт на открытой эстраде. Сатира на Америку, чечётку танцуют Черчилль, де Голль, Франко, дирижирует дядя

Сэм. Песенка чёрта: «В банановo-лимонной на Формозе, где плачет и рыдает Гоминдан…» А вечером переписывал понравившиеся стихи Блока: «День был нежно-серый, серый, как тоска…»

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюблённых в молву…

Или вот ещё:

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня…
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня…

3 августа

Взял в библиотеке две книжки Валерия Брюсова. Нравится… А «фиолетовые руки на эмалевой стене» я давно знал. Концовка стихотворения 1896 года: «Так много думано, исполнено так мало!»

7 августа

В дневник переписал 48-е по счёту стихотворение Брюсова: своей книги-то нет.

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И голос – угрюмый оракул –
«Довольно!» – сегодня сказал…

9 августа

Какое ненастное лето! Почти всё время идёт дождь или пасмурно… Вчера провёл весь вечер с «Ундиной». Снова ревность, ласки. Неумелое щебетанье… А я проводил параллели и думал, кто лучше — она или Наташа?..

«У женщины любовь в большинстве случаев развивается от души к чувственности и часто не заходит так далеко; напротив, мужская любовь направляется от чувственности в душу и часто не достигает цели — вот самое мучительное для обоих различие из всех современных различий между мужчиной и женщиной» (Эллен Кей).

26 августа

Итак, я один… Мама снова поездом отправилась к отцу, в Сибирь… Опять один в четырёх немых стенах. Лишь радио кое-как скрадывает моё одиночество. Что остаётся? Лишь песенка Сокольского:

Чёрное манто и пара ножек,

Бледное лицо при свете фар.
Полюбить друг друга мы не сможем –
Не зажечь в душе моей пожар!
Уйдёте в ночь и навсегда,
И вас не встречу я больше никогда.
Чёрное манто и пара ножек,
Вас могу любить лишь одну ночь.

11 сентября

Решил уходить из школы и забрал свои документы. Вот характеристика 1945 года, подписанная престарелой учительницей Заднепровской: «Способный, развитой мальчик. Много читает и серьёзно относится к прочитанному. Самолюбивый и настойчивый. Переживает неприятности. Хорошо влияет на товарищей. Культурно воспитан, энергичный и гордый».

А вот последняя характеристика (17.06.1950) от Фёдора Фёдоровича Титова: «Безелянский Юрий при ряде положительных черт (известная воспитанность в смысле поведения и манере держаться, интерес к гуманитарным наукам) по-прежнему и даже в этом году больше выделялся недостаточным волевым напряжением, размагниченностью, несмотря на соответству-

ющие советы ему и его попытки выправиться. Результат: пропуск 223 учебных часов (не всегда по болезни) и кризис в математике. Оставлен на второй год в 9-м классе из-за математических предметов. Результатом также явилось и то, что не был принят в ряды ВЛКСМ».

Далее в дневнике приведён диалог Петра Адуева с племянником из «Обыкновенной истории» Гончарова, и в частности слова: «Что вчера велико, сегодня ничтожно».

13 сентября

Успокоение нахожу только в стихах. Как хорошо, что лучшие из них выписаны в моих тетрадках и всегда находятся под рукой. Почитаешь — успокоишься…

15 сентября

Учился играть в пинг-понг (настольный теннис)… Играл в шахматы… Мудрая учительница Фаина Израилевна меня наставляла, что самое лучшее для меня — это пройти через горнило завода. Нет, Фаина Израилевна, это не для меня: я — гнилой интеллигент и предпочитаю станкам и молоткам книги… К вечеру я был оформлен в школу рабочей молодёжи № 553. Директор предупредила, чтоб не было прогулов и опозданий…

18 сентября

Новость! Сенсация! По облигации второго восстановительного займа я выиграл 400 рублей. Везение после долгой полосы невезения. С ходу истратил 200 рублей: купил кожаные перчатки, галстук, остальные деньги ушли на вино, пирожные, яблоки, конфеты — неплохой набор для девятиклассника. Да, ещё отдал долг…

Тут прочитал пародию на псевдоиндустриальную лирику, прямо к школе рабочей молодёжи: «Мне снились котельные клещи, / Заклёпки и грохот зловещий… / Мне снилось, что я ещё мальчик, / Совсем молодой нагревальщик, / Котельщик, клепальщик, держальщик, / Разметчик, и сварщик, и слесарь…»

19 сентября

Вчера первый день в новой школе. Учатся вместе и девушки, и юноши. Никакой изоляции, как в дневных школах. Возраст разный. Есть много служивых, разных лейтенантов…

3 октября

В школу хожу с удовольствием. Всё-таки коллектив — великая вещь, в нём как бы растворяешься…

6 октября

Приехала мама… Читаю Хемингуэя «Пятая колонна» и рассказы.

9 октября

В клубе «Гознак» смотрел американскую картину «Под властью доллара» (примечание: что такое доллар — узнал спустя несколько десятилетий. — 19 марта 2010 г.). В другой день с Г. в Доме учителя на Таганке. Сначала лекция о величайших стройках сталинских пятилеток, затем самодеятельность (плохая) и, наконец, танцы под аккордеон.

13 октября

Закончил «Титана» Драйзера… В «Ударнике» смотрел замечательный фильм «Паяцы» по опере Леонкавалло. Потрясающие голоса, особенно у Тито Гобби (баритон). И потрясающий надрыв: «Смейся, паяц, над разбитой любовью!..»

16 октября

Исполнилась мечта: тёмно-синий костюм. Его сшила мне маман. Двубортный, правда, перелицованный, но материал чудесный: тёмно-синий в зелёную полоску. «Шик-модерн». Европа «А». Дважды встречался с Наташей, и дважды ссорились из-за пустяков. Смотрели фильм «Секрет актрисы» с Диной Дурбин. Мои любимые актри-

сы: Марика Рокк, Дина Дурбин, Любовь Орлова…

28 октября

Вчера с Борей Давидовским смотрели матч на Кубок «Динамо» (Москва) — «Локомотив» (Москва). Игра была исключительно напряжённая. Болел чрезвычайно бурно.

1 ноября

Читаю том Леси Украинки. Особенно понравилось стихотворение «Contra spem spezo» («Без надежды надеюсь» — латынь):

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

Нет, и в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, осенние, прочь!..

3 ноября

Благодаря Александру Фомичу Малявкину я без труда попадаю на матчи Большого футбола. Он или достаёт мне билеты, или проводит сам на стадион через служебный вход… Великий Саша!

Полузащитник (или инсайд) московского «Динамо». Мы знакомы уже 3 года. Не раз выпивали вместе…

7 ноября

6-го был финал Кубка СССР, «Динамо» — «Спартак». С утра лил дождь, поле как топкое болото, мяч набух, игроки скользили и падали. Мы с Игорем сидели в ковбойских шляпах, но и они не спасали от воды. Время от времени мы снимали шляпы и стряхивали с них набравшуюся влагу… Победила команда Игоря — «Спартак» 3:0. Я был в унынии… В прошлом году я был на 27 матчах, а в этом — на 37! Новый рекорд. Видел 25 матчей московских динамовцев и ещё 5 с участием их дублёров.

12 ноября

Очередной кризис в отношениях с Наташей… Долой рафинированные чувства, грёзы о счастье, щемящая тоска!.. Только смех, пусть сквозь слёзы, но смех. Каким я был раньше — никогда не унывал. Вот таким постараюсь стать опять…

17 ноября

Если бы я вычертил график моего настроения, то получилась бы сумасшедшая кривая, которая безудержно рвалась бы вверх и безнадёжно

падала вниз. Кривая плясала бы в своём непостоянстве, выделывая замысловатые фигуры…

23 ноября

Опять много читаю. Гастон Буассье «Картины римской жизни времён Цезарей», «Метаморфозы» Овидия, сонеты Шекспира и стихи Сергея Есенина — всё в куче. «Я полон дум о юности весёлой, / Но ничего в прошедшем мне не жаль…»

«Жизнь состоит из событий самых разнообразных, самых непредвиденных, самых противоположных, самых разношёрстных; она груба, непоследовательна. Бессвязна, полна необъяснимых, нелогичных и противоречивых катастроф, которым место в отделе происшествий…» (Ги де Мопассан. «О романе»).

27 ноября

Со школьной группой ходили в Третьяковку. Экскурсия «Историческая живопись». Сколько шедевров! Понравилась эффектная картина Флавицкого «Княжна Тараканова», «Портрет Штенгель» Репина, изумительные картины Айвазовского, особенно «Лунная ночь на Чёрном море»… К маме приходил её старый знакомый, фронтовик Борис. Рассказывал о том, как воевал. Какая страшная это штука — война!.. Страшная и

мерзкая. Гибнут тысячи хороших людей…

1 декабря

Я очень люблю новые месяцы. Вот новый — декабрь. Всегда кажется, что с новым месяцем должно что-то измениться, что жизнь потечёт по новому руслу, в котором не будет неприятностей, ссор, тоски, печали… Но пролетают 30 дней всё в той же скучной оболочке. И снова новый месяц и новые надежды…

Читаю Надсона: «Муза, погибаю!.. Глупо и безбожно / Гибну от нахальной тучи комаров, / От друзей, любивших слишком осторожно, / От язвивших слишком глубоко врагов…»

15 декабря

Два дня мучился с юмористическим рассказиком «Пустоцветов, Люда и Ким». Не очень получилось. Концовка такая: «…Пустоцветов ворочался в кровати. Ему снились Сковородкина, стоявшая на вершине Эвереста, Ким Юркин, забивающий гол, листки со стихами, Ниагарский водопад, бананы и прочая галиматья».

29 декабря

Какие новости? Плохие. Лежу. Пожелтел, как лимон. Желтуха. В вену колют глюкозу. От больницы отказался…

30 декабря

Вчера с Наташей были на новогоднем вечере. Я с кровати на бал и с бала на кровать. Большой концерт. Конферировал Афанасий Белов. Выступали Санина и Феона, Козловский, Илья Набатов. Сцену из пьесы «Рассвет над Москвой» разыграли Марецкая, Раневская и Годзи, а из «Джон — солдат мира» — Названов и Викланд. Мило пела Ружена Сикора, аккомпанировал ей Богословский… После высокой температуры ещё умудрился танцевать. Около 7 часов утра домой приехал на машине.

Комментарий спустя (даже трудно выговорить) 68 лет.

Сегодня, когда уже не поют, а зажигают шоу-певички, типа Гагариной и Бузовой, уже не помнят старых звёзд, и Ружену Сикору (1918), которая блистала в 50-е годы. Она пела популярные песни: «Московские огни», «Я писать тебе не стану», «Я жду тебя» и прочую лирику. Фанаты млели, и бывали случаи, когда машину с певицей несли на руках, — фанатели и тогда!.. Все артисты прошлого обладали хорошими голосами (фонограмм не было), пели душевно, сердечно, искренно. Никаких цветовых миганий, подсветок, подтанцовок, подпевок. Только личность и то, чем ты можешь

зацепить зал…

Ну, а Никита Богословский (1918) — легендарный композитор, сколько хороших песен написал: «Шаланды, полные кефали…», «Три года ты мне снилась…». А простенькая, но симпатичная:

Ты ждёшь, Лизавета,
От друга привета.
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне…

Ну и конечно, бесподобная «Тёмная ночь» (слова В. Агатова, и как проникновенно пел её Марк Бернес):

Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звёзды мерцают…

Замечательные мелодии создавал Богословский, а его пресса много раз критиковала и бичевала за «пошлые романсы», за «кабацкую меланхолию» и т. д.

С Никитой Владимировичем Богословским мы не раз встречались в 90-х годах в редакции «Вечернего клуба», в газете для интеллигенции.

Он всегда внимательно читал и следил за моими историческими колонками и иногда восклицал: «Опять Безелянский напутал!..» Богословский собирал всяческие нелепости, ошибки и ляпсусы в своей коллекции «Заметки на полях шляпы». (15 января 2019 г.)

1951 год – 18/19 лет. В волнах неопределённости

Уже повзрослел, но никак не определился, кто я и что я. Впрочем, и в стране ничего особенного не происходило. Ну, ввели в строй Лисичанский химкомбинат, обсуждали проект агрогородков, в Новгороде нашли берестяные грамоты XI века.

Но ни химкомбинат, ни агрогорода, ни берестяные грамоты меня, 19-летнего, не трогали и не волновали. У меня билась и трепетала собственная жизнь. Школа рабочей молодёжи в отличие от обычной не досаждала, наконец-то взялся за ум и сразу стал успешным учеником. Прогулов не допускал, и всё дело шло к аттестату зрелости. Хотя сам по себе школьный аттестат — не зрелость. Ещё Сенека в древности утверждал, что «Не для жизни, а для школы учимся». А американский юрист и писатель Роберт Ингерсолл (1833–1899) пребывал в уверенности, что «школа — это место, где шлифуют булыжники и губят алмазы».

От булыжника я отошёл давно и пытался приблизиться как можно ближе к алмазу. Литературные дали манили и завораживали. Но до

литературы было ещё ой как далеко. В 50-х годах беспрерывным потоком выливались лишь стихи. Об их качестве умолчу…

Прежде чем привести сохранившиеся разрозненные дневниковые записи, по памяти вспомню отдельные моменты из 51-го года.

Скромный, вежливый, умный мальчик, так считали учителя. Но это внешнее впечатление. Внутри по-прежнему метался и часто испытывал стресс. А внешне подчас играл роль лидера. В тот год образовалась великолепная тройка: студент Востоковедения Игорь Горанский, будущий переводчик АПН Виктор Ус и я, школьник, самый младший, но с навыком верховода. Часто собирались у меня в доме. Болтали, выпивали, играли в карты. Я предложил издавать рукописный журнал «Петушок» и самостоятельно выпустил первый номер, но друзья меня не поддержали. Главная тема, вокруг которой всё вертелось: девочки. Все трое испытывали острое влечение к женскому полу. Гедонисты — хотели получить от жизни одни удовольствия. Грехи молодости…

Через горы и поля
Ходят три богатыря, –

наряжал я дружбу в фольклорные одежды. С

Игорем нас ещё связывали футбол, шахматы и стихи: оба считали себя чуть ли не поэтами. Игорю я посвятил поэму «Вопль» (косил под Маяковского):

У нас заведено: или станет проституткой,
Или ни за что не отдастся вовек.
Будет дрожать над своим телом,
Как над золотом старый Гобсек…

Поэма длинная и… плохая. А у Игоря были свои вопли:

Горько и больно мне: снова не верят,
Снова не понят, считают не тем,
Снова придётся сердечные двери
Разумом трезвым прикрыть насовсем…

Обменивались стихами, обсуждали их. Лечились от сердечного непонимания футболом: и сами играли, и ходили на матчи мастеров кожаного мяча. А потом дружба рухнула, когда стали работать вместе, и оба не выдержали испытания отношений начальник — подчинённый.

Теперь о личных делах. С «Ундиной» расстался

на какое-то время, но зато запылал любовный платонический роман с Наташей Пушкарёвой. Встречи, долгие прогулки по просекам Сокольников, часто Наташа приезжала ко мне, когда я жил один. Ворковали, ласкались, но чаще ссорились. Наташа была очень обидчивой и готова внезапно плакать. Поссорились — помирились. А ещё писали друг другу письма (о, блаженные доэлектронные времена!). А какие незатейливые, но полные чувства, строки я писал Н.П.:

Свет очей моих ясных,
Тебя так люблю!
Милая, нежная,
Тебе лишь пою!
Счастье моё, радость моя,
Я жить не могу без тебя…

Читаю сегодня и, как Станиславский: «Не верю!» Но тут же слышу истерический крик Барона из «На дне»: «Было! Было! Всё было!..»

Что ещё? Стихи, стихи и стихи. И любовные к Наташе, и печальные о себе.

Много читал, и в частности почему-то Максима Горького, пьесы «Дачники», «Мещане» и др. В «Дачниках» Варвара Михайловна говорит:

«Жизнь — точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше».

А теперь к дневниковым записям, которые сохранились:

1 января

Встреча Нового года прошла хорошо. Встречали вчетвером у меня: Наташа, Игорь и Тамарчонок… Я даже танцевал… Наташа меня утешала и ласкала…. А ещё я за один день прочитал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Произвёл большое впечатление. Разве это не созвучно со мной, что пишет Джек Лондон про своего героя:

«Писание было для него заключительным звеном сложного умственного процесса, последним узлом, которым связывались отдельные разрозненные мысли, подытоживанием накопившихся фактов и положений. Написав статью, он освобождал в своём мозгу место для новых идей и проблем. В конце концов, это было нечто вроде присущей многим привычки периодически „облегчать свою душу словами“ — привычка, которая помогает иногда людям переносить и забывать подлинные или вымышленные страдания».

2 января

Я вчера лежал на диване и думал: а ведь меня давно влечёт к литературе, и я часто вставал на её путь ещё в детстве. В школе, даже в младших классах, я писал всегда различные статьи и заметки для газет, делал доклады, писал юмористические вещи на злобу класса и т. д. Конечно, это не литература, но всё же… дальние подступы к ней. Проба пера…

5 января

В два дня прочитал сборник «Польская новелла» в 650 страниц…

Какое скучное занятие болеть. Лежишь, отданный на растерзание сломанным диванным пружинам, тупо смотришь на когда-то белоснежный потолок и думаешь. А мысли лезут в голову какие-то глупые или противные… А иногда впадёшь просто в бред…

7 января

Выиграл у Славки в шахматы матч со счётом 10:2. Прочитал «Ледяной дом» Лажечникова.

8 января

Сегодня заставил маму рассказывать о себе, об отце, о моём детстве, которое я вспоминаю через какой-то туман.

9 января

…Пришлось отложить жизнеописание «святого Юрия»: пришла медсестра и спилила очередной укол глюкозы. Желтуха постепенно проходит…

Последний мой литературный герой — Остап Бендер, образ смелого, находчивого и предприимчивого ловца счастья. По вкусу пришёлся его язык с сатирическими оттенками и язвительными интонациями. Я много перенял от манеры разговаривать у Бендера и заслужил у друзей и знакомых кличку «язва» и «злюка». Человеческая глупость всегда достойна смеха…

14 января

(Спустя 59 лет, будучи уже седым и старым человеком, писателем, «известным в узких кругах», странно читать «размышлизмы» 18-летнего юноши, его мучения и метания и даже мысли о самоубийстве: «Уйти, уйти скорей от всего, чтоб, наконец, душа и тело обрели долгожданный покой, — и это будет блаженство…» Сегодня трудно определить: была ли это поза, или на самом деле что-то хватало за горло, — не знаю… И всё-таки отдельные пассажи из того старого дневника я всё же приведу. — 25 марта 2010 г.):

…18 лет! Я всё видел, всё испытал, жизнь — это глупая и пошлая шутка (прав был Лермонтов).

Зачем жить? Зачем учиться? Лучше пьянствовать и прожигать жизнь. А ещё лучше — отойти в сторону от этого банального фарса, именуемого «жизнь», лечь на диван и ни о чём не думать… Странно, когда-то тихий, скромный, умненький мальчик, которым все любовались, превратился в юношу, который бесцельно бродит по улицам, ссутулившись, низко опустив далеко не победную голову, брюзгливый и нахальный… Метаморфоза прошла за последние 4 года, а был застенчивый, нежный, ласковый…

18 января

Вот уже 30 дней не выхожу на свежий воздух, болею, преодолеваю свою желтизну. Чем занимаюсь? Стихотворчеством.

…Она к тебе клонится, как берёзка,
Но не чувствует даже волненье в крови…
…Я устал от такого занятья –
Болтать о любви, повторяясь, как попугай,
Ходить под ручку нежно влюблённым,
Просить: «Любимая, сердце отдай!..»

21 января

Уже здоров. Лёгкий морозец, мягкий снежок, свежий воздух — благодать… Из прочитанных книг — Мопассан. «Булавки» и прочие рассказы. Мопассан исключительно плотский: «Лицо женщины — это десерт, всё остальное — жаркое».

2 февраля

Изучаю вузовский учебник проф. Тимофеева «Теория литературы». Литература — это моя специализация, моя стихия…

7 февраля

Эпиграф из Есенина: «Я б навек забыл кабаки / И стихи бы писать забросил, / Только б тонкой касаться руки / И волос твоих, цветом в осень».

…Но опять я один, и слёзы
Буйно в сердце моём клокочут.
Смеются надо мною грёзы,
Смеются опять и хохочут.

Слова застревают в глотке,
Сердце сжимается болью.
Как хорошо бы в водке
Утопиться со своей любовью.

Весна (без даты)

Открыта книга на столе,
И видит бог, то – Беранже,
Поэт веселья и вина,
Что говорил: ах, пить до дна!
Поэт лукавых женских глаз.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!

Погода пасмурна. Ну, что ж.
Пусть брызнет сверху светлый дождь,
Пусть капли падают так-так.
Но мы идём. Ведь то – пустяк.
Нам дорог жизни каждый час.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!

Пусть денег нет, зато есть ум,
Ведь он дороже всяких сумм.
Идеям нет у нас конца.
Так прочь, тоска-печаль, с лица!
Для нас ведь деньги – не указ.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!..

23 февраля

Писал стихи на всех пяти уроках в школе:

Мне страшно. Я один…
Мой голос тонет в хаосе ненастья,
Среди ветров, метелей и преград.
Мне хочется крупинку счастья…

Крупинку, крупицу… а почему так мало? — это уже вопрос из 9 марта 2019 года. Писал свои так называемые стихи и старательно переписывал чужие — настоящие.

«Устал я жить в родном краю, / В тоске по гречневым просторам…» (Есенин). «Ах, люблю я поэтов, забавный народ» (поэма «Чёрный человек»). Далее Пастернак, Пушкин, Тютчев, А.К. Толстой, Некрасов…

Стихи мои, бегом, бегом.
Мне в вас нужда, как никогда.
С бульвара за углом есть дом,
Где дней порвалась череда,
Где пуст уют и брошен труд,
И плачут, думают и ждут…

Это — Борис Леонидович, 1931, за год до моего рождения.

Немного Байрона

А вот моё стихотворение, можно сказать, программное: о себе и о своей сути:

Я – всё одно непостоянство.
Я соткан из противоречий.
Пестро души моей убранство,
Язык мой – перезвон наречий.

В себя вобрал я нежность лани
И в то же время ярость тигра.
Нет для меня других желаний:
Разнообразить жизни игры.

Сегодня я в тоске грозовой,
А завтра – смех и безмятежность.
Люблю во взоре бирюзовом
Я пламенеющую дерзость.

Стихотворение почти байроническое. У Мандельштама: «Немного красного вина, немного солнечного мая…» А у меня — немного Байрона, мятежного и мрачного. После школьного доклада о Байроне я часто возвращался к судьбе и поэзии поэта, вызвавшего волну «мировой скорби» во

всём мире.

Джордж Ноэл Гордон Байрон (22 января 1788 — 19 апреля 1824). Всего 36 лет жизни, но какой! Поэт, романтик, карбонарий, воин. Разочарованный лорд, страдавший от несовершенства мира и от его социального устройства. Его «Паломничество Чайльд-Гарольда» — это вызов всему и всем. Байрон — это пример трагического разлада с миром и с самим собой. По его образцу стал бродить повсюду тип байронического, рефлексирующего героя. Но в отличие от Байрона большинство только переживали и страдали, а Чайльд-Гарольд действовал и боролся. Увы, я принадлежал только к большинству: только чувства и рефлексии.

Невольно вспоминается удивление Михаила Светлова в его «Гренаде»: «Откуда у хлопца испанская грусть?..» А откуда у советского школьника «мировая скорбь» Байрона?..

Байрону было тесно и горько на родине, в Англии:

Объят тоской, бродил он одиноко.
И вот решился он свой край родной
Покинуть, направляясь в путь далёкий…

Нет, ни как Чайльд, ни как сам Байрон, я, к со-

жалению, не отправился в Грецию, к повстанцам. А кое-как закончил школу, перейдя из дневной школы в Стремянном в школу рабочей молодёжи на Люсиновской улице. Совершенно не думая о будущем, о месте в жизни, крутясь, как белка в привычном круге: писал стихи, читал книги, много выписывал из них, играл в футбол, ходил на матчи на стадион «Динамо», на веранды и в танцевальные залы, крутил романы и крутил головы многим девочкам, девушкам и молодым женщинам. Красивенький, высокий, начитанный — многим нравился. Ещё шахматы. Боже, каким я был тогда легкомысленным. По байроновскому стихотворению «Хочу я быть ребёнком вольным…» (перевод Брюсова).

Однако в классе я не был белой вороной. Если так можно определить, то упадников и декадентов было несколько: кроме меня, Андрей Тарковский и Игорь Шмыглевский, который тоже писал стихи:

Наш удел – безвольной тряпкой волочиться,

Проклиная счастья радужные сны…

* * *

2 марта 1951 года исполнилось 19 лет. В дневнике все весенние страницы уничтожены (семейная цензура?). Вспомнить точно невозможно: всё, как в тумане, слилось и перепуталось. Но на первом плане снова поэзия, футбол и любовь. А где тригонометрия с химией?!. Писал стихи сам, много читал разных поэтов и даже вникал в технологию поэтического творчества, в рассуждения специалиста — языковеда Александра Афанасьевича Потебни — о том, что поэтическое творчество есть уяснение поэтом для него самого его сначала ещё смутных, неосознанных ощущений. Истинный поэт «даль свободную романа» всегда сначала различает «неясно», «сквозь магический кристалл» (Пушкин)…

О встречах и любовных приключениях говорить не буду. Вместо этого строки Сумарокова из XVII века:

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися: без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что всё про-

шло несчастно.

Одно из приключений зафиксировали с Игорем Горанским в совместной повести-репортаже «Волшебные дни в Новозагорском лесничестве», стилизованной под стиль «Двенадцати стульев».

«В вагон вошли со словами: „И что бы вы без меня делали?“ И каждый был уверен в собственной незаменимости…»

А ещё в дневнике 1951 года записаны тексты песен и ариеток Александра Вертинского:

Но дни бегут,
Как уходит весной вода.
Дни бегут,
Унося за собой года…

У Вертинского в конце признание, что «И от всех этих дней / остаётся тоска / одна! / И со мною всегда она…»

Нет, конечно, не тоска, а вихрь юношеских встреч и событий. Но была и тревога за маму, которой делалось всё хуже и хуже — приступы головной боли. Худо стало с деньгами, и я мечтал: «Скорей бы в институт, там хоть маленькая, но всё же стипендия…» (24 ноября).

1952 год – 19/20 лет. Смерть мамы. Аттестат зрелости. Женитьба как спасение утопающего

Дневниковые записи отрывочны, и надо восстанавливать картину того далёкого олимпийского года (крах советских футболистов на Олимпийских играх в Хельсинки). Год оказался роковым и для меня: смерть мамы 14 июня. Жизнь переломилась на «до» и «после».

«До» — жизнь с мамой, ни забот, ни хлопот. Без контроля и опеки. Сплошная мамина любовь. Она так любила выходить со мной на улицу — под ручку с сыном и гордилась, какой он большой и красивый!.. А я, глупый, стеснялся ходить с мамой (ещё подумают: маменькин сын) и вырывал руку. Мама дала мне всё, что могла, а я, к горькому сожалению, дал мало ответной любви и ласки (не я первый и не я последний. Дети, как правило, неблагодарные существа)…

Мама долго болела (но при этом, не уставая, строчила на своей машинке). Последствие контузии в голову во время войны от разбитого окна в доме какой-то знакомой на Чистых прудах. Её

преследовали жуткие головные боли. Постоянные вызовы врачей, лекарства, кислородные подушки. И я постоянно бегал по аптекам. И вот роковая развязка. Мама прожила 43 года. Господи, как мало!..

Она предчувствовала свою кончину, и душа её болела за меня, что будет с сыном, школьником, который, так уж сложилось, в 20 лет был просто НИКТО. Книги и стихи не в счёт. А институт, а профессия? О, если бы она прожила подольше, то наверняка гордилась за своего «оболтуса», который в конце концов стал уважаемым человеком: журналистом, писателем, автором многочисленных книг. Но в июне 1952 года ничего этого не было. Не было и намёка на успешное будущее. И тяжесть за судьбу единственного сына придавливала маму…

14 июня я пошёл в школу на экзамен по химии, а к маме приехала племянница Ляля, на руках которой и умерла мама. На экзамене я что-то лепетал, а сердобольная химичка меня даже не слушала (в школе уже знали, что у Ю.Б. в доме произошло несчастье, но никто мне ничего не сказал: побоялись…). Сдав экзамен на четвёрку, мы в привычном трио — я, Курочкин и Чайкин — пошли отметить сданный экзамен и выпили

немного вина. Распрощавшись с приятелями, я пошёл домой. Вхожу в коридор 5-го этажа и вижу в конце его, у нашей двери, крышку гроба. Мгновенно понял всё и… потерял сознание. Очнулся, когда надо мною колдовала медсестра…

Тяжёлым было прощание на Ваганьковском кладбище с отпеванием в церкви 18 июня. Родственники — два дяди, два маминых брата, — утешали меня, но никто не предложил конкретной помощи и не дал никаких советов, как жить дальше. И пошёл отсчёт времени «после»: покатилась другая, самостоятельная жизнь, когда пришлось самому думать, вертеться и принимать решения. Как единственному наследнику мне досталась дача в Тайнинке, половину которой я был вынужден продать и на некоторое время защитить себя материально.

Школу я закончил и получил аттестат зрелости, и встал вопрос о поступлении в институт, хотя кто-то из соседей по дому робко посоветовал пойти в техникум при Гознаке (а он был напротив дома) и выучиться на гравёра. Какой гравёр? Только институт, но анкета с записью «сын врага народа» не позволила пойти туда, куда хотел: ВГИК или ГИТИС. Пришлось выбрать вуз попроще: экономический на Зацепе, где, кстати,

лаборанткой работала будущая жена. Недобрал один балл (20 из 25). А дальше засветила армия, но идти служить мне не хотелось и даже пугало. Решил проболтаться год и вновь поступать в августе 1953 года, повторяя «только в вуз», как мантру. Наверное, это была ошибочная ставка. Лучше бы поискать какую-нибудь работу, но никто не подсказал, не посоветовал, не помог. Сам я пребывал в некоторой растерянности и громыхал в стихах, подражая Маяковскому, критикуя обывателей, которые «без взлётов фантазий и смелых дерзаний», ходят на премьеры, курят «Казбек» и имеют «жену с шёлковой блузкой» (чем не угодила шёлковая блузка?):

По-вашему, это и есть человек?

По-моему, только моллюски…

А дальше в стихотворении я сравнивал себя с овцой, которую остригли и «выжгли дотла сердечные тигли». И в конце крик:

Сегодня души моей химеры

Предсмертный бросили, как вызов, крик!!!

Стихотворение длинное, написано в период декабря 1952 — января 1953 года (а в это время

я был уже женат, бросившись головой в омут). Ну, а крик воплотил художник Эдвард Мунк, его вопиющий холст «Крик» я увидел значительно позднее.

Итак, тонущий корабль оказался без помощи. Одни только сигналы SOS. А где девочки, подруги? С Наташей Пушкарёвой как-то не спелось, любовь выкипела до дна, и мы тихо расстались. «Ундина» рядом, но она была явно не ровня мне. Появилась Мила Тимофеева, вроде бы любовь, но это из серии любви ради любви (о ней в главе «Девочки»). Ещё одна «кандидатка в фаворитки» (определение Игоря Северянина) — Алиса Тарасова, студентка иняза и, кажется, дочь генерала из органов. Мы с ней познакомились в конце 1951 года, гуляя по аллее вдоль Морозовской больницы на Мытной улице. Она была начитанна и звала меня коротким именем «Ю». Когда умерла мама, я ей сообщил об этом, она рассказала своей маме, и та пригласила меня на пару дней приехать к ним на дачу. Я поехал и был там обласкан, почувствовал настоящий семейный уют. Это были два дня, как облачко в небе, лёгкое и приятное. Мы с Алей гоняли на велосипедах, целовались и изливали душу друг перед другом.

Спустя какой-то короткий промежуток време-

ни уже в Москве, в Мароновском переулке около парка Горького, мы зачем-то зашли в её дом (родители на даче), и там состоялась гамлетовское «быть или не быть». Я посадил её на стул, стоял около и горячо её целовал, она горячо откликалась, однако мою попытку предпринять нечто решающее она отклонила. Я выпалил: «Выходи за меня замуж!» Она ответила: «Милый Ю, мне ещё рано…» Отказ, отлуп — понимай, как знаешь.

Действительно, а ей это было зачем?! Она — генеральская дочь, ей надо закончить институт, делать карьеру, а создавать молодую семью да ещё с перспективой получить ребёнка, и что, конец всем планам? А кто, собственно, жених, кто он и что? Милый, приятный, обходительный, но ведь этого недостаточно… Короче, по старому романсу: он был титулярный советник, она — генеральская дочь. Социальная несовместимость. «Она прогнала его прочь». А тут не титулярный советник, а молодой человек, не подошедший даже к двери какого-нибудь департамента. Хотя если бы она согласилась, то был бы возможен вариант, когда генерал-отец за уши вытащил меня из воды на благополучный берег. Но вариант не состоялся.

Знаки внимания в школе оказывала мне за-

вуч, она же и историчка, но тут меня пугала возрастная разница. И тогда я обратил уже сам внимание на одну из учениц класса — приведу только инициалы Г.В. Я ей очень нравился и сделал выбор в её пользу. Роковой выбор. Во всех смыслах неудачный. Я не годился в мужья ни по какой статье, но и выбранная женщина, хотя и была старше меня на один год (20 и 21), но тоже оказалась неспособной сопротивляться бушующим волнам жизни. И получалось под романс Вертинского:

Пей, моя девочка, пей, моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастья нам не дано.
Нас обманули, нас ложью опутали,
Нас заставляли любить…

Эти слова Вертинский написал в 1917 году, в Одессе. В год революции. Если говорить о нас, то она любила, а я заставлял себя любить, чтобы сохранить тепло в семье. Счастье отсутствовало. Была только видимость. Имитация.

Официальный брак был зарегистрирован 28 сентября (через три с половиною месяца после

смерти мамы). И удивительным образом продержался почти 15 лет, до августа 1967 года. «Каждое супружество — мезальянс», — утверждал австрийский писатель Карл Краус, а уж этот был абсолютным мезальянсом, по всем статьям мы были разными: по темпераменту, по знаниям, по отношению к миру. Совпадение было одно: неумение вести быт и хозяйство. Всё было кое-как. А рождение ребёнка лишь усугубило положение. Но что об этом? Это прошумело и прошло…

А в конце 1952 года в один из дней звонок в дверь. Открываю — на пороге Алиса Тарасова, генеральская дочь, с ярко накрашенными губами. Почему? Зачем? Как вызов или приманка? Сказала, что хочет со мной прояснить отношения. Я с грустью в ответ: поезд ушёл… А мог и сказать, что коней на переправе не меняют. А я как раз был в состоянии переправы в новую жизнь.

На этом точка (январь 2019 г.), и перейдём к сохранившимся листочкам дневника, что я записывал именно тогда.

* * *

1 января

Встреча Нового года и новый любовный сюжет: Мила Тимофеева. «Она отдалась без упрёка, / Она

целовала без слов…» (Бальмонт).

«Всякий мыслящий человек знает, что жизнь — неразрешимая загадка; остальные тешатся вздорными выдумками да ещё попусту волнуются и выходят из себя…» (Драйзер, роман «Финансист»).

И вспомню Блока:

Или устал ты до времени,
Просишь забвения могил,
Сын утомлённого племени,
Чуждый воинственных сил?..

Комментарий. Воинственных сил как раз и не было. Была сплошная рефлексия. Хотя поставил себе целью совет Джона Голсуорси: «Чувства — это змеи, которых надо держать в банках с притёртыми пробками», — совету этому так и не последовал. И писал какие-то женские жалостливые стихи:

Ах, вот судьба! Ужель ты мне
Готовишь только слёзы и мученья,
Чтоб, к подушке прижимаясь в тишине,
Не мог найти себе я утешенья?..

И что я один такой, который терзался мыслями и чувствами? Бельтов из книги Герцена «Кто виноват?» признавался:

«Ну, как тяжело всё это, право, если б вперёд говорили условия, мало нашлось бы дураков, которые решились бы жить».

Снова рассуждения, воспоминания, причитания, а где конкретные записи из дневника?

29 февраля

Новости такие: получил два письма от Милы и Чонка. Милино: «Здравствуй… Я очень тоскую по тебе и поэтому не могу заниматься даже. Решила написать, может, станет легче. А о чём писать, не знаю… Хочется посмотреть в твои глаза, прочесть в них „люблю“ и положить голову тебе на грудь…»

(А далее в дневнике выписки из Максима Горького):

«…Вспоминая о евреях, чувствуешь себя опозоренным. Хотя лично я, за всю жизнь мою, вероятно, не сделал ничего плохого людям этой изумительно стойкой расы, а всё-таки при встрече с евреем тотчас вспоминаешь о племенном родстве своём с изуверской сектой антисемитов и о своей ответственности за идиотизм соплеменников… Не больше ли „человека“ в семите, чем в

антисемите?..»

Ремарка. Моя голова была забита не только любовью, волновало и многое другое… (21 января 2019 г.)

Начало марта (даты нет — листы уничтожены)

Захожу к «Нехаевой», она — неистощимый поставщик книг. Читаю «Визу времени» Эренбурга и прочитал «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921). Сколько ума, остроумия, блеска, скептицизма и меткости…

«Когда весь сад давно обследован, — он говорил, — тщетно ходить по дорожкам с глубокомысленным видом и ботаническим атласом. Только резвясь, прыгая без толку по клумбам, думая о недополученном поцелуе или о сливочном креме, можно случайно натолкнуться на ещё неизвестный цветок…»

«Как ни была возвышенна и заманчива любовь в произведениях всех лучших писателей, как ни были сладки пухлые губки Нюры, многое заставило его призадуматься. Нюра не Стеша и не Маруня, у неё отец и прочее, значит — жениться. Но Нюра не Беатриче, у неё нет жажды божественного и священного бунта. Значит — служба, пелёнки. Главное дети — разве можно читать Ницше или Шопенгауэра, когда младенец пищит

рядом?..» (Илья Эренбург. «Хулио Хуренито»).

Март (без даты)

Люблю статистику. С марта прошлого года по март нынешнего года в кино просмотрел 33 кинофильма, причём три картины — «Яника», «Артисты цирка» и «Моё сокровище» — по два раза. Среди картин понравились: «Маленькая мама», «Мечта», «Девушка моей мечты», «Вратарь», «Первый бал», «Под небом Сицилии», «Боксёры», «Котовский», «Петер».

За три месяца 1952 года сыграл 79 шахматных партий: 44 победы, 8 ничьих и 27 поражений. А в 1951 году была сыграна аж 631 партия!

За два месяца 1952 года прочитал 24 книги: несколько томов Горького, Козьму Пруткова, по одному тому Байрона, Брюсова и Маяковского, избранное Мицкевича, ещё Хафиз, Петефи, Саади, сборники Ахматовой и Цветаевой, «Виргинцы» Теккерея, ещё Эренбург и даже сборник «Маркс и Энгельс об искусстве».

18 марта

Снова выпал снег и кругом всё бело. Видно, весна-то ещё будет не скоро. Настроение так себе…

(И опять уничтоженные листы. После женитьбы пришлось ликвидировать многие страницы,

ибо в них было много описаний встреч с разными девушками и пришлось «подчищать» жизнь. Пропали страницы, связанные со смертью мамы…)

19 марта

Круглая дата — 20 лет — 2 марта пролетела как-то кувырком, а поэтому, встретив Андрея Захарова, толстяка с аккордеоном, затащил к себе, благо был один, и тут же появились Горанский с Усом и с девочками. И мы, конечно, оторвались. Захаров угостил нас популярными западными мелодиями: «Конанногеф, конанногеф… Александер бэнц регтайм», «Венгерским танго» и прочими музыкальными яствами. И я лихо оттанцевал.

24 марта

Уже совсем иное: провёл несколько часов в доме-музее Маяковского, обложился книгами, читал и выписывал: «Пепел» Андрея Белого, стихи Брюсова, Асеева, «Жизнь с Маяковским» Василия Каменского и др. Почти пиршество.

Вставка в дневник

Который я не вёл, а выделенная под дневник общая тетрадь № 20 заполнена перечнем прочитанных книг и записью сыгранных шахматных партий с собственными комментариями. Разброс

книг поражает, чего только не читал и каких авторов: тут и «Обрыв» Гончарова, и «Жизнь во мгле» Митчелла Уилсона, и Тургенев с «Асей» и «Первой любовью», и Батюшков, Денис Давыдов, Дельвиг, Языков, Бодлер, Верхарн и даже Аветик Исаакян:

Душа – перелётная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
И тьма впереди и в былом…

Перевод Пастернака… Ну, и всякие цитаты, чтобы намотать себе на ус: «Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё…» (Тургенев).

В мае-июне выпускные экзамены и, очевидно, было не до дневника, да и те, страницы что были, оказались вырванные (любовные подробности?). А 14 июня страшный день: смерть мамы. И молчание на страницах…

17 июля

После 34-дневного перерыва (с 12 июня) я вновь возвращаюсь к своей излюбленной писанине, как любила выражаться моя мама… В сердце сосу-

щая и томящая боль. В голове какая-то идиотская пустота, такая же в карманах. При ощутительных зовах голодного желудка начинается новая жизнь. Я крепко стискиваю зубы и становлюсь на это вертящееся колесо жизни…

У двери Богатства я долго стучал:
К ногам моим грош из окошка упал…

Фридрих Рюккерт, немецкий поэт

Без даты

Продолжаю ходить в кино, смотреть футбольные матчи и читать книги. Среди прочитанного: «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Успех» Фейхтвангера, «Король Лир» и «Укрощение строптивой» Шекспира, «Люди с чистой совестью» Вершигоры и «Судебные речи» Вышинского…

28 сентября

Брак с Г.В. И в этот же день две футбольные сенсации: московские клубы «Динамо» и «Спартак» дружно проиграли на своём поле киевлянам и железнодорожникам с одинаковым счётом 0:3. Разгром. Катастрофа. Уж не знак ли небес?..

30 ноября

Ободряющий стих:

Что нам деньги?!
В них ли счастье?
Мы без денег проживём –
Лишь бы только вдруг несчастье
Не повадилось к нам в дом…

…Что нам деньги?
В них ли счастье?
Деньги только лишь багаж.
Покупать на них бы сласти –
Вот моя была бы блажь.

Нет, шучу я, но, конечно,
В деньгах есть, пожалуй, толк:
Можно быстро и успешно
Возвратить соседке долг.

2 декабря

Ещё одно стихотворение. Вот начало: «Милый город потонул в сугробах. / На деревьях сказочный наряд. / Щёки у прохожих словно сдобы / Нарумянены и горят…»

И концовка:

Ново то, что я хожу по снегу,
Всё ищу и всё хочу найти.

Но напрасно. Нет нигде ночлега.

Так же одиноко на пути.

Реплика. И это написал молодой муж при молодой жене? А где счастье? Где покой и умиротворённость в душе?.. (21 января 2019 г.)

7 декабря

Попытка перевода. Киплинг — «Six serving men»:

Шесть честных слуг есть у меня,

Они всё знают, как никто,

Их имена: «что», «где», «когда»

И «почему», и «как» и «кто»…

И концовка про девушку, у которой не шесть слуг, а:

Миллион «как», два миллиона «где»

И «почему» миллионов семь.

Но это всего лишь попытка: переводчика из меня не вышло. 1952 год — это сплошные терзания («миллион терзаний»), раздумья и думы. Как там у Тараса Шевченко:

Думы мои, думы мои,

Лихо мэни с вами!..

Далее в дневнике записаны прочитанные стихи: Лермонтов, Михаил Михайлов, Фридрих Рюккерт, Вероника Тушнова и др.

Не о работе и о заработке думал «мальчик», а всё продолжал бродить по поэтическим садам и чащам. Плюс футбол, кино. «Судьбу солдата в Америке» смотрел 3 раза.

Такое впечатление, что 20-летний Ю.Б. не только читал книги, писал стихи, играл в шахматы, ходил на футбол, встречался с девушками, но и как-то справлялся с бытовыми проблемами. Десятый класс позади. Аттестат зрелости в кармане. И что дальше? Пожалуй, логично перебить ход хроники вставной главой «Девочки», как некую черту под молодыми годами, под безбашенной юностью.

Вставная глава: Девочки, как вишенки на торте «Воспоминаний»

Мы жили, любили, искали, встречали,

Чтоб верить и плакать, чтоб славить и клясть…

Но радостных встреч нам досталась – едва ли

Десятая часть!..

Валерий Брюсов

Мария, хочешь такого?

Пусти, Мария!..

…Мария – дай!..

Владимир Маяковский.
«Облако в штанах». 1915 г.

Луч луны упал на ваш портрет.

Милый друг давно забытых лет…

Из репертуара Леонида Утёсова

Блондинки, брюнетки, шатенки,

Я с грустью на вас погляжу…

Из песни Аркадия Северного

Времена меняются, и книги отражают эти изменения. Целомудренная классическая русская литература и патриотическая советская игнорировали плотскую сторону любви. Только вот Бунин смутил всех своими «Тёмными аллеями». В советские времена на первом месте стояли Любовь к Родине и самоотверженный труд во

имя строительства коммунизма. Даже в фильмах, когда показывали постель, то в ней герой под одеялом лежал в наглухо застёгнутых брюках и был рядом с любимой женщиной бесполым и бесстрастным. Да и пели о том, что «Первым делом, первым делом — самолёты. Ну, а девушки? А девушки — потом…» И помните рявк одной советской женщины на телемосте СССР — США: «В Советском Союзе секса нет!»

Был-был, отважная ударница труда и глупая жертва пропаганды. Но как бы подпольно, и детей находили аисты отнюдь не в кустах. И помните первые кинопрорывы в этой запретной теме? «Маленькая Вера», «Интердевочка»… Но рухнул Советский Союз, а с ним рухнули цензура и все запреты. И выяснилось, как объявил шукшинский герой: «Народ к разврату готов!..» Телевидение последних десятилетий довершило дело и растоптало последние остатки общественной морали. Бесконечные откровенные до безобразия шоу: кто, с кем, когда, за какие деньги, а кто отец? И необходимо делать анализы на ДНК. Жуть как захватывает!..

Лично у меня свой опыт по этой части, и попробую кое-что вспомнить, без физиологических подробностей, прикрывшись романтическим

флёром, да и поэты помогут (как же без них?). Желание Маяковского «Дай!» Константин Симонов облёк в театральную мизансцену:

Пусть три шага ты мне позволишь взглядом:

Шаг к двери – заперта,

Шаг к лампочке – темно,

И шаг к тебе, чтоб быть с тобою рядом…

А одна поэтесса послесимоновской поры добавила важную деталь:

Что в имени тебе моём?

Ты оцени груди объём…

Нина Краснова: «Неважно нам, какой в стране режим, / А важно то, что мы с тобой лежим». Сталинское время — не сталинское, хрен с ним! Мы молоды, и нам хорошо!..

Но это всё маленькая прелюдия. Пора приступить к воспоминаниям и персонам. К девочкам. И сразу вспоминается старший Аркадий Вайнер, который, когда снимался сериал «Академия любви» на «Дарьял-ТВ», всегда меня спрашивал: «А какие сегодня будут девочки?»

Прости меня, Господи, в мои молодые годы их

было так много, что всех и не упомнишь. Пожалуй, первая была Софочка в детском саду НКВД, дочка какого-то офицера госбезопасности. Она мне нравилась, и я её поцеловал. В 6 лет — неплохое начало. Потом в первом и втором классе, когда было ещё совместное обучение, я питал интерес не к маленьким одноклассницам, а к более развитым пионервожатым и с ними водил «дружбу». На первых порах я всегда выбирал девочек старше себя. Сначала это были старшеклассницы, затем и студентки, которые не подозревали, что имеют дело всего лишь со школьником, правда, с высоким (относительно, 175 см), и симпатичным, а может даже, и красивеньким.

Параллельно встречам я подковывал себя теоретически, читая не только Мопассана и Стефана Цвейга, но и запрещённый «Половой вопрос» Августа Фореля.

Резанули строки Сергея Есенина из поэмы «Чёрный человек»:

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, –
Как прыщавой курсистке

Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою…

Рассуждать о любви, теоретизировать — увлекательное дело, можно продолжать и дальше, но по Александру Галичу: «А из зала кричат: „Давай подробности!“» Придётся уважить любопытных.

Знакомых девочек было много и по парку Горького — любимое место для гуляния, — и по разным танцверандам и площадкам. Из девочек первой «плеяды», пожалуй, можно выделить двух: в Тайнинке сельскую учительницу младших классов Веру. Представьте: мне 15 лет, и мы с юной девой, стоя у дачного забора, под льющимся светом луны, нежно целуемся. Какая сладость! Одна платоника и ничего более. Или уже в Москве, в Георгиевском переулке, за улицей Горького, вечером допоздна сидели с пухленькой Леной, тесно прижавшись друг к другу. Я разглагольствовал о любви Ромео и Джульетты, а она покорно слушала все эти любовные небылицы и, наверное, думала: «А мальчик какой-то странный». Эти два эпизода среди прочих других почему-то особенно запомнились.

Первые крепости не очень охранялись, но для

их штурма у меня не находилось решительности и отваги.

Первая крепость — Римма С. держала свои ворота открытыми; пожалуйста, воин, входи!.. Мне было 16, ей 20 лет, она работала на парфюмерной фабрике «Новая заря» напротив наших корпусов в Арсентьевском переулке. Я встречал её у ворот после вечерней смены, пахнущую духами и пудрой, и провожал до дома в конце Тульской улицы, за железнодорожными линиями. Подъездная любовь без всякой романтики. Миниатюрная фигурка, сияющие голубые глаза, блондинка, была покорена мной сразу: таких интеллигентных мальчиков до меня у неё ещё не было, и это ей, кажется, льстило.

То было не любовью, а всего лишь любовная связь в чистом виде и длилась несколько лет: встречались и у меня дома, и у неё, когда не было посторонних свидетелей, и в чужих квартирах. Сначала «Ундина» — так я её звал в своём дневнике, — ни на что не претендовала, кроме внимания и ласки, а потом ей захотелось большего. Я категорически возражал, тогда она стала меня шантажировать и грозила отравиться, — я выбил из её рук однажды стакан с непонятной жидкостью. Как тут не вспомнить Маяковского и

его стих «Маруся отравилась»:

Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
«Ужасное мещанство –
семейный этот плен»…

Параллельно с «Ундиной» я встречался с другими девочками и далеко не девочками, но время от времени возвращался к Римме: она была удобна и всегда «под рукой». Разошлись окончательно, кажется, в 1951 году. Спустя чуть ли не 30 лет, когда я стал уже писателем, она вдруг позвонила по телефону и попросила меня. «Кто вы?» — спросила Ще. «Я его тайна», — ответила она. Я взял трубку и услышал её голос: хорошо бы встретиться, я одна, пережила и похоронила двух мужей… Я ответил твёрдо: «Нет! Встречаться не следует ни в коем случае, лучше остаться в памяти друг друга молодыми. Сериал давно закончен!..»

В конце 40-х — начале 60-х годов было несколько историй из «нашего двора». Соседка с 4-го этажа Ира Ю., прозванная мною «Пантерой». Темпераментная особа, впоследствии ставшая эстрадной певицей. В истории с ней никаких сантиментов, один физиологический интерес. Нас застукала любопытная соседка из её квартиры,

которая была коммунальной. Я ждал скандала, но его не последовало. Мать Иры и моя мама находились в приятельских отношениях и, очевидно, порешили: ну, случилось, но это лучше между своими, чем между чужими. Без скандала всё покатилось и дальше…

В соседнем корпусе жила некая Наташа по прозвищу или по фамилии Перчик, из писательского клана, чуть ли не Самуила Маршака. Раскованная евреечка, без тормозов. Всё началось с того, что она пришла ко мне в гости и попросила поставить чайник, я вышел на нашу кухню-прихожую, а когда вернулся, застал женщину с перцем уже полностью раздетой и раскинувшейся на диване в соблазнительной позе. Белизна тела и груди по Северянину: «здесь не груди, а дюшес» (сорт южных плодов).

Завихрились отношения, она часто приглашала к себе и предлагала брать почитать книги на выбор из своей большой библиотеки. У меня библиотеки не было, и книги становились приманкой охотницы за наслаждениями. Я звал Наташу «Нехаевой» по имени одной из героинь «Жизни Клима Самгина». С ней был связан один разгульный эпизод. Наташа попросила меня как компаньона отметить её день рождения в одном

из лучших ресторанов Москвы и вручила для этого большую сумму денег. Мы поехали и загуляли, как дореволюционные московские купчики. Крепко выпили и понаслаждались разными блюдами и деликатесами. А уходя, я затребовал от официанта принести любимые конфеты «Мишка косолапый». Принесли целую вазу конфет (не меньше килограмма). Я рассовал все конфеты по карманам, и мы, довольные, навеселе отчалили в сторону Замоскворечья. Потом этот эпизод послужил поводом для заголовка в «АиФ» — «Два кило „Мишек“ из ресторана „Савой“», так в еженедельнике было представлено одно из первых описаний жизни Ю.Б.

С «Нехаевой» был связан ещё один момент из жизни, когда она пригласила меня и Игоря Горанского в одно из подмосковных лесничеств, где она снимала дом, и там мы лихо провели время. А затем наши пути с ней резко разошлись: я женился, завёл семью, поступил в институт, а Наташа что-то стала болеть и как-то опускаться, платя по счетам за свою явно беспутную жизнь.

Однажды она меня укорила, что я не так, как надо, поступил с её подругой Леной (Лена широкая). Я оправдывался: «Но она сказала мне „нет“». На что Наташа ответила: «Её „нет“ означало „да“,

глупый ты человек!..» Потом с этой Леной я исправил свою ошибку и записал на свой счёт ещё одну победу, хотя до Казановы мне было ещё далеко…

Так как мама несколько раз уезжала к отцу в Сибирь в безуспешных попытках наладить свою семейную жизнь, я вовсю пользовался свободной квартирой. На жаргоне тех лет у меня была своя «хата», в которой побывала не одна «юбка». Одни только сидели на коленях и пили нектар губ, другие чётко понимали свою функцию.

В 1950-м студент Архитектурного института Виктор Шерешевский приходил на мою «хату» со своей любовницей и с какой-то подругой для хозяина. Что скрывать: было и такое. Но ту старую свою «испорченность» я оставил глубоко в прошлом. Какой-то поэт сравнил женщин с поездами: «а бабы — это электрички». Промчались, просвистели. «Одна ушла — дождись другой». Я не ждал, они сами как-то являлись, возникали из воздуха…

Возможно, промчавшаяся электричка — это образ интересный. Но у читателя может возникнуть вопрос: а была ли любовь? Была и только в юные годы одна: Наташа Пушкарёва, моя ровесница, зелёные с синевой глаза, плотная шатенка с косами. Лаборантка, а потом студентка Инсти-

тута востоковедения. Мы сразу понравились друг другу, как познакомились на майском вечере её института 26 апреля 1950 года (нам по 18). Джаз играл весь вечер, всю ночь и до утра. Мы танцевали и гуляли по началу сквера (тогда он был) сразу за Белорусским вокзалом на Ленинградке. Наутро пришёл домой, немного поспал и написал восторженные строки:

Она! Она!.. Глаза и руки,
И косы толстые, и зубок ровный ряд,
Долой печали, одиночество и муки,
Я вновь оденусь в радостный наряд!..

Строки беспомощные, но чувства были настоящие, переполнившие душу. Мы стали встречаться и провели вместе три праздника: май и ноябрь 1950 года и встретили новый, 1951-й. Основное место встреч — бесконечные Лучевые просеки парка Сокольники.

Влюблённость и встречи потянули за собой цикл стихов, который я так и озаглавил «Любовь». Чувства переполняли меня: «Вновь стала жизнь чудесной и прекрасной…» И далее много чего. «О, этот миг, не уходи!..» Цитировать дальше не имеет смысла: то была настоящая юная любовь или затяжная болезнь влюблённости? Но

это было нечто другое в отличие от отношений с другими «девочками». Но, увы, не всё было гладко: столкнулись разные характеры, и мы то и дело сталкивались по любым поводам. Ссорились, обижались, дулись друг на друга. Словом, любовь с препятствиями, как бег с барьерами. Я хотел полного слияния с любимой девушкой, она ограничивалась объятиями и поцелуями. И возник конфликт, даже есть точная дата из оставшихся записей.

24 сентября 1951 года у меня дома осталась на ночь «Ундина», а на следующий день приехала Наташа. Дозированные ласки, и вдруг звонок в дверь: я подумал, что вернулась «Ундина», и стал судорожно думать, что делать. Дверь не открыл, выпил для храбрости водки и рассказал Наташе, что у меня есть другая для sex appeal («зов пола»). Грандиозная, почти мхатовская сцена, и Наташа уходит. Полный разрыв? Нет, она неожиданно пришла 13 октября и позволила себе некую вольность, расстегнула пуговички на блузке и обнажила грудь. По строчкам Пастернака, цитирую по памяти: «Грудь под поцелуи, как под рукомойник…» Но только грудь…

Однако что-то надломилось, и наши отношения, напряжение и накал пошли на убыль. А

смерть мамы совсем перевернула мою жизнь. А вскоре и женился — ни о какой Наташе не могло быть и речи. Мы встретились с Пушкарёвой, когда работал уже на радио, встречу организовал Горанский. Она служила в бюро обслуживания гостиницы «Националь» и на полчаса вышла со мною на Манежную площадь. И оказалось, что говорить нам не о чем. Камин потух, и лица наши не освещались огнём. «Всё прошло, как всё проходит. / И простились мы неловко…» — это уже Северянин. А через несколько лет я узнал, что Наташу сгубила смертельная болезнь. Мне её очень жалко до сих пор. По-человечески…

А тем временем в 1951 году на футбольном поле (или на любовном?) появилась замена: десятиклассница из москворецкой окрестности Мила Т. Симпатичная, плотная, синеглазая. Она, как говорится, запала на меня, я — на неё. А у неё к тому же был козырь: в её карманах постоянно находились дорогие шоколадные конфеты, что для меня, как сластёны, было сплошное удовольствие. И снова вихрь, самум, тайфун, цунами и прочие катаклизмы любовного увлечения. И встречи, да ещё обмен любовными посланиями (кто сегодня пишет любовные письма? Только короткие SMS).

Новый, 1952 год мы встречали вчетвером — две

пары, — у меня в маленькой комнате — 14,7 кв. м. И… Футбольный тренер Валерий Карпин очень любит в разговорах-диалогах это протяжное «и», мол, а что дальше?.. Дальше понятно. В подтверждение своих чувств и намерений Мила вручила мне свой паспорт: я — твоя!..

Дальнейший разворот был таков: родители Милы, узнав о том, что произошло, срочно приняли меры по спасению единственной дочери, и меня попросили прийти на разговор с отцом. Я пошёл, мне вся эта история казалась какой-то театральной забавой: Мила — жена? Это смешно!..

Отец Милы был при параде: в костюме, в галстуке и на груди золотой знак лауреата Сталинской премии. Говорил он со мной сдержанно, но весомо: любовь — это хорошо, но Мила молода и ей нужно закончить школу и институт, ну, а уж потом совсем другое дело… да и вам не следует спешить…

Всё правильно, я не возражал и спокойно вынул из внутреннего кармана Милин паспорт и вручил отцу. Он пожал мне руку, и я покинул добротную квартиру в отличие от своего убогого пристанища. Вскоре Милу отправили из Москвы в «глушь, в Саратов». И полетели из далёкого далёка письма о разрушенной любви и глубокой

тоске. Казалось бы, финал. Но было и эффектное продолжение. Я вынужденно и скоропалительно женился. Мила объявилась в Москве в качестве невесты (новый избранник — молодой офицер), но при этом неугомонная Мила предъявила Г.В. «право» на меня, мол, «отдайте мне своего мужа!». Возникла перебранка между двумя женщинами…

В один непредсказуемый день Мила заявилась ко мне на Арсентьевский и именно в тот момент, когда я был один (Г.В. лечилась в санатории). Явилась, чтобы поставить окончательную точку в наших отношениях: с ходу увлекла меня, если выражаться высокопарно, в бездну любовной страсти. Своим телом она как бы мстила за то, что всё сорвалось, и по этому поводу решила метафорически выпить бокал шампанского, напоследок, на память…

Вот такая была история. Как сложилась судьба Милы, я не знаю. По слухам, в браке родила несколько детей и работала буфетчицей в фойе гостиницы «Россия», где проходили торжественные мероприятия и концерты. И вряд ли об этом мечтал её отец, лауреат Сталинской премии…

Ну, я, женившись, немного остепенился, но до нуля, конечно, дело не дошло. Каюсь: изменял

первой жене, увы, женился не по любви, не по влечению, а по расчёту. Ну, а для Г.В. это был подарок: такой красивый и умный «мальчик». И приведу один лишь эпизод неверности: когда я в год болтания без института пребывал дома в меланхолии, раздался звонок. Пришла подруга жены. Зачем? Проверить крепость брака подруги? Проверила: никакой крепости. И она сладострастно рассказала о случившемся Г.В. Та на дыбы — скандал… Не первый случай. Подозрения и ревность поселились в доме, что не укрепляло его, а только расшатывало. И всё это происходило на фоне бытовых и материальных трудностей. К тому же Г.В. постоянно болела (туберкулёз) и лечилась…

Кто-то сказал, что брак — это соревнование двух нервных систем. А можно сказать иначе: брак — это одновременное поражение и крушение всех надежд у двух участников союза.

Пора заканчивать эту вставную главку «Девочки». Я начал с эпиграфов, ну, и закончу чужими изречениями. Вот тот же Брюсов:

Чего нам ещё ждать от дамы?
Не довольно ли быть милой на миг?
Ах! Часто суровы, упорны, упрямы

Дамы черв, бубен и пик!

Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму треф!

Валерий Брюсов. «Дама треф»

О браке. Как сказано в Талмуде: «Богу счастливый брак создать труднее, чем заставить расступиться Красное море».

И о выборе женщины. У Евгения Блажеевского в сборнике 1984 года есть строки:

…что хорошую женщину так же непросто найти,
как арбуз угадать по щелчку и по виду снаружи.

1953 год – 20/21 год. Смерть Сталина, путешествие в места ссылки отца, в Сибирь. Плехановский институт, проблески новой жизни

Мне хорошо. Я сирота.

Шолом-Алейхем. «Мальчик Мотл»

Дневник этого года сохранился, но прежде чем приводить из него записи, несколько штрихов из жизни страны. 13 января объявление в прессе о разоблачении «террористической группы» врачей. Я помню, как стоял на улице у стенда с «Правдой» и читал сообщение об «убийцах в белых халатах», и неприятный холодок залезал под кожу. Смерть Сталина спасла страну от возможных депортаций евреев и волны антисемитизма. К власти в стране пришла «старая гвардия», а в июле полыхнуло «дело Берии». Народ тут же откликнулся стишком: «Лаврентий Палыч Берия потерял доверие…» Амнистии осуждённых и прочие изменения. Забрезжила новая жизнь…

Ну, а я, не попав с первой попытки в институт, болтался без дела, а точнее, искал эти дела сам, будучи в неопределённом статусе асоциального

человека, некто НИКТО. Был женат, но вёл себя как вольный человек. Читал книги, писал стихи, играл в шахматы, ходил на стадион и оставался ярым болельщиком, ездил даже на станцию Строитель, где тренировались игроки «Динамо», встречался с друзьями. Никому не подчинялся и делал, что хотел. И, может быть, это было счастливое время: петля обязанностей ещё не висела на шее. Никаких начальников, боссов и шефов. Купался в чтении: от Шекспира до Пабло Неруды. Вчитывался в Серебряный век, как бы предчувствуя, что со временем стану сам серебристом. Короче, накапливал культурные и интеллектуальные силы…

Ну, а теперь можно выборочно полистать записи из дневника 1953 года.

* * *

15 февраля

В последние два месяца (с декабря) я увлёкся стихами и шахматами. В библиотеке-музее им. Маяковского и спортивном обществе «Трудовые резервы» я стал частым гостем. Прочитаны тысячи стихотворений и поэм. Изучены поэты разных времён и разного направления. Играл в турнирах — и серьёзные партии, и блиц.

Во время быстрых шахмат идут возгласы: «Как пацан ходит!» — «А мы его шлёпнем так!» — «На, застрелись!» — «Плюсевич!» — «Дышите». — «Опять зевс. Зевок — моя слабость». — «Ходит, как пишет». — «А вот и матильда» (т. е. мат).

3 марта

Вчера приехал из дома отдыха ВЦСПС № 1 «Монино», куда неожиданно попал 22 февраля. Уехал, как говорят, до срока, ибо 2 марта, в день рождения, проснулся и услышал забористый мат. Плюнул, сел на поезд и отправился в Москву. Природа живописная, старые ели, речка, скованная льдом, и живописные коттеджи. Но компания! В возрасте от 24 до 46 лет, и все пьющие. Водка льётся рекой и незамерзающей. Закуска одна: какая-то тюлька, которая называется «хор Пятницкого». Выпили, закусили и песняка: «Пряха, моя пряха, / Вспомни, что твердила / Тебе мать твоя!..» Громко. Душевно. С надрывом… Библиотека есть, но и книг в ней почти нет. Одна художественно-водочная самодеятельность…

6 марта

(Но прежде ремарка из нынешнего времени. Когда отца арестовали во второй раз, и у нас дома был обыск, то пришедшие чекисты рылись и в

моих бумагах, и поэтому после этого я ещё долгие годы не писал никаких откровенных строк про «любимую» власть. Отсюда и реакция на смерть Сталина: именно так должен был реагировать и писать рядовой гражданин СССР. В тот день моя будущая жена Анна 12-летней девочкой застыла с поднятой рукой в пионерском прощании. Дети культа личности… — 25 марта 2010 г.)

Несоизмеримое горе обрушилось на нашу страну: не стало самого дорогого, любимого, близкого человека — нашего мудрого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина. Радио разнесло скорбную весть о его смерти, последовавшей вчера. Нет сил выразить, какая гнетущая печаль легла на сердце каждого советского человека. Я чувствую по себе. Я слушал и не верил. Нет! Он не мог умереть. Сталин — это наше солнце! А оно не меркнет…

Умер вождь, учитель наш и друг,

Славный продолжатель ленинского дела.

Рвётся из эфира скорбный звук, –

В этот день страна осиротела…

Концовка другого стихотворения: «…Перед гробом твоим тебе поклянёмся, / Клятву святую

тебе мы дадим, / Что цели конечной мы твёрдо добьёмся, / Мы родину свято свою отстоим…»

(И снова ремарка. Все поэты писали скорбные стихи. И я написал. Тогда я был «в строю» со всеми… — 25 марта 2010 г.)

13 марта

В «Обрыве» Гончарова понравилось размышление: «Но между ними не было мечтательного, поэтического размена чувств, ни оборота тонких, изысканных мыслей, с бесконечными оттенками их, с роскошным узором фантазий — всей этой игрой, этих изящных и неистощимых наслаждений развитых умов».

18 марта

Идёт весна. Снег лежит грязно-серыми остатками лишь во дворах, а так — уже сухо. Чертовски хорошо голубеет небо, как-то особенно легко и хорошо по-весеннему дышится, и лукавое солнышко пригревает затосковавшееся сердце. Температура +7. Хочется бродить бессмысленно по улицам и непременно по лужам, подмигивать прохожим и щуриться от солнечного света. Весна. Всё плохое, всё тяжёлое как-то растворяется в этой весенней радости, и хочется жить и смеяться. Жизнь в эти минуты обольстительно

хороша!..

21 марта

От безделья схожу с ума. По ночам мучают вопросы жизни и смерти. Тщетно ищу какую-то философскую истину… Очень хочется написать жизненно-бытовой роман, типа Горького. Тут перечитал «В людях» и «Мои университеты»… Хочу, но боюсь, не получится…

24 марта

Дома налицо признак финансовой деградации. И чем меньше денег, тем сумасброднее мы их тратим. Но что такое деньги? Так, каприз артиста… А тут ещё в мире пахнет порохом. Наглые империалисты хотят новой мировой бойни. Что надо Морганам и Рокфеллерам? Долларов, которые пахнут кровью?..

В одном из рассказов Джека Лондона вычитал:

«Жизнь — страшная вещь. Много я думал, долго размышлял об этом, но она с каждым днём кажется мне всё более непонятной. Почему в нас такая жажда жизни? Ведь жизнь — это игра, из которой никто не выходит победителем. Жизнь — это значит тяжко трудиться и страдать, пока старость не подкрадётся к нам, и тогда мы опускаем руки на холодный пепел остывших костров. Жить трудно.

В муках рождается ребёнок, в муках старый человек испускает последний вздох, и все наши дни полны волнений и забот. И всё же человек идёт в открытые объятия смерти неохотно, спотыкаясь, падая, оглядываясь назад. А ведь смерть добрая. Это только жизнь причиняет страдания. Но мы любим жизнь и ненавидим смерть. Это очень странно!»

4 апреля

Стихи не пишу. Не идут…

22 апреля

С женой был в клубе. Заводская молодёжь. Не только низкая культура, а отсутствие всякой культуры. Матерщина. Драки. Красные наглые рожи. И это сознательные строители коммунизма?

28 апреля

Концерт в бывшем Театре сатиры. Выступали Казанцева, Аникеев и Никулина, Скобцев и много разной эстрадной шушеры. Лучшее — выступление Мордвинова, прекрасно прочитал монолог Арбенина… Высокий, красивый, благородный… И ещё Всеволод Аксёнов. Они жрецы настоящего искусства, а не эстрадной балаганщины.

Николай Мордвинов — актёр Театра Моссовета

— сыграл Арбенина в постановке «Маскарада» по Лермонтову ещё в 1941-м. И прекрасно вжился в эту роль глубоко влюблённого человека, терзаемого ревностью и подозрениями. Свой монолог он читал густым мужским голосом:

Послушай, Нина… я рождён
С душой кипучею, как лава…
…Но если я обманут… если я
Обманут… если на груди моей змея
Так много дней была согрета, – если точно
Я правду отгадал…
…Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слёз и сожаленья…

Тут Мордвинов сделал паузу и далее громыхнул (а может, и зарычал):

Две наши жизни разорву!..

Это было так эмоционально и сильно сказано, что зал в театре онемел от ужаса. И у меня ещё долго в ушах звучала эта угроза, хотя ничего подобного к жене и другим Нинам я не испытывал… (14 января 2019 г.)

5 мая

В книге Виктора Финка «Судьба Анри» понравился следующий пассаж:

«– В каком мире? Видите ли, мой дорогой друг, мы живём в гнусном мире. Но дело не в том, что он гнусен и подл, а в том, что другим он быть не может!.. Наш добрый старый Дидро говорит, что зло является основным законом природы. Он даже прибавляет, что всячески старался представить себе мир без зла и никак не мог. Тогда в чём же дело? Не пора ли бросить игру в искание справедливости? Заметьте, что это было смешно уже в семнадцатом веке, как описал Сервантес! А в наше время это достойно, право же, только очень наивных людей!.. А если вы посмотрите вокруг себя, то увидите, что в общественном отборе подлецы выживают, а честные люди гибнут. Должно быть, в этом тоже есть своя мудрость. Она омерзительна, речи нет! Но заметьте, не всё в жизни пахнет фиалкой. Есть вещи, которые издают дурные запахи. Между тем, они тоже созданы природой. Следовательно, они тоже имеют право на существование. Почему же надо непременно становиться на защиту обречённой фиалки? Да ещё погибать в борьбе за неё?!»

Путешествие в Сибирь

Отец прислал деньги, и я отправился к нему в Сибирь. Утром 26 мая я поездом выехал из Москвы, а уже ночью 31 мая оказался в маленьком посёлке Лужки, где жил на поселении отец. Поездом до Канска, затем 150 км до села Тасеева и далее Лужки. Прожил я там 10 дней. 11 июня двинулся в обратный путь и днём 15 июня самолётом (первый раз на самолёте) прибыл домой. И по горячим следам написал «Сентиментальное путешествие в Лужки. Лирико-сатирическое правдивое описание. На поезде, автобусе, лошади и самолёте». Вот только некоторые отрывки из написанного:

Радио в поезде оглушило. «Эй, товарищ, больше жизни!» и «Легко на сердце от песни весёлой…». В вагоне-ресторане неожиданная встреча с Тарковским:

— Андрей, милый!

— Юрка, брат!

И мы долго тискали друг друга в объятиях. Я ехал к отцу, Андрей в какую-то геологическую экспедицию.

— Ну, а ты куда? — спросил я Андрея.

— В Клондайк, за золотом! — отвечал он, верный Джеку Лондону и Фенимору Куперу.

Первые сутки пути отметили в Кирове. Мне не терпится купить что-то местное и в ларьке покупаю маленький мячик, который я и Андрей начинаем пинать ногами… На вторые сутки, рано утром, были в Свердловске. Сделав ладонь козырьком, я всматривался в очертания ещё спящего большого города… Нас с Андреем разделяло 6 вагонов и 28 тяжёлых тамбурных дверей, но нас это не останавливало. Мы ходили друг к другу. Вели разговоры. Много смеялись и играли в шахматы…

Позади остались Новосибирск, Ачинск, Боготол, Красноярск. В городе я выходил на перрон, расхаживал по чужой земле и пил местные напитки. На маленьких станциях поезд осаждали торговки с подносами, на которых лежала рыба.

— Ряд, ряд купите! — кричали они…

На пятые сутки в Канске меня встретил отец. На виляющем автобусе, очень напоминающем механическое корыто, отправились в Тасеево. Автобус всё время дергался и скрежетал… От Тасеева ещё 16 км в кузове машины вместе с какими-то мешками.

И вот Лужки, небольшой посёлочек, разделён-

ный речкой Усолка, впадающей в Ангару. Совсем рядом тайга. Угрюмая, безмолвная. Гигантские сосны и ели. Тайгу бережно охраняют агрессивное полчище комаров и мошки. Без сетки никак… В посёлке есть магазин, столовая, баня, клуб — всё, что нужно для бессмертной души и бренного тела. В магазине много банок джема и штабелями лежит цветастый ситец, пропахший махоркой… В столовой большой спрос на «чекушки». К клубу примыкает мастерская по пошиву, и маленькая девочка бегает туда-сюда с раскалённым утюгом…

Мне, москвичу, в посёлке было скучно. Пытался играть на бильярде, затем в шахматы с парикмахером по имени Роберт, он играл, как сапожник, и победы никак не радовали. Ещё пытался работать перевозчиком на лодке, перевозя людей и мешки с берега на берег…

Через 10 дней конь Амур повёз нас на телеге с отцом в Тасеево. Далее Канск. Зашёл в закусочную — ни бутербродов, ни хлеба.

— А что есть?

— Ванильные палочки.

Вокзал в Канске был перенасыщен людьми и их скарбом. Тяжёлый, омерзительный запах, перегар сивухи. Еле-еле удалось достать билет

до Красноярска и примоститься на третьей багажной полке. Внизу, раскорячившись, лежала баба в красном платье, из-под которого нахально зияло голубое трико… В Красноярске с билетами на Москву было плохо: люди стояли в билетную кассу сутками и не могли их достать. Двое суток я промучился в Красноярске, дал отчаянную телеграмму в Москву с просьбой прислать денег. Спал на вокзале, слушая крики и плачи ограбленных сограждан. Наконец получил деньги и взял билет на самолёт (800 рублей и 16 — за багаж).

Самолёт, небольшой Ил-12, летит невысоко, 2400 метров. В Новосибирске пересадка на 14-местный «Дуглас», и три часа летим до Свердловска. Посадка, три часа ожидания и новый самолёт Л-4927, приземлились в Ижевске, снова стоянка и дальше в Горький, а затем уже в Москву на низкой высоте 500 метров — всё прекрасно видно. И вот любимый город. Я повторяю строки Лермонтова:

Москва, Москва! Люблю тебя, как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!..

А далее дом. Книги. Стихи. «Не осуждай — затем, что все мы люди, / Все слабы, немощны,

опутаны грехом…» (Константин Случевский). Посещение футбольных матчей. И написание рассказа «Случай в столовой»… Концовка рассказа: «Как красива и хороша природа! Какие жалкие и ничтожные люди!..»

16 июля

Какой-то канкан событий. Одно потрясает мир за другим. Лаврентий Берия оказался предателем, и его сгинули. Только недавно он был таким светилом, был всем, а теперь… «на заре ты его не буди!»

4 августа

«Вечный абитуриент» сдаёт снова экзамены. Сочинение, выбрал свободную тему: «Всемирной надеждою стала советская наша страна» (строка Лебедева-Кумача). Получил «хорошо». Вчера была литература. Попался билет 25. Первый вопрос: «Как закалялась сталь» Островского, образ Павла Корчагина. Второй: Реализм и народность басен Крылова, тематика, идейное содержание и язык басен «Волк на псарне», «Волк и ягнёнок» и других. И снова «хор».

10 августа

Сдал экзамен по истории. Первый вопрос: Русско-японская война, причины, характер, ход и

т. д. Второй: развитие феодальных отношений в Киевском государстве, «Русская правда», культура. Я чеканил слог и получил от Лаптикова пять — «отлично»…

27 августа

Опять 20 баллов из 25. Зачислят — не зачислят. Зачислили. Я — студент Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Сдавал экзамены на торгово-экономический, а принят на учётно-экономический факультет. Я так соскучился по настоящим занятиям, что буду заниматься с рвением молодого пса… Вечером на футбол. «Динамо» — «Спартак», 1:1. Состав динамовцев: 1 — Яшин, 2 — Родионов, 3 — Крижевский (капитан), 4 — Борис Кузнецов, 5 — Байков, 6 — Савдунин, 7 — Рыжкин, 8 — Бесков, 9 — Сергей Коршунов, 10 — Сальников, 11 — Владимир Ильин. Тренер — Якушин. Голы забили: Сальников у динамовцев, Татушин — «Спартак».

31 августа

Епиходовское «всё не слава богу»: попал под дождик, заболел зуб, пошёл к врачу, зуб выдернули, поднялась температура…

4 сентября

В ночь на 1-е даже бредил, но утром побежал в

институт, ведь так мечтал о студенчестве, правда, не о Плехановке, но всё равно. В группе 25 человек, из них 7 ребят. Светильников ума, конечно, нет, так, простые ребята…

(Далее в дневнике переписаны стихи Роберта Бёрнса в переводах Маршака, и среди строк):

Влюблённому жизни дороже
Казалось одно существо.
И вот он женился – и что же
Нашёл под тряпьём? Ничего.

9 сентября

Семь лет ходил в школу № 554 и не мог угадать, что по тому же Стремянному переулку стану ходить в Плехановский институт. Мечтал о карьере юриста или журналиста, а вот учусь на бухгалтера-экономиста. Непостижимы дороги жизни!..

11 сентября

Подполковник Грицай гонял нас, как борзых собак, на строевой подготовке: «кругом!», «направо шагом марш!» и т. д. И возмущался нестроевому построению: «Вы что, пенимаете, уфотографироваться сюда пришли?!» У него странный коверканный русский язык, и он любил рассуждать: «У прынцыпе…»

20 сентября

К институту привык легко и быстро. Мучает только спецподготовка и хождение с ружьём… Нравится лёгкая атлетика. На стадионе «Красное знамя» с больной ногой пробежал 100 метров за 13,3. Сегодня днём играл в футбол на первенство Москвы за институт против СКИФа. Позорно проиграли 1:9. Они — спортсмены, тренированные ребята, а мы — сброд по сосенке. Ну, и я был плох и получил прозвище «балерина». И потом, игра на большом поле — не моя стихия. Только мини, только маленькая площадка…

23 сентября

Опять упоение стихами: Веневитинов, Бальмонт, Бунин, Скиталец, Щепкина-Куперник, Лохвицкая, Апухтин… С. Сафонов, памяти Шопена:

Это было давно… Я не помню, когда это было…

Пронеслись как виденья – и канули в вечность года…

Утомлённое сердце о прошлом теперь позабыло…

Это было давно… Я не помню, когда это было, –

Может быть – никогда...

А ещё с удовольствием прочитал «Клопа» и «Баню» Маяковского. Реплика режиссёра: «Капитал, издыхайте эффектно! Дайте красочные судороги! Превосходно!..»

22 ноября

И что изучаем? Высшую математику. В школе с обычной у меня были нелады, а тут с высшей — всё в порядке (надо только немножко позаниматься, и вот уже контрольная написана на пятёрку)... Основы марксизма-ленинизма — предмет лёгкий. Политическая экономия поинтересней. Преподают две географии: зарубежных стран и СССР. Также две истории народного хозяйства СССР и зарубежных стран. Ещё товароведение промышленных товаров, английский язык... Зав. кафедрой физкультуры Александр Постнов специализирует меня на бег и на прыжки в высоту... Проходят в институте и литературные вечера. 19-го был Всеволод Аксёнов. Читал Пушкина, Блока, Маяковского, Есенина. Я послал ему благодарственную записку... начитавшись и наслышавшись Пушкина, начал писать вариант своего «Евгения Онегина».

Но крик, что с него возьмёшь:

Что фраза – клевета и ложь.

6 декабря

В пятницу — 4-го меня на общем собрании единогласно приняли в комсомол. Великовозрастный комсомолец. Неужели и комсомол нужен? Как там у Агнии Барто?

Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок – мне петь охота, –
За кружок по рисованью
Тоже все голосовали…

Как-то всё закрутилось — и в кино сходить некогда. Но книги не забываю. Последнее увлечение: Дмитрий Минаев, сатирик, юморист. «Хлеб не растёт от нашей прозы, / Не дешевеет от стихов…» Прочитал Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

20 декабря

Институт интегрировал меня в социум, я не только теперь комсомолец, но ещё и член профсоюза, член ДОСААФа… Институт даёт ещё и знания, хотя кое-кому они идут не впрок, как поётся в одной студенческой песне: «На физфаке живёт, / Интегралы берёт, / Он квантует моменты и спины, / Сто экзаменов сдал, / Сто зачётов тол-

кал, / А остался дубина дубиной… / Эх, дубинушка, ухнем…» и т. д. Ба, забыл: ещё член общества «Наука», клуба «Трудовые резервы» — где я играю в турнире III разряда.

26 декабря

С интересом слежу за дискуссией по поводу нового романа Панфёрова «Волга — матушка река». Меньшинство критиков хвалят, большинство ругает. Действительно, Панфёров подобен ильфовскому Валерьяну Молоковичу, у которого «убогость формы достойно сочетается с узколобым кретинизмом содержания». Он — из громадной армии подмастерьев, работающих «под классиков». Приспособленец с деревянным, тупым языком, с затасканными трафаретными штампами… не грех таким, как Панфёров, поучиться у Горького, Маяковского, Ильфа и Петрова, у Цвейга, у последнего — глубокому психологизму…

30 декабря

Посмотрел итальянскую картину «Неаполь — город миллионеров». Всё кратко, выразительно, ярко… живые колоритные люди, ты живёшь вместе с ними, переживаешь с ними… «Неаполь…», «Их было пятеро», «Судьба солдата в

Америке» — картины большого эмоционального воздействия…

31 декабря

К нам на Арсентьевский пришла институтская компания: Артём Аганбегян, Эдик Марченко, Ира Москалёва и мы с Г.В. Выпили, слушали пластинки, танцевали, я читал вслух куски из Ильфа и Петрова. Всё хорошо, но пресно, без соли…

Дополнение к 1953 году

Ещё раз. В тот год много читал, много писал своих стихов, а чужие аккуратненько записывал в толстую тетрадь. Для оживляжа кое-что процитирую выборочно, навскидку.

Николай Агнивцев. «Елисавет»:

Ау, века! Ах, где ты, где ты –
Весёлый век Елизаветы,
Одетый в золото и шёлк,
Когда, в ночи, шагая левой,
Шёл на свиданье, как Ромео,
К Императрице целый полк;
Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали

С Императрицей менуэт…
Любила очень веселиться
Весёлая Императрица
Елисавет…

Далее по алфавиту Анненский, Апухтин, Ахматова («Сжала руки под тёмной вуалью. Отчего ты сегодня бледна?..»). Юргис Балтрушайтис:

Пока в пути не встанет грань, –
Нам всем томительную ткань
Рукою сирой в мире ткать,
Душою замкнутой алкать…

Бальмонт, Андрей Белый, Блок, Бунин, Зинаида Гиппиус, Виктор Гофман, Николай Гумилёв:

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго…

Василий Каменский, строки из стихотворения «Эмигрант качается изысканно»:

Брюнетка снова говорит
Гуд бай. Мне надоело.
Скорей бы ночь на фонари
Чулки свои надела.

Мирра Лохвицкая, Мережковский, Надсон («Праздник чувства окончен. Погасли огни…»), Яков Полонский и др. Составлял антологию зря? Нет. Это всё была артподготовка к будущим книгам, и в частности, к книге «99 имён Серебряного века» (ЭКСМО, 2007, 658 стр.).

К серебристам я прибавил свои стихи, более 60, написанных в сентябре 1952-го — январе 1953-го. В основном упаднические, тоскливые, отчаянные, типа:

Не хочу я жить на свете:
Слишком тяжек жизни путь,
И холодный, злющий ветер
Проникает в мою грудь…
…Не хочу я жить на свете.
Я хочу лишь умереть,
Чтоб однажды на рассвете
Мне замолкнуть и не петь.

Н-да, не без влияния русской поэзии, где достаточно страданий и слёз. Как у Аполлона Григорьева: «Две гитары, зазвенев, жалобно заныли…»

И жалобы к судьбе: «Я в жизни большой неудачник. / Я мог бы и строить, и петь: / Строить дворцы

и дачи / Или в песнях громко звенеть…» Читаю эти строки спустя десятилетия и десятилетия, и мне как-то неловко за самого себя. И жалко того молодого человека, трудно входящего в жизнь. Он был неумеха и подругу выбрал такую же, которая редко готовила домашние обеды. Может быть, на голодный желудок и стихи хорошо писались?..

Когда звучать мой будет смех
В усладе радостных утех?
Когда-нибудь дождусь ли этих дней?!
Ответа нет, и плачу я сильней…

Господи, какие-то девичьи стихи. Сентиментальные. Без мужской жесткости…

И вся моя жизнь подобна вулкану,
Который пыхтит и грозит взорваться.
Попробуйте спокойно пожить в капкане
И сладко с любимой в нём целоваться…

И снова мысли о смерти, о самоубийстве… Сегодня читаю газеты о частых суицидах школьников, думаю: какие глупые! Пасуют при первых же трудностях и неудачах. Надо уметь держать

удар, как говорят боксёры. Советовать легко. А сам каким был нервным и рыдающим?.. В сочинении Козьмы Пруткова есть поучительные строки:

Вянет лист, проходит лето.
Иней серебрится…
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! Честное слово,
Лето возвратится!

Просто и убедительно, в стиле чемпиона! И лето вернётся, и все перемелется. И вот, если опять обращаться к русской литературе: «Богат и славен Кочубей…» Это по-пушкински. А по-безелянски: излишне рефлексирующий «юноша бледный со взором горящим» в конечном счёте стал известным журналистом и писателем, автором 39 книг. Возможно, эта станет 40-й, полной воспоминаний об ушедшем.

16 декабря 2018 г., ясный, слегка морозный день, –7°

1954 год – 21/22 года. Жизнь студенческая

2 января

Новый год начался, наступил, пришёл — выбирай любой синоним… 30 декабря ходили по пропускам в мавзолей, видели В.И. Ленина и И.В. Сталина, вечно спящими, но всегда живыми в сердцах каждого советского патриота… Затем пошли в новый, громадный магазин ГУМ. Эх, если бы ещё и деньги… Получил первый номер выписанного «Советского спорта». Не надо бегать теперь на Серпуховку и жадно протискиваться к газетному стенду сквозь жаждущих прочитать скупые строчки про любимый футбол. Ныне дома со всеми удобствами…

8 января

Сдал зачёт по политэкономии: 1) Рабочая сила как товар. 2) Функция денег как мера обращения… Начал читать «Историю английской литературы»… «В будущем мы склонны верить в человеческий прогресс и надеяться вместе с Шелли, что „A brighter morn awaits the human day“» («Для человечества наступит радостный рассвет»

«Norther Star», 1846).

А вот и наша советская литература. Ильф и Петров, «Когда уходят капитаны»:

«Вокруг рукописи начинается возня…

— Ах, — говорит утомлённый редактор, — Исбах далеко не Бальзак, но этот Подпругин такой уж не Бальзак!

— Что ж, забракуем?

— Наоборот, напечатаем. Отображены актуальные темы. Язык суковатый, рабочие схематичны, но настроение бодрое, книга зовёт. Потом вот в конце ясно написано: „Это есть наш последний“.

— „И решительный“ написано?

— „И решительный“.

— Тогда надо печатать. Книжка, конечно, — заунывный бред, но зато не доставит нам никакого беспокойства. Никто не придерётся».

11 января

Перечитываю Ильфа и Петрова… Сдавал английский язык… на улице взялся донимать бедных москвичей мороз, он хватает за нос, щиплет уши, подкрадывается под брюки и юбки и вообще шалит. Хочется сидеть дома, поближе к батареям, читать в «Вечёрке» фенологические поэмы Дмитрия Зуева, удобно усевшись в кресле…

19 января

Сдал экзамен по товароведению промышленных товаров. Вопросы в билете: 1) Производство и ассортимент стеклянной посуды. 2) Хлопковое волокно и ассортимент группы хлопкобумажных тканей. 3) Свойства трикотажа и его отличие от ткани… Отвечал, как всегда, звонко. Сдал. Теперь о гематитовом чугуне и о методе Парко пришивания подошвы можно забыть…

Сердцу пленительно хочется мая,
Солнца, цветов, тепла и любви,
Чтобы всё пело, цвело и, играя,
Радость бурлила от счастья в крови…

23 января

Позади 7 зачётов и 6 экзаменов (4 — на «хорошо», 2 — на «отлично») и да здравствует стипендия! И — «уймитесь, волненья и страсти…»

2 февраля

Какой грандиозный поэт Маяковский!.. А любовь к Лиле Брик!.. Из записей книжки «Нового Лефа»: «А зачем стихи толсторожей Маньке?..»

4 февраля

Читаю Ксенофонта Афинского. Вот некоторые цитаты для памяти:

«Похоже, Антифонт, что ты видишь счастье в роскошной, дорого стоящей жизни; а по моему мнению, не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные — это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству — это быть очень близким к совершенству».

«А ты что, Хармид? — спросил он. — Чем ты гордишься? Я, наоборот, отвечал он, бедностью. Клянусь Зевсом, заметил Сократ, это — вещь приятная: ей не завидуют, из-за неё не ссорятся: не стережёшь её, — она цела; относишься к ней без внимания, — она становится сильнее».

Из выписок Дени Дидро:

«Знание того, какими вещи должны быть, характеризует человека умного; знание того, каковы вещи на самом деле, характеризует человека опытного; знание же того, как их изменить к лучшему, характеризует человека гениального».

13 февраля

…Ну, получу диплом и начну работать. Цель достигнута? И буду счастлив? Нет, надо будет восходить на новые ступени, не успокаиваться и идти вперёд. И вечно будут заботы и проблемы, никакой тишины и покоя. Только не надо делать

трагедий, впадать в интеллигентские истерики. Надо крепче завязывать нервы в узел и методично добиваться своих целей. И пусть поражения станут залогом последующих побед…

19 февраля

Двадцатиградусные морозы продирают по коже сквозь демисезонные одежды и мелкими иголочками вонзаются в сердце… В турнире 3-го разряда занял 5–6-е место при 13 участниках, первым был Либерман… Читаю «Этику» Спинозы, а для баланса — «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова.

21 февраля

Каждый день пишу в возбуждённом мозгу пламенные страницы, но не хватает усидчивости и кропотливости, чтобы перевести всё на бумагу. Как Борис Пастернак, «грежу в кафедральном мраке». И боюсь прикоснуться к полной чернильнице. И опять же — писать для печати, значит, что-то патриотическое и цензурное? — не хочется. А другого нельзя. Вот проблема…

С интересом читаю Клода Адриана Гельвеция…

В дневник собираю и коллекцию античных авторов: Цицерон, Гораций, Тибулл, Секст Про-

перций, Сенека, Марциал… Валерий Катулл:

Будем, Лесбия, жить, пока живы,
И любить, пока любит душа…

4 марта

На моё 22-летие на Арсентьевском собралось 8 человек, включая двух друзей — Бориса Давидовского и Славу С. Выпили, танцевали, пели во всю мощь «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“…» и «Бродяга к Байкалу подходит…» Да ещё играли в карты…

Сегодня выступал на комсомольском курсовом собрании. Вроде бы энергично, но всё равно Цицерона из меня не получилось… начал читать «Дон Кихота» Сервантеса.

8 марта

Женский день. Да здравствуют героическая Жанна д’Арк и сварливая Ксантиппа, властолюбивая маркиза Помпадур и красавица Клеопатра, мадам Кускова и трактористка Паша Ангелина, — да будет здравствовать весь их многоликий род. Хвала Создателю! Его создания заманчивы, красивы, многообещающие, но подчас и пустые, и глупые…

13 марта

С Г. посмотрели австрийский фильм «Ночь в Венеции». Незамысловато, но весело… Мосты, гондолы, танцующая публика… В группе в институте прошло собрание «Культура советского студента». Бурное обсуждение… Вчера дебютировал в баскетбольном матче. Играл плохо, но успел вывести из игры лучшего игрока товароведного факультета Доньку. Бросил его по-футбольному через бедро…

15 марта

Начали изучать второй том «Капитала»… Понравилась фраза Ауэра, брошенная им во время дебатов Эдуарду Бернштейну в 1898 году: «Милый Эдя, ты — осёл: такие вещи делают, но о них не говорят!»

17 марта

Сегодня прослушал приятную лекцию по товароведению о настойках и ликёрах, а затем поехал искать материал для курсовой в библиотеку Дворца культуры автозавода им. Сталина, где долго листал журналы «Природа», заскучал и бросился развлекаться к «Записным книжкам» Ильи Ильфа.

«В каждом журнале ругают Жарова. Раньше 10 лет хвалили, теперь 10 лет будут ругать. Ругать

будут за то, за что раньше хвалили. Тяжело и нудно среди непуганых идиотов».

20 марта

Как поётся в одной шуточной песенке:

Так будьте здоровы!
Живите богато!
Насколько позволит
Вам ваша зарплата.
А если зарплата
Вам жить не позволит,
То что ж – не живите –
Никто не неволит…

Читаю Байрона — это уже не шуточное, а очень монументальное. «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей! / Вот арфа золотая…» (Из еврейских мелодий, перевод Лермонтова).

15 апреля

Выступаю на семинарах по марксизму, выступал по теме «Еврейская организация Бунд»… По странному совпадению прочитал первый том Шолом-Алейхема, роман «Блуждающие звёзды», запоем…

18 апреля

Родилась дочка. Домашних хлопот явно прибавилось, но всё-таки я умудрялся ещё читать «Сад Эпикура» Анатоля Франса. Ну, а глядя на малышку, я не мог и предполагать, какие трудные взаимоотношения нас ждут через десятилетия…

20 апреля

Такое состояние, как будто меня подняли с земли, крепко тряхнули и кинули обратно, ошеломлённого событием. Я стал отцом…

1 мая

…И что за крошка? У неё тёмно-серые глаза, широкий вырез ротика и курносый нос с большими ноздрями, нос вылитый моей мамы, в честь которой она названа Ольгой…

Читаю Анатоля Франса — «Сад Эпикура», «Ивовый манекен» и прочие повести и сказки. Нравится своим изяществом стиля и философской глубиной. «Неведение — неизбежное условие, я не скажу счастия, но самого существования. Если бы мы знали всё, мы не могли бы перенести и час жизни. Ощущения, которые делают нам её приятной или, по меньшей мере, выносимой, рождаются из обмана и питаются иллюзиями».

«…Ирония и сострадание — хорошие советчи-

цы; одна, улыбаясь, делает нам жизнь приятной. Другая, плача, освящает её…»

«Тоска поэтов — золочёная тоска. Не жалейте их слишком: те, кто умеет петь, умеют скрашивать своё отчаяние; нет ещё такого волшебства, как волшебство слова. Поэты, подобно детям, утешают себя образами».

22 мая

Тёплый майский вечер. Уже стемнело. Воздух напоен ароматом молодой листвы. Во дворе при свете одинокого фонаря сосредоточенно и ожесточённо режутся в домино. Где-то рядом играют на баяне, и нестройный, но звонкий хор громко объявляет: «Я на свадьбу тебя позову, а на большее ты не рассчитывай!..» Домашние хозяйки с помятыми вёдрами спешат к помойке. Весна на исходе…

Завтра праздник 300-летняя воссоединения с Украиной. Слишком много шума по этому поводу и излишней помпы…

30 мая

Тут как-то встретил «шумного индейца» Андрея Тарковского. Он так же шумен, порывист и эксцентричен, как и 5 лет назад в школе…

8 июня

Экзамены экзаменами, но и радио успеваю послушать. Наверное, в 10-й раз превосходную оперетту Шарля Лекока «Жирофле-Жирофля». Замечательные артисты — Ярон, Глизер, Ценин, Канделаки, Осип Абдулов… Блестящие шутки, бездна остроумия. «Какие ещё бантики? — Это так, для романтики!»

13 июня

Сдал экзамены и поехал на кладбище. Завтра — два года со дня смерти мамы. На Ваганьково густая буйная трава, тенистые густые деревья, красные и жёлтые цветочки, переливчатые трели птиц — всё это наперекор всем смертям и страданиям как гимн всепобеждающей жизни!..

15 июня

Сегодня с Артёмом и Виктором пошли готовиться к экзаменам в парк Горького, в Нескучный сад. Повсюду гуляют размалёванные и наглые девицы. Молодёжь становится всё похабней, ничего святого. Как там у Маяковского? «Не девицы — а растраты, / Раз взглянув на этих дев, / Каждый должен стать кастратом, / навсегда охолодев».

30 июня

Тут подсчитал, что за последние три года я сдал 39 экзаменов. Получил 14 пятёрок, 20 четвёрок и 5

троек… Вчера был на футболе. «Динамо» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси). 2:0. Игра была слабая и малотехничная. На стадионе встретил Игоря Горанского. Он закончил институт и работает каким-то редактором в радиовещании. Эх, мне бы такую работу, прямо для души…

(Увы, именно «увы», мечты подчас сбываются: через 12 лет начал работать в Радиокомитете на Иновещании, и это было радостью и печалью… — 29 марта 2010 г.)

5 июля

В магазинах ни соков, ни пива. Перебои с мясными продуктами. Надо из ничего делать что-то, умело лавировать на ниве обеденного стола, но у супружницы для этого нет ни опыта, ни сноровки. Приходится питаться от случая до столовой и от столовой до случая…

10 июля

Часто повторяют, что человек создан для счастья, как птица для полёта. В действительности человек ведёт титаническую мелочную борьбу за какие-то крохи благ, изнуряясь и старея в этой борьбе, и, наконец, выбившись из сил, кротко покидает этот чудесный мир. А в сущности, так мало надо человеку: немного пищи, немного

одежды, немного любви — и он уже Человек, двуногий член цивилизации.

14 июля

Читаю рассказы Чехова. Тихой грустью и жалостью веет от этих рассказов. Вся жизнь в беготне, в заботах, в лишениях, в слезах. И невольно затоскуешь, как чеховский токарь Григорий Петров в рассказе «Горе»: «Жить бы сызнова…»

Да, Горький, Чехов, Маяковский — мои любимцы…

Тут задумал починить газовую плиту, вызвал одного монтёра, другого, они долго кряхтели и напомнили мне ильфовских маляров: «Что ж, купоросить надо. Без купоросу никак нельзя. Купорос, он действие оказывает. Кругом себя оправдывает. Тут, значит, если не прокупоросить, колеру правильного не будет. А можно и не купоросить…» Только газовики в отличие от маляров говорили не о купоросе, а о свинцовых трубах и жёстком креплении. С ума с ними можно сойти!..

15 июля

Мои в Барыбино. Я один. Тоска. Хожу из угла в угол. Курю. Перечитываю «Анну Каренину» и удивляюсь удивительной мощи таланта Тол-

стого. Великий писатель, но всё же мне он не очень нравится… Газовики ушли, оставив после себя дикий развал. Пришлось убираться. Попутно занялся глажкой белья. Работа как-то успокаивает… написал под Маяковского «Вот как я сделался собакой»:

И, право, почему я не собака.
Какая-нибудь лохматая, с хвостиком.
Взял бы и полез немедленно в драку,
Знай, как ходить непрошено в гости к нам.
Луну бы обвыл. Пусть спать не мешает.
Ишь, светит! Развязно и нагло, проклятая!

И такую тоску на меня нагоняет,
Какая бывает только у женатого.
Махнул бы хвостиком непринуждённо и вольно
И бросился скорее бы вон из города,
Где в дыме и грохоте жутко и больно, –
И легче бы стало, и выглядел молодо.
Сбросил с души бы груз тяжеленный.

Забыл бы всякую цивилизацию.

Махал бы хвостиком, свободный, не пленный,

И… сдох бы где-нибудь под акацией.

19 июля

В воскресенье поехал к Аркашке Миндлину на Волхонку и с ним провёл весь день. Почитал у него остроумную «Энеиду» Котляревского. Тётя Маруся накормила нас чудесным обедом: лапша с курицей, картошка с мясом и вишнёвый кисель. Перед обедом выпили по рюмашечке спирта. Затем пошли гулять. Аркашка раньше был «сыром», человеком, живущим театром и около театра. Познакомил меня кое с кем. Какие-то нервные девицы, поклонницы Лемешева. Все они «срят», и их целая организация. Ходят по десятки раз на балеты и оперы, знают всякие подробности о своих кумирах. Спекулируют билетами. Спекулянты, проститутки, сутенёры… но и их кумиры хороши: давно переспали друг с другом, разные «французские пируэты» и прочие секс-вольности… А неискушённый обыватель приходит в Большой на «Травиату» и льёт слёзки по поводу чистой любви и совсем не в курсе, что «умирающий лебедь» похотлив, как жеребец…

Вечер знакомства продолжался в ресторане «Арагви». За грузинским вином № 8 и шашлыками я наслушался много чего и про балет, и про кино. В «Арагви» за соседними столиками сидели Виктор Ардов (автор комедии «Мелкие козыри» и киносценария «Светлый путь», выпускник Плехановского института. — Ю.Б.), сценарист Ежов и Михаил Светлов. Автор «Гранады» был абсолютно пьян. К нему подошёл писатель Сергей Борзенко и начал кричать на Светлова, что он-де опускается, ничего не пишет и т. д. А закончил Борзенко свой монолог таким пассажем: «Ты плохой человек, Михаил Аркадьевич, ты плохой человек, но ты замечательный поэт». Когда-то Светлов писал отличные стихи про «Иркутск и Варшава, Орёл и Каховка — этапы большого пути». А теперь про него говорят иначе: «„Савой“ и „Арагви“ — этапы большого пути». А был боевым комсомольским поэтом… Домой приехал на такси в 2 часа ночи.

28 июля

Доченька растёт чудесная. Лежит, хохочет, напоминает милого поросёночка. Мы её зовём «Крошечкин-картошечкин»… Деньги на исходе. Надо вновь занимать. А кругом ходят люди сытые, холёные, нарядные… И, как выразился кто-то в английском фильме «Записки Пиквикского

клуба»: «Все джентльмены немного тронуты»…

11 августа

Хочется читать, а нечего. Чехова прочёл. Перечитал Шолохова и Маяковского. Тут попались рассказики Карбовской — мура, серо и неинтересно… Наши писатели только заседают, произносят горячие речи и кусают друг друга. Нет, ещё жалуются, что платят мало, нет стимулов для творчества. Эту мысль выразил писатель Овечкин, а его пьеса «Настя Колосова» давно нигде не идёт и является первосортной дрянью… Ещё одна напасть: зубы. Выдернул два, и ещё один нужно удалять… Нежданно-негаданная проблема…

27 августа

Вчера говорил по телефону с отцом. Его полностью реабилитировали, и он собирается с новой семьёй приехать в Москву. Реабилитация — это счастье… Прочитал несколько романтических рассказов Паустовского. Но лично мне не до романтики. Пока мне очень тяжело. Возможно, со временем всё исправится и появится свой массивный книжный шкаф и кровать из карельской берёзы, шикарные костюмы и велюровые шляпы, и буду обедать с вином и ездить на курорты… Возможно, всё это и придёт. Только не будет уже

молодости, здоровья, задора и желания. Как правило, всё приходит слишком поздно…

Комментарий спустя 56 лет.

А иногда и не приходит. Прошли десятилетия, и что? Массивного книжного шкафа нет, есть шкафчики и полочки. Никакой кровати из карельской берёзы. В Карелии побывал, а кровати не приобрёл. Спим на раскладном диване. Шикарных костюмов не заимел. Есть просто приличные. Шляп не ношу — кепочки. Вино пью редко. Отечественных курортов избегаю. Предпочитаю туризм: Франция, Италия, Германия… А в остальном, прекрасная маркиза, исполнилось почти что всё!.. (29 марта 2010 г.)

12 ноября

6 ноября был на демонстрации на Красной площади. Когда-то отец носил меня туда на руках (или за ручку — ?), а теперь я шёл самостоятельно в институтской колонне и с самого края к мавзолею и хорошо видел лица руководителей партии и правительства Маленкова, Молотова, Ворошилова, Булганина, Кагановича и других. А вечером дежурил в посёлке ЗИС. Дежурство состояло в том, что я стоял у оборудованной на улице деревянной эстрады, смотрел концерт,

рядом стоял милиционер, и колыхалось море мальчишек. Вот такое было комсомольское поручение… Посмотрел две серии индийского фильма «Бродяга». Вся молодёжь напевает песенку Раджа Капура «Авараму…» («Бродяга я»). Понравилась и «Шведская спичка», особенно Андрей Попов…

15 ноября

Очень близки строки Котляревского из бурсацкого быта:

Харча как три не поденькуешь,
Мутердце так и засердчит;
И враз тоскою закишкуешь,
И в бучете забрюхорчит…

Читаю сочинения Плеханова (всё-таки по институту я — плехановец и никакой не ленинец), а ещё Эразма Роттердамского.

17 ноября

Только что пришёл с актива собрания факультета, и в докладе Камышанова полоскали моё имя. Кто-то сбежал с лекции, кто-то не ходит на собрания, и если это касается нашего курса, то докладчик неизменно после фамилии провинившегося добавлял: «секретарь товарищ Безелянский!» Как говорится, в чужом пиру по-

хмелье… Все от общественных обязанностей и комсомольских, как правило, отлынивают: неинтересно и скучно. Задачи коммунистического воспитания молодёжи, сформулированные Мих. Ив. Калининым, не выполняются… Да и мне трудно совмещать общественную работу с учёбой, с домом, с дочкой, с нехваткой денег, и вновь испытываю «кризис жанра»… Тут как-то на семинаре по бухгалтерскому учёту Блинчиков (одна фамилия чего стоит и который утверждает, что первичное — бухгалтерский учёт, а вторичное — человек) подошёл ко мне: «А вы что делаете, Базелевский?» Я, собственно говоря, пишу на семинаре стихи и презираю бухгалтерский учёт. Дебет-кредит и сальдо: безумие!.. Нет-нет, я вполне разумно погружён в сборник статей Луначарского «Классики русской литературы». Читаю с интересом…

«Русская литература с самого начала была робко льстивой, она была под тенью престола…»

«Мы имеем ряд запуганных людей, например, Карамзина…»

«Не уничтожение личности и не стадность несёт с собой социализм, а необыкновенно богатое сочетание личных моментов в общественной связи…»

1 декабря

Вот и декабрь. Пришёл родименький. Холод адский, и я мёрзну, как цуцик… Тяжело поднимая ноги, я плетусь по институту. На мне узенькая синенькая вельветовая курточка, рубашка-ковбойка в сине-чёрную полосу и широкие матросские суконные брюки, и всё это венчают большие и тяжёлые галоши. Если б граф Альмавива был одет подобающим образом, то Розина не прельстилась бы им никогда.

В понедельник проводили курсовую тематическую конференцию «В чём заключается красота человека». Докладчица — девушка из комитета суровым голосом оповестила всех, что красота человека заключается в его отношении к труду и к товарищам. Пришлось выступить в прениях (увы, долг секретаря) и громить стиляг, джаз и красиво звучащие стихи. Сам я страдал и внутри весь содрогался от собственного двоедушия, ведь мои любимые поэты Серебряного века совсем иное имели представление о красоте. Как писал Бальмонт:

Пойми, о нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,

Я в страсти звёзды создаю.
Я весь – весна, когда пою,
Я – светлый бог, когда целую!

И опять ремарочка, ремарочки без конца. Так нас воспитывали, превращая нас в конформистов и циников. Не всем удалось сбросить с себя эту советскую шкуру. Мне удалось, но на это понадобилось время… (30 марта 2010 г.).

4 декабря

Каждый из нас живёт в своём маленьком внутреннем мирке. А есть ещё мир большой, международный. И в нём нагло ведут себя враги человеческого счастья — поджигатели всемирной бойни. Они сколачивают военные союзы, возрождают германский милитаризм, призывают к борьбе против коммунизма. Сегодня в «Правде» статья маршала Василевского, где он даёт отповедь Монтгомери: «Разве вам не ясно, что толкать человечество навстречу ужасам атомной войны — значит совершать преступление?..» Да, тревожное время. Невольно вспомнишь Маяковского: «Ах, закройте, закройте глаза газет!»

16 декабря

Атмосфера сгущается, пахнет войной. Что ж,

пойдём бить ненавистных милитаристов, будем защищать и отстаивать светлое будущее и покой наших маленьких детей, — как у Маяковского? — чтобы «семь тысяч цветов засияло из тысячи разных радуг».

Вчера вечером по радио слушал, как Сергей Образцов делился своими воспоминаниями о Франции и рассказывал о народном певце Иве Монтане, передавались песни Монтана. Я получил громадное удовольствие. Это грустные и порой печальные песни о жизни, о любви, о расставании, о Париже песни-баллады, и как они контрастируют с нашими перлами: «Едет парень на телеге» и «Ой, цветёт калина в поле у ручья…».

31 декабря

Сколько сделано ошибок в жизни. Лучше был бы я пролетарием, получал стабильные деньги и никакие душевные нюансы меня бы не трогали…Утешаюсь, как всегда, стихами. Генрих Гейне:

Сердце, сердце, сбрось оковы
И забудь печали гнёт,
Всё прекрасный май вернёт,
Что прогнал декабрь суровый.

Добавление к 1954 году

Осенью стал комсомольским лидером учётно-экономического факультета (около тысячи студентов). Молодой отец, молодой комсомольский секретарь, бывший «вольный ветер» (так назвал себя Бальмонт), экс-стиляга. Чудны дела твои, Господи!..

Всё отлично? Нет, из рук вон плохо. Одна из записей в дневнике: «Надоел институт с его мизерными стипендиями. Вновь заколебалась почва под ногами. Снова хочется не жить…»

В декабре писал главы своего «Евгения Онегина». Только один отрывок:

Куда ушли все развлеченья:
Пирушки, встречи и футбол?..
Ужо не будет наслаждений,
Угас счастливый ореол.
Теперь Онегин не кичится,
Он только к скромности стремится.
Так изменился наш пижон.
Работа – вот его закон.
Галоши утром он оденет,

Возьмёт с собою старый зонт,
Хотя и чистый горизонт,
В карман положит горстку денег.
Ссутулясь, выйдет из ворот
И на работу побредёт.

30 декабря

У кого-то стоит ёлка, готовятся блюда, пекутся пироги, покупаются бутылки. А у нас в доме лишь два рубля, чтобы пойти завтра для дочки купить молоко. И всё. Масла нет. Есть немного хлеба и сахара. Конфеты и прочие сладости отошли в область несбыточных грёз. Словом, по песне: «Прощайте, скалистые горы!..» Съездил на Волхонку, там тоже безрадостно. Дядя Шура в больнице, Маша при двух детях без денег. Няня в детском саду, что за профессия!.. И снова мысли: надо было бы пойти в рабочие, в пролетарии, которые всегда хотят соединяться с другими пролетариями из «мира голодных и рабов» — «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем…».

А я не захотел пойти в пролетарии и зарабатывать какие-то пролетарские деньги. Интеллигенция! Мне подавай институт со стипендией, чтобы в суконных штанах да в библиотеку Лени-

на читать Фейербаха с Марксом, — это я уже не цитирую 1954 год, а пишу в 2018-м, 29 сентября. Что я тогда мучился, отчаивался и переживал, — понятно. Я сам себя загнал в тупик. Но вот почему отчаивался Игорь Шмыглевский, непонятно. Успешный отличник, хорошо и опрятно одетый, хотя никаких подробностей его жизни не знаю. Только его стихи:

Грязному небу над скучной землёю
Не надоест висеть.
Слабым вином и стихами – водою
Сердце не обогреть.
Скучная жизнь пролетит, как бывало,
Тысячу лет назад…
Знаете, сколько людей попадало
Из интереса в ад?!

1955 год – Снова неспокойный и переживательный год. Пионерский лагерь с любовным романом

22/23 года, и крутился, как белка в колесе. Прежде чем приводить дневниковые записи, необходимо нарисовать общую панораму года. Учёба в институте сочеталась с тяжёлым бытом. Маленькая дочка из-за постоянного чиха-насморка была не в яслях, а дома, с ней сидели то мама, то тёща, то я, пропуская занятия в институте. Г.В. постоянно раздражалась и недомогала, а осенью у неё признали открытую форму туберкулёза. Ну, и я попал в больницу, правда, с другим диагнозом: воспаление лёгких. Безденежье и плохое питание. Маленькая стипендия, небольшая зарплата Г.В. (всего лишь лаборантка в Экономическом институте). Приходилось всё время что-то продавать из дома. Иногда немного подкидывал отец, но при этом призывал быть самостоятельным, и правда была на его стороне. Короче, кое-как выживали. Невесёлый статус: коекакер. В этом смысле немного спас пионерский лагерь: три

смены за денежку.

Но были в 1955 году и маленькие достижения: первая публикация в студенческой многотиражке, первый гонорар в Радиокомитете, объёмистое исследование (громко сказано, но всё же) об истории футбольного клуба «Динамо» под названием «С эмблемой „Д“».

Это общий абрис года. А теперь коротко о подарке судьбы: о пионерском лете.

Пионерлагерь как отдохновение

(текст из фотоальбома – 8 января 1972 г.)

В апреле лежал в больнице с пневмонией, а 5 июня уехал в пионерский лагерь на три смены и весело подпевал:

Чайка крыльями машет,
За собой нас зовёт.
Пионеры, друзья, все товарищи наши
Собираются в новый поход.

Итак, второй отряд, я — педагог, был любимцем у детей и даже удостоен строк:

Юрий Николаевич, наш любимый педагог,

Юрий Николаевич бывает очень строг…

Я не был строгим, а был организатором всех пионерских дел. А они были разные: военные и спортивные игры, маскарад, выпуск газеты «Лето», стихотворные экспромты и т. д. Играл с детьми, не счесть забитых мячей в ворота, ударов через волейбольную сетку, сколько выиграл шахматных партий, пролез в шашках в дамки, загнал бильярдных шаров в лузу и т. д. Я сам был пионером, только с усами. Особенно после отбоя, когда тайком лазил в чужой сад и, набрав ягод, раскачивался на качелях. Ну, а как уже взрослый часто гостил в изоляторе, ведя шуры-муры с врачихой и медсестрой Тамарой. Ну, и бесконечные беседы со Стрижевым о поэзии, будущий знаток фенологии торжественно просил: «Приди ко мне, торжественная страсть!..»

К концу пионерского лета стал реже просить добавки у повара Юлии, и весёлое беспроблемное время даже как-то тяготило. А в целом остались приятные воспоминания…

* * *

А теперь сокращённые записи из дневника по дням.

5 января

Сегодня сдал зачёт по политэкономии. Отчесал по вопросу: «Закон неравномерного развития капиталистических стран в период империализма и возможность победы социализма в одной стране».

9 января

Свалил последний зачёт по основам марксизма-ленинизма.

15 января

Очень боялся экзамена по бухучёту, но неожиданно для себя сдал его на «отлично».

А что потом? Кому-то это было лестно, а мне нисколько: делегат XIII районной конференции ВЛКСМ с красным мандатом и правом решающего голоса. На конференции всё было громко, пафосно и занудно. Самое забавное было приветствие пионеров. С пожеланиями и вопросами, к примеру:

Есть вопрос у всех ребят:

21 января

Сдал экзамен «Основы советского права», первый вопрос в билете: «СССР — высший тип государства, советский федерализм».

Ремарка из 2018 года. Эх, как бы я сегодня лихо раздраконил этот «высший тип государства», только бы пух и перья летели в разные стороны. Но тогда я был малосведущий в государственных системах, политикой почти не интересовался: не до неё было. И поэтому отвечал правильно, «как надо».

25 января

С отцом шикарно пообедали в ресторане гостиницы «Националь». Угощал отец, но, как говорится, лучше деньгами. А после котлет по-киевски снова скудное питание, по существу один раз в день и помногу всего малосъедобного, и боли в желудке. С отцом отношения суховатые, без близости, многолетний перерыв, как глубокий ров, который не перепрыгнешь. Ещё хожу вместе с ним в Сандуны и Центральные бани, где отец изумляет моющихся людей своими татуировками на груди и на руках: корабли, якоря, русалки. Однажды в бане отец познакомил меня с чемпи-

оном мира тяжелоатлетом Григорием Новаком, а ещё ранее, в 48-м, с игроком «Динамо» Александром Малявкиным. К отцу тянулись люди: уверенный в себе сильный человек. Я не в него…

Много читаю. После рассказов О'Генри — «География голода» Жозуэ де Кастро. Голод, нищета, болезни, адский труд — такова участь миллионов людей во всём мире…

1 февраля

Оторвался от болящих и ноющих и с Игорем побывал в Институте связи на концерте эстрадного оркестра Тбилисского политехнического института. Получил огромное удовольствие. Редкий передых, и снова унылый быт, как у рыжего Мотэле из поэмы Иосифа Уткина:

По-разному счастье курится,
По разному – у разных мест:
Мотэле мечтает о курице,
А инспектор курицу ест…

9 февраля

Не хожу в институт. Сижу с заболевшей дочкой. Кстати, в яслях, когда я приношу и забираю через неделю Олю, то все мамаши смотрят на меня с восхищением и удивлением: какой молодой

папаша!..

В середине февраля ребёнку стало худо и её положили в Морозовскую больницу на две недели, и я прибегал из института, чтобы выгулять её на воздухе во дворе больницы (рекомендация врачей). Выгулял, отдал и бегом в Стремянный на лекции.

15 февраля

Всё мне надоело, опостылело хуже горькой редьки. Я устал, надломился от вечного плача, нехватки денег, от раздражения, болезней, ссор, обид и т. д. Не повезло мне. Добивает жизнь… Кто утешит? Пушкин с его строчками из 1830 года?

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!

В день уныния смирись:

День веселья, верь, настанет.

2 марта

«Стукнуло» 23 года. Убежал из дома, чтобы с Земфирой, то бишь с Давидовским, отметить день рождения в кафе «Невка» в проезде Художественного театра.

1 апреля

Хорошо, наверное, жилось Афанасию Фету, он

был помещиком, сыт и обут, слушал соловьиное пение и радостно провозглашал: «Я пришёл к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало…» и т. д. А тут разрываешься от забот, проблем, нехваток и прочего до бесконечности. Как в цирке: жизнь на канате, вот-вот сорвёшься и вниз головой… Дочка в Морозовской больнице, и я бегаю туда из института, чтобы погулять с ней. Нянечки этим не занимаются… Мои учебные занятия запущены, лекции не записываю и т. д. И тем не менее успеваю писать стихи и играть в шахматы.

3 апреля

Вчера в плехановской аудитории был вечер нашего факультета (УЭФ). Тысяча человек. Я вёл вместе с Юлькой Локшиным конферанс. Эстрадный дебют…

Ещё событие: получил повышенную стипендию — 279 рублей. Кошкины слёзы. И неожиданный выигрыш по облигации Госзайма. Благодарю — не ожидал. Да, помимо конферирования, пришлось побывать и на совещании комсомольских секретарей института. Парторг института Дьяков призвал собравшихся быть политическими организаторами, а не обывателями. А кто я? Ни то ни сё. Не организатор, не обыватель, а влюблённый в поэзию и литературу молодой человек. Литера-

туроцентричный человек.

6 апреля

Тут как-то ходили на воскресник на строительство стадиона в Лужниках. Ломали какой-то забор. Было весело… Из последних прочитанных самое большое впечатление произвела «Оттепель» Эренбурга.

«Если в человеке есть благородство, он не собьётся, выбьется на большую дорогу. Но что делать с другими? Просвещать мало, нужно воспитывать чувства» (Эренбург).

12 апреля

Стоит странный апрель. Температура около ноля. Валит крупный снег. На улице лёд, голая земля, снег и лужи. Ужасная слякоть. Мерзкая погода… Простудился и лежу дома. Горю. Очень болят бока. Дочку из больницы выписали.

Больничные заметки

29 апреля

Врач Покровская лечила меня, лечила и… и отправила 16 апреля в больницу, во Вторую градскую им. Вейсброда на Калужской улице. Кололи пенициллином и давали ещё какие-то лекарства, типа норсульфазола. Первое утро пребывания

в больнице было пасхальным. На завтрак дали манную кашу, которую я съел с содроганием. На обед гороховый суп, картофельное пюре с бледной котлетой и компот. Затем ужин. Началось регулярное питание, и это было замечательно… Я попал в палату № 28 инфекционного отделения, в палате лежало 6 человек. Болели, лежали и спорили. Науменко кричал, что бог и религия — сплошная чушь, на что дедуся Несмеянов (81 год) говорил: «Не вера, а люди — чепуха». Дед Несмеянов развлекал нас разными байками. Однажды его прихватил живот, и на вопрос медсестры, сколько раз он ходил в туалет, дед ответил: «Чичире». Высокая температура держалась у меня 4 дня, и врачи думали: брюшной тиф. Но потом поставили другой диагноз: очаговая правая пневмония…

В больнице было много интересных моментов. В один день пришла толстая парикмахерша со вздёрнутым носиком и стала меня, заросшего щетиной, брить, и непринуждённо повела разговор:

— На Пасху плохо гуляла, не целовалась даже.

— Почему? — спросил я.

— Не с кем.

— Не жарилась? — вставил вопрос любозна-

тельный дед.

— А с кем? Муж в командировке, домашнего друга нет.

И нимфа-парикмахерша в глубокой печали начала скрести меня стальной бритвой.

Развлечений в больнице не было никаких, кроме томительных разговоров-исповедей о жизни. Однажды поздно вечером Ёлкин сказал: «Кто-то сыграл в ящик». Действительно, умер парень 21 года из-за отёка лёгких. Это «сыграл в ящик» произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Наступила тишина, которую нарушил Ёлкин: «Стремился к чему-то». Пасынков добавил: «Копил чего-то». А я грустно произнёс: «Мечтал о чём-то». И вот она, жизнь человеческая: судьба дунула, и — пшик, нет человека.

Новичок в палате — Иван Медников. Воевал. Ныне рубщик мяса. Хвалился, что умеет так рубить мясо, что легко продаёт второй сорт за первый. Любит читать. Мясник-книголюб. Из сестёр выделялись Ксения Ивановна, которая звала меня «забастовщиком», и юная Зазвонкина. Долго не проходил кашель. В груди какофония хрипящих и свистящих звуков… 26-го врач Бронислава Марковна сказала мне: «Вы настаиваете на выписке… выпишу вас завтра, но выписываю

с неохотой: у вас ещё хрипы. Организм молодой, а заживает медленно».

27-го я получил справку. Скинул пижаму, оделся в своё и покинул больницу. Ощутил большую радость и большую слабость. Одиннадцать больничных дней пролетели, как тяжёлый сон.

* * *

2 мая

Вчера с утра был дождь. Демонстрацию отменили, и весь день был пасмурный и непраздничный… В институте меня встретили с радостью, одни нашли, что очень похудел, другие, напротив, что потолстел…

5 мая

По радио слушал радиоспектакль по пьесе Розова «В добрый час». Пьеса захватила, хотя некоторые артисты играли не совсем чётко. Хотел сходить написать рецензию на спектакль, но нельзя отвлекаться… «Магистр бухгалтерских проводок» Блинчиков блеснул фразой Суворова: «Сегодня счастье, завтра — счастье. Позвольте, дайте сколько-нибудь ума»… Троицкая на семинаре по политэкономии назвала «специалистом по критике»: я как-то очень азартно громил Кар-

ла Каутского…

9 мая

Салют в честь славного Дня Победы. Зелёные и красные гроздья ракет празднично озаряют Москву. Десять лет прошло после окончания войны. А что будет дальше: война или мир? Пока смертоносные атомные и кобальтовые бомбы лишь тускло мерцают на военных складах…

14 мая

В связи с предстоящей работой в пионерлагере досрочно сдаю экзамены. На «отлично» основы марксизма-ленинизма: 1) XV съезд ВКП(б) и его решения. 2) Колхозное строительство во время Великой Отечественной войны. 3) XIX съезд партии. Решения об изменении в уставе…

19 мая

В связи с идеей поработать летом в пионерлагере досрочно сдавал зачёты и экзамены. А контрольные работы по английскому делал в трёх вариантах: за себя, за Артёма Аганбегяна и Виктора Арутюняна, и странно: получал разные оценки. Очевидно, важен был не сам язык, а его носитель. Наши армяне были слабаками в области знаний.

31 мая

Один из последних зачётов по муторному для меня предмету: механизация бухгалтерского учёта. Какие-то машинные системы, типа СДУ-138, о которых я понятия не имею никакого. Королёв спросил на зачёте, что нужно сделать, чтобы получить такие-то данные. Я уверенно ответил: «Нужно нажать соответствующую клавишу»… Глаза преподавателя округлились от краткости ответа, и он, не приходя в сознание, поставил мне зачёт. И такое было…

1 июня

Читал подборку стихов Константина Симонова и натолкнулся на строки:

Мы называем женщину женой
За то, что так несчастливо случилось,
За то, что мы тому, что под рукой,
Простясь с мечтой, легко сдались на милость.

За нехотя прожитые года,
За общий дом, где вместе мы скучали,
Зовём женой за то, что никогда
Её себе в любовницы не взяли…

Прочитал и вздрогнул — это о ком написал Симонов? — это уже я спрашиваю в 2018 году. Тогда, в 1955-м, я только помыслил, но вслух ни сказать, ни написать не мог о том, как точно и как верно…

Пионерское лето: 5 июня — 26 августа

15 июня

Писать некогда: мотаюсь между экзаменами в институте и пионерлагерем завода им. Молотова. Станция Белые Столбы, деревня Шебанцево, 57 км. Кормят на убой. Я — педагог во втором отряде (вожатая Зоя Малютина). Дети в основном 1945 года рождения. Работа интересная, живая. Спортивные игры, прогулки в лес и т. д. И надо держать всю эту массу в каком-то порядке с помощью окриков и свистка (выдан и такой)… И приходится читать детские книги — Гайдар, Сотник, Носов… И урывками для себя Блока.

1 июля

Приехал из лагеря — первая смена кончилась, пересменка, 3 июля — обратно. В пионерлагере пришлось читать детям детские книжки, а приехал и набросился на настоящие книги и в дневник переписывал строки Лермонтова из поэмы «Монго».

Порою рассуждал он смело,
Но чаще и не рассуждал…

И с упоением заносил в дневниковую тетрадь понравившиеся строки Александра Блока:

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою верёвкою кнута?

Блок — это нечто! «А в небе, ко всему приученный, / Бессмысленно кривился диск».

Ну, а в лагере я выпускал газету «Наше лето» и писал в ней всякие шуточные строки. А главное, мы сошлись с Сашей Стрижевым (1934) и в свободные минуты и часы говорили о поэзии. Горячо и задорно, высказывая порой парадоксальные суждения. И читали друг другу стихи. Саша удивил строчками своего приятеля Генриха Овидина:

В нашей юности кудлатой
Не проглянет неба синь.
Деньги не гребём лопатой,
Всюду мель – куда ни кинь…

И ещё посвящали друг другу стихи. Я — Саше:

Дайте руку, Александр Стрижев!
Может, обращенье тривиально.
Наплевать на скудость этих слов,
Было б только чувство не банально…

А Стриж в ответ:

Юрий Николаевич, мне приснилась радость
В светлом одеяньи нынешнего дня…

А даже о будущей жизни с надеждой, что она «не пленит своею пустотою…»:

Лишь газетной одури отметая строки,
Мы пройдём через миры вдвоём,
Заглушая ненависть, горе и пороки,
Очищая жизни грязный водоём…

Студенческие дружбы, на дистанции ноздря в ноздрю — нет первых и нет последних. Нет зависти и нет ревности. Это всё придёт потом, позднее (это уже «размышлизм» от 1 октября 2018 г.).

30 июля

Пересменок после второго «тайма». Посмотрел в зеркало: подзагорел, встал на весы — 62 кг. Получил вторую зарплату — 289 рублей.

28 августа

По Агнивцеву: «Она поправила причёску и прошептала: „Вот и всё!“» Кончился пионерлагерь, кончилась работа, я в Москве. Кончилось и лето. Дует прохладный ветер, и золотая ржавчина листьев выделяется на общем зелёном фоне… Успел перечитать «Клима Самгина»… Написал несколько стихотворений, в том числе «Импровизацию»:

Подступает мглистый, неизвестный вечер,

Вечер Синей дамы и её пажа…

Что означает сия импровизация? Смятение духа в какой-то определённый момент… Весь август находился в очаровании строк Вальтера Скотта (в переводе Багрицкого):

И смерть есть прах, и жизнь есть прах,

Но мой закон – любить.

И я в лесах, хочу в лесах

Вдвоём с Эдвином жить…

1 сентября

С Игорем провели весь день. Обедали в шашлычной с вином, потом были в парке Горького и пили прекрасное пильзенское пиво. Играли даже

в шахматы. Но было и дело: Игорь предложил сделать передачу для радио. Что ж, дерзнём!..

3 сентября

Встретил Андрея Тарковского. Учится в Институте кинематографии, на режиссёрском. Счастливец… А я — будущий непонятный экономист-бухгалтер. И упиваюсь «Портретом Дориана Грея» Оскара Уайльда. «Люди не эгоистичные всегда бесцветны. В них не хватает индивидуальности», «Форма — это всё. Это тайна жизни. Найдите выражение для вашей печали, и она станет вам дорога. Найдите выражение для вашей радости, и экстаз её усилится».

5 сентября

Писателем я буду обязательно, в этом смысл моей жизни. Но не сейчас, а когда под ногами будет твёрдая почва… А пока я занимаюсь какими-то философскими упражнениями: читаю, что-то нахожу, выписываю. Теоретически подковываюсь… «Я отыскал сокровище на дне — / Глухое серебро таинственного груза…» (Эдуард Багрицкий).

Ремарка. Первая книга вышла в 1993-м, когда мне был 61 год. А в 1955-м потоком шли стихи, какие-то рассказы, философские рассуждения, — заготовки.

7 сентября

Настроение адское, вновь издёрган и измотан, и как будто не было пионерского отдыха. Раздражает всё: детский плач, невымытая грязная посуда и т. д. по длинному списку. И только 3-й курс института. Крайняя неудовлетворённость и жажда чего-то иного, чего точно, и сам не знаю… Успокаивался, переписывая в дневник стихи Эдуарда Багрицкого:

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина…

Или вот другое признание:

Увы, мой друг, мы рано постарели
И счастьем не насытились вполне!..

9 сентября

Дебют на радио. Привёз в Радиокомитет на Пятницкую школьницу Наташу Осипенко (соседку по дому), и её записали по тексту, подготовленному мною: «Вновь в школу!» Автор: Безелянский, редактор: Горанский. А 27 сентября — первый гонорар в жизни: выписано 100 рублей, на руки 92 рэ и 50 копеек.

10 сентября

Первый раз со Стрижевым в Ленинскую библио-

теку на Моховой. Настоящий дворец, волшебное изобилие книг. Каждый из нас взял свою порцию книг и погрузились в них. Я читал Козьму Пруткова, Хлебникова и Киплинга. «День-ночь — мы идём по Африке…» И ещё мы не раз со Стрижом залетали в Ленинку, как на причастие в храм.

11 сентября

На этот раз с Сашей в день поэзии пошли в книжный магазин на Валовой смотреть и слушать Поэтов. Луговской, Сидоренко, Львов. Но поэты-профессионалы не очаровали, а разочаровали. Особенно Львов, преуспевающий стихоплёт. Пошли в другой книжный, там читал свои стихи Павел Антокольский. Поговорили со старым поэтом Василием Казиным («Спозаранок мой рубанок / Лебедь, лебедь мой ручной…»). Не приглянулся, хотя он заявил, что является поклонником Тютчева. По-моему, не Тютчева, а сберегательной книжки. К Симонову не протолкнулись: его окружили девушки, ведь «Жди меня и очень жди…». В целом осталось какое-то разочарование. Поэты покинули Парнас, а могли бы и не покидать…

Ну, я продолжал писать зашифрованные любовные строки. Почти поэма «Мой милый»:

Мы расстались (так надо было),
И покрылось всё чёрной тайной.
Но, как ночь наступает, мой милый,
О тебе я грущу неслучайно…

Не дневник, а воспоминание

В дневнике я всё шифровал, как начинающий работник спецслужб или спецлюбви. А вот спустя 57 лет — в 2018-м, когда многих свидетелей уже нет в живых, можно тайну раскрыть.

Итак, Елена (она же Нелли) — взрослая красивая женщина, на 9 лет старше меня (32 и 23), мать двоих детей — маленькой девочки и сына-первоклассника. Медичка по образованию, замужняя. Я видел её мужа — положительный, профессионально состоявшийся человек, спокойный, уравновешенный и улыбчивый. И, наверное, скучноватый. Откуда у Елены вдруг вспыхнул любовный огонь? Она присматривалась ко мне, присматривалась, раздумывала и в одном из поздневечерних разговоров (а болтали мы почти каждый вечер) вдруг призналась мне: «Я люблю вас». Я опешил. Полез целоваться, а она остановила меня: «Не всё сразу». А дальше пошло-поехало. Я тоже присмотрелся к ней: полноватая женщина бальзаковского возраста, с русыми волосами

и русалочьими серыми глазам вдруг предстала желанной и милой. Ну, а дальше можно процитировать Бориса Пастернака:

Я ошибся, кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем,
Ну, так лучше, давай этот плащ
В ширину под собою расстелем…

Мы уходили с территории лагеря в лесок, стоял тёплый август, светили звёзды, в плаще не было никакой необходимости, трава была мягкая и даже тёплая…

Да, грешен. Изменил жене, и не в первый раз. Как отмечал Александр Дюма-сын: «Любопытство — это первый шаг к измене». Ну и конечно, признание Булата Окуджавы:

Любовь такая штука – в ней так легко пропасть,
закрыться, закружиться, затеряться…
Нам всем знакома эта губительная страсть,
поэтому не стоит повторяться…

Да, так декларировал Булат, а сам Булат Шалво-

вич повторялся неоднократно. И роман-кружение с Натальей Горленко. А у меня… Дальше, как говорят в Одесса: «Ша!..»

И всё же ещё раз вернусь к Елене-Нелли. До неё в моём донжуанском списке были девочки, молодые женщины или девушки. А эта по тому, как она вела себя, была истинной дамой. В один из дней сентября она отважилась прийти на Арсентьевский. Я открыл дверь: по коридору шла уверенно дама в широкополой шляпе из времён Блока и Игоря Северянина, она шла, как блоковская Незнакомка, «дыша духами и туманами». Ну и конечно: «О да, любовь вольна, как птица…» Всё это мерещилось и казалось… «А дева сладострастно прижмётся…» — это уже Северянин. И он же: «Эскизя страсть, в корректном кавалере…»

Хватит литературных реминисценций. Всё было проще и будничнее. Встречи, разговоры, касания. Наступили холода, и, кроме парков, встречаться было негде, и все чувства как бы схлынули. У этой любви не было будущего, и мы расстались, а на прощанье Нелли подарила мне тетрадь своих записей с выписками из поэтов и философов, сказав, что дома её хранить опасно. Я взял, а потом тоже уничтожил, а какой материал для «Тёмных аллей»!..

И возвращаемся снова к добропорядочной хронике.

18 сентября

Погода стоит великолепная. Более 70 лет не было такого жаркого сентября, температура доходит до 28 градусов. Золотая осень!.. В институте скучно и неинтересно… Читаю первый том нового издания Сергея Есенина. Воспоминания Корнея Чуковского. Если говорить о нынешнем, то тут в «Литгазете» привели случай, как один редактор обратился к писателю: взволнуйтесь такой-то темой и отобразите к такому-то числу. Заказная поэзия. Ангажированная литература. О родине, партии и любви.

Я лично пишу исключительно для себя, в стол — ничего не годится для печати. И даже сочиняю афоризмы:

> *Неудовлетворённость – вечный спутник человека.*

Добиться чего-нибудь довольно трудно, а обвинить во всём судьбу довольно легко.

Сегодня в библиотеке прочитал «Послание: в тюрьме и цепях» Оскара Уайльда, изумительный «Амок» Стефана Цвейга и литературно-критические статьи Горького. Горький приводит

уксусную фразу Леонида Андреева: «Высшее и глубочайшее ощущение в жизни, доступное нам, — судорога полового акта».

21 сентября

Денег мало. Мало даже на еду. О необходимых вещах уже не говорю, и от этого угнетающее настроение. Может, я — никчёмник? И ничего не могу… Или прав Герцен: «Забота об одних материальных нуждах подавляет способности»?..

Сегодня с Игорем были в павильонах чешской выставки: одежда, мебель, машины, игрушки и т. д. Всё красиво и элегантно… А у меня всё серенькое, тихое, штопаное…

22 сентября

В библиотеке устроил себе роскошный пир из Цвейга, Бальмонта и Пастернака. Бальмонт:

Как странно мечтать и любить,
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной луны.

Цвейг о Клейсте, Ницше, Фрейде, Казанове и Стендале. Весьма интересно. «Стройте жилища у подножия Везувия», — призывал Ницше. Ме-

ра опасности — мера величия… Остап Бендер — лишь жалкий отблеск Казановы… Личная жизнь Стендаля (Анри Бейля) — «Сумейте занять женщину, и она будет вашей». Детали жизни писателя… Наши историки и биографы никогда не касаются личных моментов и никогда не приподнимают полога постели. Отчего все образы какие-то ходульные, неживые…

2 октября

Господи! Чего я только не читал в те далёкие годы. В 1955-м даже сборник «Поэзия западных и южных славян». Помимо Мицкевича, Кохановский, Игнатий Красницкий и др. Строки Вацлава Шольца из стихотворения «Беднота»:

Смотри, – пирует знать.
Не жизнь у знати – благодать!
А твой удел – сухую кость
Сухих посул всю жизнь глодать…

4 октября

Весь растворился в Тютчеве. Тютчевские дни… Фёдор Иванович жил по своей философии:

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;

Дневные раны сном лечи,
А завтра быть тому, что будет.

Живи, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать, о чём тужить?
День пережит – и слава богу!

19 октября

Рискованный вариант: после Тютчева помещать свои стихотворные писания — мрачную фантазию. Но это было пережито и написано: с эпиграфом из Ал. Блока: «…Устал я шататься, / Промозглым туманом дышать, / В чужих зеркалах отражаться / И женщин чужих целовать…»

Такой удел мне уготован,
Ни сил, ни воли разорвать.
Вся жизнь как будто адский гомон,
В которой можно лишь рыдать.
Бреду в угаре тошнотворном,
А путь извилист и крутой.
И счастье хочется так вором
Украсть и спрятать под полой.
Но счастья нет…

21 октября

Вчера пионерлагерная компания собралась у Нелли Владимировны, ей исполнилось 32 года (а мне 23). Выпили, весело вспоминали лагерь…

25 октября

Упражняюсь в сочинении фантазий: ухарски-шуточной, въедливо-шуточной и наплевательски-шуточной. «Может быть, вам эти строки / Скучно и читать. / Знаю, это только склоки, / А вообще — плевать!»

27 октября

Настроение аховое. Скорее пролетели бы эти два года, получить диплом, и работать, работать, работать. Стать в жизни кем-то весомым, а не быть расплывчатым и непонятно кем… Под стать строки Эмиля Верхарна. «Вечер» (перевод Шенгели):

Я хрипло харкаю собою, –
Кровь по губам течёт рекою;
Самим собою опьянев,
Я изрыгаю липкий гнев.
Душа ж моя давно в отлучке…

8 ноября

На праздники выпал первый снег… Но больше всего запомнилось из праздничных будней, как дочка удивлялась и радовалась развешанным на улицах флагам…

Настроение плохое… Прочитал роман о Тристане и Изольде (Жозеф Безье). «Умолкни, нас сторожит смерть. Но что смерть? Ты меня зовёшь, ты меня хочешь, — я иду!»

19 ноября

Две новости: одна плохая, другая хорошая. Плохая: у Гали признали двусторонний очаговый туберкулёз… Хорошая: по тиражу погашения выпало 300 рублей…

21 ноября

Галя считает, что в меня уже никто не влюбится: усталый, небритый, лысеющий, плохо одетый… И уже никто не напишет: «Я не могу жить без тебя»… Неужели пришла старость в 23 с половиною года? Старость — не старость. А с интересом читаю журнал «Русская старина». История России жгуче интересна…

25 ноября

Галя в больнице, дочка в яслях, я дома один.

30 ноября

Не могу остановиться, меня несёт стихотворный поток.

Как мне хочется в прошедшее уйти,
Не смотреть на прошлое сквозь дымчатую сетку, –
По местам знакомым вновь идти,
Раздвигать обрызганные ветки,
И тревожно слушать тишину,
И луною бледной любоваться…
Но уйти назад я не могу,
Но и в настоящем не хочу остаться…

4 декабря

На днях был юбилей Блока, пышный и помпезный. Все восхваляли и клялись в слёзной любви… А что Блоку эти празднества? Он умер почти голодной смертью…

15 декабря

Вчера отметился в редакции газеты «Московский комсомолец» на собрании литобъединения. Вёл поэт Марк Максимов, симпатичный дяденька. Слесарь Новиков читал поэму «Паровоз» об Ухтомском. Жуткая муть. Читали стихи и печатающиеся Исаев, Парфентьев, Фирсов, Шаферан,

которые готовятся вступить в Союз писателей. Был там и мой старый знакомый Миша Грисман, теперь он, правда, Курганцев. Мои стихи — баловство, и с ними я никуда не собираюсь идти…

25 декабря

Началась экзаменационная сессия. Сдан экзамен по спецподготовке по военной кафедре. Вопрос мне достался «Войсковой тыл». Отвечал, как отметил полковник Михайленко, «толково», и оценка «отлично». Выходит, что специалист по тылу, а я-то думал, что только по Гейне и Багрицкому. Ещё экзамен по стихам: я выбрал 10 своих лучших стихотворений и послал в газеты, ответила пока одна «Комсомольская правда»: «Вы пишете искренне, однако стихи уж очень не новы по темам, а порой и подражательны…» Очевидно, это так, и я нисколько не расстроился. Напротив, с энтузиазмом направил свои стопы в редакцию институтской многотиражки — в «Советский студент». И там принесённую мною юмореску «Ёлки и зачёты» приняли для новогоднего номера газеты.

И отмечу, «Советский студент» стал первым опытом работы в газете: юморески, стихи и прочие писания. (3 октября 2018 г.)

31 декабря

Юмореска «Ёлки и зачёты» напечатана в газете. Первым набрано имя: Юрий Безелянский. Первый журналистско-литературный шажочек.

1956 год – 23/24 года. Ещё один трудный и к тому же високосный год

Сначала краткая общая картинка, а потом уже хроника из жизни «нищего студента» — оперетта австрийского композитора Карла Миллёкера, написанная в 1882 году, за 50 лет до моего рождения, и, соответственно, и тогда находились нищие студенты.

Итак, на фоне чего боролся с материальными невзгодами Ю.Б.? В феврале состоялся XX съезд партии и было принято постановление «О культе личности и его последствиях». Начало десталинизации страны. Кто-то радовался, кто-то пребывал в ужасе от невероятных перемен. Дальше не расшифровываю, ибо не раз писал по этому поводу в книгах и в прессе. 13 мая — самоубийство Александра Фадеева — главного помощника вождя по литературным репрессиям. Расстрелы демонстрации защитников Сталина в Тбилиси. В октябре-ноябре — события в Венгрии, венгерские националисты захотели сбросить навязанный им сталинский режим. Танки в Будапеште… В

культуре: дискуссия по поводу вышедшей книги Дудинцева «Не хлебом единым». А на экране милая комедия «Весна на Заречной улице» с песенкой «Когда весна придёт, не знаю...».

Ну, а теперь к частной жизни «нищего студента» из Плехановки. В альбоме находится фотография: я держу на руках двухлетнюю дочку. Худое страдальческое лицо и удивлённый взгляд маленького ребёнка на камеру вызывают ассоциации со знаменитой картиной Рафаэля де Сантиса «Мадонна». В данном случае — Мадонна-папа. Никакой благости, святости и покоя. Сосредоточенность, озабоченность, тревога. С 3-го курса института перешёл на последний, 4-й курс. Впереди работа, решит ли она все материальные и бытовые проблемы? Этот вопрос на лице зафиксировал фотоаппарат.

Пора покатить хронику из дневника.

* * *

Не подходите к ней с вопросами,

Вам всё равно, а ей – довольно:

Любовью, грязью иль колёсами

Она раздавлена – всё больно.

Александр Блок. «На железной дороге». 1910 г.

3 января

Новый год встречали на Кадашевской набережной у тёщи, она совсем стара. Выпили немного отвратительной водки. Ребёнок уже спал, когда били куранты. Всё тихо, без визгов и радости.

7 января

Получил ответ из журнала «Юность» на посланные туда 3 стихотворения. В ответе признали — и справедливо! — их слабыми и посоветовали искать свои поэтические краски, свои темы, свои литературные приёмы. Ответ воспринял спокойно. И всё равно уверен: писать буду и стану писателем.

13 января

Вовсю идёт экзаменационная сессия. Сдал советское право на «хорошо», среди вопросов: «Трудовой договор и отличие от капиталистического найма рабочего».

19 января

Последний экзамен по организации и технике механизированного учёта. Первый вопрос:

роль русских и советских конструкторов в создании счётных машин. Это что: Россия — родина слонов?.. Всё сдано: три четвёрки и одно — «отлично».

20 января

По спецпропуску ходил в Кремль, в Оружейную палату. Алмазный трон, золотая посуда, японский ковёр, шахматы Петра I и т. д. А ещё с Горанским и его приятелями ходили на хоккей. Вся компания кичилась тем, чего добились. Ну а я? Как говорится, мне нечем было крыть. Но ничего, я обязательно добьюсь. Добегу, дойду, доползу до намеченной цели. Непременно. А пока… пока тяжко. И с деньгами туго…

23 января

Я оборвал временно ведение дневника и в каникулы подводил итоги собранной антологии поэзии. Оказывается, собрал 683 стихотворения 200 поэтов. Больше всего из Гейне — 64 стихотворения, Блок — 53, Брюсов — 52, Есенин — 35, Шандор Петёфи — 28 и т. д. А ещё записывал сыгранные партии с комментариями ходов.

Ну, что можно сказать спустя годы. Ленивый мальчик трудолюбиво всё записывал в тетрадях. Не шалопай, а скрупулёзник, систематик… (3

октября 2018 г.)

А теперь пошуршим оставшимися разрозненными листочками из хроники 1956 года.

5 апреля

Дневник не пишу. Действительно, нельзя писать каждый день и превращать дневник в самоцель…

В институте нервная суета с распределением, кого куда пошлют после института, меня это ждёт на следующий год. Всё зависит от ловкости и случайности, как там у Есенина:

Счастье есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны…

Эта ловкость сильнее суворовской смелости, которая брала города, ибо ловкость берёт деньги, а деньги — это всё… Говорят, что блат (одна из разновидностей есенинской ловкости) есть отрыжка капитализма. Что со временем это пройдёт, наступит-де коммунизм и всё будет хорошо. Всё это так, но сегодня как много людей носят гоголевскую шинель и терпят столько унижений на своём пути маленького человека… А поэтому надо дерзать, нахально лезть за своим куском

пирога, чтобы не остаться на этом празднике жизни голодным. Громче бей в бубен жизни. И вспоминается жирненький мальчик Рабинович, сын физкультурницы в пионерлагере, который с малых лет усвоил закон: «Наш закон — пить и жрать!..» Ох этот Рабинович!..

10 апреля

На улице скверно: дождь и грязь. И на душе не лучше. Беспокоит туберкулёз Г.В. Грядущие экзамены. Плохое питание: кое-где и кое-что. Нормальных домашних обедов практически нет. Болит сердце. Хочется встать на четвереньки и тоскливо взвыть… Но хорошо, что не вою…

18 апреля

Через день сдавать экзамен по истории экономических учений. В голове всё перемешалось: Патти, Рикардо, Кери, Кейнс, прибавочная стоимость Маркса, труды Ленина…

31 августа

Г.В. уехала в санаторий «Алкино» (под Уфой) на два месяца. Я остался с двухлетней дочкой на руках при скудных деньгах, старая больная тёща — не помощь. У отца свои проблемы и две маленькие дочки. Поэтому приходится крутиться самому: возиться со своей дочкой, одевать, кор-

мить, купать, относить в ясли, а если заболела, сидеть с ней дома. А при этом институт и, как завещал Ленин: «Учиться, учиться, учиться». А сам, как заметил какой-то остроумец, забросив книги и рукописи, бегал на свидание к Инессе Арманд. Увы. Мне в моём положении не до Арманд.

Добавление к дневниковой записи.

В фотоальбоме приклеена моя фотография того времени: высокий молодой человек в меховой шапке, в демисезонном пальто, в широченных штанах, с усталым лицом, ещё без очков, но с коротко постриженными усами.

9 октября

Уничтожил первые дневниковые тоненькие тетрадочки за 1948– 1949 годы. Незатейливый текст да ещё под звуки модного джаза. Лепет и сюсюканье: девочки, танцы, любовь и крик Маяковского из «Облака в штанах»: «Мария, дай!..» Много разных симпатий и одна любовь к Наташе Пушкарёвой, или почти любовь…

Г.В. снова в санатории, дочка в яслях на пятидневке, я снова один. Угнетают дырявые локти в пиджаке, ботинки, готовые вот-вот развалиться, и т. д. Боже, какая идиотская жизнь: «Не подходите к ней с вопросами…» Если раньше я цитировал

Уайльда — «Даже бедность должна быть красивой», — то теперь так не считаю…

Жизнь обогатила меня страданиями, и я верю, что всё пережитое когда-нибудь прольётся бурлящей волной на страницы книг. Я верю в осуществление своей мечты.

Перечитывая эти странички, я обратился к большой книге афоризмов и прочитал:

«Мечты слабых — бегство от действительности, мечты сильных формируют действительность» (Юзеф Бестер, польский афорист).

«Мечты — поэтический способ думать ни о чём» (польский сатирический журнал «Пшекруй»).

«Даже из мечты можно сварить варенье, если добавить фруктов и сахара» (Станислав Ежи Лец).

12 октября

Г.В. в очередном санатории, а я в очередных размышлениях, раздумьях и мечтах: вот закончу институт!.. И утешаюсь тем, что не только мне тяжело и трудно, тяжёлая доля (или участь) выпадала многим, достаточно вспомнить Велимира Хлебникова, Александра Грина, последние годы Блока. А Ахматова, а Цветаева и длиннющий список поэтов и писателей, живших не в ладу с жизнью и попавших в какой-то свой истори-

ческий или личный переплёт («В плохой ты, Василий, попал в переплёт…» — Вера Инбер). В одном из писем Гоголь писал: «Знаю, что моё имя после меня будет счастливее меня». Ну, и что?!.

15 декабря

Лучше не детализировать жизнь в её ужасающих подробностях. Но держимся благодаря великой силе надежд!.. Рай в шалаше, который продувается со всех сторон.

25 декабря

Сбылась мечта идиота, как писали Ильф и Петров. Отец дал денег, плюс я немного добавил своих, и вот я облачён в «дивный» полушерстяной коричневый в полосочку костюм. Но при этом нет радости и визгов… Всё время себя подбадриваю: выше голову и твёрже шаг!.. Впереди — «Весна на Заречной улице»: пока в кино, но придёт и в жизни.

Добавлю с удивлением из октября 2018 года: и ни слова о Рождестве. О католическом Рождестве, о красоте рождественских дней в Европе. Оно и понятно: религия была в запрете, о заморских путешествиях и мечтать не приходило в голову. Иосифу Бродскому было всего 16 лет, и он ещё не написал свой «Рождественский романс»:

Плывёт в тоске необъяснимой
Среди кирпичного надсада
Ночной кораблик негасимый
Из Александровского сада…

Мой кораблик был спущен на воду и поплыл, когда рухнул Советский Союз, исчезла цензура вместе с коммунистической идеологией, когда настали новые времена и зажглись огни свободы, чтобы потом померкнуть. А я тем временем достал свой Календарь мировой истории, написанный в стол, и пришпорил коня… (3 октября 2018 г.)

В заключение года приведу отрывок из «Евгения Онегина», нет, не Александра Сергеевича, а из пародийного романа Юрия Николаевича (1955 год):

…А всё везёт таким вот людям,
Которым вовсе наплевать
На слово глупое «страдать».
Им всё равно, кто их осудит.
Но я отвлёкся. Так сюжет
Продолжить дальше или нет?

1957 год – Первый самостоятельный рабочий год. Тихий бухгалтер

2 марта

День рождения, 25 лет, четверть века.

После перерыва в дневниковых записях возвращаюсь к ним — тетрадь № 29. Мой вес 61 кг, рост 175 см. Я — студент 4-го курса Плехановки. Люблю деньги и страдаю от их недостатка. Злосчастные деньги, о которых пел Мефистофель:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный.
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир – телец златой!..

Словом, люди «гибнут за металл», и я один и этих гибнущих со стипендией в 275 рублей. Но стараюсь не впадать в пессимизм и отчаянье и подбадриваю себя: «Твёрже шаг! Выше голову! Зорче глаз! Звонче голос!..»

Иногда получается, иногда нет — и даун. И какой подарок небес: по облигации выиграли (точнее: погасили) 100 рублей. Богат, как Крез!..

2 марта прошло по-семейному тихо, один лишь гость — Стриж с томиком О'Генри. Немного выпили, поиграли в карты, и «вся любовь»!..

10 марта

Завтра Г.В. уезжает в очередной санаторий «Брянский бор». И снова я в качестве одинокой няни при маленькой дочке — не привыкать, справляюсь. Хотя отчётливо слышатся строки Веры Инбер:

И колёса (вот работа)
Забормочут в такт:
«Что-то, что-то, что-то, что-то,
Что-то тут не так...»

16 марта

В связи с 50-летием институту дали орден Трудового Красного Знамени. Распределяли премии. Распределение сопровождалось жуткими воплями: почему ему, а не мне?!. Всё это подтолкнуло меня на поэму «Ещё раз вопль» с эпиграфом из Надсона:

Если душно тебе, если нет у тебя
В этом мире борьбы и наживы
Никого, кто бы мог отозваться, любя,

На сомненья твои и порывы;

Если в сердце твоём оскорблён идеал,

Идеал человека и света;

Если честно скорбишь ты и честно устал, –

Отдохни над страницей поэта…

Ну, а далее уже мои строки: «В этот день в институте царит кутерьма / В эти дни в институте галдёж и смятенье…» И, пожалуй, стоп, остановка, глупо соревноваться с постоянно рыдающим поэтом Семёном Надсоном. Нет, пожалуй, надо привести ещё несколько строк:

Я стоял от рвачей далеко в стороне,

В стороне ото всех демагогов.

И проснулась внезапная ярость во мне

Против тех, кто не верит

ни в Маркса, ни в Бога!..

21 марта

Давно у меня не было такого адского настроения. Опять всё плохо, неопределённо, хоть вешайся на первом фонарном столбе. Куда девался оптимизм, надежда на что-то лучшее, — ничего этого нет. Есть горькое раздумье, щемящая боль

и сознание, что ничего лучшего не будет. Скоро госэкзамены, диплом и работа. Ещё проблема остаться в Москве, а не отправиться куда-то на периферию. Но если даже в Москве, то это: бухгалтер с окладом в 700 рублей. Ходить в выношенном пальто и вечно занимать деньги в долг — перспектива не из лучезарных.

Мы часто говорим «судьба». А вот Демокрит ещё в древности говорил: «Никакой судьбы нет. Люди сами выдумали судьбу, чтобы оправдать свою беспомощность и нерешительность. Всё имеет свою причину».

31 марта

Опять вожусь с дочкой в одиночку. Одеваю её, кормлю, гуляю с ней, забавляю и т. д. Словом, исполняю все родительские функции. И даже сочинил колыбельную: «Спи, моя хорошая, / Оба мы заброшены. / Оба мы покинуты, / Оставлены с тобой…» Диалог с ребёнком:

— Папа, мама уехала?

— Уехала.

— Папа, мы с тобой два?..

В три года всякие исковерканные словечки: «пупил» вместо «купил», «либка» вместо «рыбка» и т. д.

18 апреля

Подхватил какую-то ангину и еле пришёл в себя, температура была за 39… А болеть нельзя и некогда.

Финал института. Но кем же я стану?
Голова от вопросов пухнет:
То ли буду директором ресторана,
То ли работником кухни…

Тут подсчитал, что в последние два месяца жил в среднем на 13 рублей 40 копеек, но это не только питание, но и оплата всяких счетов и дочкины «апельсины-витамины». В общем, я очень умелая хозяйка… Вот книгочей — это да! Прочитал «Русский лес» Леонида Леонова, «Голова профессора Доуэля» Беляева и сборник «Вопросы организации производства в США». Одно из условий работы мастера на предприятии: «Может ли он думать чётко и спокойно, не впадая в излишние эмоции?» Я, наверное, нет…

29 апреля

Погода стоит чудесная. Бродить бы сейчас по улицам, вдыхать весенний аромат да шептать какой-нибудь милый вздор в отзывчивое женское ушко… Но всё это давно прошло: и гуляние, и бол-

тание, и танцы, и вино, и поцелуи, и кое-что ещё, о чём писать не принято. Нынче я воспитатель дочки, которая растёт практически без мамы.

5 мая

День печати. В нашей многотиражке «Советский студент» собралась хорошая компания пишущих: Александр Стрижев, Юрий Хачатуров, Александр Жетвин, я… Редакторы газеты преподаватели Самсин, Кедрин, Мирсков, Манохин… Моя публикация началась с производственной заметки «Закрепим успехи» (15 декабря 1954 г.). А всего опубликовано 19 материалов. В том числе: юмореска «Ёлка и зачёты» (30 декабря 1955 г.), стихотворение «Очнись, одиночка!» (14 марта 1956 г.), рассказ «В институте и дома» (11 апреля 1956 г.), фельетон «В цейтноте…» — первая премия первомайского конкурса, «Осенний листопад», фельетон (3 октября 1956 г.), «Частокол ресниц», почти быль (22 ноября 1956 г.), фельетон «Зачем диплом Светлане?» (17 апреля 1957 г.)…

Часть материалов было зарублена, в том числе рассказ «Последний день Гоши Звонарёва». Шесть материалов прошли в радиоэфир, в том числе репортаж из пионерского лагеря, куда я ездил на «тонвагене» 13 июля 1956 года — всё тот же лагерь от завода им. Молотова… И кое-что

писал для себя, в стол, в том числе повести «Судьба Лари Бенси» и «Красивая Нонна» — всё проба пера в жанре прозы. Так что День печати — это и мой праздник…

17 июня

Сбылась мечта идиота!.. Сдан последний экзамен по экономике торговли. Получил «хорошо». Утром так волновался, что поставил шишку на лбу, завязал голову и в таком виде отправился в институт. Всё, «золотое» студенчество кончилось. Впереди работа. Сияющий фейерверк надежд!

23 июня

Со Стрижевым ходили в Музей изобразительных искусств им. Пушкина. Бродили по залам несколько часов. Меня завлекала живопись. Ван Дейк, Курбе, Ван Гог, Гоген, Матисс, Пикассо, Ренуар, Сезанн… Как жаль, что я не умею рисовать!..

27 июня

Все дни идёт дождь. Небо покрыто затяжными облаками. Часты грозы, которые вырывают с корнем могучие деревья. Позавчера влажность воздуха достигла влажности тропических зон. Идут разговоры о метеорологической войне. Так это или не так, но в последние 6–7 лет погода резко изменилась: среди зимы неожиданные

оттепели, а летом осенние холодные дожди…

В Лужниках смотрел матч СССР — Польша, 3:0… Читаю сборник Дмитрия Кедрина. Понравившиеся стихи переписываю в особую тетрадочку…

1 июля

Снова был на футболе, потом в другой день в Исторической библиотеке, искал материал для студенческого юмора в ветхозаветных журналах: «Будильник», «Осколки», «Сатирикон»… Да, наш «Крокодил» в подмётки не годится журналам прошлого… Ну, и главное: сегодня получил диплом о высшем образовании. Профессия: бухгалтер-экономист. Утешает то, что Илья Ильф тоже некоторое время работал бухгалтером, а потом уже стал писателем.

4 июля

У сатириконца Аркадия Бухова есть двустишие:

Мучительно наше сегодня,
Где всё – наболевший вопрос…

Несколько дней пришлось побегать по делам трудоустройства: Ленинский райпищеторг, управление продторгами, Мосхлебторг и, наконец, Ленинская контора Мосхлебторга — бух-

галтер централизованного учёта с окладом 650 рублей. Курам на смех!.. А сегодня — сенсация в газетах: информационное сообщение о разоблачении антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова и «примкнувшего к ним Шепилова». Н-да…

Так как буду работать с 10 до 19 часов, с футболом будет туговато, и 2 июля с Борисом отправились в Лужники, на матч «Динамо» — «Фиорентина» (Флоренция), 1:1. Итальянцы против нашей тактики «бей-беги» противопоставили отточенную технику работы с мячом. Да и фамилии игроков «фиолетовых» звучат, как музыка: Кьяппола, Карпанези, Монтуори, Бидзари… После футбола читал роман Фейхтвангера «Братья Лаутензак».

Плехановка – ступенька в жизнь

(текст из фотоальбома к 50-летию. 8–9 января 1972 г.)

Конечно, я кончил не тот институт. Надо бы в МГУ на журфак или философский. Литературный почему-то в мои планы тогда не входил. Но так получилось: Институт народного хозяйства им. Плеханова.

«Тёмная ночь, темны пути Заратустры» — так

сказано у Фридриха Ницше. Но и Плехановке я был рад, как трамвай, который обрёл рельсы, по которым можно катить, не путаясь в бездорожье. 30 августа 1953 года мне выдернули зуб, поднялась температура, но всё же 1 сентября я переступил порог «храма науки». Среди преподавателей запомнился добрый и увлекающийся географ Андреев и неумолимый логик статистик Малый. Но были и антигерои, преподаватели бухучёта Дондуков и Блинчиков. На первом курсе в группе числилось 25 человек, но никто из них звёзд с неба не хватал, так, середнячки и двое откровенно слабых армян. Девочки в основном провинциалки. Выделялась дочь испанского эмигранта Лючия Мансилья.

Неожиданно для самого себя вышел в комсомольские лидеры и общался с комсомольскими и партийными секретарями, которые впоследствии сделали карьеру: Котелевский в ЦК, Шиманский — министр торговли, Дьяков и т. д. Меня общественная карьера абсолютно не привлекала, я сразу определил себя в коллектив многотиражной газеты «Советский студент». Писал статьи, фельетоны, стихи и входил в четвёрку молодых талантов: Хачатуров, Стрижев, Жетвин. Вели напряжённую борьбу с дубоватым руководством

многотиражки: Мирсков, Фролов, Манохин…

Проводил много времени в редакции и в «фундаменталке» — в институтской библиотеке, ещё собранной до революции, когда Плехановка была коммерческим училищем. Брал умные книги: «Сократические сочинения» Ксенофонта Афинского, «Этику» Спизоны, книгу Гельвеция «О человеке» и т. д. Мало этого, со Стрижевым повадились ходить в Историческую библиотеку и там читали что-то запредельно интересное, к примеру, Киплинга и Оскара Уайльда:

Уже двенадцать дней не видно берегов,

Но ночь идёт за днём, как волк за тихой серной,

И небо кажется бездонною цистерной,

Где башни пушатся туманных городов…

Или нашего Эдуарда Багрицкого:

Пусть сердце, полно сокровищ, идёт с кораблём ко дну.

Мне довольно продажных женщин, я хочу целовать одну.

Буду пить из родного колодца, другого источника нет,

И со мной юных лет подруга – и, чёрт побери, весь свет!

Культурологическая добавка к экономическим знаниям — к истории экономических отношений, к планированию, праву, бухгалтерскому учёту и прочим экономическим премудростям. Знания всегда полезны.

24 июня 1957 года мне вручили диплом об окончании института (который впоследствии превратился в академию) с присвоением квалификации бухгалтера-экономиста.

И чао, институт! Бонжур, трудовая деятельность!..

* * *

И снова хроника.

10 июля

В понедельник, 8 июля, встал рано. Под звуки трубы Тимофея Докшицера по радио стал собираться на свою первую работу… Меня определили в товарную группу, где я должен обрабатывать товарные отчёты из магазинов и вести товарные журналы. Первая цифра, которую я протаксировал (т. е. проверил), оказалась ошибочной, и я чуть дрогнувшей рукой её исправил.

21 июля

С работой быстро освоился… Галя в стационаре… Жара 30 градусов. Дышать нечем… Москва готовится к 6-му Всемирному фестивалю молодёжи и студентов. Строительная лихорадка. Красят фасады домов, чистят, скребут, высаживают веточки, рисуют цветные картинки с изображением голубей и негров. В магазинах появились товары, о которых мы даже забыли. Предстоит грандиозная помпа. Лично я совершенно спокоен. Это барышни нашивают пёстрые юбки, декольтируют груди и мечтают о встречах с африканцами, ну, что ж, это их право…

23 июля

Вживаюсь в работу. Кругом меня одни женщины, и для них представляю магическое понятие: мужчина! Благоговейный шёпот и страстные взгляды. Я отшучиваюсь. Читаю Шолом-Алейхема «Тевье-молочник».

«Знаете что, пане Шолом-Алейхем? Давайте поговорим о более весёлых вещах. Что слышно насчёт холеры в Одессе?»

«Мне хорошо. Я сирота», — это мальчик Мотл.

Был в бане. Вешу 60 кг. Какая худоба…

28 июля

Получил гонорар в Радиокомитете за очерк «Три диплома» — 312 рублей, первую зарплату — 168 и стипендию за июль — 290, итого 770. Но что-то опять затемпературил. Дома — хоть шаром покати. Читаю Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». Открылся фестиваль…

4 августа

На работе аврал: баланс… Получил вторую получку — 412-80. Добавили 15% за высшее образование. Итого 747-50. Эх, а когда буду получать заветную тысячу?.. Читаю Уткина:

Смейся, милый, умоляю, смейся,
Ни к чему трагическая тишь.
Говорят, что никаким злодейством
Старый мир не удивишь…

22 августа

На работе научился быстро считать на счётах. Легко разбираюсь в документах, читаю цифры (именно читаю)… И всё же главное иное: футбол, шахматы, поэзия. Это, наверное, лучше, чем вино, курево, карты. Но только не хвастать. Скромность и скромность. Хотя, как утверждал философ Юм: «Очень трудно долго говорить о себе без тщеславия».

26 сентября

Читаю Вересаева «Пушкин в жизни». Гувернёр лицея Чириков о поэте: «А. Пушкин: легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив; впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии».

5 октября

Нахожусь в смятении. Во-первых, балансовая свистопляска: цифры сходятся и не сходятся. Приходится задерживаться после работы. Считать, ужасаться, снова считать и снова ужасаться. Во-вторых, есть предложение пойти работать в магазин то ли директором, то ли заместителем. Искушение. Но. Огромное «но»: материальная ответственность, а это не шутки, ведь опыта нет, а в торговле каждый норовит что-то схватить и украсть, а кто отвечает? Так что дилемма: журавль в небе или синица в руках?.. Нет, риск слишком велик.

8 ноября

Дочка увидела на улице много народа и спросила: «Эта называется праздник?» По поводу появившегося на празднике торта: «Дай мне торт, у меня есть ещё место в животике». И вопрос ко мне: «Ты сильный? Ты в горячей воде моешься?»

А силы-то нет. Пытался устроиться литсотрудником в Академию архитектуры, не вышло. Сказали: не тот диплом! Осталось утешаться романом Галины Николаевой «Битва в пути». То была битва за стипендию, теперь за зарплату. Аника-воин… Как презрительно писал Маяковский: «Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете».

12 ноября

Посмотрел «Летят журавли». Мощный фильм. Блестяще снят, хороши артисты Баталов, Самойлова и Меркурьев.

1 декабря

Проводил учёт с инспектором Романовой в большом магазине на Боровском шоссе всю ночь. Товаров было на 160 тысяч. В инвентаризационной описи 332 наименования. А потом отгул. И замечательно, ибо на работе каждый, кто открыл рот, то сразу «глупость хлынула водопадом» (Ильф).

18 декабря

Перемены на работе, в результате каких-то реорганизаций я попал в Центральную контору Мосхлебторга (главный бухгалтер Брянский), в специализированный кондитерский магазин № 51 на Пятницкой, вместе с бухгалтером

Кругликовой, как бы набираться опыта для самостоятельной работы. Мой шеф в юбке меня как-то стесняется и часто спрашивает: «А на ваш взгляд?»

29 декабря

По сравнению с конторой на Полянке тут свобода: опаздываю, гуляю днём, глазею в огромное окно или рыскаю по большой карте, висящей на стене, где находится Ямайка? А потом чаи с дорогими конфетами… Всё хорошо, кроме сверлящей боли в голове, а что дальше? И ответа пока нет.

Тихий бухгалтер

Ещё раз обращусь к фотоальбому 1972 года. Вот отрывки из того давнего текста:

Я долгое время стеснялся произносить слово «бухгалтер». Но утешало то, что бухгалтером работал и Илья Файзильберг, что не помешало ему в дальнейшем стать знаменитым писателем Ильёй Ильфом. На первых порах для меня было главным: получить у кассира свои положенные 650 рублей за месяц работы.

Первое рабочее место: Ленинская контора Мосхлебторга на Полянке в доме, который потом снесли, и где-то вблизи в последующие годы

возникли многоэтажные дома, и в одном из них — книжный магазин «Молодая гвардия» (в нём я не раз презентовал свои книги, когда стал писателем. — 24 января 2019 г.).

Я ходил на эту Полянку, в затрапезную контору, и вспоминал слова Жан-Жака Руссо: «Для последовательного исполнения маленьких обязанностей нужно не меньше геройства, чем для подвига». Итак, быть героем карандаша, линейки, деревянных счётов и гордиться найденной копейкой в годовом балансе, — конечно, это не геройство, а измельчание и отупение.

Но я не измельчал и не отупел, а довольно скоро овладел всеми навыками профессионального бухгалтера и лихо щёлкал на счётах, иногда на арифмометре. Хотя никакого удовольствия от своей работы не получал и, как лермонтовский Демон:

И проклял демон побеждённый
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной,
Без упованья и любви…

Первые финансовые удачи: стипендия за июль — 290, зарплата, гонорар за радиоочерк «Три

диплома», но всё равно не дотянул до тысячи. При собственном весе в 60 кг. Так я стал любить цифры…

Начал я трудиться среди женщин, вот их фамилии: Разуваева, Молоканова, Шурупова, Ароматова, Гурова, Ионе… Все стучали на счётах, считали, копошились, почти не подымая головы, — и всё это напоминало Салтыкова-Щедрина: «Отделение завязывания узлов и отделение развязывания узлов». Но у каждого бухгалтерского работника при этом роились в голове какие-то мысли, а сердце трепетало от каких-то эмоций. Как писал Иосиф Уткин:

Я знаю помыслы твои
И то, насколько сердцу тяжко, –
Хоть прыгают, как воробьи,
По счётам чёрные костяшки.

(Написано по случаю гриппа, который прихватил меня и дал возможность окунуться в воспоминания. 7 января 1972 г.)

А тем временем завершился 1957 год, год проведения в Москве VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, некоторого братания молодых людей со всего мира, явления негров в столице и с появлением через 9 месяцев чёр-

неньких детишек. Но всё это прошло мимо меня: я работал…

А ещё произошло событие: со всех постов сняли маршала Георгия Жукова, состоялся запуск искусственного спутника (бип-бип!..), открытие в Москве театра «Современник», выход на экраны фильма «Высота», и страна с энтузиазмом запела «Не кочегары мы, не плотники…». Нет, я работал в системе Мосхлебторга. Старая-престарая песенка: «Купите бублички!..»

1958 год – 25/26 лет. Жизнь без кардинальных изменений

В стране всё время что-то происходило. 29 июня был открыт памятник Маяковскому, и молодёжь стала кучковаться вокруг него и читать стихи, пока милиция не прекратила эти «безобразия». В октябре началась вакханалия по поводу присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии: как посмел издать на Западе свой роман «Доктор Живаго». Травля поэта шла и от власти, и от народа. «Я Пастернака не читал, но считаю…»

Борис Леонидович находился в шоке: «Я пропал, как зверь в загоне…» И недоумевал:

Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Спустя ровно 50 лет вышла моя книга «Золотые перья» (литературные судьбы, 2008), и в ней был очерк или эссе о Борисе Пастернаке — «Заложник времени».

Но в 1958 году не переживал за поэта, и если

быть честным до конца, то больше переживал за себя, ибо моя первая работа не являлась твёрдой почвой под ногами. Конечно, полуголодные студенческие годы остались позади, зарплата позволяла худо-бедно как-то существовать. Плюс пошли неучтённые торговые денежки, которые можно назвать стихийным перераспределением неофициальных доходов: после каждой инвентаризации в магазинах бухгалтеру, кто сводил концы с концами, полагался небольшой бонус. Так функционировала советская торговля (о других отраслях не в курсе дела). Короче, стало явно полегче.

Легче, но не веселее и не комфортнее. Работа-деньги-семья — всё было серым и будничным и засасывало, как болото. Спасали от быта друзья, футбол, книги. А в их отсутствие «Мендельсон не тот!» — была в ходу такая странная присказка.

Работал уже не на Полянке, а в Хрустальном переулке, рядом с ГУМом и Кремлём. Обедать часто приходилось ходить в ГУМ, там была какая-то столовка…

Но в Хрустальном переулке в скопище Центральной конторы просидел недолго, и меня перевели в кондитерский магазин № 51 на Пятницкой улице, там был свой бухгалтер, а я вёл

свой куст магазинов. Мне, как сластёне, страшно повезло: и директор, и почти все продавцы меня любили (молодой мужчина!) и закармливали конфетами, редкими шоколадными, которые не всегда были в продаже. И я собрал большую коллекцию фантиков, подарил дочке, а она её куда-то выбросила, по поводу чего я очень переживал…

Какое-то время на Пятницкой было хорошим периодом жизни: работа спорилась, чай с конфетами (мечта Осипа Мандельштама), никто не дёргал. А рядом был Радиокомитет, в котором мне позднее пришлось поработать.

Дневник не вёл, но продолжал баловаться стихами и попробовал себя в жанре эпиграмм и посвящений. Вот две «штуки»:

В мифологии героем
Долго славился Антей.
Ну, а в шахматах не скроем:
Свой герой – Давид Бронштейн.

* * *

Летописец сказал, что ноне
Большой величиной
На шахматном небосклоне

Является Корчной.

А теперь приведу настоящие стихи и некоторые записи из спорадического дневника.

19 февраля

День на день похож, как две капли,
Что текут с отсыревшей стены.
Унывать не способен лишь Чаплин,
Ну, а мы этим очень грешны.

Засосёт где-то там в пояснице,
И так тошно – глаза бы закрыл,
Хоть в потёмках видений укрыться
Ото всех опаскудевших рыл.

Каждый день лишь топтанье на месте,
Каждый день – суета из сует.
И из сотни не встретишь, кто честен,
А из тыщи – кто был бы поэт.

Вот и снова брюзжишь спозаранок,
Недовольно наморщив бровь,
Это там, на страницах романов,
Честность, искренность и любовь…

6 марта

«Предупреждаю вас: легких трудовых дорог нет и в ближайшее время не предвидится…» — как-то в газете высказался писатель Евгений Пермяк. Увы, каждому. Как я написал одной продавщице нашего кондитерского магазина: «И нужно без остановки / Кружиться, как стрекозе, / Руками своими ловкими / Вязать „Трюфеля“ и „Безе“».

15 марта

Написал стихотворение «Уж март…». Эпиграфом взял строки Афанасия Фета.

Но верь весне! Её промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша,
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Афанасий Фет

Уж март с грачами и мимозой
Прельстил весенней теплотой.
Прощай, недобрые морозы
И воздух, гулкий и литой.

Идёт весна, её походка

Звенит в весёлых ручейках
И в проводах, гудящих чётко,
В взметённых белых облаках.

И невозможно удержаться,
Чтоб не смеяться и не петь,
Ходить и просто наслаждаться,
И видеть всё, и просто млеть.

27 марта

Дневник что-то не идёт. Застопорилась машина…

18 апреля

Оле 4 года. Склонна к анализу: «Сломали лифт быстро, а делают медленько». А у меня новая общественная напасть: избрали заместителем секретаря комитета комсомола Центральной конторы по оргвопросам. «Дышите глубже: вы взволнованы!» Снова жизнь — сплошной Комсомольск-на-Амуре. А здоровье уже не то…

24 апреля

Не могу писать. Ни рассказов, ни стихов, ни вести дневник. Дело дрянь.

* * *

Так и пролетел, прополз, прошмыгнул 1958 год. Ничего особенного, экстраординарного не произошло. Рабочие будни. Домашнее прозябанье. И всё это отражалось в метафорических стихах, вот концовка одного из них «Так ведётся из дальних веков…» (2 января):

…Что мне жизни бессмысленный бег –
Состязанье на резкость и скорость,
Когда над головой целый век
Кличет беды Эдгара По – вский ворон.
Нет, я правду напрасно искал,
Поклонялся напрасно святыням.
Только издали мнился кристалл,
А вблизи был лишь призрачный иней.

Ну, давай же, топор заноси,
Эй, палач, не томи ожиданьем.
Дорогая, меня ты прости
В этот миг рокового свиданья.

Брр, как мрачно, как будто шекспировская хроника. А вот другое, отчаянно пессимистическое

(написано 31 января):

Рукою подать до полночи,
В окнах синяя жуть.
Ложатся в постели сволочи,
Чтобы передохнуть.

Трудятся денно и нощно,
В грязи купая людей.
Душу возьмут и полощут,
Чтобы заляпать сильней.

Криком, приказом иль шёпотом
Живое хотят задушить.
Станешь животным подопытным
Тихо на лапках ходить.

Жирным плевком и утробным
Плюнут в нежный цветок.
Сделают местом Лобным
Жизни любой уголок…

В этих строках что-то от раннего Маяковского: «Ну, это совершенно невыносимо! / Весь как есть искусан злобой…»

И про дирижёра: «…труба — изловчившись — в

сытую морду / ударила горстью медных слёз…» Вот и я туда же. Писал и под Киплинга — «Баллада о солдате» (22 апреля):

Солдатской судьбе не завидуй:
горнист проиграет сбор –
И будешь пылить по пустыне,
и будешь «прочёсывать» бор…
…Солдатской судьбе не завидуй.
горнист собирает в путь,
И если снаряды рвутся,
то надо подставить грудь…

Не цитирую «Вопль одиночества» (6 июля): «Вот опять нашло такое, / Что хоть в петлю головой. / Настроенье неземное / Адски-чёртовски плохое — / хочешь — плачь, / а хочешь — вой…»

Тональность ясна, и подробности жизни не нужны. Иногда, правда, подбадривал себя:

Бродит ветер бездомный по кочкам,
По оврагам и по холмам.
Успокоился?! То-то же. Точка.
Возвращайся к своим делам.

И дата стихов: 21 октября 1958 г. Так жил один молодой человек в советские времена, кандидат

в интеллигенты и интеллектуалы. Рассуждал, анализировал, пылал, гневался и… мало что практически делал. Плыл по волнам. «Плыви, мой чёлн…» Доплыл до пенсии, собрал всю волю в кулак и жахнул: более 2 тысяч газетно-журнальных публикаций и 39 изданных книг, да ещё с десяток ненапечатанных. Это солидно. Это достойно уважения… (26 января 2019 г.)

Поставил точку. Но в бумагах обнаружил ещё одно своё стихотворение «Осень», светлое по тональности, и грех его не привести (дата 14 октября 1958 г.):

Трава давно уже пожухла,
Чернеют руки тополей.
Не долетит в пруду до слуха
Гортанный возглас лебедей.

Повсюду только пляски ветра
И песни нудные дождя.
Пройти без грусти даже метра,
Пожалуй, что уже нельзя.

Но в грусти скрыто обновленье,
Чтоб силы новые набрать
И с майским первым пробужденьем

Цветеньем пышным покорять.

Вот так же нам, упавшим духом,
Воспрянуть в бодрости своей…
Уже доносится до слуха
Гортанный выкрик лебедей.

Никогда не считал себя поэтом, только тайно. Но, читая стихи своих современников, часто возмущался: «Боже, как бездарно, как плохо!» Свои поэтические строки оставлял, как правило, вне зоны критики.

1959 год – 26/27 лет. «Катится, катится / Голубой вагон». Шестидесятники

Была такая песенка Эдуарда Успенского: «Каждому, каждому / В лучшее верится… / Катится, катится / Голубой вагон». Она была написана задолго до 1959 года. Но все люди куда-то катились. В голубом вагоне, в поезде дальнего следования, в товарном составе и т. д. Катились в лучезарное будущее — в коммунизм. «И Ленин всегда молодой…» Какая чушь на постном масле.

И всё же выделю три события года — 16 июня, второе открытие или второе рождение ВДНХ (и сколько воспоминаний, связанных позднее с книжными ярмарками). В сентябре визит Хрущёва в США, и в ноябре — создание Союза журналистов СССР.

В Америке Никита Сергеевич не показывал кузькину мать, а благожелательно заявил американцам: «Живите себе при капитализме, пусть вам, как говорят, Бог поможет… А мы приналяжем, но догоним и вперёд пойдём. Это моё убеждение…»

Показали Хрущёву в Голливуде и канкан — женщины лихо задирали кверху голые ноги, на что советский лидер сказал, как отрезал: «У вас это смотрят, а советские люди от этого зрелища отвернутся. Это порнография…» Не комментирую…

Ну, а по поводу создания Союза журналистов можно в качестве комментария привести из Энциклопедического словаря (1995) определение слова «сервильность»: от латинского servilis — рабский — «рабская психология, раболепие, прислужничество, угодливость». Вот чем занимается официальная, провластная журналистика последние 20 лет. На эти рельсы её поставил ещё Ленин, когда запретил издание буржуазных частных газет. Лишь в начале лихих 90-х пресса вздохнула полной грудью и свободно, раскованно, наотмашь описывала всё как есть. И я был причастен к этой свободе, достаточно вспомнить «Вечерний клуб» — газету для интеллигенции.

Да ещё осталась прекрасная песня про военных корреспондентов на слова Константина Симонова «С лейкой и блокнотом, / а то и пулемётом…». Ныне пулемётов нет. Но по независимым журналистам стреляют, их убивают и часто сажают. И соответственно вышколена, сформировалась

сервильная журналистика: чего изволите, шеф? что угодно, босс? кого надо «мочить в сортире»?.. (26 января 2019 г.)

Вернёмся к Ю.Б. Жизнь заурядного бухгалтера. Вязкая семейная доля. Никаких «девочек». Лишь весною Горанский устроил встречу с Наташей Пушкарёвой. Об этой прощальной встрече я написал длинное стихотворение. Вот концовка:

Она распрощалась с поклоном,
Склонивши голову низко,
И разочарованье читалось в её лице.
А я? Отошёл спокойно.
А я? Отошёл, не дрогнув, –
То была последняя точка
нашей любви в конце…

Ещё одно запомнившееся событие. В пионерлагере Центральной конторы Мосхлебторга произошло какое-то ЧП, и меня в августе на третью смену направили старшим пионервожатым: я не хотел, но пришлось. Сразу замечу: я трижды был в пионерлагере за свою жизнь и в трёх качествах — рядового пионера, педагога в отряде и старшего пионервожатого, который стоял по утрам на трибуне под флагом (обалдеть можно!..).

Более трёх недель. Справился, на этот раз никаких любовных романов, в отличие от 1955 года. А потом возвращение в Москву. По этому поводу начальник лагеря издал приказ. Я его назвал документом эпохи. Вот он:

«Организованный выезд детей в г. Москву и персональную ответственность за сохранение жизни детей в пути следования возложить на моего заместителя по воспитательной части т. Безелянского Ю.Н.». И дата: 23 августа 1959 г.

Все дети в сохранности прибыли в Москву, и мне, кажется, вынесли благодарность, но точно не помню. Дневник не вёл, и все подробности и детали канули в какую-то бездну беспамятства. Все эти комсомольские собрания, сбор взносов, какие-то поручения и т. д., весь этот Комсомольск-на-Амуре 30-х годов. Волновало иное, неожиданно — возраст. И я всё время цитировал Есенина:

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет…

По-прежнему много начитывал чужих стихов и писал свои, но при этом совершенно не считал себя поэтом, просто писал, и радовало сознание,

что и я могу писать стихи. Вот некоторые стихи и дневниковые записи.

21 сентября

Из трудовой книжки: «Переведён бухгалтером бул. № 5».

Комментарий из будущего. Был тогда такой большой магазин на улице Горького: булочная-кондитерская № 5, около Театра им. Ермоловой. Сегодня этого здания нет: снесено. Я там сидел в подвальном помещении без окон за маленьким столом, со счётами и арифмометром. Первым сдавал балансы, на что главный бухгалтер конторы Брянский качал головой: очень прыток, не надо обходить старожилов бухгалтерского цеха. (7 апреля 2010 г.)

16 ноября

Я уже не тот, что был когда-то,
Прежние черты не разглядеть,
Словно я с войны пришёл солдатом,
Где дано всем право умереть.

Грубые морщинки под глазами,
И глаза, как будто сами жесть.
Жизнь ещё порадует годами,

Но, увы, мне больше не расцвесть…

Руки, вам не менять цветы весною,
Сердцу уж не биться больше в такт.
Что осталось? Утренней порою
Грязь месить, отсчитывая тракт.

И идти с котомкой за плечами,
Грусть и хлеб делить напополам…
Стынет солнце где-то за горами.
Ночь идёт тревожно по полям.

30 ноября

Настроение шарахается из стороны в сторону, от оптимизма к пессимизму, от радости к печали, от бодрости до уныния и обратно.

Шестидесятники

Добавление или комментарий, как вам угодно, спустя 60 лет. Прочитал верной жене (замечу: с хорошим филологическим вкусом) своё стихотворение «Я уже не тот, что был когда-то…». И увидел гримасу на её лице.

— Драматическое? — спросил.

— Просто трагическое, — последовал ответ.

Да, оглядываясь на то далёкое прошлое, вы-

шеприведённые строки воспринимаются как безысходные и трагические. Впереди ничего не светило. Надо было выбираться из бухгалтерско-торгового круга, но как? Никто не протягивал руку, чтобы вытащить из затягивающего болота. «Из болота тащить бегемота»… И кому охота?.. Вокруг меня была некая культурная пустыня, в основном футболисты, поддавальщики или просто хорошие ребята без связей.

А в это время ровесники, энтузиасты из моего поколения делали первые решительные шаги, чтобы войти в историю под славными знамёнами шестидесятников. Я был тоже шестидесятник, но в эту когорту не входил, ибо предъявить было нечего. Я лишь пытался нащупать свою литературную тропу…

Сделаем навскидку перечень тех, кто ушёл вперёд и уже приобрёл имя. Начну с виртуального «Клуба 1932», моих непосредственных ровесников.

Василий Аксёнов при проблемных родителях в 1959 году начал печататься в журнале «Юность». В 1960-м вышла первая повесть «Коллеги».

Василий Белов начинал как поэт, и ему помогал встать на ноги уже известный поэт Александр Яшин.

Владимир Войнович дважды пытался поступить в Литературный институт и неудачно. Поступил в педагогический и со 2-го курса по «комсомольской путёвке» уехал работать в Казахстан. Известность уже получил, работая в Москве, в Радиокомитете, благодаря песне о космонавтах: «Заправлены в планшеты космические карты…» В 1952 году вышла повесть «Здесь мы живём», и Войнович вступил в Союз писателей.

Роберт Рождественский, выпускник Литинститута, свой первый сборник стихов назвал «Флаги весны» (1953). Его фишками стали борьба с мещанством, память о войне, верность идеалам революции, душевная открытость. И это Роберту Ивановичу принесло популярность…

Римма Казакова выпустила первый сборник «Встретимся на Востоке» в 1958-м. Антагонист лирической Ахмадулиной…

Михаил Шатров (настоящая фамилия Маршак). Его семья была причастна к «врагу народа» Рыкову, отец расстрелян в 1937-м, позднее посадили мать, юноше пришлось нелегко, он в отличие от меня крутился и искал работу. Однажды в 9-м классе упал в голодный обморок. Закончил Горный институт, работал на Алтае и там же начал печататься. Первые пьесы Шатрова посвящены

молодёжной тематике: «Чистые руки», «Дождь как из ведра», «Место в жизни» и др.

Андрей Вознесенский (1933) — это уже пошли шестидесятники младше меня. Учился в параллельном классе в 554-й школе. В школе с ним я не общался, позднее почти приятельствовали. Но в отличие от меня Андрей сразу определился, что он — поэт, и пошёл в ученики к Пастернаку. Первая подборка стихов Вознесенского в «Литературной газете» в 1958-м. В 1960 году вышли в свет сборники «Мозаика» и «Парабола». Начинал Андрей звонко и голосисто. Вот концовка «Пожара в Архитектурном институте»:

…Всё выгорело начисто.
Вздыхающих полно.
Всё – кончено!
Всё – начато!
Айда в кино!

Второй классик с 1933 года — Евгений Евтушенко. Первый сборник вышел в 1952 году. И первые стихи дерзкие, лозунговые, пафосные, бодряческие, по типу «Эх, удивлю!». Но вскоре посерьёзнел. Ярый антисталинист.

Мы вынесли из мавзолея его,

Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?..

Далее идёт группа шестидесятников, родившихся в роковом 1937 году. По алфавиту: Белла Ахмадулина, самая лирическая из всех лирических поэтов. И самая мастеровитая по языковому мастерству. Первая книга «Струна» вышла в 1962-м. Почётный член Американской академии искусства и литературы.

Сижу. Смеркается. Дождит.
Я вновь жива и вновь должник
вдали белеющей бумаги…

«Влечёт меня старинный слог. / Есть обаянье в древней речи…»

Андрей Битов — выпускник ленинградского Горного института. Писать начал с 1956 года. Из-за альманаха «Метрополь» попал в опалу. Лучший роман «Пушкинский дом» (издан в США в 1978-м).

Александр Вампилов. Окончил Иркутский университет и печатался в иркутской газете «Советская молодёжь». Драматург. Начал с одноактных пьес-шуток, а кончил трагическими пьесами. Его герои — люди с расколотым созна-

нием, страдающие личности. За два дня до своего 32-летия, 17 августа 1972 года, утонул в Байкале.

Юнна Мориц. Киевлянка, окончившая московский Литинститут. Первая книга стихов «Разговор о счастье» (1957). А потом была исключена из института ввиду «нарастания вредных тенденций в её творчестве». В 1963-м прогремело программное стихотворение Юнны Мориц «На Мцхету падает звезда», посвящённое гибели поэта Тициана Табидзе:

Кто это право дал кретину
Совать звезду под гильотину?..

Как отмечали критики, Мориц в своих стихах «берёт накалом, и только накалом».

Геннадий Шпаликов, автор широко известной песни «А я иду, шагаю по Москве…». Поэт, сценарист из Карелии. Весёлый человек с печальной судьбой, который верил «в нелепую эту страну», ибо в ней видел «как будто бы автопортрет». Автор многих грустных стихов и роковых предчувствий. «Ах, утону я в Западной Двине / Или погибну как-нибудь иначе…» 2 ноября 1974 года Шпаликов сам оборвал ломаную линию своей жизни в пушкинские 37 лет.

Также печальный финал у Николая Рубцова

(1936). Он тоже шестидесятник, но совсем иной: не шумный, не дерзкий, не рвущийся вперёд. «Тихая моя Родина! / Ивы, реки, соловьи…» Рубцов из тех шестидесятников, которым не хватало воздуха.

На тёмном разъезде разлуки
И в тесном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.

И ясно: такие рефлексирующие поэты долго не живут. Нелепая смерть 19 января 1971 года. Ему было 35 лет.

Всё было весёлым вначале,
Всё стало печальным в конце…

Итого 14 шестидесятников. Нет, нужен 15-й. И это Анатолий Кузнецов (1929). Он стоял у истоков новой исповедальной и искренней прозы. И автор «Бабьего Яра», о который было сломано столько копий!.. Не захотел быть первым парнем в советской деревне и 30 июня 1969-го попросил политического убежища в Англии (о нём подробно в книге «Огни эмиграции», 2018). Через 10 лет — 13 июня 1979 года — в Лондоне закончил свой жизненный путь.

Можно, конечно, упомянуть ещё Гладилина, Владимова, Новеллу Матвееву и ещё многих, но не буду. Ну а я сам? В 90-х годах в одной из газет обо мне написали «Неизвестный шестидесятник». А на творческом вечере в ЦДЛ подошёл к микрофону Вознесенский и что-то сказал хвалебное, а главное, определил меня как «позднюю ягоду».

Урожаи давно собраны, всё давно поспело и переспело, а тут на тебе! Ещё какая-то неведомая ягода. Наверняка не наша — заморская… На этой шутливой ноте и закончим очередной год хроники — воспоминаний и дневников. (12–13 марта 2019 г.)

1960 год – 27/28 лет. Последний бухгалтерский год, и снова без дневника

Итак, последний год бухгалтерской стези. Диплом отработан, и я пустился в свободное плавание, сделав резкий поворот: вместо бухгалтерии — журналистика. Оп-па!..

Без дневника год стёрся в памяти, что-то, наверное, было, но ничто не запомнилось. Сидел в своей каморке без окон в булочной-кондитерской № 5 в начале улицы Горького и щёлкал на счётах. В стране что-то происходило, но я как-то не вникал, озабоченный своими делами. Поэтому упомяну лишь одно событие: арест и посадку правозащитника Александра Гинзбурга (1936–2002) за издание самиздатского журнала «Синтаксис».

В 60–70-е годы я был далёк от диссидентской деятельности и мало что о ней знал. Позднее узнал многое и понял, что разделял их идеи, и в первую очередь о свободе слова. Но тем не менее ничего оппозиционного не писал и, соответственно, на Запад не посылал. Жил спокойно в СССР. Лишь работа в Радиокомитете в качестве официально-

го пропагандиста раскрыла мне глаза. И в своём трёхтомнике «Огни эмиграции» (название 3-го тома, 2018) я представил многие фигуры инакомыслящих, в том числе и Гинзбурга. И привёл много обжигающих стихов:

Не забыть мне проклятую зону,

Эту мёртвую память твою…

Это из стихотворения Юрия Домбровского. А в начале 60-х я был далёк от этой темы. Работа, друзья, семья, книги, футбол и многочисленные хобби. Например, преферанс. Даже написал «Балладу о преферансе», посвятив её своим школьным друзьям:

Кто-то выскажет свой осторожный норов

Безразличным голосом: «Я – пас»…

…Позабыты дома «половины»,

В вазах недоедена халва…

Всё это не очень интересно, и приведу лишь три сохранившиеся записи несостоявшегося в целом дневника:

28 апреля

Написано стихотворение «О счастье» с эпи-

графом из Бунина: «О счастье мы всегда лишь вспоминаем…»

Одно и то же слово повторяя
И бредя им во сне и наяву,
Мы счастью наши жизни доверяем,
Как доверяют в море маяку.

И это счастье лучезарно светит,
Горит вдали неведомой звездой.
А что оно? Никто нам не ответит,
Ни даже тот, кто мудрый и седой.

Но в час полночный счастье мнится славой,
Наряженной в шелка и позумент.
И чудится: орёл парит трёхглавый
Иль заседает яростно Конвент.

Но счастье вдруг меняет все одежды
И предстаёт нам кожаным мешком,
В котором связаны все мысли и надежды,
Придавленные слитков серебром.

А иногда, весною это чаще,

Когда цветеньем очарован мир,
Любовью представляется нам счастье
(Хоть слово и затаскано до дыр).

И кажется, что отдал за улыбку
Дома, и дол, и стены, и весну,
Что прошлое – громадная ошибка
(И этим делаем ещё одну).

А то порой ничтожнейшая малость,
Комок сырой и пахнущей земли
И будет тем, что так нам не хватало,
Что счастьем настоящим нарекли.

28 декабря

Прощай, Мосхлебторг! «Уволен по собственному желанию». Как молодой специалист отработал почти 3,5 года. Обрёл бухгалтерский опыт. Поплавал в море цифр. А теперь от цифр — к слову.

29 декабря

Зачислен на должность редактора в издательство Центросоюза. Точнее — редактором журнала «Советская потребительская кооперация». Здание на Неглинной рядом с магазином «Охота и рыболовство». Когда-то в этом здании находились номера борделя. Любовная кооперация за

деньги… Первые шаги профессиональной журналистики. Экономической журналистики…

Взгляд, обращённый в прошлое

В редакции «СПК» уже работали два выпускника Плехановского института. Я стал третьим. Первые два делали карьеру. Фомин метил на место главного редактора. Хачатуров тоже желал того же, но проиграл борьбу и через некоторое время покинул редакцию в поисках другого карьерного счастья. Ну, а меня на тот момент полностью устраивала смена профессиональной ориентации и зарплата, повышенная вожделенная з/п. В дальнейшем каждый плехановец получил своё. Фомин стал главным редактором, Хача — почти министром, я — писателем. Все трое воплотили свои мечтания, кроме Георгия Валентиновича Плеханова, который начисто проиграл политическую борьбу Ленину… (27 января 2019 г.)

И последний аккорд. Если говорить о своём поколении, появившемся на свет в начале 30-х, то у многих жизнь сложилась не очень радужно. Не смогли вписаться в советскую модель, остро пережили распад СССР и вылетели из колеи в лихие 90-е. Адаптироваться к новым условиям

жизни — штука непростая. А лавирование (тема эрдмановской социальной комедии «Мандат») — вообще искусство. Как говорят в народе: грудь в орденах или голова в кустах. И закончим остроумным выводом литературного пародиста Зиновия Паперного:

«Да здравствует то, благодаря чему мы — несмотря ни на что!»

И реакция на этот лозунг-девиз: удивление. Аплодисменты. И немного восторга в глубине души среди тех, кто не выпал на крутых виражах истории.

Однако эмоции в сторону и поскользим по хронике лет дальше. Каждый следующий год почти как взрывпакет. (5 марта 2019 г.)

1961 год – 28/29 лет. Первые шаги по журналистской дороге. Первый советский сборник Цветаевой

Из многочисленных событий года выделю лишь три: 1 января — денежная реформа: 1 новый рубль — 10 старых. 12 апреля — Человек в космосе. Первый полёт Юрия Гагарина. 19 сентября — публикация в «Литературной газете» поэмы Евтушенко «Бабий Яр».

Теперь о себе. С января не бухгалтер-экономист, а редактор экономического журнала. «СПК» — первая ступенька. «Журналистика, — злословил Гилберт Честертон, — это когда сообщают: „Лорд Джон умер“, — людям, которые не знают, что лорд Джон жил». А советская журналистика — это нечто особенное, в основном пропаганда советского образа жизни, успехи и достижения и немного дозированной разрешённой критики.

В который раз сожалею, что не вёл дневник и поэтому приходится напряжённо вспоминать, как ЭТО БЫЛО. Поэтому не дневниковыми, а своими словами. Влился в коллектив журна-

ла быстро, освоился и сразу понял, что не боги горшки обжигают. Навык пера, наработанный дневниками, очень пригодился. И в мартовском номере журнала в рубрике «Передовики семилетки» появилась первая моя публикация «Письма о хороших людях», обзор читательских писем, поступивших в редакцию. Концовка в духе советского пропагандизма:

«В письмах читателей рассказывается о многих хороших людях, которые вдохновенно трудятся на своих, пусть небольших, но важных постах семилетки».

Обзор вышел без моей подписи, но главный редактор (пришедший в «СПК» из «Красной звезды») Михаил Максимович Рамзин похвалил мой редакционный опус. Рамзин был хороший человек, но с особым увлечением любил говорить не о журнале и газетах, а о сборе грибов. Заядлый грибник!.. Ну, а я остался заядлым собирателем поэзии и аккуратнейше записывал понравившиеся стихи в маленькие ученические тетрадочки (выпускались тогда такие).

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,

Положила боа на рояль…

Это — Игорь Северянин, и он же: «Встречаются, чтоб разлучаться… Влюбляются, чтоб разлюбить…» «В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом…» И т. д. и т. п.

Беру себя в руки, обрываю завлекающего не туда Северянина и обращаюсь к основному занятию — к журналу. В первый же год трижды съездил в командировки. Новый жанр жизни. О них я написал в январе 1972 года в фотоальбоме, сделанном к своему 50-летию. Приведу так, как было написано.

Три командировки

Поездка в Иваново за критическим материалом в сфере общепита, как кормят на селе. Таково было задание для старого, прожжённого, матёрого фотокорреспондента Жаркова и почти юного, робкого, застенчивого Безелянского. Уже спевшаяся парочка: Севидов и Рейнгольд, Рудаков и Баринов, Салтыков и Щедрин.

В вагон поезда Москва — Иваново Жарков вошёл пружинистым шагом столичного льва, уверенно расталкивая металлическими локтями бегемотов. Сзади него, пугливо озираясь, при-

топтывал Безелянский: для него это была первая командировка в жизни.

В кабинет председателя правления Ивановского облпотребсоюза Жарков ворвался, как тайфун, разбрасывая секретарей и стулья. Мгновенно было созвано совещание. Начальники отделов и управлений жадно внимали словам Сергея Михайловича, а когда его рокочущий бас добирался до верхних нот, трепет проходил по их рядам. Им мерещилось увольнение по 47-й статье КЗОТа, пункт «Г», строгие выговоры и материальные взыскания. Становилось жутко. После обильных словоизвержений и страхов был выбран маршрут Иваново — Пестяки. На предмет проверки и… обеда.

Голубело утро, когда «ландо», а точнее, ГАЗ-69, подкатило к гостинице с чугунными львами. Подтянутый начальник общественного питания мсье Петухов ловко открыл дверцу грозным проверяющим из столицы. Весело пропел гудок — и мы тронулись в путь. По дороге Петухов развлекал приезжих важных персон солдатскими анекдотами. Мимо проносились леса и перелески, деревни и посёлки. Вдруг зоркий, почти орлиный взор Жаркова выдернул из унылого пейзажа премиленькое здание чайной посёлка Мыт.

— Цирик зажигает огонёк! — бодро пропел он. — А ну-ка, извозчик, останови колымагу.

Начальник областного сельского общепита побледнел. Чайная в Мыте явно не входила в показ передовых предприятий области.

— Не надо, — драматическим шёпотом пролепетал Петухов. Но его «не надо» журналисты проигнорировали. Сделали «стойку» и вошли в чайную. И мгновенно нашли то, что требовалось для написания критической статьи, — массу недочётов. После появления в июльском номере журнала статьи «Почему в столовой мало посетителей» в Иваново была созвана расширенная конференция по вопросам общественного питания, прошли кустовые семинары, индивидуальные накачки. Короче, пока гром не грянет, общепит не шевельнётся. И действительно, служба общественного питания сельчан сделала шаг вперёд, чтобы затем откатиться на два шага назад.

В дополнение к этому старому тексту следует добавить, что проездом побывали с Жарковым в Шуе, в городке, где родился один из моих любимых поэтов Серебряного века Константин Бальмонт, который: «Я весь — весна, когда пою. / Я — светлый бог, когда целую…»

* * *

Следующая командировка в Могилёв (Белоруссия) состоялась осенью. Туда поездом, обратно самолётом (614 км). На этот раз без Жаркова, но снова критика и зубодробительная публикация «О покупательском спросе и равнодушии», которая вышла в ноябрьском номере с обложкой «Решения XXII съезда КПСС — „Вперёд, к коммунизму!“».

В Могилёве побывал на горпищекомбинате, а потом ездил в райцентр Белыничи на продовольственный склад райпотребсоюза. В итоге выяснился дефицит макаронных изделий: трубчатых, лапши, вермишели и др. Публикация была проиллюстрирована художником из «Крокодила» Юрием Фёдоровым. В ней я с гневом писал о том, что в магазинах не всегда можно купить макароны, рожки и другие необходимые изделия, хотя на складе они имеются, правда, низких сортов и плохого качества.

По публикации в «СПК» в Могилёвском облпотребсоюзе были сделаны выводы (отклик «По следам наших выступлений»), и многие товарищи, в том числе какой-то т. Грибайло, получили выговоры. Советские СМИ успешно боролись с

мелкими недочётами и просчётами, ну, а система, режим находились вне критики…

Итак, поклонник Анны Ахматовой и Игоря Северянина боролся за качество макаронных изделий на журнальных страницах. Рыцарь макарон и рожков. А кстати, была в давние времена популярная песенка «Макароны», которую исполнял певец Эмиль Горовец, выпускник Гнесинки. «Люблю я макароны!..» — весело распевал он (увы, далее слов не помню). Ещё Горовец пел такие популярные песни, как «Катарина», «Танго любви» и другие. Но именно «Макароны» стали хитом. Но в 1973 году Эмиль Горовец с первой волной эмиграции (Ростропович, Вишневская, Эдди Рознер, Лариса Мондрус и другие) покинул СССР. Стал эмигрантом…

А макароны неожиданно ворвались в газетную рубрику «МК» «Злоба дня» в конце 2018 года. Некая чиновница на жалобы пенсионеров о маленькой пенсии, на которую трудно прокормиться, ответила жёстко: что вы плачете — прожить можно, макарошки дешёвые…

Чиновники и элита жируют, роскошествуют, а вы жрите макарошки! И да здравствует обнаглевшая и ожиревшая власть!.. (9 января 2019 г.)

* * *

И, наконец, третья командировка года. 20–21 ноября в станице Тбилисская Краснодарского края проходил семинар книготорговых работников потребительской кооперации. Съехались более 80 представителей из различных потребсоюзов страны: начальники отделов книжной торговли, товароведы, заведующие книжными магазинами (предполагаю, что сегодня книжных магазинов на селе нет).

На семинар поехали работники Центросоюза, от редакции — Хачатуров и я. Ехали поездом и всю дорогу дули коньяк. Пили во время движения, на остановках, до семинара и после семинара. В какой-то момент я взвился: «Ша! Больше не пью!..» Тогда перешли на еду.

Взвейтесь, соколы, орлами,
А цыплята – табаками…

Цыплята на Кубани были восхитительные. Короче, развлекались, но и дело делали: семинар прошёл на ура. В фотоальбоме я записал один из эпизодов поездки. Вот краткое изложение.

Нас с Хачей на ночь разместили в частном секторе у одной 80-летней глухой актрисы, ко-

торая курит со дня революции, чтобы как-то успокоиться от происшедших перемен в России. Первую половину ночи мы с Хачей прыгали по кровати, комодам и стульям и останавливали многочисленные часы, ходики и будильники, чтобы прекратить их громобойное тиканье, мешавшее заснуть. Вторую часть ночи мы хохотали, как безумные. Сказалось напряжение журналистской бурной деятельности. А тем временем хозяйка спокойно спала, и во сне ей виделся императорский Мариинский театр.

Уезжали из Краснодара тяжело. Отменили рейс, и мы с Хачей провели ночь в аэропорту, на пороге комнаты матери и ребёнка. Лишь через сутки брюхатый «Ан» отвёз братьев-журналистов в Москву, где они с большим энтузиазмом сотворили несколько статей, очерков и поэм на волнующие книжные темы… (13 сентября 1970 г.)

Пространный материал о семинаре «Большой разговор на Кубани» вышел в февральском номере уже 1962 года, и в тексте крупным шрифтом были выделены слова: «Пусть книга входит в каждый дом».

В другой журнал — «Советская книжная торговля» — мы дали ещё материал о двух работниках

книжного магазина «Подруги». Отдублились.

Да, а первый командировочный материал «Почему в столовой мало посетителей» вышел в июльском номере «СПК» (тираж 93 420 экз.).

Первый советский сборник Цветаевой

Среди книжных событий 1961 года, безусловно, главное — выход первой книги после смерти и забвения Марины Цветаевой: «Избранное» (Худлит, 303 стр., тираж 25 тыс. экз., цена 52 коп.). Книга подписана в печать 5 сентября 1961 года. Купил я её то ли в 61-м, то ли в 62-м. И влюбился в Марину Ивановну. В это же время моя жена, Щекастик, тоже познакомилась со стихами Цветаевой и, по её словам, «обомлела».

Первое стихотворение, написанное в мае 1913 года:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги от фонтана,
Как искры из ракет…

«Нечитанные стихи» — так написала 20-летняя Цветаева о своём творчестве, о стихах, которые «никто не брал и не берёт». Но она была твёрдо

уверена, что этим стихам «настанет свой черёд». И как в воду глядела!..

Необычайные стихи, острые темы. Советские поэты не писали о смерти (только на поле боя), а Цветаева не раз возвращалась к печальной теме.

Уж сколько их упало в эту бездну,

Разверзтую вдали…

«С большой нежностью — потому, / Что скоро уйду от всех…» Это 1915 год, но уже предчувствие и знание гибели… Удивление к себе, к своим чувствам: «Откуда такая нежность?..» А какое неожиданное признание к Александру Блоку:

Имя твоё – ах, нельзя! –

Имя твоё – поцелуй в глаза…

И снова удивление, как у ребёнка:

Стихи растут, как звёзды и как розы,

Как красота – ненужная в семье…

И как точно: красота, поэзия — ненужные в семье, в быту, в обыденной жизни. Лирические гири на ногах… А игривое стихотворение: «Когда я буду бабушкой — / Годов через десяточек…»

Так и хочется добавить: а дедушкой десятков через шесть?..

Но вернёмся к молодости. Вот пять строчек стиха «Любовь» (1924). И первая: «Ятаган? Огонь?..» А как точно цветаевское ощущение к творчеству, к писательскому труду: «Мой письменный верный стол…» А как дерзко подняла Цветаева руку на прессу, на газетчиков и читателей:

Глотатели пустот,
Читатели газет…

Но в целом первый советский цветаевский сборник отбирался тщательно, чтобы не было острых углов и тёмных провалов, яростных слов и беспощадной критики, лишь в «Поэме конца» (1924) обжигающие строки:

Жизнь – это место, где жить нельзя:
Еврейский квартал.

Сказала Марина Цветаева, как припечатала. А через 17 лет после этих строк повесилась на крюке в Елабуге… (10 января 2019 г.)

1962 год – 29/30 лет. Год из советского времени

В октябре 1962-го весь мир стал на уши: Карибский кризис! Противостояние двух великих держав! Планета похолодела от ужаса возможной ядерной войны из-за советских ракет, тайком доставленных на Кубу. Но, слава богу, у Хрущёва и Джона Кеннеди хватила разума вовремя остановиться.

Ещё было внутреннее потрясение, но пресса из-за цензурных соображений тогда молчала по поводу волнений и расстрела демонстрантов 1–2 июня в Новочеркасске. Волнения произошли из-за повышения розничных цен на мясо и мясные продукты. Народ живо отреагировал:

Ильич, Ильич, проснись
И с Хрущёвым разберись!
Водка стоит 27,
Сала, мяса нет совсем.
К коммунизму подойдём
И капусты не найдём.

Народ горько шутил, а кое-кто в Новочеркасске

смело протестовал. Бунтовщиков убили и тайно захоронили. О событиях в Новочеркасске страна узнала лишь 32 года спустя, в период гласности.

1 декабря на выставке в Манеже в Москве досталось художникам, рисующим не то, что надо отображать. Никита Хрущёв буквально орал на свободолюбивых творцов, и больше всего досталось Эрнсту Неизвестному.

В декабре в «Новом мире» Твардовского появилась повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Страна вздрогнула от ужаса…

Пожалуй, это было главное в 1962 году. В «СПК» всё относительно спокойно: журнал выходил, материалы печатались, появилась новая комиссия содействия партийно-государственного контроля, и меня избрали председателем комиссии, и тут же появилась карикатура с подписью:

Оставь футбольную юдоль
И поведи контрольным оком,
Чтоб, спаси бог, не вышел боком
Тебе недремлющий контроль.

Как кандидату в члены КПСС пришлось играть и в эту игру: главное, чтобы была создана комиссия и умело отчиталась о своей работе, а там — хоть трава не расти!..

На меня нарисовали карикатуру, а я написал эпиграмму на художника Генриха Абрамовича Рогинского:

Он по характеру задирист,
В словесных драках как зубаст.
Но лишь журнал в подобном стиле,
Увы, оформить не горазд.

Но стихов в тот год почти не писал, раздружившись с Музой. Вспомню лишь одно — «Прощание с романтикой»:

Заматерел. Стихов уже не надо.
Душа не рвётся ввысь и к облакам.
Жизнь вся разгадана
и больше не шарада,
И удивляться ей уже не нам.

Как жаль!..
Вот снова мальчуганом
Уйти б в леса, вдыхать снадобья трав
И удивляться незнакомым странам
В зелёной лужице канав.

Смотреть на небо в перистых оборках
И млеть, завидя стаю журавлей.

А сердце… сердце чтоб открыло створки

И было настежь для людей!..

Незнакомых стран в 1962-м не наблюдалось, так, только в мечтаниях: хорошо бы повидать… а далее длинное перечисление чего-то далёкого и несбыточного. А вот по стране пришлось покататься в трёх редакционных командировках.

Весна, Крым

Поездка в Крым в конце марта явилась как манна небесная, очень уж хотелось побыстрее сбросить тяжёлое пальто и хорошенько прогреть на солнце косточки. Однако погода во время моего рейда по кооперативным организациям Крыма не баловала. Почти всё время я просидел в председательской «Волге», с интересом взирая по сторонам, рассматривая южные пейзажи. Побывал в трёх районах — Сакском, Белогорском и Кировском. Обследовал, как работают автолавки по обслуживанию крымчан, как производится откорм свиней, интересовался, есть ли в продаже садовые ножовки. Автолавки бодро бегали по закрученным дорогам, свиньи отчаянно визжали перед забоем, а в магазинах изредка появлялись

инструменты для сада и огорода. Словом, рейд был проведён, и я с чистой совестью вернулся в редакцию. (Текст из фотоальбома, 13 сентября 1970 г.)

Да ещё нарисовал самолёт Ту-104Б, на котором улетал из Симферополя в Москву. Материал рейда был опубликован в июньском номере «СПК» под заголовком «На главном направлении». Концовка звучала так: «Грандиозные задачи стоят перед виноградарями Крыма, а следовательно, и перед кооператорами. Но давно известно, чем труднее задача, тем почётнее её выполнять».

Как лихо написано! Боже, что приходилось писать во времена, когда Крым был украинским, а сегодня с печалью вспоминаю ту поезду, когда «Крымнаш»! И русские с украинцами в дикой вражде и в политической конфронтации. И это очень прискорбно… (30 января 2019 г.)

Апрель, Рига

О, Рига — маленький Париж, изящный и уютный, где всё так пронизано духом западной культуры. Как ты памятна мне, Рига, как восторгался я тобою, когда сидел на скамейке бульвара Райниса, с чемоданом и без ночлега. А потом, помнишь, ты одарила меня номером люкс, в

котором были роскошные деревянные кровати и пианино. Я тогда подумал, как жаль, что Ю.Б., а не Дебюсси…

Утром бродил по твоим неповторимым улочкам, наслаждаясь видами возвышенной готики. Затем всё перепутал и вместо центрального аэродрома поехал на другой, на «Румбалу». Выручило такси. Я едва успел на лётное поле, где готовился к вылету маленький самолётик Ли-2. Сел, не отдышавшись, и полетел в Даугавпилс. Оттуда добирался до посёлка Суботе на границе Латвии с Литвой. В Суботе я прожил несколько дней, как затворник, в заброшенном костёле, переделанном под контору. Темой редакционного задания были коровы, лошади и парники, о чём я и написал позднее в статье «Кладовая резервов».

Суботе запомнилась превосходным молоком и потрясающим по вкусноте творогом, я только успевал благодарить — «палдиэс», а мне отвечали — «лудза». На прощанье гостеприимные хозяева подарили мне альбом с фотоснимками Риги и сказали, что Юргис, т. е. я, хороший человек, вёл себя скромно, не как обычный корреспондент какого-нибудь московского издания…

Вернулся в Ригу и кое-что обошёл и посмотрел: остатки замка меченосцев, городской канал, Дом-

скую церковь, церковь Юриса, приятные улочки Трокшня и Скарню. Интересна была автомобильная поездка по живописной дороге Рига — Тукумс — Кулдига. Везде чисто, аккуратно, нарядно, все магазинчики вылизаны. Нет, сюда за критическим материалом ездить бесполезно, только за положительным. Здесь гранд-позитив… (Запись 13 сентября 1970 г.)

Командировка-загул на Киевской земле

Третья командировка в году, по итогам которой в августе в СПК была помешена большая подборка материалов по поездке в Тетиевский район Киевской области — «В ногу с тружениками полей», в ней и мой очерк о коллективе работников одного сельского магазина. Частушка: «Гей, продмаг видкрили новый, / Так заходьте вси до нас: / Сортимент у нас чудовий / Вид цигарок до ковбас…».

Принимали нашу бригаду из Москвы дюже гостеприимно и чересчур пьяно. Нас, приехавших, было четверо: Хача, я, художник Глобов и некто внештатный автор Савельев. Мы приехали «отображать все положительное, накопленное во в одном из лучших райпотребсоюзов Киевской области». Отсюда и сверхгостеприимство: «о нас

расскажут всей стране!» После всех расспросов, рассказов и интервью состоялся грандиозный банкет на чистом воздухе, на холмистом берегу Днепра, а, может, и не Днепра. Председатель правления то и дело восклицал «Шампанского!» и на столах появлялись бутылки к дополнению к традиционному борщу с пампушками. Ну, и закусок было не счесть. Пили, ели и горланили песни. Особенно усердствовал художник, который не пел, а умолял:

Вийди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвилиночку в гай…

Не дождавшись встречи, Глобов рухнул и заснул мертвецким сном. Не выдержал обильных возлияний и Савельев. Устоял лишь воспитанный на чаче Хача, ну, а я вовремя сумел сказать «Стоп!» Конечно, как говорили древние: «in vino veritas», но не до полной ясности, переходящей в мрак отключки. И я в одиночестве покинул Тетиев и отправился в Киев, в аэропорт Борисполь. В ожидании отлёта сидел в буфете, а когда объявили посадку, схватил свой плащ (было прохладно?), а он, как оказалось, был не мой, но очень похожий на собственный. Через два месяца в Москве объявился какой-то дядя, и

мы спокойно обменялись перепутанными плащами. При этом мне пришлось сказать: «Я дико извиняюсь!..»

Вот так: в Риге, в командировке, всё было тихо и благостно, на Киевской земле — буйно и хмельно.

Отдых на Черноморском побережье

И наконец, долгожданный полноценный отпуск. Это не подмосковные Монино и наезды в Барыбино, где жила семья, а полноценный отдых. В 30 лет отправился один к Чёрному морю. Как говорится, вырвался на волю. Да не один — с художницей издательства Центросоюза Наташей К. Никаких отношений до этого с ней не имел, а тут разговорились — у обоих отпуск в одно и то же время — и решили объединиться. У неё был свой адрес на Черноморском побережье, а у меня — свой.

Сначала летели самолётом, а потом пересели на местный поезд, который потащился по берегу моря мимо многочисленных курортных местечек. Наташа, очевидно, рассчитывала, что я сойду на её станции в Лоо и мы будем вместе отдыхать, но у меня был другой адрес — Вардане. А дальше можно вполне вспомнить Маяковского и его

стихотворение «Отношение к барышне» (1920):

Этот вечер решал –
не в любовники выйти ль нам?
Темно, никто не увидит нас…

И далее у Владим Владимыча: «…Страсти крут обрыв — / будьте добры: / отойдите, будьте добры…»

Напрашивается перефразировка:

Поезд бежал, и вагоны качались,
И подумалось мне: не качнуться ли нам?
Но потом, образумев, сказал:
«Простите… и желаю успехов вам…»

Короче, я сошёл в Вардане, а несостоявшаяся любовница поехала дальше, в Лоо. Это было более престижное поселение, а Вардане — захудалый посёлочек. Снял угол — и на пляж, к плескающемуся морю. Через несколько дней в Вардане приехал отдыхать Борис Давидовский, а потом и Витя Белецкий. И пошла весёлая холостяцкая жизнь: вино, карты, футбол, море. Но без женщины всё же не обошлось. Познакомился с отдыхающей москвичкой Таней Ватсон. Закрутился курортный романчик, его отзвуком стали

написанные строки:

Никогда я не был в этой стороне,
Видел отпечатки яркие лишь марок,
А теперь брожу и слышу, как во сне:
«Вардаке луна, седаке мара…»
О чём слова, о ком слова
Под перебор гитары?
Но лишь заслышу их едва –
Моя кружится голова:
«Вардаке луна, седаке мара».

Я знаю, в суматохе дел,
Каких в Москве немало,
Вдруг вспомню: море, Вардане,
«Вардаке луна, седаке мара».

В Москву возвратился в слякотную осень загоревший и посвежевший (начало отпуска 9 сентября, а конец?..). С Таней один раз встретились в Москве, и — никакого очарования, на фоне столицы она не смотрелась… А была ли Таня?..

А дальше потянулись рабочие будни. Лаконичная запись в дневнике:

1 ноября

В трудовой книжке сделана отметка: «Переведён на должность ст. реактора — зав. отделом заготовок редакции журнала».

Карьерный рост? А в отделе, помимо меня, один человек — Кронский, в неизменной зелёной гимнастёрке, любитель цветов и литературы. Пишет постоянно рассказы и показывает всем. И отзыв один и тот же: ужасно! Но Кронский не падает духом и продолжает писать…

О каждом работнике журнала можно что-то вспомнить, но меня постоянно сдерживает пугающее слово: объём! Объём книги, который очень распухает (а виновата жизнь: длинная!..). В начале был упомянут художник Генрих Абрамович Рогинский. Он не писал рассказов, но был умён и остроумен. Однажды на какие-то денежные поборы в редакции театрально завопил: «Я не скуп! Я нищ!..» Это запомнилось…

«Треугольная груша» Андрея Вознесенского

Ещё одна дата, казалось бы, чужая: 20 августа 1962-го подписана в печать тонюсенькая книжка в мягком переплёте — Андрея Вознесенского «40 лирических отступлений из поэмы „Треугольная груша“», тираж 50 тыс. экз., цена 12 коп. Чужая дата, но книжечка эта стала одной из моих люби-

мых с дарственной подписью Андрея.

В предисловии Андрей написал: «Я работаю над большой сюжетной вещью. Она — об „открытии Америки“».

Тогда это читалось с восторгом, а ныне — в декабре 2018-го — всё идёт к закрытию Америки, как главного врага России.

«Треугольную грушу» я читал и перечитывал, многие строки знал наизусть и совершенно не завидовал Вознесенскому, а, напротив, гордился, что я его знаю и мы вместе учились в 554-й школе, но в параллельных классах.

В памяти всё время всплывают отдельные строчки из его геометрической груши:

Открывайся, Америка!

Эврика!..

Обожаю

Твой пожар этажей…

В ревю танцовщица раздевается, дуря…

Реву?..

«Вы Америка?» — спрошу, как идиот…

Из монологов битников:

Бегите – в себя, на Гаити, в костёлы, в

клозеты,
в Египты –
Бегите!
Нас тёмные, как Батые,
Машины поработили…

Пыхтя, как будто тягачи,
За мною ходят стукачи –
17 лбов из ФБР,
Бррр!..

Завораживая, манежа,
Свищет женщина по манежу!..
…Я к ней вламываюсь в антракте.
«Научи, – говорю, – горизонту…»

Я восхищался тогда Вознесенским, его умением жонглировать словами, находить неожиданные сравнения и создавать ароматные, пахучие строки. Даже о футболе: «А ударчик — самый сок, / Прямо в верхний уголок!»

Пройдут долгие десятилетия, и Андрей Вознесенский оценит мою первую книгу «От Рюрика до Ельцина» и на моём творческом вечере в ЦДЛ выскажет свою оценку своему школьному знакомцу: «Поздняя ягода».

У каждого своя Секвойя

Мы Садим Совесть Словно Сад, –

это опять Вознесенский. Да, совесть — ключевое слово в наш холодный циничный век. (Январь 2019 г.)

1963 год – 30/31 год. Очередной год в «СПК». Книжный запой

Дневник позабыт-позаброшен, и снова надо напрягаться, а что было в том далёком 63-м году? Пожалуй, начну с командировок, тем более сохранились какие-то беглые записи. Поездок было четыре.

Первая. Рязань (196 км от Москвы). А из Рязани — Ряжск (117). Май месяц. Природа неплоха, а в остальном — питание, удобства, развлечения — всё ужасно. И сразу вспомнились голодные студенческие годы. Гостиница грязная, по утрам нет воды, еда отвратительная. Но и в этих условиях «работал»: разговаривал с людьми, узнавал, что их волнует, всё записывал. Ездил в один из колхозов на мотоцикле (в качестве второго ездока) — 30 км. «Солнцу и ветру навстречу…» Тормошил вопросами руководителей колхоза и рядовых полеводов. А потом добирал материал в Рязани. В августовском номере вышел мой опус о директоре Ряжского райпотребсоюза Степане Пашуке. Заголовок ленинский: «Верным курсом идёте, товарищи!..»

В Рязани полюбовался Успенским собором (конца XVII века) и повторял слова поэта Кедрина о другом соборе: «Лепота!» Тогда, в 1963-м, не с чем было сравнивать: не видел прекрасных соборов в Кёльне, в Реймсе, в Шартре, Милане и т. д. И тогда не задумывался, что в России, по существу, всё вторично, кальки и подражания Западу…

В июле вторая командировка — Куйбышев (Самара, 1080 км). Ездил в паре с чиновником из Центросоюза, специалистом-заготовителем. Туда и обратно самолётом. Инспекция о готовности самарских заготовителей к заготовкам продукции от населения. Один день покрутились в Куйбышеве, повосторгались жигулёвским заводом, а дальше по районам: Ставрополь (ныне Тольятти), Колдыбань, Безенчук. О Безенчуке писали ещё Ильф и Петров:

— «Нимфа», туды её в качель, разве товар даёт? — при этом глаза мастера были ярко-жёлтыми и горели неугасимым огнём.

Да, забыл о том, как началась поездка. Утром дома я разоспался и когда проснулся, то понял, что опаздываю на самолёт. Таксист устроил настоящий газават. В Шереметьево прибыли тютелька в тютельку. А в аэропорту объявили, что рейс отменён. Так началась эта поездка. Руководитель

облкоопсбытсекции по фамилии Барсуков чинил всякие препоны, затрудняя проверку, которая вылилась в итоге в острый материал «Под лежачий камень вода не течёт».

Нам с моим напарником удалось побывать в нескольких подсобных хозяйствах. До одного мы добрались специальным автобусом, в котором находились всего 4 пассажира. Полуразбитый автобус разудало ездил по плантациям и садам. Пол автобуса был засеян дегустационными фруктами, которые угрожающе перекатывались на ухабах. Я слабо жевал 101-е яблоко и меланхолично смотрел по сторонам. Это был один из счастливых витаминных дней в моей жизни.

Запомнилось утро в Тольятти, где мы ночевали в доме колхозника (это отдельная песня!), проснулся рано и вышел на воздух. И обалдел — кругом степь и пьянящий аромат от великолепного разнотравья. Мы в Москве привыкли к бензинчику, а тут вкус, запах, аромат — можно воздух пить. И лёгкое головокружение, как от объятия с молодой женщиной.

Ну, а Колдыбань — это такая рвань. Безенчук — сколько слёз и мук. Рифмы напрашиваются…

Октябрь. Третья командировка — Волгоград (1073 км). Полёт на Ту-124, один час 15 минут. Ле-

тел с задачей: написать положительный очерк, и сразу сервис по классу «будь здоровчик». Некто в шляпе в аэропорту ласково спрашивал сошедших с трапа: «Кто здесь Безелянский?» Я откликнулся, и тут же меня взяли под белы руки и усадили в машину. Через 5 минут я узнал, как играет местный футбольный «Трактор» и кто из игроков получил травму. «Волга» доставила меня в массивный и чуть надменный отель «Волгоград».

Руины Сталинграда за мирные годы отстроены и превратились во вполне симпатичный новый город Волгоград. Широкая величавая Волга с песчаными отмелями. И удивительно ароматный воздух. Времени свободного было много, и я осмотрел Мамаев курган, поудивлялся памятнику Родина-мать с грозящим мечом и прошёлся по просторной набережной. Устал и отдыхал в кино на фильме «Баранкин, будь человеком!». А вечером ещё отправился в Театр музыкальной комедии на «Графа Люксембурга» Франца Легара (если бы мне тогда сказали, что в будущем я познакомлюсь не с графом, а с целым государством Люксембург, — не поверил бы. «Баранкин, не рассказывай мне сказки!»).

Ну, а в ночь из Волгограда уехал поездом в Балашов, сошёл на станции Медведица, затем доехал

до Линёва, а уже оттуда — до села Матышево. А обратно добирался до Волгограда на маленьком самолётике. Короче, выдалась трудная поездка. А Матышево — это настоящая глушь. И можно перефразировать Высоцкого:

Куда закинул меня, Вань,
Село – такая глухомань!..

Из этой глухомани родился очерк «Почётная профессия» (глухомань — это моё определение, а принято говорить: глубинка, то, что находится в стороне от больших дорог и трасс). Герой очерка — 50-летний старший бухгалтер Матышевского потребобщества Василий Подшивалин, степенный и обстоятельный мужчина, не рассуждающий, не рефлексирующий, а упорно сражавшийся на бухгалтерском фронте. Борец с бесхозяйственностью и строгий страж финансовой дисциплины.

В ноябре — вновь командировка на Урал, в Челябинск (1919 км). По теме: дебиторская задолженность, кооперативы, где нет ажура и порядка, а долги и путаность. А раз критика, то никто меня в Челябинске не встречал и никто за локоток не подсаживал в «Волгу», не устраивал в гостиницу. Пришлось всего добиваться самому. Сначала

обитал в грязной гостиничке без названия, где была адская духота, как в парильне, где ждёшь банщика дядю Ваню, который задаст тебе веником по филейным местам. К тому же в гостинице шёл ремонт, и все пользовались одним туалетом. Мужчины вкушали удовольствие от пенных струй, а женщины переминались в очереди с ноги на ногу, с тоской ожидая, когда уйдёт последний представитель сильного пола, а он, этот гад, представитель сильного пола, уходил нарочито медленно, сморкаясь в руку и на ходу застёгивая брюки. Картинка из жизни…

Пришлось возмутиться, и меня переселили в нормальную гостиницу «Южный Урал» — это уже помог обком партии, который и организовал под моим руководством бригаду по проверке дебиторской задолженности. Челябинскому облпотребсоюзу оставалось только скрипеть зубами. Я с бригадой побывал в трёх районах: в Аргаяше, Кунашаке и ещё в каком-то. Недостатки в финансовой деятельности были вскрыты и легли в основу моей публикации в «СПК».

Сам Челябинск мне не понравился: чересчур индустриальный, сплошной лес труб, дымовая завеса над городом, огненные всполохи, дышать почти нечем. Промышленные взвеси, загазован-

ность, и непонятно, как живут здесь люди и как они поют радостную патриотическую песню о стране, «где так вольно дышит человек».

В последние часы я изнывал от удушья, а тут ещё из-за метеоусловий задержали рейс. Желающие поскорее улететь негодовали: «Там, где „Аэрофлот“, начинаются безобразия». Но главное: долетели до столицы нашей Родины благополучно. И на том спасибо!..

В ноябре был не только Челябинск, меня приняли в КПСС. Прошёл кандидатский стаж и вот приём. Без сучка, без задоринки, никто не спрашивал: сын ли я «врага народа»? Итак, партия. Почему вступил, зачем? Отвечу — по прагматическим соображениям: работал в печати, без партбилета никуда не двинешься. А идеология меня не интересовала, я жил по своим сложившимся внутренним убеждениям, почти христианским: не укради, не убий, не делай подлости, не будь ксенофобом и т. д.

Компартия после 1917 года выродилась, утратила свои революционные идеалы и превратилась в оплот партийно-государственной бюрократии. Верхушка правила, масса послушно подчинялась. Недаром КПСС расшифровывали как партию послушных и согласных. Верноподданничество

было в основном показное. Недаром в фольклор вошли строки о благодарности партии за всё, что только есть:

Пришла зима, настало лето,
Спасибо, партия, за это!..
…У моей милки грудь бела –
Всё это партия дала.
И хоть я с ней в кровати сплю,
Тебя я, партия, благодарю.

Августовский путч 1991 года дискредитировал деятельность КПСС, партия рассыпалась, а с нею распался и Советский Союз. То, что осталось от коммунистической партии, ныне уже типичное не то, некая пародия на некогда могущественную структуру. Одна риторика при слабой воле… (1 февраля 2019 г.)

А как работалось в «СПК»? Заедало нудное редактирование и переписывание бездарных текстов. Спасали обеды в разных закусочных, кафе и иногда в ресторане «Узбекистан». Молодёжь резвилась: байки, шутки, анекдоты (сегодня мы говорим: приколы и троллинг).

А в стране? Мы жили своими делами и заботами, а государство, страна — своими и почти не

пересекались. Мы остались равнодушны к 40-дневному визиту Фиделя Кастро в СССР, не очень взволновал полёт первой женщины Валентины Терешковой в космос (16 июня). Ну, и отклики на встречу Никиты Хрущёва в Свердловском зале Кремля с деятелями культуры. Мы — потребительская кооперация, сфера услуг, а не культуры. И руководящие указания первого лица летели мимо наших ушей. Я только вздрогнул, когда официальная критика набросилась на Александра Твардовского за его вышедшую в «Новом мире» поэму «Тёркин на том свете» и посчитала, что это «клеветнический пасквиль на советскую действительность». Искренность и правдивость — пасквиль? Опять ложь и приукрашивание?..

Линия власти и официоза отбивала охоту сочинять что-то самому, и я с головой уходил в чужие книги, в записи, в выписки, короче, в некий книжный запой. Об этом и поговорим и обязательно процитируем.

Книжный запой

Я хочу одной отравы –
пить и пить стихи.

Владимир Маяковский.«Флейта-

позвоночник». 1915 г.

«Мамаша, обратите внимание на сына: удивительно способный мальчик, но какой ленивый», — записывал классный руководитель Титов в моём школьном дневнике. Ленивый — это реакции на двойки и тройки по некоторым предметам.

А этот «ленивый мальчик» увлекался всем, кроме неинтересных школьных занятий (а возможно, и педагоги были не те): в круг интересов входило многое: джаз, танцы, девочки, общение с более взрослыми знакомыми, футбол, шахматы, поэзия, книги разных жанров и направлений. Не листал и быстро перелистывал страницы, а читал внимательно и выписывал особо понравившиеся пассажи. А ещё составлял свою антологию поэзии мировых и русских поэтов, записывая их стихи в маленькие карманные книжечки. Иногда, как девочка, вкладывал в странички сорванные цветочки, и они, засохшие, хранятся до сих пор…

Первая такая книжечка в чёрной обложке была составлена по алфавиту с буквой «А» — Николай Агнивцев (в советской литературе никогда не упоминаемый) и его строки из французской истории:

Старый шут, покосившись в зал,

Подняв тонкую бровь, прошептал:
– Он всегда после бала весёлого
возвращается без головы.
Как легко вы теряете голову,
Ах, король, как рассеянны вы!..

А далее строки Апухтина, Николая Асеева, Ахматовой («Всё как раньше: в окна столовой / Бьётся мелкий метельный снег, / И сама я не стала новой, / А ко мне приходил человек…»), Багрицкий, Байрон, Бальмонт, Баратынский («Сердечным нежным языком / Я искушал её сначала…»), Беранже, Бернс («Могу!» — сказал Финдлей…»), Александр Блок (и, конечно, «Поэты»):

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!..

Какой набор имён и тем, всё вразброс и всё волнующе интересно!..

Ещё составлял книжечки афоризмов и изречений, черпая горстями чужую мудрость и тонкость наблюдений:

Энгельс: «Человек — это продукт обстоятельств

и воспитания».

Марк Твен: «Счастлив был Адам: ему не приходилось произносить чужих слов».

Герцен: «Ничего не делается само собою, без усилий и воли, без жертв и труда».

И так далее на целую книгу. Очевидно, это какая-то генетическая предрасположенность к сбору информации, систематизации, своевольным композициям, статистическим выкладкам. Следую как бы поставленной цели: больше узнать, прочитать, сохранить для дальнейшего использования. Даже из газет и журналов вырезаю и складываю в свой архив что-либо интересное и стоящее, недаром в ТВ-программе, точнее, сериале «Старая квартира» я именовался архивариусом. А во многих интервью назывался «Хранителем времени».

Но не только собиратель и хранитель, но и журналист, писатель, субъективный толкователь истории, составитель исторических и литературных портретов. Некий литкритик и литературный оценщик. Недаром Юрий Нагибин полушутя написал на подаренной мне своей книге: «Наше бессмертие в ваших руках».

И кстати, мы оба — Нагибин и я — были первыми почётными кавалерами газеты для ин-

теллигенции «Вечерний клуб». Увы, нет сегодня «Вечернего клуба», тают ряды интеллигенции, угасает интерес к знаниям и книгам, но усиливается тяга к деньгам, к наживе, к «баблу», впору ежедневно напоминать арию Мефистофеля, что «Люди гибнут за металл!..» В моей юности никто не собирался гибнуть за металл. Интересовало другое: любовь, дружба, судьба родины, была неистощимая жажда знаний. А сегодня, в XXI веке — погляди в окно!.. (26 сентября 2018 г.)

Всё? Нет, пожалуй, не всё. Говоря об ушедшем прошлом, следует вспомнить, как, начиная с 1963 года, я стал вести толстые тетради — календари различных фирм, изданных, очевидно, на Западе — бумага роскошная, переплёт, — где на каждый день года были предоставлены пустые страницы для деловых записей. Деловые я не вёл, а вот историко-литературные с большим удовольствием.

Первый такой ежедневник от Машприборинторга в коричневом переплёте в сей момент лежит передо мною. И я его с удивлением листаю: и это я всё записывал? Прочитал? Узнал? А где при этом находилась моя лень, отмеченная учителями в школе?

Возможно, не перевелись ещё любознательные читатели, и им, наверное, будет любопытно

узнать, что записывал на память этот старый писатель в 31–32 года, до возраста Христа? Ну, что ж, желание читателей — закон. Вот только самая малость навскидку.

Увесистая тетрадь-книга открывается «Из ненаписанного» Эмиля Кроткого:

— В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как уходит жизнь.

— Неудержимое желание писать. Упорнография.

— В глупости человек сохраняется, как шуба в нафталине.

— Брак — это мирное сосуществование двух нервных систем.

Далее идут анекдоты. Только один:

Хайм жене:

— Купи мне глобус.

— Зачем?

— Хочу плюнуть на мир.

Запись разных словечек, редко используемых: злыдень, втихаря, ушлый дока, на разживу, хлобысть… Вкусные, пряные словечки.

Набор пёстрых фактов. Только один: Иоганн Фридрих Шиллер считал, что чем мрачнее пройдёт 31 декабря, тем радостнее будут дни нового года.

Из происхождения имён: Юрий — он же Жорж, Джордж, Ежи, Иржи, древнерусское — Дюк.

Ипподром. Имена лошадей: Кастаньета, Лукавая, Суматоха, Карниз, Вазочка, Интриганка, Кипяток и др.

Афоризм Э. Габбарда: «Хотите избежать критики? Ничего не делайте, ничего не говорите и ничего собой не представляйте».

В тетради несерьёзное и смешливое сочетается с серьёзными текстами и выписками. К примеру, пассаж о России из путеводителя Карла Бедекера 1914 года:

«Характер русских сложился не только под влиянием многих веков порабощения их феодальным деспотизмом, но и под влиянием дремучих, непроходимых лесов, скудной почвы, сурового климата и в особенности вынужденного бездействия в долгие зимы. Они угрюмы и замкнуты, упрямо держатся старых обычаев, беззаветно преданы царю, церкви и помещикам. Легко подчиняются дисциплине — из них выходят отличные солдаты, но малоспособны к инициативе и самостоятельному мышлению. Таким образом, средний русский — это оплот экономической инерции и политической реакции. Даже русские интеллигенты, в общем,

пассивны, не подходят к требованиям реальной жизни. В этой или иной степени это жертвы воображения и темперамента, что подчас приводит к душевной депрессии или, напротив, бурному эмоциональному взрыву».

Сдерживаю себя от комментария.

Из дневника Людвига Фейербаха: «Людские пороки — это только потерпевшие крушение проекты добродетели».

Из высказываний Михаила Светлова: «Стихи должны обладать инфекционным свойством — заражать читателей».

Из записных книжек Дмитрия Кедрина: «Писателя в очень большой мере делает его биография».

Станислав Ежи Лец — «непричёсанные мысли»: «Нелегко жить после смерти. Иногда на это нужно потратить всю жизнь».

Из интервью Сомерсета Моэма лондонской газете «Санди экспресс» в январе 1964 года:

— Для самого себя я всегда был самым важным человеком на земле, но с точки зрения здравого смысла я ничего не значу. Почти ничего не изменилось бы во вселенной, если бы меня вовсе не существовало.

Шарль Бодлер, «Опьяняйтесь» — стихотворе-

ние в прозе:

«Чтобы не быть рабами и мучениками времени, опьяняйтесь,

опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью, –

чем хотите...»

Из завещания Огюста Родена: «Самое главное для художника — быть взволнованным, любить, надеяться, трепетать, жить. Быть прежде всего человеком и только потом — художником».

Устали от чтения? Понимаю. Тогда пропустите эти страницы. А я ещё немножко поброжу по «следам молодости далёкой, как царизм», — как выразился в одном из стихотворений Роберт Рождественский.

В той далёкой тетради выдержки из Кафки и моего любимого рассказа «В исправительной колонии» (1914) о поэзии убийства в душах садистов — вот о чём этот рассказ Кафки. «Власть в отношении подданных считает, что виновность всегда несомненна».

Господи, что я читал тогда и что выписывал? Никакой «Молодой гвардии» и никакого интереса к тому «Как закалялась сталь», ни к «Хлебу» Алексея Толстого, ни к «Цементу» Фёдора Гладко-

ва. Ю.Б. весь в прошлом, ему подавай «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского. И выписки из книги, чтобы когда-то в отдалённом будущем написать свою книгу, вышедшую в 2004 году, — «Культовые имена от Э до Э» — от Эразма Роттердамского до Умберто Эко.

Темы всё время меняются: архитектура, музыка, религия, социальная психология, кино (Феллини и Ежи Кавалерович), философия (статья Эриха Фромма «Наш образ жизни делает нас несчастливыми»), для разнообразия подбиралась антология смеха.

Из почтового ящика журнала «Сатирикон»: письмо из Одессы: «За гонораром не гонюсь». Ответ редактора: «Он за вами тоже».

И уж совсем не в духе советского антирелигиозного времени — Ветхий Завет.

Псалтирь, псалом Давида № 38: обращение к высшему: «Скажи мне, Господи».

«Вот, ты дал мне дни, как пяди, и век мой, как ничто пред тобой. Подлинное, совершенная суета — всякий человек живущий».

Из книги Екклесиаста:

Гл. 3: «Всему своё время и время всякой вещи под небом:

Время плакать, и время смеяться, время сето-

вать, и время плясать…»

Из книги Ездры:

«…Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости… Сколько будет слабеть век от старости, сколько будет умножаться зло для живущих».

После Библии как-то не хочется ничего приводить другого. Нет, всё же Шекспир, который устами Ричарда II в одноимённой хронике признал:

Но кем бы я ни стал, –
И всякий, если только человек он,
Ничем не будет никогда доволен
И обретёт покой, лишь став никем.

И тут я умолкаю. Хватит цитат и про рай, и про ад…

1964 год – 31/32 года. Ничего выдающегося. Рутина

Лично у меня ничего выдающегося, мелкая рябь событий. В марте приняли в Союз журналистов Москвы. Членский билет 002361. Воспринял вступление без визгов восторга. Собственно говоря, я к этому шёл. А в апреле очередная командировка, и больше в том году поездок не было.

Итак, Киров (большая Вятка, 896 км). Не напрягаю память, так как об этом вояже есть заметка. Вот она:

Город Киров мне не понравился. В сущности, это старая Вятка, новых домов мало. Весь город расположен на холмах. Сойдёшь с одного, а на другой подъём подниматься уже не хочется. А ходить по делу приходилось по длиннющей, как пожарная кишка, улице Энгельса. Не ахти было и с питанием. Не выдержав, пошёл в ресторан полакомиться. И что же? Попал на вегетарианский день: на первое — редька с квасом и картофелем, на второе — пельмени с капустой и так далее, в том же малосъедобном виде. Посмотрел на меню,

кто творец этих яств. Повар Синегубова, общее руководство бригадира Печёнкиной. Я вскипел, как чайник. Взял жареную скумбрию и долго плевался от костей и негодования.

В Кирове участвовал в научной конференции ВНИИЖПа по проблеме охоты на енотов и разведения нутрий, и о прочих зверьках, к которым имеется шкурный интерес человека: мех. В конференц-зале все собравшиеся повторяли, как заклинание, слова «экология» и «популяция». Пришлось во всём этом разбираться. Такова профессия журналиста.

В стенной газете «Центросоюзовец» продолжал писать фельетоны, один из них — «Брызги томатного сока», посвящённый статье видного кооперативного учёного о рекламе товаров. Я взял один пассаж («специфика рекламного общения стимулирует реализации невалентных связей или реализации только отдельных валентностей, что отражает рекламные ассоциации передаваемых смыслов») и выдал канкан. Главное, учёная замысловатость, словесные джунгли и непонятные топи. Учёный не может писать и говорить ясно и просто, нет, нужен клубящийся учёный туман…

В чужом журнале «Закупки сельскохозяйствен-

ных продуктов» в декабрьском номере вышел рассказ «Испытание судьбы», который мы написали вместе с Виленом Аболиным. Вилен — это производное от Владимира Ильича Ленина. Хороший парниша. Но продержался в «СПК» недолго. Поехал в командировку и на пикнике, после выпивки, полез в воду, и… Вилена не стало. Это была не первая смерть в «СПК». Повесилась от несчастной любви и жизни переводчица Лена Дитерихс (фамилия из царского окружения). По разным причинам в разные годы ушли из жизни Аркадий Гаврилов (переводил поэзию Эмили Дикинсон), Шестириков, Трофимов… Зарезали художника издательства Соснина. Ну и т. д.

Но хватит о печальном, лучше о весёлом, об отдыхе. В 1964 году я с семьёй отдыхал в доме отдыха Центросоюза «Красная гора». Как журналиста поселили нормально, а вот многим другим не повезло. Администрация дома отдыха ретиво выполняла койко-план, о нём я написал в фельетоне «Собачий отдых». Отдыхающих селили помимо коттеджей в бане, в клубе, на кухне, в каких-то немыслимых коридорах и даже одного бедолагу поселили в собачью будку. Поначалу отдыхающий еле в неё пролезал, но потом обвык, приноровился. И даже научился здорово соба-

читься с администрацией.

И в заключение два события 1964 года, одно — маленькое, незначительное, другое — большое и, можно сказать, историческое для развития страны.

18 февраля

В Дзержинском райсуде Ленинграда началось слушание дела по обвинению в злостном тунеядстве 23-летнего Иосифа Бродского, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе.

Судья: Почему вы не работали?

Бродский: Я работал. Я писал стихи.

Судья: Нас это не интересует…

Судья Савельева задавала вопросы один нелепее другого:

— А почему вы вообще считаете себя поэтом? Кто вас назначил?

Бродский ответил, что это от Бога. Судья взвилась до потолка. Приговор: 5 лет ссылки за «тунеядство».

Со стихами Бродского я познакомился, когда вышел в 1990 году первый в СССР маленький сборничек «Назидание» тиражом 200 тыс. экз. С тех пор Иосиф Прекрасный — мой поэт, и о нём я писал неоднократно. Последнее почтение и восхищение о нём в книге «Огни эмиграции» (2018).

14 октября

Гром среди ясного неба. «Дворцовый переворот» в Кремле: снятие Никиты Хрущёва со всех партийных и государственных постов. Избрание первым секретарём ЦК КПСС Леонида Брежнева, а председателем Совмина СССР назначен Алексей Косыгин.

«Отстранение Хрущёва не было просто сменой руководства, а явилось началом нового периода в жизни страны. Теперь уже никто не сомневался, что именно в октябрьские дни 1964 года начался период неосталинской реставрации со всеми вытекающими отсюда крайне негативными последствиями экономической, социальной и духовной жизни общества. Именно в эти дни силы торможения попытались взять реванш за XX съезд, задержав на несколько десятилетий развитие страны…» (Я. Этингер, журнал «Октябрь», 2-1987).

Несколько слов об одной утрате 1964 года: Сергей Иванович Ожегов, лингвист, языковед, автор «Словаря русского языка», который выдержал несколько десятков переизданий и остаётся самым популярным нормативным словарём. Примечательно, что Ожегов начал создавать свой словарь в коммуналке на Смоленском бульваре

столицы. Словарь Ожегова у меня всё время под рукой, ибо что-то постоянно уточняю. Вот и в этой моей книге часто мелькает слово «судьба», вот как его определил Сергей Ожегов: Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий…

Словарь Ожегова — это прекрасно, но я долгие годы мечтал о словаре Владимира Даля. Сначала не было денег на покупку, потом как-то жалко было тратиться, а сегодня — а зачем?.. И признаюсь, что я до сегодняшнего дня сожалею о трёх вещах: что не научился плавать, не выучил английский язык и не приобрёл словарь Даля. Три ошибки, которых легко было, в принципе, избежать. (3 февраля 2019 г.)

Так как 1964 год вышел куцый, кое-что добавим. Слова из ожеговского словаря — это одно, а вот факты и цифры — в тоталитарном государстве — это совсем другое и тщательно контролируемое. Многие сведения проходили лишь под грифом ДСП — «Для служебного пользования». Главлит многое скрывал от народа: массовую гибель людей, гибель посевов зерновых культур, стихийные бедствия — землетрясения, пожары и прочее. А главное, под строгим запретом находилась тема бедности. В Советском Союзе бедных не было!..

И вообще гражданам страны было непонятно, как обстоит дело с экономикой: разрушается она или преуспевает? Замалчивались катастрофы, аварии и разные ЧП. Достоверные сведения об Отечественной войне были официально закрыты до 1991 года, ну и т. д. Когда я делал эту книгу, вышел 26 января 2019 года номер «МК», в рубрике «Игры патриотов» обо всех этих запретах опубликован материал под заголовком «…Рай в СССР».

И только когда я перешёл на работу в Гостелерадио, в Иновещание, только тогда стало многое приоткрываться, благодаря доступу к ДСП. Но об этом, как строилась пропаганда советского образа жизни, в последующих годах…

1965 год – 32/33 года. «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь…»

Любовь – это эгоизм вдвоём.

Перефразированная Жермена де Сталь

Любовь – это не жалобный стон

далёкой скрипки, а торжествующий

скрип кроватных пружин.

Сидни Джозеф Перлмен, американский писатель

Любить – значит видеть чудо, невидимое для других.

Франсуа Мориак

Да, в ноябре, в конце года, нагрянула, накрыла, закружила любовь. Но об этом чуть позже. Сначала немного о том, что предшествовало любовному урагану.

2 марта

Мне исполнилось 33 года. Я работал зав. отделом и входил в состав редколлегии экономического и скучного «СПК».

Пришёл, увидел, пожевал

Ваш потребительский журнал.

Скуку разгоняла сложившаяся компания, которая тепло отметила моё 33-летие таким искрящимся текстом (по стилю узнаю руку Виктора Леонидовича Шестирикова):

«Наш дорогой и любимый, Юрий Николаевич!

Бросая ретроспективный взгляд на основные этапы истории человечества, выраженные в деяниях его наиболее известных представителей, мы констатируем, что:

• Иисус Христос, достигнув 33 лет, удовлетворился содеянным и перешёл на иждивение родителя;

• Илья Муромец в 33 года только что слез с печи и приступил к чесанию поясницы;

• Остап Бендер в том же возрасте убедился в крахе своего мировоззрения и пошёл в управдомы.

Переводя же свой взор на твоё озарённое оптимизмом и творческим энтузиазмом чело, мы с удовлетворением отмечаем, что:

• ты, подобно Иисусу Христу, имеешь учеников и последователей, но учишь их не антинаучной ереси, а благородственному искусству игры в преферанс;

• ты, подобно Илье Муромцу, подъемлешь карающую десницу против супостатов, но не в защиту прогнившего феодального строя, а во имя высоких кооперативных идеалов;

• ты, подобно Остапу Бендеру, чтишь Уголовный кодекс, но, не ограничиваясь платонической любовью к нему, бдишь за соблюдением его твоими близкими, которые облекли тебя высоким званием председателя поста содействия.

Радуясь и восхищаясь достигнутыми тобою морально-производственными показателями, мы готовы и впредь восторгаться твоими будущими ещё более славными деяниями.

Многие лета!»

И подписи: Аболин, Шкабельникова, Трофимов, Хачатуров и Шестириков.

В который раз повторю, что дневника в 60-е не вёл, так, отдельные заметки. Был полон сил, и накапливалась неудовлетворённость семейной жизнью: жену не любил, но сочувствовал ей и поддерживал её. Уделял внимание 11-летней дочери. И чувствовал, как черствело сердце.

Хотелось вспышки, страсти, огня. Закружиться и затеряться в любви по-окуджавски. И в конце осени по песне Утёсова: «Любовь нечаянно нагрянет…» закрутился и запылал. Но вначале состоялись три командировки: Воронеж, Умань, Тула.

Первая поездка — Воронеж (587 км) сразу после 2 марта. Начало неудачное: три ночи в доме колхозника. Потом под напором звонков директор гостиницы Окулевич сдался и предоставил люкс № 16 с зеркальным трюмо и письменным столом двум столичным журналистам: мне и Жаркову. Сергей Михайлович тут же в ванне стал проявлять фотоплёнку. А я импровизировал стихотворные строчки о поездке в глубинку в дальний Верхний Карачан.

«Не повернув головы кочан
И чувств никаких не изведав»,
Мы мчались на «Волге» в село Карачан,
Дела карачанцев проведать…

Проведали, увидели «болевые точки», нащупали проблемы и обратно в Воронеж и Москву, подальше от деревни под названием Крысиные Дворики.

Выгодно отличалась командировка в Умань,

на Украину, 24–31 октября. Накануне сочинил «шуточно-отъездные строки»:

Выкрутасы, выкрутасы –
Папа едет наш в Черкассы,
А потом махнёт в Умань,
В глухомань, глухомань.
На заводик на консервный,
Где вареньем лечат нервы,
Где повидлом мажут шею,
Чтоб не стать вдруг кривошеим.
На заводе на консервном
Будет папа самым первым.
Будет джемы ложкой кушать
И технолога не слушать,
Дегустировать продукт, –
Ну и папа, ну и фрукт!..

До Черкасс (866 км) добирался поездом, а потом на машине меня доставили в городок Умань (189 км), где я расспрашивал и теребил старого директора винно-фруктово-перерабатывающего завода. Запомнился, конечно, не завод, а заповедный парк «Софиевка», памятник садово-парковой архитектуры конца XVIII века. Разумеется, много

разрушено и порушено, но даже остатки: аллеи, водопады, гроты, фонтаны, мраморные бюсты Платона и Аристотеля и прочие скульптурные фигуры — всё это радовало и ласкало глаза. Тишь, безлюдье и остатки былой красоты. А когда-то! А когда-то здесь кипела и бурлила жизнь: экипажи, высокие гости, балы…

Спустя 36 лет после своей поездки в книге «Ангел над бездной» я опубликовал очерк о парке «Софиевка» и её владелице под названием «София Потоцкая и раздел Польши». Очерк начал с фразы: «Любовь и голод правят миром — эта истина неоспорима…»

Опять коротко. Софья Потоцкая, гречанка, родилась не в Греции, а в Стамбуле (жгучая брюнетка, красавица) и носила в разное время разные фамилии. В 13 лет девочку из бедной семьи купил польский посол для услады своему королю, но по дороге в Варшаву юную красавицу перехватил комендант пограничной крепости Иосиф Витт. Вскоре София из наложницы превратилась в законную супругу Витта и вместе с ним оказалась в Париже, где имела большой успех при дворе французского короля.

Затем судьба столкнула Софию с Григорием Потёмкиным, который склонил её (за деньги,

бриллианты?) служить интересам России. В тот момент София покинула Витта и вышла замуж за влиятельного польского сановника, графа Феликса Потоцкого, и отныне новый статус — графиня София Потоцкая. Потоцкие перебрались в Умань, и там старый граф построил для своей молодой жены Софиевку — маленький Версаль на украинской земле.

Ну, а потом старый граф умер, а София влюбилась в его сына, который оказался заядлым картёжником и пустил на ветер многие богатства влюблённой женщины. Она умерла в 1822 году, в возрасте 50 лет, и кончину доброй барыни оплакивала вся челядь замка и окрестные крестьяне.

И концовка рассказа: «Всё минуло. Скрылось. А мы лишь пытаемся восстановить прошлое».

Директор консервного завода ничего такого о Софье Потоцкой мне не рассказал, зато вкусно угощал и кормил, а в дорогу сунул мужской подарок — бутыль чистого спирта. С этой бутылью из Черкасс на «Ракете» по Днепровским водам отправился в Киев. Добирал материал, жил в «Театральной» гостинице и бродил по городу, убранному по-осеннему в золото и шафран. Вечером ещё успел заглянуть на танцверанду (33 года — разве это возраст?!), слегка потискал какую-то

хохлушку, а потом в самолёт (со спиртом — никакого контроля!) и приземлился в Москве.

И ещё одна командировочка — Тула (193 км). Но не в Ясную Поляну, а в село Крапивна и деревню Ярцево. Совсем другой компот, одни тульские самовары. Даже набросал черновик рассказа «Набег на Тулу», но не дописал, бросил. Вот отрывок для географического и социологического интереса:

«К поезду Москва — Ереван я подходил с дрожью. Хотя поезд носил название „Дружба“, боялся, поймут ли правильно братья-армяне, что я сойду на первой же остановке, значительно не доехав до Армении. Мои опасения оправдались. Проход в вагоне роился гортанными голосами представителей южного народа. На меня устремились пристальные взгляды: грузин? Армянин? Перс или какой-то иностранец? А затем вкрадчивые голоса по-русски, как к капризному ребёнку: „А теперь скажи, Юра-джан, почему предпочитаешь сойти в Туле, а не в Ереване, скажи откровенно, не бойся…“ Мне надоели эти расспросы, и остаток пути я провёл в тамбуре.

Тула встретила меня дымом, гарью и грязью. В облпотребсоюзе заместитель председателя по финансам Егерев устроил ярмарку невест: какое выбрать сельпо для посещения, наконец, выбор

состоялся: у сельпо в селе Крапивна, как у невесты, всё было в порядке — и фигура, и локоны, и глаза, все хозяйственные показатели отменны. Поехали…

Крапивна — наследие купцов: торговые ряды, лабазы, дома с балкончиками, с претензией на настоящий городок. У меня задание от журнала, чтобы председатель передового сельпо сам рассказал о своей работе. Председатель в смущении. Он отнекивается, смущается, я, как жених, настаиваю. Наконец, уговорил. Сдался на милость и везёт меня по предприятиям и магазинам: смотрите, мол, сами. Больше всего мне понравилась маленькая сельская пекарня. Предложили попробовать только что испечённый хлеб. До чего ароматен и вкусен! Пекарь по фамилии Поцелуева, молодая, зарумяненная, трепетная, с надеждой взирала на меня: ну, как? Я отвечаю: превосходно! И смотрю на её чуть распахнутый халат с виднеющимся холмиком груди, — очень аппетитно!..

Потом обед в специальной комнатке. С неохотой пили коньяк и вели неспешную застольную беседу. Не о женщинах, а в основном о болезнях, которые одолевают руководителя сельпо: о гастрите и о камнях в почках.

Гостиницы, конечно, нет, и Клочков на автолавке везёт меня к себе домой, в деревню Ярцево. Председательская избёнка с печкой, с целым иконостасом, с кошкой и прикнопленными выцветшими фотографиями из журналов и плакатами с призывами собрать больше металлолома и утильсырья для родины. И снова банкет, уже домашний: яйца, мёд, сало, хлеб, колбаса, коньяк. Гость и хозяин пили по чуть-чуть. Спать пришлось на высоченной перине, на которую без табуретки и не взберёшься.

Утром потянуло свежестью. Я вышел во двор и ахнул: всё было разукрашено серебряной изморозью…»

Материал о тульском председателе вышел в «СПК», а в газете «Советская торговля» мы с Хачей поместили юмореску «Коварство и услуги» и в стенном «Центросоюзовце» на Черкасском продолжали выступать с критикой под псевдонимами Ягуар Изюмкин и Лев Перчиков. А дома много занимался своим хобби: выписывал стихи, вёл футбольную статистику, ходил на стадион и прочее, заполнял затхлое советское время.

Ну, а теперь об анонсированной любви.

Москвичка Анна Харашвили (мать русская, отец грузин) окончила вечернее отделение

филологического факультета МГУ с дипломом «учитель русского языка и литературы», работала корректором в ИМО (издательство «Международные отношения»). Летом отдыхала под Ленинградом, рядом с усадьбой Репина «Пенаты», и там же отдыхала моя двоюродная сестра Ляля Кузнецова. Они подружились, и Ляля с упоением рассказывала новой подруге о мужских подвигах своего брата (господи, надо же было чем-то хвастаться!). Из ИМО Анна (будущий Щекастик, Ще) ушла и искала работу. Ляля попросила меня помочь, я согласился, и Ще позвонила мне по телефону. Далее пришла в редакцию «СПК», и мне удалось её трудоустроить в ноябре в качестве редактора-референта. И мы стали работать вместе в одной редакционной комнате. Ще — 25 лет, мне — 33. Взрослые люди…

В «СПК» и «Центросоюз-ревью» сразу решили: Безелянский привёл на работу свою любовницу, но мы любовниками тогда не были, это произошло потом. В силу некоторых причин Ще не удержалась в новой должности (женщины её встретили в штыки), и в апреле 1966-го она была вынуждена уйти на другую работу. Но об этом в главе 1966 года. А пока приведу несколько выписок из своих тетрадей:

«Женщина может быть другом мужчины только в такой последовательности: сначала приятельницей, потом любовницей, потом уже друг» (А.П. Чехов).

«Не всегда важно, что говорят, но всегда важно, как говорят» (Максим Горький).

«Чем больше человек имеет в себе, тем меньше требуется ему извне. Вот почему интеллигентность приводит к необщительности» (Артур Шопенгауэр. «Афоризмы житейской мудрости»).

«Жизнь, самая счастливая, — только разрозненный сервиз, никогда не подобрать полного комплекта» (Альфонс Доде).

В ноябре 1965 года появилась Ще.

О событиях в мире и в СССР в 1965 году можно привести много чего, но не будем распыляться. Только одно литературное событие: 8 сентября Андрея Синявского арестовали у Никитских ворот, когда он ехал читать лекции в Школе-студии МХАТ. «Два мордатых сатрапа, со звериным выражением, с двух сторон держали меня за руки. Оба были плотные, в возрасте…» — вспоминал Андрей Донатович. В феврале 1966 года состоялся судебный процесс. Впервые в истории судебных процессов в СССР подсудимые (вторым был Юлий Даниэль) своей вины не признали. Андрей Си-

нявский упрямо твердил, что у него с советской властью не идеологические, а эстетические расхождения… Более подробно я написал в книге «Огни эмиграции» (2018) в главе «Андрей Синявский под маской Абрама Терца».

1966 год – 33/34 года. Любовь и Радиокомитет. Смерть Анны Ахматовой

Странный заголовок, но логичный. Был такой советский фильм «Любовь и голуби», кажется, в жанре лирической комедии. Заглянул в толстый том «Кинословаря», а там куча кинокартин с аналогичным названием «Любовь и…». А далее на любой вкус: и долг, деньги, слёзы, боль, ярость, сплетни, волны, песни и даже журналистика. В моём случае: любовь и Радиокомитет — два судьбоносных слова в моей жизни.

Сохранилось несколько записей, а полноценного дневника по-прежнему не вёл.

12 января

Любовный вихрь. «Любовь — это всё, что мы знаем о ней» (Эмили Дикинсон). И чувства хлынули в стихи:

Всё страшно перепуталось, сломалось.

И в этом хаосе так трудно разобраться.

И только виг щенячий: «Всё пропало!»

Вдруг тронул тишину и стих, как Надсон.

В душе руины чувств, обрывки мыслей,
Слова-желания, обугленные жаром,
И на крючке сознания повисли
Какие-то лиловые кошмары…

1 февраля

«Я не знаю, что будет дальше: погибнет ли наш корабль, столкнувшись с бурями и тайфунами. Или, с пробоинами, прибьётся к спокойному берегу, — этого знать нам не дано, на это есть предначертания высшей судьбы. И не надо гадать. Но независимо от конечного результата, я благодарю тебя за то, что ты пробудила меня снова к жизни, заставила светиться внутренним огнём, да так, что моя душа, переполненная чувствами, играет как орган — мощно, слаженно и красиво. И весь я переполнен какой-то сладкой болью, какой-то бледно-лазоревой грустью. А сердце сладко щемит. Это непередаваемо. Слова мертвы, они бессильны всё это передать. Это — как божий дар…»

Коммент через 52 года: цветисто и выспренно. Но я не лукавил, был тогда невероятный подъём

в душе. Это точно…

9 февраля

Ой, как мне хочется где-то с тобой посидеть в спокойной обстановке и, разумеется, не в редакции, чтобы падал притенённый свет, чтобы было чуть сумрачно, чтобы тихо звучала музыка и чтоб рядом не было никого — только ты и я, я и ты. Чтобы высказаться, излиться спокойно, а не в сутолоке столовой, между первым и вторым блюдом, а не отвлекаясь ни на что постороннее — глаза в глаза, душа в душу, сердце в сердце. И чтобы руки при этом были сплетены воедино, и пальцы сладко подрагивали…

14 марта

Ну, вот выбралось времечко для тебя, мой щекастенький бесёнок, щекастая лисичка, пончик, милая ненаглядочка, взрывчатка («Ну и пожалуйста!» — с резким поворотом головы в другую сторону) и трепетная лань, когда после глубокого поцелуя ты закрываешь глаза, а ноздри бледнеют и сжимаются…

Кентавры, лани, люди, кони — всё перемешалось в нашей жизни. Я всегда стремился к простоте, но при этом сам создавал хаос сложностей. Вот и сейчас всё запутано, перевито,

завязано. Хотя, наверное, не прав. Да, сложно, но и ясно, что надо делать: ломать прежнюю жизнь и строить новую…

Январь-февраль. Не дневник, а воспоминание.

Любовный вихрь меня кружил, но я ещё успевал и работать. В январском номере «СПК» вышла публикация о командировке в Черкассы — Умань под названием «Прибыль плюс качество». О работе консервно-перерабатывающего завода и его директоре Михаиле Яковлевиче Райхмане.

В конце зимы летом во Львов, чтобы написать статью о буднях Львовского кооперативного института. Там, кстати, проходила какая-то научно-практическая конференция, на которой пришлось выступить с призывом подписываться на журнал «СПК». Мелькали какие-то женщины — преподаватели, аспирантки. Разумеется, общался с ними по рабочим вопросам, но все мысли были о другой женщине, которая оставалась в Москве, о Щекастике…

Приехал из Львова, отписался, как говорят, и ещё для себя, для памяти, в стол, написал маленькую миниатюру о работе редакции. Вот этот текст:

Буря в «СПК»

Горел номер. Багровые отсветы пожара вспыхивали на бледных щеках ответственного секретаря. Гнев, отчаянье, решительность и бессилие сменяли друг друга, как кинокадры. Раздираемый противоречиями, ответственный секретарь Шарль нервно теребил редакционную папку: она была пуста, как желудок за два дня до получки. В ходе прений первый выступил Илюшко, но его никто не понял, ибо всё свелось к двум выражениям: «значит» и «так сказать». Своё выступление Шкабельникова свела к волшебной палочке-выручалочке «командировка». Безелянский не столько говорил, сколько теребил свой галстук. Кронский тихо мурлыкал. Один Хвостов был великолепен и, как всегда, проявил удивительную способность превращать любое мирное совещание в кровавое поле Бородина. В углу визжал Рогинский. Не в пример ему Фомин говорил басовито и сановито, по-министерски. Главный редактор Рамзин был растерян, не зная, с какого гриба начать сбор… Когда все остыли, замолкли, откипев, неожиданно появились контуры плана номера. Пожар был предотвращён, и, конечно, среди отличившихся был первым

ответственный брандмайор редакции Шарль Исаевич Афруткин.

25 апреля

Ще вынуждена была уйти из редакции. Увы, так сложились обстоятельства, и она устроилась младшим научным сотрудником в ВИНИТИ — Институт технической информации. Но перемена работы, естественно, ничего не изменила. «Преступная любовь» на стороне продолжилась, мы встречались, погружаясь в любовную пучину с головой. Я жил двойной жизнью: дома и вне дома, говорил Г.В., что мне нужно встретиться с друзьями, и другую ложь, которую жена, конечно, расшифровала, и пошли семейные сцены (семейные драмы идут без репетиций, — как сказал один остряк).

Мы виделись с Ще каждую неделю, то гуляли по вырубленной ныне липовой аллее, которая тянулась за мостом от Белорусского вокзала и почти до «Аэропорта». То ходили в кинотеатр «Динамо», который был под Южной трибуной стадиона. И там смотрели знаменитую «Земляничную поляну» Бергмана, в которой старый профессор переосмысливал своё прошлое и пришёл к выводу об особой ценности любви. То в небольшой парк при Речном вокзале. И уместно вспомнить

шутливые строки сатирика Дмитрия Минаева:

С нею я дошёл до сада,
И прошла моя досада,
И теперь я весь алею,
Вспомнив тёмную аллею.

Да, было дело, — как говорят ветераны… А в один из воскресных дней отправились с Ще с Ярославского вокзала на станцию Зеленоградская, нашли лесок, где мы были одни… А дома пришлось изворачиваться и придумывать разные нелепые истории. Двойная жизнь — тяжёлая жизнь, испытание не для каждого. Вот двойные агенты — это совсем другое, им положено носить разные маски и лгать…

Короче, весь 1966 год и следующий 67-й до 3 ноября был трудным, мучительным временем для меня. Рушилась «советская семья образцовая», как пел Владимир Высоцкий. Я был на грани срыва. Нелегко было из-за моих метаний и Ще. Но всему приходит конец. Пришёл конец и неопределённости… (5 февраля 2019 г.)

Дома я отвлекался от любви и от страстей, погружаясь в книги и ведя выписки. Сильное впечатление оставил рассказ Франца Кафки «В исправительной колонии» (1914):

«Упоение властью, сознание собственной непогрешимости и опьянение возможностью творить справедливость в своём понимании, убийство человека во имя этой якобы „справедливости“ (основанной на теории сильных и слабых, господ и рабов) и поэзия убийства в душах садистов, вот о чём рассказ Кафки. Об истоках фашизма. Описанный кафкианский офицер — идеальный исполнитель гестапо и СС, а старый комендант — для него „фюрер“».

Всё это записывалось в толстой коричневой тетради. Чего там только нет: и Софокл: «Как страшно знать, когда от знания нет нам пользы» («Царь Эдип»). И наш современник Петер Вайс, который в отчаянии в пьесе об Освенциме констатировал:

Кто знает,
многие, если бы их не назначила судьба
на роль узников,
могли бы стать палачами…

Внимательно читал и выписывал из книги Некрича «1941 — 22 июня» очищенную от официальной лжи историю.

Или совершенно другой разворот и другой мотив. Из книги Галины Николаевой (Волянской)

«Наш сад»:

Никаких мне не надо богатств,
Чтоб была я довольна судьбой,
Мне бы маленький, маленький сад
Да большая, большая любовь.

Чего я только не записывал в свою потаённую от чужих глаз тетрадь, даже английские поговорки, типа «донт трабл», а по-английски Don't trouble trouble until trouble troubles you — в переводе: «Не тревожьте тревоги, пока тревоги сами не потревожат вас». Более чем разумно. И закрываем тетрадь.

Бравый адмирал из будущего

Пока я копался в своём архиве, в январе 2019 года вспыхнул скандал. Вице-адмирал Балтийского флота Игорь Мухаметшин возмутился общественным мнением, что аэропорту в Калининграде надо присвоить имя Иммануила Канта (в Кёнигсберге философ родился и там писал свои труды). А российский адмирал назвал Канта предателем Родины, к тому же писавшим «какие-то непонятные книги, которые никто не читал и никогда читать не будет». Невежественный

адмирал повторил желание Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите»: «Взять бы этого Канта, да на два года или три в Соловки!»

Господи, кто возглавляет нашу армию и флот? Дремучие мракобесы? Скалозубы нового времени? И подпевалы из сановников и чиновников, типа бессмертного Павла Афанасьевича Фамусова:

Уж коли зло пресечь:

Забрать все книги бы, да сжечь.

Мечта всех тоталитарных правителей. Они чётко понимают, что книги — источник опасных знаний, толчок к вольнодумству. Книги сжечь! Интернет запретить! Чем тупее и глупее народ, тем лучше. В России власть давно поняла, что знания опасны, отсюда диссидентство, инакомыслие, протестанты, Майдан и всякие волнения и революции. Мыслить — значит критиковать режим, указывать на его просчёты и недостатки, пороки и губительную политику. А это недопустимо. Поэтому нужны любые меры, чтобы стадо оставалось послушным. В крайнем случае лояльность можно купить…

Власть чётко следует советам американского профессора Ноама Хомского. Совет № 7: «Держать

людей в невежестве, культивируя посредственность».

Ярчайший пример: наши бесконечные ток-шоу на ведущих телеканалах, куда вытаскивается вся грязная бытовуха… бесконечные анализы ДНК: кто кому и кто от кого…

Уловка № 7: «Думать надо!» «Думать — самая трудная из работ», — утверждал знаменитый автопромышленник Генри Форд.

В 50–60-е годы я этим и пытался заниматься: много читал, внимал, выписывал, анализировал, расширял свой умственный горизонт, что впоследствии и позволило стать писателем не фантазийных придумок, а жанра нон-фикшн, на основе реальных исторических фактов, событий и биографий замечательных людей (ЖЗЛ).

* * *

Вернусь к хронике.

7 июля

Закончилась эра журнала, началась эра радио. В один день я был освобождён из «СПК» и в тот же день зачислен старшим редактором отдела вещания на Кубу Главной редакции радиовещания на страны Латинской Америки. Иначе: я стал

сотрудником Государственного комитета радиовещания и телевидения при Совете Министров СССР, сокращённо: Гостелерадио.

Комментарий спустя годы.

Привёл меня в Госкомитет (ещё одно сокращение) старый друг Игорь Горанский. Я в течение года подготовил несколько радиоматериалов (интервью, очерк и репортаж из пионерского лагеря) и был признан: годен! Собеседование со мной проводил могущественный заместитель Лапина Энвер Мамедов, а после него секретарь парткома Комитета Карижский, — всё было очень серьёзно.

Тринадцать лет (по май 1979 г.) я отдал радио, которому я безмерно благодарен. Престижная работа, хорошие деньги, расширение знаний о мире и международной политике благодаря листам ТАСС для служебного пользования. И главное: научился работать быстро, прекрасно управлялся с информацией, сочинять и комбинировать, и сам печатал свои радийные материалы на машинке, ну, не как отдельные коллеги-пулемётчики, но достаточно оперативно и шустро, и причём — одним пальцем… (5 февраля 2019 г.)

Июль

В эфир прошла первая большая программа «В субботу вечером». Развлекательная программа с песнями на тему «Вода, вода, кругом вода» (песня Аркадия Островского). В программе были использованы также песенки «Хороши вечера на Оби», «Венок Дуная», «Опять плывут куда-то корабли», «Палуба» Юрия Левитина и «А люди уходят в море» Андрея Петрова… Ещё в июле прошла программа «Спрашивайте — отвечаем» (для кубинской радиостанции «Ребельде») и какие-то другие. Заработал радиоконвейер. В сентябре прозвучала радиокомпозиция «Подвиг комсомольцев в битве под Москвой»…

* * *

Дальше записи обрываются и поплывём по волнам памяти.

Итак, 10-этажный дом-утюг на Пятницкой — Радиокомитет. Редакция Латинской Америки на 9-м этаже. Я сижу в комнате кубинской редакции среди сверстников, кто старше, кто младше, в основном это выпускники журфака МГУ — Игорь Кудрин (будущий политический обозреватель), Володя Соболев по кличке Морковка из-за красноватого цвета лица, спортивный и самоуверенный Эдик Пушко (рано ушедший из

жизни), милейший Анатолий Трусов, бывший учитель и женатый на кубинке, ещё ехидный и задиристый Анатолий Черняк, родом с Украины, две женщины: музыкальный редактор Марианна Вихерт (тоже рано ушедшая из жизни) и задорная испанка Каталина. Кстати, среди переводчиков было несколько испанских детей, привезённых в Советский Союз в 1936 году во время гражданской войны в Испании.

Весёлая компания, интересная работа (это не торговля на селе и не закупки сельхозпродуктов у населения), какие-то неформальные отношения. Время от времени кто-то покидает комитет, чтобы выпить вина или пива, благо рядом есть лавочки. Ещё с упоением играют в спичечный коробок, кто больше всех поставит коробок на попа умелым щелчком.

Я не пью пива, не бегаю за вином, неумело играю в коробок, но зато открыл для себя роскошную по книгам библиотеку на 6-м этаже и часто там пасусь, если выпадает свободное время. А ещё на 7-м этаже справочная служба, где девочки подбирают свежие вырезки из газет и журналов по темам. Днепрогэс? — Пожалуйста. Туркмения — извольте! Высшее образование в СССР — прошу и т. д. Радиокомитет набит информацией, а ещё

иносправочная, где можно полистать «Штерн» или какое-нибудь «Фигаро». Удобно и полезно. И я пользовался всем этим и насыщался информацией до упора.

Для разрядки — кофе в буфете, куда обычно приходит Владимир Познер в окружении щебечущих молодых женщин, то ли редакторов, то ли секретарей. Познер выглядел в те годы как иностранец, но он и был таким. Но латиноамериканцы, латинос, тоже умели щебетать. Одна Валентина Крауц чего стоила, и я про неё как-то написал:

Валя Крауц всем нам нравится
И походкой, и умом.
У неё такая… талия!
Голова идёт кругом.

Пожалуй, на этом следует остановиться. (6 февраля 2019 г.)

А любовный роман длился и длился. Из записей Ще:

«И опять мы не вместе. Тяжёлый разговор в Химках. Обещания. Разлука. Он — на Павла Андреева за стаканом сока. Я — на Профсоюзной у Светы. Юлька, крохотуля, ковыряла дырочки на моей кофте. Очень тоскливо. Но надеждилось…»

Новый, 1967 год встречали порознь, но дали слово сразу встретиться и обменяться рецензиями на фильм Крамера «Безумный, безумный, безумный мир». Помимо любви, забавлялись и интеллектуальными играми…

А на радио для кубинских революционеров я сочинял программы «Траншеи для молодых» на чистом сливочном пропагандизме…

Утрата Ахматовой

Среди культурных событий, пожалуй, главное — смерть Анны Андреевны Ахматовой 5 марта 1966 года в Домодедово, под Москвой. Она намеревалась поехать в Париж по приглашению Международной писательской организации, но… внезапная смерть на 77-м году жизни. За 8 лет до ухода, в 1958 году, она написала:

Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелёт…

Ещё в школьные годы мне попался в руки раритетный сборник «Чётки» (1914) — это второй сборник молодой Ахматовой. Я читал его моло-

дым и не мог оторваться, казалось, что она писала о самом главном — о любви.

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого, что ты мальчишка озорной.
Знаю я – у вас заведено
С кем угодно целоваться под луной.

А у нас тишь и гладь,
Божья благодать.
А у нас серых глаз
Нет приказу подымать.

Мило и восхитительно. А вот с тревогой (1913, декабрь):

Было душно от жгучего света,
А взгляды его, как лучи…
Я только вздрогнула. Этот
Может меня приручить…

И так далее, и так далее. «Не любишь, не хочешь смотреть, / О как красив, проклятый!..» «Настоящую нежность не спутаешь / Ни с чем. И она тиха…»

Дал Ты мне молодость трудную.
Сколько печали в пути…

Это всё ранняя Ахматова — «блудница» и «монахиня», как определил вождь. А когда прошлись по сердцу Ахматовой сталинские репрессии (Николай Гумилёв, сын Лев, Пунин и другие близкие), то Анна Андреевна превратилась из лирической поэтессы в трагического ПОЭТА. Вот начало «Последнего тоста» (1934):

Я пью за разорённый дом,
За злую жизнь мою…

Анна Ахматова выразила суть сталинской эпохи:

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград…

…Звёзды смерти стояли над нами.
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марусь.

«Чёрные маруси» — это машины, которые ночами приезжали за жертвами, чтобы их арестовать, ну, а дальше — кому какой выпадал жребий.

Я несколько раз в поздние годы писал об Ах-

матовой. «Как убивали Зощенко и травили Ахматову» — в книге «69 этюдов о русских писателях» (2018).

И горжусь тем, что был на расстоянии всего лишь одной руки от великой страдалицы русской поэзии — через Евгения Рейна, поэта, который вышел из «гнезда» Ахматовой.

Смерть отца

20 декабря отец Безелянский Николай (Копель) Ефимович (1906– 1966) в возрасте 60 лет умер. Был сильный человек, его не сломила ни тюрьма, ни лагерь, ни ссылка, но здоровье всё же было подорванным. После реабилитации (не виновен!) и возвращения в Москву отказался работать в госучреждениях, а предпочёл более независимую деятельность — торговлю. Работал завотделом хлебобулочных изделий в гастрономе на Б. Серпуховской. И скончался на работе…

К сожалению, мы с ним так и не установили душевный контакт. Он был закрыт для меня, а я — для него. Ничего отец мне не рассказывал о своей жизни и о том, как она сломалась. Советов никаких не давал. Я только узнал от одного знакомого, который вместе с отцом находился в лагере, что там отец бил уголовников, обижав-

ших и обиравших политических заключённых…

Так что в 34 года я остался без матери и отца. И только две маленькие сестрёнки Светлана и Аллочка от второй жены отца Ирины, но с ними тоже связь как-то не связывалась…

Вот и всё о 1966 годе. В Китае вышли на историческую сцену молодые «хунвейбины», крушившие старых аппаратчиков, а у нас — «тишь и гладь, божья благодать». Одна проблема: «на десять девчонок по статистике девять ребят», — как пелось в одной песне. Популярной была и другая: «Если б ты знала, если б ты знала, как тоскуют руки по штурвалу…» И набирал высоту Владимир Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы…»

1967 год – 34/35 лет. Развод и новая семейная жизнь на литературной подкладке

Сохранились дневниковые записи, но прежде чем их представить на чужой суд, надо вспомнить и общую «картинку» быта и бытия первой половины года.

В семейной жизни наступило крещендо или «час икс», и я решил уйти из дома. Какое-то время жил у Светланы, подруги Ще, у своей тётки Маши в Измайлово, у Толи Трусова (его жена уехала на Кубу) в Черёмушках. Дважды переезжал с маленьким чемоданом на Онежскую улицу, где Вера Павловна, мать Ще, получила квартиру после сноса их дома на Красноармейской улице. Дом на Онежской — от станции метро «Водный стадион» несколько остановок на тряском автобусе. Нам с Ще отвели маленькую узенькую комнату. И мать Ще, и бабушка Стефания Ивановна относились ко мне весьма благосклонно, с Ще совсем было прекрасно, но… но я чувствовал себя чужим, пришлым: чужие распорядки и порядки, а я привык жить практически один без лишних людей,

как вольный казак.

Короче, никак не мог вписаться в новую семью с домочадцами. «Не вынесла душа поэта…» Я дважды уезжал с Онежской. Возвращался в отчий дом на Павла Андреева, но и там ощущал себя чужим. Прежней семьи уже не существовало. Говоря метафорически, я ощущал только холодный душ отчуждения и неприятия…

Такое вот было трудно-мучительное время, и я оказался в положении Летучего голландца. Но выдержал. Перенёс. Выстоял, а мог и сломаться. А тут ещё произошла дополнительная маленькая ломка: я перешёл из Кубинского отдела в Бразильский, под начало Игоря Горанского (сначала мы ладили, как давние друзья, а потом отношения разладились и окончательно испортились). К новым коллегам-бразильянцам пришлось привыкать: Виталий Соболев, Гена Самолётов, Саша Сериков, секретарша Татьяна Ларина и др. Привыкать или, выражаясь по-научному, интегрироваться.

В мае был краткий отпуск в доме отдыха «Щёлково», и туда в воскресный день с ночёвкой приезжала Щекастик. Щёлково, Щекастик — любовь и радость. Потом был бракоразводный процесс, его специально назначили на 18 апре-

ля, день рождения дочери, я на него не пришёл. Затем ещё был один фокус, и, наконец, в августе нас развели, жёстко наказав меня рублём. Но это уже детали.

3 ноября был заключён новый брак, на этот раз брак без брака, если можно скаламбурить. И я задышал полной грудью…

Маленькое дополнение.

Всё это происходило в 1966–1967 годах. А в 1979 году на экраны вышел фильм Георгия Данелии «Осенний марафон». «Лав стори» переводчика Бузыкина (его удивительно точно сыграл Олег Басилашвили), который метался между женой (Наталья Гундарева) и любовницей (Марина Неёлова) и никак не мог определиться, кто лучше и что моральнее: оставаться или уходить? И ложь была противна, и правда страшна. И герой путался в двух соснах и чувствовал себя нелепо в неудобном и глупом положении.

«Осенний марафон» — часто встречающаяся ситуация, для кого это шумная мелодрама, для кого — истинная драма с разбитым сердцем. Лента Данелии получила приз на кинофестивале в Сан-Себастьяне, ну, а мне тоже достался приз — команданте Ще. (5 апреля 2019 г.)

Осенний марафон — изматывающий бег на

длинной дистанции в слякоть, дождь, по асфальту с опавшими мокрыми листьями. И не хватает воздуха. Бежать тяжело, дышать трудно, и сердце наполнено какой-то болью и горечью… Написал я эти строки, вспомнил ещё раз фильм «Осенний марафон» и неожиданно набросал строки, вполне годные для щемящего романса или песни для лирического героя. И, увы, где-то схоже с песней «Ах, вернисаж».

Осенний длинный марафон.
Ах, это бег куда-то.
Молчит тревожно телефон,
И неужели нет возврата?..

Ах, этот длинный марафон
В осеннее ненастье.
Ты как отцепленный вагон,
И где же счастье?..

Осенний этот марафон –
Нет сил и чувства.
Темнеет неба небосклон.
До боли хруста…

И нет ни цели, ни пути,

И ты бежишь куда-то.
Скажу последнее «прости» –
И нет возврата…

6 апреля 2019 г.

Попели немного — и хватит. Вернёмся к хронике дневниковых записей по отдельным дням.

Из дневника

25 января

Мне понадобилось 34 года, чтобы прийти от формулы жизни «Я» к «Мы». Я и Ще будем в четыре руки и в две головы вести эту тетрадь. Пусть это будет дневник дел, настроения, планов, мечтаний, записей радостных и грустных, серьёзных и смешливых, философских и спортивных, заметки об увиденных фильмах и прочитанных книгах, о рюшках и оборочках, об обедах и завтраках, о погоде и обо всём другом, из чего складывается наша повседневная жизнь и о чём никогда не пишут в официальных биографиях и анкетах…

Комментарий. Такова была идея. Некоторое время совместный дневник функционировал, а потом как-то заглох. Эту идею осуществил, пожалуй, лишь один человек: Михаил Пришвин со своей новой любовью… (8 апреля 2010 г.)

2 февраля

В театре «Современник» 1 февраля посмотрели «Обыкновенную историю» Гончарова. Александр Адуев — Олег Табаков, Пётр Иванович Адуев — Михаил Козаков, ещё Толмачёва, Кваша, Евстигнеев, Лаврова…

Спектакль, полный театрального блеска и мудрый, как сама жизнь. Столкновение юности со зрелостью, житейской неумелости с опытом и превращение человека, его эволюция от чрезмерно наивных и пылких мечтаний к зрелому и трезвому практицизму. Каждый из нас был в какой-то степени Сашенькой Адуевым: мечтательным и восторженным, писал стихи, верил в свою талантливость и исключительность, слишком идеализировал людей и считал, что если человек клянётся в любви и дружбе, то это на всю жизнь. Но жизнь, словно мясорубка, пропускает через себя своеобразно нарезанные куски мяса, превращает их в безликий фарш. Тухнут надежды, исчезает вера, идеалы испаряются — и человек становится сухим, педантичным, расчётливым, т. е., как мы говорим, с годами приходит зрелость. Мы перестаём строить воздушные замки с причудливыми колоннами и портиками, а возводим блочные халупы с газовыми плитами,

где «не дует и не каплет». Чувства и эмоции уступают место расчёту и рассудочности. Вот суть конфликта, вернее, спора между дядей Адуевым и племянником. Сашенька становится Адуевым в квадрате…

16 февраля

В Театре Ленинского комсомола удалось просмотреть модный спектакль «104 страницы про любовь» Радзинского в постановке Эфроса. В главных ролях Ольга Яковлева и Валентин Гафт. Ещё Ширвиндт, Каневский, Дорлиак, Гошева (стюардесса Мышка)…

4 мая

Отдых в доме отдыха «Щёлково». Первый день. Как святой праведник: еда, сон, прогулка, Голубое озеро и лесное одиночество. К вечеру не выдержал, и в библиотеку. Какая-то дама: «Дайте что-нибудь почитать, на ваш вкус». К вечеру пинг-понг и волейбол. И апофеоз: фильм «Королева Шантеклера» с Сарой Монтьель…

9 мая

Местное ликование по поводу Дня Победы. Обещают дополнительные шезлонги и пляжные коврики. Какой-то композитор из Пятигорска в сандалиях на босу ногу. «Юность не бросает

якорей». Днём сладкие запахи черёмухи. К вечеру нашествие туристов. Мотолюбовь… Хождение в деревню. Парное молоко из погреба. Выпил 4 стакана…

13 мая

Как всё надоело! Скучища жуткая! Песня на концерте: «Первачок, первачок, а кто не пьёт, тот дурачок». Тут только одно хорошо: лес. Взять бы с собой в Москву кусочек леса…

6 августа

Шумный развод, и уже бывшая жена съехала с квартиры, забрав вещи, ей не принадлежавшие, оставив лишь всего две вилки, две ложки и ещё что-то. По Игорю Северянину: «ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред». 15-летний брак распался. На горизонте — новая жизнь. Я далёк от телячьего оптимизма, довольно трезв. Но всё-таки, несмотря на неизбежные трудности, которые будут, будущее воспринимаю оптимистично. Баллада о лазоревом береге? Всё будет — олл корэкт.

Какой символически тяжёлый день! И Ще, моющая пол и убирающая грязь прошлого, и я с ведром (трижды!), выносивший обрывки и осколки прошлого быта. И очистительная гроза,

которая смыла пыль, очистила улицы и наполнила воздух свежестью, бодростью и новизной…

15 августа

Время 21.38. Только что пришёл с работы. Устал зверски. Жарко. Разделся до трусов, облился водой, съел четверть засохшего бублика, запил холодной водой с сахарным песком и вот сел за стол. Снова один как перст. Голые стены. Лишь иронично поглядывает Маяковский — мой вариант портрета Могилевского. На стуле понуро висят галстуки. На стене на вешалках пиджаки, брюки и рубашки. Маленький радиоприёмничек на ящике. Куча белья. Куски тюля и обрывки штор на окнах. Посередине комнаты стол и всего два стула. И в углу горка из тетрадей, журналов, книг, футбольных календарей, спущенный мяч, — живописные остатки порядка и прежней жизни…

Среди этого «мамаева побоища» на неделе был и хороший момент, когда я с Хачей и ещё двумя кавказцами-москвичами хорошо погуляли в шашлычной около кинотеатра Повторного фильма. Коньяк, водка, шашлыки по-карски, сациви, натуральные салаты. Весёлый разговор за жизнь, за работу, за женщин, за любовь. Но при этом у каждого свой вариант жизни и судьбы. Потом поехали домой к Мише Дейнеко и у него снова

пили водку и играли в преферанс — оттянулся. Домой вернулся на такси…

21 августа

Меня когда-то упрекали в лени. Хорош лодырь. Отработал тяжёлую неделю да ещё в воскресенье отдежурил. А сегодня отработал с 10.30 до 22.30 — 12 часов кряду. Сдал молодёжную передачу, отпечатал 6 страничек «Спрашивайте — отвечаем», сдал радиожурнал «В стране советской», отредактировал ещё несколько штучек. Затем покинул Радиокомитет и полчаса шёл пешком до дома — по Пятницкой и Люсиновской улицам. Шёл как автомат, без чувств и мыслей. Пришёл домой и тупо читал «Футбол»… Трудности с Ребёнком, её мама настраивает её против меня, используя дочь как орудие мести. Глупая женщина…

31 августа

В паспорте появился штамп, что-де с гражданкой такой-то никаких отношений не имею. Финиш… На работе похвалили мой очерк о Льве Яшине для программы на Бразилию… Домой вернулся в пустую квартиру. Съел две морковки. Выпил чаю. Сел писать. Грустно…

9 сентября

Вчера играл в футбол, кажется, не играл с вес-

ны. Выступал за ветеранов латиноамериканской редакции против молодых волков под названием «Интер» на большом поле стадиона ЦСКА, не на арене, а на запасном, тренировочном. Ветераны выиграли 2:1. Но, кажется, с игрой пора завязывать: 35 лет — тяжело…

24 сентября

Воскресное утро прошло враскачку: почитал «Спорт» и «Футбол», побрился, поел, почистил впрок картошку, полистал футбольные календари (это меня успокаивает, как перебор чёток)… Наконец-то наладил бездарный от старости радиоприёмник. Ловит только одну станцию. По ней фугуют фуги Баха, то маэстро Лазарь Бергман играет Листа, очевидно, с листа. Хочется подвывать. Надо покупать новый радиоприёмник, а вчера под дождём хлюпали ботинки: дырки на подошве. Тоже надо покупать новые. А ещё пальто, шерстяную рубашку, постельное бельё, шторы, сумку Ще и т. д. А ещё хорошо бы прикупить гобелен «Нагая пастушка» или картину «Замок в предместье Парижа». Да ещё какого-нибудь рожна…

28 сентября

Пишу на работе. Очень зябко. С десятого этажа

Радиокомитета отлично видна Москва… Над городом висит давящее свинцовое небо, отчего всё кажется безысходным, тусклым, удручающим. Сразу вспоминается рассказ нашей испанской учительницы Аллегрии. Она говорила, что её старенькая мать каждое утро бросалась к окну и, видя мутно-серое небо, плакала. Ей так хотелось домой, в Испанию, где небо сверкает голубизной и всё вокруг ярко, светло и празднично. Она так и не смогла привыкнуть к нашему климату и уехала обратно, в Испанию.

5 октября

Смотрел сегодня на Лурду — негритяночку с Кубы и удивлялся Бене Жидкову: зачем он притащил в Москву это танцующее создание, постоянно виляющее задом? В чём соль? В чувстве? В экзотике? В сексе? — в чём, чёрт побери?!.

15 октября

Вчера было тяжёлое вечернее дежурство: всё время менялись программы из-за вихря всё новых информаций: тезисы ЦК КПСС, отъезд руководителей в Волгоград, приветствие генсеку Аргентины, приезд министра внешней торговли Кубы и т. д. Тут посмотрел с Ще «Свадьбу в Малиновке»: что хорошо в театре, плохо оказалось в

кино. Хорош лишь Водяной — в роли Попандопуло: «Что я такой в тебя влюблённый?!.»

«Покупать что-либо в Советском Союзе — сложное и невесёлое занятие...» (из статьи в «Бизнес уик»).

«...И всё же, как это ни кажется нам невероятным, большинство советских граждан считает, что у них хорошая система, которая работает на них. Они чувствуют себя в безопасности. Их не тревожат мысли о голоде, одиночестве или бедствиях...» (цитата из статьи в американском журнале «Лук» — «Советский Союз 50 лет спустя»).

16 октября

И всё-таки тяжело дежурить по вечерам, дирижировать переводчиками, выпускающими, дикторами и потом эта одурь разнообразнейшей информации. Китайцы предлагают вести борьбу с «собственным эгоизмом и ревизионизмом». Кубинцы провозглашают, что «решение умереть или победить в борьбе за родину и человечество превыше всего!». Кровавые события во Вьетнаме. Арабо-израильские разборки и обиды. Возня западных немцев вокруг ядерного оружия. Попытки Англии пролезть в европейское экономическое сообщество. Деяния фашистской

функции в Греции. Загадочное убийство легендарного команданте «Че» Гевары в Боливии и т. д. Прямо по Юнне Мориц:

Поймали генерала.
Поймали генерала.
Танцуют телефоны,
В Париже кутерьма.
Плывёт по небу месяц.
…На полотне Шагала
Плывут по небу люди,
Сошедшие с ума.

19 октября

Приехал Сергей Голубничий из Штатов. Естественно, с машиной. А Саша Большаков работает грузчиком и так и ничего не закончил. А Боряк и Голубничий — поездки за рубеж, авто, чемоданы шмоток. А когда-то в школе все были равны, хотя, возможно, это не совсем так. В каждом из нас заложен разный генетический код, мы родились и воспитывались в разных семьях, по-разному смотрим на жизнь и выбираем своё место в ней. Да, и удача у всех разная. Отсюда и ножницы: дипломат и грузчик, бухгалтер и кинорежиссёр…

26 октября

Пришёл в Комитет в 9.02, а ушёл в 22.40. Летучка, печатание, прослушивание. Разговоры, кофе-обед, слушание модных мелодий («Шербурские зонтики»), ну, а после шахматы — блиц — пятиминутки до одури: Левченко, Хесус Сордопенья и я. В насмерть покуренной комнате и рокировались, кто куда. Оторвался, посмотрел на часы, уже не шахматные: боже, уже сколько! Спустился с 9-го этажа, а в холле вестибюля висит некролог: ещё один радиожурналист сгорел на работе…

27 октября

На улице, около магазинов, много пьяни. Стоят, соображают «на троих». Пьянство становится национальной проблемой. И чем занять народ, как отучить его от водки?..

4 ноября

В знаменательный день бракосочетания 3 ноября с утра почистил ботинки и вступило в поясницу. Еле разогнулся. Как в анекдоте: «И с такими хохмачками вы едете в Токио?» Все надежды возложены на комиссара по вопросам здоровья и любви, товарища Ще. Всё свершилось в ЗАГСе под названием «Аист» на Ленинградском

проспекте наискосок от стадиона «Динамо», — как символично! Потом пошли в шашлычную, выпили коньячку и съели по люля-кебаб. Далее поехали на Арсеньевский переулок. Пили чай. Я читал стихи. И первая официальная ночь вдвоём на узком раскладном кресле…

16 ноября

Первый выход в театр новой супружеской пары — Московский драматический театр, комедия Олдржиха Данеса «Свадьба брачного афериста» (нарочно не придумаешь!). Артисты: Леонид Броневой (Алоиз Клопачек), Ширшов, Мартынюк, Катин-Ярцев, Лямпе и другие. Это вечером, а днём последовал переход из Кубинского отдела в отдел вещания на Бразилию. Назначен обозревателем. И нельзя не повторить вслед за Киплингом (перевод Маршака):

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию, Бразилию.
И я хочу в Бразилию –

23 ноября

Обожаю анкеты и самоинтервью. Пока у меня никто не берёт интервью, беру у себя сам. Привожу лишь ответы на два вопроса.

Что такое счастье? — Равновесие между желаниями и возможностями, — как сказал бы сухой педант. — Белое облачко в синем небе, — как сказал бы розовощёкий романтик. — Все футбольные призы мира — как сказал бы болельщик. — Всегда иметь деньги до получки, — сказал и вздохнул Безелянский.

Какие основные качества должны быть у супруги? — Она должна быть кроткой и нежной, мягкой и застенчивой. Уметь бегать по магазинам, варить обеды, штопать носки, убираться в комнате, а вечером (совершенно свежей и не уставшей) спрашивать: «Скажи, милый, а сколько раз бил по воротам сегодня Игорь Численко?»

У Ще счёт ко мне такой: спокойствие, уравновешенность, способность анализа, мягкость и внимательность. Ещё энергия, целеустремлённость, тщеславие. Юмор и интеллект.

5 декабря

Гриппуем вдвоём. В доме чих коромыслом.

31 декабря

Год финиширует. Тяжело, со скрипом. Были взлёты, были падения, а сейчас усталость… Грядёт новый 1968-й, олимпийский. Что он принесёт? Не будем пророками и не будем гадать…

1968 год – 35/36 лет. Обозреватель на радио и наблюдатель истории. Командировка в Таллин. Конец «Пражской весны»

8 января

Вот уже месяц как я обозреватель «бразилейра». Осваиваю новый жанр политического комментария. Бывший камерный лирик, а ныне громила империализма, певец социализма и советского образа жизни, — как всё изменилось!..

10 января

Утром ходил к Андрею Тарковскому. У него неприятности, трудности, проблемы…

8 февраля

С утра был завизирован мой материал о Константине Бескове — он был моим футбольным кумиром… как игрок, а ныне тренер любимой команды. Затем поехал на стадион Юных пионеров на тренировку сборной СССР, брал интервью у капитана «Динамо» Виктора Аничкина, у вратаря Юрия Пшеничникова, у тренеров Якушина и Царёва. Всё как в сказке, видел их издали, а тут

рядом и общаюсь с ними…

29 февраля

Конец официальной зимы. В троллейбусе № 25, который был битком, оторвали пуговицу от нового пальто, за которое ещё не выплачен кредит. Пришёл домой — замучил стук по батарее. Оказалось, какой-то сосед с 3-го этажа таким образом выражает свой протест против трудностей жизни. Я разозлился и пообещал оторвать ему голову, он кричал в ответ, что я — хулиган. Ще по этому поводу смеялась до упаду. Но когда что-то протекло на кухне на потолке, тут было уже не до смеха. Н-да, жизнь! И не от неё ли бешено обличаю американский империализм? Хотя во всём виноваты, конечно, не янки, а мы сами…

2 марта

По случаю 36-летия отправились в цирк на программу «Всегда в пути». Клоуны Олег Попов и Карандаш… После представления пошли в гардероб — не мог найти номерок. Пальто выдали еле-еле. Пришёл домой — обнаружил номерок со словом «цирк».

17 марта

Не писал с полмесяца. Некогда. Жизнь каруселит, и от этого зверски устаёшь… Несколько слов

о кино. Фильм «Мужчина и женщина» прекрасно смотрелся, а вот «Анна Каренина» разочаровала, особенно после прочтения Толстого. В книге — глубина, нюансы, а на экране всё ординарно, однозначно и плоско. И уж совсем бездарной была лента «Обнажённая Маха»… Чем занимаюсь в свободные минутки? Читаю вслух стихи Ще или занимаюсь футбольной историей и статистикой, — очень успокаивает нервы…

7 апреля

Упиваюсь листами ТАССа. В газетах дана строго дозированная и односторонняя информация, а тут для «служебного пользования» она расширенная и разнообразная, в разной цветовой гамме… Прочитал любопытную книгу «Фауст и физики». Что есть жизнь? Что есть человек? И, может быть, прав Шкловский в своей гипотезе чередования сжатия и разлёта «звёздного вещества» и, следовательно, периодической гибели различных человеческих цивилизаций…

21 апреля

Имею постоянный пропуск на «Динамо», но хожу на стадион гораздо реже, чем раньше. Цейтнот дел. Пытаюсь читать Библию… на улице теплынь. Распускаются почки. Великая сила весны!..

3 мая

Смотрели «Три тополя на Плющихе» (Доронина — Ефремов). Хороший фильм, но без глубины…

Комментарий. Пройдёт время, я познакомлюсь со сценаристом картины Александром Борщаговским и напишу о нём в книге «Золотые перья». (10 апреля 2010 г.)

Конец мая

Наши газеты, как всегда, неполно освещали майские события во Франции, а они были чрезвычайно интересные с точки зрения истории. Всё началось со 2 мая, когда были прекращены занятия и был закрыт факультет социологии в парижском пригороде Нантерре, где 23-летний студент Даниэль Кон-Бендит во главе небольшой группы вёл анархистскую кампанию, разоблачая всех направо и налево и призывая к революции… После закрытия факультета студенческие беспорядки переместились в Латинский квартал, в Сорбонну. Шли митинги, строились баррикады, поджигались автомобили, состоялись схватки с полицией… Обстановка особенно накалилась к вечеру 10 мая. На баррикадах реяли чёрные и красные флаги. В ночь полиции был отдан приказ: восстановить порядок. Итог: 367 раненых, 460 задержанных… 13 мая началась всеобщая

забастовка с лозунгами «Де Голля в архив!», «Де Голля в богадельню!». В Сорбонне образовывается «свободный» университет. «Ни бога, ни господина!» — звучит старый лозунг бланкистов. Ссылаются на Мао и на Льва Троцкого. Стены заклеены лозунгами: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», «Запрещается запрещать!», «Мои желания — это и есть реальность» и т. д. Объявляется «непрерывная творческая революция». Все требуют полного преобразования общества… Выступивший по телевидению де Голль признал, что «стране угрожает паралич».

Но май прошёл. И всё потихоньку успокоилось и вернулось на круги своя.

10 июня

Первая часть отпуска прошла в Полушкино (дом отдыха «Строитель») (70 км от Москвы). Подвела погода: было пасмурно и холодновато. Кормили плохо. И ещё у Ще болел зуб… В Москву вернулись 6 июня.

Убит второй Кеннеди. Убит Мартин Лютер Кинг. Пропала подводная лодка «Скорпион». Помимо Франции, волнения в Чехословакии и Польше. Мир бурлит…

22 июня

Вчера был в «Октябре» на концерте Махмуда Эсамбаева. Один раз это увидеть надо. Танец человека-автомата изумителен и безукоризнен. Да и в других танцах он потрясающ!.. Стоит жара 30 градусов… С утра провернули операцию «Бутылки». Порожняя тара дала прибыли в два рубля с полтиной. Но это нас не спасло… и влезаем в долги…

1 августа

Ще — 28 лет. Отметили в Театре сатиры комедией Макса Фриша «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» (цена одного билета 1-20). Играли актёры: Ткачук, Рунге, Шарыкина, Авшаров, Менглет, Державин, Токарская и др.

21 августа

Долги, деньги, работа, болезни… из развлечений: футбол и поэзия. Составляю для себя карманные антологии русской и советской поэзии. Это наш мини-мир. А что творится в большом мире? Кошмар. Нищета и голод. Войны и ненависть между народами. А сегодня ещё прибавилась Чехословакия. Конец так называемой «Пражской весны». Как заметила радиостанция Би-би-си, Леонид Брежнев взял на себя роль судьи и исполнителя уроков марксизма, и в итоге: «Танки

идут по Праге, / Танки идут по правде…» (Евтушенко). Резонанс от этой карательной операции был ошеломительный, даже газета итальянских коммунистов «Унита» в своём номере опубликовала огромными буквами через всю первую полосу драматическую весть: «Чехословакия оккупирована. Политбюро ИКП выражает своё решительное несогласие».

Как это всё постыдно, гнусно. В конечном счёте всё приведёт к краху всю социалистическую систему. Нельзя подавлять свободу. Свобода всё равно пробьётся через асфальт…

8 сентября

Вернулся из командировки в Таллин (1–6 сентября). Первая командировка с магнитофоном на плече. Жил в общежитии ЦК, во дворе которого было музыкальное училище, и музыка меня извела до того, что с удовольствием слушал по радио передачу про Крошечку-Хаврошечку без музыкального сопровождения. В Политехническом институте состоялся международный симпозиум по разработке и использованию горючих сланцев, проходивший под голубым флагом ООН. Был в Кохтла-Ярве. Знакомился с работой и бытом шахтёров-сланцевиков. Репортажи об этом пошли в эфир…

Много бродил по Таллину. Готическая ратуша, замок Тоомпеа, башни «Длинный Герман» и «Толстая Маргарита», Вышгород, самая старая улица Пикк-Ялг, церковь Нигулисте, памятник «Русалка», узенькие улочки, узорчатые флюгера… Но я был один, а радость увиденного всего в одиночку обесценена. Вот если бы вдвоём…

14 сентября

Засентябрило. Пасмурно, дождливо, серо. Настроение скачет, как козлик на лугу. Долг душит, как «столыпинский галстук». Отписался от командировки, теперь предстоят радости визирования. Как говорит Виталька: «Сначала завизируй, потом импровизируй!»

13 октября

К открытию Олимпиады сочинял олимпийский радиожурнал — «Интерлокутор». Спорт — не сланец, писать приятнее… 7 октября были в Театре Ермоловой на булгаковском «Беге». Генерал Чарнота в исполнении актёра Галлиса был очарователен, остальные явно послабее: Павлова, Андреев, Бриллинг, И. Соловьёв, Лекарев и др. В целом не дотянули… А вот «Золотой телёнок» — фильм понравился, хотя шёл на него с опаской за Ильфа и Петрова, но Юрский, Гердт, Куравлёв

оказались на уровне… 11-го был на матче двух «Динамо» — Москвы и Тбилиси. После игры взял интервью у Славы Метревели… Пресс-центр «Динамо» выдвинул меня руководителем сборника «Динамо-68».

30 октября

Ще хочет быть среди людей, а я от них зверски устаю. Противоречие, и как его разрешить?.. Ездил в Новогорск к динамовцам, разговаривал со многими (интервью для сборника) — Зыковым, Рябовым, Еврюжихиным, Козловым, Масловым и др. И, конечно, с Бесковым. Он человек всё же тяжёлый, гонористый, неудобный. А Владимир Ильин и Юрий Кузнецов — милейшие люди… Посмотрели с Ще две неплохие кинокомедии: «Служили два товарища» и «Доживём до понедельника». Меньшикова в роли мне даже больше понравилась, чем Вячеслав Тихонов…

11 ноября

Первую годовщину с Ще отметили в Театре оперетты. «Летучая мышь». Слабовато (Бабякин, З. Иванова, Шахов, Долголетов, Шишкин, Пиневич и др.). В дни моей молодости оперетта была посильнее и поярче — Ярон, Бравин, Володин, Аникеев, Алчевский, Качалов, Лебедева, Вермель,

Гедройц, Савицкая, Новикова… Все они доставляли мне большое удовольствие. А нынешние? Увы, нет… Значительно лучше был спектакль «Интервенция» Славина в Театре сатиры… В главной роли Папанов, далее Вера Васильева, Архипова, Пельтцер, Рунге, Зиновий Высоковский (роль аптекаря) и т. д.

7 декабря

Сегодня у нас с Ще получился день занятий. Она готовилась к экзамену по эстетике в Институте марксизма-ленинизма, а я подбирал и выписывал цитаты из Канта, Фихте и Гегеля. Для себя, для миропонимания… Вчера вызывали водопроводчика. Он спросил: «Клещи есть?» Я ответил: «Нет». Он: «А авторучка, небось, есть?»

12 декабря

Вчера в больнице КГБ брал интервью, а точнее, просто разговаривал для футбольного сборника со Львом Яшиным. Между прочим, он с некоторой грустью говорил о том, как живут футбольные звёзды на Западе и у нас, как относятся к ним там и как тут…

31 декабря

В последние декабрьские дни заканчивал редактирование динамовского сборника. А вечером

с Ще поехали на Онежскую, к Вере Павловне. Тихо и мирно, за исключением одного момента, когда по ТВ шёл «Полосатый рейс», на какой-то эпизод я бурно захохотал, и В.П. чуть не упала в обморок от неожиданности. Да и Ще высказала обиду, что не сочинил стихотворного поздравления, и я тут же откликнулся:

Я знаю, что ты обижена,
Что нету поздравления.
Но разве наша хижина
Сама – не озарение?!
Где есть любви раскаты
И молнии влюблённости,
Где чувства наши сжаты
В слепящей озарённости…

* * *

Что остаётся добавить спустя десятилетия? Строилась новая семья. И не только у нас. 20 октября Жаклин Кеннеди вышла во второй раз замуж — за греческого судовладельца, миллиардера Аристотеля Онассиса. Но у них были другие условия жизни и другие проблемы…

В 1968 году вовсю развернулся Владимир

Высоцкий. И «Охота на волков», и «Утренняя гимнастика», и «Жираф большой — ему видней», и «Цыганская»:

Нет, ребята, всё не так,

Всё не так, ребята! –

пел Высоцкий с надрывом. Рвались струны и души. И чёрным пятном на страну легло подавление «Пражской весны». Тогда, работая в Радиокомитете, я внимательно и с болью следил за развитием событий в Чехословакии, за попыткой чешских интеллектуалов построить «социализм с гуманным лицом», за воззваниями и лозунгами, за шагами лидера «весны» Дубчека, и пронзило самосожжение пражского студента Яна Палаха в знак протеста против вторжения советских войск…

В книге «Огненный век» — несколько августовских заметок о тех событиях, ну, а в «Огнях эмиграции» (2018) я представил несколько бесстрашных героев, которые вышли на Красную площадь, — Наталью Горбаневскую, Вадима Делоне и других. Горбаневскую посадили в психушку, и впоследствии она написала удивительное признание:

Иногда, иногда я понимаю,

Понимаю, что они были правы –

Доктора из Малого Кропоткинского переулка.

И верно, ведь надо быть сумасшедшим,

Чтобы исправить нравы,

Да ещё не ради славы

И не ради тёплого места придурка…

Именно из-за «тёплого места придурка» и не вышли многие в знак протеста против произвола и агрессии. Я тоже не вышел на площадь в августе. Только душа протестовала…

«Я бросил вызов родине моей, / Когда её войска пошли на Прагу…» — написал Вадим Делоне. «Романтик во мраке бытия» — так я озаглавил текст о нём… (7 февраля 2019 г.)

* * *

Ну, и ещё на посошок 1968 года. На экраны вышло несколько кинокартин шпионского жанра: «Ошибка резидента», «Мёртвый сезон», как продолжение ранее вышедших фильмов: «Щит и меч», «„Сатурн“ почти не виден» и др. Благородные советские разведчики против отвратительных шпионов Запада. И народ это «кушал»

с удовольствием. Лишь Василий Шукшин в 68-м опубликовал рассказ-пародию на шпионовосхищение под названием «Миль пардон, мадам!», в котором герой Бронька Пупков иронизировал над всеми шпионскими страстями и неуважительно отзывался на предлагаемый режимом пример удавшейся жизни — стать разведчиком и носить в себе тайну.

Ну, а потом уже в 70-х появился благородный, всех покоряющий Штирлиц. Лично я не только не восхищался «подвигами разведчиков» — от майора Вихря до Штирлица в нацистской форме, но меня всегда подташнивало от этих «рыцарей плаща и кинжала». Я помнил об истинных подвигах членов этого ордена — ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МВД, КГБ и прочих зловещих учреждений, и первых палачей Дзержинского, Ягоду, Ежова и далее везде…

Сначала шпионские спецоперации, а потом Большой террор и танки. Александр Галич в связи с чешскими событиями:

Граждане! Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле!

Всё. Закроем тему.

1969 год – 36/37 лет. Главное событие – отпуск: Ялта – Массандра – Одесса

Отпуск — прекрасно! Но прибавим и другие события. Латинская Америка — сфера моей работы. Неожиданная война между маленькими странами Гондурас и Сальвадор из-за футбола. А в результате около тысячи погибших. На востоке, у нас, схватки между нашими пограничниками и китайскими на острове Даманский. И тоже жертвы… Андрей Амальрик выпустил книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» и был за неё арестован (о судьбе Амальрика — в книге «Огни эмиграции», 2018). И ещё одна прогремевшая книга «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева. По существу, поэма в прозе, мгновенно ставшая культовой, написанная в стиле неомодернизма, в смешении «низкого» и «высокого».

Из записной книжки Венички Ерофеева: «Знаниями книжными, думаю, надо полнеть, девки, а не телесами».

«Да мало ли от чего дрожат ещё руки? От любви

к отечеству».

В изданной моей книге «69 этюдов о русских писателях» есть и эссе «Москва — Петушки, далее бездна, или Шаги командора по кличке Ерофеич» (2018).

После такой маленькой увертюры можно приступить и к опере «Хроника 1969 года».

Из дневника

22 января

Нежданно-негаданно угодил в больницу. 10-го с утра на работе кольнуло в правом боку, а вечером я уже лежал на операционном столе. Вырезали аппендикс и зашили шёлковыми нитками (по блату). 13-го я уже вставал, а 18-го выписали после моих настойчивых просьб. Теперь дома, на больничном… Читаю «Зимний перевал» Драбкиной о Ленине и НЭПе.

22 февраля

Сбылась давняя мечта: купил чешскую пишущую машинку «Консул». Пока на ней не печатаю, а тихо благоговею перед ней. А на работе нещадно долблю на привычном «Континентале»… В Театре киноактёра посмотрели «Таню» Арбузова с Татьяной Самойловой. Не впечатлило совсем…

Прочитал книгу Хьюза о Бернарде Шоу. Великолепный был старик. И парадоксалист. Вот несколько его афоризмов:

— Демократия не может подняться над уровнем того человеческого материала, из которого сделаны избиратели.

— Патриотизм — это когда вы считаете, что эта страна лучше всех остальных, оттого, что здесь родились.

— Серьёзность — это потуги маленького человека на величие.

2 марта

По традиции на день рождения — в театр. На Бронную. «Платон Кречет». Николай Волков. Лида — Кленова, Берест — Кудрявцев, Аркадий Павлович, зав. больницей, — Броневой… Не понравилось. Театр должен что-то открывать, чем-то озарять, а не повторять уже найденное старое. Разочаровал фильм «Да и нет». Можно только пожалеть Людмилу Гурченко, которой так и не удалось выразить себя на экране, когда была молодой. Сейчас все эти её ужимки вызывают только жалость…

16 апреля

И опять молчание, без записей в дневнике.

Всё прошедшее стирается, забывается, остаётся мутная расплывчатость. Как жили, что делали, что читали, о чём говорили — и не вспомнишь… Часто ходили в кино. Лучший из фильмов — «Братья Карамазовы»: Прудкин, Ульянов, Лавров, Никулин, Мягков сыграли превосходно.

1 мая

В апреле поставил рекорд: заработано 356 рублей (150 — оклад, 75 — доплата за и.о. зав. отделом, 131 — гонорар).

15 мая

Первый день отпуска. Такси «Волга». Поезд Москва — Симферополь. Поездка без путёвок — дикарём. В вагоне два старичка разговаривают друг с другом: «Нет, что вы! Все склеротики помнят своё детство. Я, например, помню, как меня в детстве уронили…»

Отпуск: Ялта – Массандра – Одесса

16 мая

Приехали в Симферополь и на автобусе отправились в Ялту, далее за город, в готель «Массандра». Длиннющая жаждущая номера очередь. Пришлось действовать в духе Остапа Бендера: «Я — писатель. Автор нашумевшего романа „Будни

скотного двора“. Сейчас пишу продолжение, под условным названием „Домино в половине десятого“. Не правда ли, ваш горно-морской воздух способствует творчеству?..» И сезам открылся. Нам выдали ключи от номера на 4-м этаже, с верандочкой, с видом на море и горы, и эта благодать стоила 3-60 в сутки.

20 мая

Накануне ездили в Алушту на пароходе. А затем Ялта. Загул в ресторане «Украина». Вишнёвым цветом искрился массандровский портвейн, сквозь желе розово поблёскивала таинственная рыба люфарь, а на огромных тарелках жилисто разбросался вываренный из кирзовых сапог бифштекс. Кутёж шёл на полную катушку. Уходя, загрустили о глупо потраченных деньгах. По Агнивцеву:

Как легко вы теряете голову,

Ах, король, как рассеянны вы!..

21 мая

На пароходике «Гурзуф» в Алупку. Воронцовский дворец. Голубая гостиная. По величественным и красивым залам осторожно расхаживают любознательные приезжие, ноги в шлёпанцах

из мешковины, завязанных игривыми тесёмочками. Какой-то украинский дядя, увидя красиво расписанную вазу, сказал своей дивчине, что, наверное, в такой вазе графья варили вареники. Я стоял рядом и добавил: «И варенье тоже».

23 мая

Побывали в домике Чехова в Ялте. Неожиданный спор, сколько было братьев у писателя. Оказалось, что никто не знал точно, сколько их было.

26 мая

После ужина общались с соседями по отелю. Галя, улучив момент, спросила Ще: «А ваш в органах работает?» Ще искренне удивилась: почему? — «Взгляд уж больно пронзительный».

27 мая

Ещё одно развлечение: тир. Я бодро взял винтовку и спросил: «Куда стрелять?» Мне ответили: в слона. Я: а где он? В ответ хохот. Я выстрелил наугад и точно попал в слона. Затем подстрелил дельфина и чуть не попал в лису. Великий Близорукий!..

30 мая

Решили поменять Массандру на Одессу и на

теплоходе «Колхида» отправились по морю в Одессу. В Севастополе на пароход сели артисты какого-то среднеазиатского ансамбля и свора собак, которая отправлялась на областную собачью выставку, — какая компания!.. Ночью собаки зябли и скулили, навевая невероятную тоску…

Со скоростью 16 узлов «Колхида» приближалась к красавице Одессе. Всех пассажиров оглушили песни и марши Дунаевского… По прибытии бросились прежде всего к Потёмкинской знаменитой лестнице: 192 ступени и 10 маршей. Статуя герцога Ришелье выглядела жалкой и облезлой. А далее — Дерибасовская с её яркостью и гвалтом главной и торговой улицы…

1 июня

Гостиница «Пассаж», где мы ночевали, гудела с утра: как проехать на толчок и что можно там купить? Толчок — это пикантная мушка на лице старой бандерши Одессы. Официально он именуется «Промышленным рынком» и вынесен за черту города. Не побывать там нам показалось неприличным. В автобусе шла яростная борьба за сидячие места:

— Посмотрите, какой мальчик сидит. Да он как лошадь может бегать!

— А почему он должен уступать? Он заплатил

такие же деньги…

По мере движения автобус всё наполнялся и наполнялся пассажирами, перебранка не утихала.

— Что вы сидите раскорячившись? — стоящий кричал сидящему.

— Каждый сидит, как он хочет, — меланхолически последовал ответ.

Новая остановка — и новые крики. «Набирает как селёдок!» — возмущались ехавшие уже давно. Какая-то молоденькая одесситка колотила в зад с трудом влезающего через дверь грузного пожилого одессита:

— Лезьте быстрее! Ведь ещё одного человека можно воткнуть!..

И таки она воткнулась! Не автобус, а целая новелла «Как это едут в Одессе».

Рынок делился на новую часть, где товары из современных материалов из синтетики, пластика и химии, и старую, где можно было купить галифе генерала Дубасова, переплетённый комплект журнала «Нива» и отрезанные косы послушницы монастыря. И везде, в старой и новой части рынка, шёл отчаянный торг.

— Купи брюки! — предлагал продавец худому парнишке брюки, напоминающие запорожские шаровары.

— Куда они мне?

— Ушьёшь и будешь носить.

Мы, естественно, ничего не купили. Потолкались, поудивлялись, поахали и уехали под залихватскую песенку: «Ужасно шумно в доме Шнеерсона, / Из окон прямо дым идёт…» Мы вернулись в Одессу и закрутились по городским улицам, среди которых было множество именных: Чичерин и Вагнер, Ярославский и Грин, Кренкель и Гарибальди, Шолом-Алейхем и Шота Руставели. На стыке улиц сошлись друг с другом Август Бабель и Карл Маркс…

Удалось осмотреть многое: и Приморский бульвар, и музей морского флота, и бывшую биржу, и памятник Пушкину, и статую графа Воронцова, и даже побывать в Театре музыкальной комедии. Нам не повезло: в тот вечер «Фиалку Монмартра» не нюхал Михаил Водяной, но неплохо играли артисты Крупник и Меламед.

2 июня

В последний день в Одессе лично я пытался отгадать, откуда в городе так много сдобных тётей Есь? Они не просто полные и толстые женщины, они именно тёти Еси. С двойными и тройными подбородками, туго набитым бюстом и округлыми бёдрами, напоминающие цистерны из-под

кваса. И каждая тётя Ися непременно на талии, или на том месте, где она должна быть, носит ремешок, который делит фигуру на две округлые сферы. О, тётя Ися! Миндалевидные глаза, пухло-розовые щёки и пробивающиеся усики над верхней губой делают таких тёть абсолютно неотразимыми.

В ресторане Морского вокзала я наблюдал, как кушали две дебелые мамочки, всех прелестей которых не в состоянии были скрыть сарафаны. Мамочки сидели с деточками, и одна деточка говорила мамочке:

— Я хочу съесть селёдочку, салатик из помидорчиков с яичком, уточку с жареной картошечкой и ещё пельмени.

— Всё нельзя, надо выбрать что-то одно, — степенно возражала мамочка.

— А если я хочу всё вместе?! — не унималась одесская пышечка, жалобно блестя глазками.

— Ну, ладно, — сдалась мамочка.

И вскоре на соседнем столике активно заработали ложки и вилки. После лицезрения обедающих можно смело идти в музей и рассматривать полотно Альбани «Триумф Афродиты». Афродиты в три охвата. В музей, однако, мы не пошли, а вечером поехали в одесский аэропорт. В половине

десятого вечера Ту-104 мягко приземлил нас во Внуково. Короткая одесская одиссея закончилась. Но в ушах ещё долго эхом отзывались слова из песни Аркадия Северного:

Город Вена – красивый хоть куда!
Говорят, красивей не бывает,
Но Одессу-маму никогда, да!
Я на эту Вену не сменяю!..

26 октября

И опять провал в дневнике, то ли хош пропал, то ли некогда. Вчера «событие»: очередной субботник. Нас привезли и забросили на крышу строящегося телецентра в Останкино. Убирали мусор. Не столько убирали, сколько веселились. Ещё бы! — без начальства, без летучек, без прослушивания радиопередач, без молотьбы на машинках, без бумаг и плёнок…

Комментарий спустя десятилетия. От того субботника осталась фотография. Молодые 30-летние лица. Смеющиеся. Эдик Пушко с развевающимся флагом. Ещё никто не знал своей будущей судьбы (Пушко рано уйдёт из жизни). «Нам не дано предугадать…» А разве мы могли догадаться, наводя марафет, во что превратится

ТВ? В «Улицу разбитых фонарей» с вампирами, маньяками и ментами. Весь экран затянет гламуром, и телевидение станет неким зомбиящиком… (19 апреля 2010 г.)

Мой дневник на октябрьской записи вновь обрывается. Но другие писатели (и представители других профессий) продолжали вести личные записи. 1969-й — последний год знаменитого дневника Корнея Ивановича Чуковского (мой любимый дневник!). Приведу две записи:

31 марта

Корней Иванович обрушился на газеты, радио, журналы, «которые не только навязывают своим потребителям дурное искусство, но скрывают от них хорошее. Выдвинув на первое место таких оголтело-бездарных и ничтожных людей, как Серафимович, Гладков, Ник. Островский, правительство упорно скрывает от населения стихи Ахматовой, Мандельштама, Гумилёва, романы Солженицына. Оно окружило тайной имена Сологуба, Мережковского, Белого, Гиппиус, принуждая любить худшие стихи Маяковского… Во главе ТВ и радио стоят цербера, не разрешающие пропустить ни одного крамольного имени.

Словом, в её лице я вижу обокраденную большую душу…»

16 октября

«Слабость как у малого ребёнка…»

Корней Иванович Чуковский умер 28 октября 1969 года в Кунцево, в возрасте 87 лет. Первая книга его дневников была издана лишь в 1991 году.

Ремарка спустя 50 лет.

Какой ужас! Я дожил до возраста Корнея Ивановича Чуковского — 87 лет! Вроде недавно с ребятами гонял мяч на поле, бегал и финтил, а ныне еле-еле завязываю шнурки на ботинках — трудно сгибаться… Но если отбросить все недуги и болячки, то я ещё о-го-го! Как гласит афоризм из польского журнала «Пшекруй»:

«Старик — это человек, который на 10 лет старше меня».

Лев Троцкий предупреждал: «Старость — самое неожиданное, что поджидает нас в жизни».

А когда ЭТО приходит, то, как заметил канадско-американский педагог XIX века Лоренс Питер: «Старость — это когда знаешь все ответы, но никто тебя не спрашивает».

Не дожидаясь вопросов, я и написал книгу «Плач по возрасту» (2013) — увы, самиздатовский вариант.

Молодой читатель, вам ещё рано читать этот «Плач по возрасту». Наслаждайтесь жизнью.

Живите на полную катушку. Но не забывайте при этом читать книги, а не отдельные строчки в гаджете или прочем электронном устройстве… (14 марта 2019 г.)

1970 год – 100 лет со дня рождения Ленина и 30-летие Ще

Всемирный и домашний юбилеи, только я без юбилея: 37/38 лет. О Ленине славословие в СМИ, книги, воспоминания, фильмы. «Величайший гений человечества, создатель Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, вождь и учитель трудящихся всего мира».

22 апреля грянул юбилей с музыкой и песнями, а страна тем временем трещала уже по швам. Ленинское наследие уходило из-под ног. И все забыли библейское наставление: «Не сотвори себе кумира!» В детстве Ленин был для меня добрым сказочным персонажем. Но с годами миф о гении развеялся полностью. Отнюдь не добрый и не простой, а злой и беспощадный. В беседе с Бонч-Бруевичем Ленин резко заявил: «На Россию мне наплевать, ибо я — большевик!» В конце XX века популярным был стишок:

Когда Вован был маленьким,
С кудрявой головой,

Он всем казался валенком,

А сам-то был крутой!

В 1997 году вышла книга Иосифа Раскина «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». В ней много чего автор собрал о Ленине, и всё насмешливое и разоблачительное. И начал с апокрифа, что повитуха, принимающая роды 22 апреля 1870 года, взглянула на младенца и воскликнула: «Батюшки! Вылитый Ленин!»

Хорошенький анекдот из времён ссылки в Шушенское:

Надежда Константиновна ночью будит мужа.

— Володя, давай?

— Да ты что, Надюша, ведь слышно будет.

— Ну, Володечка, ну пожалуйста.

— Нет, Наденька, не могу — здесь такие тонкие перегородки.

— Да мы тихо-тихо будем. Уж очень хочется!

— Ну, ладно. Только тихо-тихо.

— Смело, товарищи, в ногу!.. (шёпотом).

Ну и прочее смешное: «Это что за большевик / Лезет нам на броневик?»

И что интересно? Всегда находятся остроумцы, которые с большим удовольствием пинают поверженного или ушедшего льва. Топчут его в

грязь, берут как бы реванш за всё то зло, которое начальники-боги принесли им, когда рулили страной. Насмешка и презрение — это отмщение за причинённые страдания…

И ещё одна интересная историческая параллель: Владимир Ленин и Александр Керенский. Когда Ленину отмечали 100 лет со дня рождения (а умер Владимир Ильич на 54-м году жизни), 11 июня 1970 года умер Александр Фёдорович Керенский в Лондоне, в эмиграции, в возрасте 89 лет. «Лакей буржуазии» — так называли его большевики.

В исторической схватке Ленин победил Керенского. И вот что говорил поверженный и уехавший из России Керенский: «Ленин был сторонником беспощадного террора без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть большинству, стране…» Мягкотелый Керенский и проиграл жестокому Ленину.

И закроем тему. А теперь вернёмся к Ю.Б.

* * *

Вёл-вёл дневник, и вдруг пробуксовка. И у этого «вдруг» есть объяснение: устал фиксировать события своей жизни — раз. Много сил отни-

мала работа на радио, затягивала информация международной жизни — это два. А в-третьих, много времени занимала семейная и хозяйственная жизнь. И дневник как-то незаметно на три года ушёл в сторону. На смену пришли другие писания.

В январе-феврале 1970 года на основе тассовских материалов «служебного пользования» с увлечением составлял обзор «60-е годы» — 60 страниц машинописного текста. Потребительская кооперация отошла в прошлое, и горизонт расширился. На смену местным сельпо и горпо пришли Нью-Йорк, Париж, Пекин и другие центры планеты, и я, не будучи профессиональным международным журналистом, всё же набросал эскиз международной панорамы событий и тенденций. В качестве эпиграфа взял строки Бертольта Брехта:

У зла сегодня уверенный шаг,

Угнетатели устраиваются на тысячи лет.

Насилие заверяет: всё останется так, как есть.

Не слышно ни одного голоса, кроме голоса правящих…

Ну, а дальше покатился текст. «60-е годы — десятилетия смятения и перемен», — как определил американский журнал «Лайф». «Дикие 60-е годы» — западногерманский «Штерн». Микроэлектроника, гигантская ракета «Сатурн», впервые пересадка сердца. Первый человек с чужим сердцем — дантист Филипп Блайберг, который прожил после операции 19 месяцев и 15 дней. Первый человек в космосе — улыбчивый Юрий Гагарин. Телерепортаж с поверхности Луны. Уход из жизни Эрнеста Хемингуэя и Мэрилин Монро. И уходы из политической жизни генерала де Голля, Хрущёва, Сукарно, Макмиллана, Бен Беллы и других лидеров…

Камо грядеши, мир? Куда ты идёшь, Земля?!. Конец «Пражской весны» и драма Ольстера. Вьетнамская бойня. Войны и конфликты. И как не вспомнить старую книгу Конрада Лоренца «Об агрессии». Агрессия разлита по планете…

«60-е годы» — это лишь одна из самодеятельных работ.

5 марта 1970 года я начал 3-ю тетрадь выписок — коричневую, отпечатанный за рубежом ежегодник «Аэрофлота» — вощёная бумага требовала особых записей из книг, газет и услышанных разговоров. Около 400 страниц — закончил 23

января 1971 года.

Пожалуй, надо что-то вытащить из той далёкой тетради. На одной из первых страниц рубаи Омара Хайяма в переводах Германа Плисецкого.

Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает задаром дурак и подлец,
А достойному даже на хлеб не хватает –
Мне плевать на твою справедливость, творец!

Далее отрывки из романа Тургенева «Рудин»:

«Наталья приподняла голову. Прекрасно было её бледное лицо, благородное, молодое и взволнованное — в таинственной тени беседки, при слабом свете, падавшем с ночного неба.

— Знайте же, — сказала она, — я буду ваша.

— О боже! — воскликнул Рудин.

Но Наталья уклонилась и ушла».

За Тургеневым — Герцен «Дилетантизм в науке», и ещё статья «О развитии революционных идей в России»:

«У народа, лишённого общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего

возмущения и совести».

Листаю страницы: Писарев, Ганди, Лев Гинзбург, Баратынский — скачки по времени. Слова, выражения, мозаика фактов, выписки о театре — Ионеско и Беккет, Жан Кокто… Книга Юрия Борева «Эстетика». Гундзи Макакацу «Японский театр кабуки». «Сумма технологии» Лема. Иосиф Крывелев «Что знает история об Иисусе Христе?» (1969). Гёте «Фауст». Восклицание Вагнера:

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

На что Фауст отвечает:

Что значит знать? Вот, друг мой, в чём вопрос.
На этот счёт у нас не всё в порядке.
Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней.

Нет, хватит листать толстенную тетрадь выжимок, пассажей и фраз. Под конец лишь приведу стихотворение Николая Ушакова:

Мне дорог Бах…
Ну, как бы вам сказать,
Не то чтоб нынче музыки не стало,
Но вот такого чистого кристалла
Ещё нам не являлась благодать.
Какое равновесие страстей,
Какая всеобъемлющая совесть,
Какая удивительная повесть
О брошенной в века душе моей!

Из прочитанных книг: «Латинские изречения», «Русская философия XI–XIX веков», «Ленинизм и философские проблемы» (изд. «Мысль», 1970), Норберт Винер «Кибернетика», Томас Манн «Иосиф и его братья», Кэнко-Хоси «Записки от скуки» (начало XIV века) — «Цели недостижимы, стремления безграничны. Сердце человека непостоянно. Всё сущее призрачно…»

Диалоги Платона, Гегель, Бабель, Курт Воннегут, Владимир Леви «Я и Мы», и хватит: устал перечислять. Выражаясь поздним языком XXI века: объём информационного потребления достаточно высок. И всё аккуратно записано чётким почерком, который с годами превратился в каракули…

* * *

70-е годы на радио — это некая двойная жизнь. Дома я читал разное и разбирался в многообразии мира, записывая по ходу чтения в заветную тетрадь «Аэрофлота», а на работе писал совсем другое: тексты чистого пропагандизма, клеймил империалистические страны и восхвалял советский образ жизни. Вёл еженедельную международную панораму, «Беседы Ивана с Жоаном», отвечая на разные вопросы слушателей, типа: «Легко ли в СССР найти работу?», «Как осуществляется социальное обеспечение в СССР?», «Участие населения в управлении обществом», «Положение молодёжи», «Существует ли в СССР проблема отцов и детей?» и т. д. Но сочинял программы и для души, к примеру, к 30-летию «короля футбола» Пеле, программа «Спорт в СССР» и вновь это часто встречаемое «и т. д.».

Так оно и сочеталось: книгочей, поклонник поэзии и одновременно пропагандист и агитатор.

Хронику личных событий не привожу, так как дневник как таковой отсутствовал. Нашёл только какие-то разрозненные записки об отпуске. Итак…

Отпуск: Вологда, Поленово

Поздним вечером 2 августа мы с Ще отправились в отпуск на поезде «Шексна» в Вологду. Приехали. Походили по городу. Ночь провели раздельно в общежитии гостиницы «Северная», и разразился психологический кризис, или по-другому душевный надломчик. Какое-то внутреннее раздражение возникло ещё на Ярославском вокзале, где первые буквы «Ярос» потухли, а светились лишь «лавский вокзал». Почему-то неприятной оказалась фраза одного нечёсаного сального мужика: «Не знаю, что такое, но как проснусь, так есть хочу». Короче, темна и непонятна душа интеллигентного человека, поклонника творчества Кафки и Достоевского. Весь он — боль, сомнение и неверие. Всегда в нём загораются странные симпатии и ещё более странные антипатии.

Вологда не понравилась сразу. Всё в городе вызывало во мне раздражение. И торт в вокзальном ларьке с засохшей гигантской мухой посередине, и услужливая официантка в ресторане, которая принесла кофейник с предупреждением: «Когда будете наливать, придерживайте крышку, а то она падает. У всех наших кофейников отбитые

носики…»

Пуще всего подействовала на меня ночь в общежитии, полная фантасмагории. Командированный люд говорил о том, кто что купил, кто сколько выпил и какая машина на кого наехала по дороге. Рассказывали обстоятельно, не торопясь, со всевозможными подробностями. Последней жгучей историей, услышанной сквозь тяжёлый сон, был рассказ о валенке, который сгорел у печки.

В половине шестого утра я проснулся от солдатского, молодецкого храпа. Девять моих соседей по комнате дружно досматривали свои доисторические сны.

Сапог сгорел! Лёд тронулся! Билеты на самолёт в Кириллов были возвращены в кассу и тотчас были взяты билеты обратно, на московский поезд.

После набега в Вологду решили отдохнуть на Оке, неподалёку от музея-усадьбы Поленова… Поездом до Серпухова, далее на речной ракете «Заря». На месте путёвку в дом отдыха получить не удалось и пришлось снять у одной хозяйки сарай…

Все заботы отодвинулись. Всё тленно и тщетно. Вечны шум листвы, перепевы птиц и тишина. И вообще, человек создан для лени… На 10-й день

пошли дожди. И среди поленовцев приобрёл популярность народный спорт — литрбол. Магазин и ларёк работали на полную мощность. Скоро их запасы иссякли, и тогда наиболее отважные литрболисты отправлялись за горючим вплавь. Вскоре опустел магазин и на том берегу. Настала очередь одеколона.

Переиграли во все игры: в преферанс, в кинг, в дурачка и покер. Лица играющих смялись и напоминали лица бумажных королей и дам. Было холодно и неуютно. Пришлось возвращаться в Москву и сделать ещё один отпускной набег — в Загорск. Священники, монахи и семинаристы то и дело возникали среди буйной монастырской зелени, как привидения, как чёрные Фантомасы. С впалыми щеками, с горящими глазами, с нервно сплетёнными пальцами рук. Отрешённые от мирской суеты, от автомобилей, мартенов и мюзик-холлов, они шли мимо нас, и мысли их парили в запредельной голубизне августовского неба. Так, по крайней мере, казалось нам.

Что касается хорошего русского художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927), то следует вспомнить, что он учился во Франции у «барбизонцев», но всё же остался русским реалистическим художником: «Московский дворик»,

«Золотой дворик», «Бабушкин сад», «Заросший пруд» и другие картины. Вёл пейзажный класс, у него учились Левитан, Коровин, Головин… Самая крупная картина Поленова — «Христос и грешница», авторское название «Кто без греха?». Но это название цензура запретила (не без греха и царь тоже?) и заменила на «Христос и блудная жена». Это по-житейски. Как отнёсся Поленов к советской власти, не знаю. О нём ничего не читал и, соответственно, не писал. Не мой художник.

Но тем не менее после Поленова потянуло на живопись.

26 августа

Третьяковка…

Какой огромный и разный этот мир художников и их творений. Как резко различны просветлённые краски и шероховатые мазки Серова и расплывчато-сумеречное письмо Борисова-Мусатова. Как задумчив и Христос в пустыне у Крамского, и как удивительно льётся свет у Левитана в «Тихой обители». Как глубоко запала тоска в глазах врубелевского демона, и как по-земному смотрят глаза с портрета Якулова у Кончаловского. Но, пожалуй, больше всего меня поразило небольшое полотно Лучишкина «Шар улетел»… Безысходность. Отчаянье. Смерть. И

тут же рядом висят другие полотна, демонстрирующие оптимистическое, жизнеутверждающее искусство: «Колхозный праздник» Герасимова и «Хлеб» Яблонской. Здесь всё солнечно, красочно, радостно. И полное безмыслие…

Ранее до Третьяковки — 20 июня — в газете «Советская культура» в рубрике «Новости кино» моё представление нового фильма Андрея Тарковского «Тайны „Соляриса“». Точнее, о создании картины, о подготовке и поиске актрисы на единственную женскую роль Хари. И, естественно, нашли любимую женщину главного героя, воспроизведённую по тексту романа Станислава Лема космическим разумом. Женщина-клон. Так что парой Донатасу Банионису стала Наталья Бондарчук (1950).

И ещё одна знаменательная дата — 6 декабря 1970 года — переезд на новую квартиру в районе Сокола на улицу Куусинена в результате обмена двух квартир на одну 3-комнатную. Съезд с тёщей. И надо же быть такому совпадению: в этот же день состоялась решающая игра за золотые медали чемпионов СССР между «Динамо» и ЦСКА. Я таскал вещи на 4-й этаж, а в перерыве умудрялся подсмотреть телекадры матча. Увы, динамовцы проиграли в драматической борьбе…

А если нарушать хронологию, то ещё ранее, с 8 февраля по 8 марта, страдал из-за воспаления уха. Бывают вот такие напасти…

5 июля

Воскресный отдых всем отделом у бразильянки Сатвы на снимаемой ею даче по случаю 35-летнего существования: 35 лет эфира! Редкий случай: было весело и вкусно. Дегустировали бразильское блюдо фейжуадо — мясо с фасолью. Выпивка, шутки, смех и даже немного футбола. Все оттянулись.

И кстати, о фасоли. Когда Горанского послали корреспондентом в Рио-де-Жанейро, он в каждом письме в Москву с печалью сообщал, что «фасоль опять подорожал». И все смеялись по этому поводу. Фасоль подорожал — не ждите презентов.

9 июля

Мне вручили от парткома Радиокомитета грамоту за активную работу на выборах в Верховный Совет СССР (организовывал работу агитаторов). Во времена Бориса Ельцина воспроизвёл бы его фразу специфическим ельцинском голосом: «За общественную работу — понимаешь!..»

19 сентября

Небольшой компанией выезд на станцию Ми-

чуринец, там на полянке в лесочке Горанский соорудил ворота, и мы играли азартно в футбол 2 на 2, а Самолётов фотографировал исторические кадры игры. Чтобы волосы не разлетались, играл в спортивной шапочке…

27 сентября

Опять футбол, но уже в Москве на стадионе «Красный пролетарий», и снова энтузиасты: Давидовский, Горанский и Ю.Б. В какой-то момент в воротах встала Ще и, конечно, пропустила «пенки», ну, а я, проигрывая единоборства, бил по ногам соперника, на что Борис каждый раз кричал: «Юрок, что ты делаешь?!» Футболу отдавались страстно, и я в свои 38 лет.

Других датных воспоминаний, к сожалению, нет. Но плавно перейду к общим рассуждениям. Футбол был прекрасной отдушиной в те глухие малоинтересные советские годы. Как ветеран играл сам. Регулярно ходил на «Динамо» и в Лужники, писал программы к матчам. Как составитель выпустил календарь-справочник «Хоккей-70/71». Потом по протекции Аркадия Комарова в ФиСе подготовил футбольный календарь-справочник. И вошёл в общественный пресс-центр при стадионе «Динамо». Первый сборник, «Динамо-67», был выпущен до меня, а

во втором, «Динамо-68», я принимал активное участие. Сборник был сдан в печать 28 августа 1970 г. Тираж 16 тыс. экз.

Я взял интервью (кажется, на базе в Новогорске) у 14 основных игроков. Среди расспрашиваемых были Лев Яшин, Валерий Зыков, Георгий Рябов, Вадим Иванов, Геннадий Гусаров, Владимир Козлов, Геннадий Еврюжихин, Виктор Аничкин, Валерий Маслов, Юрий Сёмин и др. Из всех на сегодня (25 ноября 2018 г.) остался в большом футболе один «дед» — Юрий Палыч Сёмин, других уж нет, а кто далече…

Принимал участие и в последующем сборнике «Динамо-69/70», который вышел с опозданием в апреле или мае 1974 года.

Несколько лет я участвовал в работе пресс-центра, приятно контактировал с его членами — прежде всего, с главным модератором и энтузиастом Игорем Добронравовым, с В. Осиповым, Вл. Соловьёвым, Ю. Сидоровым, А. Комаровым, О. Кузнецовым, Хамидом Агишевым и др. В альбомах два коллективных снимка. И ещё — декабрь 1969 года, ресторан «Славянский базар», за столом Ю.Б. и Гриша Глориозов, что-то пьём из бокалов, по случаю вышедшего сборника «Динамо».

Золотое время. Мы были относительно молоды.

У нас была общая любовь к «Динамо». Мы ходили на матчи. Кричали, когда забивали голы динамовцы, и сокрушались, когда забивали нам. Потом долго обсуждали все перипетии игры. На всё хватало времени — и на работу, и на хобби, и ещё на многое чего. Я клеил футбольные альбомы, а на 1 августа 1970 года соорудил поздравительный альбом для Ще, который произвёл фурор у всех знакомых. Там шуточные тексты, фотографии, коллажи.

Вот один из текстов: «Французы говорят, что на свете нет ничего прекраснее танцующей женщины, скачущей лошади и чайного клипера под всеми парусами. Я не француз, и поэтому считаю, что нет на свете ничего прекраснее спящего Щекастика. Щёчки у неё розовые, кажется, будто утренние лучи солнца просвечивают сквозь тонкую кожицу. Ноздри мерно колышутся, и из них время от времени вырывается тоненький звук. Насколько тонкий, настолько и нежный. Звук как у флейты-пикколо».

Придумал шуточные поздравления от Вахтанга Кикабидзе, Юрия Никулина, Луи де Фюнеса, Фантомаса. Далее стихотворные поздравления от имени поэтов, перефраз чужих строчек.

Вера Инбер:

И вот они только двое.
Ах, Щека – живой магнит.
Только Юра немного расстроен,
Что Щека много трещит.
А трещит она без умолку,
Как в Гражданскую пулемёт:
К лицу ли, положим, чёлка,
Иль с чем лучше съесть бутерброд?..

Александр Блок:

Ты помнишь? В нашей жизни сонной
В кооперативные дела
Ворвалась вдруг неугомонно
Любовь
и всё перетрясла…

Андрей Вознесенский:

Щека, Щёкинька, Щекушок,
Что ты видишь там в свой глазок?
Мы прикручены по ночам
К двум огромнейшим сердцам…

Это всё отрывочки, нельзя переписать весь альбом. «С чего начинается Щека. Щека начинается

со шляпы…» Рассказ, составленный из газетных заголовков: «На подъёме!», «Гвоздь программы», «Плечо друга», «Шаг за шагом» и другие речевые штампы.

Под рубрикой «Дороги, которые мы выбираем» среди прочего я написал: «Кафка, Камю, Достоевский. О, острый запах фрейдизма! О, пряный дух экзистенциализма! Как пьянят они, особенно в дни перед получкой!..»

И как положено, в конце альбома выходные данные и имена тех, кто готовил данное издание: редактор А. Ножницын, художник Б. Вырезалкин, художественный редактор В. Фантазийский, технический редактор Г. Клеев, корректоры Д. Недотёпина, Е. Недосмотрелкина.

Тираж 1 экз., цена: бесценная.

1971 год – 38/39 лет. Тбилиси как песня «Тбилисо». Начало больничного тура Ще

Бездневниковое время, лишь письма в больницу да воспоминания.

Кто-то назвал меня Юрием Бразильянским. Действительно, честно пахал на ниве радиовещания на Бразилию — «ду Бразил», а в свободные промежутки слушал бразильскую музыку, в том числе и самбу популярного бразильского композитора и поэта Жобима. Вот перевод:

Лучше быть весёлым, чем печальным.

Веселье – самая лучшая штука на свете.

Она подобна свету в сердце.

Но чтобы создать красивую самбу,

Нужно чуть-чуть печали.

А если нет – самбу не сделаешь…

А верховный Бабкен, главный редактор главной редакции, придумал новацию: объединить пропаганду советского образа жизни трёх отде-

лов — Кубу, Бразилию и Южную Америку — в одну общую программу «Собеседник». С разделами: «Клуб друзей Московского радио», «Добрый вечер, друг-слушатель!», «Спорт в СССР», «Музыкальный клуб» и т. д. Ну, и обязательные ответы на вопросы латиноамериканских слушателей (латиносов) о положении женщин в Советском Союзе, о добыче нефти, о том, как принимаются законы, и т. д. Но всё коротко и информационно насыщенно. Ну, и я, как все работники редакции, молотил на машинке на любые темы. «Отдыхал» за программами о Льве Яшине или наезднице Елене Петушковой, где было что-то человеческое, а не пропагандистское.

Отмолотил, отдал на перевод на испанский и португальский языки, дикторы прочитали текст в эфир, и всё испарилось, сохранились лишь копии материалов. Что ты писал, страна не читала и не знала, недаром Иновещание называли «могилой неизвестного солдата». Неизвестные в стране авторы.

Из-за молотьбы редко удавалось что-то напечатать на стороне. Вот одна из редкостей: газета «Красная звезда» (25 июля), статья «Вдохновляющий пример» о 26 июле, о Дне национального восстания на Кубе. Начало статьи, как детектив:

«Атака была назначена на пять пятнадцать. Несколько десятков молодых патриотов погрузились на автомашины и направились по дороге из Сибонея в Сантьяго-де-Куба. Там они подъехали к зданию с зубчатыми стенами и бойницами, к казарме Монкада — военной цитадели кровавого диктатора Кубы Батисты…»

Штурм казармы Монкада и гибель нападавших героев стали первой страницей в победе Кубинской революции — 26 июля 1953 года. Кубинских повстанцев возглавлял 27-летний Фидель Кастро, главный «барбудо».

«Красная звезда» да справочник «Хоккей-70/71», в котором я выступил как составитель и автор материальчика «Нестареющий ветеран». О ком? Уже и не помню… А главное: много работал в «стол», вёл для себя толстые тетради записей.

Выписки из книг и статей

Одна из первых цитат. Карл Маркс:

«То, чего я как человек не в состоянии сделать, т. е. чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в её

противоположность».

Из дневника Уильяма Сарояна: «…Каждый день сотни писателей в каждом из штатов, в каждом городе начинают работать — пишут… пишут для всякого, кто заплатит. Пишут кинофильмы, пишут пьесы, рассказы, стихи, романы, письма. Они садятся и пишут, и пишут, и так же, господи, поступаю и я. Это чудовищно. Это смешно. И эта моя профессия, самая замечательная из всех, но одновременно и самая смехотворная».

Пассажи из подборки «Настоящее и будущее литературы» из журнала «Иностранная литература» № 1 1971 года. Только одно высказывание. Генрих Бёлль:

«…бренность и смерть всегда ждут под дверью, всё обращается в пепел…»

Выдержки из «Бесов» Достоевского. Самая безобидная цитата: «В моде был некоторый беспорядок умов».

«Шаги командора». Трагедия Вадима Коростылёва, где действующие лица Николай, Бенкендорф, Пушкин, Вяземский. Император:

«Что кесарю страх простолюдинов и сенаторов! Страх вольнодумца — вот высшее достижение кесаря!»

Жорж Амаду. «Дона Флор и два её мужа»: «…гу-

ляка танцевал самбу самозабвенно, как делал всё, кроме работы»

Томмазо Кампанелла, «Город солнца»: «Когда мы отрешимся от себялюбия, у нас останется только любовь к общине».

Гоббс, Спиноза, Гельвеций… и обязательно какая-то цитата. Американец Томас Пейн (1737–1809):

«Общество создаётся нашими потребностями, а правительство — нашими пороками… первое — это защитник, второе — каратель…»

Различные темы: Природа и человек, Конструирование человека, Гибель цивилизации… Кино и Дзига Вертов…

И совершенно неожиданное. Приветствие пионеров XXIV съезду КПСС:

За мирный труд, за луноход,
За то, что ты полна забот
О нашей завтрашней судьбе, –
Спасибо, партия, тебе!

И слёзы умиления и счастья собравшихся делегатов партийного съезда.

Из речи Михаила Шолохова: «…Не будь партии, собравшей нас на этот съезд, не было бы и успехов нашей литературы, не было бы и самой

советской литературы…»

Очевидно, за этими словами последовали аплодисменты, а может быть, и овации. Как это здорово: партия — всё, писательский талант — ничего!..

Франц Кафка. Из дневника от 21 ноября 1921 года:

«Всё — фантазия, семья, служба, друзья, улица, женщина, всё — фантазия, более ясная или бледная, голая правда же лишь в том, что ты бьёшься головой о стену тюремной камеры, без окон и дверей».

Но не у всех было и есть такое мрачное ощущение жизни. У Тургенева было иное. Из записок охотника «Лес и степь»:

«…А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков».

Благодать… и опять мелькание: Маркс… Пабло Неруда… роман Олега Смирнова «Эшелон», социологические заметки Александра Янова в мартовском «Новом мире».

Достоевский «Зимние заметки о летних впечатлениях»: «…В муравейнике всё так хорошо, всё так разлиновано, все сыты, счастливы, каждый знает своё дело, одним словом: далеко ещё человеку до муравейника!»

А может быть, он за окном?.. «Записки из подполья» — тут хоть всё переписывай… Может быть, закончим «Прощальным» Николая Рубцова?

…И сдержанный говор печален
На тёмном печальном крыльце.
Всё было весёлым вначале,
Всё стало печальным в конце.

Всё. Меняем пластинку. Нужно что-то иное, бравурное, например, отпуск.

Отпуск: подмосковный «Полёт» и поездка в Тбилиси

Вожделенный отпуск. Надежды и разочарования. Дневника нет. Отдельные разрозненные записи.

11 октября
С Ленинградского вокзала отправились в Баковку, в дом отдыха «Полёт» Министерства авиационной промышленности (МАП).

12 октября
Знакомство с семейной парой: Фая и Наум. Пятый пункт. Почти компания.

15 октября

Лирическая картина. Утром встали — всё знакомо и незнакомо. Выпавший снег щедро посеребрил траву, а ветер-листобой изрядно проредил деревья. Задул холод, и озябшие собаки сиротливо жались к стеклянному входу. А затем пошёл снег-сеянец с дождём, и вся территория превратилась в грязное болотце. Пришлось забираться в корпус. В просторных мраморных холлах, в узких коридорчиках, в номерах и комнатах шла шумная отпускная жизнь. Стучали костяшки домино, в сизоватом дымке взлетали карточные короли и дамы, на всю мощь из динамика надрывались телевизоры. В ненастье дом отдыха напоминал грандиозный музыкальный киоск. Что оставалось делать нам? Немного «сплясали танго», почитали в библиотеке и возвратились к себе в номер, в тишину и покой. В тёмно-зелёной вазе горделиво высилась живая роза, с чуть распущенными бледно-розовыми лепестками. И сразу вспомнились бунинские строки:

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно –
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно…

16 октября

Всё под снегом. Лета уже нет, но нет и лыж для зимы. Тоскливое межсезонье. К 8 утра в главный вестибюль стекаются отдыхающие. Ходят туда-сюда, жадно вглядываясь в стеклянные двери: не идёт ли почта? Все ждут газет, всех страстно волнует положение американского доллара и нарастание классовых битв в странах капитала. Но газет нет, и это выбивает всех из колеи. Интересно наблюдать, как люди, освобождённые от привычного автоматизма повседневной жизни, никак не найдут себя на отдыхе, бродят, как потерянные…

17 октября

Невиданный снегопад. Всё в снегу. В помещении играли в пинг-понг, в настольный теннис.

23 октября

Поездом в Тбилиси (2390 км). Идея фикс Ще: встретиться с отцом, которого в детстве не видела, но пламенно любила.

25 октября

Первая остановка в Грузии на станции Самтредиа. Боже ты мой! Сколько кепок-аэродромов и усов! Кругом один сильный пол. Все разговаривают громко, жестикулируют и сверкают глазами. Всё необычно ярко и нереально, так и хочется

себя ущипнуть, чтобы проснуться.

Чем дальше углубляемся в Грузию, тем больше усов. Усы как эпидемия. На маневровом паровозе висит портрет знаменитого человека с усами. И все усы шевелятся, как тараканы. А мои щегольски подстриженные тонкие усики воспринимаются здесь, как иностранные… Станции сыпались, как орехи: Хашури, Ципа, Гори. Дорога вилась между гор, поезд то и дело нырял в туннели. И чем дальше мы ехали, тем мрачнее становился пермяк, сосед по купе: «Не нравится мне Грузия, и горы не такие, у нас на Урале лучше». Мы с Ще не ответили, мы уже мысленно ходили по улицам Тбилиси.

25 же октября

Приезд в столицу Грузии. Гостиница «Иверия», 551-й номер полулюкс, устроенный по блату отцом Хачатурова. Первая прогулка по проспекту Руставели. Впору читать книгу Беллы Ахмадулиной «Сны о Грузии» (изд. «Мерани», 1979). «О, Грузия… Одну тебя я счастливо люблю…»

26 октября

Тбилгорпроект. Встреча с одним из его руководителей, архитектором Леваном Ильичом Харашвили. Отец и дочь — психологическое

потрясение…

27 октября

Леван Ильич на машине показывал московской дочери и её мужу Тбилиси. Приглашение на вечер в дом на Мцхетской улице. Знакомство с родственниками: Кетован Павловна — жена, Русико — младшая дочь, дядя — Гога — Георгий Ильич и кто-то ещё. Налаживание скорее дипломатических, нежели родственных связей…

28 октября

Поход с Леваном Ильичом на тбилисский базар и другие примечательности города.

29 октября

Леван Ильич в качестве гида: Мцхета, храм Джвари, Светицховели, храм Самтавро, Мтацминда, монастырь Мамадавити (святого Давида), где захоронены останки Александра Грибоедова. Памятник Сандро, поставленный женой Ниной Чавчавадзе (о любви Грибоедова и Нины Ще написала в книге «Поговорим о странностях любви»… 2003).

Как не вспомнить грибоедовского Чацкого с признанием к Софии:

— Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног…

Машина понеслась по Военно-Грузинской доро-

ге, туда, где, «сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры». Осмотр начали с храма Джвари, высоко вознесённого над окружающей местностью. Сейчас он полуразрушен, хотя и в таком виде поражает гармоничностью пропорций и строгостью стиля. Рядом с храмом собака с щенком. Ще тщетно звала: «Иди сюда, маленький». Щенок не двигался, он — грузин и откликается лишь на привычное «моди». Тут же паслись барашки. Целое море живого пахучего шашлыка. Звуков мало. Горы молчаливо стоят в карауле у Вечности.

30 октября

Роковая суббота. Юра Хачатуров отмечал 40 дней смерти матери. Был бы повод: застолье, гости, вино течёт рекой. Рядом со мной сидел друг Хачи, Кукури, который меня практически споил. И бедная пострадавшая машина Пилосяна, в которую я сел…

Мне было лихо после обильных возлияний, и меня отпаивали «Боржоми». Ще голосила: «Какую песню испортил!..» И она была абсолютно права. И это был, кажется, 4-й срыв за все мои годы…

1 ноября

Ту-104Б был полупустым. Все уже сели на понра-

вившиеся им места, сосали леденцовые конфеты, но пилоты почему-то не торопились включить турбины. Проходит минут 10, 15. «Генацвале, в чём дело?» — волнуется грузин-гулливер с золотыми зубами. «Отказал пилотажный прибор, — отвечает командир корабля, — не полетим же мы колёсами вверх?» И всё же полетели, правда, в нормальном положении. В Москве после приземления новая заминка: нет трапа. «Забыли в Тбилиси», — шутит всё тот же тбилисский гулливер. Томительные минуты, и вот, как пленники «Аэрофлота», мы вылезаем из герметического чрева. Погода… Всего два часа понадобилось нам, чтобы сменить голубизну неба и теплоту воздуха Тбилиси на мрачное свинцовое облако и резко пронизывающий насквозь ветер Москвы. И всё-таки это наш дом.

23 ноября

Реакклиматизация проходила нелегко. Мы мёрзли отчаянно, и лишь однажды нам было тепло, когда мы, как подгулявшие капитаны, выпали из ресторана «Якорь». Было это 3 ноября, в четвёртую годовщину нашего супружества. «Какой обед нам подавали!» — долго ещё пела Ще на манер Периколы и загибала пухленькие пальчики: чёрная икра — раз, солянка рыбная

— два, отварная осетрина — три, и кое-что ещё. В этом месте пальчики шаловливо волнились, — в Тбилиси так вкусно и сытно мы не ели ни разу.

* * *

Декабрь — Ще положили в больницу на Щипке. И до апреля следующего года. Эпопея…

Из больничной переписки

Я часто ходил в больницу и, кроме каких-то продуктов и чего-то необходимого, приносил отпечатанные на работе письма, в которых утешал Ще, давая какие-то советы, и рассказывал о событиях в доме и в мире. Письма потом сброшюровал для архива в томик, насчитывающий 263 страницы. Размер повести… Из этих писем для данной книги извлеку только фактуру, без умилительных, ласковых слов к бедному Щекастику.

Первое письмо. 1 декабря 1971 года, 18.30

Позвонил Щекастик — и всё стало немного веселее. Щекастик звонит, Щекастик дышит, — да здравствует жизнь!..

(После того, как отвёз Ще в больницу.) Просыпаюсь в половине шестого утра и на такси в

Боткинскую. Темень. Людей нет, все двери закрыты или заколочены наглухо, где-то там внутри Щекастик, я кружу вокруг корпусов и никак не могу проникнуть внутрь. Ще мечется внутри и тоже бесполезно. После 30-минутного круженья неожиданно находим друг друга в одной из дверей. Ще вручает мне тёплую бутылочку с мочой, чтобы отвезти на анализ. Беру такси, мчусь в поликлинику. Там замок и никаких признаков жизни: ещё рано. Через некоторое время появляются люди, снимается замок, зажигается свет. Какая-то костяная нога смотрит на направление и торжественно мне говорит: «А мы не делаем таких анализов». — «А где?» — «Попробуйте в другой поликлинике».

Я ругаюсь: карамба и три тысячи Бабкенов! После долгих мытарств нахожу заветное место, где берут ещё теплую бутылочку, за анализ 90 копеек и говорят, что будет готово в 16 часов. Уезжаю домой и ложусь досыпать. Просыпаюсь и не могу понять: когда я сегодня работаю, утром или вечером дежурю?.. Звонок от Щеки. Прошу её не унывать и «Вперёд, заре навстречу!..»

Маленький комментарий, или, как говорят сегодня (9 декабря 2018 г.), пост. Этот пример и все последующие свидетельствуют о громадном

разрыве между пропагандой и реальной жизнью. В эфир я выдавал тексты о том, как прекрасно проходит жизнь в СССР, — завидуйте братья из капстран! — и как на самом деле. В здравоохранении: непрофессионализм, бездушие, равнодушие, а то порой и хамство. От благодати, как до Марса!..

Продолжение письма-дневника

2 декабря

С дежурства убежал рано, в 12 часов ночи. В.П., как птенец с разинутым клювом, ждёт новостей. Рассказывал и спал на ходу. Проснулся в 8 утра и помчался в магазин. Вокруг сосисок столпотворение. Удалось купить лишь сыр. Поехал в больницу отвозить передачу. Не принимают: рано. Какая-то сердобольная нянечка взяла свёрток и взамен принесла записку от Ще на вытянутой руке, в которой мгновенно исчез мой полтинник (а может, надо было больше дать?). Пришёл из больницы, поел, два часа поспал, встал и на работу — опять дежурство (новация: дежурство по неделям). Господи, какое-то вертящееся колесо. Ты скажешь, что лучше так, чем болеть. Конечно, ты тысячу раз права, и тем не менее жизнь кажется удивительно идиотской. Поистине, суета

сует. Но хватит писать, дела трубят: жду корреспонденцию из Копенгагена о приёме нашего премьера, чтобы вставит её в блок новостей.

3 декабря

Вчера было дьявольское дежурство: то пропала плёнка, то в новостях допустили ошибку, её долго исправляли, то ещё что-то. Короче, домой вернулся во втором часу ночи… А вообще, человек — существо многожильное. Коль надо — он многое сделает, выдержит. Я уже 4 вечера дежурю, ещё куда-то бегаю и ни разу не посидел за любимым столом и не почитал, и тем не менее — держусь… Ещё умудрился во время дежурства поиграть в шахматы, 5-минутный блиц, шесть партий, и выиграл 4:2… Караул! Запечатался: бегу за корреспонденцией о пребывании Косыгина в Дании. До завтра, моя большая радость, моя умница…

4 декабря

И снова кошмарное дежурство, ибо мир безумствует. Пакистан бомбит Амритсар и другие города. Индия ввела чрезвычайное положение. Палестинцы воюют с иорданцами. В Китае тайная борьба за власть: исчез преемник Мао — маршал Линь Бяо. Ожесточённые бои в Камбодже. В

Сантьяго, Чили, женщины вышли с протестом против дороговизны, полиция жестоко разогнала их. Помпиду вёл переговоры с Брандтом. Et cetera и так далее. Мир чего-то хочет, ищет, требует, разрывается, гибнет, голодает, стреляет, молится и страдает. «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо…»

Ходил в овощной магазин. Тихий ужас. Картошка — одна гниль, свёклы нет (надо идти на рынок), в торговый зал ввезли тележку с капустой, на неё набросился народ, и брали кочаны с яростным приступом, почти военная операция. О, светлые коммунистические дали!.. Я стоял в стороне, как наблюдатель, и о, удача: мне достался один кочанчик. Тысяча и одна ночь из жизни СССР.

5 декабря

На дежурстве в паузе слушал Владимира Высоцкого:

У неё каждый вечер не гаснет окно,

А вчера мне лифтёр рассказал за полбанки:

У неё два знакомых артиста кино

И один популярный артист из Таганки…

8 декабря

Среди прочего: сломался смеситель в душе, и пришлось ехать за новым в далёкую «Сангигиену». Купил и вёз в метро. На «Киевской» станции столпотворение: 204 раза толкнули меня, лишь 147 раз удалось толкнуть кого-то мне. Еле доехал со смесителем, но он доставил грандиозную радость тёще, она аж приплясывала около него…

12 декабря

Наконец-то добрался до книг и весь вечер витал в идеях и умственных построениях Эриха Фромма, Карла Ясперса, Мартина Хайдеггера и Пьера Тейяра де Шардена. Философские книги и статьи в выходные дни. А ещё чьи-то строки, не помню кого:

И баба голая Венерка
Мне стала чудиться во сне.

13 декабря

После больницы заехал к Давидовскому. Выиграл в шахматы — 5:1. Начал читать «Иудейскую войну», увы, у Фейхтвангера нет глубины Томаса Манна…

14 декабря

Последние новости из Радиокомитета: Леонард Косичев уходит в журнал «Латинская Амери-

ка», туда, где явно лучше. Завидки берут. Я даже подходил к нему и тронул за локоть человека, который уходит. А тут сидишь и вкалываешь, как предпоследний пролетарий умственного труда. Как я люблю говорить, «с горя» потратил 3 рубля на спортлото в надежде на сказочный выигрыш. Если мимо кассы, то и это переживём. Живы будем — не помрём. Тихо едешь — дальше будешь. И прочие перлы народной премудрости. И, конечно, козьмо-прутковский терпентин…

15 декабря

С утра в ГУМ за альбомом — хороших альбомов нет. Но есть длинные очереди, то ли за тюлью, то ли за коврами. Стоят какие-то приезжие, в шалях и сапогах, в телогрейках и ушанках, с мешками и котомками. Всех национальностей, в основном Кавказ и Средняя Азия. Гортанная речь. А где останавливаются в Москве? Ютятся на вокзалах?.. А рядом величественный Кремль, заснеженные ёлки, имперский покой…

17 декабря

Соболь через АПН хочет куда-то уехать. Мне без языка некуда деться. Попробовал сунуться в издательство общества «Знание». «Оставьте анкету… подумаем…» А радио утомляет всех: летучки,

прослушивания передач, эфиры, дежурства, начальственные накачки и постоянный стрекот пишмашинок (докомпьютерное время. — 10 декабря 2018 г.).

19 декабря

19.50, сделал паузу в послании и… погладил брюки. Только сегодня! Опасный аттракцион. На манеже утюг и Ю.Б. Спешите увидеть! Только сегодня!

И пелось мне, душа была легка.

И светел был доставшийся мне жребий, –

как писал поэт.

Умер Твардовский. Официальное сообщение было, а некрологов ни в «Правде», ни в «Труде» нет. Юрию Никулину — 50 лет. Стареющий клоун — тоже грустная тема…

20 декабря

Сегодня появился некролог с длинным шлейфом подписей. Александр Трифонович прожил всего лишь 61 год.

Дивиться надо при советской власти –

И время это не в далёкой мгле –

Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле…

Это — Твардовский, и он же:

Мне проку нет. Я сам большой –
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

24 декабря

Щекастик дома после 23 боткинских дней. Я уходил на работу, она сладко спала, уткнувшись в подушку…

26 декабря

Дома всё нормально. Щека медленно приходит в себя… Вчера даже побывали в кино — «Андрей Рублёв» Тарковского. На работе отпечатал небольшую рецензию для памяти, воздав хвалу и Андрею, и оператору Вадиму Юсову за осязаемый сверхчувственный зрительный ряд, который ощущаешь физически: это и белая кипень церквей, и ломающиеся отражения в реке несущихся всадников, и город, объятый чёрным пламенем, и многое другое…

Ещё раз о фильме «Андрей Рублёв». Конечно, это здорово, конечно, высокопрофессионально,

конечно, с блёстками таланта, конечно, на фоне идущего косяка киноподелок это явление. Всё это так. И тем не менее. Такую картину хочется судить иными, более высокими мерками, хочется её, слегка подталкивая, тащить на пьедестал шедевра. И вот тут маленькая заминка. Картина сделана несоразмерно: она слишком длинна, мрачна, тягуча… Мрачно, тёмно, безысходно. Забитый, невежественный народ, ужасный быт (начало XV века), набеги иноземцев, кровь, разбой, насилие, нищета, боль, страдание. Жизнь, которую всё время топчут и унижают. Это не только «И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет», — это ещё и абсурдность какого-то замкнутого круга. Возводят храмы, потом их уничтожают, снова возводят и снова уничтожают, народ тянется к чему-то лучшему, но так и не дотягивается, одно поколение сменяет другое, и те же мечты, та же тяга, та же разбитость, то же отчаянье, — и всё по кругу, из которого не вырвешься. Таково впечатление от фильма. Но спасают диалоги между Рублёвым и Феофаном Греком о том, что тёмен народ сам по себе или его таким сделали и нужно ли народу искусство, а если нужно, то какое?..

Фильм кончился, люди встают и… молчат. И

дело даже не в том, что они подавлены, а главное: им нечего сказать. Всё это надо переварить, переплавить, переосмыслить. Но как? Для многих это просто невозможно. Два интеллигента пожимали плечами и мямлили: «Непонятно, зачем надо было рассказывать, как лили колокола… непонятно, почему на эту картину люди рвутся?..» Людям нужна сложность, но такая, чтоб была и где-то простота. Одноклеточная сложность?..

28 декабря

Недолго музыка играла. И снова пришлось везти Ще в больницу, на этот раз на Щипке, 12-я, бывший роддом. Опять анализы, передачи, письма-послания…

В метро подвыпивший работяга, а может, шизик, исступлённо кричал: «Это вы сделали меня дураком!» Никто ему ничего не ответил. Все тупо молчали.

В другой раз увиделось иное: какой-то мужчина в переходе метро шёл и пел оперную арию, и неплохо, его прохожие останавливали: не надо, могут забрать… А он в ответ кому-то: «Вася, а я хочу петь, разве нельзя?» В советской стране нельзя, должен быть покой, порядок и послушание. Всяк сверчок знай свой шесток. В Большом театре петь можно, в метро — запрещено. И ни-

какой свободы!..

29 декабря

…Где те розовые очки и вера в справедливость, когда 25 лет назад я шастал по Щипку и другим переулкам и где мы, школьники, играли при тусклых фонарях в футбол в тряпичный мяч, который мастерил Серёжа Голубничий. Голодное, нищенское послевоенное время, но вместе с тем чем-то и счастливое. Счастливое своею верою, отсутствием знаний о том, что происходит вокруг. Недаром кто-то сказал, что счастье — это какой-то предел информации. Перекличка с библейским: знание умножает скорбь.

31 декабря

В конце послание: кстати, о евреях. В твоей женской консультации я насчитал 12 врачей из 19 с еврейскими фамилиями, а в поликлинике, куда отвозил анализы, — 8 из 10. Это из рубрики «Любопытное рядом». Как говорят в народе: евреи, евреи и даже в Мавзолее… Из международных новостей: министр обороны Израиля Моше Даян разводится с женой из-за любовной связи с Рашель Крен, бывшей г-жи Рабинович.

Заголовок в передовой статье «Правды»: «Мы покоряем пространство и время». Именно так. По

Галичу: ну, всё, ну, прямо всё!..

Многим звонил и поздравлял с наступающим Новым годом, в том числе и Андрею Тарковскому — тебе громадный привет! Он закончил съёмки «Соляриса» и сейчас занят монтажом… Звонил Марине Георгиевне, старая учительница удивилась, что мне скоро будет 40 лет, передавала тебе привет, помнит тебя синеглазой (?) и красивой…

* * *

Так трудно заканчивался год: Ще в больнице на Щипке, а Ю.Б. дома с В.П. И остаётся только вспомнить наставление римского императора Марка Аврелия (121–180):

«Живи так, как будто ты сейчас должен проститься с жизнью. Как будто время, оставленное тебе, есть неожиданный подарок».

И в подарок 1972 год. Только был ли он подарочный?..

1972 год – Больничная эпопея Ще, 40-летие Ю.Б., командировка в Ташкент, отпуск – Ленинград

Главное событие связано с Ще. С пребыванием в больнице на Щипке с декабря 1971 года по апрель 1972 года. Я поддерживал Щекастика, как мог, в том числе почти каждодневными письмами, которые стали легендами всей больницы. «Каждый день пишет, — ахали женщины. — А как любит!..»

Несколько отрывочков из писем.

11 января

«…в 18 часов был у тебя в больнице, получил твою записочку, а твоя головка помаячила в окне и, как мне показалось по её повороту, наши дела отнюдь не о'кей?..»

23 января

«Давай, Щекастик, держаться! И не будем делать трагедию, нам с тобой ещё жить и жить, и давай верить в счастливую звезду, пусть даже очень далёкую…»

24 января

«…пришёл с дежурства усталый, а В.П. с криком: „Вы всё от меня скрываете! Я как соседка!..“»

4 февраля

«…Соскучился я ужасно. Будешь дома — буду сидеть у тебя в ногах и облизывать, как это делает сейчас наша собачка Тяпа…»

16 февраля

Возвращение Ще из больницы на Щипке, к её приезду полы были натёрты, половики выбиты от пыли. Тяпу проинструктировали, как надо вести себя с вернувшимся членом семьи. Но Тяпа оставил инструкции без внимания, крутил хвостом и грыз ноги…

17 февраля

Ще дома, лежит на тахте, смотри телик, а Тяпа совершает на неё свои наскоки…

28 февраля

После 12 дней «побывки» начался третий больничный тур: Тушино…

11 марта

Из письма-отчёта в больницу: «…Сегодня с утра помчался в магазин, купил себе компот-ассорти, для дома — масло, колбасу, хлеб, заказал тебе лекарства. На улице — холод, минус 17, прони-

зывающий ветер, как удар хлыста, народ бежит и подвывает. В магазинах много приезжих из других городов и окрестных сёл, набирают всё авоськами и мешками. Услышал фразу одной из приезжей о другой: „Она, как петух подбитый, бегат!“ Кассирша в „Диете“ жаловалась: „Когда сидела на колбасе, так простыла…“ Хорошо говорит народ, сочно…»

12 марта

«Во время дежурства на радио для разрядки в иносправочной взял последний журнал „Штерн“ и полистал: шикарные автомобили, роскошные кухни со всем необходимым, обнажённые женщины — всё это весьма отличается от нашей убогой и стыдливой „Крестьянки“, у нас в основном душещипательные очерки и рассказы о трудовых подвигах…»

22 марта

«…настроение хуже губернаторского. Больница и работа как два молотобойца, то попеременно, а то и одновременно бьют по черепной коробке…»

23 марта

«Сегодня мы с тобой объяснялись жестами (для этого надевал сильные очки). А потом ещё пару минут переговаривались в открытое окно. Вид

у тебя повеселей. Румянец надежды играл на щеках…»

25 марта

«Сегодня 100 дней и 100 ночей. По Овидию: „Жил он, и ложе его лишено было долго подруги“».

28 марта

Из новостей на работе. Замглавного Новиков (сын маршала авиации) показывал свой фильм о Бразилии. «Я был потрясён. Даже роскошные цветные бразильские журналы не дают представление о подлинном буйстве цветов и красок этой поистине сказочной страны… Карнавал в Рио — совершенно неописуемое зрелище!..»

23 апреля

Печальный финал многомесячных больничных лежаний…

2 мая

Виделся с Ще в палате среди колб и пробирок и прочих медицинских ужасающих принадлежностей…

6 мая

Эпопея закончена. Привёз на такси Ще из больницы в Тушино-Алешкино. Три больницы. 143 дня надежды и мучений, но всему приходит

конец…

И жизнь покатилась дальше.

* * *

Нарушу хронологию, ибо в ворохе, в море, в океане своих бумаг неожиданно обнаружил ещё записи, возможно, с повторами, но жалко выкидывать, как кусочек своей жизни, поэтому приведу их. Кто хочет, тот прочтёт…

1 января

Как встретил новый год дома без Ще? В 12 часов под звон курантов «шлёпнули» с тёщей по стакану горячего чая и разорвали шоколадного деда-мороза. Немного посмотрел «Старую сказку» по ТВ с великолепным королём Владимиром Этушем, который очень страдал от бедности. И в самом начале первого часа ночи завалился спать. А с утра помчался за хлебом и за газетами — вышла «Красная звезда» с «уверенной поступью». Проверил спортлото — увы, не выиграл, мимо кассы.

Вечером пошёл на сбор школьников. Были не все, только хозяева Меркуловы, Алексеевы, Давидовские, Куриленко, Чижова и кто-то из детей. Пили всякую всячину, от шампанского до «То-

кая». На столе было всё, вплоть до чёрной икры. Много пили и ели и надрывались в песнях:

Когда проходит молодость,
Длиннее ночи кажутся,
Что раньше было сказано,
Теперь уже не скажется,
Не скажется, не сбудется,
А скажется – забудется,
Когда проходит молодость,
То по-другому любится…

И у каждого из поющих были свои разочарования и своя печаль. А потом, выпив ещё, грохнули блатняка:

Когда с тобой я встретился,
Черёмуха цвела
и в парке тихо музыка играла,
А было мне тогда ещё совсем немного лет,
Но дел уже наделал я немало…

Господи, как интеллигенты или «эти образованные» любят уголовные песенки: «Лепил я скок за скоком…» и прочее. Не хватает опасности, дер-

зости, лихости, что ли. Диплом получили — и всё упорядоченно и тихо, только на сердце какая-то неудовлетворённость…

Мне на встрече-воспоминании было скучно, и я рано ушёл, как стёклышко — ни в одном глазу, чем удивил Веру Павловну, она, наверное, считала, что раз встреча с друзьями да без жены, значит, обратно на бровях. Разочаровал…

А тем временем ко мне, очевидно, подбирался грипп и, как писала Белла Ахмадулина:

Ещё ты скучен, и здоров, и груб,
Но вот тебе с улыбкой простодушной
Простуда шлёт свой поцелуй воздушный,
И медленно он достигает губ…

4 января

Прихватила простуда. Пью горячее молоко и полоскаю горло. Сегодня полдня читал и спал. Закончил «Настанет день» Лиона Фейхтвангера. Это посильнее «Иудейской войны». Роман интересен тем, как довлеет над человеком судьба. И книги, и дети — всё, что сотворил Иосиф Флавий, отторгается от него и затем влияет на его жизнь самым неожиданным образом. За каждый поступок надо платить, каждый поступок имеет отзвук,

иногда даже не для нас, а для потомков, все деяния полны какого-то значения и непременно имеют последствия. Иосиф бился за те идеалы (гражданина Вселенной), которые и сегодня не настали. «Настанет день», но когда?..

9 января

Большой телевечер, я всё смотрел подряд. Какая же это нудная, бездумная жвачка. Тебе дают, а ты жуёшь. Ни чувств, ни мыслей, лишь рот раскрываешь от удивления: «А это що?.. Ну, давай дальше!» Как сказал Джон Брайтон Пристли: «Ленивый обыватель нашёл наконец-то, что ему нужно». Не тревожит, не заставляет думать, а так, развлекает, информирует, вдалбливает, что необходимо…

Фильм «Машенька» о ткачихе камышинского комбината. Грохот. Снующие работницы между прядильными машинами. И Маша говорит: «Самое важное в жизни — найти третью кромку… жить надо так, чтоб не дело для тебя, а ты для дела, не люди для тебя, а ты для людей… наш комбинат — широкая школа жизни, тут все наши надежды и мечты».

Комбинат как пуп земли, ему и глубокий поклон. Давайте, ребята и девчата, вкалывайте дальше. Коммунизм не за горами…

13 января

…В половине третьего нас погрузили в автобусы и увезли в Останкино. Домой приехал в 21 час. Партийный актив проходил в шикарной концертной студии, был доклад Лапина, выступления. Ничего особо нового и интересного, всё давно известно: предстоит напряжённая пятилетка, каждая семья почувствует, что жизнь станет лучше, но для этого надо работать… Лапин возмущался: вот продали на Запад фильм «Угрюм-река», а они, гады, подают его там под соусом: Россия была тёмной, невежественной, дикой, такой и осталась поныне. «Вот они как нас представляют!»

22 января

ЮНЕСКО бросило призыв сделать 1972 год Международным годом книги. Я всегда — «за». Что может быть лучше книг, какое неизъяснимое наслаждение они могут доставить. Как приятно тянуть глоток за глотком светлый освежающий напиток знаний. Я, как Сартр, Мариэтта Шагинян и сотни других искателей духа, — прирождённый «книжный червь». Как написал Сартр в «Словах»: «Я начал свою жизнь как, по всей вероятности, и кончу её — среди книг».

6 февраля

Настроение так себе. Только сейчас заметил на 7-м этаже громадную доску «Правофланговые Иновещания» с подзаголовком «Их материалы названы лучшими», и там фигурирует «Клуб друзей Московского радио» с моей фамилией. Всё это — смешная показуха. Взрослая игра в бирюльки…

В наших газетах ничего нет, а по ТАССу проходят сообщения о выступлении Евтушенко за океаном. «Дейли уорлд» сообщает о том, как в зале, где собралось 5 тысяч любителей поэзии, советский поэт читал стихи. Был в свитере и джинсах и в прекрасном настроении. Евтушенко, как отмечает газета, заверил, что представляет себе мир как «одну деревню», в которой Россия — это одна улица, а США — другая, а между ними целый океан непонимания…

10 февраля

Вчера Толе Трусову исполнилось 40 лет, мы пришли в отдел вещания на Кубу его поздравлять, а он сидит грустный и замотанный. А ведь такой способный малый, по-настоящему творческий, а вот нет в нём пробивной силы, и вот залёг тут, как тюлень. Странная штука жизнь; расставляет всех нас по разным местам и ухмы-

ляется довольно, причём места эти почти всегда не отражают наши способности. А ещё струя, ох, как хорошо, когда в неё попадаешь, несёт она тебя, а ты только ловишь её дары. А если струя (или удача) отвернулась, то тут хоть лоб расшиби — ничего не добьёшься…

10 марта

Я не люблю 8 марта, этот неожиданный поворот умиления к женщинам. К ним надо относиться хорошо 365 дней в году, а не только в один из них. За цветами было убийство, пьяных — вагон, свалившихся на тротуар аккуратно все обходили. Когда-нибудь пьянство развратит весь народ. Люди не знают, что делать в условиях, когда жизненный уровень начинает ползти кверху. Все устремления граждан сразу направлены на питьё (ух, хорошо!), на жратву (о, здорово!) и на вещи, на их хапанье (во, красотища!). Ещё давай и ещё! Так и хочется схватить всех за руку и возопить: «Подумайте о спасении душ своих!..»

11 марта

На улице — дичайший холод, минус 17, и пронизывающий северный ветер. Народ бежит и подвывает от холода. Неуютная весна, хотя небо голубое и даже светит солнце. В магазинах много

приезжих селян, набирают авоськами, одна приезжая другой: «Она, как петух подбитый, бегат». Не бегает, а бегат, — народный говор. А в «Диете» одна кассирша жалуется другой: «Когда сидела на колбасе, так простыла». Очевидно, имела в виду кассу колбасного отдела… Это только пропаганда выдумывает и трубит о нравственной красоте советского человека, а народ лишь натужно вкалывает, матерится, пьёт и блудит. Господи, эту великую общность советских людей надо просвещать и просвещать ещё пару столетий.

Их жизнь – похлёбка, труд и кнут,
Их зрелища манят, –

строчка Виктора Сосноры из сб. «Всадники»…

21 марта

Вчера был в больнице. Послал полную сумку, и полная же пришла обратно (старые яблоки, банки, термос и т. д.). «Всё обратно?!» — вырвалось у меня, на что старая няня ворчливо ответила: «Всё нанашиваете». А дальше как: «нанашивать» или нет? Видел Ще в окошко. Всё это грустно: она в палате, я внизу, нас разделяют больничные стены, мы рвёмся друг к другу — и всё бесполезно, мы разделены физически…

29 марта

Столкнулся на этаже с Ф. Настоящий ас радиожурналистики и тем не менее дальше старшего редактора не идёт. Такова установка: пусть какой-нибудь Ваня глупее, но ему открыта дорога, его двигают наверх, а такие, как Ф., сидят по уголочкам, кто знает, о чём они думают, вдруг ещё сбегут в Израиль. В шекспировской трагедии Цезарь говорит:

Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.
А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.

Это было. Это есть. Власть всегда боится многодумающих…

5 апреля

Помимо печатной работы, пришлось сегодня бегать, задрав хвост, по организации субботника: совещание, составление списков, кто отчисляет гонорар, кто будет перебирать солёные огурцы на овощной базе. Дым столбом!..

7 апреля

Пётр Вегин написал стихотворение «Фонари Флоренции», где использовал слова на «ф» — фи-

лософы, фортуна, фанты и т. д. Пародист Александр Иванов его уел, вот концовка пародии:

Но вот из сфер фальцетом Фантомас:

– О, Фегин, фы фелик! Я поздрафляю фас!

Но я за фас трефожусь – фдруг

Андрюфа Фознесенский фыркнет: «Фу-ух!..»

А вот и сам Андрюфа, и, как всегда, душераздирающ: «Не трожьте музыку руками!»

21 апреля

Тёща слушает радио, и пропагандистский шум действует ей на нервы. Ещё бы: там построили, там наладили, пустили в строй, торжественно открыли, выдали на-гора, наловили, выплавили, выткали и т. д. А пришла она в аптеку: нет валокордина… Я обегал четыре аптеки, и нигде нет кармазина, одарекса, ни детского крема, — то, что нужно. Какой-то идиотизм…

22 апреля

Красную площадь наряжают, как невесту, не жалея кумача и фанеры, чтобы отметить ликующий май. Небрежно ходят по брусчатке иностранцы, у многих в руках сувенирные ба-

лалайки, но вряд ли сейчас они выражают душу русского народа. У памятника Пушкину стоит группа негров. Картина: огромный застывший поэт с кучерявой африканской головой навис сверху над живыми, весёлыми жестикулирующими негритосами. Не знаю, говорили они о Пушкине или нет, но это сочетание было волнительным…

26 апреля

Поднимался на радио в пустом лифте вместе с актёром Папановым. Деревенское лицо. Серый костюм, синяя рубаха с распахнутым воротом, как будто только что приехал из очередной операции с Лёликом из «Бриллиантовой руки». Ехал он на десятый — в редакцию «Сатиры и юмора». Я спросил его: «Вы были на просмотре „Соляриса“?» Он пропитым басом: «А что?» Я ему: «Кажется, фильм завалился». Он: «Жалко Андрюшу, и с „Рублёвым“ такая же петрушка». Мило улыбнулись друг другу и расстались…

Последний анекдот. Грузинская школа, учитель спрашивает ребят о родителях. Вано: «Мой папа в Москве». Учитель: «А что делает?» Вано: «Торгует лавровым листом». Учитель: «Хорошо, Вано, Москва — это столица нашей родины. Ну, у тебя, Гоча?» Гоча: «А у меня отец в Ленинграде». —

«Что делает?» — «Торгует цветами». — «Хорошо, Гоча, Ленинград — это колыбель революции. Ну, а у тебя, Муртаз, чем занимается отец?» Муртаз: «Работает слесарем на заводе». В классе хохот. Учитель строго: «Нехорошо! Зачем смеяться, когда у Муртаза в семье такое горе…»

29 апреля

Вчера был во Дворце спорта. Американский фильм Сиднея Поллака «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» Прекрасный фильм, острый сценарий, точно отрежиссирован, отлично играют актёры, особенно Джейн Фонда и Майкл Серазин. Яростно-безжалостная картина! Музыкальный марафон — отлично найденная аллегория всех наших поисков, стремлений и метаний. Безумный марафон, в котором нет победителя, есть только побеждённые. Исступлённые, обессиленные, сходящие с ума люди — они не выдержали марафона. Гигантское представление для зрителей, которым, как говорит владелец того танцевального зверинца Рокки, необходимо знать и видеть, что другим ещё хуже. Но меня потрясли и наши зрители, которые никак не могли осмыслить, понять фильм, о чём всё это, и они ёрзали на своих местах. Социализм дал им работу, обеспечил средненькую жизнь, и

они пребывают в прекраснодушии и сытости. Хотят лишь одного: лёгких удовольствий при минимальной затрате умственной энергии. И искусство им нужно лёгкое, развлекательное, эстрадное, которое легко ложится на сытое брюшко (сразу вспомнился Андрей Тарковский с его фразой: «Не люблю сытых!»). Я не говорю про всех, но основная людская масса пребывает в болотной тине. Равнодушие и скука — вот новые виды социальной болезни, пришедшие на смену безработице и нищете. Мало дать людям работу и жильё, среднее образование и приучить сидеть часами у телевизора, — это ещё не сделает их настоящими людьми, не разовьёт в них личностные качестве. Пока они — полулюди, и в пьяном разгуле прибегают к ножам и утюгам, и им ничего не стоит шарахнуть ближнего по голове. Именно об этом очерк Анатолия Аграновского «Отрезвление» в «Правде»…

3 мая

Вчера снова был в больнице, потом обедал, спал и убирался: пылесосил, протирал пол. Смотрел футбол. Читал. Джон Уэйн «Зимой в горах», Юлий Крелин «От мира сего», Щедрин — рассказы и сказки. Пролетели праздники. Наступили будни. Скоро ехать в командировку. В Москве теплынь

+18–20°, а в Ташкенте — больше 30°. Н-да, придётся попариться основательно…

5 мая

Сегодня День печати, через день — радио. Всё едино, всё бумажно-эфирно-словесная суета сует. И этим делом занимаюсь одиннадцать с половиною лет, с декабря 1960 года… Читал «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина. Убийственная сатира. Многое изменилось, в небе парят лайнеры, под землёй снуют метровагоны, а вот души людей, их приверженность к тем или иным страстям и глупости остаются неизменными.

Ташкент

Дневник не вёл, поэтому выборочно и главное.

Вторая командировка от радио — Ташкент (3330 км — самолётом туда-обратно). Подробности в тумане. 11–20 мая, жара, чрезмерное гостеприимство — холодная водка и в качестве закуски — крупная сладкая клубника. Куда-то возили, с кем-то встречался. Брал интервью у второго секретаря ЦК Узбекистана (фамилию не помню, но помню: русский), поразили тишина и благолепие зданий ЦК и столовая для рядовых сотрудников: обильно, по-восточному вкусно и неприлично

дёшево. А ещё беседа с муфтием в его резиденции, куда пришлось идти, сняв обувь, в носках…

В эфир на страны Латинской Америки прошло несколько моих материалов. Реклама «Радиопутешествие в Среднюю Азию», корреспонденция по телефону из Ташкента. Радиорассказ об истории Узбекистана. Второй репортаж об Узбекистане: республика в годы Отечественной войны, рассказ о лучших людях: генерал Нурходжаев, светило медицины Махмудов, поэтесса Гюльчухра Джунаева. Третий репортаж — мэр Ташкента Хуснутдин Асамов. Четвёртый — Ташкентский университет, ректор, преподаватели, студенты. Пятый репортаж: передовые рабочие Ташсельмаша. Шестой репортаж: женщины республики, в том числе министр юстиции Мамлакат Васикова, модельер Маджуба Ганнова и др. Седьмой репортаж: хлопководство — быт и жизнь крестьян-хлопководов. Восьмой: Самарканд, Алишер Навои и что-то там ещё. Но вот в Самарканд не полетел, хотя были билеты на руках. Рвался домой к Ще…

17 мая

По телефону из Ташкента прошла в эфир Московского радио с ретрансляцией в Латинскую Америку первая корреспонденция.

Комментарий. Записи той командировки зате-

рялись, а спустя десятилетия трудно вспомнить, как всё это проходило. Было очень жарко по температуре воздуха и по крутежу: надо было встретиться и записать на магнитофон кучу людей, что и было сделано. Ещё надо было лететь в Самарканд, но я не выдержал жары и нагрузок и, сдав билет, улетел в Москву… А уже в Москве написал около 10 репортажей «Радиопутешествия в советский Узбекистан». Латиноамериканцев интересовало всё (они присылали письма) — от землетрясения Ташкента в апреле 1966 года до положения женщин в республике…

Отпуск: Софрино и Ленинград

7 сентября

Софрино. Дом творчества работников телевидения и радио. Этот отпуск я ждал с большим нетерпением. Год был трудным, и усталость наваливалась многотонным грузом. Зиму и весну Ще поочерёдно пролежала в трёх больницах, а мне приходилось курсировать по треугольнику дом-работа-больница. С середины июня нагрянула жара, да такая, которая побила все температурные рекорды лета. Все изнывали. Не принёс облегчения и август. 22-го и 23-го числа термометр зарегистрировал 36 градусов тепла.

К пытке жарой добавилось отравление гарью: сначала запылали каширские торфяники, а потом и окрестные леса. Сиреневый туман окутал столицу. Стало совсем невыносимо. А тут ещё в далёком Рейкьявике Роберт Фишер методично изводил Бориса Спасского… А за два дня до нашего отъезда палестинские террористы из организации «Чёрный сентябрь» на Олимпиаде в Мюнхене убили несколько израильтян. Под сочувствие к пострадавшим мы с Ще и отбыли рано утром на Ярославский вокзал…

Дети каменных джунглей, привыкшие дышать отработанными газами автомобилей, мы были сражены обилием кислорода. Мы валились как тростник под ударами мачете. Дрыхли на белых простынях в номере 305. В промежутке между снами посмотрели отрывок хоккея и побывали в библиотеке. По теле надрывался Николай Озеров: «Да, Фил Эспозито — большой мастер хоккея!» Шёл первый матч советских хоккеистов с канадскими профи. А в библиотеке царила тишина. Вокруг полок бесшумно рыскали читатели. «Я слышала, что Драйзер — хороший писатель, — говорила одна отдыхающая другой, — надо бы взять почитать. А ты что ищешь?» — «А я хочу что-нибудь оптимистическое».

Мы с Ще переглянулись, выбрали несколько мрачных, пессимистических книг и прошли мимо оптимистического светлого создания.

9 сентября

Следуя девизу «Олимпийский год не только для олимпийцев», мы решили бегать каждое утро. Одна бабка, глядя на нас, рассуждала вслух: «Ишь, интеллигенты! Бегают, развлекаются! Нет чтобы под гармошку сплясать иль частушки попеть. Нет, бегают взапуски или ходят парами и разговаривают. Ходют и говорят, а о чём — непонятно». Бабка смотрела в корень… нам ни разу не было скучно: фотографировали друг друга, били пенальти, бродили по лесу, наслаждались дневным сном, читали. Ще перечитывала «Холодный дом» Диккенса, а я Ясунари Кавабату — «Тысячекрылый журавль» и «Снежная страна».

В отпускное блаженное время легко вписывались стихи японского поэта Рёкана:

О, как долго, как долго
Томился я в ожидании!
И вот мы вместе…
О чём ещё мечтать?

11 сентября

Дорога к Чёрной речке, Софринская Швейцария. Бетховенский мрачный лес и светлый моцартианский…

13 сентября

Знакомство с телевизионщиками — Анисимом Гиммервертом и Лёней Сандлером. И тут же был организован Клуб поклонников Щекастика. Светские беседы о культуре и искусстве. Но не только: ещё футбол.

17 сентября

И как сказался насыщенный отдых? Взвесились: я — 73 кг, Ще — 72. И прощание с Софрино с некоторой печалью, разбавленной вермутом. 18-го вернулись в Москву.

20 сентября

Сели в поезд и отправились в Ленинград, вторая часть отпуска.

21 сентября

Гостиница «Турист», и, увы — порознь, без комфорта. Пришлось поднимать настроение плотным обедом.

…После мясного блюда «Зюйд» и 100 граммов водки мы почувствовали себя тепло и комфортно и продолжили знакомство с Ленинградом. От

Исаакия до бывшей Сенатской площади и до творения Фальконе рукой подать.

В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне…

Нет слов, хорош и изваянный конь, и Пётр I на нём, но всё же именно гений Пушкина возвысил памятник до высот трагедийной символики. Люди — тщета, былинки, молекулы. Маленький ничтожный Евгений и миллионы с ним предназначены злым роком истории погибнуть на «мшистых, топких берегах», чтобы восславить, вознести высоко в небеса Медного всадника. Ибо только медным всадникам дано право творить историю, только их деянья восхищают и ужасают потомков, только медным всадникам удаётся выскочить из рамок времён, и поэтому их тяжёлый топот так явственно слышен в последующих эпохах. Вот почему так страшен и ненавистен медный властелин милому и доверчивому Евгению.

Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом

И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой чёрной,
«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!..»

21 сентября

Следующий объект осмотра — Петропавловская крепость, детище архитектора Трезини. Ще с фотоаппаратом всё осмотрела и облазила, забралась даже на стену. Потом решила сфотографировать меня поэффектнее у Петропавловского собора, присела и тут же упала на брусчатку, сражённая наповал. Был полдень и время сигнальных выстрелов из орудий. Это так напугало Ще, что она заспешила прочь из страшной крепости…

К вечеру на город набежал туман. Это о нём Маяковский с присущей ему резкостью писал:

В ушах обрывки тёплого бала,
а с севера – снега седей –
туман, с кровожадным лицом каннибала,
жевал невкусных людей.

«Невкусные люди». В этом что-то есть. Ленинградцы в массе отличаются от москвичей. Во-первых, они хуже и как-то провинциальнее одеты, а женщины, молодые и старые, страсть как обожают шляпы самых немыслимых фасонов. Во-вторых, лица людей, как правило, невыразительные, бледные, с синевой под глазами, возможно, что это из-за климата. Ещё Александр Блок писал:

Серые прохожие усердно проносили
Груз вчерашних сплетен, усталых стёртых лиц.

Ну и конечно, имперские замашки: «Отсель грозить мы будем шведу…»

22 сентября

Петергоф. Увы, ансамбль фонтанов не работал. Венеры и Аполлоны явно скучали… Обратно на «Метеоре», Михайловский замок. Ну, и как без Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой её гранит…

23 сентября

Домик Пушкина, «Погребок» на ул. Гоголя, Петропавловская крепость (с XVIII века политическая тюрьма, со зловещим Алексеевским равелином. А какие сидельцы: Радищев, Чернышевский, Писарев, Бауман, Максим Горький…). Из крепости двинулись дальше — Кировский проспект, Лавра…

24 сентября

Поучаствовали в экскурсии «Архитектура XVIII–XIX веков», вечером гуляли по Невскому проспекту. Ленинград, нет, Санкт-Петербург, воспетый многими в стихах, в том числе и Николаем Агнивцевым (в Берлине в 1923 году в изд. Ладыжникова вышла тоненькая книжечка «Блистательный Санкт-Петербургъ» — буквально гимн городу. «Как бьётся сердце!»).

Передо мной взлетают дали
Санкт-Петербургских перспектив!..

25 сентября

Поездка в Павловск. Молодая Анна Ахматова писала в 1915-м:

Всё мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,

Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда…

Нам страшно повезло в Павловске не только с погодой, но и с тем, что был не туристский сезон. Порой мы проходили с полчаса и не встречали ни души. Может быть, так вот одиноко гуляла Анна Ахматова, коли писала о том, что «бродит ветер, безлюдию рад». А те, кто нам попадались, судя по всему, не испытывали никакой благодати красот Павловска. Для них кентавры на мостике были всего лишь конями, а нагие Аполлоны бесстыжими дядьками. В основном туристы дули пиво, не отходя от автобусной остановки. А мы с Ще ходили и ходили по аллеям Павловского парка.

Казалось, что по мощёной дороге, обрамлённой белоствольными часовыми, за которыми темнел ельник, только что прокатилась кавалькада карет. На заднике колясок примостились слуги в камзолах и париках. Они молча оберегали покой своих высоких господ. А за занавесками карет билась, как голубая жилка, неведомая народу, скрытая от его грубых глаз, жизнь избранных. Балы, интриги, флирт… И князь Павел, согласно стихам Николая Агнивцева, приникал к коленям какой-нибудь статс-дамы.

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года…
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь – никогда!

26 сентября

В залах Эрмитажа мы пробыли не более трёх часов. Больше не выдержали: от насыщенной концентрации прекрасного заломило затылок… Залы, лоджии, будуары… «И как они только находили друг друга в этих квартирах?» — сокрушалась добрая жительница Воронежа, с которой мы познакомились на ступеньках Эрмитажа в очереди. Под стать ей был и молоденький лейтенантик в хрустящей форме. Стоя у картин средневековых мастеров, он допытывал свою подругу: «А ты не знаешь, почему людям всё крылья приделывают?» И вообще, кто такие эти ангелы?!.

И всё. В 16.35 экспрессом покинули Ленинград.

5 октября (Москва)

Последним развлечением отпуска было посещение новейшего концертного зала в гостинице «Россия». Сам зал удобный и приятный, хотя и гигантских размеров. Всё остальное — словно

эхо Зимнего дворца — ярко, аляповато, эдакая псевдороскошь. Красивый красный Версаль. А смотрели мы чехословацкую эстраду. Прима Гелена Вондрачкова маршировала, ходила, сказала, пела, пританцовывала и даже изображала некий ведьмический экстаз в мини-платье из серебристых блёсток наподобие рыбьей чешуи. Всё это очень отличалось от нашей эстрады с оренбургскими платками, тонкими колосками и о том, что река Волга течёт долго…

Ещё удалось в кинотеатре «Варшава» побывать на концерте шансонье и артиста Сержа Реджани (француз итальянского происхождения). Классный исполнитель, у нас таких нет. Но и личность. «Я всегда протестовал против войны, — сказал в одном из интервью Реджани. — Бунтовал против эксплуатации. Считаю, что поэт должен слушать социальную революцию…»

22 октября

Экскурсия в Переславль-Залесский с посещением Никитского монастыря. Никаких записей об этом, и уже ничего не вспоминается…

* * *

Немного о СМИ. Помимо многочисленных ма-

териалов на радио, что ещё удалось?

1 января

В «Красной звезде» поместили опус «Уверенная поступь» к 13-й годовщине победы Кубинской революции. Диктатор Батиста бежал с Кубы, а победу одержали Фидель Кастро, его брат Рауль, Че Гевара и Камило Сьенфуэгос.

19 апреля

В той же «Красной звезде» — «Предметный урок империалистам» (к очередной годовщине победы на Плайя-Хирон).

10 августа

«Учительская газета» — «Певец Бразилии» (к 60-летию классика бразильской литературы Жорж Амаду).

2 декабря

3-я публикация в армейской газете «Красная звезда» — «На защите социалистических завоеваний» ко Дню революционных вооружённых сил Республики Куба.

В течение года вёл тетради выписок: № 5 (тетрадь «Энергомаш-экспорт») закончил 25 января 1972 года и тут же, 26 января, начал толстенькую тетрадь «Аэрофлота» № 6 под 500 стр.

Первые выписки — роман Кэндзабуро Оэ «Футбол 1860 года». И первая фраза: «Каждый раз, просыпаясь, я снова и снова стараюсь найти жгучее чувство надежды. Не ощущение утраты, а жгучее чувство надежды, позитивное, существующее само по себе…»

Далее цитата из статьи Ю. Каграманова «Возвращённый рай Маршалла Маклюэна». «…Молодёжь, выросшая в условиях „электронного окружения“, уже стоит одной ногой в будущем, в царстве сиюминутного, бездумного счастья, где нет забот и специализации, где вся „чёрная работа“ мыслей и дел будет возложена на компьютеры…»

Об этой «электронной нирване» поведал 1-й номер «Иностранной литературы» за 1972 год. И что мы видим сегодня — в ноябре 2019-го?..

Далее выписки из Франсуа Рабле (1494–1553). Он называл себя «извлекателем квинтэссенции». Смешно и странно: и я такой…

Постулат Гаргантюа: «Делай, что хочешь».

Выписки из Нового Завета. «В начале было Слово (Логос), и слово было у Бога…»

Из Евангелия от Луки — «Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили своё утешение… Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдае-

те…» «Современник»: «Обелиск» Василия Быкова, Шукшин — рассказ «В профиль и анфас». Старик: «И чуют ведь, что неладно живут, а всё хорохорятся…»

Оскар Уайльд: «Определить — значит ограничить».

Из пропагандистской книги Б. Бессонова «Идеология духовного подавления» («Мысль», 1971) извлечены идеи и пассажи Фридриха Ницше, Густава Лебона, Освальда Шпенглера, Карла Ясперса (1883– 1969). «Человек исчезает в массе… Люди существуют, как функции… Мир попадает в руки посредственностей»… Внимать, читать, понимать — и без конца…

Выписки различные: интеллектуальные, лирические, развлекательные. Сент-Экзюпери в Нью-Йорке писал, что то и дело будил свою жену Консуэло: «Консуэло! Консуэло!.. Я голоден… Приготовь мне яичницу». И — «Консуэло! Мне скучно. Давай сыграем в шахматы!»

Трагикомедия Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо». Один из персонажей Эстрагон: «Не будем ничего делать. Это безопаснее», — программная идея пьесы.

Турецкий поэт Фазыл Хюсню Дагларджа (1915):

Увижу тебя – хорошо.

Не увижу – тоже неплохо.
Пью и тихонечко старею.
Не пью – получается то же.

Монография о Питере Брейгеле… «Современные американские новеллы 60-е годы» («Прогресс», 1971) — Норман Мейлер, О'Коннор, Джером Дэвид Сэлинджер («Мне за себя стыдно. Мне всё надоело. Надоело, что у меня не хватает мужества стать просто никем…»).

От американских новеллистов к русскому балетному театру начала XX века — книга Веры Красовской (1971). Звёзды Николай Легат, Александр Горский, Михаил Фокин, Вацлав Нижинский… Всё это я читал, проглатывал, впитывал…

Курт Воннегут — «Утопия 14». У писателя среди прочего в романе утверждается, что несовершенство, слабость и неспособность «имеют право на существование, ибо человек несовершенен, слаб, неумел и неловок».

Солженицын «Август четырнадцатого», один из персонажей — инженер Архангородский: «Сам собою народ управлять всё равно никогда не будет».

И продавщица восковая
Невозмутима, как луна.

Это — Осип Мандельштам. И чего только нет в той тетради № 6!..

Ришелье из «Мемуаров»: «Большое число виновных делает неудобным наказание. Однако среди них есть лица, которые могут послужить хорошим примером того, как посредством страха возможно было бы удержать в будущем других в повиновении закону».

Просто и практично…

Салтыков-Щедрин — «Господа Головлёвы». И разве сегодня мы не видим и не слышим, как кругом кипит страсть к пустословию. «…Эти разговоры имели то преимущество, что текли, как вода, и без труда забывались…»

Вслед за Щедриным — «Госпожа Бовари» Флобера, 2-й том повестей и рассказов Леонида Андреева… Книги, чтение, выписки, как забава. И оторваться от этой забавы довольно-таки трудно. И снова Оскар Уайльд «Баллада Редингской тюрьмы» (перевод Нины Воронель, моей ровесницы, 1932):

Заплакал ветер на заре,
А ночь осталась тут,
Сложив в тиски кудель тоски,
Сучила нить минут…

…И в сердце каждого из нас
Надежда умерла…

И через несколько страниц как бы продолжение: Вознесенский «Авось»:

…Нашу шхуну зовут «Авось»!
«Авось» разгуляется, «Авось» вывезет,
На суше барщина и фонвизины,
А у нас весенний призыв «Авось»…

Леонид Андреев, рассказ «Тьма»: «Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем в тьму…»

— О-ля-ля! — воскликнул Ю.Б., большой любитель и старатель выписок, и закончил листать тетрадь на 297-й странице.

Ну, а 31 декабря 1972 года уже были дома втроём и даже с зелёной ёлочкой, делали аперитив из югославского вермута и ели печёные домашние вкусности. И чего-то там смотрели по ТВ. Никаких записей о том времени не нашёл, ну, в 1973 году вернулся к ведению дневника.

Хотел распрощаться с 1972 годом, и вдруг как током ударило: а где анонсированный юбилей: 40 лет, сороковик? Придётся возвращаться назад.

40 лет, как сорок целковых

Дни рождения очень любят дети: хочется поскорее повзрослеть, а ещё подарки. И сожаление, что «день рожденья только раз в году» — по песенке. Ну, а во взрослом возрасте эмоции совсем иные. Есть много высказываний на этот счёт:

Марк Твен: «Что делать с человеком, который первым стал праздновать день рождения? Убить — мало».

Джордж Бернард Шоу: «Только дурак может праздновать годы приближения к смерти».

Неизвестный остряк: «День рождения — вещь приятная, но в больших дозах смертельная».

Повеселились?!.

И вот мне 40 лет. Хочешь — не хочешь, но это так, и не повезло: Ще в больнице, а я в радиозакруте. В последний день 39-летия, 1 марта, на работе пришлось бешено поработать. Повкалывать, как рабочий у станка, расходуя своё серое вещество направо и налево. Отпахал в Комитете аж 13 часов и завизировал последний материал об Узбекистане.

2 марта на работе поздравили стихами:

Пробило! 40! Скажем прямо:

Мгновеньем пронеслись года.
Когда б не Яшин, не «Динамо»,
Не спортлото, не этот самый
Отдел бразильский – вот тогда
Наверняка пришла беда…

Ну и т. д. «Ты знаешь, Юра, как нам дорог / Твой цветущий лик, твой глас…» Насчёт «лика» загнули, конечно. Посмотрел в зеркало: измученный фейс. Всех своих поздравителей угощал в буфете на 9-м этаже, а потом позволил себе расслабиться и отдохнуть в библиотеке, листая подшивки старых газет от 2 марта 1932 года.

Передовая «Правды» — «Марксистско-ленинское воспитание — на высшую ступень». И призыв разоблачать «антипартийную анархо-синдикалистско-меньшевистскую стряпню Шляпникова… школки троцкистских контрабандистов… бороться с гнилым либерализмом».

Репертуар театров: в Художественном — «Хлеб», во 2-м Художественном — «Бесы», в Театре Вахтангова — «Пятый горизонт», в Сатире — «Пять сантиметров», в Еврейском театре — «200 000», в театре МОСПС (был такой) — «Запад нервничает». Он всегда нервничает, а мы всегда спокойны и уверенны. Знай наших!.. В кинотеатре «Удар-

ник» — фильм с участием Гарольда Ллойда. В «Литературной газете» (номер от 5 марта) стихи Веры Инбер:

«Посмотри на меня, моя милая,
Мой любимый, мой классовый друг».

Главное, чтобы из одного класса, пролетарского… И разнос писателя Льва Овалова и его романа «Ловцы сомнений» за образы «сомнительных рабочих: сомнительных коммунистов, сомнительных комсомольцев». И — о ужас: «Автор не показал банкротства оппозиции», «наглой кулацкой буржуазной болтовне ничего не противопоставляется…», «хмуры и угрюмы рабочие». Н-да.

2 марта не 1932, а 1972 года, — в Латиноамериканской редакции партийное собрание. Меня выбрали секретарём собрания. Братцы, а где отдых?!. Тихий плеск воды, звучащие флейты и танцевальные движения полуобнажённых гурий?.. И обращение к Ще в письме: «Видишь, вполне в стиле Востока…» (12 февраля 2019 г.)

1973 год – 40/41 год. Первый выезд на Запад: страны Бенилюкса

До дневника в январе-феврале не доходили руки. Лишь 2 марта накупил газет и из вырезанных заголовков составил поздравительный текст к 41-му дню рождения.

«В строю». «С временем сверяя шаг». «Успехи зависят от каждого». «Главный критерий — дело». «Свекловоды держат совет». «Всё бы хорошо, да что-то нехорошо». «Агрессоры у позорного столба». «Как жить дальше».

В театрах: в Кремлёвском дворце — «Садко», во МХАТе — «Валентин и Валентина». В Малом — «Перед заходом солнца». Ленком — «В этом милом, старом доме». Сатира — «Таблетка под язык» и в «Современнике» — «Восхождение на Фудзияму».

А теперь к своей Фудзияме. Запись из дневника:

2 марта

День моего рождения. 41 год. Никакой радости, никакой приподнятости, сплошной и густой минор… Позади четыре десятилетия, начато пятое.

Смешно, вроде бы ещё мальчишка, а вот, поди, уже пятый десяток. Ещё можно лечь на пол и подкидывать кота кверху, гонять маленький мячик и корчить рожи перед зеркалом, — но это лишь мимолётные ребячьи забавы. Забавы проходят, растворяются, исчезают, и снова сорок лет, седые виски, паутинка морщин возле глаз и трезво-расчётливый ум.

Сорок один. Если не ошибаюсь, то это 14 975 дней, целая куча песка, неотличимые друг от друга песчинки. И только дневниковые записи, словно луч фонарика, высвечивают из этой кучи отдельные песчинки дня, и тогда на этих песчинках — микронах вечности можно рассмотреть бороздки и царапины дел и безделья, мыслей и чувств, событий и встреч. Но давно уже не веду дневник, и все дни падают в беззвёздную темноту Прошлого…

На работе прослушивали мою передачу «Атенсьен ави дес ду сабэр» — «Слушайте нас, любознательные!». В передаче звучали песни, и это было весьма кстати. Бразильская самба «Леванта а кабеса» («Выше голову») была восхитительна. Удивительно радостная и вместе с тем с грустинкой, какой-то сплав надежд и разочарований.

Вечером дома. Ще надела новое малиновое

платье и была неотразима. Вкусный ужин, пиво из новых кружек, изрядная порция газет и верная пишущая машинка «Консул». Ближе к ночи фигурное катание, трансляция из Братиславы…

3 марта

Из записей Ще: «Утро 3 марта было прекрасным. В комнате посапывал новорождённый, по которому ходит кот, вздрагивая от сладких рулад. А за окном — сказка снежная. Деревья белые, в снегу…»

К 18 часам начался сбор гостей. Первыми пришли Куриленки — Володя и Мила в чёрных обтянутых штанах, и Меркуловы — Коля и Лина. С опозданием подрулили Давидовские — Борис и Наташа. Пришли с шампанским и подарком в роли хохмы — электрической грелкой. За столом было шумно и весело. В.П. с изумлением смотрела, как ныне проходят праздники. Ще осталась недовольна, как она написала в своих записках: «усталость, грязная посуда и никакого удовольствия» А где мадригалы, а где фимиам?.. И запись: «Юра прав: нельзя путать разные понятия — „компания“ и „салон“».

Ну, а на работе в день моего 41-летия бодро звучала песня:

Куда бы ни поехал, куда бы ни пошёл, –
Повсюду наша молодость, повсюду комсомол...

Этот пропагандизм хорошо снижали строки Николая Рубцова, тихого и полного тоски лирика:

Лети, мой отчаянный парус!
Не знаю, насколько смогу,
Чтоб даже тяжёлая старость
Меня не согнула в дугу!..

Какая старость! Бедный Коля Рубцов прожил всего лишь 35 лет и был задушен 19 января 1971 года любимой женщиной во время ссоры...

Ну, а мне судьба приказала шагать дальше, как предписал заголовок в одной из газет в день 2 марта: «В строю, на поверке, с временем сверяя шаг». «Главный критерий — дело». И жизнь, как колесо, покатилась дальше...

3 мая

Наступил день Первого мая. В отличие от юношеских лет и жизни в Арсентьевском переулке — никакой приподнятости, никакого душевного «экстазуя» и никаких праздничных шумов и звуков. Во дворах в районе Песчаных улиц нет детей с шарами и гуделками, не видно демонстрантов

с барабанами и гигантскими портретами вождей на тележках с колёсиками. Ничего. Только свежераспустившаяся зелень да небо в облачном панцире…

Поехали на ВДНХ. Былой восторженности уже нет. Удивительная архитектурная безвкусица. Нагромождение разностильных дворцов и павильонов, уже начавших обсыпаться. Городок лжеуспехов и псевдопышности. Чтобы выпить пива, пришлось отстоять в очереди минут 40. Продавщица то получала товар, то заряжала бочку, то бегала за мелочью, то, закатив глаза, считала, сколько сдать сдачу, и т. д. После пива началась туалетная вакханалия. Ще то и дело восклицала «ой!» и мчалась в очередной «домик». Измучившись «отливаниями», посидели немного на берегу пруда и вконец обессиленные поехали домой. По дороге заглянули в павильон свиноводства и полюбовались безмятежным 400-килограммовым хряком эстонской беконной породы по кличке Куллер. Всё остальное — метро, обед, сон, вечер — спрессовалось в одну неразличимую тянучку отдыха.

4 мая

Чтобы отправиться в турпоездку (Бельгия, Голландия, Люксембург), недостаточно крикнуть:

эй, Селифан, закладывай бричку! Прежде чем поставить ногу на тарантас, надо оформить все документы. К примеру, взять у врача справку, что климат в странах Общего рынка с его депрессиями и инфляциями не может повредить человеку, привыкшему жить в условиях стабильного социализма.

Надо — значит, надо. И я помчался в поликлинику. И тут льстивые просьбы по поводу талончика, титанические поиски карточки и стоическое высиживание в очереди. Наконец врач. Спрашивает: «Вы не псих?» «Нет», — отвечаю я, холодея. «Тогда нужна об этом справка». Возражать бесполезно, пришлось добывать справку, что я не псих. Снова талончик — карточка — очередь — врач. Наконец и долгожданная справка: «гражданин Безылянский практически здоров и может ехать в Болгарию». Почему в Болгарию? И почему Безылянский — с перевиранием фамилии?.. Ещё комиссия Московского райкома партии. Сбившийся в кучу народ испытывает почти экзаменационные страсти: «Что спрашивают?» Все выскакивают из комнаты, где заседает комиссия, распаренные, словно побывали в Даниловской бане. «О чём спросили?» «Про передовую сегодняшней „Правды“». Все ахают и бросаются

на поиски газеты…

Комиссию я проскочил благополучно, но в Союзе журналистов попал не в основной состав отъезжавших, а в резерв… Расстроенный, я вышел на Арбат. Светило солнце, улыбались девушки, игриво ласкался ветер, но всё это не радовало. Ужас как захотелось туда, на брюссельскую площадь Гранд-плас, в голландский порт Делфзейл, где стоит памятник комиссару Мегрэ, и после охоты в Арденнском лесу побаловаться знаменитым мозельским вином в Люксембурге…

Май (после 4 мая) — без даты запись об одном дежурстве по главной редакции вещания на страны Латамерики, сделанная во время самого вечернего дежурства: надо же вспомнить, как ЭТО БЫЛО.

Не успел прийти в Комитет (радиодом на Пятницкой все называли просто: Комитет), как навалились производственные заботы, аки медведь; что-то срочно надо читать, править, редактировать. Затем косяком пошли срочные сообщения: речь Косыгина на приёме в ратуше Стокгольма, советско-шведское коммюнике, речь Подгорного на обеде в Хельсинки, — и понеслось дальше — информация, как ураган.

Дежурство в стиле аллегро. Подступает время

очередного блока новостей, бегу на 7-й этаж в ротапринтную, хватаю свеженькие материалы из пасти ротапринтной машины, закидываю их на 9-й этаж португальскому переводчику, на 10-й — испанскому. Потом, разумеется, пошли поправки. На ходу соображаю, куда из новостей что лучше поставить, как изменить всю программу дня, — целая круговерть. Бегаешь весь вечер и обмозговываешь, ибо вечером ты — главный во всей Главной редакции, от тебя всё зависит, и, само собой, спрос с тебя. Как принято говорить: «чесать будут тебя» в случае чего. Хорошо, что в редакции пропаганды дежурил свой человек — Игорь Фесуненко, — и он подкидывал мне материалы прямо по подцинковке (тут дорога каждая минута!). Я всё делаю исправно и оправдываю репутацию одного из быстрых и оперативных дежурных. А гватемалка Марта к тому же считает, что я весёлый. Н-да, весёлый дежурный в тот вечер набегался окончательно и домой притащился в бесчувственном состоянии.

26 мая

Сороковик Володе Куриленко. Тогда мы, можно сказать, почти дружили, работали на радио, на разных этажах — он на 7-м, а я на 9-м. И в духе пропагандистских новостей я написал ему по-

здравительный текст под названием «Бюллетень новостей»:

1. Президиум нижнего Совета и Великий Народный Хурал награждает Куриленко Владимира Максимовича в связи с 40-летием со дня рождения Большой медалью «Предпенсионный возраст» 1-й степени с предоставлением права входить в трамвай с передней площадки.

2. Исполком Моссовета принял решение установить доску на бывшей школе № 554. На доске выбить надпись: «Дети, в этой школе учился, в этих коридорах шалил и на парте в классе ёрзал Куриленко В.М. Сейчас он не учится, не шалит и не ёрзает. Дети, берите пример с бывшего ученика Володи Куриленко».

3. «Наш несостоявшийся комиссар Мегрэ» — такими словами начата телеграмма, полученная в адрес юбиляра из МУРа.

Вы прослушали новости. А сейчас… (фонограмма со звоном бокалов) вы слушаете репортаж с места событий (слышен шум, гвалт, чоканье, сопенье, крики «Давайте, наконец, выпьем!», «А ты кто такой?!», «А я как дал ему с левой!..», «Сосед, подкинь на тарелку салатик!..» Обычная вакханалия под соусом «40 лет»).

Так мы тогда веселились. До ввода советских

войск в Афганистан ещё оставалось несколько лет…

19 июня

Накануне футбольного матча СССР — Бразилия (21 июня) я увязался вместе с Игорем Фесуненко в поездку в Новогорск на базу команды. Фесуна рассказывал нашим игрокам о бразильских футболистах. Любопытно, что наших ребят больше интересовала оплата игроков в Бразилии, чем чисто игровые моменты. И когда Игорь говорил о Пеле, о его сказочных гонорарах, об автомобилях, у наших горели глаза и им страсть как хотелось красивой жизни… Я взял для своих радиопрограмм короткие интервью у Владимира Мунтяна, Олега Блохина, Муртаза Хурцилавы и Евгения Ловчева.

20 июня

В Лужниках нас с Фесуненко не пустили в раздевалку сборной Бразилии на том основании, что накануне у них пропало 13 подстаканников, — бред какой-то! Уже на выходе с арены мне удалось взять интервью у бразильского защитника Зе Мария, используя свой скудный запас португальских слов: «пор фавор», «муйто бень» и чего-то ещё.

23 июня

Неожиданно выяснилось, что мы, Московское радио, не будем вести репортаж на Бразилию, а скооперировались и скоммутировались с «Радио насьонал» из Рио-де-Жанейро. Эта свобода от репортажа позволила мне посмотреть матч, правда, с очень большой высоты (намного выше 70-го ряда) через стекло кабины-студии, кося глазом на монитор. Игра была неяркая, неинтересная. Победили бразильцы — 1:0. Когда гол забил Жаирзиньо, один из бразильских комментаторов упал от восторга со стула. Я посмотрел, как они работают. Великолепно! Озеров, Спарре и другие наши комментаторы — бледная немочь. Тут скорость, динамизм, яркость, эмоциональность. «А бола фужил комо ун фогетти!» (мяч улетел, как ракета)… На Пятницкую мы приехали в двенадцатом часу ночи. Я быстро отстучал информацию о матче. В половине первого приехал домой и свалился на постель, как подрезанный сноп… На следующий день в Союзе журналистов сказали, что можно брать отпуск: я попал в основной состав группы счастливчиков…

26 июня

Василий Кузьмич позвонил и сказал: 2 июля в «Метрополь» с паспортом и 450 рублями…

Странно, в жизни иногда сбываются мечты, но сбываются они именно тогда, когда растрачен на ожидание весь пыл души. Мечты исполняются, но радости они не приносят. Так и сейчас. Ждал, хотел поехать. И вот. Полная апатия и никаких эмоций.

29 июня

Пятница, с работы уходил, кусаемый за пятки, и вечером, с разрешения Ще, пошёл на холостяцкие посиделки на квартире у Шестирикова в Собачьей слободке. Втроём: хозяин, Хача и я. Сначала я рассказывал, почти как лектор, о международном положении (они ни хрена ничего не знают), потом играли в преферанс. Выпили три бутылки сухого вина, две бутылки пива и ещё сверху несколько чашек чая. Оторвались…

30 июня

На следующий день с Ще в Театр на Таганке. Композиция по Маяковскому «Послушайте!». Необычно и остро. Честь и хвала Юрию Любимову, воскресившему театральные традиции Брехта и Мейерхольда. Театр статистов, которыми руководит железная рука режиссёра. Среди артистов бесспорно лучшая Зинаида Славина. Неплохо выглядели Смехов, Хмельницкий, Шац-

кая. Обаятелен Золотухин. В спектакле много от студенческого капустника. Но главное — Маяковский. Я очень люблю раннего Маяковского, бунтаря, горлопана и индивидуалиста, и очень прохладен, если говорить мягко, к позднему Маяковскому, с его партийными книжками, к ангажированному властью. Но молодой! С его вопросом: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» (1913).

«Ничего не понимают», «Послушайте», «Скрипка и немножко нервно», «Вам» — все поэтические шедевры от поэта молодого поколения старому миру.

Что нам деньги, транжирам и мотам!
Мы даже не знаем, куда нам деть их…
(1915)

Лихой был юноша. Талантливый, взрывной. «Я спокоен, вежлив, сдержан тоже, / характер, как из кости слоновой точен, / а этому взял бы да и дал бы по роже: / не нравится он мне очень» (1915).

Концовка «флейты-позвоночника»:

Видите – гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Первое заграничное путешествие. Бельгия, Голландия, Люксембург. Отрывки из путевого дневника

3 июля 1973 года

Ту-154 взревел и легко оторвался от родной земли. Летело нас мало: группа советских журналистов в составе 17 человек да ещё с десяток каких-то людей. Пользуясь раздольем, мы свободно перемещались по салону самолёта… Через три часа мы приземлились на брюссельском аэродроме Завентен. Со смешанным чувством острого любопытства и щемящего страха я ступил на чужую землю. Сколько прочитано и услышано о капиталистическом мире, о буржуазном обществе, о западном образе жизни, — и вот он, Запад, терра инкогнита, передо мною.

Первое, что бросилось в глаза, — яркие машины с названиями компаний «Шелл» и «Эссо». Первые империалистические спруты! Огромные залы аэропорта. Разноцветная, разноязычная толпа: негры в синих пиджаках, негритянки с негритятами на руках, длинногривые молодые люди — все это движется, снуёт, жуёт. Тут же сверкают и завлекают витрины магазинчиков. В середине одного из залов жанровая сцена: малыш заупря-

мился и заплакал, мама наклонилась к нему. «Плачет, — кто-то умилённо сказал из нашей группы, — как у нас». И вот это ощущение, что тут же, как у нас, живут такие же люди, они так же плачут и смеются, сразу придало всем нашим советским уверенности…

В просторном бело-кремовом автобусе наш гид мсье Роже добросовестно начал вдалбливать в наши головы массу разнообразных сведений. О том, что маленькая Бельгия постоянно испытывает влияние двух соседних гигантов — Франции и Германии; что бельгийцы не любят немцев и часто говорят: «Одна нога во Франции, одна нога в Голландии, и можно писать на Германию». Слово «писать» Роже произнёс очаровательно, а не вульгарно. Далее: внутри Бельгии действуют противоборствующие группы: фламандцы и валлоны, католики и социалисты… «Мы едем в Льеж, — говорит в микрофон Роже, — в нём издавна происходит борьба и смута, льежцы всегда боролись против авторитетов. Они обладали демократическими правами задолго до французской революции… Это самый сердечный народ, в то же время самый беспорядочный, и у него много гре́хов».

В слове «грехов» гид поставил неправильное

ударение. Но все неправильности русской речи воспринимались нами доброжелательно.

…Первая прогулка по Руа Бейкман. Страшно. Повсюду чужие люди, гангстеры и Джеймсы Бонды, шпионы и разведчики, они только и ждут, чтобы сцапать советского человека и всё вызнать о работе ЖЭКов, сельпо и прочих стратегических объектов…

4 июля

Нам выдали на руки по 562 франка, и мы пытаемся мучительно понять, что можно на них купить: электрический утюг, дамскую сумочку, мужскую рубашку из бодлона или истратить на «девочку» за 30 минут удовольствия? Куда выгоднее поместить франки? Эти муки Тантала сопровождали нас все дни путешествия. Советские потребители, голодные до товаров и услуг…

В льежском музее старинного оружия самое интересное было не арбалеты и мушкеты, а спальня Наполеона Бонапарта, здесь он ночевал дважды: в 1803 году с Жозефиной Богарнэ и в 1811 году со второй женой, Марией-Луизой. Под высоченным балдахином высится золотисто-красное ложе императора…

В музее изящных искусств наша молодящаяся дама Зоя то и дело всплёскивала руками и

причитала: «Посмотрите, какой интересный Мазерель! А Утрилло?! Какой чудный Утрилло! А Фламинк!..» Она схватила меня за руку и потянула дальше: «А вот и Марке! Марке — я смотрю!» А потом был обед в «Серебристом лебеде». После сытных вкусных блюд и вина другая мадам — Вера, редактор из радиостанции «Маяк», придвинулась ко мне близко и спросила: «Старик, скажи честно, ты не тот участок, на котором я могу баллотироваться, да?» Пришлось развеять её надежды: не та кандидатура. Вера не расстроилась, она фонтанировала афоризмами: «Женщина бывает права лишь один раз, когда соглашается. И уже не права, когда согласилась… Запиши, старик, запиши!.. Советские женщины — все способные. Они способны на всё!.. Ха-ха!..»

…На улочке ангелов за стёклами витрин в различных позах ожидания сидели проститутки. Не двигаясь, не зазывая, как изваянья соблазнительного порока. И лишь иногда поднимали глаза… «Ах, эти дамочки за стеклом? — писал Альбер Камю в повести „Падение“. — Это мечта, месье, доступная даже бедняку, мечта о путешествии в Индию.

Эти куколки надушены морскими пряностями. Вы входите, они задёргивают занавески, и вы

уже в пути…»

5 июля

День на колёсах. Клерво, Люксембург, Намюр.

…В ресторанчике. «Аперитив — это привет директора туризма», — тоном конферансье провозгласил Роже. Олег залпом опрокинул стопарь и, не вытирая мокрых губ, жалобно спросил: «А нельзя ли два привета?» Все прыснули…

6 июля

Малин — главный религиозный центр Бельгии… Кафедральный собор Сен-Рембо. Его строили 250 лет… Международная школа звонарей. На лужайке перед дворцом мы расселись на раскладных стульчиках и собрались слушать необычный концерт под безоблачным небом Малина.

«Прелюдия Рахманинова, опус драй», — объявил Роже, и через несколько мгновений из высокой колокольни дворца вылетело музыкальное облачко. Из него выпали и разбежались по траве отдельные звуки, чистые и хрустальные. Ещё миг, и всё потонуло в малиновом перезвоне. Звонарь исторгал из колоколов нежнейшие переливы, они звенели, как ручейки в весенний день, и струились, как тонкие серебряные нити в руках прелестной молодой женщины. Под чару-

ющим пением колоколов исчезали из сознания государства и границы, визы и паспорта, рубли и франки, — всё это представлялось мороком и тленом. Душа очищалась от всего наносного и рвалась в небо, ввысь, к Богу, туда, где вечная гармония, счастье и блаженство…

Из Малина возвратились в Брюссель. Осмотр королевского музея изящных искусств. Шедевры Дирка Боутса, Рубенса и Питера Брейгеля-старшего… У одной картины Роже давал объяснения, с трудом подыскивая русские слова: «Человек смертен, грешен… поэтому его нужно всегда поднимать, поднимать кверху, на Голгофу…»

Среди шедевров фламандской живописи XVIII века я выделил «Аллегорию плодородия» Иорданса.

В Обществе бельгийско-советской дружбы мне пришлось выступать от имени советских журналистов, и я выступил пряно и цветисто, в стиле «а-ля Фидель». Говорил о дружбе и сотрудничестве между нашими народами. Не успел я закончить, как ко мне подскочил бывший московский корреспондент газеты «Драпо руж» и начал расточать похвалы: «Оратор!.. Дипломат!.. Громыко!..» При этом он запустил свои пальцы в мои бакенбарды и трепал их, как фокс-

терьер тряпку. Мне оставалось в ответ молотить его руками по спине…

Вечером за 57 франков я пошёл на фильм «Ля гранд буфф» — «Великая жратва», на философскую притчу о конце общества изобилия…

7 июля

Площадь Гранд-плас с золочёными фасадами гильдейских домов. «Эти дома не раз разрушались, — пояснил Роже, — но они поднимались вновь, как птица феникс из пепельниц». Из пепельниц — это что-то новенькое… «А вот балкон, — продолжал Роже, — с которого Маркс впервые прочитал „Манифест коммунистической партии“». Мы с разными чувствами посмотрели на балкон: кто с уважением, а кто с опаской, а вдруг глянет оттуда призрак коммунизма…

Королевский дворец… Кафедральный собор Сен-Мишель, заложенный аж в 1225 году (а что в это время было на Руси?..). Причуды короля Леопольда: китайский павильон и японская красная пагода. И сразу вспоминается Киплинг: «Возле пагоды Мульмейна, на восточной стороне, / Знаю, девочка из Бирмы вспоминает обо мне…» По ходу осмотров я постоянно задаю вопросы Роже, и он начинает меня звать «Юрий Вопросович»…

Знаменитое Ватерлоо… Миниатюрные фигурки

счастливых победителей Бонапарта — маршалов Веллингтона и Блюхера… Ресторан. Его содержит Норберт Брасин — потомственный наполеоман, пацифист по духу…

Вечерняя прогулка по Брюсселю. Авто-секс-сервис. В тихом переулке вас нагоняет машина с красным огоньком, на ходу открывается дверца, вы видите длинную голую ногу, и её обладательница приглашает вас в салон и занять место у руля. Как в старой дореволюционной шансонетке:

Шофёр мой милый, как ты хорош,
За руль возьмёшься – бросает в дрожь.
Ты знаешь, как поставить,
Ты знаешь, как направить,
И нежданно полный ход даёшь…
Я замираю, я вся дрожу,
Сама не знаю, чего хочу…

Опять же всё это не для нас. Советский турист еле добрался до номера отеля и полоскал в белоснежной раковине грязные носки и рубашку.

8 июля

Брюгге… Странный, какой-то нескончаемый праздник жизни. Все ходят сытые, праздные,

довольные! Как будто за спиной остались все огорчения, заботы, печали. Как будто на свете нет кошмара наёмного труда. Нет подчинения и насилия. Нет ничего повседневного тяжкого и нудного. А есть одно — вечный праздник, буйство красок и дионисийское начало!..

Побережье Северного моря. Зейбрюгге, Кнокке. В холле казино выставка картин мэтра сюрреализма Поля Дельво. Ничего подобного я не видел: обнажённые женщины в средневековых интерьерах. Не «прелестные подруги для забав», а статуи, как мраморный декор — синеватые, фантомические. Эффект ошеломляющий… (Комментарий из февраля 2010 года. Через два десятилетия я написал в газете «Вечерняя Москва»: «Все знают Сальвадора Дали, но никто не знает Поля Дельво.)

На обратном пути — Гент. Кафедральный собор святого Павона (Павла). Потрясающий алтарь Ван Эйка, большой полиптих из 12 частей… Переезд в Антверпен…

9 июля

С Сашей выскочили на утренний променад. Я шёл мимо ломящихся от товаров витрин магазинов и матерился, как последний одесский биндюжник. Мою матерщину К. воспринимал

как своеобразный протест против общества потребления.

Осмотр дома типографов Плантена и Моретуса. Сонет Кристофера Плантена, набранный на одной из старинных типографских машин. Роже перевёл сонет так:

Хорошо иметь удобный дом и красиво возделанный сад,

Есть фрукты и пить превосходное вино,

Иметь немного богатств, мало детей

и одну верную жену…

Необходимо дисциплинировать страсти,

Сохранить свободный ум

И в саду спокойно ожидать смерти.

Далее дом-палаццо Рубенса… Мидделхайм — музей скульптуры на открытом воздухе…

10 июля

Прощай, Бельгия. Здравствуй, Голландия!.. Роттердам. Гид Марсела, которая, в отличие от бельгийского Роже, не очень утомляла группу экскурсиями. «Обратите внимание, у всех голландцев в домах незакрытые окна. Во времена

испанского владычества завоеватели не разрешали голландцам задёргивать окна гардинами. Они опасались заговоров. Это вошло в традицию и сохраняется поныне…»

Новинка для нас — торговая улица Леенбаан. «Следует восстановить градостроительство и архитектуру, как язык человеческого общения… — писал один из создателей Леенбаана Якоб Беренд Бакем, — дома и города создаются не столько для того, чтобы в них жили, сколько для того, чтобы они влияли на способ жизни тех, кто в них живёт». А как влияют наши, скажем, Черёмушки на людей? Поднимают их дух? Создают парящее настроение? Смешные вопросы…

11 июля

Делфт. Знаменитая фаянсовая фабрика. Специально для туристов демонстрируют на гончарном круге, как обрабатывают глину. И как делается изящная, тонкая роспись… На фабрике трудятся 32 работника, включая администрацию. И у меня возникло подозрение, что штаты не раздуты, каждый на своём месте и каждый работает с полной отдачей сил. Не бежит в соседний магазин за продуктами и не болтает по часу в кофейне…

Далее Матюродам — макет Голландии в 1/25 натуральной величины… Из-за дождя отменён

очередной музей — и пожалуйте в родное посольство. На стене огромная картина кисти далеко не Рубенса: под сенью берёзок отдыхают две колхозницы, телес не видно — всё плотно скрыто сарафанами, а волосы прикрыты косынками. Они полулежат и счастливо улыбаются: рапорт о косовице хлебов в центр послан досрочно… К нам вышел некий ответственный товарищ и заверил нас, чтобы мы не беспокоились: на родине всё хорошо, страна уверенно идёт по пути социализма…

12 июля

Снова Гаага. Музей Маурицхейс. Среди картин знаменитый урок анатомии Рембрандта — «Анатомия доктора Тульпа», написанная в 1632 году, ровно за 300 лет до моего рождения. Полотна Якоба Иорданса, Яна Вермеера… Город Гарлем, музей Франса Хальса. «Стрелки гильдии св. Адриана» (1633). Как писал какой-то наш критик о художнике, «свои разочарования, горечь и тревогу Хальс умеет превратить в прозрение великой истины…». На улице в лавочке не удержался и купил за один гульден и 25 центов фаянсовую тарелочку с изображением традиционной голландской мельницы…

В 12.25 въехали в Амстердам, в северную Вене-

цию. Небольшой отель «Наполеон»… Амстердам — коловращенье машин, людей, суета, Музей восковых фигур мадам Тюссо, секс-шопы…

13 июля

Дом-музей Анны Франк. Городской парк, наводнённый хиппи. «Музеи — это старая Голландия, а хиппи — новая…» — объяснила гид. Среди хиппующих молодых людей как-то по-иному воспринимаешь наши студенческие строительные отряды: «А я еду, а я еду за мечтами, за туманом и за запахом тайги». Тут совсем иные пристрастия и иные запахи. Любовь под открытым небом…

Рядом с городским парком Рейксмузеум. Обширная коллекция Рембрандта ван Рейна. И знаменитейший «Ночной дозор»…

Итальянский ресторан «Пино» удивил знакомыми с юности мелодиями: «Полюшко-поле», «Кирпичики», лещенковская «Татьяна» с воспоминаниями золотых дней и кустов сирени… Вечером в гордом одиночестве посмотрел фильм Бертолуччи «Последнее танго в Париже» (примечание из сегодняшнего дня: у нас эта лента смогла демонстрироваться лишь после падения СССР и железного занавеса).

14 июля

Заандам. Домик Петра Великого. Вылизанная до блеска деревушка Саншесханс. Волендам. На катере по амстердамским каналам. Район секс-шопов. «100 процентов порно. Гарантия». Набережная продажной любви.

Осмотрелись немного и в ночные дозоры

Мы отправились снова, как встарь.

Посмотрели в окошко, как живописные крошки

Зажигают призывно фонарь… –

продекламировала в автобусе Марсела стихи неизвестного поэта.

Саша Кутейницын работает в журнале «Здоровье». Рассказывает, как в редакцию приходят мешками письма, в которых просят помощи и советов в запретной области секса. На почве незнания льются ночами невидимые слёзы, разыгрываются трагедии, рушатся семьи. Жёсткое табу на интим оборачивается страшным бумерангом против людей. Но нельзя! Не принято у нас об этом. Главное для советского человека — это труд, здесь человек всё должен знать, понимать и чувствовать, как прекрасен он, этот самый труд. В человеке должна быть воспитана,

как язвительно заметил критик Янов, «великолепная способность безупречно вкалывать в любых самых нечеловеческих условиях» («Новый мир», 7-1972). А постель? Извините! Пережиток прошлого. Тяжёлое наследие царского режима…

15 июля

Как говорил Горацио: «Но вот и утро в розовом плаще росу пригорков топчет на востоке». Проснулся в 4 часа и перебирал в памяти минувший день. Фраза одной журналистки: «Вера, я не понимаю, как живут лесбиянки, ведь у них для ЭТОГО ничего нет»…

За завтраком Марсела объявила: «Сегодня воскресенье. Всё закрыто, кроме девочек». Она сделала эффектную паузу и добавила: «Но голландцы к ним не ходят».

А нас повезли на кладбище Амерсфоорт, где достойно захоронены советские воины. На плитах значатся фамилии: Моисеенко Адам, Нога Фёдор, Бобров Михаил… Заснули вечным сном молоденькие парни на далёкой и незнакомой голландской земле. Они полегли для того, говорят нам, чтобы никогда не было войн и несправедливости. Но разве войны кончились и разве зло по-прежнему не властвует на земле?

…От Амерсфоорта до Сафари 60 км. Сафари —

это Африка в миниатюре… Сафари — это звери на воле. По пути то и дело слышались шутки, кто кого съест… жирафы, зебры, страусы, львы, носороги.

16 июля

С утра погода стояла на отлёт.

Сердце рвётся в груди на части,
Надоел уже Амстердам.
Я лечу сегодня, Щекастик,
Чтоб к любимым припасть к ногам, –

писал я, примостившись к гостиничной тумбочке. «А если вдруг какой-то турк / Тебя загонит в Люксембург…»

До аэропорта музей Винсента Ван Гога. 230 полотен и 500 рисунков… Аэропорт Схипхол. Поднимаемся по трапу и имеем счастье лицезреть курносые физиономии русских стюардесс. Взревели турбины Ту-154. И вместо взлёта к самолёту заспешили жёлтые пожарные машины. Стало быть, какое-то ЧП. Из-за него мы вышли из самолёта и получили дополнительный день пребывания в Нидерландах. Как там у Юнны Мориц? «Ни у кого не спрашивай: „Когда?“ / Никто не знает, как длинна дорога…» Ночлег мы

получили в шикарной гостинице «Гранд-отель Краснопольски»…

17 июля

Незапланированный завтрак на голландской земле. Стол по-шведски… Последняя прогулка по торговой улице. И снова Схипхол. Нас ведут к новенькому Ил-62, а вчерашний Ту-154 стоит невдалеке и кукует… В салоне вместе с нами летели шахматисты, и я с удовольствием терзал вопросами экс-чемпиона мира Михаила Таля… В 18.00 по московскому времени мы совершили посадку в Шереметьево.

— Кто такие? — хмуро спросил таможенник.

— Журналисты.

— Где были?

— В Бенилюксе.

— Журналы, газеты покупали?

— Нет, — хором ответили мы.

— Проходите, — последовало равнодушное разрешение.

Кошка Тяпка дома сделала «глаза во флюгере» и отбежала подальше от чужого заграничного дяди. Из сумки вывалил кофты, баночки джема, салфеточки и прочие сувенирсы. Каждая штуковина осматривалась и комментировалась. Я был дома. Все близкие рядом и находились в

приятном удивлении от явления из Бельгии-Голландии. Чего же боле?!. А на следующий день утром мы отбыли в Софрино — на продолжение отпуска.

Софрино

19–27 июля

В Софрино было хмуро и пасмурно. Дождь баловал нас своим вниманием. Иногда отогревало солнышко…

Из записей Ще: «Итак, 15 дней несоветской жизни вдали от российских берегов привели Ю.Б. к плачевному состоянию. То ли не выдержал позвоночник, то ли отказал какой-то блок в нервной системе, то ли сказался великолепный прострел в Арденнских лесах, но фигура загрантуриста очень напоминала по крену Пизанскую башню… На мою долю выпала благородная роль медсестры и сиделки, работала с двойной нагрузкой: часами выслушивая Ю.Б., я освобождала его от переизбытка впечатлений, не забывая при этом врачевать его измученное тело. Анальгин, горчичники и простое проглаживание облегчали боль у человека-Пизанская башня. Но это не всё. Я без конца примеряла привезённые из Антверпена шикарные кофточки, одна ярко-салатовая,

а другая небесного цвета, — гибель московским модницам. Ещё успевала читать взятые в библиотеке Дома творчества журналы „Искусство“ советских 40–50-х годов и книгу Гусаровой „Мир искусства“. К чтению и лечению следует прибавить и прогулки в лес, ковыляя, но Ю.Б. всё-таки участвовал в них…»

27 июля

Возвращение из Софрино и вечером были самые счастливые для меня часы отпуска-73. Я просматривал вышедшие без меня газеты, интересное прочитывал (а скорее, проглатывал), рассортировал вырезки по досье, что-то подклеивал в тетрадь «Динамо», заполнял статистические бреши — игры, голы. И всем этим занимался почти 6 часов. Я был дома, я сидел за письменным столом и занимался любимым бумажным делом. Почти по Марине Цветаевой, пропевший гимн письменному столу:

Испытанный, – как пила,
В грудь въехавший – край стола!

28 июля

Отрезвление. Визит к невропатологу и в магазины за продуктами с неизменным стоянием

в очередях. В фотоателье хотел проявить плёнку отснятых на Западе кадров, — нет бумаги. В аптеке свои фокусы: то нет аптекарши — ушла принимать товар, то исчезла кассирша. Потом появилась — старая, измотанная женщина, из-под халата которой торчала замусоленная комбинация. Сразу почувствовал: я на родине…

30 июля

В полускрюченном состоянии вышел на работу. О своей поездке на «гнилой Запад» рассказал коллегам скупо, а вот Ще сняла все сливки на своей работе, живописуя, как МЫ ездили, что МЫ видели, показывая картинки-проспекты, все заслушались и просили Ще ещё что-нибудь рассказать об удивительных странах — Бельгии и Голландии. Ще — молодец!..

И далее. Жизнь быстро вошла в привычную колею, дни сменяли дни, и ничего запоминающегося не произошло, может быть, только обмен визитами с Борисом Безелянским. И одно действительно важное событие для Латинской Америки: гибель президента Чили Сальвадора Альенде.

22 сентября

Ветераны — Ю.Б., Давидовский и другие играли

в футбол на одном из полей в Лужниках. После месячного прострела-радикулита — тоже событие. А так всё время одолевало желание поклеить альбом с поездки, но в продаже нет ни альбома, ни клея. Нет многого. Такова се ля ви.

24 сентября

В этом году осень ненастная: почти «всю дорогу» холодно и идут дожди… Всё смыто и почти забыто, и где-то далеко в памяти необычная поездка в необычные страны. Стоит мне войти в любой наш магазин, как начинает стискивать грудь: обидно за страну, обидно за людей. Или у нас чего-то нет, а если есть, то плохое и некачественное. И жуткий беспорядок, безалаберность, азиатская дикость. Но все довольны. Все живут. Все улыбаются. И только те, кому посчастливилось увидеть иное, не способны принимать всё так, как есть, с благодарностью «к партии и правительству». Они отравлены скепсисом. Кудрин был в Чили, Сериков — в Бразилии и проездом в ФРГ. Все единодушны: мы отстали, нам надо догонять и догонять. Мы выплавляем больше всех стали в мире. Но утром я беру стальное лезвие, и оно жёстко дерёт кожу, не бритьё, а мука. И так почти во всём, кроме вооружения, где мы о-го-го!.. Меняется мир, меняются страны, только у нас

в России всё остаётся по-прежнему, как описывали классики — Щедрин, Гоголь, Достоевский. Та же система самодержавной власти, забитый и послушный народ с рабской психологией и с вековым удивлением:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет…

Так писал Алексей Константинович Толстой в «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

Знакомство с Европой — этот Бенилюкс, — можно сказать, добил меня. Одно дело — знание заочное, совсем другое — всё видеть своими глазами. И увиденное очень опечалило меня. В душе, во взглядах, в мыслях. Но это не помешало, и это надо признать, моей пропагандистской работе на радио. Двоедушие в России поселилось с 1917 года, с Октябрьской революции…

* * *

В конце года в Софрино состоялась партийная учёба (2 или 3 дня) привезли-увезли. Читали

какие-то лекции, кто-то выступал, наставлял, учил, предупреждал, — всё как водится. Но запомнилось не это, а фильмы, которые показывали партийному активу: «Великая жратва», «Последнее танго в Париже», «Ночной страх» с Элизабет Тейлор и вторая серия фильма «Мир ночью». Свеженькие, острые и недублированные. Их синхронно переводил Владимир Познер.

Какая ирония: Познер и Ю.Б. Американец и Русак. Политический комментатор, у которого не было «потолка» в гонорарах, и я, всего лишь обозреватель, но с «потолком», как у всех остальных пишущих. Но. Оба секретари партийных бюро: Познер — отдела вещания на США, я — на страны Латинской Америки. Север и Юг. Нас и поселили в одну комнату, и спали напротив друг друга. Что можно вспомнить о Познере того времени? Холодный, замкнутый, самовлюблённый, надменный человек, с которым ни в разведку, ни в обычную пивную не пойдёшь. Не наш человек…

Ну, и логично вспомнить то, что я сочинял на Иновещании, на страны Южной Америки. Основные программы: «Культурная панорама», «Слушайте нас, любознательные!» и спорт. Пропагандизм чистой воды. Лучшая страна мира! Никаких проблем! Лучезарное будущее!.. Что-то

выделять не имеет смысла, пожалуй, лишь две темы: 100-летие Фёдора Шаляпина и 75-летие Художественного театра.

В ФиСе вышел футбольный календарь (составленный мною по протекции Аркадия Комарова, а так никто бы не позволил чужаку ворваться в спортивный мир). И в календаре был представлен мой материал «Год сборной». А открывал календарь-справочник футбольный президент Валентин Гранаткин. В печать подписан 5 марта, тираж 300 тыс. экз.

Футбол — это только часть увлечений и занятий. Ещё книги, выписки и писание в стол. 1973 год — не исключение. 17 июня начал очередную тетрадь «Энергомашэкспорт» под номером 7 (и до июня 1976-го). Почти 400 страниц лощёной бумаги. Переписывать всё невозможно, поэтому так немного навскидку.

Ещё и звёзды не зажгли!
Ещё планеты не включили,
Ещё луну не волочили
В небесной призрачной пыли…

Это Борис Слуцкий, стихотворение «Перед вечером» с концовкой: «И звёзд далёкий разговор / Внезапно душу задевает…» И далее россыпь

имён, как золотые прииски: Франц Кафка, Цветаева, Рубцов, Георгий Гачев, Чингиз Айтматов, Радищев, Шопенгауэр, современник Шекспира — Джон Донн, много-много великих, знаменитых и популярных имён. Чего только я не записывал: от «Первого послания Павла коринфянам» до юмора из бразильского журнала «Вежа»:

Triades: Три вещи прекрасные, но ускользающие от тебя: облачко в небе, красивая и богатая женщина, молодость.

Три вещи, недоступные ЭВМ: звёзды в небе, песчинки на пляже и идиоты на свете.

Три вещи, горячие и переменчивые: пламя костра, слово общественного деятеля, нежность женщины.

Три вещи, которые никогда не повторяются, их невозможно восстановить: последствия клеветы, прошедшее время и отложенный половой акт.

Достоевский «Записки из мёртвого дома»: «…но в том-то и дело. Тут уж не до рассудка. Тут судороги».

Цитаты из учёных: Марк Борн, Бертран Рассел, Альберт Швейцер (книга «Культура и этика», 1960, переведена в 1973-м) — «Сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведёт к умиранию в нём духовного начала…»

Напечатал вывод Швейцера и задумался. Вот только в одной тетради № 7 собрана сокровищница человеческой мысли. Но кто, кроме единичных интеллектуалов, будет копаться в этой прорве наблюдений и выводов. Современный человек сверхзанят добычей денег — на одном полюсе и выживанием — на другом. Он не хочет мыслить, напрягаться. Он жаждет отдыха и развлечений — вот почему полны концертные залы выступлений артистов юмора и смеха, лёгоньких песенок и откровенной ржачки. Вот Иосиф Раскин в конце 90-х издал книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса» — по существу обширный том анекдотов и шуток на гране и за гранью фола. Бешеный успех. Многотысячные тиражи. Ну как не посмеяться и не погоготать.

Грузин останавливает девушку.

— Послушай, у тебя грудь есть?

— Есть.

— А почему не носишь?

Или вот другой анекдот, о евреях. Разговор:

— Хайм, ты слышал новость? В зоопарке родился слонёнок.

— Ну и как это отразится на евреях?

Короче, Раскин — это умора. Казалось, мы с ним — два берега у одной реки. Иосиф подарил

свою книгу с неожиданной для меня дарственной надписью: «Милому Юрию Николаевичу, выдающемуся российскому интеллигенту, постоянно доказывающему, что компьютеры не нужны, с огромным уважением и непременным восхищением от автора, от всей души». Подпись, дата: 9 апреля 1999 года.

То есть Раскин был в жизни не только развесёлым анекдотчиком, но, очевидно, и человеком, тянувшимся к серьёзу, иначе почему он восхищался моими писаниями?..

А я — человек, тянущийся именно к серьёзу и, если говорить шутливо, к размышлизмам.

В эссе английского романиста Уильяма Голдинга о Копернике есть рассуждение: «Насущнейшая человеческая потребность — искать связующие звенья между отдельными явлениями».

Это про меня. Меня всё время тянет к какой-то систематике — связать все события и факты в единое целое и вывести закономерности и аномалии. На основе прочитанных буквально тысяч книг, статей и художественных произведений я задумал и осуществил некий труд под названием ЮБИБЛИЯ — Ю.Б. плюс Библия. С огромным энтузиазмом приступил к реализации задуманного. Начал 14 мая, а закончил 1 декабря 1973 года. 115

страниц, и назвал я 1-ю часть немного претенциозно: «Хорошо темперированная сонатина для флейты-пикколо и баса-кларнета». Главе предшествовали 7 эпиграфов, приведу лишь некоторые:

«Для человеческого ума недоступна совокупность причин явлений. Но потребность отыскать причины вложена в душу человека».

(Лев Толстой. «Война и мир»)

«Настали тяжёлые времена, прогневались боги, дети больше не слушаются родителей и всякий стремится написать книгу».

(Вавилонская табличка. До нашей эры).

«Я чувствую себя хорошо, только когда пишу».

(Серен Кьеркегор, датский Сократ).

«Великая тяжесть давила ей на сердце — тяжесть мира, лишённого смысла».

(Торнтон Найвен Уайлдер. «Мост короля Людовика Святого»).

Ну, а далее идут короткие, но информативно насыщенные главки:

«О боже, что есть человек?» «Происхождение». «Палачи и жертвы». «Природа человека. Раскол между душой и телом». «Чужая боль — не моя боль». «Гомо сапиенс? Нет, Гомо маньякус!» «Щемящая тоска желаний». «Когда прилетит птица Каган?» «Театр жизни». «Нет в мире ничего пре-

красней бытия». «Нас всех подстерегает случай». «Попытка избежать страха смерти». «Жизнь — временное сочетание безначальных элементов». «Время». «Ты одинок и одиноким останешься» и т. д. (28 ноября 2018 г.)

* * *

Очень серьёзно. А можно что-нибудь полегче? Пожалуйста, 11 августа 1973 года состоялся первый показ киносериала «Семнадцать мгновений весны». Вячеслав Тихонов в роли Макса Отто Штирлица, штандартенфюрера СС (а как костюмчик сидел!). И сколько анекдотов породил сериал: «Штирлиц шёл по улице с женой. Раздался выстрел, жена упала. Голос Копеляна за кадром: „Штирлиц насторожился“».

Ну, и последнее. За 15 дней до Нового года, 16 декабря, написал некий текст — послание к любимой. Вот только часть:

> *…У нормальных мужчин есть любимые автомобили*
>
> *(желательно заграничной марки),*
>
> *любимые напитки (от 4-12 и выше),*
>
> *любимые развлечения (бокс, футбол и прочее).*

Но любимые женщины?!

Фи! Есть бабы.

Но разве эти, кудрявоголовые, в мини и макси,

возможны на роль любимых?

Их удел – стирать, стряпать, судачить

и сморкаться от слёз, когда не хватает денег.

Любимая женщина – это другое!

Это существо, которое выше стирок, стряпни,

судачества и сморкания.

Это – аромат зелёной травы, когда кругом бело от снега.

Это – глоток студёной воды, когда воздух раскалён,

как в Синае и ты умираешь от жажды.

Это – божественный звук скрипки,

когда кругом дисгармонично, один шум, визг,

стоны и плач…

Как хорошо, что в этом безумном ми-

ре

существуют ЛЮБИМЫЕ!..

Они как последние островки

надежды, тишины и счастья.

В безбрежном океане тоски, одиночества и сиротства –

Маленькие островки Любви,

омываемые со всех сторон холодными волнами

житейского моря…

1974 год – 41/42 года. Симеиз, Киев, тома ЮБиблии

После январских праздников решил себя немного развлечь, благо кругом было некое расслабление. И как себя развлекал? Взял у себя интервью. Самоинтервью. Вот его начало:

Для интервью очень важно правильно выбрать время. Для этого лучше всего подходит послеобеденный час, когда огонь венгерского супа «Гуляш» затушен чашечкой кофе по-турецки в радиокомитетской кофейне, и человек, которому вы собираетесь задавать вопросы, благодушно ковыряет в зубах пальцем, а его глаза равнодушно-ласково скользят по клавиатуре пишущей машинки марки «Олимпия». Пока не пробил час написания «Культурной панорамы», в самый раз задать несколько вопросов.

— Самое знаменательное событие 1973 года?

— Туристическая поездка в Бельгию, Голландию и Люксембург.

— А в международном плане?

— Как отмечают китайцы: происходят колоссальные потрясения на земле, «надвигается

ливень в горах, и весь терем продувается ветром». Война во Вьетнаме, схватка арабов с израильтянами, Уотергейт в США, отставка Никсона, трагедия в Чили и много трудного, драматического и трагического…

— А в домашнем бытовом плане?

— Новые платья и кофточки Щекастика — доминирующая тема внутренней жизни.

— А как вы готовились встретить Новый 1974 год?

— 31 декабря поехали в ЦУМ, но идея оказалась ложной. В главном универмаге подавили очереди, состоящие из людей ста национальностей, населяющих СССР. До товаров так и не добрались. Зато утром 1 января наслаждались домашней кулебякой с капустой.

— Какие песни более всего запомнились?

— Засела в голове популярная «Золушка» на слова Резника:

Хоть поверьте, хоть проверьте,
Но вчера приснилось мне,
Будто принц за мной примчался
На серебряном коне!..

Песня чисто русская, ибо наш народ верит не в труд и талант, а исключительно в сказки и мира-

жи. И ещё навязла в зубах бразильская песня со словами «минья жангадо вай суар» — перевода не знаю, но звучит притягательно…

— Что ещё?

— Покупка 7 томов Литературной энциклопедии и начало эпохального труда ЮБиблии.

— Самочувствие?

— Впервые в 41 год почувствовал усталость, усталость металла в машине.

* * *

Далее перерыв в дневнике. Почему не записывал — уже не вспомнишь. И с мая снова планомерно начал вести записи. В качестве эпиграфа из романа Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн»:

«Сейчас не время для историй чьего-то „Я“. И всё-таки человеческая жизнь вертится или ломается в каждом отдельном „Я“, больше нигде».

1 мая

В праздник потянуло поехать в центр: прошлись пешком от Белорусского вокзала до площади Маяковского. Гомон, суматоха, ажиотаж. Частники бойко торгуют своим товаром: чёртиками на резиночках и свистульками «уйди-уйди»

(ремарка из сегодняшнего дня, 29 ноября 2018 г. — Какое убожество!..). Дети галдят и прыгают на одной ноге. Взрослые хмурятся и натужно выдавливают из себя бравурные песни. В целом какой-то убогонький праздник, вдрызг усталые домой и вечером смотрим телевизор.

2 мая

С утра на Ваганьково…

3 мая

Обсуждение у Орлинковых по поводу совместного отпуска: Коктебель или «дикарями» в Прибалтику? Энергичная Светлана собрала 33 адреса квартир в Пярну, где можно поселиться.

8 мая

Встреча старых школьников у Меркуловых. Пили голландскую водку «Болс» (?), которую пил когда-то молодой Пётр Великий.

9 мая

Смотрели футбол по ТВ, и когда динамовцы забивали голы, то безумно кричал, отчего В.П., сидящая на стульчике на балконе, чуть не выпала из него, а у кота вздыбилась от ужаса шерсть.

10 мая

На Речном вокзале с завистью смотрели, «как

провожают пароходы, совсем не так, как поезда…». Не по Средиземному морю, а по Химкинскому водохранилищу проплыли, что, разумеется, не совсем круиз…

15 мая

Ходили в зал Чайковского на концерт Антонина Дворжака. Со второго отделения ушли: Дворжак не увлёк, не Джордж Гершвин.

27 мая

Перед отъездом в отпуск внимательно следили за атмосферными коловращениями и твёрдо решили поменять холодный и дождливый Север на мягкий и тёплый Юг. И если «отец фенологии» Карл Линней самолично наблюдал и фиксировал в Упсальском саду колебания погоды, то мы — неоперившиеся дети цивилизации — с открытыми ртами, расширенными ушами внимали прогнозам погоды «тети Чистяковой» в программе «Время». По строчкам какого-то безымянного поэта:

Погода куражится очень
И путает все времена.
Как будто напомнить нам хочет,
Что нам не подвластна она…

Отпуск: Симеиз и Киев

28 мая

День отъезда. Хлопоты и проблемы: что брать с собою? что пригодится и что не пригодится? На Курском вокзале нас с Ще ждали компаньоны по отпуску: сдержанный и неторопливый Лёня Орлинков, его жена, спортивная и порывистая Светлана и их непоседливый маленький сын Максим.

29 мая

В 7 утра симферопольский поезд прибыл в Харьков, и только к вечеру приползли в Симферополь. Поезд был какой-то дефективный: было холодно и пахло туалетом. Раздражал Максим, который изображал из себя «вождя краснокожих». Наконец приехали. Выходим из вокзала.

— Вам куда?

— В Симеиз.

— Идите к вишнёвой «Волге».

Едем. Рядом горы, голубая гладь неба, обилие зелени. Алушта, Артём, Гурзуф, Массандра. Через один час 45 минут — Симеиз. Поселились в частном секторе около какого-то санатория, откуда раздавалось известное песенное признание:

«Вчера я видел вас случайно, / Об этом знали вы едва ль…» И далее страдальческий вопрос: «Скажите, почему нас с вами разлучили?!.»

Вопросы были и у нас: как пройдёт отпуск?

30 мая

Спали отменно: воздух божественный! Ну, а потом, кое-как позавтракав, осмотр курортного местечка и выход к морю. Первый кутёж на верхней веранде кафе «Палуба»: свиной шашлык вперемешку с пельменями, и всё это запивалось вином «Кокур».

Автор книги «Симеиз» дяденька Шафранский утверждал, что Симеиз — самое тихое и спокойное место «на бреге Черноморья», и ссылался на Сумарокова: «это рай… прими умей блаженствовать». В Симеизе бывали Пушкин, Лев Толстой, Чехов, Бунин. Не в Симеизе ли Маяковский написал:

Цветы да небо синее,
то в нос тебе магнолия,
то в глаз тебе глициния.

С Ще пытались подняться на мохнатую гору Кошка, но вовремя остановились. Вечером с Орлинковыми. С Лёней резались в шахматы…

31 мая

Море, купание, в «Палубе» шашлык и пельмени, восхождение на Кошку.

1 июня

На открытой палубе теплохода «Костель» отплыли в Ялту. Ялта — не Брюгге, и мы компанией отправились в Массандру, по местам былого отдыха. В Массандре всё оставалось так, как и было тогда. Ничего нового и удивительного. Удивительной оказалась дорога обратно на автобусе в Симеиз по подъёмам и уклонам, виляя в разные стороны, через Гаспру, Кореиз, Алупку, Мисхор и другие уголки зелени и приюта. В этих местах когда-то в 30-е годы отдыхали наши мамы с Ще — Ольга и Вера…

Вечером посидели в саду, с черешневыми и вишнёвыми деревьями. Поговорили о том, о сём. Почти по Агнивцеву:

За бутылкою кианти
Толковали мы о Канте,
О его императиве,
О Бразилии, о Хиве,
О сидящих визави
И, конечно, о любви…

Перешли к шахматам, подсчитали финресурсы и отправились к Морфею.

2 июня

От моря до преферанса. 3 июня — поход в сторону Голубого залива. После игра в пинг-понг. 4 июня — отдыхательная рутина закончилась вечерним созерцанием. Смотрели, как дышало серо-жемчужное море, как плыл в небе диск бледно-оранжевого месяца, от которого в воде отражалась розоватовая дорожка. Затем диск стал медным и вскоре потемнел совсем. Из подступающей к морю чащи кипарисов выглядывали островерховые крыши домов и кое-где пробивался неоновый свет. И всю эту картину дополняла звучащая издали песня Оскара Строка:

В небе та же плывёт луна,
Вижу даже – грустна она.
Вдаль гляжу я сквозь синий мрак.
Всё как было и всё не так…

7 июня

На какой-то посудине под названием «Радуга-32» отправились по морю в Кастрополь. Прибыли. Не успели взобраться на гору Ифигению, как нас настигли экскурсанты из какого-то санатория,

голосившие про «лихие эскадроны приамурских партизан». Пели под баян, и Ифигения, офонарев, вздрагивала… Приходили в себя на пляже и обратно в Симеиз, к своей горе. Как писал Владимир Луговской:

К прибою ползла с перевала
Ушастая Кошка-гора.

8 июня

Местный нарпит удивил простоквашей на завтрак, а на обед пловом с кефиром. Так и хотелось начать классическую фразу: «Однако!» Днём устроили весёлый волейбольчик, а вечером разошлись: Петровичи, как обычно, в кино, мы на вечерний променад, на территорию санатория им. Семашко.

10 июня

Отправились на теплоходе «Алушта» в Никитский ботанический сад. Вокруг всё очень возвышенно и красиво, только всё испортил туалетный домик с традиционной российской грязью. Ну, конечно, «мы делаем ракеты и покоряем Енисей, и даже в области балета…». Все это поют и поют, а туалетов приличных как не было, так и нет. И, очевидно, не будет… Да, и

Никитский сад заложили не русские, а приезжий иностранец-специалист Христиан Стевен. Спасибо чужестранцу за море роз около двух тысяч разных сортов. Кроме роз, гигантская секвойя высотою в 30 метров, заповедная можжевеловая роща, а ещё гималайский кедр, глициния китайская, цинния — сосна итальянская, агавы, бамбуковый лес… Короче, мечта ботаника!

12 июня

Ночь выдалась холодная, и пришлось утеплиться. Дискомфорт и однообразие начали одолевать. На пляже табличка «Сегодня купание запрещено. Шторм. Четыре балла». С верхней галереи мы с интересом наблюдали за разыгравшейся стихией. И вспомнились строки Пастернака о морской стихии:

Приедается всё.

Лишь тебе не дано примелькаться…

Волейбол, шахматы, суп с фрикадельками — всё надоело! Потянуло на старую пионерскую песню: «Мама, я хочу домой!..»

14 июня

В «Курортной газете» вдохновляющие стихи:

Я не грущу, что не был в Ницце.

Горжусь, как выпало и мне
Средь поля русского родиться
И жить в чудеснейшей стране.

Эдакий партийно-почвенный патриотизм. Мы с Ще твёрдо решили, что когда-нибудь доберёмся до Ниццы (ремарка: добрались до Ниццы 18 сентября 2007 года — 33 года спустя после Симеиза: и в Ницце были, и даже в Монако).

Прочитал чужие доморощенные вирши и мгновенно сочинил ответ:

А я грущу, что вновь Гаагу
Мне не удастся посетить.
Мне не хватило, бедолаге,
Ни дней, ни денег там бродить…
…Полотна Рубенса потрогать,
Послушать, как звенит фарфор.
О, как ещё на свете много
Того, что наш не видит взор.
Увидеть пагоды Непала,
Узнать, чем славится Заир.
Одна страна – как это мало!
Вот если б дали целый мир!..

15 июня

Прощание с Крымом. Накануне на «Палубе» состоялся бал-прощание под белый «Мускат». А потом на огромной, но пустой танцверанде с Ще «сплясали танго». Прощались с Симеизом, с Орлинковыми и дунули на автобусе в Симферополь, а там сели в поезд № 28 Севастополь — Киев.

16 июня

Около часа дня вкатились в Киев. Столица Украины покорила Щекастика сразу, особенно её сочным смешным украинским языком — мовой. Афишей с выступлением «танцюристов», продажей «гудзиков», то бишь пуговиц, и в киосках — «тютюн и цигарки».

Нас радушно встретил широкоскулый Юра Довгаленко, друг Бориса Давидовского, и любезно поселил в своей квартире на улице Январского Восстания. В вестибюле кооперативного дома висело объявление: «У кого гудит кран, просьба вызвать слесаря». Юрина жена Люда с ходу задавила нас рассказами о Золотых болгарских песках, с которых она только вернулась.

Первый проезд по Киеву под дождём: парк Победы, Лавра, Крещатик.

17 июня

Понедилок. Знакомство уже более-менее основательное начали с Киевско-Печёрской Лавры. Поразила плита, под которой покоились останки обезглавленных 15 июля 1708 года генерального судьи казацкого войска Василия Кочубея и полтавского полковника Ивана Искры. Посмотрели знаменитые пещеры. Узкий лабиринт коридоров и проходов, всё мрачно и гнетуще. Натолкнулись на мощи летописца Нестора, автора «Повести временных лет». В Лавре были заключены многие политические бунтовщики «для исправления ума». Русский поручик Иван Шишкин отсидел в Лавре 17 лет и там же скончался. Алексей Хомяков пропел в свое время славу Киеву, чудному граду, где «Мрак пещер твоих безмолвных / Краше царственных палат». Щекастик, узнав всё это, воскликнула:

Да здравствует солнце!

Да скроется тьма!

От Лавры отходили на Крещатике, а потом отправились на Бессарабку, на рынок. Естественно, полный восторг, не хуже Тифлисского. В рамках самостийной экскурсии прошлись по бульвару Шевченко, по Владимирской улице и заглянули в златоглавый Софиевский собор — «чудо древне-

русского зодчества». Н-да, после Гентского собора Софиевский не очень-то смотрится…

Подкрепившись в ресторане, заглянули на стадион «Динамо» и поприсутствовали на матче дублёров. Киевские болельщики отличаются от московских: мало ругачих и кричащих, но много добродушных и насмехающихся: «Ребята, — советовали игрокам, — давайте в тенёк, там у вас лучше получится!..» А над стадионом реял кумачовый лозунг: «Девяту пятиричку — достроково!» То есть: досрочно.

Сопровождавший нас Довгаленко показал нам и памятник Лесе Украинке. Несгибаемая поэтесса и человек:

Нет, и в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь,
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!..

«Печальные» — это «осенние думы седые». Все бы так. Но не всем дана такая несгибаемость…

18 червня (викторок), т. е. июнь и вторник.

После завтрака в книжном шкафу нашёл «Энеиду» — переложение Ивана Котляревского на украинский и упивался.

По-украински звучит очень забавно. Эней — Дидоне:

– Здорова! Глянь… де ти взялася?
И ти, сердешина, приплелася
Из Карфагена аж сюда?
Якого биса ты спеклася,
Хиба на свити нажилася?
Чорт мав тоби десь и стида…

И на воздух, к памятнику Владимиру, Советская площадь, Большая Житомировская, Владимирская, Андреевская церковь, Стрелецкий переулок. Заглянули и в ресторан «Лейпциг», но в меню хопеля-попеля не оказалось, и ограничились борщом немецким и котлетами «Метро». Затем прогулка на «Ракете» по Днепру. Из-за погоды пустые пляжи…

19 июня

Навестили Аскольдову могилу. Запустение и разрушение. Какие же мы — варвары, и об этом писал Солоухин в «Письмах из Русского музея»… Вышли на смотровую площадку: слева — старый Подол, впереди за Днепром — новый район Оболонь. Геометрия и уныние… И снова осмотр, порадовал только дом Городецкого в стиле архи-

тектурного фэнтези или простецки — Пантелея. Да ещё хороший район Липок. Перед прощанием с Киевом зашли в кондитерскую на Крещатике. Нет, это не наш Столешников!.. Пришлось вместо пирожных вкушать клубнику — Ще уписывала её в обе щеки. И на вокзал…

20 июня

Утром в 10.52 прибыли в Москву. Крымско-киевское путешествие закончилось. Утром следующего дня распустились 9 розовых пионов, купленных в Киеве за 15 копеек за штуку, и источали медовый аромат.

22 июня

Зазвучали старые песни: магазины, очереди, стирка, печатанье. За 3 дня я отгрохал 26 страниц своей ЮБиблии. Тема: художник и общество, художник и власть.

24 июня

«Всё прошло, как всё проходит». Началась рабочая неделя, позади остались Симеиз, море, Киев, Днепр. В 7 часов утра Щекастик отправилась на работу в своё НИИ, в закрытый «ящик». Немного загорелая и изрядно грустная. Через полчаса двинулся и я. В метро было душно и противно. К 9 часам в Главной редакции стал собираться

творческий народ, и все с удивлением рассматривали мою чёрно-белую бороду, отпущенную в отпуске. Посыпались сравнения: Хемингуэй… Амундсен… Церетели… И что обидно: сравнивали не с Акакием Церетели, поэтом и интеллигентом, а с Ираклием — лидером грузинских меньшевиков, противником Ленина.

Любопытно, что не только я написал отчёт о поездке, но и Светлана Орлинкова, в своих записях отметила: «Безелянский, строгий, динамичный, напористый…» Так воспринимала?

Жизнь разворачивает свои сюжеты. В ночь с 30 сентября на 1 октября Ще почувствовала себя плохо. Вызвали «скорую», и в 3.45 мы переступили порог больницы № 67. Щекастика увели, а я остался ждать.

4.25 — вышла Ще со словами: «Сейчас будут смотреть…»

4.45 — «Кладут…»

4.50 — Ще отдает назад вещи, поцелуй наспех, — и новая больничная эпопея: после Боткинской, Щипка, Тушино, теперь № 67. Бедная Ще. Минут 5 постоял в коридоре и пошёл с авоськой, набитой вещами, в ночную тьму и в звенящую тишину. В 5.30 сел в троллейбус и поехал домой. Утром позвонила Ще: боль прошла и просто лежит…

1 октября

После беспокойно-тревожной ночи отчётно-выборное партийное собрание в Главной редакции вещания на Латинскую Америку. Беготня, подготовка, режиссура. Мой доклад занял 20 минут. Динамичные прения и выборы. 23 человека проголосовали «за», один — «против». А это значит, что я выбран секретарём партбюро на второй срок. Пришёл домой и рухнул, как сноп. По песне: «Ну и денёк — честное слово! / Мало душе шара земного!..»

2 октября

В 7 утра звонок от Ще… А погода сверхтёплая, тихая и листопадная, повторен рекорд 2 октября 1899 года: +22. Сейчас бы гулять и гулять, но нет Щеки, а меня захлёстывает рабочий поток. Если говорить на дикой смеси испанского и португальского, то — трабахо, трабалья, трабахадорес, трабахандо… работа-работа-работа… Я — секретарь партбюро да ещё ВРИО отдела, и меня рвут на части… Но, очевидно, проблемы не только у меня: по коридору, как тень, бродит Толя Трусов (жена и дети на Кубе, и он в странном положении: и не женат, и не холост). И в строгой книге вечернего дежурства вместо официального языка перешёл на лирический:

Дежурил без особого труда.
Ах, если б так дежурилось всегда.

Ах, Толя Трусов! Это — жизнь: что-то легко, а что-то непосильно трудно.

21 октября

7 октября на такси привёз Щекастика домой, а утром 20-го, в воскресенье, снова больница в Тушино. Вновь ожидания и разбитые надежды. И никакой расшифровки личной жизни… Одна только фраза Ще по телефону: «Освободилась от комплекса».

3 ноября

7-я годовщина нашего союза с Ще. В гости пришли ближайшие родственники — ребёнок и Ляля. Ели кулебяку, смотрели фотоальбомы, слушали музыку — «звонки-звоночки» Джеймса Ласта.

6 ноября

«Треугольник»: босс Бабкен, я, партийный лидер, и Алехандро Сериков, профсоюзы, ходили по редакционным комнатам и поздравляли с 57-й годовщиной Октябрьской революции. И милостиво разрешили уйти пораньше с работы домой… Вечером сбор у Лены Чижовой-Мхитаровой.

7 ноября

Сверху летела белая крупа, и решили на демонстрацию не ходить. С упоением читал «Чёрного принца» Айрис Мэрдок.

8 ноября

С утра прошлись с Ще, ведя длинные философские разговоры о судьбах цивилизации и отдельного человека. И докончил печатать 4-й том ЮБиблии, 103 стр. в итоге, одна из первых главок «Все мы неизбежно властвуем и подчиняемся» до «Революция безумия — бунт против мира». Но о томах чуть позже. Успел ещё доделать фотоальбом Ще, потом положил его на стул, сел и стал прыгать, чтобы фотографии лучше приклеились. Со стороны это выглядело забавным…

11 ноября

В студии записи на ул. Качалова присутствовали на концерте «Кандомбле» Жозе Сикейра, бразильского композитора, президента ауньён дуз музикус Бразил (так это звучит по-португальски). Ну, а «Кандомбле» — это оратория, сложное полифоническое произведение. Получили долю удовольствия… Барабаны, тампаны, за всё это автору «муйто о бригаду» — большое спасибо.

19 ноября

В гостях у Тани Налетовой в доме на ул. Горького. Поразила меня вопросом «А что такое инфляция?». Муж-автомобилист не в курсе. Они оба живут в своём замкнутом мирке и довольны. Большая жизнь где-то на другой планете.

23 ноября

В к/т «Октябрь» на утреннем сеансе смотрели фильм «Романс о влюблённых». Картина необычная и снятая «раскрепощённой» камерой оператора Левана Паатишвили. Непривычны и сценарные ходы режиссёра Андрона Кончаловского, какой-то новый молодёжный стиль. Чистенько, высветлено, накрахмалено — полный противовес мрачному «Последнему танго в Париже». Там — «Их нравы» (любимая наша газетная рубрика), у нас — «Русское поле» и «Романс о влюблённых». Под впечатлением фильма написал пространную рецензию на картину, но переписывать её не буду, и не потому, что это удлиняет текст, а просто потому, что прошло и исчезло, не оставив заметного следа в культурной жизни страны и народа. Вот и на Западе, по сообщениям газет, фильм Андрона вызвал большое разочарование. Одни реверансы в сторону власти армии, молодёжи и т. д. Попытки угодить всем. Жалко прекрасных актёров: Елену Кореневу и

Смоктуновского, он играл трубача…

12 декабря

Так называемые дежурные строки, посвящённые Виктору Шестирикову, о трёх преферансистах — Шестике, Хаче и Ю.Б.

Снова троица, как бы святая,
Собралась в декабре, как бывало.
Не стесняясь, о прошлом болтая,
Под хрустальный смешок бокала…
Поредели немного кудри,
Лоб прорезали складки Сократа.
Поступать в жизни стали мудро,
Да и взвешиваем всё стократно.
А в итоге чего мы достигли?
Трафальгар, Сталинград, Ватерлоо?..
В этой жизни всё – фигли и мигли,
Но и это, увы, уж не ново…

Мне 42 года, Шестириков старше, Хача моложе на год, и никто не знал, кому что уготовано судьбою. Хача стал крупным совминовским чиновником, я — писателем, Виктор преждевременно сошёл с дистанции, хотя был умным и знающим человеком, только вот не было у него

воли и целеустремлённости… (2 декабря 2018 г.)

А я ещё успевал шутить и пантелеить (термин на радио).

26 декабря

Вечером ТВ устроило маленький праздник: вдруг среди пропагандистского шума и звона, вместо программ для дебилов дали ленту о Майе Плисецкой. Как будто в душную комнату ворвался свежий эстетический ветерок… Плисецкая — это чудо! Это явление, далеко выходящее за рамки балета. Лебедь Плисецкой — волнительное, завораживающее зрелище. А «Кармен-сюита» в постановке Альберто Алонсо! Эти гигантские парящие в воздухе ноги, в этом есть нечто надзвёздное, космическое… Шопеновский ноктюрн — изящество и грациозность. Музыка ног. И вершина — «Гибель розы» на музыку симфонии Малера (постановка Ролана Пети). Ярко выраженные мысль, страдание, трагедия. Извечные философские вопросы: кто мы, откуда, зачем, куда?..

31 декабря

Последний рабочий день. Успел напечатать 4 странички передачи и сыграть 3 партии в шахматы — блиц с Левченко. С Бабкеном, как

руководители, обошли все комнаты и распустили сотрудников на встречу нового года.

Бой курантов встречали вчетвером: мы с Ще, В.П., Ляля, ну, и кот пятый. Телевизионный «Огонёк» был маразматический. Рано легли спать…

* * *

В 41–42 года сколько ещё было сил! Умудрялся чего-то записывать для памяти, в частности, культурную панораму — театр, кино, — что видели, что смотрели в 1974 году. Всё воспроизводить бессмысленно, только некоторое.

Из кино — итальянский фильм Дамиано Дамиани «Следствие закончено: забудьте», «Калина красная» Василия Шукшина с ключевой фразой: «Народ к разврату готов!..» «Необычайные приключения итальянцев в России» Эльдара Рязанова. Сидней Поллак «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». «Высокий блондин в чёрном ботинке» — Ришар, Рошфор, Мирей Дарк. Американская лента «Новые центурионы».

5 декабря

«Свой среди чужих, чужой среди своих» Никиты Михалкова. Отличный актёрский ансамбль — Юрий Богатырёв, Анатолий Солоницын, Алек-

сандр Калягин, Александр Кайдановский и др. Грузинский — «Мелодии Верийского квартала». И прочие кинокартины: в те годы ходили в кинотеатры часто…

По ТВ был роскошный концерт Шарля Азнавура и Мирей Матье.

Театр. В «Современнике» — «Двое на качелях» (Толмачёва и Фролов). Современная пьеса Виктора Розова «Ситуация» в Театре Вахтангова — бред. В зале Чайковского — концерт Рихарда Вагнера. «Мейстерзингеры», «Тристан и Изольда», опера «Риенци» — звук трубы, вытягивающий всю душу… «Всего несколько слов в честь г-на Мольера» — прекрасный ТВ-спектакль в постановке Анатолия Эфроса — Любимов, Гафт, Броневой (Людовик), Яковлева, Ширвиндт (Дон Жуан).

22 апреля

В зале Чайковского — в первом отделении «Фантастическая симфония» Гектора Берлиоза, во втором — Сен-Санс и «Болеро» Равеля. Заинтересовался биографией Берлиоза, который был не понят современниками, по существу публика отторгла его симфонизм и музыкальные «романы».

В театре Ждановского парка смотрели концерт Карцева и Ильченко. Хохотали с Ще до слёз… Летом в Ленкоме спектакль «Тиль». Украшение

— игра Инны Чуриковой. И мнение в старом дневнике: «Неплохо играет молодой Караченцев („Тиль“)». Ну, и по мелочи ещё много чего смотрели…

Ну, а теперь личное творчество. Весь год занимался томами ЮБиблии. Закончил Второй том, начатый 28 сентября 1973 года, последняя опечатка 21 апреля. Том разбит на главки:

Современная жизнь. Современный человек. История, государство, война. Революция, власть, бюрократия. Идеология, пропаганда, массмедиа. Всего 192 стр.

Третий том — 4 мая — 25 августа 1974 года, 139 стр. Общий заголовок «Аллегретто нон троппо. Шествие на казнь». Темы: образование, труд. Отдых. Экономика. Художник и общество — эта часть завершается главой «Что делать, дорогие мои, что же делать?», а в ней Набоков, Булгаков, Розанов и Валентин Катаев.

Четвёртый том. Из эпиграфов:

«Святых целей три:

возлюби перо,

Возлюби письмо, книги возлюби».

Саят-Нова, армянский ашуг,

И снова маленькие главки, одна из первых: «В каждом из нас живёт святой и грешник». Где-то в середине: «Преступность, насилие, страсть к разрушению». В конце: «Кто умножает познания — умножает скорбь». Всего 103 стр.

И начат был Пятый том 30 ноября 1974 года. Закончен в следующем: 29 марта 1975 года. Около 100 стр. Из эпиграфов:

«Что говорить,
И людей не сторонюсь,
Но мне приятней
Быть одному».

Рёкан, 1758–1831

«Любя размышления, я иногда думаю: господи, что делается, что делается на белом свете!..» (Салтыков-Щедрин).

Вот только несколько названий главок: Отцы и дети. Одинокая ладья жизни. Фестиваль идиотизма. Земное сердце уставало…

Господи, и зачем я всё это вынимал из архивов, памяти, книг и писал, и писал. Зачем?!. Обратимся к Конфуцию (VI–V вв. до н.э.):

«Учитель сказал: „Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?..“»

1975 год – 43 года. Беспокойный год с отдыхом: Адлер, Гагры, Сухуми, Батуми. «Зеркало» Андрея Тарковского

11 марта

Март-протальник выдался беспокойным. К серым нависшим облакам, которые давят на психику, прибавляется жуткая суета на работе. Вот, к примеру, сегодняшний день: в половине девятого я уже читал листы ТАСС, а затем составил программу «Собеседника», начал печатать «Культурную панораму» (хроника культурных событий, новости Большого театра, выставки московских художников, новые книги о Бразилии), то есть импровиз на ходу. Затем летучка, обед, составление всей программы, вычитка материалов и отдача их на перевод, редактирование Сашиных «любознательных» и «Латиноамериканского меридиана». Допечатал «Панораму культурал» (7 страниц), побывал на совещании секретарей у З., провёл своё бюро. Снова был у З., готовил все материалы и папки к сдаче выпускающему и что-то ещё, уже не помню. Практически

я был занят каждую минуту, что-то делал и был в напряжённом состоянии. Ну разве это жизнь?!

28 марта

Были в кино. «Моя дорогая Клементина» режиссёра Джона Форда с 40-летним Генри Фонда в главной роли. Подумать только: картину 46-го года выдают как новую! И бедный потребитель всё берёт, грызёт, слушает, читает: плохие товары, вышедшие из моды тряпки, объедки с киностола и литературы. И всем доволен!..

1 апреля

Так хорошо начался день 1 апреля: небо было чистым и молочно-голубым, на расчищенных газонах пробились гвоздики молоденькой травки, воздух приятно тёплый, тишина (в зоне кинотеатра «Ленинград»). Пришёл на работу — и началось, и поехало… И жуткая усталость накапливается от этой безалаберной, глупой жизни, в которой нас несёт, как щепку в весеннем ручье, и швыряет от одного берега к другому… Конечно, надо не думать, не переживать, не принимать всё близко к сердцу. Надо быть истуканом. А ведь хочется быть человеком, а быть им сейчас чрезвычайно трудно…

21 апреля

Мои женщины решили циклевать пол. Я сопротивлялся, но всё тщетно. 10-го пришёл мастер — Николай Никитич. И вот наступили десять дней, которые потрясли квартиру. Вещи сдвинуты, разбросаны, ворохами лежит стружка, застеленный газетами отциклёванный пол, шурум-бурум, — не то вокзал, не то базар: жить невозможно. Сплошной дискомфорт. Один только кот радовался: ему разрешили лазать везде, он ворошил бумаги и представлял себе, что живёт где-то в лесу или в джунглях.

Но не только ералаш выводил из себя, сам мастер доставлял неудобства. Немного поддавши (а какой мастер не пьёт?!), он становился жутко словоохотливым и нёс ахинею, то о беспорядках в своём строительном тресте, то о том, как освобождал Венгрию в 56-м году, то вообще о политике, в которой мнил себя докой: «Я ведь политикан, юморист». И всё страшно косноязычно, смешно и крайне нудно.

4 мая

Первого мая в половине десятого отправились погулять. Доехали до Белорусского, а там пешком до Маяковки, по Садовому кольцу, свернули на Калининский проспект, далее до Военторга, потом через переулочек на Гоголевский бульвар

и до метро «Кропоткинская». От «Сокола» снова пешком.

И хотя была прекрасная погода, и было вроде много народу, и хотя были цветы и дети, всё-таки особой праздничной приподнятости мы не ощутили. Увы, это не карнавал в Рио. Люди сдержанно покупали у частников свистульки «уйди-уйди», чинно ели мороженое, озабоченно закупали десятками бутерброды с дефицитной рыбой, — никто не пел песен, не было беззаботного счастливого смеха, ликования. Всё было просто, сухо и непразднично. Лишь на Гоголевском бульваре было какое-то подобие веселья: конкурирующие группы школьников с гитарами да притомившиеся демонстранты с бутылками, расположившиеся, как фирменные хиппи, на травке. Вот и всё.

23 мая

Более четырёх недель солнце щедро колошматило столицу, нагревая дома, землю и затылки трудящихся… В Москве +30, в Сухуми — +15. Климатические трюки.

Как не любить Светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,

Созвучью нежных строк моих внемли…
–

восторженно писал Константин Бальмонт. Но всё хорошо в умеренных дозах. И когда «Светило золотое» занахальничало, ужасно потянуло в тенёк, в прохладу, в Софрино. Пробили путёвки. Собрали вещички. Тронулись в пятницу, 16 мая, в 18.00 от Комитета… С Голубого озера вернулись к обеду… Я припал к телевизору — «Динамо» — «Арарат». Моим соседом оказался бывший тренер сборной СССР Николай Морозов. Поболтали про нынешнее и минувшее. К вящему удовольствию Морозова я даже вспомнил команду ВВС 1947 года, в которой он выступал вместе с Бобровым и Крижевским.

Поужинали и отправились в лес на другую сторону: Пугачи, Николаенки, Марьяна с Трусовым, Ще и я. Ай-яй-яй, компания! Что означает по-русски: ой-ой-ой, коллектив!..

Вечер был элегический. Прозрачный и медленно сгущающийся в синеву воздух, лесной дых-очаровашечка, птички и какая-то разлитая во всём пространстве безмятежность, мягкость, млеющая нега, когда душа сбросила с себя панцирь забот, разомлела и расслабилась, как купчиха за чаем на картине Кустодиева. И тут все пристали

к Толе: ну спой! И он запел, сначала про грозную дубинушку, а потом перешёл на более мирные ромашки, которые кончились, а их соседи — лютики — к тому ж завяли. Пение так увлекло всех, что скоро грянули марши: нахимовцев, 26 июля:

Аделанте! Кубано!
Ке Куба премьерано нуэстра героизма
Солдатос алапатрия альбера!

(Вперёд, Куба! Нас Куба наградит героизмом, и мы все солдаты…)

Ор стоял страшный, он на равных конкурировал с мотоциклетным треском. Уже совсем стемнело, и вдруг — о, чудо! Где-то в зелени защёлкал, завздыхал настоящий артист — соловей. Я не знаю, было ли это пульканье, дробь, раскат, лешева дудка, кукушкин перелёт или другие колена, но это было прекрасно! Мы стояли как вкопанные и слушали…

29 мая

Хотя и бегло, но записать надо. Жизнь состоит не только из работы и приятных дней в Софрино, но и из кое-чего печального. Странно, в Софрино ярко светило солнце, был летний май, и мы переживали состояние расслабления, приправ-

ленного даже блаженством. Казалось, мир так и замрёт в этом чувстве. Но… Это чёрное «Но», эта диалектика, на которой всё держится и всё, разумеется, развивается. В субботу, 24 мая, под вечер позвонил Хачатуров и сказал: «С Витей плохо…» Потом сделал паузу и добавил: «А Виктора уже нет…»

Что было дальше?.. «А дальше — тишина…» Нет, слава Богу, была машинка, была работа и были мысли в связи с Шестым томом. Это явилось как спасение…

В понедельник, 26 мая, в половине девятого утра встретились Хачатуров, Трофимов и я. Горевать было некогда: нужно было хлопотать о захоронении… Поехали в морг, благо он напротив хачатуровского дома, в одной из градских больниц. Пока Хача хлопотал о печальных делах, я разговаривал с врачом, который вскрывал Шестерикова. Хороший такой усталый и старый человек. Михаил Иванович Лебедев сказал: «Инфаркт прогрессировал… Началось известкование венозной артерии… цирроз печени. Он был обречён…» Но ведь 49 лет! Почему?! Такова жизнь. Наша дань XX веку: стрессовые ситуации, волнения, беспокойства, переживания… «земное сердце уставало, так много лет, так много

дней…»

Смерть всегда вносит в нашу жизнь ужасающую ясность, неожиданно прозреваешь и видишь, что надо было делать, как надо поступать. Я не говорю за других, но я ему недодал тепла и участия, но это я обнаружил только тогда, когда его не стало…

А дальше крематорий в Архангельско-Никольском. Небо было мрачно. Холодный ветер рвал плащи. Было жутко дискомфортно… опять этот красивый большой зал со свечами и музыка, на этот раз играли двое. Музыка заполняла все своды, весь зал, всю душу. Такая кроткая, величественная, хоральная… Разверзлась металлическая створка, — и гроб опустился вниз, навсегда увлекая за собой розово-жёлтое лицо Шестерикова с какой-то сардонической, мрачно-издевательской складкой у рта.

Как ужасно, человек умер и оказывается беззащитным: его слова, его жизнь, его имя достаются живым, которые вольны с ними делать, что хочешь: хулить или хвалить, извращать, неверно толковать. Канонизировать…

13 июня

Играли на запасном поле «Серпа и Молота», на траве, сначала 4 на 4, потом — 5 на 5. Давидов-

ский, Костроменко, Алексеев и я против Аркадия Комарова, Игоря Добронравова и Володи Соловьёва. Остальные — молодые ребята, моложе моей дочери. И ничего. Вполне получилось.

Сначала мы проигрывали 0:5, а в итоге всего ничего — 5:6. Один гол забил я: коленкой получил длинный пас и «замкнул» штангу. Сделал несколько рывков и на скорости обходил Соловьёва, который моложе меня на семь лет. Всё было бы прекрасно, если бы не Борис и Кострома, которые, как обычно, базарили и кричали, спорили и ругались. Борис меня возмутил: в азарте он требует невозможного, соблюдения игровой дисциплины, техничности, ловкости и т. д., то есть он хочет, чтобы я был не я, а, по крайней мере, Леонид Буряк.

Боря никак не может понять, что уже сам выход на поле в 43 года — подвиг. И нужно бегать и играть фантазийно, а не соблюдать игровую дисциплину! И вместо молчаливого футбола в своё удовольствие получился базар-перебранка с отдельными футбольными приёмами. А жаль… Из-за этого я очень расстроился. А так в целом — всё «женьял»: побегал, переключил внимание.

19 июня

Темп жизни стал ещё более изнуряющим, всё

более опустошающим… Тугие стрелы с железным наконечником «Надо» жалят нас и настигают даже в постели, когда вдруг просыпаешься и, утирая пот, вспоминаешь: вот это надо сделать обязательно!..

…И ещё погода идиотская. Сплошные перепады, то под тридцать жара, то прохлада, то снова пекло, то вновь ртутный столбик, как безумный, падает вниз. Сердечно-сосудистая лишь охает и кряхтит. Все какие-то вялые, невыспавшиеся, расхлябанные. Ходят, как лунатики.

В субботу, 14 июня, с утра поехал на Ваганьково, где «всё спокойненько» и где «исключительная благодать». Дата. Ровно 23 года назад умерла мама. Ей 14 июня 1952 года было 43 года, мне тогда — 20 лет. Выбросил старые цветочки, поставил свежие, подумал… и потихоньку поехал обратно. Днём приходил в себя, отдыхал. С удовольствием читал книгу Оскара Рейтерсверда «Импрессионисты перед публикой и критикой». Бедные художники: у них единая судьба во все времена. Толпа их не понимает, а власти стараются приручить или изничтожить. Книга приятно оформлена, и получаешь эстетическое удовлетворение, прикасаясь к ней.

7 июля

Были во Дворце спорта на концерте нью-йоркского джаз-оркестра «Репертуари компани». Программа памяти Луи Армстронга.

Ще спросила: «Разве это искусство?» А что понимать под искусством? Если отражённую тревогу и боль, то джаз — не искусство. Если утешение и надежду, то — да. Джаз даёт именно это: пьянящий музыкальный наркотик, усыпление, грёзы наяву, что всё обойдётся, всё будет хорошо. Динамизм, экспрессия, ритм, иногда печаль — blue, notes, но и они несут в себе заряд надежды. Джаз — это порождение Америки, это могучая река, истоки которой в Новом Орлеане. Недаром миф о Золушке — любимый миф Америки. Главное — надежда. Придёт удача, и всё о'кей, детка!

Как меняется жизнь. Когда-то джаз был в изгнании, пластинки с записями джазовых мелодий доставали из-под полы (записанные на рентгеновских плёнках), само слово «джаз» было крамольным… И мы, 16–18-летние мальчишки, ездили в редкие места полузакрытого типа. Например, в ресторан «Спорт» на Ленинградском проспекте (теперь его ликвидировали). И как мы упоённо слушали музыку и танцевали. Милое время, ушедшее без возврата…

17 июля

В связи с 40-летием отдела на коллегии Госкомитета нас наградили почётными грамотами. И сам товарищ Лапин их вручил и жал руку (о, лимонадные слюни умиления!). Глядя на мою неординарную внешность, Сергей Георгиевич буркнул не то «Желаю вам творческих удач», не то «Приятно было познакомиться». Процедура заняла от силы три минуты. Конечно, настоящее формалидаджи, как говорят в Рио.

Итак, мы получили моральный стимул за работу, но главная её оценка — это, конечно, мнение самих слушателей. Вот одно из последних писем от Жоаетте Говейа: «Знаете, я, кроме шуток, готова подпрыгнуть от радости, осознавая, что каждый вечер имею возможность встречаться в эфире с такими людьми, как вы, работники Московского радио. Вы ведёте поистине самоотверженную работу, обогащая нас знаниями, уча нас, информируя обо всём, что происходит в вашей стране и в мире, предоставляя нам возможность разговаривать в своих письмах с вами, как с друзьями. Вот что значит для меня Московское радио!..»

5 августа

Вечером двинули с Ще в театр. Не попали и пошли в парк имени Горького, благо он рядом. По дороге удивлялись, как изменились Валовая и

Мытная улицы, Октябрьская площадь, как много снесено старых домов…

В парке не были по меньшей мере пять лет. Взглянули на него свежими глазами: огромный масштаб, бетонно, пыльно, безвкусно. После Бельгии и Голландии контраст страшный. Зашли перекусить. Грязная посуда, грязные подносы, девицы, грызущие пальцы, в грязных фартуках, сосиски под каким-то дёгочным соусом. И, конечно, плакат красными буквами: «Идёт смотр за культурное обслуживание!..» Чёрт знает что! Неужели во всём виновата эта данная нам на вечность русская сиволапость, неряшливость, леность, неумение всё организовать чётко и красиво?! Ужин искупили аттракционы, некогда поставленные американцами.

11 августа

Свобода! Свобода! Свобода! В четверг, 7 августа, состоялось отчётно-выборное собрание. Мой отчётный доклад занял при 11 страницах машинописного текста 15 минут живого слова. Отчитался — гора с плеч! Хватит собраний, заседаний, характеристик, дружин, совхозов и прочей суеты. Нервничал очень, но теперь — всё позади!

19 августа

С 12 на 13 августа ночью местами был минус один градус. Так низко ртутный столбик не опускался на протяжении ста с лишним лет. После холодного тайм-аута (на работе даже топили) солнце снова бесчинствует…

16-го, в субботу, нас ждал сюрприз: прекрасно поставленный Анатолием Эфросом спектакль «Страницы журнала Печорина». Олег Даль (Печорин), Андрей Миронов (Грушницкий), Ирина Печерникова (княжна Мери), Ольга Яковлева (Вера), Леонид Броневой (доктор). Прочтено и сыграно броско, иронично, современно. Это не любовные метания, это трагизм времени, когда не к чему приложить силы. «Зачем я жил? Для какой цели родился я? — спрашивает Печорин. — …А верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необыкновенные»…

Пытался делать настольный календарь Ю.Б., где будет всё: и личные даты, и народные праздники, фенологические приметы, даты великих людей, стихи, высказывания. Чтобы каждый день в году имел какую-то интересную окраску, задавал тон на день, заставлял работать воображение. Идея грандиозная, а значит, снова надо выкраивать

время, а где оно? Ведь ещё надо писать передачи, дающие хлеб насущный…

26 августа

Вчера, 25 августа, стадион «Динамо», международная товарищеская игра, «Динамо» (Москва) — «Трабзонспор» (Турция). 1:0. Гол забил Анатолий Шепель.

В этом сезоне динамовцы выступают очень неровно: на один хороший матч приходятся два-три вялых, невыразительных… С такой игрой на призовое место рассчитывать трудно, хотя в нынешней турнирной ситуации можно выудить даже серебро…

28 августа

26-го пораньше сбежали с работы в Выставочный зал на Кузнецком мосту. Дар Советскому Союзу от Надежды Леже: копии шедевров западного искусства. Небольшие, добротно выполненные картины, дающие чуть большее представление, чем книжные репродукции. Не надо ездить в мадридский Прадо, в Лувр, в Лондон. Смотри растиражированные копии и получай удовольствие, потребляй, так сказать, культуру. Но даже в этом усечённом виде, глядя на картины, в которых нет знаменитого «чуть», чтобы стать гениальным

полотном, было приятно побывать на выставке.

5 сентября

Прочитал в последнем «Новом мире» повесть Юрия Трифонова «Другая жизнь». Очень симпатично. Идёт грустная безысходность, словно вскрылась река жизни, и человек беспомощно барахтается среди льдин «надо» и «необходимо», среди всех этих бесконечных треволнений на работе, в быту и дома. У героев Трифонова нет парения, им чужды словесные декларации, они борются с жизнью, с трудом преодолевая её неподатливый, тугой материал. «Жизнь — борьба» — это моя концепция…

8 сентября

…Повтор (по ТВ) фильма о Плисецкой был прекрасен, особенно «Кармен» и «Гибель розы» Малера. От самодовольно искрящейся жизни до печально разбегающихся атомов распада. Плисецкая в «Кармен» — это бурление молодости, это утверждающая себя стать, это игра чувственности, это любопытство и вызов, это радость и сражение. Музыка Бизе — Щедрина находит потрясающе точный эквивалент в этих двух неповторимых ногах-самолётах. Плисецкая парит — и это весело и интересно. В «Розе» — иное.

Тут она играет конец жизни, увядание, угасание, распад. Последние всплески когда-то горячей увлечённости, любви, радости. Но всё уходит, и балерина прекрасно средствами балета передаёт это мучительное расставание тела с жизнью…

18 сентября

Во вторник, 16 сентября, ходили вместо работы на овощную базу. Который год туда ходим. Та же грязь, та же неразбериха, та же бесхозяйственность. Целый час ждали, хмыкали, чесались. Затем дали работу: из склада по десятку таскать пустые мешки в машину. Мешки грязные, пропахшие не то воблой, не то какой-то костной мукой, на удивление тяжёлые и порой аж горячие. И, конечно, дых, который буквально валил интеллигентов с ног. Поработали минут 40. Снова пауза. Потом побросали немного картошки и красиво отчалили домой, тем более что не менее красиво работники ж/д угнали вагон с невыгруженной картошкой куда-то в сторону (очевидно, левую). На наши слабые протесты дошлые железнодорожники ласково говорили: «Ничего, ничего…»

29 сентября

Подготовка к отпуску идёт полным ходом. Се-

годня с утра помчались (ни свет ни заря) в ЦУМ за тексасами и прочей ерундой. Тысячная толпа приезжих обложила новое здание универмага, очевидно, с ночи. Дверь распахнулась — и в неё ворвался этот хрипящий и кричащий ком людей и покатился по лестницам, разбрасывая на ходу огрызки яблок и размахивая разноцветными сумками, — узбеки, татары, украинцы, белорусы, армяне, — пожалуй, все 100 национальностей и народностей страны. Зрелище для богов!..

5 октября

Прощай, работа! Здравствуй, отпуск! Традиционные кофе с пирожным, и в половине пятого я исчез с работы. Месячный отпуск. Перерыв от машинки. Тайм-аут от комитетских физиономий. Встретились с ребёнком, купили по дороге торт «Агат» (рифма: шпагат) и поехали домой ужинать. Это был чудесный вечер. Олечка рассказывала свои стюардессные истории: один пассажир долго рвался на самолёт, не было билетов. Его наконец посадили, но так как на него не оставалось еды, ему при посадке сказали: «Садись, но только без питания». Он понял это по-своему и без сожаления зашвырнул свою авоську с продуктами с трапа на лётное поле: «Без питания — так без питания», и 8 часов до Иркутска голодал.

А потом сидели в моей комнате: Ще в кресле вязала, ребёнок в другом кресле листал «журналы с картинками», какая-то зарубежная станция передавала красиво звучащие старые мелодии, у ног тёрся кот, — и было спокойно и уютно необыкновенно.

…Подвигается мой календарь-поминальник, лирико-философский, курьёзно-серьёзный, фенологический и исторический. Если бы не работал, сделал бы его быстро, а так всё деланье идёт урывками…

Отпуск: от Адлера по побережью до Батуми

8 октября

В пять минут первого ночи поезд «Рица» рванул в ночь. Наши соседи по купе тоже ехали на отдых, но в Туапсе. Все разговоры вертелись вокруг погоды: всё ли время будет идти дождь и удастся ли подойти к морю. День был длинный и нудный, как железнодорожный состав. Были беззащитны против радио. Несгибаемый Иосиф Кобзон бесчисленное количество раз повторял про роковые отрезки времени:

Свистят они, как пули у виска, –
Мгновения, мгновения, мгновения…

Изрядную долю развлечения внёс на редкость говорливый и шустрый проводник Иван Заруцкий, который, даже подметая пол, шутил и балагурил: «Ну, что, хохлы, не хотите знаться с кацапами?!» — задирал он незнакомых людей на перроне. Себя он представлял не иначе как «Мишка-краковяк» и хмыкающему пацанёнку великодушно отдал свою форменную фуражку: «На, носи до Таганрога».

А поезд тем временем убегал всё дальше от российских полей и есенинских берёзок… «Грусть моя, ты покинь меня», — щемяще выводило радио.

9 октября

После ночи состав вырвался к морю и побежал по береговой кромке. «Хорошей погоды вам, — пожелал добрейший Заруцкий и тут же добавил: — Которой, конечно, нет».

В Адлере погода оказалась более милостивой: дождь лишь моросил… Нудное оформление в пансионате, и с помощью дежурного администратора возносимся на лифте на 13-й этаж. Бросаем вещи, моем руки и в плащах выскакиваем знакомиться с местом нашего отдыха.

Перед взором раскинулось обширное плато, лежащее между морем и горами, почти без зелени,

но с взметёнными вверх стеклобетонными небоскрёбами. Четыре 15-этажные «дуры» имели к тому же «окаёмку» из 3-4-этажных карликов-пансионатов. Первое ощущение: бежали из одного мегаполиса, а по иронии судьбы попали в такой же вертеп урбанизма.

С трудом согнав со своего лица туман скепсиса, отправились на первый обед. Поначалу показалось, что мы ошиблись и не туда зашли. То ли попали на республиканский слёт доярок и телятниц, то ли на всесоюзную конференцию чабанов. В двух огромных залах было черно от людей и стоял ровный гул от ударной работы челюстных мышц. То была столовая, а точнее, приёмный пункт калорий на 1670 посадочных мест, фабрика по уничтожению гороховых супов и цыплячьих ножек, завод по переработке непроваренного риса и киселя из гнилых яблок… А вечером масса гуляла… И главное, не индивидуально, а коллективно, скопом, стадом, толпой, где человек перестаёт быть самим собой и становится таким, как другие.

Как говорил Мартин Хайдеггер: «Мы наслаждаемся и развлекаемся так, как наслаждаются и развлекаются; мы читаем, смотрим, судим о произведениях литературы и искусства, как читают,

смотрят и судят; мы находим возмутительным то, что считают возмутительным».

Именно такой стадный, массовый, конвейерный отдых предстал перед нами в Адлере. Будто скрытый механизм однообразно и скучно нивелировал людей, отштамповывая из них ровненькие блестящие болванки, похожие друг на друга, как близнецы. Как утверждал «датский Сократ» Серен Кьеркегор, нивелирование представляет собой «победу абстракции над индивидами».

По дороге услышали примечательный разговор. Молодой человек выговаривал спутнице: «Что ты всё талдычишь „срок“ да „срок“, словно отбываешь тюремное заключение».

12 октября

Утро мглистое. Единственный просвет — перепелиные яйца на завтрак… После схватки, не менее ожесточённой, чем за мыс Адлер, удалось позвонить в Москву. Кабинка с телефоном одна, а народа вокруг неё прорва, и всё какой-то нервный, явно не отдохнувший. В очереди одна москвичка: «А чего тут хорошего? Живём в маленьком корпусе, комната на четверых, умывальник на шестерых, бельё плохое, сушить негде, податься некуда. И цены — 120 рублей…

Многие уезжают раньше срока». Нет, у нас в «Коралле» получше.

13 октября

Быстро позавтракали, оставив на столе ещё тёплые остатки биточков, а на полу — море какао. Сели на автобус «4С» и рванули в сторону Сочи.

Сочи… Здесь в конце 20-х — середине 30-х годов гуляли Ольга Кузнецова и Вера Копнина, две москвички, две одногодки, впоследствии — Безелянская и Харашвили. Они проходили мимо друг друга, не подозревая о том, что линии судеб их будущих детей неожиданным образом пересекутся…

16 октября

Поездка на озеро Рица, в Пицунду и Гагры. Экскурсовод по ходу движения автобуса: поверните направо — это Адлер, а теперь налево — это птицефабрика… когда-то здесь были малярийные болота, а сейчас чудесный гостеприимный край, и т. д., в том же лучезарном духе…

Шофёр умело разматывает нить дороги… И вот самый живописный участок — Юпшарский каньон длиной 8 км, ширина 28 м. «Как в кино», — обалдело вздыхаем мы… А автобус тащится дальше, как гусеница, извиваясь по карнизу, над

которым с одной стороны нависает громада гор, а с другой угрожающе темнеет пропасть, зленный ад, «инферну верду»…

В Пицунде поражает прекрасный пляж, куда лучше Адлера, и даже волна тихо шелестит нам по поводу выбора: «Дураки…» Грузимся на теплоход «Агава», и сразу в памяти возникают строки Заболоцкого: «Я трогал листы эвкалипта и твёрдые перья агавы…», делаем почётный круг вокруг Пицунды и полтора часа по морской глади пилим до Гагр. Как там поют?

О море в Гаграх, о пальмы в Гаграх,

Кто побывал, тот не забудет никогда…

18 октября

Адлер. Парк «Южные культуры». У входа в ларёк очередь за пивом. Какие-то молодчики лениво бранятся:

— Как дам вот — у тебя усы отклеятся…

— Да?! А у тебя зубы не жмут, случайно? Могу помочь…

21 октября

Ещё одно маленькое путешествие. Леселидзе, Гантиади, Холодная речка, Гагры, Гудаута… В

столовой абхазская кассирша спрашивает:

— Куда направляетесь?

— В Турцию, — не моргнув глазом, отвечаю я и вижу, как она бледнеет.

— Вай-вай, туда нельзя. Там пограничники.

— Ничего, прорвёмся, — говорю я, запасаясь шоколадом на дальнюю дорогу.

В Сухуми побывали лишь в обезьяньем питомнике и поглазели на драмтеатр имени Чанба и далее в путь. Очамчира… Зугдиди… Это не Абхазия, а районы Грузии — Гурия и Менгрелия… К вечеру добираемся до Поти. Ночёвка. Бросаем вещи и выходим на улицу, разумеется, она носит имя Ленина. Кругом как-то по-сиротски бедно и неприглядно, не город, а какая-то дыра.

22 октября

Покусанные ночью комарами, отправляемся в Батуми, по дороге заехав в Кобулети и в Зелёный Мыс. И, наконец, Батум. Местный гид с ходу начал рассказывать анекдоты:

— При сотворении мира Бог стал делить носы. Русский попросил маленький, курносый, чтобы легче было выпить сто грамм. Грузин захотел иметь кривой нос, как Кавказ. А когда очередь дошла до армянина, тот спросил: «А сколько стоит?» Бог ответил: «Бесплатно». «Ах так», — сказал

армянин и попросил самый большой нос.

Знакомство с Батуми. Приятный проспект Сталина (!) и грязная улица Чавчавадзе. Ночлег в доме колхозника.

23 октября

Из Батума в Поти. По Колхиде «Икарус» летел как ошпаренный: водители нагоняли график… На Сухуми нам всем было дадено 130 минут… Снова гонка, и в какой-то момент «сели» колёса. Пока их чинили, все высыпали в ночь. Звёздное небо. Какая-то эстонка, плохо говорящая по-русски, обратилась к нам: «Смотрите, это птичий путь…» Действительно, небесный купол был разрезан звёздным млеком. В кургородок Адлер вернулись вдрызг разбитыми.

25 октября

Вышли на территорию городка… Где ты, зелёное буйство Гагр и разноцветье Батуми? Чахлые пальмочки и инвалидные кипарисы, ни беседок, ни зонтов, ни скамеек. Ходи и вой…

26 октября

Пришли к морю. Оно беспокойно и гонит пенные валы. Медтётя объясняла всем в столовой: «Купаться нельзя, но дышать полезно, там ёны…» Пошли вдыхать «ёны», а на море уже настоящая

штормя-га. Штормовое крещендо продолжалось целый день. Белые барашки вскипали далеко в море и разъярённые неслись к берегу, вставали на дыбы и обрушивали на пляж тысячетонные водяные глыбы. Столбы воды перехлёстывали бетонные парапеты и в смертельной усталости замирали на железнодорожной насыпи. Зрелище бесподобное.

28 октября

Проснулись и — нет моря. Поезд. Плацкартное житье… В Ростове-на-Дону купил Ще мороженое, а себе в Харькове — газету. Ещё одна ночь — и конец железнодорожным мытарствам.

31 октября

Всё замело. Куда ни кинь — белым-бело. С утра повторил подвиг Геракла: притащил для засолки 17 кг капусты. После чего долго пытался наладить дыхание. Ездил за гонораром в Комитет, получил деньги и букет «ахов»: ах, как посвежел, ах, как отдохнул!.. Надолго ли?..

5 ноября

Ще встала рано и отправилась на работу, я тоже встал из чувства солидарности, хотя мог ещё понежиться. Кот недоумевал: так хорошо было сладко лежать, а они зачем-то встали и

отправились куда-то, как будто печёнка сама не приходит в дом.

7 ноября

В магазине за прилавком между хлебными котлетами и не отмытыми грязными яйцами стоял дед и вспоминал былые времена: «Раньше в праздники работать было одно удовольствие: семужку режешь, лососинушку, колбаску хорошую… И покупатель был другой: живой, энергичный, с прибауткам. А сейчас стоят — спят на ходу…»

…В обед выпили водочки и снова крутили Высоцкого. Русский бард натягивал нервы, как струны, и в отчаянном надрыве пел:

Вдоль обрыва, да над пропастью, по самому краю

Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю.

Что-то воздуха мне мало,

Ветер пью, туман глотаю,

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю…

9 ноября

Нерабочий день, и после прогулки взялись

за альбомы. Клеили в четыре руки и две попы (очерёдно подпрыгивали на стуле, положив туда альбомы). Удовольствия больше, чем от самого отпуска. А вечером приезжал ребёнок. Стюардесса. Крепко поднавернула и с удовольствием рассказывала о полётах, о том, как ей понравились аэропорты в Будапеште и в Праге, о 3-этажных «небоскрёбах» Улан-Батора, о грязных аратах, о том, как везла Германа Титова («а он маленький-маленький, толстый-толстый») и т. д. Про марки и форинты, тугрики и кроны. Не тратит, собирает. «Надёжная, как весь гражданский флот».

11 ноября

Театр им. Ермоловой. «Играем Стринберга» (Август Стринберг «Пляска смерти», переработка Фридриха Дюрренматта). Пожалуй, впервые сидел в первом ряду и всё видел крупным планом: лица, слёзы, стекающий пот, подымающуюся пыль со сцены…

Публика сидела молча и, по-моему, была ошарашена необычным действием. Философский текст был явно не по зубам. Слова актёров падали в зал и, не находя обратной связи, уходили под землю. Зрители реагировали лишь на знакомые им бытовые вещи (измена, ярость) и тогда даже

повизгивали от удовольствия, а всё философское, непонятное пропускали мимо ушей. Они не понимали трагикомичность всех жизненных усилий (это ведь не «вперёд, заре навстречу…»). Неприемлемы слова Курта, что «жизнь беспощадна». Что страсти и зло бушуют не только в маленьких квартирах, но и в большом мире. «Только масштабы другие», — утверждает всё тот же главный персонаж Курт.

22 ноября

Попытка ответить на некоторые вопросы анкеты Тургенева. Ваша любимая добродетель? — Доброта и деликатность. Любимые вами качества у мужчины? — Решительность и твёрдость слова. Ваше любимое занятие? — Работать дома. Отличительная черта вашего характера? — Раб своего настроения. Ваши любимые цвета и цветы? — Голубой, незабудки. Кто ваш любимый герой в истории? — Наполеон. Кто ваш любимый герой в романе? — Дон Кихот, Швейк, Остап Бендер. К чему больше всего питаете отвращение? — К грубости, лицемерию, фальши… Какой ваш любимый девиз? — Английская поговорка «Донт трабл… т. д.». В переводе: «Не тревожьте тревоги, пока тревоги не потревожат вас сами».

25 декабря

Гляжу на людей — много, действительно, способных. А чего они добились? Чем заняты? Все в какой-то дурацкой суете. А время идёт, всем перевалило за сорок. И старость потихоньку подкрадывается. И что делать дальше? Как приблизиться к своим мечтам? Лично я не вижу никаких путей к достижению, и от этого тошно. Но смотришь вокруг, видишь кусочек голубого неба, подскрипывает под ногами снежок, бежит, смешно подпрыгивая, собачонка, — и вроде хорошо. Надо жить, а не думать, фантазировать, рассуждать. Надо, как я услышал когда-то давно в пионерлагере от одного мальчика: «Наш закон — пить и жрать». А не рефлектировать. И плевать, плевать с большой горы вниз…

Комментарий. Что сказать спустя годы? Типичная советская безнадёга. Нет творческой свободы. Всё перекрыто, занято, схвачено, и нет возможности заявить о себе. Да ещё вопрос, с какой темой? Художественно очертить советский образ жизни? Но мне хватало и радио-восхищений. А хотелось иного: обжигающей правды, запредельной откровенности, перейти за запретные флажки. Но тут полный стоп. Как говорят в народе: «Да кто же тебе это даст?..» Разумеется, нет. Отсюда

и тоскливое сидение на бережку, смотрение на стремнину и мечтание о золотой рыбке. Так было в 70–80-х годах.

Но мне повезло. Я дожил, дошмыгал до перемен, до перестройки и гласности, до развала СССР, до отмены цензуры, до удивительных новаций и реформ во времена Горбачёва и Ельцина. 90-е — мои золотые годы. Я вышел из тени, достал из-за стола свою хронику имён и событий, календари, собранные и отпечатанные, лежавшие в ящиках стола. И — есть такой глагол — жахнул! «Наука и жизнь», «Вечерний клуб», «Огонёк». Газеты, журналы, книги, разные каналы радио и ТВ. Приобрёл популярность и был внесён в увесистый том «Журналисты XX века: люди и судьбы» (2003). В разделе «Открытый финал» рядом с такими медийными лицами, как Артём Боровик, Алексей Венедиктов, Александр Кабаков, Владислав Листьев, Виктор Лошак, Елена Масюк, Николай Сванидзе и др.

Но, как говорят, не долго музыка играла. Наступил период агрессивного мракобесия. Шоу-бизнес вытеснил культуру и литературу. И я снова попал в положение «вне игры». Не формат… (14–15 февраля 2019 г.)

31 декабря

Завершается год. Оставим в старом году свою хандру и постараемся в новом быть энергичным, более хватким и более оптимистичным. Возможно ли это?..

Пока живу, пока дышу,
Иного счастья не прошу.
Всё уходящее, живое
Теперь ценнее стало вдвое… –

так писал Всеволод Рождественский (1895–1977).

«Зеркало» Андрея Тарковского

Маленькое эссе в связи с просмотром фильма Андрея Тарковского «Зеркало» не для печати, а в стол. Страничек 11,5 были написаны не сразу, а в течение нескольких дней 8–15 апреля. Вот выдержки из того текста:

«Прокат нового фильма Тарковского проходил на так называемых закрытых просмотрах для избранной публики и массовой — всего лишь в двух кинотеатрах.

Мы пошли в первый же вечер (7 апреля на сеанс в 18.45). У касс кинотеатра „Таганский“ толпа. Спрашивают билеты. Студенты, молодёжь,

длинноволосые и бородатые. Интеллигенты-технари. Усталые пролетарии письменных столов и чертёжных досок. Интересуются. Необходимо заполнить душевный вакуум. Кто жаждет клубнички, кто клюнул на модное полузапретное имя.

Врубили журнал „Новости дня“: победная музыка, разлив металла, колыханье флажков в международном аэропорту, счастливые лица женщин-ударниц, — всё как полагается. Летят кадры, а в зале не смотрят на экран и переговариваются между собою. Наконец, кино-пролог закончен. И вниманием зала завладевает Андрей Тарковский. Началась обманная игра зеркал…

Кончился фильм. В зале повисла тишина, как и на картине „Андрей Рублёв“. Все молча встают и медленно, как во сне, движутся к выходу. Раздаются первые реплики. Кто-то бросает пробный шар: „А что?! Фильм серьёзный. Не пустышка какая-то. Заставляет думать…“ Отозвавшись, кто-то начинает думать, и, кажется, не получается. Лысоватый мужчина в плаще подруге: „Сорок копеек жалко!..“ Публика расходится и оглядывается на афишу кинокартины, а она перечёркнута накарябанным призывом: „Не ходите!“

Да, фильм не для массового зрителя, не для

толпы. Он слишком сложен и полон разными символами. Чтобы понять фильм, необходимы не только культурный фундамент, некоторая начитанность, но и особый психологический настрой: картина трогает струны, спрятанные в глубоких уголках человеческой психики.

Федерико Феллини как-то заметил: „Я режиссёр, живущий со своей памятью“. Свой последний фильм знаменитый режиссёр так и назвал „Амаркорд“ („Я вспоминаю“). Грустная ретроспектива детства, проведённого в городе Римини. „Зеркало“ — своеобразный вызов Феллини, ад ещё с замесом из Фрейда и Достоевского.

…В „Зеркале“ отражён комплекс Эдипа: любовь-вражда мальчика Игната к отцу, любовь к матери, чувство детского страха: падающие предметы, открывающиеся двери, таинственный ветер и т. д.

В фильме отчётливо звучат чужие и свои вины, как расшифровка строк отца, Арсения Тарковского:

И тайная меня тревога мучит, –
Что делал я с высокою судьбою,
О, боже мой, что сделал я с собою!

Вот и сын, Андрей Тарковский, человек с обо-

жжёнными нервами, чутко реагирующий на любое проявление зла в мире и погружённый к тому же в бездонную пропасть своих рефлексий и переживаний…

В „Зеркале“ Андрей анатомирует боль, одиночество, разъединённость и непонимание друг друга, тревогу и страх, которые гнетут нормального „естественного“ человека…

Фильм состоит из отрывочных разговоров, разрозненных воспоминаний, оборванных размышлений, наплывов и видений, — и всё это завораживает, но только тех, кто по-настоящему понимает, что такое жизнь, из чего она складывается. И как не вспомнить Афанасия Фета:

А жизни нет конца и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

В „Зеркале“ сложная стилистика. По экрану вольно разливается „поток сознания“, о котором писал американский философ и психолог Уильям Джемс („Принципы психологии“, 1860) — жизнь состоит из переживаний и ощущений, хотений и размышлений… Одна из героинь пьесы Леонида

Андреева „Екатерина Ивановна“ (1912) говорит: „Вся жизнь человека внутри, а не во внешних проявлениях“.

Вот это просвечивание изнутри и отражено в фильме „Зеркало“.

В давние века Августин признавался: „Хочу понять Бога и душу. И ничего более? Совершенно ничего“. Ту же задачу преследует и Андрей Тарковский: понять душу. Иногда он блуждает в лесу заблуждений, но упорно своим фонариком таланта высвечивает правильную дорогу. Сам поиск есть благо…

…„Зеркало“ Андрея Тарковского! Спешите увидеть! Сегодня и завтра на экранах мира — сеанс длиною в вечность. Всё по Екклесиасту:

Бывает, скажут о чём-то: смотри, это новость!
А уже было оно в веках, что прошли до нас.
Боль, страдание, воспоминание…»

Эссе об Игоре Северянине

Это было в апреле, а осенью я обратился к совершенно иному художнику, поэту Серебряного века Игорю Северянину, и написал небольшой этюд (и тоже в стол) — «Игорь Северянин: поэза жизни», 16–22 сентября 1975 года… 8 страничек с хвостиком. Вот начало этюда:

«– Игорь Северянин? Это тот, который рекламировал „Ананасы в шампанском“ и „Мороженое из сирени“?

— Да, тот… А почему бы нет? „Удивительно вкусно, искристо и остро“… Вас это возмущает? Вы не любите смешение стилей? Вы за умеренность и регламент? У вас не кипит кровь и вам не хочется попробовать жизнь на вкус? Понюхать её, пощупать, пожевать?.. А Северянин хотел. Он был молод. Полон сил и энергии. Обладал талантом поэта и был честолюбив.

Начало XX века. Петербург. Новая эпоха будоражит воображение:

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!

Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буеров!

Машины, пришедшие из былин и сказок. Невиданные скорости. Экзотические страны. Преобразование всей жизни. Разве можно было передать её стремительный темп и удивительный аромат старыми, затёртыми и замусоленными словами и рифмами? Конечно, нет.

Сверкните, мысли! Рассмейтесь, грёзы!

Пускайся, муза, в экстазный пляс…

Северянин — это дитя своего времени, дитя нового технологического века… Его фантазии фантастичны, и он предвидел, предчувствовал скорое будущее:

Из Москвы – в Нагасаки,
Из Нью-Йорка – на Марс!..

Но этот фантаст прочно стоял на земле и любил всё радостное и земное. Гедонист. Наслаждатель жизни.

Вонзите штопор в упругость пробки, –
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И в знойной страсти завьются тропки…

Он ненавидел сытое и довольное мещанство, сознательно эпатировал его, дразнил своими эротически-машинными поэзами. Считал, что

Пора популярить изыски,
Утончиться вкусам народа.

До революции Игорь Северянин в стихах весь красивый. Насквозь буржуазный, сытый со своим холёным счастьем на гагачьем пуху:

Смеётся куртизанка. Ей вторит солнце броско.

Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин.

За чем же дело стало? – К буфету, чёрный кучер!

Гарсон, сымпровизируй блестящий файв-о-клок!..

Как гарсон, Северянин и импровизировал, и фокусничал в стихах и рифмах. И только иногда набегала тень грусти и печали:

Встречаются, чтоб разлучаться…

Влюбляются, чтоб разлюбить…

Мне хочется расхохотаться

И разрыдаться – и не жить!..

…В деревне хочется столицы…

В столице хочется глуши…

И всюду человечьи лица

Без человеческой души…

А потом революция, и всё полетело в тартарары. Северянин в 31 год оказался оторванным от России в местечке Эст-Тойла, в Эстонии… Никаких новых книг, шумных выступлений, никакой

славы, а — захолустье, забытье, скудное материальное существование, эмигрантская тоска и маленькая отдушина: рыбная ловля:

Сам от себя – в былые дни позёра,
Любившего услад дешёвый хмель, –
Я ухожу раз в месяц на озёра,
Туда, туда – „за тридевять земель“…

Северянин уповал на „примиряющую воду“, но и вода не могла помочь.

Старый поэт… Два слова – два понятья.
Есть в первом от зимы. Второе – всё весна…

Освещённый военными пожарищами, практически в нищете, уже будучи безнадёжно больным, Игорь Северянин умер 20 декабря 1942 года, в возрасте 54 лет. Похоронен в Таллине, на общем кладбище. На могильном камне выбиты слова:

Как хороши, как свежи были розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

На мой взгляд, были бы более уместны другие слова Игоря Васильевича Лотарёва-Северянина:

Всё прошло, как всё проходит…»

Сегодня, 6 декабря 2018 года, хочу добавить, что с Игорем Северяниным, с его стихами, я прошагал всю жизнь, начиная со школы, и цитировал его стихи: «Это было у моря, где ажурная пена…», «Котик милый, деточка, встань скорей на цыпочки: / Алогубы-цветики жарко протяни…», «Ты пришла в шоколадной шаплетке…» и т. д.

Конечно, я любил и Пушкина, и Лермонтова, и Тютчева, и Фета, и Блока, и Ахматову, и многих-многих других. Но Северянин стоит особняком, это острая приправа к классической русской поэзии. Соус, горчица, да простит меня бог Аполлон за такие сравнения. Константин Фофанов посвятил Северянину строки:

О, Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!
Люблю я твой таинственный
Лирический ажур.

В 90-х годах, когда настало время «можно», я вытащил многое из своего стола и стал публиковать в прессе. В каком-то номере «Вечернего клуба» в 1995 году я поместил на целую полосу «Грезофарс и трагедии Игоря Северянина». И ещё

разные модификации в трёх книгах, в том числе в «99 именах Серебряного века» (2007), и там много грустного и печального. Северянин после революции:

С ума сойти – решить задачу:
Свобода это или мятеж?..

…Как знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиян?
Натура ль русская – холопья?
Сплошной кошмар. Сплошной туман…

Вот и сегодня не рассеялось предсказанье Северянина: сплошной кошмар, сплошной туман…

Да, совсем заработался и забыл. Конечно, Игорь Северянин представлен в первом томе эмиграции — «Отчизна, дым, эмиграция» (2016) — «Брызги и осколки от шампанского».

1976 год – 43/44 года. Скандинавский вояж: Швеция – Дания. Литературные наброски: от Ивана Грозного до Николая Рубцова

1 января

Поехали к Хачатурову. Покуда искали сладкое к шампанскому, промокли вдрызг: ветер, дождь, ледяные лужи. У Хачи были Олег Славный со своей Машей и Головановы — Слава и Лена. Выпивка, телевизор, песни — убогий репертуар первого дня нового года. На следующий день болела голова…

4 января

Да, годы идут, а мы так ничего не успеваем совершить. Всё спешка, всё быт, всё суета и томление. И усталость уже наваливается, и начинаешь безразлично падать в бездну.

Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним их умом,

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,

Как пир на празднике чужом,

— как писал в «Думе» Михаил Лермонтов. Немного занимался Календарём мировой истории, фотоальбомом, а в итоге три свободных дня промелькнули, сгорели, исчезли, и это жутко обидно… И вот уже работа. «Воевода» обходит свои владенья и вставляет всем клизму: это не так и это тоже не так. Гнусная обстановка. И ничего нельзя изменить, терпи и кривляйся, как Арлекино. И борись. Жизнь — борьба. И никуда от этого не денешься.

Дж. Крафт в номере «Вашингтон пост» от 31 декабря: «Здравомыслящие американцы знают, а глупые догадались, что жизнь не будет автоматически становиться всё лучше и лучше…»

5 января

В музыкальном театре на Соколе смотрели два маленьких спектакля по Гоголю — «Шинель» и «Коляска». В «Шинели» на сцене кровать-гроб, на которой Акакий Акакиевич произносит свои монологи. В «Коляске» все, напротив, скачут, поют, хохочут, истинная феерия сытого праздножития… Надо перечитать Николая Васильевича.

15 января

С 8 по 14 бюллетенил. Дома много спал, а потом бегал по магазинам, помогал тёще.

19 января

Занимался Календарём, перебирал судьбы Василия Шуйского, Марины Мнишек, убийство Грибоедова в Тегеране, жизнь прозаика Гаршина и поэта Анненского. Из «чёрных стихов» Иннокентия Анненского:

Хочу понять, тоскою пожираем,

Тот мир, тот миг с его миражным раем…

Уж мига нет – лишь мёртвый брезжит свет…

А сад заглох… и дверь туда забита…

И снег идёт… и чёрный силуэт

Захолодел на зеркале гранита.

29 января

Вчера, одурев от работы, пошёл на 6-й этаж в библиотеку и листал «чёрные стихи» Иннокентия Анненского: «Я хотел бы отравой стихов / Одурманить несносные мысли…», «Пока в тоске растущего испуга / Томиться нам, живя, ещё дано…»

5 февраля

На улице мороз, а приходишь в Комитет — шпарят батареи. Температурные ножницы.

Сидишь, обливаешься потом и создаёшь «шедевр»: «Культурную панораму», в которой есть кадр к 200-летию Большого театра… Так зарабатываются деньги. Так теряют здоровье… Тут как-то стоял в очереди в столовую с Вициным (вечно неопрятный) и Кларой Румяновой, та самая, про которую волк-Папанов говорил: «Ну, заяц, погоди!» Обычный разговор: про деньги, про болезни, про редакторов (которые, очевидно, их мучают)… И что остается делать?

Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

Опять Анненский…

12 февраля

Дочитываю книгу Майи Бессараб о Жуковском. Очень любопытно. Эх, создать бы свою серию мини-очерков о поэтах, вроде того, что я написал о Северянине. Минимум текста (лишь самое существенное, отражающее «идею жизни») и дать много стихов…

Примечание из февраля 2010 года. А это «эх» осуществилось! Через 30 с лишним лет вышли книги «99 имён Серебряного века», «69 этюдов о русских писателях», «Знаменитые писатели

Запада. 55 портретов», «Золотые перья» и другие. Запоздалые сбывшиеся мечты…

В библиотеке взял Омара Хайяма. И Хачатурову на день рождения 14 февраля написал несколько «Рубаи»:

Встал ты утром и понял: тебе сорок три.

Кости ломят, одышка и давит в груди.

Ты на это, пожалуйста, меньше вниманья

Обращай: не такое нас ждёт впереди.

19 февраля

Вчера «проработал» всю антологию французских поэтов, от Парни до Верлена, кусочки стихов вмонтирую в свой Календарь. Стихи так хорошо отбивают запах пропаганды. Вот перл Н. Брагина о каких-то деятелях Канады, которые готовы «подбросить натовского горючего в испускающий зловещий смрад пропагандистский котёл противников разрядки» («Правда» от 11 февраля).

21 февраля

Всюду толпы. Хватают всё. В пятницу был свидетелем, как на Пятницкой, в переулочке, давали какие-то мясные консервы, и за ними буквально

дрались. И, естественно, мешки, кошёлки. Бедные люди приезжают за тридевять земель и часами выстаивают очередь, чтобы что-то привезти домой… А в 40–50-е годы вроде всё было: копчёная колбаса (один запах что стоил!), икра, рыба… Но тогда не было денег, сейчас есть деньги, но нет продуктов. Но хватит об этом.

25 февраля

После вечернего дежурства выспался. Потом работал над Календарём. В стол. Для себя. Месяц май. Рыскаю везде и нахожу какие-то интересные сведения. Из кусочков складывается календарная мозаика. Интересно, конечно, но тяжело.

25 февраля

Второй день работы XXV съезда КПСС. Весь Комитет бурлит, все бегают по этажам, идёт бумажный поток: молнии, сообщения, информация, изложение речей и т. д. В буфете неожиданно появилась чавыча, как продовольственный привет от съезда. А я с утра выспался после вечернего дежурства и рыскаю по книгам и архивам в поисках имён, которые возникают в феврале: то французский социальный психолог Гюстав Лебон (индивид в толпе меняет своё поведение), то Ортега-и-Гассет, то Робеспьер, то Салтыков-

Щедрин, то Заболоцкий… Из кусочков собираю календарную мозаику (как детский конструктор?). Интересно, но тяжело. Ещё успел дочитать роман Георгия Гулиа об Омаре Хайяме. Так себе. Лучше стихи самого Хайяма, рубаи, в переводе Тхоржевского и новые Плисецкого…

1 марта

Диву даёшься, что пишут в газетах и говорят с высоких трибун: «Пройдут годы, десятилетия, и благодарные потомки будут с гордостью вспоминать наше замечательное время» (Ф. Горячев, новосибирский секретарь), «Мы вступили в новый этап восхождения к высотам коммунистической цивилизации» (Машеров), «Перед нами горизонты, от которых захватывает дух» (Куняев) и т. д. Сплошная барабанная дробь…

3 марта

«Погуляли!..» — так можно сказать о 2 марте. 44 года совпало с Масленицей. Блины, кулебяка и прочее. Хача пришёл с Олегом и устроили буквально базар, оно и понятно, судя по тому, что выпили бутылку водки, бутылку коньяка, шампанского и две бутылки вина и плюс сверх этого — ну, не хватило! — четвертинку водки! Какой-то отчаянный загул. Хорошо выпившие Хача и Олег

танцевали… менуэт (чуть не в рифму).

9 марта

Уже был в форме и быстро одолел роман Франсиско Гарсиа Павона «Рыжие сёстры» и приступил к первому русскому философскому роману Одоевского «Русские ночи». Уже тогда, а «Ночи» в 1844 году, Владимира Фёдоровича Одоевского пугало увлечение материальными достижениями (прогресс) — фабриками, прядильнями и забвение духовного начала в человеке. А что мы видим сегодня?

Коммент. Это тогда, в 1976 году, я робко поставил вопрос про «сегодня». А что в 2019 году? Идёт быстрый процесс дегуманизации человека, на пороге робототехника и искусственный интеллект. Ещё лет 50, и человек окажется не у дел, в положении ненужной тряпки… (16 февраля 2019 г.)

17 марта

…Финал фильма Михаила Ромма «И всё-таки я верю…» оптимистический. Однако весь строй картины вопиёт о другом: человечество не способно противостоять против дикой, неуправляемой силы, которая гнездится внутри людей и толкает их на национальную вражду, обособляет на группы, нации, народы, делает любого чужака

своим «врагом». Человек иррационален — вот в чём корень творящегося зла на земле, и это давно доказано Шекспиром, Фрейдом, Шопенгауэром, Кьеркегором, Достоевским, Кафкой и многими-многими другими. Тысячелетиями человек возводит стену счастья и каждый раз оказывается погребённым под обломками. Стена плача. Бессилие, Отчаяние, Смерть и разрушение — конечный итог всех усилий. Энтропия, энтропия…

24 марта

С Ще были в зале Чайковского на концерте органиста Родриго Валенсиа. «Трио-соната № 3 ре минор», «Токката и фуга фа минор» и другие сочинения Баха… Как прекрасно музыка отбивает быт, отбеливает накипь повседневных наших забот, заставляет размышлять о нашей бренной жизни, заставляет жить именно этой минутой (феномен музыки, выведенный Стравинским). Я закрыл глаза и представил те далёкие времена, когда немецкие бюргеры, крепко погрешив, приходили очищаться в собор. Роскошно раскрашенные алтари, звуки органа под готическими сводами. И скверна слетала с души, да и сам человек возносился кверху, смиренный, просветлённый и возвышенный. Древний завет: греши, кайся и будешь прощён…

1 апреля

Закончил печатать очередное послание к ребёнку на 22-летие. Сознательно включаю имена писателей, поэтов, философов, чтобы заинтересовать чадо. Но она, к сожалению, по-прежнему мало читает. «Не забывай, — писал Герцен своему сыну Александру, — что самое колоссальное орудие многостороннего образования — чтение» (сентябрь 1858 г.). «Читай много, — советовал Александр Бестужев-Марлинский брату Павлу, — память есть житница на зиму несчастий…» (апрель 1828 г.).

5 апреля

Время от времени я задаю себе один и тот же вопрос: зачем я всё пишу, зачем лепятся одна к другой эти странички, где собраны факты из жизни, мысли, чувства, цитаты из чужих книг, зачем?..

В рассказе «Пробуждение» Бабель так объясняет аналогичное пристрастие к письму: «…Днём я рассказывал небылицы соседским мальчишкам, ночью переносил их на бумагу. Сочинительство было наследственное занятие в нашем роду. Лейви-Ицхок, тронувшийся в старости, всю жизнь писал повести под названием „Человек без головы“. Я пошёл в него…»

Кто знает, быть может, и в моём роду, в каком-то далёком колене был свой Лейви-Ицхок, который зажигал ночью свечу и медленно водил рукой по пергаменту, силясь прояснить ту таинственную связь, которая двигает странами и людьми. Ему казалось, что если он постигнет истину, то ему будет легче принять свой смертный час…

В пятницу разговаривал в библиотеке с Ниной. Она очень удивляется, как много беру книг и какими различными вопросами интересуюсь. «А я вот не успеваю всё просматривать», — признался библиотечный работник.

В субботу всей редакцией были на воскреснике, на крыше НИИ автомобилестроения (станция метро «Коломенская»). С места на места таскали трубы, скидывали с крыши строительный мусор. Работали под дождём, но всё равно хорошо. Да, интеллигентам надо обязательно заниматься физическим трудом. Он освежает и успокаивает. А когда устанешь, то нет охоты думать о сложности мира. Пожрать, поспать — и все делы (именно так!).

8 апреля

Хорошо было Народому Сианука, который до переворота в Камбодже снимал художественные фильмы, занимался рисованием, сочинял музы-

ку и руководил дворцовым джазом. У меня нет возможности делать ни первое, ни второе, ни третье. Мой удел, как у Владика-пулемётчика, вышибать «рублитос» и «рублячес» из пишущей машинки. А это не так уже и сладко, по крайней мере, с возрастом всё более ощущаешь горечь добываемого хлеба…

19 апреля

В субботу не выдержал и пошёл на футбол. «Динамо» — «Черноморец». Были все потуги на праздник: парад, флаги, музыка (но как-то всё жалко и сиротливо). «Самоцветы» исполнили свеженаписанный гимн «„Динамо“ — это класс, / „Динамо“ — это школа, / „Динамо“ — звёздный час / Советского футбола…»

Игра получилась откровенно скучной, серой, будничной… 30 лет хожу я на футбол, и каждый раз ждёшь чуда: вот заиграют! Но хорошие матчи наперечёт, а серых не счесть. В памяти хранится не так уж много ярких вспышек: щуплый Карцев рвётся к воротам харьковского «Локомотива», короткий замах, и мяч, как молния, врезается в верхний угол ворот. Было это в 1949 году. Неутомимый боец Сергей Соловьёв, который буквально таранил ряды защитников. Элегантные пасы Бескова, бесстрашные броски Саная, подтянутый

и аккуратный в фигуре и по игре Блинков, хозяин штрафной площадки Леонид Соловьёв, кудесник финтов Трофимов, мастер обводки Мамедов, чёткие удары головой Федосова, воздушные кульбиты Крижевского, буйный темперамент Бориса Кузнецова, хлёсткие удары Численко, изящный в игре Короленков, великий импровизатор ворот Лев Яшин, ну, и другие, кому я симпатизировал. А вот некоторых динамовских игроков откровенно не любил. А что ныне? Один реактивный Еврюжихин?

22 апреля

Печальная новость из журнала «СПК»: не стало Жаркова… Я не дружил с Сергеем Михайловичем, но вспоминаю его светло. Он не был талантливым (не всем дано), но был добрым… Моя первая командировка в Иваново была с ним, потом мы ездили ещё в Воронежскую область. Он был весело-бесшабашный бонвиван, любитель гостиничных горничных и поварих.

5 мая

Сегодня День печати — мой профессиональный праздник. Если сложить всё написанное и отпечатанное, что хранится в моём архиве, то получится высоченная стопа, нечто вроде мону-

мента — не то трудолюбию, не то пустословию… Но мне интересно всё: и миф о Брижит Бардо, и жизнь Ивана Грозного, техника живописи Андре Дерена и забытые стихи Владимира Бенедиктова, философские откровения Шопенгауэра и первичные выборы в США… И разве не интересны слова о Чингисхане, которые я откопал в одной из книг:

«Высшая радость человека заключается в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собою, отняв у них то, чем они владели, видеть лица, которые им были дороги, в слезах, ездить на их конях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жён».

14 мая

В понедельник, 10-го, прекрасно смотрелся «Вишнёвый сад»… Прекрасная игра актёров (не удался образ Лопахина Каюрову, пресен Симеонов-Пищик, не чувствуется трагедии в носиковском Епиходове), а зато остальные на высоте. Филигранно играет Гаева Смоктуновский, тончайшая нюансировка мышц лица, рук, выражения глаз. И эти прекрасно текущие речи о шкафе. Истинно русский интеллигент: бесконечно добрый в порывах и абсолютно бездеятельный. Фразёр и великовозрастный ребёнок…

Хороша Нифонтова в роли Раневской… Монументальный старый Фирс (Сергеев), эдакий памятник преданного холопа, весь растворившийся в своей любви к господам. Напротив, очень живые и непосредственные Аня (Елена Коренева) и Шарлотта (Вилькина).

…Хорошо в пьесе представлены два слоя: господа витийствуют о высоких материях, а слуги рыскают в поисках «простых и грубых» удовольствий. Виталий Соломин и Наталья Гундарева играют совершенно блистательную пару. Яша — это хам и лакей одновременно. Потоптавшийся в парижской прихожей, он смотрит на всё отечественное свысока. Счастье для общества, что он задержался на нижней ступеньке, а если бы шагнул вверх… тогда «Желаю!.. и ты мне не перечь!.. что хочу, то и ворочу!». Ну, а пребывая в лакеях, всё по мелочи: то грудь потрогает у горничной, то бокал шампанского с барского стола слизнёт втихомолку…

Дуняша — это действительно «огурчик»: сочная, аппетитная, хрустящая от смака. Что ей скучные ухаживания Епиходова? Вот Яша — это да! Париж, котелок, манеры — вот хозяин, которому можно рабски служить. И Гундарева около Яши буквально обмирает и трепещет. Фактурная

актриса, с рубенсовскими формами…

Вишнёвый сад — это не только деревья в цвету, но и всё доброе, чистое, хорошее, что есть в нас, что безжалостно топчется и вырубается при соприкосновении с суровой реальностью. Каждый шаг успеха, то есть расталкивания локтями конкурентов, — это гибель нежного деревца души. Чем выше успех, тем больше просека…

17 мая

На работе поставил рекорд: за полтора месяца, с 1 апреля по 15 мая, в эфир прошло 45 материалов — 24 авторских и 31 внештатных авторов за 32 рабочих дня! Свои: 14 спортивных обозрений, 5 коротких комментариев, одна программа «Слушайте нас, любознательные!» и 5 «Культурных панорам», — это примерно 74 страницы. Разумеется, печатал сам плюс кого-то из внештатников переделывал и перепечатывал…

15-го, в субботу, ездили в Востряково, на могилу отца… Немного прошлись по старой части кладбища, где в основном еврейские захоронения. Моисей Срулович Таракан, Бася Красовская, Фредиька Волковинский… Старые, молодые… Шестиконечные звёзды… Мраморный четырёхгранник-стрела Елене Осиповне Утёсовой… Во весь рост стоит и улыбается по-живому бравый

генерал Иван Богушевич, почётный гражданин Братиславы… Но самое главное, к чему невозможно привыкнуть, это сочетание могил, скорби, безвозвратно канувших жизней с ярким солнцем и весенним раздольем трав… 70 лет об этом же думал Иван Бунин, когда писал горькое стихотворение: «Растёт, растёт могильная трава, / Зелёная, весёлая, живая…» И концовка: «Земля, земля! Весенний сладкий зов! / Ужель есть счастье даже и в утрате?» (1906).

Удивительно волшебная сила поэзия!.. Как контрастирует с ней жалкая проза наших буден…

В воскресенье, чтобы «отбить» печальное, пошли с Ще в концертный зал «Россия» на концерт ансамбля «Орэра» (Буба Кикабидзе, Рено Надирашвили и другие)… Увы, исчезли из репертуара грузинские песни, больше стало английских и американских, словом, небо затягивается облаком западной масскультуры…

19 мая

Вся работа на радио — это своеобразный взрывпакет. Главный шеф — Бабкеарх всея Руси — кипит идеями, всякими новациями (обожает иностранные слова)… какой-то гаевский глубокоуважаемый радиошкаф. Слова фонтанируют, а дело стоит. Проблемы накапливаются, а он их не

решает. Вся энергия уходит в словесный пар… Он — мечтатель и фантазёр, великий утопист: «На работу — как на праздник!.. Надо создавать программы-шедевры!.. По буфетам не ходить, кофе не пить, каждую минуту стремиться пополнять свои знания!» и т. д. и т. п. Иногда жалко Бабкена: он старается зажечь всех творческим огнём, а вместо огня — тление, все боятся работать по-новому, избегают «новаций» и по существу саботируют все его начинания… И народ прав по-своему: работать в наших условиях, в маленьких клетушках, под беспрестанный грохот машинок не так-то просто сочинять тексты, тут не до праздника, а лишь бы как-то более или менее связно изложить куцые пропагандистские мысли на бумаге…

И потом, что угнетает — это «режим сильной власти». Босс всех подавляет и никого не признаёт… Кто-то борется быть приближённым к тирану, но только не я. Для меня главное — тишина и культура в её древнеиндийском определении, как «упорное стремление к свету». Я — по-прежнему ловец знаний: книги, газеты, журналы… «Писатель-призрак», которого никто не знает…

21 июня

В молодые годы я открывал рот и глотал ин-

формационные пилюли. Теперь пришла пора разобраться, что и почему. Собрать ворох фактов и заняться небольшой аналитической ворожбой — это как раз то, что необходимо человеку в моём возрасте. Маленькая пешка хочет уяснить себе своё положение на гигантской шахматной доске жизни и пытается вникнуть в комбинационный расчёт тех, кто двигает фигуры и ведёт большую игру…

30 июля

Босс: «Как дела, дружище? Чем занимаетесь?» Клепаю материалы об Олимпиаде в Монреале и стараюсь не быть Яковом Дамским, у которого в олимпийском дневнике — на советской «Шипке» всё спокойно, золото вылавливают в бассейне, женщины дружат с винтовками, спортсмены оккупируют пьедестал, прорывают фронт в неприступном районе (речь идёт о плавании) и прочие красоты стиля. Мне такой стиль чужд.

Пишу об Олимпиаде, а придя с работы, смотрю Олимпиаду по телику. И как подкошенный валюсь спать, вспоминая слова Дени Дидро: «Этот мир не создан для меня, и я не создан для него». И разве это жизнь? Имея почти идеальные условия (хозяйство ведёт Вера Павловна, трёхкомнатная квартира, отсутствие детей, не считая Ребёнка,

живущего отдельным хутором), некогда заняться настоящим делом: сосредоточиться, подумать, написать, наконец, какую-то стоящую вещь: пьесу, роман… и нет сил. Гонка, спешка, миллион идиотских мелочей, пустопорожних разговоров, и ничего путного, стоящего. А когда освобождаешься от груза забот, то чувствуешь, что уже ни на что не способен, кроме того, как погрузиться в глубокий обморочный сон…

16 августа

Ходили в Манеж, на выставку «Молодость России». Входишь и упираешься в картину Кирилловой «На прополке». Красные сарафаны, огрублённые, пышущие здоровьем лица, пафос трудового накала… конечно, в целом выставка — дрянь. Слишком много героики труда, заводов и железных дорог и слишком мало мыслей, сосредоточенности, идей и нормальных человеческих чувств. Много подражаний: под Левитана, Ван Гога, под старину… Но и в этом ремесленническом хороводе есть несколько симпатичных картин («Семья Шукшина» Романовой, две картины Касиповой «Метро „Сокол“» и «Оранжевый букет», художник Свинкин из Свердловска — «Натюрморт с зимним пейзажем»). Но таких мало. Всё выставленное ординарно, а главное

— вписывается в систему, в идеологию… Какой-то посетитель втолковывал своим сыновьям-младшеклассникам:

— Картины отражают создание нового общества, в основе которого лежит труд… Вот эти машины создают нам счастливую жизнь…

Жизнь — она сложная штука. В Манеже на полотнах одна, а в длинных магазинных очередях совсем другая.

20 августа

В Домжуре проходил инструктаж перед поездкой в Швецию — Данию. Некое официальное лицо живописало, что там всё плохо, хотя внешне прекрасно, но дамоклов меч безработицы и другие «прелести» капиталистического мира. И, разумеется, ходить только группами, в дискуссии не вступать, порнографию не привозить и прочее.

…Как важно знать историю! Сейчас Швецию ежегодно посещают наши хоккеисты. Они лихо сражаются с хозяевами ледяных площадок, но привозят с собой на родину лишь сломанные клюшки и разбитые носы. А раньше русские дворяне прихватывали с собой записки, писали письма, книги, которые позволяли воссоздать облик Швеции. Василий Жуковский писал ве-

ликой княгине Марии Николаевне: «Швеция есть гранитное царство…» Владимир Короленко жене Авдотье Семёновне: «…Видно руку человека — леса разделаны, камни вынуты, и на полянках необычно густой, прекрасный хлеб указывает, что можно сделать даже на камне».

Михаил Кольцов: «Индустрия не портит пейзажа Швеции, а природа не мешает индустрии. Первоклассные заводы уместились в живописных усадьбах, окружённых старыми парками; охотник, преследуя дичь, с разбега въезжает на электростанцию…»

В Швеции были Денис Давыдов, Фаддей Булгарин, Михаил Бакунин… До Мальме доскакал красный конь Петрова-Водкина. На шведской земле нашёл пристанище сын Льва Толстого — Лев Львович. «Я не видел ни разу за бытность мою в Швеции, — писал он, — плохой или мелкой лошади, плохой коровы. Это было бы здесь такой же диковинкой, как увидеть в нашей русской деревне скотину крупную».

Внук гения литературы — Пётр Львович ныне торгует мясом в провинции Сконе — на шведской Украине…

Швеция – Дания

21 августа

Когда самолёт снизился, в иллюминаторах открылась Швеция. Несметное количество островов и полуостровов, образующих причудливый вырез шхер. Голубая вода и коричнево-зелёные полосы земли. Первое, что поразило, когда вступили на грунт, — сверкающая голубизна неба и тёмно-суровая, без малейших оттенков, зелень и малое количество народа… По дороге в Стокгольм по-северному скупая природа… Въехали в Стокгольм. Узенькие средневековые улочки. Мрачноватые строения с красными черепичными крышами. Пешеходов — раз и обчёлся. Период массовых отпусков, к тому же уик-энд… Возникает ощущение какой-то пустынности. Нашу группу (17 журналистов) везут сразу в советское посольство. Не смотрите на внешний блеск, в Швеции — безработица, инфляция и прочие проблемы. Но в то же время нам как бы с сожалением говорят, что у шведов высокий уровень социального обеспечения, они рационально питаются, прекрасно развит массовый спорт и т. д.

Отель «Мальмен», 118-й номер и сосед Виктор Черняк (издательство «Связь»). В отличие от ра-

диокомитетского Анатолия Черняка этот Виктор Черняк абсолютно «горбатый», идеологически невыдержанный, несмотря на свою прямую спину молодящегося денди.

Гид Гун, улыбчивая, но сдержанная. Лишнее не говорит. Работает не от сердца, как бельгийский Роже, а по долгу службы. Говорит с акцентом и коверкает русские фразы: «Улица, которую скоро посечём, там много магазинов…», «Кушать будем шведский стол…» и т. д.

Посещение городской ратуши… И далее по Стокгольму, по городу, восставшему из гранитной и базальтовой тверди… Глаз отдыхает на строгой архитектуре, лёгкие впитывают бодрящий свежий воздух. В Стокгольме хорошо не только людям, но и всякой живности: здесь множество чаек, уток, гагар, лебедей, чирков, крякв и шилохвосток… Деловой и торговый центр Хеторгсити… В итоге получилось: 20 часов на ногах!..

22 августа

Посещение пригородов Стокгольма под рассказ гида, из которого вытекает, что шведы получают по отечественным меркам баснословно много. Вспомнились старые чужие строки:

Езжай, чудес увидишь много.

Глядишь – воротишься умней.

«Швеция неизменно удивляет иностранцев, — писал Илья Эренбург. — Эта страна — баловень судьбы: две мировые войны её пощадили… Здесь всё разумно — и большие окна, и кресла, и яхты, и кухни. Несмотря на это, не только в книгах шведских писателей, но и в рассуждениях любого шведа, после того как он опорожнит бутылку водки, столько противоречий, столько душевного разора, что диву даёшься. Видимо, комфорт одновременно восхищает и обкрадывает, засасывает и выводит из себя…»

Хочется добавить от себя. Человечество в течение всей своей истории добивается богатства, процветания и счастья. Но не является ли эта цель ложной, противоестественной натуре человека? Именно этот вопрос волновал великого Достоевского в «Записках из подполья».

«Да осыпьте его всеми умными благами, утопите в счастье с головой… дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращении всемирной истории, — так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает…»

Цитировать можно много. А что было за день? Посещение усадьбы выдающегося шведского скульптора Карла Миллеса (1875–1955), мало известного у нас в стране. Своё обиталище он построил на принципах ландшафтной архитектуры на высоком берегу пролива. Миллесгорден — это ряд спускающихся к воде террас, вымощенных разноцветными плитами из естественного камня, и множество скульптур в прекрасном парке… Карл Миллес работал в паре со своей женой Ольгой Гриннер, австриячкой из Граца. Она тоже была одарённой творческой натурой, и поэтому, выкладывая мозаику, импровизировала и отходила от намеченного рисунка. Однажды скульптор не выдержал и вспылил:

— Кто здесь Миллес? Ты или я?..

— Я тоже, — ответила Ольга.

Сделанные Миллесом скульптуры из бронзы кажутся невесомыми, в них и реализм, и гротеск. Таковы знаменитые композиции «Орфей», «Человек и Пегас», «Рука Творца» и другие.

От художника к Королевскому дворцу… Затем Скансен на острове Юргорден — этнографический музей под открытым небом. Музей Вазы. Густав Ваза — шведский король XVI века, один из самых почитаемых, он — «освободитель шведов

от датского ига».

23 августа

Посещение редакции газеты «Экспрессен». Огромный зал, разбитый на маленькие отсеки-столы, за которыми трудились редакционные работники. Горы бумаги, газет, вырезок, цветы — настоящий хаос. Не отходя от рабочего места, курят, пьют пиво, едят мороженое. Ничего подобного нет у нас…

Знакомство со Стокгольмом. Остров Седермальм, подъёмник «Катарина» — один из первых в мире лифтов общественного значения… Другая часть города — Нормальм… Кугстан (Королевская улица)… Вновь Хеторгсити. Сунулись в магазин, в один, другой, невозможно что-то купить: жуткая проблема, что выбрать. «Я не могу тут покупать, я раздавлен», — признался Черняк… Вечером пошли всей группой в кино, в кинотеатр «Феникс», там такое!.. Одна из наших женщин резюмировала впечатления после просмотра: «Прожила, старая дура, всю жизнь, и, оказывается, ничего не знаю…» Другая: «К стенке бы их! Повкалывали бы, как мы, тогда не осталось никаких сил ни на что….» А Рей Вид из журнала «Коммунист» был доволен: «Братцы! Как хорошо, что мы посмотрели этот фильм. Временами противно — не

спорю… но хорошо!..»

Говорить о сексуальной революции? Ещё в конце 50-х — начале 60-х годов поэт Аллен Гинзбург от имени битнического поколения славил в стихах «нагие трепетные тела, упавшие с небес и вытянутые в трепетном ожидании».

24 августа

Замок Грипсхольм, городок Реймюре, озеро Венерн. К информации о шведах: «Мы всё богатеем, но чувствуем себя всё хуже». Городок Нэсше — нечто среднее между Мытищами и Шуей. Однако сходство лишь в размере, в остальном — сплошные различия. Прекрасная добротная архитектура, эстетика объёмов и линий, чистота и ухоженность, и как везде — чрезвычайная насыщенность магазинами и автомобилями. «Как обувка возле отеля / лимузины столпились в ряд, / будто ангелы улетели, / лишь галоши от них стоят», — живописал Андрей Вознесенский.

Всё время терзают мысли, почему у них так, а у нас иначе? Просто маленький народ для того, чтобы выжить, всегда развивает у себя такие качества, как изобретательность, ловкость, инициативность, не говоря уже о трудолюбии… Инициатива, энергия, труд в соединении с капиталом позволили Швеции занять лидирующее

положение в мире по уровню жизни. Шведы, по словам писателя Седлина, «слишком привыкли к мысли, что комфорт — главная цель нашей жизни».

25 августа

Переезд из комфортабельного Нэсше в Мальме (от Стокгольма 650 км). Отель «Аркаден». А вечером на ракете на подводных крыльях в Копенгаген, в другую скандинавскую страну. Таможни нет, никто не требует паспортов и не всматривается в визы. Сорок минут через пролив Эресунн, и — Копенгаген. Швеция осталась позади. По словам великого шведского поэта, драматурга и романиста Генрика Ибсена: «В конце концов — всё только иллюзия».

Отель «Викинг». Прямо скажем: не фонтан, что-то вроде нашего молодёжного «Спутника». Ах, эти викинги — пираты, береговые разбойники. «Я город Мессину в разор разорил, / Разграбил поморье Царьграда», — хвастался Гаральд Ярославне в поэме А.К. Толстого. У Эренбурга есть стихотворение «В Копенгагене»:

Кому хулить, а прочим наслаждаться –

Удой возрос, любое поле тучно,

Хоть каждый знает – в королевстве Датском

По-прежнему не всё благополучно…

26 августа

Туристический набор: дворец Амолинборг, парк «Длинная аллея», скульптура Русалочки, тоскующей на камне, церковь Грундвига…

В Королевской библиотеке, среди ив и берёз, у тусклого озёрного зеркала, обрамлённого цветами, спряталось царство тишины и покоя. Увенчанный ниспадающими ветками, в задумчивости сидит Серен Кьеркегор. На коленях скульптуры «датского Сократа» лежит рукопись, рука сжимает перо, ещё мгновение — и потекут слова о смысле и значении человеческого бытия.

Кьеркегор постоянно подчёркивал бессилие человека, пытавшегося убежать от мучительной для него вечности и от самого себя в убожество повседневной жизни, мечущегося между двумя альтернативами: «…вам представляется только два выхода, вы должны решиться или на то, или на другое, но, откровенно говоря, сделаете ли вы то или другое, вы одинаково раскаетесь…»

«Величие, познание, слава, дружба, наслаждение и добро — всё это лишь ветер и дым, а вернее

говоря, всё это ничто», — приводил Кьеркегор стих Пеллисона в качестве эпиграфа к своему знаменитому произведению «Или-или».

Датский философ создал огромное количество произведений: его литературное наследство опубликовано в 28 томах, из которых 14 составляют дневники. Себя он называл «магистром иронии» и в своих работах отвергал всякую системность. Он искал только личную истину. «Я люблю тебя, тишь одиночества!» — писал Кьеркегор…

От мятежника духа Кьеркегора идём к Торвальдсену — ученику греков. Его искусство — это ясность, красота и спокойствие. Более 100 лет назад Григорович писал, что, «гуляя по Копенгагену, вы во всём чувствуете присутствие Торвальдсена».

Музей скульптора — это последний отзвук датского классицизма. Прямые линии. Колонны, широкие ступени. В залах представлено огромное число творений Торвальдсена: Христос и двенадцать апостолов, Венера и Адонис, мечтательный Байрон и коварный Меттерних, не взятая по каким-то причинам прекрасная скульптура Барятинской…

Я ходил, восторгался, а в мыслях возвращался к Кьеркегору. «Из всех тираний тирания

РАВЕНСТВА есть самая опасная…» «Множество — это неправда», — писал он и призывал: «прочь от публики к единичному».

Кьеркегора я перечитывал в Москве, а там, в Копенгагене, меня, грешного, волновали банальные вещи: обед и покупки. Между которыми группу повели в Общество дружбы Данмарк — СССР, и там каждому из нас Херлуф Бидструп подарил по альбому политических карикатур.

27 августа

Сначала дано время на «фор шопинг», а потом потащили по редакциям газет — «Ланд оф фольк», «Политикен», в последней нам представили работника, набирающего световую рекламу на здании редакции. А когда он на секундочку вышел, у меня появилось дикое искушение набрать слово «Караул!». Но не успел, так как нас повели в редакционную столовую-клуб, где состоялась товарищеская дискуссия-ужин, под кофе и яблочный пирог. Жизнь в Дании и в Советском Союзе, положение и статус журналистов у них и у нас. У них чуть что не так, то сразу демонстрации и протесты: датчане требуют для себя лучшей жизни, А что мы? Писать об этом даже противно.

Вечерний променад по Копенгагену. Мой сосед по номеру отчаянно матерился, как он выразил-

ся: весь в соплях и вожделениях. Тысячи женщин в благодатный тёплый августовский вечер прижимались к своим мужчинам, склоняли на их плечи свои белокурые головы, садились к ним на колени, заглядывали в глаза, целовали губы… (три точки, три точки). Словом, «яблони в цвету, какое чудо!..»

Черняк декламировал свои грустные стихи:

Неудержимо наступает старость,
И ничего ты толком не успел…

28 августа

Автобусом в Северную Зеландию и осмотр «Фредериксборг палас». Летняя резиденция королевы Маргрете II. И, наконец, Эльсинор. Замок «Кронборг кастл», который связан с именем принца Гамлета. Замок мрачный, давящий на психику. Зимой, как рассказывал гид, здесь жутко завывает ветер, бьётся о тёмные своды замка и напоминает вой животных. Гамлет был напуган видением безжизненного трупа:

Ты движешься, обезобразив ночь,
В лучах луны и нам, глупцам созданья,
Так страшно сотрясаешь существо
Загадками не нашего охвата.

Скажи: зачем? к чему? Что делать нам?

А вечером нас ждал «Тиволи» — местный ЦПКО, и не столько культуры, сколько отдыха и развлечений. Аттракционы, кафе, рестораны, «однорукие бандиты». Но у нас уже не было денег даже на мороженое. Советские журналисты — изгои, люмпены и плебеи…

29 августа

«Пора завязывать с туризмом», — сказал я поутру и стал собирать чемодан. Последняя прогулка по Копенгагену. Аэропорт Каструп. Стюардессы в Ил-62 разительным образом отличались от датчанок и ростом, и цветом лица, и шармом, и размерами. «Наш сайз пошёл!» — вздохнул Черняк и с тоской прильнул к окошку иллюминатора.

30 августа

С утра вместо 40-страничной «Политикен» я достал 4-страничную газету «Правда» и погрузился в донельзя знакомую рубрику «Пьянству — бой!». Вечером вышел на улицу: ничего не изменилось за несколько дней моего западного вояжа. Та же прорва народа, густая, неразличимая масса спешащих и замотанных людей, с сумками,

портфелями и авоськами. Лица усталые и злые. Редко-редко кто улыбнётся, да и то по глупости… Ощущение такое, что проснулся и очутился в совершенно другом мире. И небо, и здания, и люди — всё какое-то другое… А был ли Копенгаген? И я легко и привычно влился в общий людской поток…

17 сентября

Отпуск-1976 — от Стокгольма до Смоленска, вниз по шкале туристического отдыха. Сначала зарубежный класс: роскошные автобусы, сверкающие рестораны, мальчики, подхватывающие чемоданы, и беспрерывное мелькание дворцов, статуй и весёлых «читалок» или порносмотрелок. Тебя возят, размещают, кормят… Затем класс рангом ниже. Дом отдыха «Полёт». Чистенький номер. Супы на м. б. и мясные блюда с ж. к., непременная плюшка на полдник. Танцы под баян, спортивный инвентарь под замком, кинокартины через день и пешие прогулки. В Переделкино случайно набрели на сидящего на лавочке Андрея Вознесенского, и он поразил фразой в адрес властей: фашисты!..

Одиннадцать дней роскошного бабьего лета под Москвой и выезд в Смоленск. Гостиничный номер с подтёками на потолке, ржавыми труба-

ми и ужасным запахом. В ресторане табличка «Мест нет»…

Сам Смоленск, расположенный на холмах и оврагах Днепра, — город затрапезный и заштатный. Пыльный, кривой и задымлённый. Едва покидаешь тротуар, как ступаешь, как говорили раньше, в беспуту: лужи, камни, щебень. Все старинные сооружения в жутком состоянии. А сколько вообще снесено!.. Почему мы так варварски относимся к своей истории? На Западе почти вся старинная архитектура сохранена. Нет контраста между старым и новым, а, наоборот, достигнут какой-то плавный, незаметный переход от классики Средневековья до сегодняшнего модерна. А у нас провал…

За один день, 16 сентября, мы обегали и объездили весь центр Смоленска… Интересно, что когда-то здесь в поисках провианта для французской армии метался великий Стендаль. А о многочисленных боях смолян с литовцами и поляками говорить не приходится… Успенский собор, Вознесенский… Древняя надпись: «Город Смоленск славен зело и крепок…»

Хорош уголок усадьбы Игоря Грабаря. Внутри музея полыхает сирень Кустодиева и «Розовая зима» Крымова. Невидимыми глазами смотрит

невеста Врубеля Волховна. Светятся зелёные огоньки с полотна Бакста «Дама с кошкой». Странно чарует «Прогулка короля» Александра Бенуа, кубистический пейзаж Лентулова, зловещий закат Рылова, — ну да, 1917 год! Сказочно-лирический Сомов. Две девушки застыли в ожидании чуда на картине «Отдых в лесу»…

И последний позитив Смоленска — круговой парк имени Глинки, известный в народе под названием «Блонье». Всё остальное — негатив: дома, улицы, люди. Какие-то забитые, пришибленные, жалкие, с печатью откровенного провинциализма. Молодёжь, конечно, хорохорится. Носит с вызовом мини-юбки. Пока сюда докатывается крик моды, он уже становится шёпотом прошлого… По сравнению с Западом тут совсем другой мир. Другие проблемы, заботы, тревоги. Иные радости и темы газет. Вот, например, рядовой номер местной молодёжной газеты «Смена» от 16 сентября. Только заголовки: «Время диктует: темп!», «И качество, и количество», «Посвящение в рабочие», «Отдай себе приказ», «Усталость, которая радует». Словом,

Вкалывай, энтузиаст,
как сказал Экклезиаст, –

как выразился Андрей в поэме «Дама треф». И ещё один газетный заголовок: «Жить высоко и гордо!» Тошнотворный советский пафос… Смоленск ещё раз напомнил Салтыкова-Щедрина: до сих пор бегает по родным полям, пажитям и весям мальчик без штанов и с гордостью говорит: «У нас, брат, шаром покати, да зато занятно…»

И чтобы закрыть тему, цитата из современного критика-патриота Виктора Чалмаева: «Русский народ не мог так легко и безболезненно, как это произошло на Западе, обменять свои большие святыни на чековые книжки, на парламентские „кипятильники“ пустословия, идеалы уютного „железного Миргорода“».

Примечание. Перечёл это в феврале 2010 года и только руками развёл. Глубокий прорицатель Чалмаев, глубокий…

14–17 ноября

В дневник лёг «обзор зрелищ» (господи, и когда успевал печатать разные глупости?). В дневнике 6 плотных страниц, но упомяну лишь кратко. 12 октября с Олей в Моссовете пьеса Азерникова «Возможны варианты», 15 октября с Ще «Трамвай „Желание“» Теннесси Уильямса в Театре Маяковского. Постановка Гончарова. В пьесе жестокость, бессердечие, непонимание, грязь — всё то, что

встречается не только в западном мире. Система успеха дифференцирует, расслаивает людей на лидеров и аутсайдеров, и горе тому, кто отстал в жизненной гонке… У нас всё гуще, смазано — социализм не позволяет умереть человеку с голоду. В ролях: Евгений Лазарев (Стэнли Ковальский), Охлупин (Митч), в женских ролях Светлана Немоляева и Мизери.

Кино: «Народный роман» Марио Моничелли (50-летний Уго Тоньяцци и 18-летняя Орнелла Мути), наш «Монолог», в котором больше литературы, чем жизни. А вот «Раба любви» понравилась: какой-то солнечный фильм, несмотря на драматизм событий… Отличный актёрский ансамбль, главные герои — Елена Соловей и Александр Калягин. Провальным оказался фильм «Маяковский смеётся».

По ТВ лучшее было — «Доктор философии» Бронислава Нушича и постановка Басова «Дни Турбиных». 11 ноября показывали вечер Беллы Ахмадулиной. 39 лет — и всё иное:

> *Ни жизни иной, ни наживы не надо, и поздно уже…*

Поэты любят подводить итоги, хотя зачастую они, кроме горечи, ничего не вызывают. К приме-

ру, Николай Рубцов:

О, моя жизнь! На душе не проходит волненье…

Нет, не кляну я мелькнувшую мимо удачу,

Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.

Что ж я стою у разбитой дороги и плачу?

Плачу о том, что прошли мои лучшие годы…

23 ноября

Есть такое выражение «плакать в жилетку». Именно этим и хочется заняться. Пошла унылая, безрадостная полоса: осеннее предзимье. Утром за окном темнотища, вставать в седьмом часу не хочется. Но встаёшь, насилуя себя… Выходишь с работы — вновь темень. Пришёл, поел, немного почитал, послушал радио, одним глазом посмотрел на экран — всё, день сгорел. Усталость валит с ног, а утром опять всё тот же крутёж-вертёж. Как воскликнул Коля Алексеев на встрече 6 ноября у Чижовой: «Да разве это жизнь?!»…

И ещё одна причина, омрачающая настроение:

работа. С повышением окладов (с 1 октября у меня 210 рэ) началась вакханалия повышенной требовательности. Все нервничают и дергаются. Председатель Гостелерадио давит на главных редакторов, те — на нас. А в итоге визг, истерика, боятся не только материалов, что пишут, но и заголовков. К примеру, поставили в программу передач комментарий «Во имя людей» (обычный советский стереотип). А наш главный (коридорное прозвище Банан) бросает очки и вопит: «А во имя кого ещё?! Лошадей?!.» И сразу у всех наступает липкий страх. Всё это жутко противно. А тут ещё Бабкен возложил на меня крест — создавать «Радиоэнциклопедию».

1 декабря

Вакханалия на работе продолжается. Атмосфера нервозности, неуверенности и усталости… Хандрит и Щекастик. У неё другое сознание бесцельности её работы, которая ни уму ни сердцу. А ей хочется интересного, яркого, бурлящего (только где оно?), нечто среднее между прыжками Майи Плисецкой и магией успеха Беллы Ахмадулиной. Всё это гены грузинских князей: быть самыми лучшими, самыми красивыми, самыми умными. Быть в центре внимания… Сама Ще это понимает и относится к себе с долей юмора… К

сожалению, разговор этот серьёзный, а я печатаю эти строки на работе, урывками и по существу незаконно, тратя на это рабочее время…

Такая жизнь: у всех проблемы. Василий Аксёнов пишет, как американские украинцы задирают русских: «Що ты имеешь в своей кантри? Я имею кару, севен чилдренят, вайф…» И тут же: «Закрой уиндовку, внучка, коулд поймаешь…» И к русским: «А що вы имеете в своей кантре? Ни кары, ни чилдренят, ни возможности поехать в Европу до ветру…»

А вот стоны западного человека, профессора Эбердинского университета Эндрю Ригби, в своей книге он приводит ответ одного из вопросников: «Жизнь в нормальном обществе чертовски бессмысленна… никакого удовольствия… дома как коробки, автомобиль — другая коробка, телевидение — ещё одна… мне кажется, что я схожу с ума, и где обрести вдохновение в царстве всеобщей посредственности и подавления индивидуальности?»

Возложите на Время венки,
В этом вечном огне мы сгорели… –

надрывается Андрей Вознесенский.

12 декабря

Ездили на Введенское (Немецкое) кладбище. Виктор Шестириков лежит рядом с отцом: Леонид Иосифович Гольбрайх и Виктор Леонидович Шестириков (это чужая фамилия). Отец прожил 51 год, Виктор — 50. Мы были с Хачей и Наташей Дитерихс, младшей сестрой Лены. Она жаловалась: муж пьёт, однажды нашла его в бельевом шкафу… Потом поехали к Хаче и помянули Витю, который, можно сказать, не вписался в советскую жизнь…

19 декабря

А я вписался? «Думаю, пишу, клею, переставляю: умею только то, что умею» — так писал в книге «Тетива» Виктор Шкловский, маститый литературовед (о нём и его друзьях — Тынянове и Эйхенбауме я написал в книге «Золотые перья», 2008).

Читаю тассовки, и сколько уныния на процветающем Западе: «Бог разлюбил нас… Мы растолстели и покрылись прыщами», — грустно признался Джон Апдайк (мой ровесник!) в последнем романе «Месяц безделья». А Вилли Брандт, выступая в Женеве на конгрессе Социалистического интернационала 26 ноября, сказал: «Великие надежды человечества не исполнились ни в Америке, ни в России… Мы давно отказались

от утопической идеи создания нового человека. Мы работаем и боремся ради дальнейшего существования человека и человечности».

Ни один советский руководитель никогда не скажет такие слова. А произнесёт что-то надуманное, утопическое, пафосное и фальшивое.

29 декабря

Ездил в центральную глазную поликлинику на ул. Горького. Большая близорукость. Рекомендации: поменьше нагрузки на глаза, поменьше нервотрёпок, побольше гулять и получше питаться… А с питанием почти беда. Пропали шпроты и макаронные изделия, масло подорожало… Ощущается и в Радиокомитете. Сегодня запись за свиными ножками — и люди давились даже не за ножками, а на запись на них.

Народ-чудотворец шутит: голод и блокаду пережили — переживём и изобилие, о котором пишут газеты. И подбадривают: на Западе ещё хуже, новые безработные в ФРГ! А они, эти разнесчастные уволенные с работы, получают в течение 312 дней пособие в размере 68% от заработной платы. Но об этом советские газеты не пишут, можно лишь узнать в текстах для «служебного пользования» да по «вражеским голосам».

31 декабря

К 8 утра, к открытию, поехал в ГУМ. Крик, визг, стоны. Седая женщина, стоявшая вдали от толпы, скорбно сказала: «Во время войны так за хлебом не давились». Ныне давились не за хлебом, а за дефицитными промышленными товарами.

Прощай, 1976 год, ты уходишь в дневники и в воспоминания. Эти слова я записал в дневнике в 14.36 опять же на работе, а вечером дома в 21.35 накатило, и написал стихи об уходящих годах:

…И зрелые годы проходят
В угаре, в работе и в хороводе.
И что остаётся? Какая-то малость –
Никчёмная, жалкая, глупая старость…

Комментарий спустя 42 года: поторопился я тогда со старостью. Впереди были лихие 90-е и начало XXI века, когда я был на коне, как будённовец в Гражданскую, и лихо рубал материалы. Тогда я не был ещё стариком, а был, выражаясь модным словечком: красавчик!.. (16 февраля 2019 г.)

Творческие итоги

Имеет смысл подвести некоторые итоги.

Перефразируя Библию, пропагандой душа не насыщается, она просит чего-то иного. И в истекшем году я увлёкся биографическим жанром. Читал соответствующие книги и из них делал свои субъективные варианты, что впоследствии назову жанром мини-ЖЗЛ. Дайджестирование на свой лад и вкус.

С чужими текстами я поступал, как моя мама. Она мастерски брала старые платья и костюмы, перелицовывала их, переделывала, перешивала (там рюшечки, там складочки, там другие пуговицы, тут сузила, там ушила и т. д.), а в итоге старая вещь смотрелась как новая. Так и я занялся литературным портняжеством. Сначала робко, а потом всё увереннее и мастеровитее. И в итоге выросла целая гора мини-ЖЗЛов. Пытался подсчитать и сбился, кажется, под тысячу: поэты, писатели, философы, художники, композиторы, артисты, режиссёры, политики и т. д. От одной странички до ста, самый большой текст, кажется, о Льве Троцком и о Шекспире. Перечислять бессмысленно, имена рассыпаны по этой книге.

Судя по дневнику, именно 11 марта я испытал тягу к ЖЗЛ. И начал с Ксении Некрасовой, с маленькой, но весьма интересной поэтессы:

Я долго жить должна –

Я часть Руси.
Ручьи сосновых смол –
В моей крови…

Долго жить не получилось, только 46, умерла в 1958-м. Ксения Некрасова писала примитивно и одновременно почти гениально. «Я полоскала небо в речке…» — одна фраза чего стоит!

После Некрасовой в тот же день взялся за книгу Антонина Валентена «Эль Греко». Удивительный испанский художник. Мыслящий и независимый. Потом нам с женой удалось увидеть его картины в Испании…

Далее Тинторетто. Из той же книги.

На пяти страничках сделал набросок о Фёдоре Сологубе. Поэт Серебряного века с пессимистическим видением мира: «Из мира чахлой нищеты, / Где жёны плакали и дети лепетали, / Я улетал в заоблачные дали / В объятья радостной мечты…»

Советские поэты улетали в коммунистические дали, а Сологуб в свои мрачные:

Люди такие презренные,
Дело такое ничтожное,
Мысли – всегда переменные,

Счастье – всегда невозможное…

18 сентября 1893 г.

По своей мрачности Сологуб был мне близок, и о нём я писал в дальнейшем не раз.

Две странички сделал о художнике Борисове-Мусатове по монографии Аллы Русаковой. «Живу в мире грёз и фантазий среди берёзовых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов», — писал Борисов-Мусатов.

14 мая

Крутил книгу Н. Степанова о Велимире Хлебникове. И написал свой маленький вариант в 5 страниц, назвав его этюдом. Гениальный оригинал, который, по собственному признанию, «сорвался с облака». И его удивительные словесные фокусы: «Там, где жили свиристели, / Где качались тихо ели…» В апреле 1917 года Хлебников выступил с воззванием против войн и государств:

> *Падайте в обморок при слове «границы»:*
>
> *Они пахнут кровью.*

А 17 мая взялся за французского художника Альбера Марке. Художник-путешественник,

который призывал всех вернуться к простоте мировосприятия «человека естественного».

И что удивительно, — я сам удивляюсь, — 23 мая вышла моя программа к матчу чемпионата СССР по футболу между «Динамо» (Москва) и «Динамо» (Минск). Другое письмо, другой язык…

2 июня

Закончил 6 страниц о Михаиле Бакунине. Константин Аксаков приветствовал Бакунина строчками:

Добрый путь тебе и слава,
Крестоносец молодой!

Бакунин — участник французской революции, желал «торжества польскому восстанию». Считал, что «угнетение Польши — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения».

Конечно, 6 страничек мало, но спустя долгие годы я вернулся к личности Бакунина, и в феврале 2006 года в журнале «Наука и жизнь» был опубликован большой материал — «Бакунин: герой, анархист, бунтарь».

11 июня совсем иная тема: художник эпохи модерна Лев (Леон) Бакст и о книге Ирины Пружан

«Бакст» (изд. «Искусство). Из Пружан я сделал свой баклажан, — несколько грубо пошучу. Бакст много ездил по Европе. В 1912 году вернулся в Петербург, и ему, как еврею, предписали в 24 часа покинуть столицу. Бакст писал другу Бенуа: «Жалко снега, жалко Рождества, жалко Россию!..»

30 июня закончил сочинять уже «крупную форму» — 14 страниц — «Почти школьное сочинение на тему: Анна Ахматова».

Сжала руки под тёмной вуалью…
«Отчего ты сегодня бледна?»

Есть искушение всё перепечатать, но удерживаю себя. Только ахматовские строки:

Я вижу всё. Я всё запоминаю…

13 июля — прочитал книгу Анри Перрюшо и тут же набросал чуточку Тулуз-Лотрека. Лотрек без устали писал. И пил тоже без устали. Он смеялся: «Надо уметь терпеть самого себя». Алкоголь, сифилис сделали своё дело.

Анри Мари-Раймон де Тулуз Лотрек-Монфа, граф по рождению, умер в сентябре 1901 года, совсем немного не дотянув до пушкинских 37 лет.

Книга Руслана Скрынникова «Иван Грозный» вдохновила меня на создание своего мини-Ивана

Грозного, 10 страниц. Кровавый, сумасшедший тиран, но не только…

И ещё одно то ли маленькое исследование, то ли этюд о Шарле Бодлере. Начал писать 6 августа, последняя отпечатка 12-го, 14 стр. И жизнь, и стихи — сплошное содроганье.

Безумье, скаредность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают…

Цитировать можно долго, но есть строгий ограничитель: объём книги. Поэтому только ещё 4 строки:

От поцелуев, от восторгов страстных,
В которых обновляется душа,
Что остаётся – капля слёз напрасных
Да бледный контур в три карандаша…

Перевёл с французского В. Левик, кажется, Вильгельм… И я горжусь, что впоследствии вернулся к Бодлеру и написал основательный материал о горьком поэте: «Цветы зла вчера и сегодня» (книга «Поцелуй от Версаче», 1998) — 26 книжных страниц, это уже что-то… О «Цветах зла» Бодлер признавался в одном из писем: в эту

«жестокую книгу я вложил всё моё сердце, всю мою нежность, всю мою веру (вывернутую), всю мою ненависть…».

Мне остаётся повторить за Бодлером, что я тоже многое (и не буду уточнять) вложил в эту свою книгу воспоминаний и дневников.

…А сейчас пора переходить к 1977 году. (17 февраля 2019 г.)

1977 год – 44/45 лет. Начало работы над Календарём мировой истории. Отдых в прибалтийской Паланге

2 января

В отличие от прошлого года, когда стоял «какой-то чертовый зимать» (Вознесенский) и была слякоть, ныне мороз, 16 градусов. День прибавился на куриный переступ. В новогоднюю ночь с отвращением смотрели «Голубой огонёк» по ТВ и ждали «Волшебный фонарь» в 4 часа ночи. Дождались. Режиссёр Евг. Гинзбург постарался: блеск! А 1 января поехали в гости к Хаче…

8 января

Первая книга года: Поль Валери «Об искусстве». Блистательный автор. Подобные книги нужно изучать по капле в течение года, а мы пьём залпом всё сразу и бросаемся к следующей…

11 января

Какая-то напасть: вспышка на лбу, какие-то красные пятна (а во лбу звезда горит…). Прописали уколы и витамины.

14–15 января

За два дня в отчаянии от нездоровья написал этюд «Поль Валери», 6 плотных страничек. Начало:

«Поль Валери! Не правда ли, что в самом этом имени чувствуется музыкальность, утончённость, рафинированный изыск…»

Круг увлечений Валери широк: поэзия, живопись, архитектура, математика, физика, музыка… Большое влияние на него имели поэт Стефан Малларме, Эдгар По и Рихард Вагнер… Лицемерие, мимикрия, карьера, преуспевание — всё это было чуждо и ненавистно ему… Поль Валери умер 20 июля 1945 года. Вспоминая Валери, Хорхе Борхес отметил, что для Валери всякий факт являлся «стимулятором бесконечной чреды мыслей».

17 января

Бюллетень по 23 января. Болезнь, как всегда, некстати. Лечился и подбадривал себя ироническими стишками:

«Ундевит», «Ундевит»,
Ну и глупый стал на вид:
Щёки, лоб пылают краской,
На меня глядят с опаской:

То ли клоун, то ли вор,
То ли главный из умор,
Тот, кто всех смешит до колик:
Красно-сизый алкоголик.

И ещё, в другом стиле, тоскливо-жалобное:

Страсти словно бы по «Вию»,
И не знаю, как мне жить:
Аллергия, аллергия
Не даёт ни есть, ни пить.

Уж стихов я не читаю,
Не слагаю и эссе.
Погибаю, погибаю,
Словно Жорж какой Мюссе…

Пришлось ехать в кожный диспансер на далёкую Солнечногорскую, 7. На лице усталого врача было написано: как вы все надоели!.. Посмотрела на меня и определила: «На аллергию не похоже, скорее это опоясывающий лишай». Бросился в «Справочник практического врача», там сплошные термины: отёчная эритема… эволюция высыпания и т. д.

Господи, никогда не знаешь, что тебя поджидает. И как сказал один остряк: здоровье одно, а

болезней тысячи.

19 января

Сидел дома, лечился и вовсю стучал на машинке. В какой-то статье Льва Успенского прочитал, что в США повсюду есть добровольные общества и клубы лиц, ведущих дневники, записи, пишущих воспоминания. Собираются, читают, обмениваются мнениями.

А у нас? А у нас другой замес.
Есть одно КПСС, –

скаламбурил на ходу… А можно привести и строчки Евгения Винокурова из стихотворения «Лик»:

Мне говорил какой-то голос:
крепись, в руках себя держи!
Ты ничего, ты только колос
на бесконечном поле ржи!..

24 января

Я выздоровел, а В.П. слегла. Вот так и живём, увязая в тине забот, болезней и мелких неприятностей…

Сегодня вышел на работу и быстро встал к конвейеру, закручивая пропагандистские гайки.

В розданном комментарии для всех редакций некто Шалыгин привычно нападал на Запад: «…терзая живое тело разрядки, ястребы целят в мирное будущее человечества».

Бедный Советский Союз в окружении ястребов империализма.

27 января

С Ще посмотрели франко-немецкий фильм «Старое ружьё». В главных ролях Филипп Нуаре и Роми Шнайдер. Тяжёлый. Но разве жизнь — это веселье?..

4 февраля

На работе, помимо своих программ, написал два письма: одно в Бразилию — Виталию Соболеву и в Перу Алехандро (Саша) Серикову, рассказал о делах в нашей редакции и о последних новациях главного визиря…

20 февраля

В пятницу, 18-го, с Ще решили проветриться и покайфовать и поехали на улицу Горького. Прорва народа и очередей. В ресторан, за пивом, за тортами, за чем хочешь. Постояли, купили, половину выбросили. Кондитерские изделия просто испортились: добавляют не коньяк, а воду. Такая дрянь. Борьба за качество только на

словах. Ванильные сухарики и рядом не лежали с ванилином. Продаваемое кофе можно с точностью определить: опилки. Сосиски — это событие, когда появляются в продаже. Ветчина — как землетрясение, буженина — как всемирный потоп, с той же редкостью. На хороший спектакль не попадёшь. Хорошую книгу не купишь. В замечательное время живём!..

7 марта

Глупое 45-летие 2 марта. Три гостя: Ляля, Хачи, Олег. Много выпили, а наутро 3-го — «скорая помощь». Давление 150/100, укол. 4-го на полуватных ногах на работу. 5-го к нам приходили Линские. Тут всё было чинным, ни грамма алкоголя, но чай, конфеты, кулебяка. Дал себе слово: больше не пить. А на дворе — весна, небо пронзительно-голубое с белыми барашками облачков. Календарь, который я задумал и делаю, меня начал тиранить: столько имён, особенно поэтов, хочется туда внести. По Мандельштаму: «Всё было встарь, всё повторится снова…»

14 марта — были в новом здании МХАТ. Здание монументальное и мрачное, а спектакль, который посмотрели, — «Дачники» Горького — явно устарелый: то, что волновало в начале века, сей-

час абсолютно не волнует… Да и исполнители так себе, кроме Калягина и Ии Саввиной.

15 марта

На работе был момент, когда остался в комнате один, и что-то накатило и написал длинное стихотворение про то, что мы — все «подопытные свинки», и далее:

Нас жизнь растит себе в забаву,
Чтобы забить, как каплунов.
А мы шумим. Мы жаждем славы.
Мы добиваемся чинов.

А всё пустяк. Игра и случай.
И не надейся на просвет.
Всех ждёт нас сумрак неминучий,
А в лучшем случае – лишь след…

22 марта

Получил предложение перейти в отдел литературы и искусства на 3-ю телепрограмму на Шаболовке. Заманчиво. Но почему-то отказался. Нет сил на перестройку. К Бразилии привык, и всё катится как бы само собой…

26 марта

Наконец-то у бразильца Жоржи на ул. Вави-

лова состоялась презентация национального блюда фейжуадо. Был почти весь отдел, и мы с Ще. Послушали музыку, попили кооперилью, посмеялись и незаметно по-английски исчезли.

1 апреля

Из новостей, пожалуй, главное — «Литературные портреты» Андре Моруа: броско, вкусно, изюмно. Кусочки переношу в свой Календарь. У всех знакомых-приятелей разные проблемы: Витя Черняк пытается проникнуть на 16-ю сатирическую полосу «Литературки», а Саша Стрижев нашёл жилу и катит «державные воды» на страницах «Вечёрки».

3 апреля

Написал и отправил письмо Андрею Тарковскому в связи с его 45-летием. «…История всё расставит по своим местам. Ты выбрал достойный путь настоящего художника…»

20 апреля

Ездили в Тушино к Линским. Посидели, пообщались. Боря приятный человек, технарь, тяготеющий к. интеллектуализму. Но как трудно в нашем возрасте сходиться с людьми. Как писала Цветаева в воспоминаниях о Волошине: «Каждая встреча начинается с ощупи, люди идут вслепую,

а нет, по мне, худших времён любви, дружбы, брака, — чем пресловутых первых времён…»

Приезжал Юра Довгаленко из Киева. Сплошной футбол — без просвета. Основные составы, дублирующие, судейство и т. д. Я футбольную статистику сократил до минимума. Переключился почти полностью на Календарь…

Пришло письмо из Рио. Соболь хандрит. Так рвался к своей голубой мечте, а пришла она, а счастья нет. И разочарование. Поучительная история… Читаю книгу Георга Гросса «Мысли и творчество» и в «Иностранной литературе» — «Степной волк» Германа Гессе. Грустный роман о неком Гарри Галлере, который «не научился одному: быть довольным собой и своей жизнью, потому что не был заурядным мещанином, а был сложным клубком из множеств „я“».

7 мая

Отмечали 30-летие Майкла Майорова. А 8-го поездка на Химкинское кладбище, к бабушке Ще. В отличие от голландского кладбища в Амерсфорте, у нас — варварство и полное запустение. Не любим и не уважаем ни живых, ни мёртвых…

Последний день на работе перед отпуском был нервотрепательным. Да ещё Володя Пугачёв явился в дрезину пьяным: нёс околесицу,

задирался, ругал врагов страны и пел про День Победы, про праздник «со слезами на глазах», а ещё обнимал приходящих в отдел женщин. Что делает алкоголь, сдирая с человека поверхностный цивилизованный покров. И вот вместо выпускника МГИМО провинциал из Балашова, купчик 3-й гильдии в загуле.

15 мая

Отъезд в отпуск с посадкой на поезд Москва — Калининград. На этот раз всё было без колебаний: только Прибалтика, точнее, Литва и исключительно Паланга. Никаких метаний и колебаний, как любил поступать железный канцлер Бисмарк: «Любая политика лучше политики колебаний». Итак, железный маршрут железного канцлера.

Отдых в Паланге

Всё воскресенье, 15-го, провели в вагоне поезда Москва — Калининград. Исповедальные истории соседей по купе. Жена военного рассказывала о кочевой жизни, палеонтолог Михайловна вспоминала экспедицию в Монголию, где её чуть было не обменяли на десяток верблюдов. Ще, наклонившись, тихо спросила: «А сколько бы

караванов дали за меня?..»

16 мая

В 9.50 подъехали к Кретинге в тот самый момент, когда, согласно гипотезе Тютчева, «ветреная Геба, кормя Зевесова орла, / Громко-кипящий кубок с неба, / Смеясь, на землю пролила». Под дождь на автобусе добирались до гостиницы «Паюрис».

— Кто такие? — хмуро спросил администратор.

— Журналисты.

— Правдисты?

— Нет, дождевисты.

— Из журнала?

— Да. «Дождь и люди», — ответил я.

— А! — неопределённо протянул администратор и выдал два бланка для заполнения. Через пару минут мы оказались в просторном номере с ванной и балконом… После обеда вышли на воздух. Дождя нет, но хмуро и неприветливо. Сосны стоят молчаливо. Как стражники мавзолея. Глянули на море, на песок и скорее обратно по улице Басанавичюса, к программе «Время», к самому интригующему её разделу, к погоде. Похолодание в Европе. Мёрзнет Мадрид, дрожит Париж, леденеет Паланга. Зато теплынь в Сибири и Архангельске. «Туда бы!..» — с этими мыслями

засыпаем.

17 мая

Завтрак в столовой. Никаких взбитых сливок и тающих пирожных. Всё несвежее и невкусное. Мы-то думали: Прибалтика — это о-го-го! А оказалось: хе-хе-хе!.. Поехали в Клайпеду. Второй сюрприз: рестораны, кафе, палатки — всё не «дербаме», то бишь не работает. Не сезон, не сезон, — повторили мы, как рефрен песни.

19 мая

Мы никак не можем научиться довольствоваться тем, что имеем. Нас с Ще всегда тянет в недосягаемые выси и в необозримые дали. Стучит внутри нас флоберовский моторчик системы Бовари. Вот и от Прибалтики Ще ждала блистательных ночных балов, знойной музыки, изысканных кушаний, сногсшибательных туалетов, остроумных собеседников. Ничего подобного в Паланге не оказалось. Всё было как и в Москве. Лишь внешние приметы — костёл, люди, цветы и порядок на улице — имели слегка западный оттенок. Всё изменилось в несколько лучшую сторону, когда мы перебрались из гостиницы «Паюрис» в дом творчества «Паланга» от Художественного фонда СССР, где мне пришлось

представить себя дизайнером по радиопрограммам. Шутка имела успех.

23 мая

Замечательная библиотека. Листали и читали книги и альбомы Сергея Судейкина, Ганса Грундига, Ван Дейка, Писсарро, Альтмана и Константина Сомова. А ещё альбомы Лувра…

26 мая

День холода, день кризиса, день отчаянного желания уехать в Москву…

27 мая

Директор дома творчества Геновайте Прановна изливала душу столичному журналисту о том, как трудно работать. По разнарядкам Худфонда они должны получать мебель не рядом с домом, в Литве, а ехать за ней в Подольск, а то везти и из других дальних мест. Выбора нет, и все плохого качества. Так же с продовольствием: нельзя из соседнего колхоза, минуя склад, завезти свежее молоко, творог, овощи. Всё должно полежать на складе, покиснуть, пожухнуть, поблекнуть, и только тогда можно забирать… Поздно вечером смотрел футбол по ребристому телевизору: всё качалось, дёргалось и плыло, как во время морской качки.

28 мая

Экскурсия на Ниду, на песчаную косу, в «Литовскую Сахару». Уютные виллы, полисаднички, цветы — всё на западный манер. И даже кирха с витражом. Вся поездка на косу заняла 8 часов и стоила 21 рубль, включая сувенирные варежки…

В этой книге все путешествия даны предельно кратко, а в дневнике они развернуты полностью. Вот, к примеру, что написал по горячим следам, возвратясь из отпуска:

Сели в автобус (после схватки за лучшие места) и покатили в Ниду, на косу, в запретный уголок Литвы, где всё строго и только по специальным пропускам. Недалеко граница. Не дай бог кто-то с дыней под мышкой вплавь переберётся в польскую Гдыню. Хоть и соцстрана, но всё же чужая… Доехали до Клайпеды, и там автобус въехал на паром, через узкий пролив попали на косу.

Несколько слов о Клайпеде. Проехали по улице Горького, она же бывшая императора Вильгельма, затем Адольфа Гитлера. Названия меняются, а улица остаётся одна и та же, — причуды истории. В автобусе экскурсовод, длинная, как циркуль, долго рассказывала об истории литовского народа, о его великой борьбе с Тевтонским и Ливонским орденами, с немцами и т. д. Расска-

зывала о великолепной Неринге, о том, как ходят пески и как «дюн» проглотил несколько деревень, и ещё другую экскурсоводческую воркотню. Все слушали разинув рот и приговаривали, как пан Спортсмен из телевизионного кабачка: «И это надо же!»

29 мая

Паланга без солнца тускнеет прямо на глазах. Даже закусочные и кафе теряют свой уют, а традиционный вопрос «Вам кофе чёрное или белое?» — звучит тускло и уныло настолько, что хочется взять с тоски белое, но отнюдь не кофе.

Не радуют и многочисленные фотокоробейники с буклетами фотографий, развешанных на велосипедной раме. И только вызывают умиление трогательные сцены фотографирования, где клиентка в своём стремлении выглядеть по курортному предварительно забегает в кусты, стаскивает с себя шерстяные рейтузы, снимает плащ, кофту и выходит к объективу в платье с ужасно смелым для Паланги покроем — без рукавов. И покуда коробейник уточняет фокусировку и наводку, её не унимает дрожь, она синеет на глазах, хотя даже в этом отчаянном положении пытается изобразить счастливую улыбку.

30 мая

На смену серому дню пришёл день голубой, с фарфоровым чистым небом. С утра +6… В парке любовались павлинами, лебедями, серо-пёстрыми крячками. У всех свои причуды, характеры, темпераменты. Всё как у людей, только без слов, взвизгиваний и истерик… Воздух по Фету: «душистый холод»… Завтра отъезд. И уже Пастернак: «Приедается всё…»

8 июня

Поездка в Мураново. От станции Ашукинская до музея пешком — было замечательно. Сам «дом поэтов», о котором Баратынский говорил:

Приют, от светских посещений
Надёжной дверью запертой,
Но с благородною душой,
Открытой дружеству и девам вдохновений…

28 июля

Интересно устроен человек. Зимой ему так хочется тепла, солнца, а летом он обливается потом, изнывает от жары и жаждет хотя бы осеннего холода. Тяжко работать. Я сижу у окна на Пятницкой, и меня немилосердно жарит солнце. Ухожу

вглубь комнаты, а там темно и трудно работать. Вот так и маюсь все дни…

Настроение типично средненькое: без визгов восторга, но и без тоскливого уныния. Трезво осознаёшь мир, в котором живёшь, своё положение в нём, своё новое возрастное состояние. Без иллюзий легче дышать.

…Интересно следить за выступлениями по поводу проекта Конституции. Предлагают «соблюдать советские законы и нормы коммунистической морали»… «постоянно повышать знания»… «строго соблюдать трудовую, производственную и технологическую дисциплину»… А врач Пастернак из Киева предложил в «Правде» дополнить главу 7 следующим текстом: «Забота об охране личного здоровья является прямой обязанностью граждан». Промочил ноги, схватил насморк, нарушил тем самым конституционное положение… О, наивная вера в слова!

Увы, жизнь меняют не нормативные акты. Если бы это было так, то давно бы не было жуликов, бюрократов и алкоголиков. Но всё это цветёт махровым цветом. Вчера «Литературка» порадовала репортажем, из которого вытекает, что половина работников магазинов работают в состоянии опьянения… Но не будем метать

социальные стрелы, в данном случае это не моя задача. Моя задача скромнее: записать, оставить в памяти что-то личное, сугубо камерное, микроскопическое, о моём житье-бытье, о гонорарных волнениях и т. д.

2 августа

Давно не брал в руки шашек, то бишь не записывал в дневнике, а кое-чего было. И «Необыкновенный концерт» в кукольном театре Образцова, и выставка Николая Рериха, и 16 «ванночек» для глаз в клинике за улицей Горького, и скучное возвращение Соболя из Бразилии (сунул никчёмные сувениры и исчез), и встреча с Видами у Черняка, и воспоминания о вояже в Швецию — Данию. И скромное отмечание 37-летия Ще:

Нам, Щекастик, с тобою немало
Предстоит прошагать и пропеть,
Прежде чем мы опустим забрало,
Прежде чем перестанем звенеть.
А пока что, душистый мой персик,
Не веди ты годам пересчёт.
Пусть летят. Словно ветер и песня…
Ты поёшь, и ликует твой рот…

В субботу, 30 июля, ездили в лес от станции Трёхгорка. Более 3 часов походили-подышали. Ще собирала цветы и даже нашла малинник. А вечером подарок от ТВ — французская эстрада: Мирей Матье, Джо Дассен, Далида и другие звёзды. Всё иное, чем у нас, всё раскованнее, свободнее, с выдумкой…

10 августа

В июле-августе все страдают от жары: от 27 до 32 градусов плюс. Духотища. Все ходят, высунув язык. Мысли вялые, студенистые… Вечером принимаю холодный душ, но помогает мало. Собираю всю волю в кулак и печатаю после работы Календарь — март, события и имена.

22 августа

Жизнь идёт полосами… То белыми, то чёрными. Мелкие удачи и спокойствие чередуются с неприятностями и волнениями. Такова жизнь. Описывая полосу неудач Джимми Картера, Джеймс Рестон приводит фразу из какого-то американского источника: «Даже у Бога не райская жизнь». А что нам говорить?!

…Нас заедает монотонность жизни. У бразильцев хоть есть раз в год карнавал. А у нас ежедневная жвачка. Включили вчера телевизор,

а там в честь Военно-воздушного флота вся огромная сцена забита марширующими лётчиками и стюардессами. Потом лётчики под музыку изображали полёты. Пошлятина жуткая. Какой-то китаизм. Новое революционное искусство. Все заидеологизировано до крайности. Не случайно один африканский деятель сказал: Африке нужны не сталинские песнопения, а тракторы… Вот и на телевидении нужно настоящее искусство, настоящий театр, настоящая эстрада, настоящее искрящееся веселье, а не этот сюсюкающий суррогат из детей с бантами, молодцеватых военных при фуражках и никчёмных самодеятельных певцов, безголосых и бездушных, как манекены…

26 августа

Пугач лечится и из больницы мне звонит о том, как часто его соседи по палате перебираются на Леоновское кладбище, благо оно рядом. Н-да. Выгнали с радио Лёню Леухина, под началом которого я начинал работу в Кубинском отделе, изгнали за пьянство. Почему пьют? Вопрос риторический: они не занимаются дома Календарём… Ну, а я в который раз ВРИО заведующего отделом вещания на Бразилию, с доплатой в окладе, но это не радует: очень непросто работать под Бананом, а его бесит моя полунезависимость.

1 сентября

И вот наступил сентябрь… Дивный. Тёплый, даже ласковый. Гулять бы сейчас где-нибудь за городом да вслушиваться в звенящую тишину. И молчать, помахивая рассеянно сорванной веткой. Ан нельзя. Рабочее время. Самые лучшие часы жизни проходят в радио-билдинге. Громыхает электрическая машинка, стрекочет Серёжина. Долблю и я на своей. А из коридоров доносится шум телетайпов. Словом, целое ткацкое производство. А вот и продукция, седьмой этаж раздал материал о гимне, где есть такие слова: «Его идеями руководствуется коммунистическая партия и все народы Советской страны, верные ленинским идеям». Ну, прямо как в одной пародии: «Труба трубою по трубе…»

9 сентября

Смотрели с Ще фильм Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино». Лучший фильм 1977 года. Надоели «Сталевары» и картины о мелких недостатках советской эпохи, а это «пианино» хватает за горло, ибо в нём многое из того, что наболело. И на помощь пришёл Чехов, явив бунт против абсурдности бытия, против всех мелких ничтожных людишек. Бунт и… смирение. Отличный актёрский ансамбль:

Калягин, Соловей, Шуранова, Пастухов, Табаков, Кадочников. Надо бы написать о фильме побольше, но так устаю, работая на радио, а дома с Календарём, что физически больно напрягать свои мысли. «Дожили!» — сказал попугай…

15 сентября

Отдыхал от радиоматериалов и радиоинтриг на… овощной базе. Физически, бездумно. Разбирали лук и укладывали его в сетки для отправки в магазины. Работал в паре с Весёлой — внучкой писателя Артёма Весёлого, репрессированного в 1937-м и расстрелянного 8 апреля 1938 года. Реабилитирован в 1956-м. Роман Артёма Весёлого «Россия, кровью умытая» был назван «клеветнической книгой»… И вот мы с его внучкой разбираем лук и вкушаем луковое счастье.

17 сентября

По просьбе Ще написал стихи для какой-то Веры Васильевны, сотрудницы, уходящей на пенсию:

Свобода, свобода, свобода –
Как сладко поёт нам труба.
Есть время гоняться за модой,
Есть время общаться с природой,

Есть время, но не для труда.

Свободой своею я рада,
Могу и поспать до 10.
Могу шелестеть я нарядом,
Могу и читать до упаду,
Но только работать?.. – Прости.

Я буду, как в юности, снова
Лукавить, и грезить, и петь.
Как будто нашла я подкову,
Счастливой чтоб быть и здоровой.
О, пенсия – радость и медь!

Реплика пенсионера со стажем. Всё так, всё прекрасно, но… с годами приходит слабость, недомогание, болезни и попрыгать на одной ноге невозможно. Пенсия — радость. Но и большая печаль. (21 февраля 2019 г., написано за 9 дней до 87-летия.)

26 сентября

Странная жизнь идёт: ждёшь, как манны небесной, пятницу, чтобы как-то воспрянуть духом в выходные дни, но снова подлетает понедельник, снова мысли о пятнице, опять понедельник — замкнутый круг!..

Хочется сходить на что-то хорошее в театр, но это практически невозможно. В ЦДСА, Театр Пушкина — пожалуйста, а в другие без знакомств, без связи, увы. Также невозможно через обычные магазины достать что-то вкусное: рулеты, ветчина, рыба, селёдка, шоколадные конфеты, вафли (список длинен) — всё это отошло в далёкое прошлое. Жизнь за 20 лет моей трудовой деятельности изменилась до неузнаваемости. Тогда мне было не на что покупать, сейчас мне нечего покупать (за исключением, пожалуй, радиоаппаратуры). Проблема переместилась из одной сферы в другую. А что будет дальше?..

3 октября

…Видно, есть такая порода людей, которые не могут и дня прожить без бумаги, чтобы не зафиксировать свою жизнь, свои мысли, свои наблюдения… 40 лет вёл дневник Делакруа. Не мыслил себе жизни без дневников Пришвин. А Кьеркегор, Шопенгауэр, Сартр, Достоевский и прочие — все только и делали, что припадали к письменному столу… Вот и я, по чьему-то генетическому недоразумению, попал в эту компанию…

6 октября

…Министр образования Елютин в одном из выступлений сказал: «Мы обещаем и сделаем… подготовить настоящих интеллигентов, как блестяще сказал Леонид Ильич Брежнев в своём выступлении перед студентами».

…Вообще, теория и практика, реальная жизнь и жизнь декларированная как-то разительно не совпадают. На бумаге — люди интеллигентные, а у киоска или в магазине — хамы и образины. Или взять другую сторону. В среду, по случаю экстренного выхода в дружину, вечером прошёлся по тёмным, неуютным улицам, зашёл в Серпуховской универмаг и в магазины на Зацепе. Если промтовары, то гора, к которой даже подойти противно. Коли продтовары, то можно шаром катить. Унылое зрелище. И вообще Зацепа не Льеж, где всё светится, играет, манит и зовёт. Тут всё суровее. Тут на мелочи не отвлекаются. Тут строят нечто грандиозное и великое. Ну, а пока строят, в опорном пункте народной дружины висит призывающий плакат со стихами:

Товарищ дружинник, с милицией вместе

Везде за порядком следи честь по чести!

Особый наш долг: не жалея стараний,
Ребят оградить от преступных влияний.

А эти влияния в виде джинсов и сигарет «Мальборо» прут и прут…

15 октября

11-го был прекрасный тёплый осенне-золотой день. Сбежал с работы и посмотрел второй тайм «Динамо» — «Днепр» (из-за ремонта стадиона и освещения матч проходил днём). 0:0. Скучно-тягомотная игра. Динамовцы атаковали, но изобретательности и мастерства в атаках не показали. Вообще, футбол начал деградировать. Куда делась отчаянная, бескомпромиссная игра 40–60-х годов? Где честные и отважные футболисты? Где трудяги бессребреники? Где клубный патриотизм? Всё это стало музейной редкостью. Нас разъедает плохой, из рук вон плохо поставленный профессионализм. Уже любят не футбол, а себя в футболе, скрупулёзно подсчитывая, какие он приносит дивиденды. Пруд пруди «звёздных мальчиков», которые ведут торг из-за машин и квартир. Появились деляги-тренеры с теориями выездных моделей, экономии сил, выхолащивания борьбы из футбола. Как всё это противно и

как всё это отваживает народ от футбола. Знамение времени! Футбол — это ведь тоже явление социальное… А теперь слово поэту Валентину Берестову:

…Усиленно занимаюсь календарём:
Итак, библиотека, картотека,
Наброски, сноски, выписки, мечты.
И вдруг ты набредёшь на человека,
Который занят тем же, что и ты.
Откуда он? Как мог он породниться
С мечтой неясной, с замыслом твоим?
И кажется, что светится страница,
В прекрасный час написанная им.
И радуешься ты ему как брату,
А если он уже землёю взят,
Ты ощутишь как свежую утрату
То, что случилось, может, век назад.

22 октября

В субботу причастились: смотрели в ДК подшипникова завода спектакль Театра на Таганке. «Добрый человек из Сезуана». Брехт и Юрий Любимов — замечательная пара! Как будто свежий воздух дохнул на нас. Все артисты играют

прекрасно, особенно Славина и Демидова. Но и остальные на уровне: Ульянова, Фарада, И. Петров, И. Кузнецова, Золотухин, Хмельницкий и др. Жаль, не было Высоцкого. Лебедев в роли безработного лётчика был экспрессивен, но и только… А какой текст! Какое раздвоение «я» на добрую Шен Те и злого Шуи Та…

3 ноября

…Хотел взять билеты в театр: в Моссовете и в Сатире стояла дикая очередь. Ни тебе театра, ни книги хорошей купить, ни что-то из продуктов, ни черта — всё только по знакомству. Времена преинтереснейшие… А тем временем генеральный секретарь с высокой трибуны заверил: «…народ с уверенностью смотрит в будущее. Он твёрдо знает, что жизнь будет становиться всё лучше, всё краше, всё содержательнее».

16 ноября

Сегодня разорвалась серая ноябрьская пелена, и на фоне голубого непривычного для нас неба весело засветило солнце. Тепло. Всё время стоит плюсовая температура. Очередная погодная причуда…

Настроение так-сяк: всё время что-то не нравится, что-то раздражает. Нет, внешне это не

проявляется, внешне всё «олл коррект», а вот внутри…

Утром в шесть часов раздирает душу будильник, еле сползаешь с дивана, как во сне бреешься, моешься, одеваешься и завтракаешь. Короткая хорошая дорога в молчании, а дальше метро, духота, толкотня. Затем Комитет… Иногда работа идёт легко и плавно, а иногда начинают душить плохие материалы, внештатники, процентное соотношение и прочее. Приходишь домой, поел, и — нет вечера; немного почитал или попечатал, и — нет дня. Лёг, а завтра то же самое. И невольно думаешь о пенсии. Сейчас 45, ещё 15, и можно хоть немного пожить по-настоящему: поспать, заняться своими делами, не видеть опостылевшие физиономии… Это мои проблемы, а у Ще — «ящик», изматывающая дорога, женский коллектив…

Но это всё, очевидно, идёт от неумения жить, от излишней рефлексии и излишнего драматизирования. Ведь мы относительно молоды. Ходим на своих ногах. Видим, слышим, дышим. Это ведь главное. А всё как-то не ценим.

21 ноября

Смотрели что-то эстрадное. Ничего Высоковский со своими: «народу тьма, милиция, ну,

думаю, бананы дают…» Или Хазанов про то, что таскают с завода детали и прочее. И строчка Некрасова: «Вынесет всё русский народ…» А так эстрада — это отстающее сельское хозяйство нашего искусства. Кондово, тупо, неизящно. Нет лёгкости, шарма, импровизации…

29 ноября

Вера Павловна тут вспомнила, что на месте нынешней «Софии» был небольшой кондитерский магазинчик СИУ. Чего там только не было! И длинные пахитоски из шоколада с мятным мундштуком. А продавщицы все надушенные, ванильные, благоухающие и вежливо порхающие!.. И пошли воспоминания про Мюр и Мерилиза, Альшванга, Эйнема и прочих капиталистов. Но не одна Вера Павловна вспоминает. В больнице на Пресне в её палате лежали старые ткачихи, которые помнят Прохорова, бывшего владельца «Трёхгорки», который начал с сараюшки, а потом пошёл и пошёл (благо тогда не было Госплана и опутывающих сетями инструкций). Был благодетелем (по крайней мере, так вспоминают): на отпуск жаловал кусок (!) мануфактуры и 10 рублей (не нынешних, бумажных, а золотых!). Но разве можно сравнивать «век нынешний и век минувший»? Взять хотя бы количество чугуна на

душу населения! Или количество металлоконструкций! Во! В этом вся суть…

5 декабря

Грузинский геронтолог Гарри Пицхелаури считает вполне реальным продлить жизнь человека до 100 лет. Нужны лишь любовь к труду и умеренность в еде. А вот умершей на этих днях Марьяне Вихерт всего 37. Её скосил рак поджелудочной железы. В последнее время она весила всего 31 кг. И хотя она у нас почти год не работала, это известие произвело на всех мрачное впечатление. Всегда жаль хорошего человека. Теперь только фотографии в альбоме.

16 декабря

…Я всё чаще задумываюсь, а что будет дальше? Сегодня в БПИ натолкнулся на слова одного безработного в ФРГ: «Я неизлечимо болен. Моя болезнь в том, что мне 52 года, и каждый год я становлюсь на год старше». В этом корень проблемы. О, как жалко устроен человек. «И комически», — добавлял человек из подполья у Достоевского. Человек всё пыжится, тщится доказать своё величие, строит грандиозные планы, а всё это — пшик, лопается, как мыльный пузырь. Очевидно, эту тщету человеческой жизни остро

ощущали классики, т. е. люди образованные и чувствующие. Как там у Лермонтова в «Скучно и грустно» о жизни — «Посмотришь, такая нелепая и глупая шутка». Цитирую по памяти и, кажется, ошибочно. Действительно, иногда бывает такое состояние, что оборвать эту череду нудных и тоскливых дней совсем не страшно, а даже желательно. Наверное, с годами жизнь себя начинает изживать…

Но мелькнёт солнце, полегчает в районе поясницы, и снова начинаешь радостно взирать на белый свет. Ах, жизнь прекрасна и удивительна.

21 декабря

Не так-то просто стало жить. Хотя многие сносят это спокойно, вроде так и надо. Всё, мол, прекрасно: и берёзки, и люди, дым Отечества и Европ никаких не надо. Такое умонастроение есть где угодно, даже в стихах. Одно из таких — Ольги Фокиной из Вологды — высек Александр Иванов:

…Рыдают Женева и Канны,
От грусти Афины в слезах:
– Мадам, вам действительно рано,
Сидите в своих Вологдах.

28 декабря

Всё в жизни относительно.

…«Таймс» (номер от 14 ноября) цитирует книгу француза Жана Руселе «Аллергия к работе». «Молодёжь, — говорит Руселе, — хочет счастья, уравновешенности, хочет жить в менее потребительском обществе. Они все говорят одно и то же: „Больше не надо речей — нужна эффективность; никаких слов — нужны дела“».

…А тут Лапин на активе в пух разругал «Новогодний огонёк»: мало-де показывают передовиков труда, в основном — эстрадный концерт (что за Новый год без блюминга и землечерпалки?!), «разная муть Высоковского и Хазанова» (это слова руководителя Гостелерадио). Знакомые песни: на работу, как на праздник, в душе каждый прораб!.. Давайте, ребята, жмите! Выше! Больше! Дальше! Гуще!..

Ну, а десерт года — Календарь. К нему я сделал (или сочинил) 5 предисловий. Вот первое, полностью:

Первое предисловие к Календарю

Зачем нужен Календарь? Очевидно, для того, чтобы человек не отрывался от своих корней, от своей истории, чтобы соотносил прошлое с

настоящим. Чтобы извлекал драгоценные крупицы опыта из жизни предыдущих поколений. По возможности не повторял ошибок. Не забывал великих имён. Помнил о героических и трагических событиях. Благодарно вспоминал героев и проклинал тиранов и злодеев и т. д. и т. п.

День должен начинаться с календаря. А что сегодня было раньше, в былые года? И это «было» должно настраивать на определённый эмоциональный лад: мажорный или печальный. День должен накладывать определённую краску: розовую, чёрную, белую, красную… Или голубую, которую описывал поэт Расул Рза:

Море без волн.
Любовь без печалей.
Небесная твердь.
Дега и его «Танцовщицы».
Солнце на детском рисунке.
Спокойствие глаз человеческих.
Величие душ человеческих.

Короче, сто оттенков голубого по смыслу и по эмоциям. Голубой — мой любимый цвет. О нём сложил прекрасные строки Николаз Бараташвили. И, конечно, эти строки внесены в Календарь.

Календарь — это стихи и проза, литература и живопись, философия и экономика, политика и религия… Мир и война. Триумфы и поражения. Праздники и труд. Рождения и смерти. Благородство и злодейство. Только в таком диалектическом единстве существует жизнь. И только таким всеобъемлющим должен быть МОЙ КАЛЕНДАРЬ!

Именно мой. Отражающий объективную данность и всё же имеющий субъективный отсвет. Возможно, он заключается в некотором всё же отборе.

Есть женский календарь, театральный, музыкальный, спортивный. Есть даже календарь воина. А почему не сделать календарь интеллигента? Одинокого интеллигента в очках, ценителя книжной премудрости, любителя софизмов и парадоксов, горячего поклонника поэзии? Так подумал я и сотворил этот Календарь…

Он совсем не похож на официальный календарь с отрывными листиками, который стоит у меня на столе в редакционной комнате на Пятницкой. Который застёгнут на все пуговицы и сообщает только партийные и государственные даты. Меня не интересует, к примеру, год создания Коммунистической партии Колумбии или болгарской газеты «Работническо дело». Или

рождение нашего партгосударственного какого-то Шелеста. Пусть шелестит без меня…

Я перекидываю странички за март 1977 года, и треть их безжизненно пуста: ни дат, ни событий, ни имён прошлого. Насчитал 10 пустых дней. Но это невозможно! Жизнь бурлила и бурлит каждый день в Москве, в Америке, в Африке, не говоря уже о старушке Европе. Один Наполеон Бонапарт «наследил» в истории чуть не на каждый день года. Так же, как Ильич в кепке, но это не мой герой…

А пустой, не наполненный историей и именами день — это нонсенс. И впору повторить слова императора Тита Флавия: «Друзья, я потерял день!..»

Но ведь это не так! 1 марта 1881 года был убит Александр II, и его августейшее тело собирали по частям на гранитной мостовой. 3 марта 1875 года состоялась премьера оперы «Кармен» и её освистали. Жорж Бизе был в трансе… 7 марта в далёкие средневековые годы умер Фома Аквинский, философ и теолог. 9 марта 1776 года вышла в свет «Библия изобилия» Адама Смита. 15 марта до нашей эры был заколот кинжалом Гай Юлий Цезарь, и его восклицание «И ты, Брут!» стало хрестоматийным. Это серьёзные даты, а есть и

не очень, с комическим оттенком, к примеру, 9 марта 1917 года Ленин пишет из Цюриха Инессе Арманд: «…Абрамович молодец, вот у кого идёт работа хорошо!» (т. 49, с. 397).

А как вам эта дата? Для Александра Блока она оказалась знаменательной. Первая встреча поэта с певицей, исполнительницей роли Кармен — Любовью Дельмас. Блок был сражён её «певучим станом» и влюбился, как гимназист: «О, как блаженно и глупо — давно не было ничего подобного. Ничего не понимаю», — записывал Блок в дневнике. И это «ничего подобного не было» разве не достойно отмечать в календаре всем тем, у кого закружилась голова от любви?.. И это лучше, чем первый выпуск газеты «Правда» 5 мая…

Итак, историческая справка, несколько слов воспоминаний, стихи, мнения, оценки, — и вот уже тёмный подвал памяти освещается ярким светом. Ты смотришь и не узнаёшь свою комнату: по стенам, извиваясь, танцуют блики прошлого. Ты закрываешь календарь и плетёшься на работу. Тебя толкают в метро, наступают на ногу, сдавливают грудь, но ты ничего не замечаешь: ты во власти истории…

Я благодарю тот день, когда кто-то сверху надоумил меня сделать календарь. Не отстранённый,

чужой, а именно свой. Календарь твоей памяти и твоего сердца…

(Написано 19 марта 1977 г., в 20.55. Отпечатано 25 июля 1977 г., в 12.30.)

Пассаж из второго предисловия:

Пусть Календарь закружится в весёлом карнавальном танце, а потом вдруг заломит руки в беззвучном отчаянии и плаче.

Я витаю в чёрном свете,
Чёрным пламенем горю, –

как писал Владимир Бенедиктов. Календарь — это жизнь, а жизнь — это идущие вместе, взявшиеся за руки, радость и печаль.

Из третьего предисловия:

В Календаре много фенологических примет, но всё же он более литературный. В нём собраны, можно сказать, все знаменитые и популярные писатели России и мира. Но внесены малоизвестные и совсем забытые, вроде Хемницера, Губера. «И снова вдали замирают / Живые, весенние звуки…» Или Якубович, — нет, не из современного «Поля чудес», — а Лукьян Андреевич Якубович (1805–1839). Он бросил чиновничество и всецело отдался литературной деятельности, постоян-

но находясь в тяжёлой нужде. Перед смертью получил большое наследство, но не успел им воспользоваться.

Когда восторг меня обнимет,

Я сознаю тогда себя… –

признавался Лукьян Якубович.

Четвертое «Зачем нужен Календарь?»:

Вокруг нас много малообразованных, несведущих и просто дремучих людей:

— Сервантеса читал?

— Не-а. И про чего там?

— Как один чувак начитался романов и окосел.

Я восстаю против этого «не-а». Я выбрал себе роль просветителя и немного сею семена знаний. Может быть, что-то прорастёт. Кто-то задумается. Кто-то что-то прочитает. Хотя бы что-то.

И уже к себе со вздохом: мечтательный просветитель!..

(7 апреля 1977 г.)

И в заключение цитата. Великий гуманист Альберт Швейцер писал, что «ставшая обычной сверхзанятость современного человека ведёт к умиранию в нём духовного начала… не познания и развития ищет он, а развлечения — и притом

такого, какое требует минимального духовного напряжения… Мы ещё не прониклись сознанием нашей духовной нищеты…» (А. Швейцер. «Культура и этика», Мюнхен, 1960).

1978 год – 45/46 лет. Один дневник и никаких дополнений

Сначала немного прелюдии. Один из пламенных революционеров Виктор Ногин (комиссар торговли и промышленности в первом послереволюционном правительстве, который падал в голодные обмороки от недоедания) писал в письме от 8 января 1913 года из ссылки в Верхоянске: «Будущее мне рисуется красивым, интересным и полным настоящего человеческого счастья». Романтик и антипрагматик. Кремлёвский мечтатель. Какое счастье? Кто его видел? Кто с ним встречался, кроме правящей верхушки в стране?..

В 1978 году можно вспомнить разнесённый в пух и прах неофициальный сборник «Метрополь», и сколько натерпелись от власти его авторы. А вынужденно уехавший из страны философ Александр Зиновьев, посмевший написать критиканскую книгу об СССР «Зияющие высоты». Уехал писатель-детективщик Эдуард Тополь, отчаявшийся от непризнания Сергей Довлатов, а ещё рискнувший иначе посмотреть на Оте-

чественную войну молодой и прыткий Виктор Суворов со своим «Ледоколом». Все хлебнули полного советского счастья.

6 августа не по своему желанию и не по своей воле Александр Зиновьев оказался в Мюнхене. «Диссидентом я не был, — признавался он, — моя гражданская позиция — это позиция крайнего индивидуалиста». Другое дело, что впоследствии вернувшийся на родину Зиновьев сменил вектор оппозиционера на упёртого державника, — это уже совсем другая история, и о ней я писал в книге «Огни эмиграции» (2018).

В 1978 году в США напечатали роман Андрея Битова «Пушкинский дом», чем вызвали негодование в официальных кругах СССР. Ну, а что я в том 78-м? Продолжал пахать на Иновещании в Радиокомитете и в стол создавал свой вольно-свободный Календарь мировой истории. Ну, а теперь обратимся к дневнику.

2 января

Новый год встретили вдвоём, если не считать кота, который страдает из-за отсутствия трески и печени. Подарки разложил по разным комнатам: туалетная бумага, венгерские трусы, французские колготки, журналы мод… Ели курицу и пили марочный крымский «Рислинг». Под бой куран-

тов открыли шампанское. Смотрели телевизор, танцевали, играли в карты, заснули в 4 часа…

4 января

На работе гнусная обстановка… Система фаворитизма: за сердце главного редактора борются Горькаев и Радзевич. Я предпочитаю политику «минуй нас пуще всех печалей», балансирую между барской любовью и гневом… Хотя с другой стороны, после посещений больницы всё это кажется сплошной чушью. Здоровье — вот наш бог, которому надо молиться…

16 января

В год Лошади поход за лошадиным здоровьем. Хирург Погорелко: «Снимите штаны, раздвиньте ягодицы», — и твёрдый палец проник в святая святых. Из глаз искры — боль адская. «Надо идти к урологу!» И выписала какие-то свечи. И сразу вспомнилась песенка из детства: «Как Ивану Ильичу в ж… вставили свечу, / Ты гори, гори, свеча, / У Ивана Ильича…» По поводу свечей в аптеке отрезвили: «Этого нет и неизвестно, когда будет…»

19 января

Навещал В.П. Палата на 8 коек. Любознательная старуха из угла: «Милок, а ты ей кем будешь,

сын?» «Нет, — отвечаю, — зять». Старуха теряет дар речи. Еле приходит в себя: «А у меня дома все враги…»

27 января

В который раз по теле смотрели «Цирк», 1935 год. Удивительная картина. «Над страной весенний ветер веет. / С каждым днём всё радостнее жить. / И никто на свете не умеет / Лучше нас смеяться и любить…» И верилось, что всё именно так. Магнитка, Днепрогэс, метро — это ступеньки, ведущие во дворец счастья. Всех обжигал ветер надежд… Прошло 40 лет, и от былого оптимизма не осталось и следа. То белозубое молодое поколение постарело и вымерло, так ничего и не дождавшись, а новое поколение давно разуверилось в счастливом будущем, а подрастающее… И ныне кругом апатия, надрыв и разливанное море пьянства. Хача только приехал из Мордовии: даже он удивлён, а его удивить трудно, сам может выпить, сколько угодно…

Ну, а мне тут — смешно сказать — захотелось бублика, свежего, с маком, времён довоенного «Цирка». Но есть грузовые космические корабли, станции, «Прогрессы», «Союзы»… а бубликов нет. Только дырки от бублика…

15 февраля

А что нового в мире? Во Франции Жак Ширак предостерёг страну об «опасности коллективизма»… Испанию охватил страх. Возник психоз, вызванный волной преступности… В Китае возрождается пекинская опера… Вице-президент США Мондейл считает, что сейчас нужно демонстрировать не мускулы, а здравый смысл…

24 февраля

Лихо раскручивается маховик военно-патриотического воспитания. «Ты, Родина, как воздух для меня, / и на твоих ветвях — я лишь хвоинка…» — пишет поэтесса из литобъединения завода «Хроматрон». Хвоинка, чаинка, соринка, былинка — как можно меньше, крошечнее, микроскопичнее…

1 марта

Подорожали кофе, шоколад и вино. Подешевели синтетические ткани «Белан» и «Пелакс»… Конечно, мы кричим о дороговизне на Западе, мол, там «вальс этикеток». А что у нас? Знойное танго ярлыков и артикулов… Гонка вооружения, инфляция, низкая производительность труда…

2 марта

В Польше раздаются трезвые голоса: «Не луч-

ше ли было перестать говорить об успехах, а сконцентрировать внимание на трудностях?» Объявлена война бюрократическим методам работы, резко критикуются чванство, помпезность, стремление к роскоши… Об этом я вычитал в служебных листах ТАСС. В «Правде» об этом ни гугу. И оно понятно: у нас одни успехи!..

Господи, как хочется свободы. Раскованности. И страшно сказать — молодости. Но, увы и ах. Сорок шесть, сорок шесть…

6 марта

На работе бордель. Все вовлечены в дикий вихрь новых ураганных идей главного. Банан всё закрыл, все старые рубрики, и открыл новый фантастический «Собеседник» (по-народному: собутыльник). Крик, шум, неразбериха. В центре этого бардака я, руководитель «Собеседника», рукгрупп — последняя милость босса. И эту царскую милость я должен оплачивать своим здоровьем…

7 марта

С утра ворвался главный. Ни тебе «здрасте», ни «как дела, ребята?» — ничего. С хмурой мордой спросил: «Как явка на работу?»

…Прочитал сборник Наума Коржавина и книгу

Молдавского о Зощенко. Слабенькая. Какие-то ноты умолчания, а полуправда уже так надоела.

10 марта

Интересный пассаж в «Вашингтон пост» от 3 марта: «Самый потрясающий парадокс нашего времени состоит в том, что победитель во Второй мировой войне сейчас просит помощи у двух держав, потерпевших поражение (Германии и Японии, а заодно и у США. — Ю.Б.). Мораль здесь в том, что ни одна страна никогда не выигрывает войны и эйфория, вызванная „победой“, может быть более опасной для будущего, чем горькая пилюля „поражения“!..»

Комментарий спустя 32 года. Мы по-прежнему опьянены Победой, и эйфория от неё всё гуще.

А экономическая зависимость от побеждённых так и не преодолена. Япония и Германия в ряду первых процветающих стран, а мы в обозе…

15 марта

Джеймс Рестон в «Нью-Йорк таймс» прямой наводкой ударил по нашему Комитету: «Советские радиоработники не передают новостей для элиты, которая слушает и думает, они ведут неистовую пропаганду, рассчитанную на бездельников, которые не слушают…» Короче,

«интеллектуальный мусор, поступающий из Москвы». Н-да… К этому лишь остаётся подверстать строки Коржавина:

Ни особенной доблести.
Лишь одно, как на грех:
Стаж работы в той области,
Где успех – не успех…

20 марта

Навещал В.П. в больнице. Врачи болеют, один дежурный на всё отделение. Многих лекарств нет. Нет кислорода, из-за чего один старик дал дубаря. Три дня не работало отопление. Холод собачий. Кто-то от холода вышел в коридор и проспал на покойницкой каталке. В общем, бедные брошенные люди. Отработанный материал, пустая порода. Их выжали за годы работы до конца, а теперь им остаётся самим бороться за свою жизнь… Ещё бегал по магазинам. Выдвинутый лозунг в «Правде» 10 марта «Сделано отлично — продано отлично» ещё не ночевал ни в одном магазине. Пропаганда есть — товаров нет.

22 марта

Немного о погоде. В субботу, 18-го, был день для самоубийц: мглисто-серо-давящий с дождём. Снег

почти весь стаял, а вот в понедельник вернулась зима и покрыла всё снегом, похожим на стираное бельё из прачечной…

Несмотря на усталость, продолжаю читать, благо дома есть набор журналов — «Вопросы литературы», «Театр», «Искусство кино», «Новый мир», «Иностранная литература»… Жизнь продолжается, и как говорил Яков Полонский:

Пока у нас довольно хлеба
И есть ещё кувшин вина,
Не раздражай слезами небо
И знай – тоска твоя грешна.

27 марта

Пролистал книгу Поля Брэгга «Чудо голодания». Брэгг и летающие тарелки — основная тема инженеров на работе у Ще. «Научное голодание — самое большое открытие нашего времени», — считает Брэгг. Мы, говорит он, много едим и поглощаем при этом много ядов и, стало быть, «копаем себе могилу ножом и вилкой». У Брэгга масса афоризмов, вроде: «Самый лучший день — СЕГОДНЯ».

29 марта

Ездил на площадь 1905 года в еженедельник

«Спортивная Москва». Разговор с Бебчуком на предмет перехода туда работать. Хочется поменять пластинку… Свой кабинет, маленький начальник, спецполиклиника, раз в году зарубежная поездка — Бебчук всё это так живописал, что напомнил голодную речь Остапа Бендера про Нью-Васюки…

3 апреля

Необычно тёплый апрель. Снег почти стаял, так, небольшие серо-грязные островки. Светит солнце. Поют птички — и работа. Как всё это противоестественно… На работе по-прежнему вакханалия. Тут главный узнал, что у одной сотрудницы умерла мать и что в связи с этим нельзя будет записывать в студии программу, швырнул очки, и они покатились по длинной полированной поверхности стола, и в сердцах произнёс историческую фразу: «Ну не дают работать!..»

5 апреля

В «Литературке» громят европейский «Комитет интеллектуалов за Европу свобод», его генеральный секретарь Ален Равен посмел высказать такую фразу: «Мы живём в эпоху великой неуверенности, великой тревоги, крайнего смятения. Чрезмерная полнота жизни порождает её чрез-

мерную пустоту… Добро и зло уже невозможно распознать».

6 апреля

Вчера на «творческой среде» Бухаров рассказывал, чему его учили в институте повышения квалификации. Говорил о том, что руководитель должен мудро руководить, создавать благоприятный микроклимат, не допускать конфликтов, улыбаться в день по 18 раз и т. д. Какие улыбки?! Львиный рык с утра до вечера и медвежье сопение — вот и вся социальная психология в нашей главной редакции. Левая нога шефа — альфа и омега всего творчества…

18 апреля

Меня постоянно развлекает ТАСС. К примеру: в «Нью-Йорк таймс» приведены слова простого сторожа из Питтсбурга: «Объясните мне, в чём дело: мы смогли посадить людей на Луне, и мы никак не можем побороть инфляцию?..» Северная Корея торжественно отметила 66-летие Ким Ир Сена. Газета «Нодом синмун» отметила, что, «не будь великого вождя, нельзя было бы говорить о славе и счастье, которыми сегодня наслаждается народ»… Вот это суперкульт!.. Идеолог Французской компартии Ж. Элленстайн заявил, что Советский

Союз не только не служит моделью или примером, но даже представляет собой антимодель…

28 апреля

Вражеская пропаганда рисует наше общество как большой ГУЛАГ, из которого каждый мечтает удрать. Я думаю, что таких «мечтающих» горстка, а миллионы даже не мыслят себя без России, без берёзок и полевых кашек. Ну, а то, что за товарами приходится гоняться, то это — «идёт война товарная, священная война». Ведь у многих времени навалом, и они не знают, куда его девать. К тому же вещизм накатывает волной: мебельные гарнитуры, ковры, автомобили… Масса хочет жить уютно…

3 мая

28 апреля — эпохальный день. Поехал в парикмахерскую на улицу Горького и сказал мастеру: «Хочу перейти на принципиально другую причёску». Чик-чик — и вот я вступил в Клуб ЛЫСЫХ. Приехал домой и к зеркалу. Смотрю и не узнаю себя. Ще сказала, что в доме появился чужой дядя Юра… На работе Пугачёв, увидев меня: «Владимир Ильич… оклад надо повышать». Кудрин: «Молодой Ленин». Найра: «На Луначарского стал похож. А это очень лестно…» Ну, и другие воскли-

цания, от «Ну, прекрасно!» до «Батюшки-светы!». Испанец Ансельма: «Богатым будешь! Не узнал. Помолодел…» А Сперский закатил речь: «Голова, как дом, раскинулась. Знаешь, бывает, что убирают мелкие строения, и вдруг открывается красота…» Я не ожидал таких фортеплясов вокруг своей головы.

12 мая

Осколки международной панорамы. Премьер-министр Израиля Бегин: «Давайте не будем терять терпения. Трудности будут продолжаться долго…»

22 мая

Зелень потеряла свой блеск, и в свои права вступило лето. Пока студёное, лишь один день — пятница, 19-го, было тепло по-летнему, ходил в костюме, а сегодня вновь надел плащ. И наслаждаюсь: хожу без головного убора, с лысой головой… Прочитал девятый том Ницше и дочитываю «Контрапункт» Олдоса Хаксли. Любопытно, хотя многое на сегодня устарело…

Тут как-то на досуге посчитал, что с января 1976 года по апрель 1978 года, за 25 месяцев, исключая отпуска и болезни, я написал: 172 спортивных обозрения, 21 программу «Культурная панорама»,

32 комментария, одну «Мозаику», 2 спецпрограммы, посвящённые Дню радио и футболисту Пеле. И 2 информации… Итого 278 материалов, плюс не менее 200 чужих материалов, внештатников. Солидная загрузка. А ещё собственный Календарь мировой истории.

5 июня

3-го вступили в цветную полосу жизни. 755 рублей за «Электрон». Рассрочка на два года. Эх, цветану!.. Первая передача, которую мы увидели, была посвящена Хабаровскому краю. Показывали Биробиджан и рассказывали о каком-то Шмулевиче. Затем Ще обмирала под музыку Поля Мориа. А потом наступила моя очередь: чемпионат мира из Аргентины. Футбол в цвете: Аргентина — Венгрия. Очень классно: зелёная поляна, алые и небесные футболки… Кажется, мы начинаем шагать в ногу с XX веком…

Определил круг современных писателей, которых читаю: Трифонов, Нагибин, Юрий Казаков, Битов, Распутин, Токарева… Не читаю шундиков, мих. алексеевых, крутилиных-вертилиных… Противоречивое мнение оставил «Алмазный венец» Катаева. Ради хлеба с икрой готов вильнуть в любую сторону. Оставим его, пусть живёт…

Составил план-громадье, что бы я хотел на-

писать. Вот только некоторые идеи: эссе об Израиле… «Чёрный роман»… Пьесу, лучше драму. Остренькую… что-то вроде исследования на тему: женщины в жизни писателей, художников и поэтов… Сборник рассказов из жизни интеллигентов… Политический роман «В коридорах власти»… Смешную повесть. Нечто булгаковское с примесью Кафки… Повесть о футболе… Путевой дневник о странах, где был и где не был…

Комментарий спустя десятилетия. Ни романы, ни повести, ни рассказы, к сожалению, так и не написаны. Стал писателем в жанре нон-фикшн и про писателей и поэтов выпустил множество книг: «Любовь и судьба», «Налог на любовь», «В садах любви», «Вера, Надежда, Любовь», «Культовые имена», «69 этюдов о русских писателях» и т. д. Так что мечты не сбылись и сбылись… (15 марта 2010 г.)

16 июня

И лето — не лето, и жизнь — не жизнь. Середина июня, а хожу в плаще. Небо пребывает в пасмурном состоянии. Дождит. И, несмотря на буйную зелень, сквозит какое-то осеннее уныние… После отпуска вышел Главный. Один день улыбался. А на следующий всё вернулось на круги своя. Крик, гам, шум, глаза навыкате, метание очков

по столу… Я, конечно, стараюсь быть спокойным. Но всё равно — противно.

1 июля

А что нового в этой жизни, которая журчит, как ручей, журчит и куда-то уходит. Уходит… Если бы не эти записи «так себейного дневника», то вообще было бы непонятно, а что, собственно говоря, происходило? «Были ли мальчик?..»

19 июля

Июль стал месяцем процессов: Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, некий Филатов, ещё кто-то в Литве, на Украине… Американцы лягают нас за права человека, мы пинаем их за американских инакомыслящих — уилмингтонскую десятку, Джона Харриса и других. Эфир сотрясается от взаимных обвинений. Идёт «великое противостояние» — именно так назвал своё стихотворение Андрей Вознесенский в «Юности».

Почему два великих народа
холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны – увы…

И в опере «Юнона и Авось» устами графа Резанова говорится о любви и боли в двух странах,

и вывод: «Идиотов бы поубрать вдвойне / и в твоей стране, и в моей стране». Смелый Андрей человек, смелый…

26 июля

Газета «Дейли телеграф» обиделась за то, что «Английскую неделю» на советском телевидении использовали для того, чтобы показать Англию как страну, где рабочие живут в трудностях и лишениях, а жадные капиталисты наживаются за их счёт, да при этом показали Англию как страну вечного дождя… А чего поделаешь? Пропаганда. «И в твоём вранье, и в моём вранье…»

Китайский министр обороны Сюй Сян-цань выдвинул призыв усилить подготовку к войне. «Пока между СССР и США продолжается ожесточённая борьба за мировую гегемонию, третья мировая война может разразиться в любой момент». А соответственно, необходимо «рыть глубокие туннели».

8 августа

Прочитал книгу воспоминаний Льва Никулина. Откровенно слабо. В этом жанре лучшие, конечно, Андре Моруа и Валентин Катаев… По телевидению всё время выскакивает Терентий Мальцев. Земледелец хороший, но оратор… боже

мой! Когда говорит об устойчивости пшеницы к полеганию — это одно. Но когда несёт околесицу по поводу воспитания молодёжи, — уши вянут. Тоже мне Монтень из Сибири!.. Чувствуешь, что находишься в какой-то удушающей клетке. Кругом дрессированные звери с дурным запахом…

11 августа

Голова идёт кругом от всех писаний. Помимо радиопередач, ещё что-то делаю. Вчера написал футбольную программку к матчу ЦСКА — «Спартак». А ещё собственный Календарь мировой истории… Есть мечта: выиграть сумму по облигации и ничего не писать хотя бы месяца три. Устал… А тут ещё мрачное небо. Свинцовое, тяжёлое, давящее на затылок. Плюс холодный сильный ветер. Словом, всё как-то не так.

15 августа

Пора садиться за свой «чёрный роман». Но когда?..

23 августа

Банкет по случаю отъезда Кудрина в Испанию. «Националь», второй этаж, зал № 9. Хорошо поели. Крепко выпили, и под конец зал огласился громким пением. «Кличут трубы молодого казака», а потом — «Броня крепка, и танки наши

быстры».

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут танкисты в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт.

Редакционные сталинисты — а их оказалось четверо — надрывались до багрового цвета и сжимали кулаки. Если бы их слышали иностранцы, то они подумали бы, что миф об угрозе с востока вовсе не миф, а реальность, сидящая в подсознании русских, что ждут только приказа товарища Сталина…

На работе выбрал момент и сбегал в библиотеку, взял том литературного наследства, посвящённого Льву Толстому. Сколько интересного! Кое-что взял для своего Календаря. Вот интересное высказывание австрийского романиста Г. Бара: «Да, мы больны миром, всех нас подтачивает, ломает жизнь, толкающая нас туда, куда мы идти не желаем, дающая нам в руки знамёна, которым мы не верим; всех нас держит крепко в своих руках буржуазная жизнь…»

29 августа

Сегодня в ночь по волнам Московского радио пойдёт моя большая программа (кажется, 40 минут) к 150-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. На два голоса. Читали бразильские дикторы Жоржи и Сатва.

Спустя почти месяц из бразильского города Кажезейрас, штат Параиба, пришло письмо от сеньора Родовальо де Аленкар: «По программе Московского радио я услышал рассказ о Льве Толстом. Этот рассказ мне очень понравился и разбудил во мне любопытство и огромную жажду знаний, так как я ничего не знаю о Льве Толстом и не имел возможности читать его произведения. Я надеюсь, что вы мне поможете побольше узнать о Льве Толстом…»

6 сентября

Всё время меня преследует мысль: зачем пишу эти дневники? Может быть, это какая-то внутренняя потребность, как у Льва Толстого, который нуждался в письменном общении с собой и вёл дневники более 60 лет. Увы, я — не Толстой и быть им не могу (а кто может?), но великие всегда должны быть для нас ориентирами. Корыто и небо — вот два полюса человеческих устремлений…

Вот запись от 28 августа 1889 года: «Написал

„Крейцерову сонату“. Кончил. Казалось, что хорошо, но пошёл за грибами и опять недоволен — не то».

Совсем короткая запись: «Пошёл в кинематограф. Оч. нехорошо».

…А пока мир бурлит и волнуется, опасно подходя к зияющей пропасти, народ наш упивается бутылками по 3.62 и 4.12, поёт песню Левашова «Моторочка-тараторочка», похмеляется, матюгается, сопит, рыгает и т. д., а вечером по телику или радио слушает, как идёт битва за урожай. Как надоели эти «битвы»!

18 сентября

Случайно набрёл на «Словарь псевдонимов», его собирал более 40 лет некий Иван Масанов. Он расшифровал свыше 80 тысяч псевдонимов русских писателей, публицистов, журналистов и прочих деятелей. Каких псевдонимов только не было: Ювенал Эзопыч, Шеребери, Фиолетовый глаз, Сонный поэт, Скучающий россиянин, Пустозвон, маркиз де Ананас, Мани-Факел-Фарес, Мандарин Лай-на-Луну и т. д. До революции три господина подписывались инициалами Ю.Б. Это — Балтрушайтис, Ю. Беляев и Ю.А. Бунин… Так что не я один Ю.Б.

21 сентября

Из разных новостей: умер Семён Беркин, комментатор редакции вещания на Скандинавию. Ходил, улыбался, рассказывал еврейские анекдоты. И вот сгорел…

29 сентября

В среду на собрании Иновещания объявили, что с прошлого отчётного собрания ушли из жизни 16 человек. Вот вам и радио. Вторая профессия после лётчиков-испытателей…

В моём Календаре очередь дошла до Эжена Ионеско, Ремизова и Огарёва. Уложил гротеск Ионеско «Этот ужасный бордель» и лирические строки Огарёва «Была чудесная весна!..».

Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвёл,
Стояла тёмных лип аллея…

Вот откуда пошли бунинские «Тёмные аллеи»!..

6 октября

4-го, в среду, в 7.15 в новом манеже «Динамо» состоялся футбольный матч. Динамовский пресс-центр играл против каких-то спортсменов, 8х8,

на ярком искусственном газоне. Нас размолотили 0:6. Я стоял на воротах, потом бегал защитником. Никакого удовольствия. Я люблю маленький футбол: трое на трое, четыре на четыре, где постоянно двигаешься, играешь, получаешь мяч. А на большом поле сплошные простои. И никакой динамики…

10 октября

Вышла первая книга Леонида Латынина. Интересно получилось: я пришёл в Радиокомитет, а он из него уходил. И долго говорил мне в коридоре: зачем вы сюда пришли!.. Сам он теперь в «Юности» и кропает стихи, не бог весть какие. «Как хорошо, что ты жена / И так юна на вид…»

24 октября

Читаю Хеллера «Что-то случилось», книжный вариант. Вот уж поистине чёрный роман. Все несчастны, все отчуждены, все одиноки и бьются, как рыба. Фирма, где работают герои, представлена как кафкианский бессмысленный лабиринт… В один присест прочитал книгу Натальи Решетовской, развенчивающую Солженицына как человека и писателя. Видно невооружённым глазом, как делаются подобные издания. Одно слово «заказ».

2 ноября

Дома постоянное напоминание о болезнях и старости. Вне дома убийственная серость, разлитая в воздухе. В магазинах очереди, давка, хамство. Транспорт перегружен… В «Правде» цитата одного американского телекомментатора: «Может быть, в XXI веке будет легче. Хотя вряд ли, конечно, ведь список проблем растёт. Однако приятно сознавать, что большинству из нас тогда уж не придётся платить налогов…» «Правда» приводит эти слова, подразумевая, что у нас всё будет иначе, у нас будет коммунизм.

9 ноября

6-го традиционный сбор школьных друзей у Лены Чижовой. Выпили. Поели. Потанцевали. Попели. «И было мне тогда всего 17 лет, но дел наделал я немало…» Потом долгие разговоры. О детях, о проблемах, о здоровье. Даже Игорь Смурыгин, офицер КГБ, жаловался на жизнь: с начальством никак не поспоришь, и он всего лишь «мальчик-колокольчик». Ещё глубокомысленно говорили о Бермудском треугольнике, о НЛО, о возможной войне с китайцами…

7-го вынужден был пойти на демонстрацию. Пришлось нести знамёна. На Красную площадь вышли в 11.25. Промёрзли. Отогревался дома…

Немецкая волна («Дойче велле») иронизировала по поводу нашего желания догнать и перегнать Америку. Бюрократический социализм, мол, не может выиграть соревнование со странами, где рыночное хозяйство. Низкая производительность труда. Плюс непродуктивные рабочие места: полицейские, пропагандисты, контролёры, военные. И в конечном итоге право на труд в СССР — это право на нехватку товаров…

23 ноября

Сегодня разговаривал с уборщицей — как обычно, я на работе очень рано. Любопытная старушенция. Родом из Белоруссии. Служила домработницей у Веры Инбер, которая была племянницей Троцкого — факт нигде не афишируемый. Вся личная жизнь Веры Инбер не сложилась. Первый муж Инбер уехал вскоре после революции, второй — академик Страшнов (если не ослышался) тихо сошёл с ума. Третий — молодой любовник укатил с другой женщиной. Была единственная дочь, трижды выходила замуж, но никого не родила и рано ушла из жизни. Так что Вера Инбер доживала жизнь одна, без мужа, без детей и внучат. В компании каких-то приживалок, которым и досталось всё её добро. Единственной её радостью была работа…

Собачье сердце устроено так:
Полюбило – значит, навек.
Был славный малый и не дурак
Ирландский сеттер Джек…

И о старости (1931):

Уже седой ветерок подул,
Вестник далёких отплытий,
Уже мне иногда уступают стул:
«Сядьте, мол, отдохните»…

1 декабря

Снова отдых порознь. На этот раз Серёжа Бельдинский через папу достал путёвки в дом отдыха «Планерная». Когда-то в 30-е годы здесь располагался дом отдыха Коминтерна, и по дорожкам гуляли большие люди, типа Георгия Димитрова. Сейчас журналисты и всякие прочие. Один в номере, каземат № 613.

4 декабря

Зашли в библиотеку. Всё очень антуражно и мило, и ковры, и полированные столики, но… холодрыга. Плюс 12, при которых отлично сохраняются не только книги, но и молоденькая библиотекарша. Серёжа взял Швейка, я — Моруа

и Бунина.

Лев Николаевич незадолго до бегства из Ясной Поляны сказал старшей дочери Татьяне, что мечтает поселиться в деревне, где никто его не знает: «Я там хочу ходить и просить под окнами милостыню». И Бунин так комментирует толстовское желание: «Бесконечно знаменательны эти слова, — это мечта быть юродивым, ничем не дорожащим в жизни и всеми презираемым, стать никому не известным, нищим, смиренно просящим с сумой за плечами кусок хлеба под мужицкими окнами…»

У Моруа прочитал о неведомом мне Барбе д'Оревилли, который хотел, в отличие от Толстого, пировать на празднике любви и тщеславия. Однако ему доставались только крохи. От отчаяния его спасала литература. «Писать — это самоутешаться» — к такому выводу пришёл бедный Барбе.

5 декабря

Неврология. Болит рука и ноет плечо. Но тем не менее пинг-понг, футбол, прогулки и чтение. Всё вроде бы нормально, но где юная маркиза и где виконт Сен-Альмер? Вместо героев Агнивцева познакомились на танцах с тремя пейзанками, пастушками с далёких российских полей.

6 декабря

Ночью снились бубновая девятка, какая-то пучеглазая бутылка и груди в форме груши дюшес, — неужели в сон проникли строки Игоря Северянина?.. Днём знакомство продолжилось. Две Нины из Саратовской области. Обе замужем, и у каждой по двое детей. Нина Ивановна — статная брюнетка, заведующая детским садиком. Нина Степановна — крашеная блондинка, воспитательница того же сада. Обеим по 32 года. Обе какие-то земные, крепко стоящие на земле и излучающие тепло самой земли. Без городской рефлексии, комплексов и неврозов.

Беспечным детям суеты

Слова печали непонятны, –

писал ещё в прошлом веке Сергей Андреевский. Обе Нины принимают жизнь такой, какая она есть, и никаких раздумий, а тем более — анализа. Здоровый оптимизм и неумолкающий громкий смех. Женщины бесшабашно веселились, а я никак не мог выйти из своей мрачности…

Нет, я не умею бездумно радоваться жизни. Но разве я такой один? «Я на дне, я печальный обломок, / Надо мной зеленеет вода…» — писал Иннокентий Анненский.

…Вечером танцы, под песни-липучки: «На дальней станции сойду — трава по пояс…» И ещё звенящая песня про какую-то Оксану. Песни под баян, даже Серёжа подпевал девушкам, а я вот не мог, поёживаясь от интеллектуального холода, если выражаться метафорически.

8 декабря

Не выдержал испытание отдыхом и досрочно уехал домой. «Она поправила причёску и прошептала: „Вот и всё!“» — снова Николай Агнивцев.

24 декабря

Отпускная картина следующая: Ще лежит больная, тёща еле ползает и кряхтит, в квартире варят трубу, а я совершаю набеги на магазины в поисках продуктов. Нынешний декабрь побил все рекорды: так хреново ещё не было. Люди бегают за картошкой, маргарином. Исчезли даже собачьи колбасы («собачья радость»), за мясом очереди, как на «Джоконду». И автобусы, автобусы, с приезжими из других городов и сёл… И всё это под куплеты д'Артаньяна-Боярского: «Пома-пома-помахивая перьями на шляпе, / Судьбе не раз шепнём: „Мерси боку!“..» Да, такое большое коммунистическое «мерси»!..

29 декабря

Кажется, 1978-й отбросил нас в 1946 год: в первый послевоенный. Но тогда были надежды, что всё наладится. А сейчас отчаянье и глухая тоска, что ничего хорошего нас не ждёт. «Такие времена», как поётся в одной бразильской самбе. А руководители страны упорно предрекают народу дальнейшее процветание… Но ничего. Стиснем зубы и будем прорываться. Только так, не иначе…

1979 год – 46/47 лет. Карьерный слом: из радио в газету

8 января

«Мне сегодня очень грустно: бедный кролик заболел», — мурлыкает с утра мой сосед в Комитете по столу Соболь. И жалуется: сидел в Рио-де-Жанейро в жару и мечтал о русской земле, о морозе. Приехал — то одно, то другое, то болезни, — и так ни разу и не сходил в лес, на лыжи, не съездил на рыбалку… Вот так и бывает всегда…

Вчера ходили в консерваторию. Гайдн, концерт № 1 для скрипки с оркестром, дирижёр — Александр Лазарев, скрипка — Павел Коган. Божественно пела скрипка!.. А затем впервые исполняющийся в Союзе концерт для скрипки с оркестром — сочинение Эдисона Денисова. И с заключение — Брамс, третья симфония фа мажор, соч. 90… Виолончели, скрипки и валторны вытягивали неумолимую мелодию рока: была весна, весна ушла, и всё растворилось в осенней тоске — музыкальный эпиграф «Будденброков»…

Снова надо идти на работу («трабаха» и «трабаха»), и тоскую по «фрайди» — по пятнице. Два дня

можно сидеть дома: читать, печатать, клеить, принадлежать самому себе… как сказано у Макса Шелера, по сравнению с животными человек есть «вечный Фауст», который, не удовлетворяясь окружающей действительностью, жаждет прорыва границ…

11 января

Сколько в Комитете одиноких женщин. Но тем не менее живут: смеются, находят удовольствие в бытовых мелочах. А там, за кулисами, дома, в постели — «невидимые миру слёзы»…

16 января

Ко мне зачастила неприятная дама — Депрессия. И сжимает в своих объятиях. Ах, ты, моя милашечка, чтобы ты сгинула!..

24 января

Посмотрели фильм Ильи Авербаха «Объяснение в любви». Прекрасно играют Юрий Богатырёв и Эва Шикульска. Но публика уходит из зала. Никто не умеет и не хочет ценить чувства. Мир машин и дублёнок полностью вытеснил мир любви и страданий. Никто не хочет переживать и страдать, тем более за каких-то экранных героев. Все хотят только потреблять. Неужели и мы входим потихоньку в общество потребления?..

В один присест прочитал «Жизнь Арсеньева» Бунина. Прекрасно! Какой изумительный стилист Иван Алексеевич! Вот только один эпизод с горничной Тонькой: «…завалил её на пол, поймал уклоняющиеся горячие от огня губы… Кочерга загремела, из печки посыпались искры…» И никаких натуралистических подробностей, вот только эти «искры», но они передают всё.

29 января

Умер в возрасте 70 лет Нельсон Рокфеллер. Уж казалось: счастливей человека не бывает. Но он не был счастливым. У него были свои проблемы, которые его душили. И была мечта: стать президентом США. Но она не сбылась, и Рокфеллер от этого страдал…

У всех своя Голгофа. Свой крест. Свои проблемы. Свои несбывшиеся мечты… Жизнь — это вечный бой.

1 февраля

Пришло письмо от Игоря Кудрина из Мадрида: «Дороговизна здесь порядочная, особенно это касается продуктов питания. Но когда каждый день ешь салат из свежих помидоров и огурцов, мягкие куриные ножки, запивая апельсиновым соком, то о ценах не думаешь. Думаешь о щедро-

сти этой земли…»

7 февраля

Посмотрел фильм Эмиля Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь». Очень плохо. Сплошные красивости и псевдострасти… Зато роман Франсуа Мориака «Матерь» доставил мне большое удовольствие. Хорош в «Воплях» обзор Цецилии Кин итальянский литературы. Цитата из неизвестного мне Пауло Вольпи: «У поэта всегда на одно горе больше, чем у других людей». На Западе литераторы упорно стремятся проникнуть вовнутрь человека, понять его психологию, действие тайных пружин. А мы всё вертимся вокруг производственных отношений: человек и завод, человек и фабрика, человек и металлическая болванка…

12 февраля

На работе по-прежнему неразбериха и ураган идей. К вечеру все обалдевают и врубают развлекательные плёнки. В сотый раз звучит «Распутин», «Полёт к Венере» и «Реки Вавилона». Как сказал один остряк: не сплю, не ем без «Бони М». А в пятницу кто-то раздобыл Высоцкого, и комнату сотряс хрип времён матча Бориса Спасского и Фишером-шифером: «Не спеши, а главное

— не горбись… Главное — питание, старик…» Вот именно.

15 февраля

Вчера ездил в Союз журналистов за анкетой. Хочу во Францию. Но, судя по всему, попасть в группу будет архитрудно. Ну, и как пролезть в игольное ушко?..

28 февраля

В больнице, где лежит В.П., две сопалатницы: 76-летня Леночка и 74-летняя Софочка. Разговор по поводу судна:

— Леночка, ты забыла, что надо ножки расставлять?

— Сонечка, это возраст. Раньше ножки сами расставлялись!

2 марта

Грустные мысли в день рождения… Противно, что жизнь посвящена монетовышибанию. Вот уж поистине «люди гибнут за металл». А что делать? Есть другой путь? Всё бросить и поменять профессию? Вновь метнуться в бухгалтерию? Или уехать на село? Нет, из круга своего не вырвешься… Всех нас губит конформизм…

11 марта

Давно не записывал, а как утверждает Грэм Грин: «Писание — форма терапии. Иногда я удивляюсь, как же те, кто не пишет, не сочиняет музыку и не создаёт картины, не впадают в безумие от меланхолии и панического ужаса, который вытекает из человеческого состояния…»

А что в моей грешной жизни? 5-го вечернее дежурство. В былые времена, имея утро и день, читал бы и печатал. А тут больше спал. То ли весна, то ли что, но сплю, как суслик или сурок. Сном были отмечены и три дня праздников 8–10 марта.

Последний анекдот. На телеге едут гармонист и бабы. Бабы просят: «Вань, сыграй!» Тот растягивает меха, и в этот момент его нога попадает в колесо, он вскрикивает от боли: «Ой, нога!» И тут же бабы затягивают хором: «Ой, нога, нога!..»

14 марта

На работе то ли громкий ужас, то ли тихий, но ужас точно. И как его преодолевать? Последнее открытие учёных — с помощью музотерапии. В случае раздражительности — слушать «Лунную сонату» Бетховена, чувство тревоги следует снимать «Мелодией» Рубинштейна. Успокаиваться надо под «Аве, Мария!» Шуберта, а гипертонию снимает кантата № 11 Иоганна-Себастьяна Баха.

А вот как бороться против повышающихся цен на товары? Может быть, запеть старую революционную песню: «Смело, товарищи, в ногу, / Духом окрепнем в борьбе, / В царство свободы дорогу / Грудью проложим себе…»

И вперёд — в будущее.

20 марта

«Какой-то непроявленный жанр — мемуары. Как писать — не знаю» (Анна Ахматова). Действительно, как писать? О чём писать? То ли о погоде, то ли о самочувствии, то ли о коллизиях на работе?.. Будем продолжать делать солянку из того, и другого, и третьего…

А что происходит в мире? В Китае выдвинули лозунг: «Меньше детей, чтобы жить лучше!» Замбия стоит перед угрозой нашествия оранжевой саранчи. В Бразилии — новый президент Жоао Батиста Ли Оливейра Фигерейжу, хороший кавалерист, предпочитающий «запах лошадей» «запаху народа», как вычитал я по ТАССу. В Италии по улицам ходят леваки с угрожающим кличем: «Один, сто, тысячи Альдо Моро!» То есть хотят убивать и дальше… В Чаде мусульманская резня: беременным женщинам вспарывают животы, мужчин кастрируют и сжигают живьём, вливая в рот бензин и затем поджигая, превращая людей

в живые факелы. У нас всё иное, благостно-спокойное. На биробиджанской швейной фабрике состоялась премьера спектакля по книге Леонида Ильича «Возрождение». И сразу вспоминается «Борис Годунов» на идише: «Азохен вей, бояре...»

В последней энциклике папы Павла Иоанна II говорится, что молодым государствам и нациям вместо хлеба и культурной помощи предлагают в изобилии оружие и средства уничтожения. А потом мир удивляется событиям в Заире и Чаде, Йемене и Эфиопии...

Доставил удовольствие концерт французской эстрады «Если нет у тебя любимой профессии, люби ту, какая есть... Если нет любимой женщины, люби ту, какая есть», — пел в одной из песен Жильбер Беко. И другая песенка о позе и браваде, которые приходится поддерживать днём, а вот «ночью другое дело»: ночью можно быть слабым и несчастным... Как всё это контрастирует с нашими песнями, с чересчур бодрыми или чрезмерно мармеладными. Типа «Дел немало вокруг, / Мне повсюду найдётся работа...» или: «Хоть поверьте, хоть проверьте, / Но вчера приснилось мне, / Будто принц за мной примчался / На серебряном коне!..» И, наверное, у коня была кличка: Коммунизм!

30 марта

(Необходимый комментарий спустя 31 год. Это было время застоя и несвободы, когда многим мыслящим и творческим людям было очень трудно себя реализовать. Отсюда уходы в алкоголизм, в тоску, в постоянные депрессии и ещё бог знает в чего. Болезни, ранние смерти, самоубийства. Лично я в то время спасался самообразованием и писанием «в стол», я готовил себя к будущей писательской профессии, даже многие дневниковые записи — это некая литературная кухня, поиски и шлифовка стиля. Можно сказать даже так, что я не только следовал принципу «Сказал и тем облегчил душу», но в своих дневниках и развлекал (и отвлекал!) сам себя. Так появилась идея Анкеты-79: придумать вопросы и ответить на них. Никто в те годы интервью у меня не брал. Ах, нет? Тогда — самоинтервью. — 1 марта 2010 г.)

— Какие три книги вы хотели бы иметь, оказавшись на необитаемом острове?

— Екклесиаст, «Жизнь Арсеньева» Бунина и «Что-то случилось» Хеллера.

— Если бы был домашний экран, какие бы фильмы вы крутили чаще всего?

— «Неоконченную пьесу для механического пианино», «Зеркало» и «Великую жратву».

— Вас назначают главным режиссёром театра. Кого бы вы пригласили в свою труппу?

— Женский список: Терехова, Неёлова Чурикова, Гундарева, Коренева, Фрейндлих, Федосеева-Шукшина, Гурченко, Анастасия Вертинская. Мужской состав: Калягин, Леонов, Любшин, Смоктуновский, Козаков, Гафт, Боярский, Богатырёв, Табаков, Высоцкий, Броневой, Андрей Миронов, Никита Михалков, Ширвиндт, Басилашвили…

— С чем бы сравнили человеческую жизнь?

— Жизнь — это театр, так считали Шекспир и Бальзак. Жизнь — кинематограф, утверждал Юрий Левитанский. А я говорю: жизнь — это цирк, где ходят по проволоке и подают клоунские репризы…

— Есть ли в жизни счастье? Если есть, то как вы понимаете его?

— «О, счастье мы всегда лишь вспоминаем…» — писал Бунин.

«Рай — это потерянное», — сказал кто-то другой. Счастье — это вечно недостижимое, неуловимое, эфемерное. Словом, что-то вроде механического зайца. За которым мы обречены вечно бегать…

— Чего вы больше всего боитесь в отношении самого себя?

— Боюсь быть сытым, грузным и самодоволь-

ным.

— Если бы вам представилась возможность начать всё сначала, какую бы профессию вы избрали?

— Столяра или гравёра. Делал бы табуретки — просто и хорошо, а главное — нужно. А ещё занимался бы спортом: бегал, подавал, прыгал… Увы, несбыточное желание: постоянно двигаться и ощущать мышечную радость…

— Чья жизнь замечательных людей близка вам по духу, по поступкам?

— Эразма Роттердамского, Кьеркегора, Шопенгауэра, Кафки и Бакунина… меня привлекает свобода мышления Эразма. Одиночество и творческий экстаз Кьеркегора. Презрение к массе Шопенгауэра. Интеллектуальное визионерство Франца Кафки. Вечный бунт Бакунина.

— Обладая «машиной времени», с кем бы вы хотели встретиться, чтобы поговорить, о чём-то узнать?..

— Со многими. Хотелось бы пообщаться с такими титанами мысли, как Сократ и Лев Толстой. Поговорить на тему «Государство, герои, народ» с Цезарем, Макиавелли, Гегелем и Бердяевым. О социальном устройстве мира — с Марксом, Лениным, Хаксли и Троцким. С великими за-

воевателями — Александром Македонским, Чингисханом и Наполеоном Бонапартом. Выяснить, что испытывали великие чувственники — Казанова, маркиз де Сад, Пушкин и Оскар Уайльд. Услышать пророчества Александра Блока, исповедь Марины Цветаевой, затаённую печаль Чехова, страсти Михаила Врубеля…

— Если бы мир не имел границ, то какие страны и города вы посетили бы в первую очередь?

— Францию и Англию, Японию и США… А ещё Рим, Флоренцию, Рио-де-Жанейро, Иерусалим, Гонконг, Стамбул…

— Что вас больше всего угнетает в современной жизни?

— Стандартизация в укладе и в мышлении. Ещё монотонность, а также скученность, теснота, шум…

— Считаете ли вы, что человек — венец природы?

— Какой венец? Когда он — раб. И дни его, как сказано в Книге Иова, «бегут скорее человека и кончаются без надежды».

— Какие чувства вы испытываете, когда видите телекадры из «горячих точек планеты»?

— Одна и та же мысль посещает меня: мир безумен, и безумны люди, живущие в нём.

— Что ждёт человечество в 2000 году?

— Надо добавить: если человечество ещё будет… А так — ничего хорошего.

— Ваш идеал старости?

— Коттедж на берегу моря. Молчаливый слуга. Громадная библиотека. И тишина…

— Как вы относитесь к смерти? И что такое смерть?

— Смерть — это страшно… но вместе с тем и интересно, а что там дальше? А вообще, «Смерть — это море, как сказал Манрике, море и ничего более» (Мигель Отеро Силва).

— «Старику снились львы», — писал Хемингуэй. А что снится вам?

— Я редко вижу сны. А если вижу, то сразу их забываю. Сама жизнь — это кошмарное сновидение, абсурд и пошлый канкан. Хотя временами она прекрасна. Как там у Блока? «Сотри случайные черты, и ты увидишь: мир прекрасен…»

2 апреля

Интересное признание сделал Линский. Разговор зашёл о тех, кто выезжает на Запад и плохо там приспосабливается. Боря сказал с предельной откровенностью: а я ведь ничего не умею, ведь меня и всех лишили инициативы, лишили права думать и выбирать: вся жизнь, как тележка по

рельсам, катится и катится: школа, институт, работа, женитьба, дети, пенсия…

Пошла 4-я неделя без солнца. Нет его. То ли крокодил «наше солнце проглотил», то ли закатился наш шарик в другую галактику, то ли что, но нет солнца. Висит в небе огромная серятина и давит…

5 апреля

Из листов ТАССа «для служебного пользования»: в тюрьме Равалпиди повешен 51-летний бывший премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто. «Я родился для того, чтобы создать государство, чтобы служить народу», — писал он. Эрудированный, с изысканными манерами, эмоциональный и эгоистичный, он думал и публично заявлял, что он — единственный человек, который может руководить Пакистаном…

А в КНР после периода либерализации, как пишет французская «Монд», возврат к классической схеме, где политические инакомыслящие приравниваются к преступникам, а то и к умалишённым…

«…Мы не в состоянии забыть гротесковый танец лояльности, нескончаемые ритуалы изъявления верноподданнических чувств, утренние молитвы, вечерние исповеди, митинги, собра-

ния, — всё это, сдобренное густым религиозным соусом обожествления великого кормчего…» (Кантон, дацзыбао).

Но в нашем мини-мире, главредакционном мирке, раздаются возгласы «Уволю!», слышатся удары кулаком по столу и по коридору разносится запах mierda. Заведующие отделами трясутся от страха и в свою очередь готовы сожрать подчинённых. Неожиданно Макс покатил бочку на меня, причина — внештатник Фонберштейн, которого он, как густопсовый антисемит, терпеть не может. От Фона на меня. Эх, дать бы Максу по морде, но невозможно — прощай, Комитет и положение. Поэтому вытирайся и терпи. Настроение наихреннейшее. Во попал!.. Одна радость: после долгого перерыва блеснуло солнце. Неужели просвет?..

9 апреля

Снова запойно читаю. Новый романчик Галины Башкировой «Рай в шалаше, или Татьянин день». Много социального, но мало художественного — «спелёнутая своей благополучной жизнью, словно египетская мумия» (т. е. без свободы). Увы, всё это не Бунин, пятый том которого я упоённо прочитал. У него всё осязаемо, живописно, с откликом в душе. Например: «а потом я опять

поднялся в церковь и долго глядел в узкие окна на буйное и дремотное волнение сосен» (из рассказа «Несрочная весна»). И сразу видишь эти сосны, слышишь их шум. А в современных романах есть информация, но нет эмоций… Сейчас читаю «Заблудившийся автобус» Стейнбека…

Макс накопал на меня компромат: несколько вымышленных вопросов радиослушателей (увы, в угоду нашей же пропаганде), и теперь грозит наказание в диапазоне: от осуждения до партийного выговора. Самое страшное то, что бочка покатилась тогда, когда я внутренне для себя решил уйти из Латиноамериканской редакции в другую, подальше от Бабкена и Макса. И вот замаячило своё Ватерлоо.

11 апреля

В ночь на 10-е почти не спал. Будучи человеком повышенно эмоциональным, я все события переживал внутри себя и «проигрывал» возможные последствия. Представлял себя бездомным безработным, ночующим под Большим Каменным мостом. И прочая чушь возникла в воспалённом мозгу… В редакции я слыл фрондёром, и вот пришло время ответить за это. От фаворита до оппозиционера — таков был мой путь за последнее время… Первое наказание: отзыв моей характе-

ристики из парткома Иновещания на поездку во Францию в сентябре… И что мне теперь делать? Рвать на себе рубаху, убиваться, выть в голос? Ясно одно: надо уходить. Но куда?..

Князь Парфений Енгалычев в книге «О продолжении человеческой жизни, или Средство, как достигнуть можно здоровой, весёлой и глубокой старости» (1804) даёт такой совет: «…Убегай сильных страстей… Злоба и ненависть истощают жизненные силы… С молодости приучай себя к кротости и равнодушию…»

12 апреля

Ломаю голову над выбором: уйти в туманную неизвестность или судорожно ухватиться за зарплату в 210 рэ (Саша Литвинов: «За 210 можно и Швейка поломать!..»). Решил: уйти и написал заявление «по собственному желанию». «У вас есть работа?» — мрачно спросил Банан. «Нет, — ответил я, — но буду искать»…

День космонавтики. И тоже незадача: не вышла стыковка, и космонавтов Николая Рукавишникова (мой ровесник, с 1932 года) и болгарина Георгия Иванова отправили на Землю. И вместо триумфа и помпы — горечь и разочарование…

Чтобы улучшить настроение, секретарша Наташа врубила плёнку с песнями Джо Дассена.

Люксембургский сад, в котором я хотел побывать, и вот он удалился от меня. Растворился. Исчез…

13 апреля

В редакции, по словам Алехандро, происходит агония режима. По заданию главного на роль Малюты Скуратова назначен Федонин, и пошла волна объяснительных записок по поводу каких-то ошибок и промахов. Воздух насыщен репрессиями… Господи, неужели я вырвусь на свободу?.. Сижу на телефоне и обзваниваю всех, кто мог бы чем-то помочь или что-либо посоветовать. Витя Черняк философствовал: мы белые вороны, слишком интеллектуальные, слишком рафинированные, слишком бросающиеся в глаза, а масса этого не прощает…

Несмотря на треволнения, продолжаю читать. Воспоминания Пабло Неруды «Признаюсь: я жил». Много серьёза, но много и интимного, личного. «Воздушные трусики с дарственной надписью Крузи и её слезами долго путешествовали со мной по миру, затерявшись меж белья и книг. И не знаю, когда, каким образом и какая нахалка ушла из моего дома в них…»

Так что улыбнитесь, капитан! И держите улыбку!..

16 апреля

Из-за моего ухода расстроился Серёжа Бельдинский: «Кто же остаётся?» Нина Киселёва в крик: «Юр, не уходи». Но всё уже решено. Как писал Евтушенко:

Вся жизнь – борьба с болотом.
Измотан, как и все,
Я брежу поворотом
На чистое шоссе.

В субботу взвесился — 69 кг. Вот цена моих нервных трепыханий. Бороться — хорошо, но быть мёртвым героем не хочется.

Многочисленные звонки в поисках работы. Говорил и с Андреем Тарковским — 20 минут с великим режиссёром. Он разговаривал весьма просто, без намёка на выпендрёж. «Но что я могу? — сказал Андрей. — На „Мосфильм“ идти не советую, оттуда все бегут на телевидение, там можно работать, а у нас, на „Мосфильме“, одни жулики. Да и работа администратора тебе не подойдёт, я ведь тебя помню, не с твоим характером этим заниматься. Единственная возможность работы — редактор: и деньги дают, и делать нечего (правят текст сценаристы). Но должности все заняты. Вот приедет в конце недели один

человек, — и я у него узнаю…» — так говорил Тарковский.

Позвонил Саше Стрижеву, старому студенческому товарищу. Он обрадовался звонку. «Работа? — воскликнул Стриж. — Да это пустяки, засунем тебя в любое место, вот тут была вакансия в журнале „Рационализатор и изобретатель“… Всё это чепуха — звони!» — говорил Саша весело и беззаботно, словно найти подходящее место не составит никакого труда. И ещё добавил: «Будешь сидеть в тепле, где-нибудь в издательстве или тонком журнале, да ещё книжечку напишешь». Эх, его устами да мёд пить…

Много чего я наслушался, к примеру, Фаина по поводу отношений с начальством сказала: выпьешь седуксена и идёшь к нему, к проклятому… Лично я не пью седуксен и ничего подобного, я успокаиваю свои нервы чтением книг. Последняя — «История нравов» Эдуарда Фукса. Одна лишь цитата: «Проехать вдоль и поперёк всю страну Нежности, прежде чем въехать в его столицу Наслаждения…»

Комментарий 31 год спустя. В дневнике тогда записано подробно, кому звонил, с кем договаривался, кто сочувствовал, кто равнодушно отворачивался и т. д. Спустя годы это уже совсем

неважно и неинтересно. Лишь перечислю на выдержку, куда меня могла забросить судьба, но не забросила по тем или иным причинам. Журналы «Латинская Америка» и «Сельское хозяйство России», журнал «Советский экран» и издательство «Просвещение», газеты «Советский спорт» (была вакансия человека, занимающегося ватерполо) и «Труд» (было дано даже первое здание — написать о бригаде арматурщиков из Клина, которые жаловались в письме в редакцию, что хотят «работать хорошо», а им не дают). Было несколько вариантов внутри Комитета, перейти в другие отделы. Кадровик Кулаковский спросил: «А в Индию хочешь?» Но все варианты отпали…

23 апреля

Вчера была Пасха, она совпала с ленинским днём. Голубое небо, красные флаги, относительно тепло и рой людей возле церкви на Соколе. В субботу поехал на Ваганьково, с трудом купил живые тюльпаны в базарном море искусственных цветов. Поговорил с мамой. И тяжёлыми шагами пошёл прочь. На выходе неожиданно заметил небольшую скульптуру: ангел держит раскрытую книгу… Всё правильно. Только ангел может читать книжку Бытия и знать все события наперёд. Для нас, смертных и грешных, эта книга

— за семью печатями. И что нас ждёт впереди, ведает один Бог…

24 апреля

Вдруг мне в голову пришла фантастическая идея, совсем в стиле Остапа Бендера, пойти в Министерство торговли РСФСР, к министру Шиманскому, который был когда-то моим институтским преподавателем политэкономии. Его не оказалось на месте. Секретарша лукаво спросила, узнав, что я — журналист: «А вы что хотите: машину или гарнитур?» На мои удивлённые глаза ответила: «Все просят машину вне очереди или мебельный гарнитур». «Нет, — сказал я, — мне гамсуновские стулья не нужны…» Огорчённый невстречей, иду по коридору и вижу табличку «П.И. Куренков» — ещё один знакомый по Плехановке, комсомольский вожак. Я нахально вваливаюсь к нему: «Петя, не узнаёшь меня?..» Он моргает глазами. Узнал, но с трудом. Я ему: «Хочу совершить рокировку и вернуться обратно в торговлю каким-нибудь небольшим начальничком, что можешь предложить?» Он растерянно сказал, что подумает, а в этот момент Петру Ивановичу, на всякий случай — заместитель министра, принесли обед на подносе, под салфеточкой, из-под которой торчали аккуратно нарезанные зелёные

огурчики… Н-да, нас разделяли не только 22 года разных путей, но и различный социальный статус: он — крупный чиновник, а я — почти безработный журналист. И совсем ему не «Петя, друг!». Он приступил к трапезе: к пахучему супчику и хрупким огурчикам, а я вышел из дверей министерства на улицу, где начал накрапывать дождь.

30 апреля

Весна всё-таки прорвалась сквозь все преграды и препоны зимы. С утра +13. Слегка накрапывает дождь, но веет приятной тёплой свежестью. Проглядывается во дворе дымка, ещё немного — и деревья задёрнутся нежной вуалькой. Молодая поэтесса Кузовлева восклицает сегодня в «ЛГ»: «О, радость весеннего чуда: первый луч, первый лист, Первый май!..» И далее — «Ощущение первой удачи и предчувствие близкой любви». Для любви я уже староват, и хватит для меня Ще, а вот удача крайне нужна. Удачи и немного везения, хотя Фон уже утверждает, что я — везун, и так всё быстро устроилось, но «гоп» пока всё же не говорю…

Во время гуляний с Ще ведём бесконечные разговоры о нашем житье-бытье. Ще заявила, что давно надо было уходить с радио и заняться

чем-то стоящим. Но меня задержали 6 томов моего труда — Библии и 6 томов Календаря мировой истории, которым я отдал около 5 лет. Радио давало деньги, а вечерами и в дни отдыха я занимался любимым делом: печатал в стол. И соответственно, не чувствовал остроты тупика своей основной работы. А был, действительно, тупик. Радиожурналистика себя изжила. Плюс гнусная атмосфера разлагающегося Банана и все его возлюбленные «новации»…

3 мая

Читаю «Гамаюн» Орлова. И купаюсь в стихах Блока:

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеха мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

4 мая

Сегодня прощаюсь с моим верным и старым другом — пишущей машинкой «Олимпия», модель 8, произведённой в Эрфурте бог знает когда. Маленькая, компактная, чёрненькая и вдрызг старенькая. Служит мне около 10 лет. Сколько на ней я напечатал! А сколько заработал денег! Но

печатал не только радиопрограммы, но и подчас свои дневниковые записи, благо никто в комнате деликатно не замечал, чего это я там долблю одним пальцем…

А вчера прощался с комитетской библиотекой. Евдокия Ивановна, старая библиотекарша, разахалась: такой читатель уходит, такой любознательный, там много разнообразных книг брал читать… Мне было жалко справочно-информационной службы, жалко буфетов, где за чашечкой кофе можно было комфортно поболтать и поругать начальство. Было много хорошего, но и много постылого… Печальная весть: 1 мая зубной врач Римма Ивановна покончила с собой, выбросившись из окна. Такой вот радикальный вариант: кончить все неприятности и невзгоды разом… На 52-м году жизни умер писатель Виль Липатов. Тоже отмаялся… Но нам рановато. Нам надо ещё побороться.

Позвонил Тарковскому. Андрею было очень неудобно, что ничего не получилось с «Мосфильмом». А Ще при этом, наверное, вздохнула с облегчением: актрисочки, амуры-зефиры…

9 мая

8-го числа отправился в редакцию газеты «Лесная промышленность» на улицу 25 Октября,

бывшая Никольская, 17. Здесь раньше была гостиница и ресторан. Здесь жили и обедали Чехов, Стасов, Чайковский, Глеб Успенский, Римский-Корсаков и другие знаменитости… Прихожу в редакцию, ответственный секретарь Лев Чекалов встречает: «Вы к нам уже пришли?» Отвечаю: «Пока нет приказа в Комитете…» Всё дело в том, что зам. Лапина Евстафьев не подписал приказа обо мне, вдруг осознали, что лишаются квалифицированного работника за здорово живёшь, из-за каприза и взбрыка Бабкена… Так ничего толком не добившись, отправился из Комитета в «Узбекистан», в ресторан на «прописку». Компания в шесть персон: и. о. главного Николай Лавров, зам. Павел Тизенгаузен, ответсек Чекалов, второй секретарь Петров, мой лоббист Фон и я. Стая или хунта, которая правит газетой. Съели 18 шашлыков по-карски, узбекских и бастурмы, разные салаты, выпили несколько кувшинов лимонной водички и три бутылки водки (не все оказались пьющими). Травили анекдоты (как общается умный еврей с глупым. По телефону… из Нью-Йорка!). Всё было демократично, без чинов и рангов… Лев Чекалов — фронтовик, ему 52 года, пишет пьесы и считает, что он лучше Вампилова.

10 мая

Ушёл из Радиокомитета и тут же пришёл в «Лесную промышленность» — старшим корреспондентом с высшим окладом по вилке 180 рублей. Итак, старший… был старшим бухгалтером, старшим редактором, теперь старший корреспондент. И тут же стал оформлять первую командировку в Абакан, на юг Красноярского края. Присматриваюсь к «лесным» людям, а они ко мне. Кто-то назвал меня даже «профессором»… Итак, после студенчества: бухгалтерия — журнал — радио — газета.

15 мая

Никак не могу приспособиться к новому ритму. В Комитете всё было регламентировано и упорядоченно: ранний приход, чтение ТАСС, летучки, прослушивания, печатание, редактирование, обед, кофе и т. д. Короткие выходы подышать воздухом. И всё. Можно было работать с закрытыми глазами. В газете всё иначе и всё непредсказуемо. Вольница. Чекалов с ходу дал мне свою пьесу-притчу «Дамский чай» (я зачислен в придворный штат ЧИТАЮЩИХ) и просил высказать своё мнение. Володя Петров посоветовал: «Забывай скорей свой концентрационный лагерь и привыкай к новому режиму».

Странное ощущение отпускника. Только вместо запада я еду на восток (а ведь маячила поездка во Францию от Комитета). Я как катаевский Ключик: «А он так часто о нём мечтал. Впрочем, кто из нашего брата, начиная от Александра Сергеевича, не мечтал о Париже?» Я тоже мечтал о Париже, а вот лечу в Абакан. Париж нам только снится.

27 мая

В прошлом году был ледяной май, а нынешний иной. Прилетел 23-го и попал в пекло. Всю дорогу шпарит плюс 29–31. В условиях Москвы это невыносимо. Вчера весь день писал и печатал. И вот передо мною 9 страниц машинописного текста. Я читаю и… ничего не понимаю: хорошо ли это или плохо? Не могу оценить по шкале требований газеты, в которой я «нониче» работаю…

ТАСС не читаю, радио не слушаю и толком не знаю, что происходит в мире. Новая жизнь… В былые времена сел бы и посмаковал поездку в Абакан, в Верхне-Томский леспромхоз, а сейчас не могу… Тяжёлая поездка, не то что две заграничные в 1973 и 1976 годах. Тут матушка-Сибирь. Тайга, чолдоны и зэки. Бррр!..

29 мая

Участвовал в совещании. Выступали ответ-

ственные товарищи со Старой площади (ЦК партии). Зарплата в стране растёт, а интенсивность труда снижается. В 5 раз увеличилось количество механизмов в сельском хозяйстве, а производительность никак не повышается. В лесной промышленности не удаётся перекрыть достижения по объёму заготовок 1939 года. В чём дело? — удивлялись ответственные товарищи. А за ответом надо обращаться к дяде Достоевскому. Он говорил о человеческой натуре…

3 июня

Всего трясёт. Меня со страшной силой завёл Фон своими разговорами о том, что в первый раз я должен «выстрелить» точно, что у меня только одна пуля и т. д. Пришлось делать четвёртый по счёту вариант очерка «Призвание: бригадир» (мой герой — Марианн Цибульский). А попутно стало выясняться, что «Лесная промышленность» отнюдь не тихая гавань, а такой же обыкновенный коллектив, то есть гадюшник, где процветает зависть, недоброжелательство, подсидка, анонимки. И я попал в жернов двух лагерей: правящей элиты и старой гвардии, для которой я — пришлый, чужой, выскочка, пришедший на смену здравствующего завотделом культуры Кузьмина. И что: покой нам только

снится? И вторая командировка: в Пярну на мебельный комбинат…

Николай Машков, ученик Бунина, говорил, обращаясь к Федину: «Всё тебе кажется вредно, Федя, но ведь самое вредное — литература». Так и хочется добавить, что из всех литератур самая вредная — это журналистика. Беготня и муки «ради нескольких строчек в газете».

11 июня

9-го, в субботу, в газете напечатали моего бригадира. Ще претерпела целые муки, доставая утром газету в киоске: «Лесная промышленность» в субботу идёт нарасхват… Вернулся из Пярну вчера, вместо официальных 8 дней на командировку затратил лишь 5. Чего-то, конечно, недобрал, но было мне как-то не по себе, и я скоропалительно укатил домой… В Пярну мучился от жары, а в Москве опять прохладно. Положение с новой работой меня угнетает…

13 июня

По поводу моего первого материала никто не жал руку: «Старик, как это здорово!» Но и никто не говорил: «Какая дрянь!» На очереди второй материал из Пярну и опять переживания… Может, не надо метать икру. Это не получается даже у

работников советской торговли: икры нет. Даже кабачковой, не говоря о зернистой. Поэтому спокойствие и сосредоточенность.

16 июня

Всё личное отошло на второй план из-за премьеры фильма Тарковского «Сталкер». Андрей сказал, что два билета на моё имя будут в списке у администратора. Подхожу к Дому кино, у окошка свара людей, какой-то вышибала хватает за руку актрису Теличкину: «Отходите! Вам отказали!» Приникаю к окошку я: моего имени нет в списке. Общая свалка. Крик. Наконец появляется Лариса Тарковская и приносит пропуска. Тут же у входа хватают Ще: «Куда вы, дама?!» Тарковский стоит на входе, рядом с контролёрами, и истошно кричит: «Это мои гости!» Жуткая сцена… Сам фильм — две серии — шёл 2 часа 40 минут, о нём напишу чуть позже. А пока скажу одно: мне очень понравилось. Картина отвечает на вопросы, которые я ставил в своей шеститомной ЮБиблии: что такое счастье? Что такое человек? Что внутри него?.. Для массы фильм слишком мрачен, главное, непонятен: зона, сталкер, разговоры. А вот эстеты повизгивали от удовольствия.

Сам Андрей выглядит ужасно. Иссохший старичок, с каким-то мертвенно-дебелым лицом,

неживыми усами и остановившимися, печальными глазами. Наверняка картину завернут. И что мои переживания с переживаниями Андрея…

23 июня

После молчания прорвало Вознесенского… «Я друга жду. Глухая сторона. / Жизнь ожиданием озарена…»

Два Андрея. Вознесенский и Тарковский. Две мои голубые зависти. Две звезды. Два укора… Вознесённые высоко-высоко. А когда-то ходили по одним школьным коридорам, сидели на одних партах, подавали одни и те же надежды. Но у них оказалась великая подъёмная сила, которая подбросила их вверх. А мой якорь (биография, фамилия…) удержал меня на земле…

Получил первый гонорар за хакасский вояж — 45 рэ. Потратил его на индийскую голубовато-сиреневую кофту (55 рэ). Ще на первое августа. И сижу на финбобах… Вчера впервые выступал в роли читчика в типографии «Красной звезды»: читал полосы субботнего номера. Про рулоны бумаги, молевой сплав, про целебные свойства черёмухи, про то, как метят белых медведей, и т. д.

30 июня

28-го Чекалов послал меня в «Интурист», ул. Горького, 5 (когда-то на этом месте была знаменитая булочная, и там я сидел в подвале и выводил месячные балансы). Пресс-конференция для иностранных и советских журналистов о том, как в рамках стран-членов СЭВ осуществляется охрана окружающей среды… Послушал академиков. Интересно. Дельно говорят академики. Оказывается, земная суша деградирует со скоростью 44 гектара в минуту. То есть всё исчезает, меняется, деградирует. Красные волки, чёрные журавли, лотос, орхидеи, меловые и пицундские сосны… Принято решение создавать «биосферные заповедники»… Задал вопрос о проблеме «Человек и лес». Академик Соколов ответил невразумительно. Вечером потел над информацией в 120 строк.

3 июля

Переживаю проблему питания на работе. И бутер брал с собой, и обегал все окрестности, но всё не то — не комитетская столовая. Грущу я, грустит мой желудок…

8 июля

У нас с Ще какая-то общая особенность: не умеем радоваться жизни, всё время нам мешают какие-то мелочи, как будто когда-нибудь будет

безоблачный период, без головной боли, без ноющей поясницы, без поломанной раковины и т. д. Вера Павловна предупреждает, чтобы я не говорил Ще, что она себя плохо чувствует, а Ще в свою очередь просит меня, чтобы я не сообщал Вере Павловне, что она чувствует неважнец. Но и я не могу ничем похвастаться… Никак не прилажусь с обедом на работе. То где-то схватишь творог, то сосиски, то выпьешь кофе-бурду… Набьёшь живот, отяжелеешь, и даже читать трудно, и в половине десятого тебя уже нет. Спишь. Разве это жизнь?..

Какие ещё новости? Умер Всеволод Бобров, «Шаляпин русского футбола», 57 лет. Погибла Лариса Шепитько, 41 год, фильм которой «Восхождение» нам никак не удаётся посмотреть с Ще. Повстречал тут Колю Меркулова, увы, уже пенсионер. Выглядит жутко: отработанный материал. Да, он пил, курил, но дело, наверное, не только в этом, а в этой жуткой давильне под названием ЖИЗНЬ…

Наступает век страха, — пророчествуют на Западе, впереди «Освенцим 2000 года».

В работе «Упадок современного мира» (Кембридж, 1978) Дж. Синай пишет: «Некомпетентная и безответственная правящая верхушка, погрязшая в иллюзиях и бессмысленной риторике

интеллигенция; средний класс заглатывает упакованные для него порционные удовольствия и ещё не понимает, что он одурачен; рабочие, зажатые в тисках сводящей с ума рутины и социального отчаяния; молодёжь, отвергающая общество и не видящая никакой реальной ему альтернативы» — таков на сегодня современный капитализм.

Неизбежные циклы развития: зарождение, рост и падение.

11 июля

По заданию редакции хожу по Министерству культуры РСФСР, пытаясь выяснить, что сделано по призыву Смоктуновского «Труженикам села — достижения культуры». Начальник музыкальных учреждений Макаров встретил меня вальяжной улыбкой: «Прессу мы всегда приветствуем». Говорю с людьми, смотрю постановления, всё тонет в бумагах. А вчера мне предложили интеллигентную взятку: «А не хотите ли в нашем просмотровом зале посмотреть итальянский фильм?» Я не отказался и посмотрел ленту «Человек на коленях» о том, как некто честный Нино бился против мафии… После министерства забежал в редакцию. Б. и К. мило распивают бутылку, чувствуется, не первую… Как много кругом пьют!

Как будто каждый находится в социальном тупике: ни надежд, ни перспектив… Р., человек с 5-м пунктом, говорит: «Куда я пойду с такой фамилией и с таким носом?..» По Иосифу Уткину: «Если у Мотэле что и большое, то это только нос…»

Пытаюсь связаться с Тарковским, он всё время занят. Он мне нужен, но я-то ему не нужен — вот в чём горькая истина…

По «Немецкой волне» интересное интервью с Владимиром Максимовым, «упрямым аутсайдером советского общества». Более 4 лет, как он живёт на Западе. Он заявил, что, попав на Запад, он больше потерял, чем приобрёл. Потерял среду, языковую стихию, горделивое сознание противоборства с системой. «Мы бежали от лжи и насилия, а попали в общество, где есть ложь и насилие…» Левых интеллектуалов Максимов называет «носорогами» (по Ионеско)… Очевидно, эмигрантский хлеб белый, но он застревает в глотке…

22 июля

Вчера с Ще ездили в Трёхгорку. В лес. Он пропитан грибной свежестью. Росисто. Ще собрала букет полевых цветов. Приехали и навернули по тарелке горохового супа с грудинкой (высшее достижение В.П.), легли спать и… море блаженства.

Нет, иногда жизнь бывает прекрасной, если жить по-животному, отключая высокие претензии духа. Прав Евг. Богат, когда в одной из статей писал: «Из всех искусств жизни, может быть, самое трудное и самое нужное — искусство ПРОСТО ЖИТЬ, радуясь жизни как чуду и чувствуя себя должником даже на самые тусклые и малоприметные отсветы этого чуда».

26 июля

Сегодня удалось нормально пообедать в издательстве «Московский рабочий», у Черняка (куриная лапша, отварная севрюга, смородиновый кисель — всего за рупь). Вот она, система привилегий. И есть что поесть, и чистенько. А кругом коловращение свиней… Вчера с Ще пошли в овощной за картошкой. Картошки нет. Стоит очередь: ждут, когда расфасуют. Стоим. 20 минут, 30, 40, 50. Все стоят спокойно, как мулы. Мы не выдержали, плюнули и ушли…

Слушаю «голоса». Чего только не говорят. И о микроволновом облучении американского посольства в Москве, и о судьбе пропавшего шведского дипломата Валленберга, и о прошлой ядерной катастрофе в Кыштыме, под Челябинском, и о сборнике «Метрополь». Предрекают нашей стране самое тяжёлое десятилетие в исто-

рии последних лет…

4 августа

Сижу за своим столом. Закат солнца. Тёплые лучи освещают соседний дом. Окно наполовину зашторено. На столе горит лампа. Ще домовито суетится, убирается, создавая уют. Дребезжит «голос» из Вашингтона. Я сижу и стучу на машинке. Завтра воскресенье, свободный день, и от этого настроение какое-то умиротворённое… На первое августа Ще написал строки:

Тридцать девять, тридцать девять –
Стук в ушах и снова стук.
Может, этому не верить?
Может, это лишь испуг.

Испугалось просто время
И нащёлкало года.
Кость сюда – и вот уж бремя.
Нет уж, дудки! Никогда!

Никогда я не поверю
В эти глупые года.
Тридцать девять… сорок девять…
Всё равно я МОЛОДА!

Как бы монолог Ще, и она от него в восторге. И не как филологиня, а как простая школьница… В честь дня рождения выпили целую бутылку румынского вина «Старый замок». Объелись мясом и овощами, а на десерт — мороженое с малиной. Разбирали фотографии и вполглаза смотрели футбол. «Очень мило, — сказала Ще по поводу своего дня, — я довольна».

…Если говорить о новой работе, то она не абстрактная, как на радио, а какая-то жизненная. Приходящие в редакцию жалобы я направляю в обкомы профсоюза для принятия мер. И вот приходят ответы: работнице «Тайшетлес» Кошмаковой выдали ордер на жилую площадь… начали ремонтировать дом, где живут рабочие Выксунского леспромхоза объединения «Горьклес», подвели фундамент, заменили нижние венцы… Вот оно, великое влияние прессы, действенность печати. То есть небольшая польза, которую приносишь людям. Не полоскаешь им мозги, не вешаешь лапшу на уши, а оказываешь практическую помощь. Пусть крохотную, но помощь… А ещё в газету косяком приходят стихи. Ужасные. Приходится деликатно давать их авторам «отлуп».

9 августа

Билет на поезд не достал и лечу самолётом (Як-40) в Вологду в командировку. Куча заданий, в том числе побывать на заседании центрального кулинарного совета Союзлесурса Минлеспрома СССР. По следам Хазанова в кулинарный техникум!..

13 августа

Проснулся в гостинице «Северная» под развилистое радио:

Что б ни случилось, я к милой приду
В Вологду-гду, в Вологду-гду…

Утюжил город, а он по-прежнему деревянный, избяной и, как писал Николай Рубцов:

Тот город зелёный и тихий
Отрадно заброшен и глух.

16 августа

Наслушавшись в городе разных разговоров о Рубцове, взялся за перо и тряхнул стариной. «Памяти поэта»:

Его уж нет… Он беззащитен
От злых, недобрых языков.
От тех, кто по-мещански сытен,
Кто говорит: «Он был таков…»

Да, был таков. Возможно, пьяным.
Бездомным. Странным чудаком,
Что по утрам вставал так рано,
Чтобы оставить отчий дом.

Он так любил родную землю,
Её природу и леса.
Он одного не мог приемлеть:
Игру в пустые словеса.

А что он пил и не был гладким,
Ершистым и ещё каким,
То мемуарные нападки,
Они развеются, как дым.

Исчезнут гнусные наветы.
Уйдут в небытие грехи.
Останутся его заветы,
И будут жить его стихи.

Их будут пить, как из колодца
Живую воду родника…
А в каждой капле сердце бьётся.
И в каждой капле есть тоска…

17 августа

На чёрной «Волге» отправились в Череповец, а потом в посёлок Суда. В местном клубе много пьяных. Один пьяненький вологжанин приставал к женщине:

— Мамочка, у тебя есть дача?

— Есть.

— А мотосикл?

18 августа

В городе Сокол побывал на «Празднике на вашей улице» с песнями и плясками. Узнал, как «Перевоз Дуня держала…». Обед в столовой Сокольского бумкомбината, которая борется за получение «паспорта санитарного благополучия» (?). Обратно добирался в Вологду вместе с культработниками на автобусе и решал сложную проблему: пригласить ли рядом сидящую 20-летнюю Галю из Великого Устюга в кино или не пригласить. Она ни разу не выезжала из области и смотрела восхищёнными коровьими глазами на московского журналиста. Очень хотелось пощупать эту «курочку», погладить её руку с золотистым пушком и нырнуть в вырез на платье, где колыхалась нежная бархатистость молодой груди. И всё же я удержался: не погладил и не пригласил. Твёрдой походкой отца Сергия я ушёл от вологодской мадонны и направился в

гостиницу, чтобы почитать молитву:

«Господи, Боже наш, даждь нам, ко сну отходящим, ослабу души и телу и соблюди нас от всякого мечтания и тёмныя сласти, устави стремление страстей, угаси разжение восстаний телесных…» (Василий Белов, книга «Кануны»).

20 августа

Интересной вышла встреча в филармонии с Иосифом Яковлевичем Длугачом, который 44 года работает в вологодской культуре. Выдал мне крик души. Он страстный поклонник серьёзной камерной музыки и ненавидит современную эстраду, но народ, к сожалению, валом валит именно на эстраду. «Культура когда-то была наравне с хлебом, — кипятился Длугач, — но сейчас это поколение вымирает… Сегодня что творится? Кругом не артисты, а электромонтёры, у них вся сцена в проводах!..» Длугач схватился за голову и потащил меня на улицу: «Смотрите, построили рядом туалет, я сто раз обращался к главному архитектору: что за безобразие? А он в ответ: для меня туалет и филармония всегда стоят вместе. Скажите: как можно так работать?!.» Длугач не успокаивается и продолжает дальше: «А артисты, особенно из Москвы, с ними всё сложно. Капризны до невероятия. Спрашивают, какая гостиница,

куда выходят окна, какие занавески… Приезжают только мои друзья, вроде Эмиля Гилельса..»

4 сентября

Вчера было представление нового главного редактора газеты: Алексеев из сектора печати ЦК. Первое, что он сделал: высказал идею ремонта редакционных комнат…

Тут на днях заходила соседка. Разговор зашёл о гречке. Её нет. Соседка выдвинула свою версию: «Всё Вьетнаму даём, а он нам слонов». Нет, кажется, у нас и со слонами туго, по крайней мере, по улицам ещё не водят. Но меня, как сластёну, волнуют больше кондитерские изделия. И что я вижу? В магазинах такой шаром покати, что только диву даёшься. В какой Бермудский треугольник исчезли грильяжи, мишки на Севере и мишки косолапые, всякие там зефиры, пастила, мармелады, лимонные дольки, клюква в сахаре и прочее. Заодно провалились в преисподнюю всевозможные печенья, сухари, сушки. Караул — да и только.

8 сентября

В дневнике, кроме наблюдений о жизни, говорил Бунин, надо «записывать цвет листьев, воспоминание о какой-то полевой станции, где

был в детстве, пришедший в голову рассказ, стихи… Такой дневник есть нечто вечное». Следуя совету классика, посмотрим в окно. Деревья ещё зелёные. Жёлтых и красных листочков ещё мало. Небо пасмурно-серое. Сеет дождичек. Температура +11.

Сонная заводь времён Лаврова прошла, редакция вступила в полосу бурливых вод и штормовых ветров Алексеева. Все вовремя приходят на работу, в отделе информации не распивают портвейн… Я сбежал от одного реформатора, а попал в объятия другого. А может, завязать с журналистикой (Тютчев писал: «Ах, писание страшное зло, оно как бы второе грехопадение бедного разума») и податься в торговлю, ближе к товарному раю? Словом, мысли приходят всякие…

9 сентября

Все живут по-разному, исходя из своей физиологии, психического склада, нравственных установок и, наконец, от исходных, стартовых позиций (семья, среда и т. д.). Покойный Жарков, Самолётов и Блиев — гедонисты. День, когда выпита бутылка и обнята женщина, — для них день не потерянный. Их не интересует карьера, их волнует жизнь. Карьеру и удовольствия пытается соединить Х. Люди типа Фомина нацелены

исключительно на карьеру, к вершинам которой они идут, сомкнув зубы и не глядя под ноги. Для подобных типов личное — дело десятое, главное — престиж, самоутверждение, схватить как можно больше власти. Есть люди, которые тоже бьются за жизнь, но их цели приземлённые: лишняя десятка к зарплате, лишний квадратный метр жилья, ни о чём большем они не помышляют. Таков Антонов и миллионы других маленьких людей, беззаветные труженики, социальные аутсайдеры. А есть ещё категория, которые уклоняются от борьбы и довольствуются малыми достижениями. Таков Р. Ну, защитился, а дальше двигаться не надо, дальше все силы идут на экзотические увлечения: НЛО, парапсихология, найти «духовный центр ясновидения» в середине лба (третий глаз), чтобы заняться «духовной стрельбой из лука». Всё мило и развлекательно. Исключительно чтобы потешить самого себя…

Ну, а чем себя тешу я? В отсутствие социального и творческого продвижения вперёд? Дневник, шесть томов ЮБиблии, шесть томов мирового календаря — гигантская работа. Дивиденды? Никаких. Но с другой стороны, Оскар Уайльд утверждал: «Ненужные вещи в наш век единственно нам нужны».

14 сентября

Продолжают поступать отклики на мою статью «Муза не спешит в тайгу». Руководитель Росконцерта Басов дал указание концертным организациям Карелии, Башкирии, Архангельской, Пермской и других областей обсудить статью и представить план мероприятий по культурному обслуживанию работников лесной промышленности.

20 сентября

Сегодня в газете вышел мой почти поэтический материал «Молчит и млеет лес высокий», где подобрал стихотворные строки о природе и лесе. Реакция в редакции — молчание, молчат, как брёвна…

Юрисконсульт из Союза журналистов Шульман дал Антонову справку, что в его материале нет плагиата, а небрежное использование. На что Володя прослезился: «Почему мне в трудную минуту помогают только евреи, а не русские, почему?..»

Готовлюсь к командировке в Ленинград, связанной исключительно с театром. «Культуришь», — как кто-то сказал. Поэтому листаю журналы «Театр», «Театральная жизнь», подковываюсь… Солисты покидают родину. Леонид

и Валентина Козловы ушли из Большого. И уже появилась шутка: на Западе — балет, а у нас — кордебалет.

30 сентября

Командировка в Ленинград заняла 6 дней вместо 7 положенных. Привёз три материала (обзорную статью о театральном сезоне, интервью с Алисой Фрейндлих и материал о народном театре Приозёрского целлюлозно-бумажного комбината). Приехал, а мои надежды стать заведующим отделом культуры рухнули, отдел слили с информацией и завом назначили Гоги Надарейшвили. Пошли глобальные перестановки, увольнения и чистка… Пишу материалы и бегаю по магазинам. Достал мясо, подсолнечное масло, зубной порошок. Всё в очередях, всё в нервных пререканиях. Как поётся в одной пьесе: «Хватайте, хватайте, / Хватайте всё на свете…» Отсюда москвичи — герои книг Юрия Трифонова, по мнению критика Золотусского: «Все они износились и несколько ожесточены».

6 октября

В новообразованном отделе мой визави — писатель Николай Поливин, самый настоящий писатель, натурель, на столе держит справочник

Союза писателей СССР. Про себя говорит: «Когда я был на большой должности, подчинённые чечётку на пупке плясали…»

Комната проходная. Шум, споры, люди, ворох бумаг. А ещё Антонов вчера весь день насиловал телефон, обзванивая магазины: «Это 58-й? У вас гвозди есть?.. Нет? Извините…» Это в первой половине дня, а во вторую: «38-й? Боржом есть?.. Извините…» Терпелив, как муравей. О себе Володя сказал так: «Хоть я пишу и плохо, но в душе я — журналист». Ещё один отделец Вохмянин заявил: «Нам надо сейчас выжить, а потом разберёмся». И вот «выживаем». Всё гудит, как в Смольном… Перед главным поставлена задача: выйти на полумиллионный тираж (сейчас газета выходит тиражом 310 тыс. экз.). Алексеев выдвинул лозунги: «Дисциплина доверия» и «Творческая предприимчивость». Ох уж эти слова…

8 октября

Закончил ленинградские воспоминания о поездке. Иначе — всё забудется. Приведу только выборочные места. А написал 15 страниц через полтора интервала. Итак:

«24 сентября. Приехал на Московский вокзал, уверенно пошёл в сторону Невского, оказалось, что не туда… в гостинице „Приморская“ на меня

ни брони, ни заявки. Бросился выяснять. Какой-то гостиничный бог встретил в штыки: „Ах, журналист, знаем мы вас! Был тут у нас Ваксберг из „Литературки“, очень нехороший человек“. И начал мне рассказывать про Ваксберга. Отвечаю: „Я не Ваксберг и не Рабинович, я совсем другой“. С трудом добился номера на 14-м этаже… С билетами в театр оказалось проще: всё заранее обговорено, и кассирша мгновенно откликается на фамилию Сезам-Безелянский.

25 сентября. Встреча с завлитом БДТ Дорой Морисовной Шварц. „Вы историю лошади у нас видели?“ — „Нет“. — „Ну, как же так, батенька!“ И тут же звонит в кассу. Кассирша: „Вы в очках? Тогда вам поближе“. Так я попал на „Историю лошади“, на суперспектакль. Блестящий актёрский ансамбль (Лебедев, Басилашвили, Штиль и другие).

26 сентября. Посещение Русского музея. Малевич, Шагал, Серебрякова, Лентулов… Спектакль в БДТ „Городок“ Торнтона Уайлдера.

27 сентября. Встреча с директором Театра им. Ленсовета Владимиром Венгеровым. ВТО. Журнал „Нева“. В Александринке не застал ни Вивьен, ни Горбачёва. Вечером спектакль „Укрощение строптивой“ (замена „Дульсинеи Тобосской“).

В антракте между действиями попадаю в гримёрную Алисы Фрейндлих. Быстрое интервью и сияние огромных зеленоватых глазищ. Я покорён…

28 сентября. Жуткий ветрило. По Блоку: „Дикий ветер стёкла гнёт, ставни с петель буйно рвёт“. Фото на фоне колонны Монферрана и встреча с завлитом Пушкинского театра Мариной Вивьен. Когда я шёл к ней по тёмным коридорам, на меня сумрачно взирали великие трагики и комики: Каратыгин, Варламов, Давыдов, Асенкова… Вивьен жаловалась: „Одолели авторы: приходят читать по штуке в день…“

Подкрепившись в кафе на улице Ракова (бывшая Итальянская), пошёл в Эрмитаж. Всё увидеть невозможно, поэтому был предельно избирателен… У рембрандтовской „Данаи“ остановились три колхозницы.

— Да что же это такое? — вопрошала одна.

— Что-что? Да лезет он к ней, — уверенно отвечала другая.

— Может, смерть? — засомневалась третья.

— Какая смерть! Хочет залезть, вот и всё!.. — отрезала первая жительница села, прекрасно знающая, что такое мужик и что он хочет от бабы.

29 сентября. Последний день. Обзорная автобусная экскурсия. Самостоятельно по набережной Мойки, дом Пушкина, Летний сад… А далее аэропорт, Ту-134А. И осталось только повторить вслед за Ахматовой:

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!»

13 октября

Новое задание: снимается какой-то новый фильм, где роль лесничего играет Иван Лапиков. Наша тема! Звоню ему, он наотрез отказывается что-либо говорить до выхода картины на экран. Всё равно еду на «Мосфильм», там снимают кино. «Хлопушечку давайте… Нет, брак! Снимаем ещё раз!» Взял интервью у играющего главную роль Геннадия Королькова. Фильм называется «Попал я, брат, в историю…».

20 октября

По редакции ходит шутка. Человек приходит на работу и спрашивает: «Я правильно пришёл, я работаю?» — «Да, вы ещё работаете». — «А скажите тогда, в каком отделе?»

И вот уже я в отделе партийной и профсоюзной жизни, заместитель заведующего, зам. Юрия Аб-

рамовича Крутогорова, автора многочисленных полотен с пафосом и высокими словами. «Будем тянуть вместе», — сказал он мне. В отделе самый колоритный работник — Владимир Иванович Вельмин, забавный и милый старик, ему 77 лет, ему только что присвоили звание заслуженного деятеля культуры РСФСР. «Великое событие», — шутливо определил он. К главному он идёт, крестясь: «Господи, помяни царя Давида…» Употребляет интересные словечки: шебутиловка, вшивота, полнейший сумбур-мажор и т. д. Про своих родственников: «Сидят, как леопарды в кустах, и ждут…» Никогда не говорит о своём самочувствии и упорно тянет редакционный воз. Любит одаривать всех своими воспоминаниями.

Вельмин из Екатеринослава, там создавал комсомол. Написал однажды в газету — «И это, знаете, отрава на всю жизнь». Руководил комсомольской газетой, при НЭПе создал литературный журнал. Был отозван в Москву и стал ответственным секретарём «Комсомольской правды», вместе с главным редактором Троицким (впоследствии погибшим) получал первый орден газете. Потом создал и руководил журналом «Смена». Вспоминал Светлова, Голодного, начинавших в Днепропетровске, как они меняли еврейские

фамилии на русские, хотя «тогда не обращали внимания, кто еврей, а кто нет, не то что сейчас… Мы делали революцию — вот что было главным!». Вельмин был первым наставником Дмитрия Кедрина. В последние годы Кедрин работал младшим литературным редактором в мытищинской многотиражке…

28 октября

Пытались купить духи для Ще, а мне — брюки. Всё напрасно! Случайно увидел коричневый гуталин в нашем магазине напротив. «О, дефицит!» — говорю знакомой продавщице, а она: «Сейчас всё — дефицит!» И настало время ловких, пронырливых и удачливых (о чиновниках при пайках и распределителях умалчиваю). «Не зевай, Фомка, на то и ярмарка!» — и они не зевают…

На дворе зима. Минус 5. Снег. Настроение грустное-грустное. Хочется жить как-то иначе. Но как? Прыгать выше головы, стараясь пробить потолок? Смешно…

2 ноября

Сижу и зверски мучаюсь, переделывая полосу о том, как выполняется на комбинате план социального развития, а параллельно листаю

альманах Корнея Чуковского «Чукоккала»…

30 октября в редакцию газеты приезжал зам. главного редактора «Экономической газеты» Белянин. Лекция не для печати. «Я вам могу нарисовать чёрную картину. Но дело не в этом: нужен выход…» А где он? Раньше было 23 наркомата, теперь 85 министерств. От кооперации шарахаются, как чёрт от ладана, и все стремятся заводить своё натуральное хозяйство, что ещё более запутывает зацентрализованную экономику. Ну, и привёл всякие цифры, вроде того, что годовое потребление мяса на душу населения — 57 кг, а по нормативу полагается — 82. Куча проблем: огромная территория, перевозки, транспорт, устарелые инструкции, инерция мышления, нежелание работать и т. д. Гигантская номенклатура: 20 миллионов изделий, и всё это увязывают Госплан и Госснаб. Отсюда накладки, путаница, неразбериха, никто не знает, сколько чего нужно… И вообще всё нужно увязать с мировыми ценами…

Мне как-то попалось старое стихотворение Сергея Михалкова (18 апреля 1937 г.):

Я беру пирожное и гляжу на крем,
На глазах у публики с аппетитом ем.
Ем и грустно думаю: «Через 30 лет

Покупать пирожные буду или нет?»

Прошло не 30, а более 40 лет, и что? «Пирожная проблема встала во весь рост», как пишут журналисты. Варенье, джемы, зефиры, мармелады — всё исчезло. Сегодня в ГУМе отхватил халву, так это было целое событие — простую, тахинную, а была (ещё помню!) с орехами и даже в шоколаде…

На работе продолжаются Большие Структурные игры… и по сравнению с радио падают гонорары. Финансовый репримант, как выразился Вельмин. Он всё время вспоминает блестящую когорту журналистов «Комсомолки», с которыми ему пришлось работать: Евгений Кригер, Розенфельд, Кононенко… последний из могикан — Давид Новополянский… А сейчас «газета жиденькая», по его словам… А Антонов неожиданно продекламировал строки (чьи — ?):

Жизнь у журналиста переменчива.
Дрогнуло в руке его перо:
Позади – беременная женщина,
Впереди – партийное бюро.

8 ноября

Странно читать, как 150 лет тому назад Вязем-

ский сетовал на то, что «нас слишком поглощают суеты и заботы нынешнего дня». Ах, наши милые и благородные предки, как бы сейчас они изнемогли и легли пластом от нынешних забот и сует. То в погоне за туалетной бумагой, то за стиральным порошком. Где, что дают, куда надо бежать?! Идиотская мышиная беготня…

9 ноября

Отрывки из внутренней рецензии на новый сборник Андрея Вознесенского «Соблазн»:

Вознесенский неизменен в оценке творчества художника: или — или. Или ты свободен в своём художественном полёте и творишь настоящее искусство. Или ты глашатай уже изречённых истин, подпевала из-за куста, статист общего хора.

Третьего не дано.
Или ты – черевичный сапожник,
или ты – чечевичный художник,
гений или дерьмо.

Идёт «жизнь облыжная»… Всё умрёт. Всё исчезнет. И человек со своими переживаниями, страданиями и прочими выплесками чувств.

Да и что такое человек?
клочок Ничто? тычиночка тоски?

приливы беспокойства пред туманом?..

И потом этот ужасный быт. «Отравили квартиры и жены, / что мы жизнью ничтожной зовём». Отравило непонимание. Отравила пустота гулких никчёмных разговоров. «Речи ли в клубе эрзацные слушаю…» Всюду — отрава. У тонкоорганизованных натур начинается «душевная аллергия». И что остаётся делать среди «отъевшихся кукарек»? Выть. Кричать. Биться. Жечь глаголом белизну бумаги… Как всегда у Вознесенского, бездна каких-то намёков, недосказов. «Соблазн» — сборник стихов не для читателей, а исключительно для самого себя. Кабинетное утешение. Игра в слова. Малая скульптура домашних свечей. «Кружится разум. Это от чада». Свечи сгорели. И вновь сумерки. Сумерки поэта…

12 ноября

Уникальный год. Падение иранского шаха, свержение императора Бокассу, изгнание Иди Амина из Уганды, Самосы из Никарагуа, убийство Тараки, отца афганской нации, ещё одно убийство — президента Южной Кореи Пак Чжон Хи… Но бог с ней, с политикой. А что делать мне? Вроде бы в относительной безопасности, но в то же время в положении кафкианской «Норы» — где-то

враг, где-то роятся вражеские норы, ощущение непрекращающейся тревоги. Нет, это не работа. Надо бежать, пока не съели… Веду переговоры с «Вечерней Москвой» (корреспондент отдела коммунистического воспитания, с окладом в 160 рэ), еженедельником «Новое время» и даже подумываю о возвращении в Радиокомитет. И утешаюсь чёрным юмором:

Голые бабы по небу летят –
В баню попал реактивный снаряд.

17 ноября

Судьба Владимира Ивановича Вельмина, записанная с его слов.

Интересный старикан. Сколько он знал, со сколькими интересными людьми встречался, сколько довелось ему испытать!.. Ему бы сидеть дома и писать мемуары, а он ходит на работу, пишет, переписывает ахинею, которая приходит в редакцию, и доволен… Поколение, рождённое революцией. Удивительно чистое, преданное и сознательное. А уж какое трудолюбивое!..

Сам Вельмин из рода священнослужителей. Очень образованный и начитанный. «Что нам дано, то не влечёт… Запретный плод нам подавай, а без него нам рай не рай…» — цитирует он,

но сам рая не ищет и проявляет полное смирение в своём положении. «Что бы ни случилось, а чай пить надо» — его любимое изречение, закреплённое, наверное, лагерной жизнью. Девятнадцать лет были вычеркнуты из жизни Вельмина. Он был ответственным секретарём «Комсомольской правды» и параллельно главным редактором «Смены». Время было, по его словам, замечательное. Энтузиазм, свершения, геройство. «Страна встаёт со славою навстречу дня!» — как писал Борис Корнилов. Люди вкалывали и ждали пришествия чуда — нового прекрасного будущего. Но время было беспокойное и тревожное: кругом враги, вредители. Людей арестовывали. Шли процессы. Судили «тройки». Доблестным борцом с врагами был нарком Ежов. «Ну, он и усердствовал», — говорил Вельмин. «Его потом расстреляли?» — спросил я. «Нет, кажется. Во всяком случае, когда Ежова сняли со всех постов, он работал грузчиком в порту…»

30 декабря 1936 года в «Комсомольской правде» состоялось партийное собрание, на котором Вельмин был исключён из партии за связь с махровым контрреволюционером и ярым троцкистом — поэтом Михаилом Голодным (он же Эпштейн). Вельмина исключили из партии, а Голодный ни-

чего об этом не знал, и когда Вельмин при встрече ему всё рассказал, побелел как мел и бросился звонить Шкирятову, руководителю партийного контроля. Тот заверил, что произошло недоразумение, что Миша — никакой не троцкист, а благоверный советский поэт: «Незаметным, серьёзным подростком / Я пришёл впервые в комсомол…» Короче, Михаил Голодный остался на свободе, а Вельмина не восстановили в партии, правда, оставили в прежней должности.

В 1937-м Вельмин встретил Валерию Герасимову (первую жену Фадеева), и она сказала: «Володя, ты мне должен передать журнал „Смена“»… Вельмин передал ей дела, а дальше его стали оттеснять в «Комсомолке», и в конечном счёте он оказался в роли рядового литературного правщика. Потом взяли главного редактора газеты, а вслед за ним загремел и Вельмин. «За что я сидел 19 лет, я не знаю до сих пор». В лагере Вельмин работал плановиком, — ему повезло. А остальные зэки рубили лес в Архангельской области.

Во время войны в лагере появились власовцы. «Засорили идеологически». Всё перемешалось, пошли массовые расстрелы. Словом, пришлось Вельмину пережить и повидать всякое, от подробностей он уклонился. «Я не отбиваю лавров

у автора „Архипелага ГУЛАГ“»… Когда пришло освобождение, Вельмин устроился в леспромхоз и жил, как он выразился, «как Цицерон и капусту сажал». Неожиданно его вызвали в комитет партии, где он увидел на столе своё дело с грифом «хранить вечно». Его спросили: может ли он доказать, что в тюрьме сидел коммунистом? Кто может за вас поручиться?.. Вспомнил молодого паренька Юру Жукова, которого в те времена погнали из комсомола. Написал ему письмо: «Юра, помнишь ли ты меня?..» Он к тому времени был заместителем главного редактора «Правды» и депутатом Верховного Совета. Жуков собрал всех, кто знал Вельмина, и прислал на Алтай письмо-поручительство. После чего Вельмину вручили партийный билет, и он возвратился в Москву. Сразу пошёл в ЦК: мол, отсидел. А ему: все сидели!.. Спросили, где работал. «В лесу». — «Ах, тогда отправляйтесь на работу в газету „Лесная промышленность“».

«Так я попал в эту вшивую редакцию», — заключил Вельмин. На дворе стоял 1956 год, год XX съезда, пахло оттепелью…

Свой рассказ Вельмин заключил так: «Но ничего… Я бодр и весел. Ничуть не ожесточился. Другие меньше меня перенесли и испытали и

стали человеконенавистниками, мизантропами, а я нет. Вот вижу всех вас и рад…»

А ещё Вельмин поведал, что у них, у ветеранов, которые пасутся вокруг Института марксизма-ленинизма, есть своя «сухаревская конвенция»: не мстить. «Мы — старые большевики — считаем, что мстить нельзя, это привело бы к хаосу во всех отношениях. Мы встречаем наших следователей, наших мучителей, но не мстим. Просто стараемся не бывать в одних компаниях, не подавать руки и так далее. Нарушила конвенцию одна Валя Пикина, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ по работе с пионерами. Её зверски пытали, издевались над ней. После реабилитации она работала и работает сейчас, хотя ей тоже за 70 лет, в народном контроле, у Пельше. Она нашла своего мучителя, к тому времени он был генерал-майором в отставке и жил на собственной даче, пользуясь всеми генеральскими благами. Она завела на него дело и посадила на 10 лет. Разумеется, на законном основании: за служебное злоупотребление. Правда, для этого потребовалась санкция самого Хрущёва… Короче, она поступила правильно, но всё равно мы её действия не одобряем».

Много ещё чего рассказывал Вельмин, но сам писать воспоминания не собирается, хотя счи-

тает, что молодёжь должна знать о прошлом страны.

«Надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем», — писал Карамзин ещё в 1802 году. В «Вопросах литературы» проводится мысль, что Карамзин судил царей-тиранов от лица истории прежде всего за то, что они не исполняют главной, по его мнению, обязанности: «блюсти счастие народное».

Российская история!.. Кто только не измывался и не издевался над русским народом… Зло, хамство и несправедливость по-прежнему кажут свои свиные рыла…

18 ноября

Вчера по телевидению выдали «Цезарь и Клеопатра» по Бернарду Шоу. Цезарь — Смоктуновский, Клеопатра — Елена Коренева. Сыграли отлично. Я смотрел на Смоктуновского и всё вспоминал его книгу, в которой он описывал, как ходил по Москве летом в лыжном костюме, ни один театр не хотел его брать в свою труппу. А по поводу кино ему сказали: «Ну, а ваше лицо разве можно снимать?» Но Кеша пробился. А другие? Кто знает, сколько нераскрытых и загубленных осталось Смоктуновских?.. Любое искусство

— субъективная шкала оценок, где всё основывается на «нра» и не «нра» (нравится или нет).

А ещё показывали пять серий братьев Вайнеров. Смотреть можно, но не фонтан. Хорош лишь Высоцкий в роли следователя Жеглова… Но если бы Высоцкому дали спеть о нашем времени, — экраны бы все полопались…

19 ноября

Пятая командировка. В 6.20 прикатил в Новгород. Город чистенький, необычный: много храмов и церквей, все стоят побелённые, словно умытые, и это создаёт колорит старины… С места в карьер едем в посёлок Спасская Полисть. По шоссе 60 км, а далее топаем по грязи. Где-то здесь, в Чудовских болотах, армия Власова перешла на сторону немцев. Доски — «тропка» — проложены лишь местами, а так как я и мой сопровождающий в ботинках, прыгаем, как обезьяны, в поисках твёрдых точек среди отвратительной жижи… В посёлке я пытался помирить конфликтующие стороны. Начальник лесопункта говорил своему подчинённому: «Смотри! Корреспондент уедет, а нам с тобой тут жить, среди грязи и пней…» Вдрызг измотанный и усталый вернулся в Новгород, в гостиницу «Садко».

20 ноября

В Новгородском театре драмы неожиданная встреча с бывшим режиссёром отдела вещания на Бразилию Чапой, Алексеем Чаплеевским. Случайная встреча с министром культуры Демичевым решила его судьбу, и он был назначен главным в новгородский театр. Мы обрадовались друг другу. Чапа взахлёб рассказывал мне о вверенном ему театре. «Бойся актёра, пьющего только минеральную воду. Значит, завязал и, следовательно, обязательно сорвётся!» Вечером потащил меня в актёрскую компанию, где больше пели под гитару, пили водку. А потом Чапа отдельно мне долго рассказывал об истории отношений между Новгородом и Москвой. Новгород был Европой, а Москва — типичной Азией, и Азия подмяла под себя Новгород и растоптала новгородские свободы. «Вот в какой город ты приехал!» — в конце подвёл итог Чаплеевский. На следующий день я смотрел в театре «Провинциальные анекдоты» Вампилова.

22 ноября

Поездка в Малую Вишеру. Встреча с Героем Социалистического Труда Завьяловым. Человек-трактор: пашет и пашет… Вечером снова театр. Комедия-детектив «Миссис Пайпер ведёт

следствие». Все артисты были на подъёме. Потом мне рассказали о причине творческого горения: им объявили, что спектакль смотрит журналист из большой профсоюзной газеты, и артисты всё время косили взглядом в сторону директорской ложи, где восседал я. Получилось что-то вроде «Ревизора»… После спектакля в гостинице Чапа продолжил свои рассказы о театре, как он из Пскова переманивал одного артиста на погодинскую пьесу «Человек с ружьём».

— А Ленин у вас есть? — спросили Чапу в обкоме партии.

— Да, Ленин есть, но ему нужна трёхкомнатная квартира.

23 ноября

Последний день в Новгороде… Жемчужина русского зодчества — Софийский собор… Смотрительница рассказывала, что ещё в 20-х годах из храма стало исчезать всё ценное: и свои, и немцы приложили к этому руку… Вечером в поезд. «Я ехал в дурное время. Тогда стояла осень со своею грустно-сырою погодою, грязью и туманом… мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвету небо…» Так писал Гоголь.

4 декабря

Приехал из Новгорода и слёг. Прихватило сердце: стянуло грудь, не вздохнуть. Вызвали врача Рожен, она определила ангиоспазм венозных артерий сердца (тоже мне великий диагност!), дала бюллетень. После ухода из Радиокомитета держался и держался, и вот брык. Так называемый отложенный стресс?.. Болезнь болезнью, а чтение чтением. Читаю, делаю выписки. Вот Герцен:

«Россия — отчасти раба и потому, что она находит поэзию в материальной силе и видит славу в том, чтобы быть пугалом народов…»

«Мы занимаемся всем: музыкой, философией, любовью, военным искусством, мистицизмом, чтобы только рассеяться, чтобы забыть об угнетающей нас огромной пустоте…»

13 декабря

Есть такой анекдот. Прославленный дипломат даёт советы своему молодому коллеге: «И помните шестое правило!» На что тот вежливо кивает головой: «Да, сэр, разумеется, сэр, непременно, сэр!» Но в дверях:

— Простите, сэр, а что означает шестое правило?

— Шестое правило: не принимайте себя слишком всерьёз.

— Конечно, сэр, благодарю, сэр… А остальные

правила?

— А остальных правил не существует.

Этот анекдот (или назидание) можно перефразировать на совет: не принимайте ничего близко к сердцу, оставайтесь спокойными, наплюйте на всё и не корчите из себя что-то этакое…

Вчера был разговор с Лавровым, он вовсю чертыхается: «Кто же знал, что нам пришлют такое г… сам писать не умеет, а других учит. Всю редакцию перебаламутил. И правильно что уходят… Сам бы ушёл, да…» Концовку фразы Лавров не договорил.

27 декабря

Должен был ехать в командировку в Кострому (Ну и ну! Задумал ехать в Кострому? / Я понимаю бы, в Марсель, / Тут благородная есть цель…)

Но снова слёг. Пришла Рожен:

— Что такое? Опять Юра? Это — вторая волна гриппа… сухие хрипы… давайте госпитализируем… ах, не хотите? — так и запишем: отказались…

И больничный по 29 декабря.

28 декабря

В ночь на 25 декабря не спал с 2 до 5 часов. Думал о новой работе. Вспоминал командировки,

всплывали в памяти люди, города, фразы. Состояние, описанное Евгением Винокуровым (видно, его тоже прихватило):

Вот пришло моё довольство малым!..
Кислую таблетку заглотну,
помолчу, казённым одеялом
с головой закроюсь – и усну.

И сквозь дрёму в сонную больницу
вслушиваться буду в час ночной.
Дней моих мелькнувших вереницу,
словно фильм, раскрутят предо мной.

Всё, что в мире сём наворотила
молодость и глупость так давно,
я увижу враз…
Крути, Гаврила,
В десять серий чудное кино!

Меня ждут в «Вечерней Москве». Сам Индурский хочет со мной встретиться, но я сделал уже другой выбор: вернуться в журнал «СПК». Блудный сын возвращается в кооперацию. Зав. отделом с окладом в 200 рэ, плюс премии. Разговаривал с Фоминым. Он утолил свою жажду

власти, стал более спокойным и благодушным. Первое впечатление: сможем работать вместе. Все остальные рады моему возвращению: свой, не чужой…

29 декабря

А что с «Леспро»? Мрак и запустение, как скажет Вельмин… Начал печатать обзор «Семидесятые годы» (международные и внутренние события) — для себя, для интереса. Грохнул 16 страниц, и воспалился печатный палец от напряжения… «Голоса» широко отмечают 100-летие Сталина, событие, полное «политической взрывчатки». «Дойче велле» утверждает, что Советским Союзом до сих пор управляют по правилам заговорщицкой организации… С продуктами всё хуже и хуже. Поляки бы устроили четвёртый продовольственный бунт. А у нас тишь и гладь. Терпеливый народ, только и причитает: «Лишь бы войны не было!..»

31 декабря

Новый 1980 год справляли втроём, под ёлочкой. Смотрели дурацкий телевизор и пили марочное «Гурджуани». Куча звонков по телефону. Легли в 2 часа ночи…

1980 год – 47/48 лет. Возвращение в «СПК», пресс-центр московской Олимпиады, интервью с артистами по заданию «Советского экрана». Ульяновск и Запорожье. Вечер поэзии в зале Чайковского

2 января

…Уже глушат все «голоса»… Н-да, надо допечатать обзор 70-х годов, ибо, как предчувствую, 80-е мне сделать не удастся: в кооперации я буду слишком далёк от информации. Это на радио я кое-что (скажем так скромно) знал дополнительно к нашей уважаемой «Правде». А теперь, увы… только правда, одна правда и всё вокруг правды… Становлюсь обычным обывателем, ухожу от внешнего мира, погружаюсь в себя, в свой мир внутренний. Афганистаны-Вьетнамы, прощайте, я теперь вас не знаю…

5 января

Настроение хорошее. Погода тоже, минус 3. Завершена сказка алексеевского леса. У меня на руках трудовая книжка, с понедельника, 7 янва-

ря, я не работаю в «Лесной промышленности», а выхожу в «Советскую потребительскую кооперацию». Обезьяна начала развлекаться: 1980 год мой, год Обезьяны.

Любопытно, что Алексеев, когда подписывал моё заявление, бросил фразу: «Сам бы ушёл в журнал…» Римма Васильевна, юрист, сказала: «Н-да, хорошие люди у нас не держатся!..» Стенографистка Мичурина, с которой я ни разу лично не разговаривал, бросилась ко мне и запричитала в том смысле, зачем мне, умнице (!), тут оставаться в этом плохом стаде, я, мол, создан для лучшего… Олег Борисов сказал: «Очень, очень жалко, что ты уходишь…» А Вельмин разразился целым монологом: «Вы — кантовская вещь в себе… ваш потенциал у нас в отделе не раскрылся ни на один процент… мы очень опечалены вашим уходом — я и Крутогоров, — помимо творческого работника, мы потеряли в вашем лице такого приятного и душевного собеседника…»

Конечно, приятно было слышать все эти слова, значит, среди определённого круга я успел завоевать авторитет и симпатию. Хотя, конечно, были и недруги. Была и группа нейтральных, равнодушных: что ты есть, что тебя нет, им всё плевать…

…А я иду в журнал. Там тихо, спокойно, надёжно и тоже есть своя перспектива, к примеру, стать ответственным секретарём. Короче, корабль «ЮБ» уходит в док, нужен капитальный ремонт. Итак, в «Леспро» я проработал без нескольких дней 8 месяцев, из которых я один месяц болел, один — находился в командировках, ещё один — очевидно, сидел дома, отписывался… За это время опубликовано 17 материалов, ещё пять лежат в редакции, но боюсь, теперь уже не опубликуют ничего.

8 января

Итак, 7-го я двинул на Студенческую, 35. Первая дальняя работа. Все мои прежние адреса работ помещались в центре, на пятачке: Большая Полянка, Пятницкая, улица Горького, Хрустальный переулок, улица Неглинная, снова Пятницкая, улица 25 Октября и хождение в Центросоюз — в Черкасский переулок. И вот первая даль…

…Мои обязанности в журнале? Освещать вопросы о кадрах, партийно-профсоюзная работа, комсомол, кооперативная демократия, моральные темы… Комната по сравнению с газетной меньше и лучше. Сидим втроём: Чинарьян, Полевичек и я. Ещё один позитив: все трое не курят и, соответственно, воздух чистый. Сижу вдали от

окна, с настольной лампой. Это — минус.

12 января

Прошла первая неделя, пять дней работы. После океанского простора радио, где частенько бушевали тайфуны, и после стремительной горной реки, с её опасными камнями «Лесной газеты», я плаваю по тихому сельскому пруду. Заводь. Ряска. И благовестная тишина. Ни интриг, ни склок, ни преобразований — всё непривычно тихо (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!). Есть, конечно, какие-то маленькие нюансики, но они по сравнению с прежней жизнью даже имеют свою пикантность, а то можно было бы совсем заснуть.

…В пятницу Толя вёл редколлегию: легко, со смешками, и никакой тревожной натянутости, как при Алексееве, не было. Смотрел я на него, слушал, что говорят о нём другие. Одно можно сказать: великий блатмейстер, удивительный мастер улаживать свои дела. Звонки, встречи с нужными людьми, принцип «ты — мне, я — тебе», достать, организовать, услужить (разумеется, сильным мира сего) — все эти качества у Фомина развиты превосходно, прямо учитель (и действительно, Чинарьян не скрывает своего восхищения). Прагматик с ног до головы. Для него и журнал — это своего рода кормушка, где по его

разрешению кормятся учёные из кооперативного мира. Таков Фомин. Но мне нет дела до его делишек, главное, чтобы он не трогал, не ел меня.

Прошла неделя, а у меня на столе уже куча материалов. Два уже сделал: привёл в божеский вид зарисовку о коллективе универмага «Юность» из города Хмельницкого и статью о том, как в маленьком эстонском городке Кайле кооператоры заботятся об охране труда и технике безопасности. Ещё сделал информашку о взносах в Советский фонд мира. И ещё кое-что.

…Какие ещё новости? Позвонили Вере Павловне из нашего универмага и говорят: можно прийти и купить три белых и три чёрных катушки ниток. Пошёл я, и мне девочки в подвале сделали фавор: дали 25 катушек разноцветных ниток на 2.50, преподнёс Вере Павловне, как подарок. Сколько было восторга по этому поводу. Вот такая у нас идёт жизнь…

…Сейчас мы с Щекастиком возвращались с работы, и между нами звучал такой диалог:

— Ну, что у тебя?

— У меня ничего. А что у тебя?

— У меня тоже ничего.

20 января

Зловещее эхо «Большой игры». «Большая

игра» — Афганистан. Отблеск от неё как-то тревожно лёг на январь 1980 года…

Прошло время, когда я был вполне информирован… Ах, как жаль, что я не на радио. Я бы сейчас знал всякие версии и подробности… Приходится слушать станции. Чего они только не вещают в связи с направлением советских военных контингентов в Афганистан: и «агрессия», и «вторжение», и «интервенция», и «оккупация». «Нью-Йорк таймс» заявила о расширении советской империи, что-де тут действуют законы природы: империи расширяются, захватывают пустующие районы на своих границах и останавливаются лишь тогда, когда наталкиваются на зоны стабильности… Называют причины: разгрузиться от внутренних противоречий, внутренняя стабильность за счёт внешней и т. д.

Запахло третьей мировой войной. Всерьёз. Восток дал возможность Картеру показать настоящие зубы. Президент занял сверхтвёрдую позицию, как заметила «Дейли мейл», он превратился чуть ли не за ночь в клекочущего ястреба. Полный разрыв экономических, торговых и культурных связей с нами. Заблокирована продажа нам 17 млн тонн зерна, предназначенного для откорма скота. Грузчики отказываются разгру-

жать и грузить наши суда. Бойкотируют наших спортсменов. Под угрозой Олимпиада. Словом, Запад всем этим говорит, что он долго терпел Анголу, Эфиопию и Сомали, — а теперь говорит: «Баста» и отмечает, что Советский Союз играет роль «международного хулигана».

Щекастик паникует: неужели война? А что делать с дневниками?.. О господи! Что будет? Если будем живы, то прочитаем когда-нибудь об этих событиях. В Третьей книге Ездры говорится: «3. И будет, что страна, которую ты теперь видишь господствующею, подвергнется опустошению… 8. Будет смятение во многих местах, часто будет посылаем с неба огонь; дикие звери переменят места свои, и нечистые женщины будут рождать чудовищ…»

Вот так неспокойно начались 80-е годы. Машинистка Таня Скворцова у Ще говорит: «Вот вы всё недовольны работой, всё вам не нравится, а вот будет война, и эти годы вспомнятся вами, как самые счастливые».

Ну что ж, устами неинтеллектуальной (но житейски мудрой) Тани глаголет истина.

…А сейчас поговорим о наших буднях. Новая работа задала новый ритм — и я становлюсь сонным и ленивым (до чего человек пластичен?). Да,

журнал — это не радио и не газета, жизнь в нём плавная и спокойная, информационно скудная, почти нищенская. Как тут можно работать десятилетиями — ума не приложу. Я хоть порезвился 13,5 лет и теперь, как собака, залез в конуру зализывать лапы и хвост.

…Полевичек тут дал мне «Скорбные песни» Овидия, и я украсил ими свой рабочий час.

Стали виски у меня лебединым перьям подобны,

Старость меж тёмных волос белый отметила след,

Слабости возраст настал, года недугов всё ближе,

Всё тяжелее носить тело нетвёрдым ногам.

Вот теперь бы пора, от всех трудов отступившись,

Жить, ничего не боясь и о тревогах забыв,

Тем, что всегда мне был по душе, наслаждаться досугом;

Тешить изнеженный ум делом любимым подчас…

Как здорово! Прошли две тысячи лет. Кардинально изменилась жизнь. В быт вторглись самолёты и холодильники, автобусы и телевизоры, радио и бытовая техника, и прочее и прочее. А суть жизни осталась неизменной: страсти и страхи, тревоги и опасности, усталость и старость. И вечная мечта: заняться любимым делом…

Дочь поэтессы Екатерины Шевелевой Прохорова рассказывает о своей матери, что она, как Бальзак, пишет ради того, чтобы отдавать долги (паразитирует на ниве идеологических стихов, правда, позволяет себе и фривольные штуки: «Ёлки-палки, лес голубой. / Ты меня ищешь, а я под тобой»).

…Жуткая проблема: обед. Как и на 25 октября, есть негде: все как-то крутятся, или едят (один раз с Гришей обедали в профессорском зале старого здания МГУ), или «у станка», то есть чай и бутерброды. Приходится брать с собой. Всё это как-то забубённо, по-сиротски. А что делать? Вот на радио — это было — да! А в маленьких конторах — сиротство, голь на выдумки… А когда по-сиротски обедаешь «у станка», то на тебя нахраписто лезут строки Андрея:

Как Россия ела! Сёмга розовела,

луковые стрелы, студень оробелый,
красная мадера в рюмке запотела,
в центре бычье тело корочкой хрустело,
синяя чурчхела, крабов каравеллы,
смена семь тарелок – всё в один присест,
угорь из-под Ревеля – берегитесь, Ева! –
Ева змея съела, яблочком заела,
а кругом сардели на фарфоре рдели,
узкие форели в масле еле-еле,
страстны, как свирели, царские форели,
стейк – для кавалеров, рыбка – для невест…

26 января

Анисим Гиммерверт говорит, что везде трудно, что фамилия у него «неэфирная», в «Экран» не пролезешь — всё за деньги, всё закоррумпировано; хорошо бы написать пьесу (два маниловских мечтателя в 47 лет), но как пристроить?.. По поводу моего перехода сказал: «Правда» и «Комсомолка» — это журналистика, передний край, а всё остальное — «Лесная промышленность»,

«Советская кооперация» — задний, без всякой разницы; деньги платят — и хорошо…

Сегодняшним днём доволен. С Ще поехали на Малую Грузинскую и в подвале Дома работников профсоюза культуры видели персональную выставку Отари Кандаурова, авангардиста 74–75-го годов. Получили мощный эстетический заряд… Все экспонируемые картины написаны не на «главные темы советской живописи». БСЭ определяет их следующим образом: «Жизнь и деятельность вождей и их ближайших соратников, созидательный труд народа, героическая история родины, победы армии и флота, счастливая жизнь и культурный рост советских людей, дружба народов и борьба за мир и светлое коммунистическое будущее» (второе издание, 1952 г., т. 6, стр. 96). Вот эти «главные темы» Кандауровым игнорированы. Взамен вождей он рисует Иисуса Христа, танкам и военным кораблям предпочитает девушек с цветами. Вместо созидательного труда отображает покой космоса. И нет в картинах художника счастливой жизни и культурного роста советских людей, наоборот, в них сквозит неуверенность, тревога и даже страх. И уж конечно, не нашлось на выставке никакого, даже укромного местечка, светлому будущему.

Его попросту нет. А есть изображение столпника (полотно «Свет невечерний»), вознесённого кверху в клетке-контейнере, от которой отделяются и падают на землю увесистые камни. Добро и Зло. Жестокая правда вечного мира. А чего стоит во всю стену Достоевский, согбенный тяжкой ношей и придавленный тяжёлым крестом. В рубище. С бессильными руками в кандалах.

2 февраля

Под давлением Ще звонил вчера Тарковскому, поздравил с присвоением ему звания народного артиста (прикупают и приручают). Он спросил, где я, доволен ли? Я ответил: нет, вот жду, когда возглавишь «Мосфильм» и возьмёшь меня редактором. Андрей засмеялся. Едет в Италию.

11 февраля

На улице хоть и морозно (–12°), но дело явно идёт к весне. К волнениям из-за Афганистана начинаем привыкать. Жить в долг тоже привычно. Остаются только переживания по поводу работы. Сел я вчера писать свою кооперативную «бодягу» и неожиданно обнаружил, как туго идёт. Где былая радиолихость? Не знаю, как обработать данные, которые привёз, в какую форму их отлить (опять пуля?). Оказывается, о лесе писать

легче, чем о торговле. Там настоящие работяги, а тут… тут я смотрю на них и в душе им не доверяю: наверное, жульё. И рука не подымается писать о них как-то красиво, с пафосом, как полагается у нас писать о людях труда. Конечно, потом, в этом я уверен, всё пойдёт как по маслу, но вот этот первый материал после громадного перерыва как-то не удаётся, ускользает из рук. И потом жанр непонятен: то ли статья, то ли зарисовка, то ли корреспонденция, то ли изложение передового опыта… Но никуда не денешься: надо. Вот поплакался, сейчас сяду.

15 февраля

…Поехали с Хачатуровым в морг Склифосовского института прощаться с Женей Трофимовым. Да, ещё один мушкетёр с Неглинной улицы. Теперь фотографии страшно смотреть: нет Шестерикова, Аболина, Трофимова, нет снимавшего нас Жаркова. Остались Хачатуров и я… Женьке всего 52 года. Цирроз печени. Всё закономерно: злоупотреблял. Но всё равно: ушёл так рано. Казённый оратор на траурном митинге сказал, что-де «коварная смерть вырвала из наших рядов…». Ничего не коварная. А будничная, тихая, методичная… Косит и косит, чтобы наша планета не перенаселялась… В гробу Женька лежал худым

и до неприличия молодым, я даже его не узнал.

…Вот такие пирожки. «Надо встречаться с живыми», — подумал я и после прошлогоднего пропуска решил пойти на день рождения Хачатурова. Саркисянц притащил свою многодолларовую стерео-машину, и она выдала хватающие за пьяные сердца и обмирающие от хмельной тоски слова некоего Аркадия Северного: «Не падайте духом, поручик Голицын, корнет Оболенский, налейте вина…»

Ушли в былое белоэмигранты. А вот песни о них живут. Отпала их идеологическая направленность, а вот сладкий какой-то облом остался. Господа офицеры, жизнь-то стервозная проходит, посмотрите: у всех седые виски. Но, чёрт возьми, не падайте духом… Кругом ало-золотая плоть, и, как верно заметил Верлен, «как алеют ароматы», и как притягательно «волхование колен». Выше голову, поручик Голицын. Мы ещё себя покажем, корнет Оболенский…

Поездка в Ульяновск

21 февраля

Надо вспомнить командировку в Ульяновск. На самолёте Ан-24Б за один час 40 минут преодолели 893 км. Встречающий товарищ внимательно при-

глядывался ко мне в «Волге» на предмет, «какой оказывать почёт». Решил: приезжий журналист тихий и смирный — и успокоился. Поселили меня в «Венце» (в самом высоком здании города) на 17-м этаже, в номере полулюкс с мигающим телевизором и вполне современным санузлом и с тремя (!) полотенцами, с таким сервисом я у нас не сталкивался. Из номера смотрел на Ульяновск с высоты небоскрёба: малоэтажная провинциальная застройка, ни одного золотого купола, ползучие, как букашки, трамвайчики и ничего интересного.

5-го утром проснулся, сунулся в буфет — нет сливочного масла. Выясняется: в городе его нет уже года четыре. Выезд в посёлок Ишеевка. В передовой Ульяновский кооператив. Как работают? Мне объясняют: «Ну, вот, которые впереди, вот это, значит, идут впереди…» Ясно?.. Вечером прошёлся по городу: «Нет Симбирска, — писала местная газета 11 мая 1924 года. — Есть Ульяновск. Осиновый кол в дворянский Симбирск». И вколотили: снесли всё, что могли. Верные ученики Ленина. Удивительно, что остался в сохранности памятник Гончарову (арх. Шоде, 1916).

6-го бестолковый день. Вечером звонок в номер от начальника орготдела:

— К вам с бутылкой приходить?

— Просто — милости прошу, а с бутылкой — не надо.

— Странный вы человек, Юрий Николаевич.

7-го. Съёмка передовика торговли. Жутко смущается Людмила Васильевна Глебова: «Мне легче машину с сахарным песком разгрузить…» Она умеет только багрить и вкалывать. Словом, «есть женщины в русских селеньях».

8 февраля. Как не хотелось, но пришлось побывать в доме-музее Ульяновых. Никакой роскоши, вычурности. Чистота и опрятность. В гостиной на рояле ноты, раскрытые на песенке «Жил-был у бабушки серенький козлик». Козлик на самом деле оказался медведем: взял и заломал всю Россию.

Обратная дорога. Поезд. Со мной в купе ехали какие-то ульяновцы. Я похвалил город, а они его отчаянно ругали. Был тихий, спокойный, но стали строить промышленные объекты, и всё переменилось: «Пьянки, поножовщина, по 2–3 убийства в день. Плохо стало со снабжением. Прежний секретарь обкома Скочилов в погоне за звездой Героя, по существу, разорил область. А восстанавливать знаете как тяжело», — вздохнул сосед по купе.

Утром 9-го подъехали к Москве. Всех оглушило

радио: «Родная, родная ты, земля. Одна ты на свете и в сердце навсегда!..» Ну, раз — родная, то какое имеет значение опоздание на 40 минут.

28 февраля

Фомин сегодня на пять дней едет в Осло. Что и говорить, завидки берут. Остаётся утешаться Жванецким:

— Как, вы не были на Багамах?

— Грубо говоря, не был. Подойдёшь, посмотришь в окно, и всё больше на троллейбусе обратно…

2 марта

Из Анкеты-80:

— Исполнилось 48, что ты испытываешь?

— Итоги подводить, наверное, ещё рано. А чувства? Чувства разнообразные. Конечно, недовольство, постоянное недовольство самим собой, что мало сделал чего-то настоящего… Бывают приступы тоски, ярости, взрывы бунта, а то, напротив, испытываю состояние лени и блаженного покоя: «плыви, мой чёлн…» Всё бывает. Не исчерпаны до конца волевые и неравные ресурсы борьбы…

— Что меняется в человеке с возрастом: его суть или игровые маски?

— В восемь лет я был кудряв, а теперь сверкающе лыс. Хотя, если признаться, тот нежный и шаловливый мальчик живёт во мне и поныне…

— Если бы начал жизнь сначала, даже при твоих исходных, как бы ты её повернул?

— Всё было бы иначе. Стал бы, к примеру, гравёром (кончил бы техникум Гознака на Мытной) или художником. Но это абсолютно пустой разговор: новая попытка не даётся никому.

5 марта

Какое-то странное настроение. Ничего не хочется, даже писать дневник (заставляю себя насильно, потому что НАДО). Был бы на радио — сидел бы сейчас, как цуцик, и как миленький шпарил бы очередной пропагандистский эфирный кирпич. Но нет конвейера. Более того, собственно, можно ничего не писать. Расслабился — и всё плывёт перед глазами. То ли весна, то ли лень, то ли старость, то ли чёрт-те что. Но не мчусь, а плыву «куда-то не туда…».

9 марта

Ещё один праздник канул в Лету — 8 марта 1980 года. Я всем женщинам журнала и «Ревью» написал стихи.

Сухаревой, худреду:

Без хлеба и без риса
Мы можем обойтись.
Но только без Ларисы
Нам «жись» совсем не в «жись».

Наташе-машинистке, любительнице кошек:

Не закрывай окошечка.
Жизнь, она – как кошечка.
Хвостиком поманит,
А потом – обманет…

Какие ещё новости? Одолевает Гиммерверт. Повторяя слова Маршака: «Мне шутить некогда», Анисим предложил мне вместе с ним сесть за пьесу, посвящённую Ленину (!). «Это авантюра, но если прорвёмся…» — мечтательно сказал Анисим. И начал доказывать, что с пьесами на любые темы не прорвёшься, их кипы, горы, тучи… Я отказался. Лучше буду что-то потихонечку строчить для себя.

22 марта

Вечером 20 марта побывали с Ще в «России» на концерте певца из Великобритании Тони Монополи. Зрелище, хотя и не в полном блеске. Всё умеет и поёт умело, а итальянскую тарантеллу

выдал так, что зал грохнул. Живой, подтянутый, сексапильный. Девицы бросались с цветами и просили автографы. Билетёрши не выдержали такого безобразия и сели по бокам на стульях у сцены, всем своим суровым видом показывая, что граница на замке и они не допустят осквернения социалистических нравов: поцелуи, цветы, разложение… Всё это было смешно.

Вышли из концерта… дикий снегопад. Вся Красная площадь потонула в сугробах. Вот вам и март.

21-го, пятница. С утра работал дома. Потом поехал на работу, попутно зашёл в магазин, достал масло и сыр (редактор-добытчик), а потом пошла катавасия вокруг статьи маршала авиации Степана Красовского. Писал, естественно, не он, он только её подписал готовую (готовил какой-то офицер). Мне придётся всё дотягивать. Специалист по маршалам — это что-то новое в моей биографии.

Сегодня с утра дочитал пьесу Фолкнера и Камю «Реквием по монахине». Выуживаю осколки и вставляю в мозаику Календаря…

29 марта

Вот и вечер. Только что с Щекастиком проделали хозяйственный променад по магазинам. Грязь

и чистота. Чистота полок и грязь полов. Такое архиизобилие, что оторопь берёт, а что будет дальше? Нет не только изысканных продуктов, но нет уже элементарных. Напрочь пропали все варенья и джемы, зефиры и пастила, хорошие послевоенные рыбы. Богатый когда-то ассортимент неожиданно сузился до одного-двух названий. Одна какая-то колбаса, один ужасный сорт сыра (Минский), одни сухари (сушек, баранок — и в помине нет), один вид масла и т. д. и т. п. Жуткий парадокс: я в студенческие годы себе ничего не мог позволить (хотя было всё!), и сейчас не могу, но уже по другой причине: ничегошеньки нет. То есть всё необходимое, чтобы набить брюхо, это, конечно, есть. Но ведь, простите, хочется что-то и вкусненькое, — ведь не война, и не блокада! — халву или Советский сыр. Увы. Что-то мелькает, но за всем этим надо гоняться и посвящать свою жизнь стоянию в очередях… Запад, естественно, радостно улюлюкает, вот, мол, во что обходятся вам внешнеполитические удовольствия (Куба, Афганистан и т. д.). Но дело не только в этом. Буксует вся экономическая система, а смазка в виде постановлений, решений и лозунгов абсолютно неэффективна.

На семинаре в Домжуре выступил предста-

витель журнала «Коневодство» и сказал, что в стране не хватает… подков, отчего лошади травмируются. Нет подков. По всей вероятности, все 264 миллиона человек растащили их на счастье. Общее коллективное счастье, а вот для лошадей подков не осталось… До чего же всё противно!

…В «Дружбе народов» прочитал отличную документальную повесть «Каратели» Алеся Адамовича. Постепенно, шаг за шагом, высвечиваются все грани войны… Это не только политрук Клочков, Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, но и каратели, мародёры, насильники и прочая человеческая накипь…

5 апреля

Первого апреля погода преподнесла шутку: всё завалило снегом, и в последующие два дня небо баловало снежком. Идёт и идёт. А 3-го кружили с утра крупные хлопья и оседали на пальто, как ордена и медали, своеобразные награды зимы. Потом всё это, естественно, растаяло и идти по грязно-снежно-ледяной кутерьме было противно. К тому же влажно и мерзко. Вот сегодня немного подсохло, но надолго ли? Зима упорно не хочет сдаваться…

Дочитал в «Иностранке» роман норвежского писателя Кнута Фалдбаккена «Страна закатов».

Социальная утопия, фантастика? Газета «Дагбладет» выразительно и лаконично ответила: «Роман о будущем, в котором мы живём». Именно так. Ибо черты страха, неуверенности в завтрашнем дне (атомная война, цены, инфляция, надвигающаяся старость…), надвигающийся «пир во время чумы», жестокость, озверение, ненависть — разве всё это не разлито в самой атмосфере современного мира, конца 70-х — начала 80-х годов?! Настроение апокалипсиса преследует меня. Так и хочется процитировать из Книги пророка Исаии: «Рыдайте, ибо день Господа близок…»

12 апреля

На рынке появился первый свеженький укроп. Несколько стебельков — 25 копеек. Эти цены надо записывать: творог — 5 рэ. Исчезла зубная паста по 25 копеек, взамен появилась импортная за рубль и рубль 20 копеек (в 4–5 раз!), ну, а с тем, что коробка конфет вместо прежних 3.40 стала 5.55 и «Спутник кинолюбителя» 0.35 вместо прежних 0.15, — мы уже смирились. С каждым годом жизнь приобретает всё новый нервно-вещистский аспект. Не «где купил?», а «где достал?». Дефициты начинают брать за горло.

17 апреля

Воскресенье, 13-го, в ЦДЛ вечер «Зелёной лампы», творческих секций при «Юности». Открыл истинный корифей — Айтматов, но по-русски говорит плохо, спотыкается. А потом всё это дело вёл Амлинский, ну, тот бойкий бодрячок — так и шпарит, как по писаному, мимоходом лягнул Катаева («нравится — не нравится, а вычеркнуть из литературы нельзя»). Затем выступали руководители секций — Винокуров, болезненно полный и всю дорогу пил воду, и подтянутый, спортивный Олег Чухонцев. Ещё выступал руководитель сатириков Славкин, я думаю: на его месте я бы был отнюдь не хуже, но… поезд ушёл, ушёл поезд, — как говорила одна женщина…

А потом выступали молодые. Писать умеют. Неплохие версификаторы. Но не поэты, ибо когда нет темы, то нет поэта. Но тут выступила Мария Аввакумова из Калининской области, и свою мысль мне пришлось забирать обратно. Она прочитала настоящие стихи (одно стихотворение за вечер — таков был улов в ЦДЛ). Печальные стихи о современных женщинах-работягах, — «и возвращаемся и падаем все в мыле, не мы ль ударницы, не мы ли…». О женщинах с мужскими чертами, которым приходится так много вкалывать в этой жизни. А ещё семья, муж-пьяница.

Не уверен, что такое напечатают. Оно слишком пахнет настоящей жизнью. Без риторических рулад. Надо будет последить за Аввакумовой.

1 мая

«Что такое счастье?» — под таким заголовком «Московский комсомолец» поместил письмо будущей швеи. «Дорогая редакция, — пишет она. — Может, это глупый вопрос, но я всё-таки спрошу: как узнать, счастлив ты или нет? Пишу, потому что кого из знакомых ни спрошу, все только улыбаются. Никто ничего толком не отвечает…» А дальше выясняется, что девица-то счастлива: с удовольствием ходит в ПТУ, а вечером играет в ансамбле при ЖЭКе «Кирпичики». Прекрасно, ничего не скажешь! Так же, как и снимок во вчерашней «Вечёрке» молодожёнов Показеевых, шествующих по Красной площади. Фото, между прочем, Шпунькина. Как по Ильфу и Петрову…

…С каждым праздником всё тяжелее с продуктами. Ще подфартило с заказом на работе (даже чёрная икра). Тут отхватили две пачки сливочного масла (тоже дефицит). И была целая операция «блю лайт», но в отличие от американцев по спасению заложников, наша полностью удалась, в ней участвовала вся семья: В.П., Ще и

я. Итог: десять катушек туалетной бумаги. Все в очереди и с боем. Такая вот пошла жизнь. «Ясный, белокаменный город торжества» — как выразился поэт Анатолий Поперечный. Но хоть вдоль, хоть поперёк, но легче в нём теперь не бывает. Осаждённый город. Приезжими и мешочниками — продовольственным десантом из всех городов и республик.

Вчера с Ще посмотрели в «Ленинграде» фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Две серии. Бытовинка, но ничего, особенно первая серия. Временами по комедийному остро.

…О господи! Все эти пропагандистские установки: привязать человека к делу, заставить его полюбить и быть им счастливым. А вот с жизнью сложнее. В массе человек не любит своё дело, а главное, плохо его исполняет, отсюда все трагедии нашего общества. Низкая производительность труда не позволяет нам выиграть наше главное экономическое соревнование с капитализмом. (Но и спустя 30 лет, став «капиталистами», мы не изменили себе. — Ю.Б.) И хотя литература и кино и прочие виды искусства стараются вовсю, дело-то скрипит… не учить и призывать надо, а анализировать и показывать. Не указка нужна, а скальпель. Вот так резал нутро Андрей Платонов.

Тут «волна» передала отрывочек из «Ювенального моря» (у нас не напечатано). Сатирическая анатомия высшего класса. Одно выражение про деревню чего стоит: «тоска неподвижности».

6 мая

…Андрей Платонов… Удивительный писатель. Его сюжеты и фабулы мне чужды, неинтересны, но вот стиль и отдельные фрагменты, написанные неповторимой платоновской прозой, удивительно хороши: чрезвычайно достоверны (весь рассказ «Возвращение») и поэтичны. Вот, к примеру: «росла непышная растительность: худая изящная береза и скорбящая певучая осина…»

А его социальная проза! «С Пухова взяли подписку — пройти вечерние курсы политграмотности. Пухов подписался, хотя не верил в организацию мысли. Он так и сказал на ячейке: человек — сволочь, ты его хочешь от бывшего бога отучать, а он тебе Собор Революции построит!..»

4-го умер Иосип Броз Тито, которого в период его неповиновения Сталину звали международным авантюристом и палачом. Теперь его величают иначе, но всё равно по-разному: мы преувеличенно скромно (ни слова о нём, как о лидере Движения неприсоединения), Запад восторжен-

но. Подробно рассказывается его биография, в частности, как освобождалась Югославия в годы войны. Тито попросил маршала Толбухина помочь лишь освободить от немцев Белград, а потом попросил советские войска уйти и уже силой югославского оружия и кровью югославских сыновей освободил свою страну от врага… Вопрос о том, что будет дальше с Югославией, поставлен на повестку истории…

10 мая

9 мая с утра ездили в Серебряный Бор. Погода была отличная. По случаю 35-летия Победы работали буфеты: купили шоколадный набор, чешское пиво и бублики (ох, какой дефицит). То и дело слышишь разговоры ветеранов: «Война началась только после Сталинграда… а до этого была мясорубка… кто ответит за сотни тысяч погибших безоружных юнцов в начале войны…»

12 мая

…Денег не густо, но, с другой стороны, и покупать нечего, но что поделаешь — таков исторический этап и, как сказал Твардовский:

Нам сокрушаться не резон,
Что в этом мире побывали

В его не бархатный сезон…

…Погода выкидывает кульбиты. С утра 9-го было за 20 градусов, ярко светило солнце, а вот сегодня лишь 5 градусов и небо набухло свинцовой тяжестью. Пришлось снова залезать в пальто…

Очень хочется написать рассказ (пишу в голове), но, как это ни смешно, не могу выбрать время. Сесть. Подумать. Всё как-то тянут мелочи, идиотские тяготы быта, к тому же отвлекает жажда информационности (радио, ТВ). Но надо собраться… (так и не собрался. — 30 мая 2010 г.).

Настроение вполне сносное. Ноги ходят. Глаза смотрят. Сердце бьётся. Что ещё? Наступила пора довольствоваться малым…

18 мая

Начал печатать — пришлось менять ленту. Зацепки в металлических катушках сломаны, других нет. Ленту тоже не купишь. Поставил старенькую, бледненькую. Печатаю…

…Позвонил из любопытства Феликсу Андрееву: он ушёл из «Советской культуры» и стал теперь ответственным секретарём журнала «Советский экран». Спрашиваю его: ну, как? А он: «А как у тебя? У нас есть вакансия — зав. международным отделом…» У меня аж горло перехватило. Феликс

расспросил анкетные данные (всё вроде подходит) и говорит: я ничего не обещаю, но заходи, потолкуем… Всё понятно: он хочет своего парня! Старая история! Это работа, о которой можно только мечтать. Работа для меня. Но я очень сомневаюсь, что они меня возьмут: Феликс может предложить, а утверждает-то не он. И потом, на это место, наверное, столько охотников найдётся, слетятся, как мухи на мёд. Э, какая работка! Прямо разволновался. Кино — это же искусство. То есть моя тема. Это не лесная делянка и не кооперативный магазин. Здесь можно писать по-настоящему… И сразу размечтались с Ще: вот если бы взяли, вот если бы начал писать и прочие если да кабы… Расстроился жутко, ведь кооперация — это конура, может быть спокойная, безмятежная и даже немного сытая, но конура, без света, где ничего не узнаешь и ничему не научишься. Сплошной собачий бред.

21 мая

…Умом-то я понимаю, что надежда на «Советский экран» иллюзорная. Так, пустые мечты. Блеф. Мыльный пузырь надежды. Но даже если это и мираж, отчего не помечтать. Мечтая, легче преодолевать зыбучие пески пустыни. «Жизнь длиннее, чем надежда, и короче, чем любовь», —

сказал, кажется, Окуджава.

Обежал все наши магазины и закупил на 14 рублей продуктов, включая французскую курицу (как приятно полакомиться «француженкой»!). Вера Павловна от такой прыти была в восторге: «Дорогой вы наш!..» После хозяйственных подвигов осталось ещё время поработать с Календарём: все вношу и вношу дополнения (увлекательнейшая работа). В редакции «СПК» я без малого пять месяцев, но уже чувствую: закисаю от скуки, покрываюсь плесенью. На радио я стал динамичным, быстрым, моторным, а тут всё тишь и гладь, всё делается не торопясь, вразвалку: не торопится начальство, тем более не спешат подчинённые. Так, наверное, можно дожить и до 100 лет, но нужно ли?..

…Безуспешно пытаюсь звонить великим — Тарковскому и Вознесенскому: один в Италии, другой в Переделкино. А на мою долю телефонная игра «Андрюша». О господи… Вот так и живём, работаем, прозябаем и надеемся.

25 мая

Купили электрофон «Рондо-204-стерео» за 204.70 (сто кг щавеля, он два рубля кило), притащили его с Ще вдвоём, долго читали инструкцию, налаживали (во время чего меня обвинили в

технической дремучести!), а потом слушали пластинки. Начали с Поля Мориа. Звучит здорово! После того как сломался проигрыватель в нашей «Рапсодии», года четыре у нас не было музыки, — и вот полилась. Теперь надо покупать пластинки. Гоняться за лицензированными изданиями. Не было хлопот — купила баба электрофон!..

В четверг Гриша принёс на работу перепечатанный томик Георгия Иванова, составленный по нескольким сборникам стихов. Половик открыл его для себя и поделился возможностью открытия для меня. Как здорово! Вот ещё один поэт, без которого русская поэзия существовать не может… За окном летели снежные хлопья, я читал вёрстку, попутно делал в официальный отдел материал по рационализаторам и изобретателям, вычитывал статью о промысле кротов и о том, как прокладываются охотничьи путики, вёл беседу с автором, зав. кафедрой научного коммунизма Кооперативного института Петром Месяцем о теории и методологии потребительской кооперации, — в промежутках между этими делами читал Георгия Иванова и плыл по волшебным волнам поэзии. Это не Егор Исаев. Это — настоящее.

Георгий Иванов! Отныне он в моей золотой ан-

тологии и, конечно, в Календаре. Поэт, близкий мне по духу, по мироощущению, по трагизму, наконец, по философии жизни…

Холодеет осеннее солнце и листвой пожелтевшей играет,
Колыхаются лёгкие ветки в синеватом вечернем дыму –
Это молодость наша уходит, это наша любовь умирает,
Улыбаясь прекрасному миру и не веря уже ничему.

* * *

Счастье выпало из рук,
Камнем в море утонуло,
Рыбкой золотой плеснуло,
Льдинкой уплыло на юг.

Счастья нет, и мы не дети.
Вот и надо выбирать –
Или жить как все на свете,
Или умирать.

Его сердце оборвалось в Париже, в 1958 году. Точной датой Литературная энциклопедия не

располагает: ведь это не «наш» поэт, не советский. Но это — русский поэт. И большой. Он прожил 64 года. Он трезво смотрел на жизнь. Не ждал «ни счастья, ни солнечного света». А молил о самой малости:

На этот бедный лоб немного льду,
Немного жалости на сердце это.

Тайм-аут в Запорожье

Командировка, как спортивный тайм-аут. 29 мая в 5.25 вышел из дома и поехал во Внуково. «Меняю мужа с двумя внуками на бортмеханика из Внуково» (Вознесенский). В 9.40 самолёт Ил-18 доставил меня в Запорожье. Встречающие везут меня не в гостиницу, а в общежитие кооперативного училища, где за медпунктом есть гостевая комната. Забрасываю вещи и с ходу в сопровождении местного начальства отправляюсь в Мелитополь. По дороге зампред по кадрам Ломакин с удовольствием рассказывает о себе, бывший НКВДэшник, политработник, на пенсии подался в кооперацию. Вскоре выяснилась диспозиция: сошлись чекист и журналист, патриот и космополит, прямой и горбатый, мужлан и эстет, а вот, поди, сидели вместе мирно, вполне

ужились, и Ломакину кажется, что я человек из его круга…

Мелитополь весь в пирамидальных тополях и в обволакивающей теплыни, +30°. Провёл беседу-интервью с председателем Мелитопольского райпо, который поразил меня на прощанье откровенной фразой: «Знаете, какая самая сладкая пыль? Пыль из-под колёс уезжающих проверяющих». Но это вроде бы не про меня — я из другой оперы… Первое угощение в гостевой комнате: кефир и гигантская сдобная булка — послание из кулинарного техникума. Утром проснулся, вышел в коридор, а там развешены плакаты «Тайна гриппа», «Кишечные заболевания», «Чесотка», — очень взбадривает. Ну, а дальше я выяснил, как Запорожский облпотребсоюз борется за технический прогресс, за механизированный труд.

В субботу, 31 мая, меня везут в какую-то Андреевку в пионерлагерь «Маяк», расположенный на Днепре. Роскошное место. Обалденный воздух: густой, его можно глотать кусками. Рядом сосновая рощица. Гуляем, дышим, болтаем. Фокстерьер Марсик носится по всей территории в поисках кошек, но кошек нигде нет, и пёс разочарован. Зато очарован я. Бывают вот такие просветлённые минуты, как будто на тебя нисходит благодать.

Никакой спешки, суеты, никаких забот и обязательств, только покой, тишина и воздух, — что ещё надо человеку?

Воскресенье провёл в городе. Много зелени, но и много загазованности. А ещё много женщин, целый рой разных возрастов, но почти одинаковой комплекции: пухлячки, толстухи, грудастики, попастики, с могучими прелестями, похожими на кавуны. Увы, прохожу мимо и бреду в сторону своего изолятора с лозунгом «Общежитие — наш дом родной!». С горя читаю «Известия». Инюрколлегия разыскивает детей зубного врача из Бобруйска Натана Лифшица, умершего в США. Как жаль, что я — не Лифшиц. Включил телевизор, показывают Флоренцию. Любопытно: на Украине путешествовать по Италии.

2 июня обсуждали подготовленную мною беседу — высший начальник остался доволен, и меня в благодарность везут на универсальную торговую базу: «Юрий Николаевич, чего хотите, выбирайте!..» Я растерялся и выбрал минимум по своим деньгам: супруге по 5 метров ситца и индийского батиста, плюс две польские косметички. Вечером в аэропорт и возвращение в московскую жизнь.

8 июня

Наступило красное лето. С моего балкона солнце ушло, но всё равно 25 градусов. Отличная пора — ещё всё густое, свежее, обильное и пахучее: деревья, кусты, трава, цветы. Так бы ходил, смотрел, нюхал, вдыхал и ни о чём бы не думал. И хорошо, чтоб тишина… никакого транспорта, машин, шума и визга… Хорошо бы (но это всё из серии — «нам слона достать большого…»). Как-то всё идёт не совсем так, как хотелось бы. Хотя вроде и грех особенно жаловаться.

…В пятницу встречался с Феликсом Андреевым. Редакция «Советского экрана» на Часовой улице, в 30 минутах ходьбы от дома. Много комнат. Какие-то кинодевочки. Какая-то художественно беспорядочная обстановка: разбросаны фотографии, бутылки, пластинки. Это кино. Не кооперация.

— Так, где ты работаешь? — спросил Феликс.

— В журнале «Советская потребительская кооперация».

— Потребительская? От одного этого слова можно вздрогнуть, — сказал Феликс.

…Меня могут взять… А могут и не взять. Если вспомнить мой первый разговор с Феликсом и его намёк на возможность работать у них, то меня тогда охватил какой-то восторг ожидания. Но те-

перь он прошёл. Я спокоен. Я как вашингтонский 48-летний интеллектуал Брюс Голд из последнего романа Джозефа Хеллера «Словно чистое золото»: «Единственным, что можно было предсказать наперёд, была неудача». И он же говорил: «Всё выходит не так, как задумано».

После Андреева позвонил Тарковскому (всё равно пропадать!). Разговаривал с Ларисой. Неожиданно поговорили хорошо. Андрей в Риме и начал снимать фильм «Ностальгия» по какому-то итальянскому роману, в центре которого тоскующий русский эмигрант. Это первый случай, когда Госкино выпустило советского режиссёра за рубеж, для съёмок фильма по контракту с частной фирмой. Об Андрее Лариса сказала так: «Это единственный режиссёр в Союзе, который снимает только то, что ему близко по духу…» И это действительно так. Даже его тёзка Вознесенский вильнул хвостом, а Андрей нет, упорно, фанатично гнёт свою линию. Честь и слава его одержимости и таланту… Я такой фанатичной целеустремлённостью не наделён. Что делать. Наверное, не те гены, не та физиология…

В пятницу вечером двигали мебель. «Рондо-стерео» произвела революционный переворот в квартире. Передвигая и разбирая, я ужасался:

сколько собрано барахла, книг, вырезок, разных архивов, — на три жизни, не меньше. А выбрасывать жалко. Все эти бумаги — суть моя личность. Что я без них? Читая, выписывая, собирая, я развивал и обогащал себя. Взять Календарь. Я до сих пор с удивлением его пополняю, и он стал стержнем моей жизни. Это — настоящее, а не мнимое дело не по долгу, а по призванию, тот воздух, без которого нельзя жить. Вот этого воздуха, очевидно, и не хватает Боре Линскому. Он всё болеет, недомогает. Работа полностью увлечь не может, жена — тем более, побочных интересов мало (марки и только). А тут определённая возрастная черта: вдруг осознаёшь, что едешь с ярмарки. Отсюда — тревога в душе, физиологическая нестабильность, пошаливание нервишек и всё такое прочее. Нечто подобное пережил и я: переход возрастного барьера. Но сейчас вроде всё нормально. Искусство, литература, философия, поэзия, кино, живопись, Календарь и даже нестареющий футбол — всё это по-прежнему меня увлекает и держит на повышенном жизненном тонусе. Мне жить интересно. Впитывать знания. Постигать мир. И даже старость меня не страшит. Есть Щекастик. Нам никогда не бывает скучно вдвоём. Мы как два крыла…

14 июня

Наконец решилось с Олимпиадой. Я назначен в качестве старшего инспектора в Службе при Управлении олимпийской пресс-службы. Бумага-то есть, а согласие? Иду к Фомину, и он неожиданно соглашается меня отпустить: «Что ж, это почётно… не забудь только билетики мне достать…» Почему-то легко согласился, тоже непонятно, то ли из-за настроения, то ли из-за ситуации: журнал вскоре должен отчитываться на правлении Центросоюза, и, может быть, ему на руку кадровые трудности по объективным причинам: вот, мол, берут людей на Олимпиаду!

Для альбома «Ще-40» написал два стихотворения.

Сорок. Сорок подскочило.
Незаметно. Исподволь.
Всё, что раньше веселило,
То теперь вселяет боль.

Но зато – мудрее мысли,
Глубже чувства, шире взгляд.
Будто распахнулись выси
И увиден жизни лад.

Лад не лад, но пониманье

К сорока годам пришло:
Жизнь – увы, не воркованье,
А сплошное ремесло.

Хорошо, когда ты мастер:
Жизнь и так, и сяк куёшь.
А когда над ней не властен,
Не поможет даже ложь.

Ложь о том, что всё прекрасно,
Всё чудесно, чёрт возьми.
Сорок лет ведь не напрасно
Караулят у двери.

Будем верить очень страстно:
Не напрасно, чёрт возьми…

18 июня

Итак, я, лично негативно относясь к Олимпиаде, неожиданно сам для себя встал на олимпийскую стезю… А Москва тем временем вся в предолимпийской строительной лихорадке: строят, мажут, белят, прихорашивают. На предприятиях, и в частности у Ще, людей задёргали разными идиотскими инструкциями: что можно, что нельзя… рассказывают, что в МГУ собирали студенток,

готовящихся встать за прилавок книжных магазинов, и учили, как надо объяснять, почему нельзя купить Пушкина и Толстого, надо, мол, как-то «выкручиваться». А одна студентка и говорит: «А я не могу, меня мама с детства приучила говорить правду!» Скандал. О боже…

20 июня

Первое заседание пресс-центра у Анатолия Коршунова: «Что вам делать? Вот Шмитько принесёт работу, посмотрите её… а пока до понедельника можете быть свободным… но не беспокойтесь: в табеле вы есть, зарплата идёт…» Словом, сумятица, хаос, неразбериха, — самое время сачкования. Хотя, конечно, потом, ближе к Олимпиаде, будет жарко.

29 июня

Мне выпала доля написать вступительные две странички «Олимпиада — вклад в дело мира» за Попова, заместителя председателя оргкомитета «Олимпиада-80». Что и сделал с утра сегодня…

После совещания Есенин рассказывал о своих итальянских впечатлениях. О футболе, о настоящем футболе, а не об олимпийском, который Коршунов назвал «мелкотравчатым». Смотрел я на старого, но лучащегося от довольства Есенина

и думал: какая разная судьба у отца и сына, да и какие разные они: отец — песенно-русский витязь, а сын похож на преуспевающего еврейского лавочника где-то в Амстердаме (кровь Зинаиды Райх оказалась сильнее есенинской).

В субботу, несмотря на хмурую погоду, поехали с Ще навещать Олю в Звенигород. Подышали воздухом, повидали Ребёнка. Вновь смотрели Саввино-Сторожевский монастырь. Оказывается, мы сюда приезжали с экскурсией лет 7 назад. Он был в полуразрушенном-полуреставрированном состоянии, в таком и остался. А ведь историческое место: основан в 1398 году, здесь жил царь Алексей Михайлович, бывал Никон, стояли отряды Лжедмитрия, укрывалась Софья с малолетним Петром. Рядом с монастырём был бивуак французов в 1812-м и так далее. Но всё это в запустении. Вот олимпийские объекты драят, чистят и холят, а старина… Мы всё более становимся страной Иванов непомнящих…

Сегодня с утра пошли в магазин: батюшки-светы! Олимпийское изобилие — ветчина, растворимый кофе, диабетические сырочки и прочая невидаль. И мало народу. Как-то непривычно и несколько тревожно, как перед концом света…

1 июля

Вчера поехал на «Динамо» к 10. Стадион оцеплен милицией, стоят даже около туалетов: живая картина Сантьяго (времён генерала Пиночета), только нет колючей проволоки, не слышно выстрелов и нет трупов. Но всё равно как-то неприятно.

6 июля

«Ни сна, ни отдыха измученной душе…» Какая-то беготня туда-сюда, чего-то постоянно жду, ожидаю, на что-то надеюсь… Начал названивать в «Современник». Дозвонился. Волчек говорит: приезжайте. Помчался на Кировскую, к Чистым прудам. С 15 до 16 шла беседа-интервью. В жизни она — нормальная женщина, не урод, как в «Осеннем марафоне». Излила на меня свои обиды на кинематограф. Весь её эмоциональный монолог изложил в интервью…

Впервые попал в Кремлёвский дворец съездов (очень много и не так уж много вкуса). Смотрели с Ще «Лебединое озеро». Одетту и Одиллию танцевала Михальченко, принца — Фадеечев, злого гения — Лагунов, шута — Зернов и т. д. Дирижёр — знаменитый по истории с «Пиковой дамой» Жюрайтис. Конечно, всё это сладко-чарующе: музыка, декорации, танцы. Но. Тут мне

встретились слова старейшей балерины Елизаветы Гердт: «С годами становишься мудрее, ко многим жизненным неприятностям я теперь отношусь вполне хладнокровно. Только не могу видеть спокойно, когда „грязно“, неправильно танцуют». Я не балетоман, и то было видно, как много помарок допускает кордебалет, а одна даже шлёпнулась в испанском танце. И вообще — и в этом с Ще сошлись, — классический балет устарел, нет страстей, нет борения, нет мыслей — всё рафинадно-сладенько. На Западе балет пошёл по другому пути.

8 июля

Моё Ватерлоо — Галина Волчек. Проявим, однако, хронологическую выдержку. Во-первых, погода, Ужасная. Холодно, с утра 14 градусов. С маленькими перерывами идёт дождь, то мелкий, то стеной. Влажность доходила до 92%. По радио обещают «нормализацию погоды», но пока никакой нормализации и никакого лета…

…Рванул в «Современник», поднялся на 4-й этаж и стал ждать Волчек. Очередное совещание. Доносятся слова про партбюро. Выходит красный, взбудораженный артист Щербаков (то ли его чистили, то ли он кого-то чистил). А вот появляется

и Волчек. Улыбается: «Проходите, я сейчас». Всё очень мило. Появляется снова, я ей протягиваю текст с интервью и объясняю, что начало тут неудачное (про богиню, которая повелевает, — и она, естественно, скривилась), но его я заменю, главное — ваши ответы на вопросы. Волчек говори: «Я разберусь» и углубляется в чтение, потом просит у меня авторучку и начинает делать какие-то пометки. Я холодею: не к добру. Кончила она читать, расстегнула свою стягивающую замшевую кофту-пиджак, освободила свои груди и закатила монолог. Вот где бы нужен магнитофон, но его у меня нет. Поэтому речь Волчек записываю по памяти.

«Это не то… не мой ритм, не моя лексика, не мой темперамент… в материале не чувствуется моя индивидуальность, моя яркость, неповторимость, отличающая меня парадоксальность… (я в отчаянии ей подсказываю, что в философии есть такой термин „самость“)… Самость — хорошее слово, — подхватывает Волчек. — Нужно, чтобы прочитали и поняли, что это говорю именно я. А у меня свой ритм, свои слова. У вас написано: „К примеру, много ли сыграла Раневская?“ А я бы сказала без этого „к примеру“: много ли сыграла Раневская? „Фильмы Феллини доставляют мне

истинное наслаждение“. Да я так никогда не могла сказать. Наслаждение?! Наслаждение — это клубнику жрать зимой. А того, кто говорит, что смотреть фильмы — наслаждение, я послала бы в жопу!.. (тут я чуть не упал со стула) пусть наслаждается… я бы сказала как-то иначе: для меня фильм Феллини — это открытие, так как-то… что это такое „яркие, самобытные актёры“? Я так не говорю… „В театре работают более творчески и плодотворно… Кино — это единственная отдушина“! ха-ха (но Волчек говорила именно так!)… нет, нет, вы меня не почувствовали… не поняли… не уловили… Конечно, я понимаю: это очень трудно, быть незнакомым, побеседовать с часок — и вот написать интервью… Вы не обижайтесь, вы правильно написали, но это — не я, нет моей индивидуальности… В отличие от других актёров, вы, наверное, заметили, что я почти никогда не пишу, не выступаю… мне лишняя похвальба не нужна… Вот предложили выступить в „Литературной газете“ с Райкиным, как собеседником в „Диалоге“, а зачем? Если мне захочется с ним так поговорить, я поговорю без всякой газеты… И если идут когда-нибудь слова от моего имени, я очень за этим слежу, чтобы всё было точно… Вот Скороходов пишет обо мне книжку, выйдет

в серии „Мастера искусства“. Он пять лет ходил в театр, на репетиции, собирал материал, вот у него всё точно, я вчера прочитала первые сто страниц…»

И в этот момент в кабинете главного режиссёра, как по волшебству, возникает Скороходов. Волчек визжит от восторга (она очень эмоциональна и про себя говорит, что день и ночь находится под напряжением 220): «Нет, в жизни так не бывает». На что я угрюмо замечаю: «В жизни всё бывает». Волчек объясняет своему штатному биографу, кто я такой, и просит прочитать интервью. Пока биограф читает, мы с Волчек продолжаем разговор. Прочитал интервью Скороходов и говорит: «Уникальная ситуация… Любимая артистка, Раневская или другая, подписалась бы под этим с удовольствием: ведь хвалят… всё написано профессионально, но только это, к сожалению, не годится именно для Волчек…»

И снова я ушёл в дождь (холодный душ после волчекской бани), грустно размышляя на тему своего крупного профессионального поражения. Потом Ще меня утешала и говорила: «Нет, это не поражение… и всё же тебе это урок: очень ты любишь во всём торопиться…» На прощание Волчек, прищурившись, увидела заголовок и сказала: «А

название хорошее — „Интервью с несчастливым человеком“».

…Вечером отправились в «Современник». Спектакль понравился очень: наша грусть совпала с грустью обитателей «Вишнёвого сада». Бесподобна была Алиса: Щекастик увидела Фрейндлих на сцене впервые. Это — не Раневская, но это — Фрейндлих, и не случайно её засыпали цветами.

12 июля

Дорасскажем историю с Волчек (её называю Волчёк, а она себя — Волчек). Вчера звоню ей утром. Милый разговор: «Юрий Николаевич… простите… приходите… приходите сегодня в театр, посидим часок, что-нибудь придумаем…» Ну, думаю, одумалась баба, покочевряжилась и баста. Сажусь за машинку и с ходу перепечатываю несколько страниц, меняя «богиню» на спокойное вступление, и уверенно еду в театр. Приезжаю. Секретарша говорит: «Галина Борисовна просила вас подождать, пошла перекусить». Минут пять жду. Из кабинета директора выходит Олег Табаков, значительный, импозантный, в очках, кепаре и шарфом на рубашке в виде банта. Сижу и болтаю с секретаршей об Олимпиаде, о правилах проезда на машине. Тут всовывается Яша из «Вишнёвого сада» — артист Сазонтьев. Секре-

тарша спрашивает его по поводу машины, знает ли он. На что следует ответ с несколько злобной интонацией: «Я — не Неёлова… В кино не снимаюсь… Машины у меня нет!» Секретарша после его ухода оправдывающе шепчет: «Актёр в театре получает 150 рублей, на них не разъездишься!..»

А я подумал о другом, как кругом непросто: солисты и кордебалет, звёзды и «кушать подано», генералы от театра и безымянные солдаты массовок, всюду поляризация, всюду неравенство и, соответственно, зависть, ненависть, вражда, что и попытался когда-то выразить Анатолий Кузнецов в своём «Актёре миманса» (жаль, не сохранили рассказ), а его заклевали: так не бывает! Бывает, да ещё как бывает!

Но это всё прелюдия. Приходит Волчек, в каком-то длинном несуразном платье, какая-то поникшая, раздавленная с осипшим голосом: «Здравствуйте… садитесь… втыкаем…» Последнее означает включение настольной лампы. И начинает вновь читать текст интервью. Тут же следует оживление и снова почти визг: «Вы меня не почувствовали, вы меня не знаете» и т. д. И пошло, и поехало. «То, что тут рассказано, правильно, но не мой ритм, не мой слог, одна литературная обработка. Прочитают и меня не

узнают. А я не такая. Вот вчера ходила на базар за редиской, страшная, нечёсаная, а рядом шелест: „Волчек, Волчек идёт“. А одна, с тархуном, и говорит: „Какая вы симпатичная, красивая. Вы скажите своему режиссёру, чтобы он вас снимал на ролях первых красавиц, вот ведь вы какая“…» (Слушаю я эти всплески волчекской души и думаю, что её внешность — это её пунктик, недаром она даже хотела подать в суд на Данелию за то, что он так некрасиво снял её в «Осеннем марафоне».)

А дальше совсем дичь пошла: «А давайте, Юрий Николаевич, с вами пойдём на эксперимент. Не вы у меня, а я у вас возьму интервью». Отвечаю: «Давайте!» (А что мне остаётся?!) Волчек: «Только честно, что вы обо мне подумали, когда вышли из моего кабинета? Но только откровенно. Не бойтесь меня обидеть. Вот, мол, сволочь, правда?..» Я начинаю отвечать: «Ну, зачем же так, ведь это ваше право не согласиться с интервью… Конечно, я был раздосадован, но тем не менее никаких гневных реплик в душе не кидал…» — «Нет, вы дипломатничаете, не хотите мне сказать, что думали обо мне, как о стерве!..» То есть разговор приобрёл какой-то глупейший оборот. Дальше — больше. «А что вы обо мне знаете? Что вы обо

мне думаете?» И она, как репей, привязывается ко мне, словно это репетиция: я — актёр, а она — режиссёр и требует от меня, чтобы я понял сверхзадачу в данной сцене.

Слово за слово — и вот мы уже как два боксёра в третьем раунде висим друг на друге, сил обмениваться ударами уже нет. Я не понимаю, чего она хочет в итоге (три раза я беседую с ней по часу, отнимаю драгоценное время, а, собственно, зачем, если она говорит категорическое «нет»), а она не понимает меня. «Вы давно работаете в „Экране“?» Нет, говорю, вообще не работаю, работаю на радио (при упоминании «потребительской кооперации», наверное, произошло бы землетрясение). Пауза. Иду в наступление и объясняю, что у меня уже вполне достаточно материала, и я могу написать о ней сам, без всякого интервью, основываясь на своих личных впечатлениях, но не хочу писать «отсебейно», а хочу строгого интервью, без изысков и пируэтов. Волчек не соглашается: «Лучше не надо. Это другие любят славу, а я обойдусь без неё. Мне самой писать некогда, а так, как тут, я не хочу. Да вы не расстраивайтесь, бывает же, что не получается. Ставишь спектакль, мучаешься, а он не идёт. Вот о Раневской написали целую книжку, она прочи-

тала и говорит: „Это не про меня!“ Бывает… Если у вас будут неприятности из-за меня в „Экране“, давайте я туда позвоню и всё объясню. Кто у вас главный редактор?..» «Этого ещё не хватало!» — отвечаю я. А дальше Волчек вновь становится милой и предупредительной и спрашивает: «Что я для вас могу сделать?.. Ну что вы ещё хотите посмотреть у нас?..» «Будет желание — позвоню», — говорю я.

Вот вкратце и весь разговор, смесь грубости и деликатности, правды-матки и дипломатии, по ходу которого главный режиссёр говорила на достойном рыночном языке, то бишь матюгалась. К концу разговора я её ненавидел. Угрохать столько времени — и всё бесплодно. Ну сказала бы сразу «нет» (она привела пример, как о ней писали в Америке: «Русский режиссёр говорит „нет“ в штате Техас!»), а то тянулась какая-то идиотская резина… Я шёл по скверику к метро, злой, усталый и опустошённый. Придётся в «Экране» признаться в своём фиаско. Стало быть, Волчек сыграла роль шлагбаума на моём пути в киножурналистику. Что делать?.. Выручай же, любимая мной поэзия. Камоэнс, португальский Данте:

Пустые грёзы, ничего не знача,

наносят между тем немалый вред,
лишь после понимаешь, сколько бед
таилось там, где виделась удача…

Фрейндлих и Волчек — два полюса, две стороны одной медали. Встреча с первой окрылила и доставила радость, вторая повергла в мрачное уныние… Что ж, бывает. Всё бывает на этом свете.

16 июля

Кончилась Волчекиада, началась экипировкиада… Появился Анатолий и начал рассказывать о страстях вокруг экипировки, как её не хватает, как сняли (он сказал: вынесли) старших редакторов и как он добивался, чтобы оставили Есенина, Травкина, Алёшина и Шмитько. А вот Геймана и Безелянского и ещё четырёх переводчиков отстоять не удалось, а посему все во вторник поедут получать форму, а вот вы, братцы, нет. У меня оборвалось сердце. Опять неудача. А тут ещё шнурок не достался к аккредитационной карточке. Поехал на работу, там не вставили в номер мою статью по Запорожью. Ну, пошла невезуха. Настроение — швах.

Вечером я снова поехал на «Динамо», на этот раз за книгами: энциклопедический словарь в

1600 страниц и энциклопедия «Москва» по номиналу: 30 рэ 20 коп. Вот уже солидная пенка с Олимпийских игр. На улице меня поймал Коршунов и произнёс следующую речь: «Гейман мне не понравился, а вот вы — да, своей выдержкой и хладнокровием… не вешайте носа… постараемся что-нибудь сделать… если ничего не получится, то компенсируем из благ, которые к нам потекут…» Я ему: дело не в благах, а в принципе.

20 июля

Вчера было открытие XXII Олимпийских игр в Москве. О них трубили лет пять, и казалось, что так ещё далеко. И вот — подлетели. С нашей карточкой пускают до трибун, а там можно было бы попытаться проникнуть в ряды, но я не поехал, а с «Динамо» вернулся домой и смотрел открытие по телевизору. В цвете это приятно, хотя, конечно, много помпезности и нарочитой отрепетированности. Было шествие команд: мало того, что многие не приехали, часть стран — Австралия, Англия, Франция, Португалия, Нидерланды, Дания и другие европейские страны в знак протеста против наших действий в Афганистане шли не под государственными, а под олимпийскими флагами, а некоторые не вышли совсем, и на церемонии открытия несли лишь

таблички с названием стран, что, естественно, мгновенно пресеклось телеглазом.

Словом, бойкот состоялся. И недруги России на всех «голосах» раскручивали олимпийскую тему, что-де новый президент МОК принял на себя бремя олимпийских развалин; Олимпиада в Москве — мрачный, безрадостный оркестрованный фестиваль. Что, мол, установлен первый олимпийский рекорд: один охранник на одного зрителя; Олимпийская деревня лучше монреальской и мюнхенской, удобней и комфортабельней, что там всё такое, что вызывает слёзы у жителей Томска и у всех других советских граждан, изголодавшихся по хорошим товарам, что граница между Москвой и Олимпийской деревней — это граница между дефицитом и избытком, которую охраняют солдаты, вооружённые автоматом Калашникова АК-47. И далее «Голос Америки» устами своего корреспондента из Москвы вещал, что город стоит на пороге чего-то неизвестного и опасного, что Москва строга и мрачна, что она сама не знает, что ей делать: то ли наряжаться для праздника, то ли готовиться к отражению нападения…

18-го, после долгих колебаний, зашёл в «Советский экран». Феликс сияет: вот-вот должны

подписать приказ о его назначении зам. главного редактора. Говорил: «Надо тебе входить в мир кино… Для начала — несколько раз напечататься». Один раз уже было с Волчек. Феликс с ней разговаривал (позвонила-таки, стервоза!). Она сказала, что к ней приходил очень милый, обаятельный человек, но, к сожалению, интервью не получилось, так как обнаружилось «половое несоответствие». («Вы меня не чувствуете!») В постель, что ли, надо было ложиться, чтобы её почувствовать? Словом, Феликс смеялся: «Старик, не расстраивайся… бывает… подойди к Бауман и подбери себе что-нибудь другое…» Что ж, «экран» не погас, экран пока мерцает.

Чем ближе Олимпиада, тем нервознее становится Коршунов. «Намечался приезд 7800 журналистов, а будет не более 2800. Но это не значит, что нам будет легче: приехали журналисты из АП, ЮПИ, из Южной Кореи, Норвегии, настоящие бандиты, приехали с единственной целью — порочить нашу Олимпиаду… Но у нас русская удаль… Мы выдержим… не такие испытания проходил русский народ… Есть, в конце концов, пресс-бар, на минуточку заскочил, освежился — и стоим до конца…» — так говорил Анатолий Александрович в своей тронной предолимпий-

ской речи 18-го числа.

23 июля

Поехал в «Экран», оттуда на «Динамо», матч Нигерия — Кувейт (обалдеть можно от такой экзотики). Опять «серые костюмчики».

— Тринадцатый, где находишься?

— Докладываю девятому. Иду на трибуну.

Как надоели эти переговоры по портативным радиостанциям, вся эта мания страха…

22-го, вторник. С утра — редакция, потом — Лужники. Снова возня вокруг аккредитационных карточек. У нас нет буквы «Е» (особая зона, где бывают иностранцы) и снова нас мурыжат на входах. Коршунов собрал карты и поставил у начальства… третью дырку, которая якобы даёт проход всюду! Ну и организация! Ну и неразбериха! На этот раз Есенин проходил с бодрыми словами, сквозь строй серокостюмников: «У меня кругом дырки, мне — можно!»

Редакционная группа — Есенин, Шмитько, Гейман и я — напряжённо работала: минуты две «отрабатывала» текст стенограммы пресс-конференции. А потом просто, элементарно грубо, смотрели футбол. СССР — Замбия, 3:1. «Хейя, хейя, Замбиа!» — неслось с трибун, но африканские любители ничего не могли поделать с нашими

профессионалами. Кейфовали в баре: кофе, бутерброды с ветчиной, орехи (когда-нибудь будут вспоминать!). Потом на коршуновской «Волге» довезли нашу бригаду до полудома. Вот такая идёт жизнь. Сегодня четвёртая игра. Футбол стал работой, и это тоже достойно удивления. Ох, человек, вечно недоволен…

25 июля

Интересный эпизод был вчера на «Динамо». Пришёл в пресс-центр Гостев (большой чин в ЦС «Динамо» и, судя по всему, генерал), ведёт разговоры, то да сё, вдруг его по портативной рации вызывают: «Говорят с контрольного поста: что делать? Люди несут на стадион бутылки с „Фантой“, пускать или не пускать?» Гостев оглядел всех нас и сыграл, что называется, на публику: «Да вы с ума там сошли, ещё дойдёте до того, что с пакетиками сушёной картошки пускать не будете! Конечно, пускать!..» И уже к нам: «Во народ! Дай только команду: всё что угодно запретят!..» Но ведь запрещено проходить на спортивные объекты с сумками, портфелями, свёртками, чемоданами. А что можно? «Фанту» можно? Где эта грань между всемилостивым «Да» и категорическим «Нет»?

27 июля

Уходят из жизни люди… В начале июля умер поэт Леонид Мартынов, и горевали поклонники поэзии, а 25-го не стало Владимира Высоцкого. 26 июля «Вечёрка» сообщила о скоропостижной кончине артиста Московского театра драмы и комедии на Таганке. Не стало самого популярного барда страны, который был популярнее Галича и Окуджавы. Он исполнял свои головокружительные номера под куполом советского цирка, — так выразился «Голос». И действительно, он резал правду-матку, едва прикрыв её эзоповским фартуком. Его ленты крутили по всей стране. Он был отдушиной, через которую тянуло настоящей свежей жизнью, не затхлой от официального лежания, а истиной, с водочным и табачным перегаром… В песнях он сжигал себя…

Вчера мы с Ще вечером слушали пластинки. И как звучали слова! Поэты — всегда пророки:

Мы успели… В гости к Богу не бывает опозданий.

Да что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!

Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,

Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани.

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее,

Умоляю вас вскачь не лететь.

Но что-то кони мне попались привередливые,

Коль дожить не успел, так хотя бы допеть…

Я коней напою, я куплет допою,

Хоть немного ещё постою на краю!..

«На краю»… Как у Пушкина: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю…» Это обыватель сидит в тёплом углу и урчит от удовольствия, а все великие норовят подойти к краю и заглянуть вниз…

Владимир Высоцкий не войдёт в энциклопедию, но в моём Календаре он будет обязательно.

29 июля

27-го пошёл на футбол. На этот раз не бегали и не суетились, а час с лишним просидели в динамовском пресс-баре за кофе. Я стал расспрашивать Шмитько о Литературном институте. Он учился на отделении поэзии вместе со Шкляревским,

Передреевым и Рубцовым (в книжке Кожинова о Николае Рубцове говорится, что Шмитько был одним из близких друзей поэта). Я тормошу Серёжу: расскажи, каким был Рубцов. Он рассказывает: маленьким, тщедушным сморчком, не от мира сего, людей не замечал, признавал только «родных», то есть близких ему по духу, пил страшно.

Сергей рассказал одну историю, когда с Рубцовым весь день и весь вечер кочевали из одной компании в другую, тяжело нагружаясь напитками, а ночью приехали на квартиру Шмитько. Утром Серёга проснулся, видит — Рубцов за столом, вокруг бокалы и фужеры, в которые он наливал обнаруженные им в доме все духи и одеколоны, всё выпил и в этом адском сладком аромате закатывал глаза к потолку и писал стихи…

У Шмитько есть теория, по которой поэтами руководит русская похмельная совесть. Нашуметь, пропить, надебоширить, а потом просветлеть и очиститься. И привёл слова Фатьянова, который однажды сказал, что наутро чувствует себя так, как будто накануне бросил бомбу в детский сад. И вот это чувство вины позволяет писать раскрепощённо, на высокой ноте, со слезой. Как, к примеру, Есенин. Шмитько рассказал, как любил

Рубцов петь под гитару свои стихи или Тютчева.

Вчера был вояж в Олимпийскую деревню. Сбылась мечта идиота: пробита вторая дырка! Приехали на юго-запад. По дороге проверяют. Все в сетчатых вольерах, как в цирке.

Кабели высокого напряжения. Пограничники в зелёном. «Какая-то инфернальная обстановка», — заявила Роговская. Карточки тщательно рассматривают, проходишь через стойку, как в аэропорту, на предмет оружия или металла. Милиция, охрана — всё то, о чём говорят «голоса» про Олимпиаду: порядок и деловитость под полицейской опекой. На территорию деревни пустили, туда, где торговый и культурный центры, а дальше, естественно, нет. «Постельные замки» под замком. Но дальше неважно, главное, посмотрели главную часть деревни. Такое впечатление, что побывали за границей. И не потому, что попали в водоворот иностранцев — спортсменов, тренеров, обслуги, а весь антураж иностранный. Спортивные магазины фирм («Адидас» и прочие), товары обалденные и развешены точно так, как на Западе. Но всё на валюту. И только в сувенирном магазине можно купить на наши деньги, можно, но опять не всем: только спортсменам. Мы сунулись со Шмитько — ни фига: «У вас не та

карточка». Позвали Левина, в таких делах он — король: «Милая девочка, да какая сегодня погода, то да сё», — и я Щекастику для первого августа купил четыре флакончика для снятия лака (нигде нет) и книгу «Русские поэтессы XIX века». А себе — три пачки лезвий.

На обратном пути из деревни заехали на Ваганьково: гроб с телом Высоцкого не привезли, а многотысячная толпа уже колыхалась вовсю, еле сдерживаемая милицией. Пробиться — невозможно.

А тут ещё один корифей: Михаил Жаров. Вчера с ним говорил по телефону, мол, «Экран» в связи с юбилеем хочет взять интервью. А он: «А юбилей у меня был, я по паспорту родился в 1899 году, а в справочнике ошибка. И потом, что такое „Экран“ — ну, дадите вы строчек 20… Вот хорошо бы найти одну фотографию, где я заснят в роли Алексея в „Оптимистической трагедии“, ещё в Камерном театре… Пришли тогда французы, один знаменитый писатель, не помню кто, с женой, тоже писательницей, и Всеволод Вишневский, тоже знаменитость. Вот есть такая фотография, вокруг неё можно и поговорить, правда, я не знаю, где мне её найти… Позвоните завтра…» Вот такой разговор: «огородами, огородами и к Котовскому!»

80 лет — почти маразм. Как выйду из положения? Непонятно, скоро буду опять звонить…

Встреча с Жаровым состоялась в ВТО, на 5-м этаже, в кабинете Эскина. Михаила Ивановича я еле узнал, это не удалец Меншиков и не грозный Малюта Скуратов, не очаровательный хозяйственник «Еропкин на проводе» и не голубой воздушный извозчик — лётчик Баранов, а старый-престарый человек, высохший, худой, с всклоченными белыми бровями и волосами, старчески небритый, с закрытым левым глазом, плюющийся и заговаривающийся (старость-старость, как ты жестокосердна!). И только когда Жаров вспоминал прошлое, входил в раж, глаза раскрывались, блестели и в размахе рук можно было угадать прежнего знаменитого артиста, сердцееда: «Я, Дусенька, графинь лобызал, а то вас!.. Эх! Я не тюрлюм, тюрлюм, тюрлюм!..» (слова Дымбы из «Выборгской стороны», фильм 1938 года).

В комнате Эскин, такой же экспонат, с дрожащими руками. Кто-то ещё. Входит режиссёр Туманов, постановщик открытия Олимпиады. Жаров: «Здравствуй, родненький, здравствуй, красивенький!» Целуются, и, судя по всему, у них тёплые, милые отношения, пропахшие запахом

театральных кулис. Вошла какая-то старая актриса. «Вы ещё живы?» — мило спрашивает Жаров. Она не обижается шутке, а все смеются.

Около часу проговорили с Жаровым, сидя на старинном плюшевом диване. Жаров рассказывал какие-то отрывки из своей жизни, перескакивая с одного на другое. Вспоминал, как до войны его пригласили на концерт в Кремль. Он выступил блестяще, и ему шумно аплодировали, так, как аплодировали только Сталину. Рассказывал, как Георгадзе со свитой приехал домой на его 80-летний юбилей награждать орденом, а он так разнервничался, что чуть не получил ещё один инфаркт… Что досаждали ему мальчишки своими криками: «Вот идёт цыплёнок жареный!» Что нынешние актёры — совсем не те, например, Табаков — актёр хороший, а о себе много понимает, всё «я» да «я», мы, — говорил Жаров, — были не такие, да и нас особо знаменитых было мало: я, Черкасов Коля, Симонов Рубен…

3 августа

Щекино 40-летие прошло шумно и весело… Женя Бочина, посмотрев юбилейный альбом, заявила: «Анька, какая ты счастливая, тебя так любит Юра, да если бы мне сделали такой альбом, я бы пол целовала…» Высказываний и

восклицаний было много, приведу ещё одно. Боря Давидовский был в своём репертуаре: «Хотя твой день рождения омрачён безобразной игрой нашей футбольной сборной, ты всё равно остаёшься прекрасной девушкой!» (для памяти: наша сборная проиграла команде ГДР в Лужниках).

7 августа

3-го по ТВ смотрели закрытие Олимпиады. Кто-то заходился от восторга, ну, а я взирал на всё иронически, и слова о том, что «олимпийское звонкое эхо остаётся в стихах и сердцах», совсем не тронули меня, и слюнявый аэростатный «наш ласковый Миша» не вызвал во мне слёз умиления. Я чётко понимал: постановочное действо, отрепетированный триумф…

4 августа компашка пресс-центра поехала на дачу Кости Есенина где-то в районе Балашихи. Меня отвёз и привёз на машине новый «дружок» футболист Виталий Артемьев. А там — «пикник на обочине»; футбол, купание и шашлыки… С интересом разглядывал пропылённое архивное царство Константина Сергеевича — старые газеты, журналы, фото… Дача принадлежала Зинаиде Николаевне Райх, здесь бывали Маяковский, Алексей Толстой, Эренбург, Шостакович, вся театральная братия Мейерхольда… После

ареста Мейерхольда и гибели Райх за владение дачей шла гражданская война. «Я ведь был женат трижды…» — сказал с улыбкой Костя Есенин… Вспомнились строки отца, Сергея Есенина:

Жить нужно легче, жить надо проще,
Всё принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

Опускаю разные подробности… На днях присвоили звание народных артистов РСФСР Фатеевой и Ивашову, а Высоцкий умер просто артистом из Театра на Таганке. И официальная пресса молчит о нём. А между тем Юрий Любимов назвал Высоцкого «хранителем национальных скорбей и радостей…». В Лондоне вышла книга Григория Свирского «На лобном месте» о литературе нравственного сопротивления, о магнитофонной революции, о прорывах сквозь цензурный бетон… Первым всколыхнул страну Александр Галич с его итогом: «а молчальники вышли в начальники». Ну, а потом пришёл Высоцкий и начал рвать рубаху на груди: «Долго жить впотьмах привыкли мы…» Сегодня Запад берёт Высоцкого к себе, как «своего», а нам, точнее власти, он вроде бы не нужен совсем — злопыхатель?.. Всё это

уже было. Когда-то мы вычеркнули из русской литературы не кого-нибудь, а лучшего — Ивана Алексеевича Бунина… А «кабацкий поэт» Есенин? А замалчивание Ахматовой и Пастернака?.. Кого только не тащили на лобное место…

10 августа

Снова на работе. Пятьдесят олимпийских дней позади, и хотя и были там свои интриги и аферы Коршунова, но это была всё же свобода. А вышел, и снова клетка: сиди и чирикай на кооперативные темы. Пытка за 210 рублей. Хочешь кушать — чирикай… Снова пошла жизнь со жгучим желанием: скорее бы пятница!.. И два дня дома — сам себе хозяин. И где искать покой? В стихах Карамзина («К самому себе», 1795 г.):

Стенать во мраке и терзаться?..
Что пользы? Рока и небес
Не тронешь ты своей тоскою
И будешь жалок лишь себе…
…Умей спокойными очами
На мир обманчивый взирать,
Несчастье с счастьем презирать!

31 августа

Что сказать о последней неделе лета? Были

холодные дни, всего +12. Были дни, когда лил дождь, монотонно и угнетающе. И было как сегодня — день мягкого осеннего тепла и умиротворения. Пока всё зелено, нет ни желтизны, ни меди, ни позолоты. Но лето уже — фьюить! — кончилось. Лето-80 стало достоянием истории. Это было странное лето, дождливое и холодное. В Швейцарии и Нидерландах — худшее лето за столетие, на Британских островах это лето было самое холодное за последние 300 лет. В ФРГ вышел из берегов Рейн. В Альпах летом выпал снег. Настали времена катаклизмов: климатических, политических, экономических…

Читаю воспоминания об Иване Катаеве и Владимире Киршоне. Конец 20-х — начало 30-х годов — «годы пошли иные, румяные, крупные яблоки падали в садах, крупные дети родились». Николай Атаров пишет: «Мы обострённо чувствовали, что только руку протянуть — и вот наступит наше Завтра, самое изобильное счастье». Отсюда шла сила, размах и энтузиазм. Отсюда истоки оптимизма… ну, а ныне? Погляди в окно!..

«Берёзки-80»

У Межирова есть строчка: «Мы люди сентября. Мы отдыхаем…» Правда, поэт отдыхал на Рижском взморье, ну, а мы в подмосковных «Бе-

рёзках» с 15 по 24 сентября. В пансионате нас с Ще встретили с большим удивлением: «А почему вы приехали сегодня? У вас путёвки с 15 октября, а не с 15 сентября». «Разве?» — удивились в свою очередь мы. «Хорошо, погуляйте до обеда…» — задумчиво сказал администратор и потом всё благополучно уладил. Номер мы получили, а вскоре приобрели и хорошую компанию в лице Марка Школьникова и Димы Животова. Общение укреплял магнитофон, и лились сплошные песни про «фею из бара, чёрную моль и летучую мышь». «Вы мне франками, сэр, заплатите…» И вообще-то: «Жизнь прошла кое-как кое-где / И пришла слишком ранняя осень…»

Забавы интеллигентов. «Раз пошли на дело — я и Рабинович…» Песенный примитив в противовес густым патриотическим песням «Мой адрес — Советский Союз» и про то, что «Ленин такой молодой…». У новых знакомых машины, и мы ездили в посёлок Северный за коньяком и шоколадом… 23-го поехали в Суздаль, по дороге заехали в Нерли и во Владимир.

25 сентября

А потом была московская часть отпуска с футболом и фильмом «Несколько дней из жизни Обломова». Начал даже писать детектив «Уильям

Смит — капитан „Немезиды“», но больше 8 строчек дело не пошло…

20 октября

«Господа юнкера, где вы были вчера?..» — спрашивал Окуджава в одной из своих песен. Юнкера — кооперативные журналисты были в гостинице «Космос», где проходил конгресс международного кооперативного альянса. На все вопросы по телефону, где я, Ще отвечала ошеломляюще просто: «Он в космосе». И люди падали в обморок. Опять работа в пресс-центре. Заостровский, как всегда, был бодр и кричал мне: «Вперёд, полковник!» А Фима, как обычно, был уныл и сообщал мне таинственно на ухо: «Кажется, я свалюсь…» И весь пресс-центр сражался с путаными стенограммами заседаний конгресса. В докладе доктора Лейдлоу (Канада) «Кооперативы в 2000 году» отмечалось, что экономисты и сама экономика, как серьёзная дисциплина, дискредитировала себя, и потому будущее предстаёт перед нами как «время неуверенности», что впереди грядёт «новое средневековье». Круговерть с конгрессом проходила с 8 по 16 сентября. Всё закончилось большим банкетом. Я выдержал всего лишь полчаса. Все стояли впритык с полными тарелками. А молодцы в красных рубашках с золотым ши-

тьём наяривали на балалайках. Рашен клюква — да и только! Показушно и противно…

3 ноября

Сентябрь и октябрь, за малым исключением, были наградою за гнилое лето. Дни стояли ясные, тёплые и крепкие. Только вот краски в эту осень были весьма блёклые, без яркой желтизны, без кричащего багрянца. Очевидно, у природы нынче был дефицит красок. Нехватки всюду…

Много прочитал и внёс в свой Календарь. Если говорить о редакционной работе, то к ней применимы слова польского сатирика Ежи Виттлина: «Монотонность работы лучше всего рассеивается халтурой». Из выставок, пожалуй, лучше всех была экспозиция Михаила Ларионова в Третьяковке… И ещё: заходил на радио, все, глядя на меня, ахали и удивлялись. Встретил секретаря парткома Акимова: «Ну, как вы, молодой человек?» «Всё нормально, — отвечал я. — Только вот скучаю по радио». «Все скучают, — сказал партайгеноссе. — Заходите, потолкуем…» А чего заходить? Поезд ушёл.

12 ноября

Был в «Советском экране», Феликс Андреев встретил меня весьма приветливо и показал

сигнальный номер журнала с интервью с Михаилом Жаровым. Предложили сделать интервью с Лапиковым, я отказался (не мой актёр). Тогда предложили Леонида Маркова. Ездил в Театр Моссовета и договорился с Марковым о беседе. В вестибюльчике служебного входа столкнулся с Маргаритой Тереховой, она полыхнула на меня взглядом: кто такой?..

17 ноября

Темнеет рано. Светает поздно. Утром встаёшь — как на Голгофу. Эх, жить бы где-нибудь в другом климате. В Париже, к примеру, в городе моей мечты…

19 ноября

Побывали с Ще в зале Чайковского на вечере поэзии. Вечер вела Лариса Васильева — большая, двухспальная и несколько странно одетая. Выступали Виктор Боков, Екатерина Шевелёва, Игорь Шкляревский, Александр Межиров, Татьяна Бек… Полетели первые записки: «Почему нет Вознесенского?» Вышел Анатолий Жигулин, какой-то пришибленный, тихий, деревенский, судорожно схватился за графин с водой. Начал читать стихи, сбился, забыл. «Бывают же такие ужасные случаи», — извинялся он. И продолжил:

«А что теперь в России, / В родимой стороне?..» Далее выступили Инна Кашежева, Владимир Костров, Надежда Кондакова, которая буквально завыла про маму, которая быстро стареет, а «века идут гружёные, как баржи». И это поэзия?..

Потом был перерыв и снова выступления. Лучше всех приняли барда Юрия Визбора, толстый, добродушный, эдакий положительный Борман. Читал про Арктику, про своё детство: «Кто мы были: шпана, не шпана?..» Михаил Львов в основном рассказывал байки про поэтов. Лучшее выступление было Юнны Мориц. Чёрное платье с цветным кушаком, строгий орлиный профиль и огромные глазищи.

Между миром и эфиром,
Между Цезарем и Брутом…

Публика всеядна: после Мориц ей понравился и Николай Тряпкин с его «треньти-бреньти… прокати до звёздного гумна…». Эдакий народный нянь Арин Родионович. Сказочник. «А у нас на Печоре — калачи на заборе, / А у нас на Печоре — и в прудах молоко…»

В отличие от песенного Тряпкина Юрий Кузнецов был уравновешен и строг. Читал глухо, невыразительно. «Я поймал её круглую дрожь, /

Как рука у меня трепетала!..» Публика принимала его сухо. Оставили без одобрения напор и энергию Татьяны Ребровой. Не очаровали платье-сари и шаль. А лично мне её пафосные строки о том, «как чисты на Руси женщины, мужество, хлеб и берёзы», показались просто надуманными и фальшивыми. Сколько можно поклоняться берёзкам? Пора переходить на корабельные сосны…

Последним выступил импозантный, как кинорежиссёр, Юрий Левитанский. Читал долго и не по памяти, а по листочкам. Притомившиеся слушатели ёрзали в креслах. Гардеробщики сердито ворчали: «Делать нечего, разговорились. Глядя на ночь…»

Последняя строка. Последний хлопок, и Лариса Васильева поблагодарила всех пришедших за «героическое терпение». Из душного зала мы рванули на свежий воздух.

Нынешний сбор в зале Чайковского ничем не напоминал былые поэтические вечера в Политехническом. Не тот поэт пошёл! Не тот! Нет ни Бальмонта, ни Маяковского…

22 ноября

20-го в киоске купил 22-й номер «Советского экрана» с моим разворотом о Михаиле Жарове. Сократили, убрали красивости, но всё равно

приятно читать. Пустячок, а приятно, тем более пустячок тиражом в один миллион 880 тысяч. В редакции нашей кто-то порадовался за меня, а кто-то позавидовал… На очереди третье интервью с народным артистом РСФСР: Фрейндлих, Волчек, теперь вот Марков. Беседа с Марковым происходила в его уборной. Высокий кряжистый Леонид Васильевич отвечал на мои вопросы охотно, но как-то сдержанно, не раскрываясь. Среди прочего я спросил его, почему редко снимают в кино прекрасных театральных актёров? В частности, Фаину Раневскую. Он ответил: «Слишком ярка, выпирает…» И мгновенно скопировал Фаину Георгиевну в роли тапёрши с папироской во рту за роялью из фильма «Александр Пархоменко». От неожиданности я даже охнул.

— А кого вам приходилось больше всего играть в фильмах?

— В основном этих… большевиков… железных… — с усмешечкой ответил Марков.

Напоследок я сказал Маркову, что принесу интервью ему на просмотр, а он: «Не надо, я и так вам верю. Пишите. Печатайте. Спасибо за внимание». То есть антипод Галины Волчек. Никакого выкобенивания.

«Остального не записываю — всё мельче», —

позволю себе процитировать слова Блока из его дневника.

2 декабря

Простудился, кашель (опять кашельман!), дали больничный. В поликлинике, пока сидел в очереди, наслушался жалоб от старых и молодых: врачи ничего не понимают, лекарств нет… Но зато полёты в космос. И с каждым космическим полётом вылетают в трубу тысячи районных больниц, дорог и водопроводов. С детства запомнилась чья-то фраза: без порток, а в шляпе!.. В поликлинике висит лозунг: «Достойно встретим XXVI съезд КПСС!» И непонятно, как надо достойно встречать съезд в условиях больничного учреждения? То ли врачам быстрее осматривать и прослушивать больных, штамповать больничные листы, то ли гражданам взять на себя повышенные обязательства и болеть чаще и интенсивнее?.. Главное — лозунг. Повесили и довольны.

12 декабря

Високосный год выкашивает людей: к Высоцкому и Дассену присоединился Джон Леннон. На 59-м году умер грузинский нападающий Автандил Гогоберидзе (меня в школе иногда звали

Автандилом за усики и стать под Гогоберидзе). А тут покончил с собой Слава Голованов, преуспевающий полковник…

Сколько уже смертей среди друзей, приятелей, знакомых… В стихотворении «На смерть К. Мещерского» Державин писал:

Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией косою блещет
И дни мои, как злак, сечёт.

И горестное размышление о смерти, которая приходит «как тать, и жизнь внезапу похищает». Какое удивительное старое словечко «внезапу». И блистательный афоризм: «Жизнь есть небес мгновенный дар» (1779–1783).

13 декабря

Слушать зарубежные радиостанции стало невозможно: треск страшный, забивают. Какие-то куцые сообщения о том, что Польшу пытаются удержать в «идеологическом корсете», что в Китае идёт суд «над бандой четырёх»…

Тут сверкнула идея перейти на работу в «Шахматную энциклопедию», сверкнула и погасла. И снова патовая позиция.

18 декабря

Отзвук от интервью с Марковым: «Петербургские сновидения» в Театре Моссовета. Завадский замахнулся на Достоевского. Получилось неплохо. Играли Тараторкин, Борис Иванов, Терехова… И посмотрели неплохой фильм Сергея Соловьёва «Спасатель» (Шакуров, Кайдановский, Друбич и другие). А где мой спасатель? Кто спасёт меня и вытащит из кооперативного болота?.. Для себя, в стол, закончил черновой вариант эссе-воспоминаний о Владимире Высоцком, 30 стр.

27 декабря

Всё время скачет атмосферное давление, повышенная влажность в воздухе, и, соответственно, все жалуются на плохое самочувствие, на головную боль… Оттепель бьёт все рекорды столетия, все дни стоит погода плюс 2–3 градуса. Грязные остатки снега. Гололёд. И упорный запах весны…

25-го присутствовал на заседании правления Центросоюза, слушал, как решаются вопросы. Вёл Смирнов, по-барски, грубо. Все перед ним пресмыкались. И никакого государственного взгляда, подхода. И председатель, и члены правления — не профессионалы своего дела, а откровенные дилетанты, напускающие на себя важный вид и думающие, что владеют отмычками для всех

решений. Неужели и в других министерствах и ведомствах сидят такие же неумехи и невежды? Если так, то это беда России. До катастрофы рукой подать…

Лукацкая рассказывала, что её сын Миша в школе писал сочинение на тему «Мой любимый артист», так он не нашёл ничего лучшего, как просто переписать мой очерк о Михаиле Жарове в «Советском экране». И так поступил не один Миша…

24-го был в гостях у Аркадия Гаврилова в 13-м Марьинском проезде, за церковью «Нечаянная радость». Он книжник и бумажник вроде меня: всё собирает и хранит. Бумаги и книги и никаких ковров и хрусталя. Но разве мы одни такие с Аркадием? Как писал Георгий Иванов:

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки…

Но вот что странно, что при всей нашей похожести интересов и интеллектуальных устремлений, между мной и Аркадием не возникает токов близости. Загадка из области психологии…

31 декабря

Газеты отмечают примечательные вехи 1980 года: Костромская ГРЭС, миллиард пудов казахстанского зерна, рекордный рубеж в сборе хлопка, полёты на орбитальной станции «Салют-6» и т. д. Одни достижения, фанфары, одна барабанная дробь. А где просчёты, ошибки, недостатки, упущения, нерешённые проблемы? Официально их нет. А на самом деле в стране бушует кризис почище западного.

В 1980 году ушли из жизни Сартр и Фромм, но об этом «Литературка» не написала ни слова. Эрих Фромм незадолго до смерти заявил: «…жизнь потеряла свою привлекательность и фантастичность. И если в жизни нет места мечтам, к которым стремится человек, по которым он тоскует и которые хочет претворить в жизнь, то нет смысла напрягать свои силы в погоне за мечтой…»

А Жан-Поль Сартр в своём последнем интервью в «Нувель обсерватер» говорил о своём отчаянии, о том, что пришёл к мысли: «Никогда и ничем это не кончится. Нет цели, есть только маленькие задачи, во имя которых сражаются. Мир кажется безобразным, дурным и безнадёжным».

Западные пессимисты. А в СССР живут отча-

янные оптимисты, которые полны «твёрдой решимости сделать грядущее десятилетие десятилетием больших свершений». И, наверное, свершат, но только не то, что задумали, а совсем противоположное… Лично я исторический пессимист. Но унывать? Выше голову, дружок, выше голову. «Утешайтесь надеждою: в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны» — так говорится в послании святого апостола Павла к римлянам.

Итак, в новый, 1981 год с новыми надеждами…

1981 год – 48/49 лет. Год бранчливого Петуха или мокрой Курицы. Поездка в Чехословакию. Слёт наставников в Минске. Знаменитый гость – Андрей Тарковский

2 января

Астрологи пугают страшным петухом — агрессивным и переменчивым, как, впрочем, и сама жизнь. Это только наёмные писаки стараются влить в дырявые меха очередную порцию уверенности и оптимизма.

Когда декабрь приносит январю
Итог заветный прожитого года,
Я вновь и вновь судьбу благодарю,
Что мир – прекрасен
И светла природа, –

соловьём разливается Людмила Щипахина на страницах «Правды». Нет, товарищ Щипахина, мир безобразен и ужасен, а природа темна и равнодушна. 31 декабря вечером вышли с Ще на улицу: никакого оживления, лишь одинокие

фигуры с сумками: повезло, что-то купили. И в редких окнах видны огоньки новогодних ёлок. Никакой былой праздничной суеты, оживления и ожидания какого-то чуда. У всех, как отметил Жванецкий, в глазах «большая озабоченность». «Мир прекрасен» — только в газете «Правда».

Лишь телефон трещал без умолку: звонил я, звонили нам. Войдя в телефонный раж, позвонил Волчек: «Здравствуйте, Галина Борисовна!..» Она радостно: «Солнышко моё!..» Я говорю: «Не солнышко, вы меня с кем-то спутали, я человек, который не взял у вас интервью для „Советского экрана“...» Волчек обалдело протянула: «А-а!..» Я поздравил её с Новым годом и спросил по поводу билетов в «Современник». Она: «Пожалуйста! Пожалуйста!..»

1 января были в гостях у Вити Кузнецова, знакомились с новой женой Таней. Вся комната в коврах и хрустале, маленький музей мещанского счастья. Татьяна — начальник цеха фабрики «Рот-Фронт», и, соответственно, на столе — полный Рот-Фронт! — шоколад «Нежность», сливочная помадка, клюква в сахаре, халва в шоколаде и т. д. Сладкая женщина, почти Наталья Гундарева, но без обаяния и симпатии...

7 января

Сегодня ровно год, как я работник кооперативного журнала «СПК», и не мог такое событие не отметить:

Вот год, как я в журнале,
И подведу итог:
Как Меншиков в опале
Отсиживаю срок.

Сижу как можно тише,
В «Экран» гляжу с тоской,
А по соседству Фишер
Сидит такой чужой.

Как ни крути и тресни –
Отсохнет мой язык, –
Ведь слово молвить не с кем,
Вот только… Половик.

Вот год, как я в журнале,
И подвожу итог:
На это мы чихали,
Как на вчерашний стог.

Вопросы есть? Вопросов нет. А тут ещё мне в отдел подкинули сотрудника Женю З. Не говорит,

а только что-то невнятно бубнит. Но как только начинает рассказывать о спортлото, то прямо светится. Большой любитель спортлото. Мечтает о крупном выигрыше… Короче, «СПК» — тихая заводь, отстойное болото. Не работа, времяночка, хотя многие утверждают: нет ничего более прочного, чем временное.

Реплика из будущего. И действительно, отпахал в кооперации более 12 лет и ушёл сразу, когда исполнилось 60 лет… (7 октября 2018 г.)

Несколько слов о Вере Павловне: она то активно шурует на кухне, то отрешённо сидит на диване в темноте, то болеет и мучается с давлением. Тёща тяжело переносит старость…

Продолжаю пастись в библиотеке, теперь уже Центросоюза: тома истории Соловьёва, «В мире Достоевского» Юрия Селезнёва, избранное Бальмонта и т. д. Виктор Асаулов предложил войти в пресс-центр первого международного юношеского футбольного турнира на приз Гранаткина в олимпийском зале ЦСКА на Ленинградском проспекте.

8 января

По линии Союза журналистов в редакции побывала старший научный сотрудник Института мировой литературы Лариса Георгиевна

Бухарцева и прочитала лекцию о современной литературе. Рассказ длился более 2 часов. Лично мне было интересно, ибо она говорила о диссидентской литературе, о западных славистах, о Солженицыне, о Шукшине, о Пикуле и даже процитировала эпиграмму на него, чем всех собравшихся шокировала:

Дорогой товарищ Пикуль,
Ты – большой оригинал:
На евреев ты напикал,
А Россию обосрал.

Говорила Бухарцева об эмигрантах (о которых я, спустя годы, напишу целых три тома. — 7 октября 2018 г.). Вспоминала Ленина, который признавался, что Инесса Арманд «умела меня выворачивать», — и это повергло в шок всех присутствующих в редакции. Прочитала и «Рождественский романс» Иосифа Бродского. Наша тёмная публика молчала: а кто такой Бродский?! Оказалось, что я был единственным человеком, который его знал и читал…

Лекция закончена. «Какие вопросы?» Я задал несколько вопросов, остальные подавленно молчали. Потом все встали и стали расходиться. Зам. главного редактора Заостровский подошёл

к Бухарцевой: «Тут я смотрел в Театре на Таганке „Деревянные кони“ по Абрамову. Ничего непонятно: собрали всё самое плохое о нашем сельском хозяйстве, всё негативное, артисты что-то поют, стучат… Подошёл к билетёру, женщина такая серьёзная, спрашиваю: как можно такое показывать? А она знаете что мне ответила: „Вы ничего не понимаете“. Я потерял дар речи. Это всё так ужасно…» Бухарцева внимательно посмотрела и ничего ему не ответила.

Вечером 8-го в спортивный комплекс имени Куца. Турнир Гранаткина, да ещё деньги будут платить в пресс-центре от фирмы «Спортобеспечение». Футбольные приятели мне завидуют: расскажи, что там? А мне скучно и не хочется, я давно отвернулся от футбола и пребываю в объятиях литературы, что явно приятней и завлекательней…

17 января

Погода: снег, лёд, холод — всё вперемешку. Выходить никуда не хочется, хочется быть в тепле и грезить. Щекастик остервенело занимается домашним хозяйством, а я со своей писаниной, не ради денег, а для души. Пишу дневник — любимую книгу воспоминаний.

15-го отчитывался за возглавляемый мной на-

родный контроль (новая забава режима). Как ни брыкался, избрали вновь. Общественная работа, — и каждый увиливает: только не меня!..

Жвачка буден. До чего противно.
Всё жуёшь её, жуёшь.
Посмотрел направо – примитивно,
Посмотрел налево – только ложь.

И тиски, и скрепы. Путы. Шоры.
Не ступить и в сторону ногой.
Глупые, пустые разговоры
Здесь и там. И рядом за стеной…

Ремарка из 2018 года. Вон когда появились «скрепы». Могу гордиться, что почти первым употребил это словечко, модное в поздне-путинскую эпоху…

Эх, на вольные харчи бы! Но с другой стороны — Аркадий Гаврилов рискнул, и что? Пишет, сочиняет, а опубликовать не может. Не может перепрыгнуть через барьер соцреализма. Я это вижу и чувствую и сижу в этом никчёмном журнале, хотя кому-то он интересен и полезен, для тех, кто не парит в лучезарных далях, а ходит только по твёрдой земле. Сижу в «СПК» — аутсайдер от журналистики и литературы, и никто мне

не поможет, нет Марии Фёдоровны Андреевой, которая из своих миллионов помогала Максиму Горькому: «Я не допущу, чтобы Алексей Максимович писал для денег. Его творчество должно быть свободно от мыслей о заработке… Я должна всё уладить, не беспокоя его».

Вместо комментария могу только развести руками: сладкая жизнь Максима Горького, но, разумеется, она, конечно, не была сладкой…

23 января

На неделе ездил в молодёжный центр «Олимпиец», деревня Свистуха, за Шереметьевым. Там проходил семинар секретарей комитета комсомола сферы обслуживания, в том числе потребительской кооперации. Общался с комвожаками и сварганил «круглый стол» — разговор о проблемах обслуживания народа. Официально говорили одно, неофициально — совсем другое. Они все — дети своего времени, времени дефицита товаров, нехваток всего необходимого, мастера ловчения и выкручивания по принципу «ты — мне, я — тебе». Я тебе, условно, дефицитную колбасу, а ты мне — дефицитный ситец. Герои — не Павки Корчагины и Зои Космодемьянские, а прагматики, циники и рвачи. И начальство советует работникам торговли предлагать народным

массам не товары, а дарить им улыбки. А трудности — потерпят, не привыкать. Народ, главное, у нас замечательный, — такова концепция отношений, которую выразил один из зампредов правления Центросоюза тов. Лупей. И что может быть ясней!

Веду переговоры с Андреем Тарковским о встрече. Читаю 13-й том Алексея Толстого: письма и публицистику. А ещё американских просветителей Томаса Джефферсона и Томаса Пейна. Если бы не служил, то только бы читал и учился и, как Карл Маркс, рылся бы в книгах — его любимое занятие…

3 февраля

Начал новую, XIX дневниковую тетрадь словами князя Вяземского, который, говоря о ремесле поэта, заметил:

«Он пишет, он писал, он будет век писать».

Верно. Своего рода мания, и нечего сопротивляться. Будем писать дальше… Дневник, а параллельно делаю свой Календарь мировой истории и России, важные даты и события, некую разновидность того, что задумал и не совершил Пётр Вяземский — свою «Россияду» «до хряща, до подноготной», некий «плевальник». У меня не плевальник, а сохранник.

До редакции «СПК» дошло закрытое постановление правительства по торговле, принятое в декабре 1980 года. Положение в стране наитяжелейшее. Недостаток товаров породил негативные явления, одно из них — торговля с чёрного входа. Предусмотрены строгие меры наказания и вводится принцип рационирования: продажи по заказам по предприятиям и прочее.

13 февраля

Продолжение темы. Николай Горбачёв в «Правде» (11 февраля) написал, что ныне социализм «вошёл в цветущую пору творческой зрелости». «Зримо развёртывается картина почти фантастического могущества страны…» И ни стыда, ни совести, продажные перья…

Справочка из словаря «Русские писатели 20 века» — издательство Российской энциклопедии, 2000 года: Николай Андреевич Горбачёв (1923), прозаик, участник войны, окончил Харьковскую военно-инженерную академию, там начал писать очерки и рассказы. Работал зам. главного редактора в журналах «Москва» и «Октябрь». Возглавлял Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Автор романа «Дайте точку опоры» — партия ему и дала. Видел то, что было видеть надобно. Лучезарный коммунистический

оптимист и, соответственно, лжец.

Нет, Николай Андреевич для меня никакой не писатель, вот Курт Воннегут — совсем другое дело, он настоящий, и в одном из интервью точно написал, что происходит в современном мире: «Каждый день производится всё больше оружия, всё больше производится аргументов в его пользу, и всё чудовищнее и опаснее ложь, которую мы выслушиваем. Мы полностью военизированы, и рано или поздно что-то должно случиться…»

И ещё один горький вздох: «Для большинства людей жизнь — слишком тяжёлое испытание».

И о нашей конкретной жизни: сегодня Щекастик последний день работает в НИИ приборостроения. Более 10 лет отдано служению «ящику» — закрытому военному предприятию. А теперь Ще выходит на новую работу, вполне мирную — в Институт жилищного строительства.

Хаче на день рождения пожелал: «И чтобы сердце — молодело, / Кипело, взбрыкивало, пело, / Хлестало, билось, стервенело, — / Невзгодам всем наперекор…»

16 февраля

День рождения Хачатурова не столь весело и шумно, как раньше. Многие постарели, и былой здоровяк Лифчик больше походил на большой,

помятый матрас. Это было 14 февраля, а 15-го, в день Анны-пророчицы, отвёз Щекастика на новую работу (точнее, проводил до «Белорусской» станции метро), я был в роли папы первоклассницы и нёс её ранец…

На работе дал перепечатать Наташе Домбровской свой очерк о Владимире Высоцком (очерк-опус-размышления). Она была в восторге: ещё бы, после нудных кооперативных текстов. Тогда я ей дал почитать и своего Вознесенского — и восторга было ещё больше. Короче, я не теряю времени даром и работаю пока «в стол». Много читаю для самого себя и для Календаря: стихотворения Вяземского, Аполлона Григорьева, монографию Лошица о Гончарове, Золотусского — о Гоголе, сборник «Религиозная философия в России» (автор — Кувакин), сборник статей об искусстве Франции, Англии и США. И прочитанная интересная информация ложится в Календарь. А ещё Герцен, Огарёв… Всего не упомнишь.

21 февраля

Ще отработала первую неделю в ЦНИИЭП жилища (экспериментального проектирования). Теперь встаёт не в 6 утра, а в 7 и выходит из дома не в 7 часов, а в 8.30. Новая работа — это новая книга. Я написал супруге краткое напутствие

— оно же наставление (как когда-то Ребёнку в 16, 18 и 20 лет, но в том случае, как говорится, всё коту под хвост). И вот советы 40-летнему зрелому гуманитарию:

1. Не возникай сама по себе. Не солируй. Люди не любят выскочек. Веди себя тихо, незаметно и скромно…

2. Минимум информации о себе и о других. Не ошарашивай своими знаниями. Лучше их выдавать постепенно, давая понять, что колодец бездонный…

3. С первого шага позаботься о своём лице. Имидж — вещь великая. Какой ты хочешь быть? Деловой, целеустремлённой, хваткой? Или весёлой, порхающей, беззаботной? Независимой, почти дерзкой с начальством? Или, напротив, поминутно кивающей и поддакивающей. Лучше всего, избрать деловитость в сочетании с обаянием. И дело делать, и расширять круг тебе симпатизирующих людей…

4. Не ищи друзей на работе. Это — утопия и повод для разочарования.

5. Старайся не иметь врагов. Даже с неприятными людьми держись ровно.

6. Не будь высокомерной. Простота, улыбчивость, доброжелательность — всё это товар

повышенного спроса, почти дефицит.

7. Сумей убедить начальство, что ты — незаменимый работник.

Итак, Ю.Б. в роли моралиста. Ларошфуко с улицы Куусинена.

28 февраля

Фомину предложил идею послать меня в командировку в передовой кооператив в Молдавии, но Толя скривился. Обычно он предлагает идеи… 23-го по случаю XXVI съезда партии пришлось выйти в качестве дружинника. Нагулялся всласть. Лейтенант милиции доложил обстановку в микрорайоне: одно убийство, несколько краж и угонов автомобилей. «Поглядывайте во дворы, — напутствовал дружинников лейтенант, — съезд съездом, а кражи кражами».

Что ещё. Многое хочу сделать, многое задумал, но почему-то плохо всё идёт (а может быть, стимула не было? — 10 октября 2018 г.). Злюсь на себя. Застопорился задуманный с Черняком детектив. Начало сделал и стоп.

Ну, а партийный съезд открылся. Всюду вывешены флаги. В магазинах появились кое-какие продукты: сыр, пряники и даже козинаки из миндаля. Остряки из народа предлагают чаще проводить съезды и олимпиады, тогда можно

что-то купить из необходимого. «Голоса» (вражеские радиоголоса, как считает наша пропаганда) иронизируют, что необходимо срочно создавать министерство по овощам и фруктам. Корифей кооперации профессор Абель Фридман на лекции сказал: «Наш парадокс: все выполняют планы, а продуктов нет…» «Немецкая волна»: идёт абсолютное обнищание масс. Наступает «Час Амальрика» — 1984 год…

Нет продуктов, но можно ещё купить книги. И подарок Ще к моему дню рождения: «Искусство первых лет революции» (издано в Финляндии) и альбом знаменитого немецкого экспрессиониста Отто Дикса (1891–1969). Изломанные формы, шаржирование и гротеск человеческих тел и лиц, напряжённый и нервный рисунок — это всё отзвуки чувства неистового гнева, глубокого беспокойства и потрясения на несправедливость буржуазного общества, как считают советские искусствоведы… Библиотека Центросоюза в Б. Черкасском стала более или менее заменять мне Радиокомитетскую. Последние прочитанные книги: «Тяжёлый песок» Рыбакова, «Человек появляется в эпоху голоцена» Макса Фриша, «Вторая реальность» Аллы Демидовой, «Мольер» Михаила Булгакова, Островский в серии ЖЗЛ, «Три

портрета» Манфреда (Руссо, Мирабо, Робеспьер) и ещё чего-то. И сразу интересная информация, изюм из булочки, заносится в мой Календарь. А вот «Годы без войны» Ананьева читать не смог — абсолютно неталантливо, нехудожественно, жалкая ремесленная поделка…

5 марта

Три дня после 2 марта, а 2-го — 49 лет. Накануне натолкнулся на строчки Петра Вяземского:

Кто не вилял? В гостиной я невольник,
В углу своём себе я господин…

Сижу дома. Отпросился «поработать дома», а статейку о подготовке кадров в Марийском потребсоюзе отредактировал за полтора часа. О, этот чудовищный русский язык местных начальников!..

Странно: забыт Радиокомитет, гонки за рублём, стрекот пишущих машинок, летучки, прослушивания. Ныне всё иное: расслабленная жизнь с многочисленными паузами в редакции, полуработой дома и эпизодические всплески и визги в «СПК». Потеря в деньгах, но выигрыш в покое…

В связи со 2 марта Саша Сериков прислал открытку из Никарагуа с изображением вулкана Телика с пожеланием благополучия, удач и ин-

тересного досуга. Пожелание точное: у меня свой «досуг», точнее, своё хобби, увлечение Календарём — историей и литературой. А простой народ увлекается телепрограммами «От всей души» и экстазирует от артиста и режиссёра Евгения Матвеева и от частушек, типа: «Ох, гармошка-горностайка, приди, милка, приласкай-ка!..» Всё просто, всё живенько и душевно. А эти гнилые интеллигенты в очках всё рафинируют свои интересы, утончают свой вкус… Вениамин Каверин в послесловии к Булгакову пишет:

«…Ему кажется, что всё ещё впереди, а на самом деле жизнь уже пошла под гору…»

С грустью надо признать, что этот спуск я ощущаю. Он начался, и ничего с этим не поделаешь. Как-то блекнут краски жизни, не так остры, как прежде, ощущения. И радость глуше, и печаль шире. Строя планы, думаешь, а когда их выполнять? Успеешь ли?.. Вот и Алла Демидова в своей книге цитирует Данте:

Земную жизнь пройдя до половины,
я очутился в сумрачном лесу…

Итак, свои 49 лет я встретил в работе, в чтении, в выписывании, в поисках интересной информации (спустя почти два десятилетия обо мне

в газетах напишут: «Ловец информационного жемчуга». — 10 октября 2018 г.). Совсем некогда полежать, полодырничать. И когда я изредка прилягу, то Ще в панике, что случилось? Так ей непривычно видеть такое моё состояние. Читающий, печатающий, клеящий, листающий — это привычно!..

12 марта

До пенсии осталось 10 лет, 11 месяцев, 20 дней. Если не будет войны, то осталось не так уж много до блаженного покоя. Доскрипим. Но такое ощущение, что сдаю: прыть и динамизм выветриваются, как дым из трубы… Весенняя усталость, витаминное голодание? Хотя какая весна? На дворе — зима. Сыпет снежок, закручивают морозы (сегодня: минус 11)…

Несколько слов о Ще: на 18-й день новой работы пошло отторжение. У меня в конторе не лучше. Можно утешаться строчками Ваншенкина:

Жизнь идёт не так, чтоб слишком гладко,

Жизнь, она по-прежнему идёт.

…Вернулся из командировки в Воронеж Чинарьян и рассказывал, как вольготно и нагло живут местные власти. Половик отреагировал,

сказав веско: «Чиновника ничем не исправишь, он понимает только одно: пистолет!..»

21 марта

Фомин стал первым из нас, плехановцев, кто достиг 50 лет. Хача кипит против него, я спокоен. Анатолий упорно карабкался на вершину карьеры и достиг её, став главным редактором журнала. Карабканье — это не мой стиль, поэтому не завидую. Вершины — всегда опасны. В долине безопаснее и вольготнее… Захаживаю в Домжур к Василию Кузьмичу. Безрадостно: всего 6 туристических групп отдаётся на весь московский Союз журналистов, предпочтение «крупнякам»: ТАСС, АПН, Радиокомитет. А «СПК» — это маленькая рыбёшка, килька-тюлька какая-то, плотва…

28 марта

Вес в килограммах: я — 73, Ще — 71. Из новостей выделю Дневник Галины Николаевой. Она прожила 52 года (1911–1963) — Галина Евгеньевна Волянская — настоящая фамилия. Её роман «Битва в пути» (1957) — прозвучал в период «оттепели».

«Он пришёл». Визит Андрея Тарковского

Так называлась пьеса английского писателя Джона Пристли с закрученным драматическим сюжетом. Встрече с Андреем Тарковским тоже предшествовали долгие переговоры по телефону и события. И вот ОН пришёл. И не просто пришёл, а подарил 6 часов своего драгоценного творческого времени (и видит Бог, я пишу об этом без всякой иронии, а только с почтением). Мы с Ще буквально купались в общении с талантливым человеком (а может, гениальным). Мысли, образы, язык, стиль выражения — всё иное, чем у обычных смертных. На следующий день я поехал на работу на собрание, увидел всех своих сослуживцев и загрустил. «Нет, это не Тарковский!» Все обыденные люди, плоские, одномерные и скучные, ни одной свежей мысли. И у Ще было такое чувство на её работе. При встрече и разговоре с Андреем был простор, дул свежий ветер, а после него снова затхлая, душная атмосфера редакционных комнат — вот в чём ужас…

Итак, 28 марта у нас в доме был Андрей Тарковский. На следующий день я вчерне записал весь разговор с Андреем, а в дальнейшем частично использовал всё записанное в своих публикациях

о Тарковском. Повторяться не буду…

29 марта

Были в концертном зале «Россия» на концерте Радмилы Караклаич. Живая, импульсивная эстрадная дива, не чета нашим вялым голосящим созданиям. Пришли домой, включили телевизор, а на экране бабушка советской эстрады Клавдия Шульженко:

Строчит пулемётчик,
Чтоб синий платочек
был на плечах дорогих…

Наши реалии и непременно с пулемётом.

1 апреля

Был на Пятницкой, и ощущение, что с радио никогда не уходил. Всё знакомые лица. Поговорил с Сашей Жетвиным, которого ещё помню со времён многотиражки в Плехановском институте, писавшего горячие и взволнованные стихи. А что сейчас: седой, измотанный мужик. Спросил его, почему до сих пор не уходишь с радио, вроде бы собирался? А он в ответ: как уйдёшь? С утра до вечера, то репортаж, то комментарий, то интервью, и упускать гонорар не хочется: деньги, как брошенный в воду якорь, — не отплывёшь! Мне

Егор Исаев говорит: «Собери книгу своих стихов — издам! А мне всё некогда…»

Ремарка вослед. Так ничего и не издал подававший литературные надежды Александр Жетвин, ещё учинил какую-то семейную драму, в результате понижение в должности на р/с «Маяк», и сгорел Саша преждевременно, сломав собственную судьбу. Не он первый, не он последний… (11 октября 2018 г.)

Как хорошо, что я соскочил с этой гонорарной карусели и ушёл (а точнее: меня ушли) и начал по существу новую жизнь…

5 апреля

За турнир Гранаткина получил небольшие деньги. Стоял в длиннющей очереди среди тренеров, судей, журналистов. Удивительное дубьё, и никакой им Тарковский с «Зеркалом» и «Сталкером» не нужен. Ну, об Андрее написал материал, 16 стр. Ще прочитала и всплакнула.

— Почему слёзы?

— Тебя жалко, — ответила Ще.

Дочитал 6-й том Стефана Цвейга, и потрясло некое совпадение с жизнью Гёльдерлина, Клейста и Стендаля.

«Как и Гёльдерлину (Фридрих Гёльдерлин, 1770–1843, немецкий поэт-романтик), мне никто

не мог привить твёрдость и суровость, укрепить мускулы чувства для борьбы с вечным врагом, с жизнью» — так написал Цвейг. Гёльдерлин избегал вульгарной практической деятельности, отказывался погубить себя недостойным занятием. Так и я, в сущности, отказался от карьеры. Вот почему Фомин — главный редактор, а я — всего лишь заведующий отделом журнала. Меня привлекают не встречи и общение с полезными людьми, а только свои интеллектуальные игры… Как и Гёльдерлина, меня гнетёт тоска по недосягаемой выси… The world is too brutal fame — «Мир слишком груб для меня», — говорил Гёльдерлин.

Я тебе, наверное, кажусь загадкой?
Правда? – Можешь быть спокоен.
Бог мне кажется такой же, –

писал другой цвейговский герой — Генрих фон Клейст (1777–1811), немецкий писатель-романтик, покончивший с собой вместе с возлюбленной… Цвейг так определил жизнь Клейста: «вечное бегство от пропасти и вечное стремление к глубинам». Клейста съедал «шипящий выводок страстей». Я подобно Клейсту (если не сравнивать, что сделал он и что делаю я) — «я творю только потому, что не могу перестать», — утвер-

ждал романтик из далёкого начала XIX века.

Ну, и третий — Стендаль (Анри Бейль) — лжец и мистификатор. «Вводить других в заблуждение — такова была его постоянная забава; быть честным с самим собой — такова его подлинная непреходящая страсть» (Ст. Цвейг).

«Говоря по правде, — писал Стендаль Бальзаку, — я вовсе не уверен в том, что обладаю достаточным талантом, чтобы заставить читать меня. Иной раз мне доставляет большое удовольствие писать. Вот и всё».

А ещё я, как и Стендаль, что-то собираю и беспрерывно делаю выписки и пометки. Чисто стендалевское качество: познать себя. Не забыть что-либо из пережитого, вычерпнуть горстями реку жизни…

11 апреля

Стендаль — далеко и высоко, а вот Саша Стрижев рядом, встречался с ним, работает в приложении к чему-то — «Приусадебное хозяйство» и шутит: «Сижу, как репа, на грядке». И откровенно: «Не хочу писать на современные темы, о передовиках труда, лучше о брюссельской капусте. Хочу оставить в душе свободную зону и заниматься тем, чем хочу…» И поэтому Стриж читает дореволюционных религиозных авторов.

Плюс фенология и ботаника. Какой-то отзвук от Осипа Мандельштама:

Брось, Александр Сердцевич,
Чего там? – Всё равно!
Всё, Александр Герцевич,
Заверчено давно!..

14 апреля

В рабочий день, проведённый дома, в 20.40 закончил печатать 9 страниц эссе «Ещё раз о нём» — об Андрее Вознесенском. Некая рецензия на последние стихи поэта.

Торопись, моя современница,
годы сдвинутся, царства сменятся…

Читаешь Вознесенского, и видишь всё тот же набор тоскливо-отчаянных чувствований и эмоций на взрыде: «Что уж плачь! Открылся страшный клапан!..» Поэт весь в негодовании на серость, лишённую интеллигентской рефлексии, чеховской совестливости, жажды правды и справедливости, выражает своё неприятие тех, кто поклоняется, как богу, собственной выгоде. Часть из них, по мнению Андрея, всего лишь «молодые гномики экономики», вся эта шушера, разжиревшая на нынешних дефицитах и нехватках…

Далее я писал о том, что в творческом соревновании выразить суть современной России двух «псов России» Владимир Высоцкий победил Андрея Вознесенского.

Компромисс Компромиссович
Шепчет мне изнутри:
«Ну не надо капризничать,
Строчку чуть измени».

Это уже другой кандидат в гении, Евгений Евтушенко. В своём тексте я вспомнил и довоенное прошлое, когда в поэзии в основном преобладали труд и пафос. Машины, винты и гайки — всё стало поэтогеничным, как выразился Александр Жаров. Поменьше девочек-трусих, побольше девочек-активисток, — прозвучал призыв Наталии Сац образца 1934 года. Короче, поэты должны выполнять социальный заказ эпохи. Андрей Вознесенский — один из немногих, кто против соцзаказа. В поэме «Андрей Полисадов» он говорит напрямую:

Мудрость коллективная хороша методою,
но не консультируйте, как любить мне родину…

Вознесенский сам хочет быть пророком, «поводырём России». Очень хочет «мрачной бездны на краю», как сказал другой классик.

…Это только отдельные выдерги и пассажи из того давнего текста.

19 апреля

Как правило, каждую запись я озаглавливал. Эту так: «Неделя как неделя». И начало: эх, надо писать. Это и отрада, и психотерапия.

Писатель Александр Гладков советовал, что надо всенепременно записывать. Чем подробнее, тем лучше. Даже не заботясь о стиле. В будущем всё это не только пригодится, оно может оказаться среди непререкаемых свидетельств времени… Сегодня, в октябре 2018 года, прочитал я, что было и что волновало меня в те далёкие апрельские дни, — какая-то одна суета и мышиная возня — ничего интересного, только вычитанные слова Крития, одного из «тридцати тиранов» до нашей эры, — сказал, как припечатал:

«Иные же из смертных ищут постыдной выгоды паче нравственного благородства; таково житейское блуждание людей».

Тиран за «нравственное благородство» и против «житейского блуждания людей». Ну, а наше современное «блуждание»… 16 апреля ездил на

Пленум ЦК профсоюза в Дом туриста в конце Ленинского проспекта. А 13-го — воскресник, названный «красной субботой». Газеты и радио разливаются соловьями: труд, счастье, весна!.. В апрельском номере «Воплей» — народное название «Вопросов литературы» — с интересом прочитал статью Натальи Ильиной «В кругу чтения», где она возмущается тем, как на Западе пишут о сексе, и приводит цитату героини одного романа: «Ничто не доставило ей столько радости, сколько эта высокая оценка её зада…» Ильина негодует, воспитанная на русской классике. Лиза и Лаврецкий — тургеневские персонажи — сидят на садовой скамейке, и… робкий поцелуй. «Фёдор Иванович… Что это мы с вами делаем?» — говорит Лиза. Золотые времена патриархальных отношений!..

Витя Черняк подарил свою повесть «Тропики. Утром в четыре часа…» с надписью: «Дорогому Юре Безелянскому, прекрасному доброму человеку с большим вкусом и ещё большим обаянием. С неизменной симпатией. В. Черняк». И хочется сказать по-одесски: «Он с повестью, а я — без».

25 апреля

…А я-то думал, что получу диплом, начну работать, стану на ноги и заживу. Думал и сглатывал

слюну, глядя на витрины магазинов, где висели окорока, лежала буженина, плескалась в судках живая рыба, и даже табачные киоски были забиты банками с крабами… И вот давно получен диплом, я вовсю тружусь в редакции, есть деньги, а покупать нечего: всё уплыло, растворилось, исчезло, как бриллиантовый дым в дворницкой Тихона из знаменитого романа. Сияющий социализм в отсутствие товаров и продуктов. Шаромпокатизм!..

23-го был в гостях у Черняка. Наш совместный детектив застопорился, а Витя долбит что-то другое. Его кредо: творчество — это вид добывания денег. И Витя куражится: «Ананьев, Алексеев — это такие бездари, мы ведь с тобою в сто раз их лучше!..» Черняк идёт по стопам Сергея Михалкова, который издаёт своё шеститомное собрание сочинений и вдруг узнал, что у Бориса Полевого будет десятитомник. «Как я мало написал! — воскликнул Сергей Владимирович. — А ведь Полевой по сравнению со мной форменное г…».

Н-да, без комментариев. Мне ближе скромные люди, лишённые завышенных амбиций, к примеру, художник Серебряного века Константин Сомов, его дневник мне очень понравился.

19 января 1923 года 53-летний Сомов записывал

после вечера у Александра Бенуа: «…А я чувствовал себя таким старым, уродливым и мне было чрезвычайно грустно весь вечер…»

И в том же январе Сомов в дневнике: «Кончил картину „Пьеро и дама“ отвратительную!..»

За полгода до смерти, когда художнику было 69 лет: «Грызёт меня совесть: дни бегут бешеными темпами, а я, „преступник“ (для самого себя), болтаюсь, жду чего-то, ничего не предпринимаю, а мог бы ещё написать неплохие, а может быть, и мои лучшие картины! Какое отсутствие воли, энергии!» (27 декабря 1938 г.).

Сомов себя корил, а сколько он сделал! Но его грызло вечное недовольство собой…

А что я? Вместо того чтобы чирикнуть какой-нибудь рассказик и куда-нибудь его пристроить, опять долблю только для себя, для памяти, для истории. Энтузиаст-бессребреник. Нет, Черняку этого не понять: он из другого теста…

30 апреля

Что ж, продолжим Повесть тлеющих лет. Канун Первомая. Кумач есть, а праздника нет. В «Литературке» прочитал чьи-то иронические строки:

В нашей жизни стало пусто,

Не вернёшь себя назад.

Где вы, пирожки с капустой?
Где ты, райский аромат?..

Мне уже все двадцать с гаком,
Как летят мои года!
Не забуду сушки с маком,
Не забуду никогда.

На работе получил неплохие деньги — зарплата, гонорар, прогрессивка. А купить нечего: ни из одежды, ни вкусненького поесть… «Вообще я мирихлюндю…» — как писал Константин Сомов в июле 1928-го.

3 мая

По случаю праздника заработал фонтан, и я тут же сочинил:

Мы шли устало, еле-еле,
Ругали жизнь, судьбу, весну.
И вдруг пред нами – фонтанелли,
И мигом мы обрадовелли,
И в мыслях вмиг порозовелли,
Сказав всего лишь: «Ну и ну…»

Ушло куда-то огорченье,
Усталость, леность, утомленье,

От жизни скотской озверенье –
Всё улетело разом вмиг.
Мы наслаждались фонтанелли,
Игрой беспечною капелей,
Стихией буйной в стиле Шелли,
Прекрасным миром без вериг.
И тотчас мы успокоэлись,
И, как котята, разрезвелись.
И шаг прибавили, и слог.
То фонтанелли был урок…

Такая вот шутка с неологизмами, в противовес академическому фонтану Фёдора Ивановича Тютчева:

О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!..

Ну, а как мы с Ще? Живём и даже изобрели эффективный способ глажки белья: Ще гладит, а я читаю ей вслух стихи или Календарь… Эх, всё бы ничего, но завтра на работу. И опять не принадлежать себе, с головой погружаясь в редакционные «мероприятия»…

9 мая

Ездили гулять в Серебряный Бор. Митинги у памятников. Ветераны при регалиях, пионеры навытяжку, мордашки серьёзные. Бойкая торговля бубликами. «Да они чёрствые!» — «Ничего, и такие съедите!» Обратно в троллейбусе услышали разговор участников войны: «Эх, надо было бы раздавить всю Германию!..» Да, такое мнение бытует, что надо было бы захапать всю Европу. Эдакая ненависть к иным формам бытия, мол, кругом гады и фашисты, и мы страдаем исключительно из-за них, — весёленький советский шовинизм.

Прочитал пушкинский сборник. Георгий Иванов:

Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

Что-то не пишется. Вхожу в минор, как в штопор…

11 мая

Активно занимаюсь Календарём: вношу в него

то нашего Языкова, то англо-американского поэта Томаса Элиота с его трагическим ощущением бессмысленности и пустоты жизни. Вроде бы мне грех жаловаться: неделя была не пустой. Но тем не менее подспудное неудовлетворение ощущается и вылилось в строки:

Старый, с вислыми лохмами,
вылитый спаниель,
Жизнь превращаю в хохмы
или в дуэль.
То хохочу, как безумный,
то плачу опять навзрыд.
Не научился умно
выдерживать этот быт.
В приступе истерики
часто себя ловлю.
Вижу во сне Америку:
I love you!
В яви Фомин и Фишеры,
стон и муть.
Хочется влезть на крышу
и сигануть.

14 мая

У меня невесёлое настроение, а у участников слёта кооператоров со всей страны совсем иное — бодрое, приподнятое, трудовое, по крайней мере, в речах с трибуны. И я, участник слёта, как журналист «СПК», только диву давался. Выступает молодая женщина, завмаг из посёлка в Донецкой области, и делится с залом: «Мы живём с вами в замечательной стране… Придёшь домой после работы, включишь радио, а там какая-то ткачиха уже шагнула в другую пятилетку. И как же мне теперь быть? Надо за ней шагать следом!..» В зале одобрительные аплодисменты и крики: «Надо!»

Бедные зомбированные люди, отравленные сладким ядом пропаганды, они верят и трудятся, планы выполняют и перевыполняют. ЦСУ радует цифрами всю страну. Только вот на прилавках никакого оптимистического изобилия нет. Пусто. Лишь в сердце стучит гордость за великий и могущественный Советский Союз!.. Хотя, если честно, была и толика критики на слёте. Так, одна продавщица сказала: «Доярки требуют от нас скребки для коров, марлю для сцеживания молока, а ничего этого нет…» Узнаю великий Союз: космические корабли есть, а марли и скребков нет! Космос — для престижа и величия, а бинты

и марли (и миллион всяких необходимых вещей) в дефиците…

А после слёта-форума был праздничный концерт в зале «Россия». Взял с собой Ще: это надо видеть и слышать, когда хор грянул: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек…» Размах, ширь, мощь. А в буфете было как при коммунизме: жульен из грибочков, бутерброды с икрой, водичка «Тархун» и т. д. У Щекастика широко раскрытые глаза, а когда я ей показывал руководителей потребительской кооперации страны, она ещё больше удивлялась: «Ну и рожи!» Рожи были откормленные, гладкие, с оттопыренными щеками…

17 мая

Подводил итоги: сделано 6 томов Календаря мировой истории, 6 томов ЮБиблии — «Человек и общество». В первой «изумрудной» дневниковой книге (1950–1989) я почему-то не упомянул свой эпохальный для себя труд, а это более тысячи машинописных страниц.

1-й том «Хорошо темперированная сонатина для флейты-пикколо и баса-кларнета», начат 14 мая, закончен 1 декабря 1973 года. Несколько эпиграфов:

«Я чувствую себя хорошо, только когда пишу»

(Серен Кьеркегор).

«Великая тяжесть давила ей на сердце — тяжесть мира, лишённая смысла» (Торнтон Уайлдер. «Мост короля Людовика Святого»).

И последний, 6-й том (27 апреля — 21 июля 1975 г.). Плюс в томе Международная панорама и эссе «Северянин: поэза жизни» (сентябрь 1975 г.). И снова несколько эпиграфов, только один:

«Любая книга — могила несметного количества других книг, которые она уничтожила, вытеснив их» (Станислав Лем. «Идеальный вакуум»).

Более тысячи страниц — это вам не студенческая курсовая работа, а целая кандидатская, а может быть, и докторская диссертация, но, увы, никуда не представленная и никем не оценённая. И на неё я смотрю просто, как на заочное, самостоятельное обучение на двух факультетах — филологическом и философском. Именно с этими томами ЮБиблии я шагнул через 20 лет на литературную дорогу… (13 октября 2018 г.)

25 мая

Неделя то ли пролетела, то ли прошмыгнула. Занимался материалами слёта: писал, отдавал на машинку, вычитывал и т. д. И даже написал стишата:

И все толковали хором:
«Какой замечательный форум!
Как прекрасно всё, замечательно,
Восхитительно так и мечтательно», –
Что закрыть бы глаза да грезить.
Только жизнь в эту грёзу не лезет.

А в воскресенье, 24-го, поехали глотнуть воздуха в Трёхгорку, погуляли по лесу. Ще нашла несколько трогательно распустившихся ландышей. Опять заблудились и шли по шпалам до пропущенной станции. И как всегда, что-то читал. Дочитал второй том воспоминаний царского министра Витте, повесть молодого и расхваленного Поваляева «Долгий заход солнца» — лучше бы не всходило — опять слабо…

11 июня

Стоит жуткая жара, вчера +29. Для Москвы это невыносимо: нечем дышать, взмокшая рубашка, голова в тумане, в членах — слабость. Мой идеал — Стокгольм, там сейчас +19. В Лондоне и Париже ещё лучше: +17 и 18. Жара жарой, и продолжаю читать, выписывать, что-то сочинять, Ще говорит, что я со своими книгами, бумагами

и архивом похож на Скупого рыцаря:

Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груды.

14 июня

Неожиданно турпоездку в Чехословакию перенесли с июля на конец июня. Невозмутимый Кузмич в Домжуре: «Не устраивает — не поезжайте!..» А на носу слёт наставников в Минске, значит, надо ещё, как говорят, отписаться. Словом, крутёж и вертёж. И что такое жизнь? Тут в «Литературке» маститый Виктор Боков сюсюкнул:

Зачем живу? Вопрос излишен,
Хоть можно каждого спросить, –
Хотя б затем, чтоб горстью вишен
Девчонку эту угостить…

Боков сбоку припёку, тот ещё философ. Игрушечный поэт, и это не Михаил Кузмин из Серебряного века:

Всё можем мы. Одно лишь не дано нам:
Сойти с путей, где водит тайный рок…

19 июня

Командировка в Минск на слёт наставников позади. 14-го, накануне отъезда, по-своему напевал песню о том, что «этот мир придуман не нами…». Нам его придумали. С двумя работниками орготдела Центросоюза сели в поезд и покатили. Прибыли, а далее всё по-белорусски «сярдечно»: гостиница «Юбилейная», кафе «Ёлочка», деревня Малявка и т. д. Как-то получилось, что ко мне обращались очень многие, от зампреда Центросоюза Лупея (считай: замминистра): «Как вы считаете, Юрий Николаевич…» до узбечки-завмага, которая спрашивала, можно ли ей прийти на слёт в национальном костюме, — на что я ответил: «Конечно, и в тюбетейке тоже». И Диларам (так её имя) расцвела. А ещё какая-то кооператорша интимно придвинулась ко мне и на ухо шепнула: «А у нас в хозяйстве есть хорошая свиноферма…» От этой свиной интимности поклонник Камю и Сартра чуть не упал в обморок. Короче, было много смешного и забавного…

Съезд-слёт открылся 17-го. Во второй половине дня делегатов разбили по группам и повезли в районы. Я побывал в деревне Волковичи, совхозе им. Гастелло, в Боровлянах, где был торжественный то ли обед, то ли ужин с коньяком. Но

возлияние на этом не кончилось, и по дороге в Минск в ресторане «Партизанский бор» состоялся главный банкет. Давно так вкусно не едал: помидорчики, капустка, огурчики — всё отборное, медовый квас, клёцки, но какие? Клёцки — мечта! И тосты-тосты, слова о дружбе и о мире. Обратно кавалькаду машин сопровождала милицейская машина с мигалкой — почти правительственный кортеж. Я ехал в машине с зампредом по кадрам Белорусского потребсоюза, который лихо запел: «Дан приказ ему на запад…» И все сидящие дружно подхватили: «Ей в другую сторону… Уходили комсомольцы на Гражданскую войну…»

Лично я думал не о Гражданской войне, а о скорейшем возвращении в Москву, а далее снова в поезд — и в Прагу вполне мирным туристом.

27 июня

Если в Минске была нормальная погода с прохладой плюс 16–19, то в Москве шпарит жара, под 30 градусов, а приходится всё время мотаться по делам, обливаясь потом. В Москве жарче, чем в Гаване и Дели. А тут Чехословакия, две ночи в поезде, да ещё большая группа: 35 человек, из них 26 работников АПН и 9 — со стороны, в том числе и я. Соотношение полов: 7 мужчин и 28 женщин…

Подготовил минский материал — 17 страниц.

Хотел для себя что-то написать, но нет сил да и вдохновенья.

…Возносится ввысь вдохновенье –
Капризное в мире дитя.
А я остаюсь, сатанея,
Надеясь на хлад ноября.

В порядке подготовки прочитал книгу Устинова «Пражские каштаны». Бездарная книга: для пропаганды — отличная, для гонорара — хорошая, для чтения — никудышная. Этот путь не для нас!.. Мечтаю поехать на Запад с Ще, но пока это недостижимо.

Чехословакия-81. Фрагменты из путевого дневника

Третий бросок на Запад начался 29 июня, в 19.37 поезд плавно отошёл от перрона Киевского вокзала, и начался проездной балет. Купе № 6: Виктория Резвушкина (многотиражка «Ткани»), Римма Волкова (журнал «Красный крест»), Маргарита Любимова (Воениздат) и Ю.Б., скромный представитель кооперативной прессы. Сорок два часа железнодорожной тягомотины с двумя ночами. Доехали. 1 июля подкатили в Прагу. Нас

встретил бородатый гид, похожий на молодого Маркса и одновременно на Карабаса-Барабаса. Гид был мрачен и краток: «Меня зовут Эмиль… По-русски я хорошо не умею… У нас модно говорить по-чешски… Сегодня вы получите номер, обед, ужин, завтра будем немного погулять…» Во всём облике Эмиля и в его голосе чувствовалось, что он не забыл подавление «Пражской весны» в 1968 году.

Неожиданная гостиница «Альбатрос» — гостиница-поплавок на берегу Влтавы. Мой напарник по номеру Саша Милевский, сотрудник «Советской культуры». В обед дали на десерт кусок пражского торта — вкуснятина!.. Во время обеда гид зачитал нарочито скрипучим голосом постановление чешского правительства о том, чего нельзя вывозить из страны: текстиль, хрусталь… Список был огромный, и по мере его оглашения у людей портился аппетит.

— А что можно? — спросил кто-то нервно.

— Не знаю, — ответил Эмиль, пряча садистскую улыбку в усы.

Он делал всё шиворот-навыворот. Вместо экскурсий неожиданно объявлял свободное время, и именно тогда, когда все магазины были закрыты. Привозил нас к музею именно в тот день, когда

он был закрыт. Ну, и так далее: он иронично нам мстил за поруганную «Пражскую весну». Сама же Прага не могла не понравиться. Много готики, барокко, скульптур и декора. Зелени, парков, садов и лужаек. Прекрасна Вацлавская площадь, бело-розовая Парижская. Уникален Старый город. Памятник Яну Гусу, который гордо заявил перед костром: «Спасение стольких душ народа для меня дороже моего бренного тела».

2 июля

С утра до завтрака с Милевским совершил марш-бросок до Карлова моста с его 32 скульптурными композициями. Длина моста 520 м, ширина 10 м. Ну, а женщин в группе больше волновал не Карлов мост, а магазины «Осло» и «Парселан» (стекло и фарфор). Во второй половине дня — экскурсия на Ольшанское кладбище. Оттуда на Витковскую гору, в национальный пантеон. Рассорившись с гидом, мы самостоятельно отправились в Йозеф-район, в район еврейских синагог. Уникальное кладбище, где мраморные плиты громоздятся друг на друга, было закрыто, и поэтому не удалось увидеть надгробие знаменитого раввина Льва бен Безалеса (умер в 1609 г.), создателя глиняного Голема.

Вечером в отеле «Интернациональ» побывали

на Пражском фольклорном вечере, гвоздь которого представление «Чёрного театра». Были какие-то конкурсы, но главное — пиво текло рекой, пльзенское пиво «Праздрой 12 градусов» — несбыточная мечта московских любителей пенного напитка. Все расковались, разошлись, взнуздались, и даже Эмиль исполнил фольклорную частушку:

Что же делать, бабка? Что же делать, дедка?

Спекулируй, бабка! Спекулируй, дедка!..

3 июля

Экскурсия по Праге. Часы у старой ратуши — 1490 год! Движущиеся фигурки — купец с денежным мешком, красавица с зеркалом, смерть с косою… Целый разыгрываемый этюд на тему «Человек и время»… Обед в ресторане «У чаши» на Боишти. Здесь под портретом императора Франца-Иосифа любил сидеть с кружечкой пива бравый Йозеф Швейк. «Самое лучшее, — говорил он, — выдавать себя за идиота!» «Или быть туристом», — добавим мы.

Далее десантировались на Лоретанской площади. Лорета — прекрасный монастырский комплекс XVII века. Далее Градчанская площадь,

Пражский кремль. В нём нет величия, монументальности и державного высокомерия его московского собрата. Над дворцом президентский флаг с девизом «Пусть победит правда». Увы, чаще торжествует не правда, а сила… Громада собора святого Вита оказалась в строительных лесах, и вовнутрь собора мы не попали. Осмотр всего проходил в темпе, и Эмиль подгонял нас: «Ширше шаг!» На что одна женщина из группы взмолилась:

— Разве загнанных лошадей пристреливают?

— Ещё как! — веско ответил Эмиль, довольный своей находчивостью.

Знаменитая Золотая улочка запружена туристами. Я подошёл к одной из групп и нарочито по-иностранному спросил: «Русо?» В ответ соотечественники радостно закивали головами. Я оглядел их придирчиво и произнёс: «Фантастико!» И гордо отошёл от них, а за спиной раздалось: «Видишь, нас везде узнают… Как это приятно!»

Вечером состоялось прощание с Прагой. Снова ходили и ходили по приятным улочкам, Нерудовой и прочим. Всюду весёлые кабачки, с пивом и шумным застольем. Чехи не унывают…

4 июля

Ранний отъезд в Пльзень. В автобусе все выра-

жали неудовольствие организацией поездки и отмечали, что это — «последний край», что хуже не бывает. Лично я был далёк от категоричности. Всё нормально, ну, а накладки — так это вся наша жизнь в накладках, ошибках и заблуждениях. От Праги до Пльзеня 88 км. Гористый рельеф. По приезду все бросились в магазин «Приор» за бокалами из богемского стекла. Тихий Пльзень вздрогнул, как от нашествия гуннов.

Пльзень — не Прага, ничего особо интересного. Собор, чумной столб. Музей пива. Чехи в год потребляют, согласно статистике, 100 литров. Популярно выражение «выпил метр пива». Оно и заметно по округлым животам.

5 июля

Ночёвка в Пльзене. Поездка в Лидице (Лидице — это чешская Хатынь), «мероприятие политическое». А из Лидице уже едем в Карловы Вары — в удивительный приятный город-курорт, в долине речки Тепла. Город многоярусный, затейливый, весь в зелени. Запах кофе, фруктов и пирожных делает и без того ароматный воздух Карловых Вар ощутимо вкусным. Во всём разлита красота, нега и сытость. Карловы Вары посещали и жили здесь Гёте и Бетховен, Гоголь и Гончаров, Тургенев и Мицкевич. А теперь резвится Резвушкина… Всё

течёт, всё меняется.

Гид в Карловых Варах старается: «А вот из этого здания театра Гитлер речнил речь…» В павильоне натурального источника: «А это гейзер, в него входит половина Менделеева…». «А где другая?» — поинтересовался я. Приятно поразила набережная — вся в кустах из роз. Где-то на земле есть Ольстер и Ливан, Сальвадор и Афганистан — там льётся кровь, а тут в Чехии благодать, тишина и благоухание…

6 июля

Вечер, ночь и день в Пльзене. Осмотр классического охотничьего замка Козел. Затем нас везут в какой-то кооператив, показывают хозяйство — всё деловито и аккуратно. Застолье в местном клубе. Стол вела Хана, чешский сбитень 17 лет от роду. Соски её налитых грудей пробивали кофту навылет. Море пива. Сельский оркестр наяривал с остервенением польки и вальсы. Руководитель нашей делегации Трапезников пытался спеть «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд…» Но его никто не поддержал, никому не хотелось биться, «чтобы с бою взять Приморье — белой армии оплот». Хотелось мирно пить пиво с чешским неприятелем, с оплотом беззаботного веселья.

7 июля

С утра разговоры о купленных люстрах. Куда ни плюнешь — кругом люстроведы, люстролюбы, люстровисты и люстроманы, пришлось ответить строчками:

Бросались женщины в магáзин
И брали люстры на ура!
Хватали мыло, ткани, вазы
И прижимали к грудям бра.

Несли в коробках и авоськах,
Тащили в сумках и тюках.
А я один стоял со злостью
И оставался на бобах…

— А вы что купили? — вкрадчиво спросила одна женщина с интонациями Маты Хари.

— Ничего.

— Боже, какие у вас железные нервы!

Утром группа двинулась в Южную Моравию, через край прудов и лесов, в Брно. По пути мелькали разнообразные городки и дворцы различных стилей (Чехословакия — наглядный учебник различных влияний и разностилья).

Советские туристы, измученные перевозкой люстр, хмуро взирали по сторонам:

— Какой это город?

— Писек.

— Будем брать.

Было начало июля. До августа оставалось немного (1968 год врезан в историческую память).

Остановка в очаровательном городке Чески-Крумлов. Ещё одна остановка в городе-заповеднике Тельче. Былая красота не разрушена, а бережно и любовно сохранена, — это не Россия. Вспоминается письмо художника Василия Поленова из Парижа своему коллеге Ивану Крамскому: «Да, многоуважаемый Иван Николаевич, далеко ушла Европа вперёд, так далеко, что и бегом не догонишь, поэтому я пришёл к такому заключению, что, собственно, бежать бесполезно, а надо не унывая тихо идти да идти, хотя подчас ох как жутко приходится… Но главное, чем я тут восхищаюсь, это умение их осуществить свои силы и способности…»

В Брно нас поселили на окраине в гостинице «Воронéж» — так её представил нам Эмиль, сделав ударение на последнем слоге. Любопытно, что Брно с 1243 года именуется королевским свободным городом, — а какая свобода была у нас, в России?!.

8 июля

В Пльзене по утрам пели птички, а в Брно в утренние часы ревели автомобили. С утра экскурсия. Замок Шпильберк. Эмиль с тайным удовольствием показывает нам тюремные камеры и орудия пыток. И, мефистофельски улыбаясь, тихо говорит: «Всех бы вас тут надо бы оставить…» Далее картинная галерея и проход по городу. На улице Гагарина нам показали дом с барельефом Моцарта — здесь жил великий композитор. Моцарт и Гагарин — всё смешалось в городе Брно.

Я долго держался, а в Брно за каких-нибудь полчаса размотал 3 тысячи крон: кожаный пиджак Ще, замшевый себе и бусы из бирюзы.

9 июля

Монастырь капуцинов и поездка в Аустерлиц (чешское название Славков). Аустерлиц и Ватерлоо — места двух битв, рассвет и закат Наполеона Бонапарта. Посетили удивительный наполеоновский музей. И бесконечные разговоры о войне…

10 июля

Стала накапливаться усталость и захотелось обратно в Москву, тем более по радио поймал «Маяк», а он сообщил радостную весть о том, что «опережая график, вступил в строй четвёртый

энергоблок…». Где блок, какой блок? Не так уж и важно, главное, «вступил» — сделан ещё один шаг к «сиятельным высотам» коммунизма и хватит восторгаться чешским пивом…

В 13 часов началась загрузка автобуса. Каждая женщина напоминала ту даму, которая сдавала в багаж: сундук, чемодан, саквояж… Были тут и картинки, и картонки, багет и посуда и ещё бог знает что. Короче, отоварились. Автобус накренился, как тяжёлый дредноут, фыркнул и, как ни странно, тронулся с места…

Уехали, и скрылось Брно,
Теперь лишь может грезиться ночами,
Как старое вино, что выпито давно,
Так город этот будет вспоминаться нами…

Но, кажется, так элегически был настроен лишь один я.

В столице Словакии нас разместили в гостинице «Братислава» в районе типа наших Черёмушек: до центра города далековато. Эмиль выступил в своём репертуаре чёрного юмора: «Сейчас уберут труп женщины, и будем обедать…» Кстати, Эмиль весьма свысока говорил о словаках и называл Словакию деревней, вот, мол,

Чехия — это да!..

Четвёрка, в которую входила Наташа Зимянина, дочь секретаря ЦК партии, отправилась самостоятельно знакомиться с Братиславой. Вышли к Дунаю. Осмотрели древнюю ратушу, собор св. Мартина, в котором короновались 10 венгерских королей и 8 королев. Много архитектурных красот. И понимаешь специалистов, что барокко — больше чем стиль, это состояние души и мира… И, как писал наш Буров: «Машины стареют, хлеб съедается, платье изнашивается, люди умирают. Остаются города и книги…»

11 июля

Братиславский кремль, возведённый в XIII веке на гранитной скале на высоте 85 метров над Дунаем…

12 июля — последняя экскурсия. Святой Мартин, Францисканский собор, Кларисская церковь. Во внутреннем дворике национальной словацкой галереи — небольшой концерт из сочинений Баха… И последнее: прогулка на пароходике по Дунаю, где-то недалеко расположилась Вена, но туда нельзя, это совсем «другая песня». Заключительный ужин, и в поезд под крики «Осторожно, стекло!..».

Днём 13 июля пересекли границу.

14 июля

Прибытие в столицу нашей родины под вечер. Итог: 4 дня и 4 ночи в поезде, 86 часов жизни. Как писал Григорий Поженян:

Хочу домой – в ноябрьские ветра.
В свои заботы, в хлопоты свои…

15 июля

Вацлавская площадь, Карлов мост, Злата улочка, Карловы Вары — всё осело в память. И три купленные вещи в украшение жизни: бусы из китайской бирюзы, кожаный зелёный пиджак для Ще и для меня — чёрный замшевый, для советских аборигенов — грёза и мечта. И прежние реалии: пустые полки, очереди, многолюдье на улицах: все хмурые и все озабоченные…

29 июля

Запишем на память, или как говорят чехи: «На помадку». В жару за 30 градусов с утреца пошли на выставку «Москва — Париж». Выставлено много замечательных картин: и наш Тышлер с его «Женщина и аэроплан», и Лучишкин «Шар улетел», полная отчаяния и страха. И не наш Кес Ван Донген — «Дама в чёрной шляпе» и «Обнажённая

в серых чулках». Кандинский «Композиция № 7», Марк Шагал «Окно на даче» и «Муза», Давид Штеренберг, Бакст, Родченко, русский авангард — фарфор, плакаты:

Не открою Митьке дверь,
Хоть стучись до ночи:
Делегатка я теперь
В красненьком платочке.

Словом, не выставка картин, а праздник цвета и красок. Осознание и размышление о жизни.

4 августа
Ушла жара:

Знойный июль измотал и затискал.
Воздух как будто желе… –

сочинял я. И на 1 августа Ще:

Сегодня я – грустная леди.
Сегодня мне сорок один.
Сбежать бы на полюс к медведям
И там затеряться средь льдин…

И вместо всего этого — лазарет. Меня что-то прихватило: боли в сердце, судороги. Два дня был дома и лежал. За компанию слегла В.П. Так что у

Ще получился весёленький день рождения. Ще причитала: побереги себя… Я и берёг, и писал чехословацкие записки, и читал сброшюрованные журналы «Аполлон» за 1917 год.

22 августа

Как известили «Известия» (13 августа): «С каждым годом лучше, богаче становится жизнь народа». Пишут и не краснеют. А жизнь идёт всё хуже и хуже. Боречка Линский приехал из Кимр: перебои с хлебом. Подорожала подписка на газеты и журналы — удар по интеллигенции. Но какого толку всё это живописать. Одним словом: хреново. Или, как кто-то говорил: таки плохо!.. А новый сотрудник редакции Чупахин пишет романтические строки: «Я точу детали звездолёта…» Точит, значит, и жизнь без проблем, а вот замглавный, как я его зову — Линь Зао, не точит, а мечется, негодует и конфликтует…

5 сентября

…А тем временем мир бушует. Развал Польши, манёвры вокруг Кубы, война в Анголе, горячий котёл на Ближнем Востоке, убийства в Иране, антисоветизм Китая, милитаризм президента США Рейгана. Одни страсти-мордасти… немецкий поэт-сатирик Фридрих фон Логау (XVII век) писал:

Война – всегда война. Ей трудно быть иною.

Куда опасней мир, коль он чреват войною.

27 сентября

С 15-го новое изменение цен. Подорожало опять золото, серебро, бензин, табак, вино. Цитрусы, бананы, картофель вдвое дороже… В «СПК» идут кадровые склоки и бои, в которых я не участвую. Моя оппозиционность на радио дорого стоила. Но разве такое только у нас: тут прочитал признание журналиста из немецкого «Бильда»: «Жить в такой обстановке нельзя, остаётся функционировать…» Вот все и функционируют… Даже в Америке пишут о наступивших «суровых временах».

2 октября

Умер бывший ответственный секретарь Шарль Афруткин, 75 лет. Говорят, оставил кучу денег. Кому, зачем? Был Афруткин — и нет его, тю-тю! Смерть — дама серьёзная: уводит с собой навсегда. И каждое её появление — серьёзное предупреждение всем нам, живущим: а так ли, братцы, живёте, тратя отпущенное вам время на какие-то глупости и пустяки, и проходите мимо

главного. Memento mori — помни о смерти! — как говорили ещё в древние времена. И этим возгласом приветствовали монахи ордена траппистов, основанного в 1664 году. А ещё в Библии, в книге Бытия, говорится: «Помни, что ты прах». А у Марии Петровых вырвался из сердца крик:

…Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье, хотя б на мгновенье,
На площади людной, под бурей осенней.
Мне трудно дышать, я молю о спасеньи…

18 октября

Третий выезд в 1981 году: после командировки в Минск и тура в ЧССР ещё один командировочный вояж в Орёл, который был основан в 1566 году как крепость. Самолёты туда не летают, и пришлось тащиться на железке. В 7 утра 12 октября поезд прибыл в Орёл, где меня уже ожидал

Зевакин Фёдор Иванович, зампред по кадрам (высшая степень уважения). И тут же отвёз меня в потребсоюз, где я, очевидно, произвёл какое-то впечатление на председателя Леонида Митрофановича Мищенко, и он решил: «Поедем в Покровское райпо вместе». Может, принял меня за ревизора? По дороге Мищенко рассказал мне, что он бывший партийный работник, а сейчас выводит кооператоров области в передовые.

Объезд предприятий района, и в книжном магазине неожиданно мне вручили «Голландский натюрморт XVII века в коллекции Эрмитажа». Настоящему ревизору вручили бы пару бутылок коньяку, а тут сообразили: приехал интеллигент, мягкий и обходительный, значит, книгу о художниках.

Утром 13 октября в номер гостиницы «Россия» явился Зевакин с вежливым вопросом: «Как спалось?» (Читая это сегодня, понимаешь, как изменилось время: тогда, особенно в регионах, к журналистам испытывали не только почтение, но и трепет: от прессы зависело многое. Ныне пресса — плюнуть и растереть, а если кто-то глубоко лезет в дела, «унутрь», как говорил майор Грицай в Плехановке, то можно и стрельнуть, как убили уже многих: Юрия Щекочихина, Диму

Холодова, Анну Политковскую и других. — 15 октября 2018 г.)

С Зевакиным прошлись пешочком по городу, осмотрел памятник Николаю Лескову, уроженцу Орла. «В России, — говорил Лесков устами одного из своих персонажей, — что ни шаг, то сюрприз, и притом скверный». Потом направились в небольшой музей другого классика — Тургенева. Ну, и снова приведём цитату. Елена Стахова в романе «Накануне» говорит: «Делать добро… да, это главное в жизни. Но как делать добро?..»

В одном из писем графине Ламберт (1861) Тургенев с горьким сожалением писал: «…мы действительно продолжаем сидеть в виду неба и со стремлением к нему по уши в грязи…»

14 октября хотели меня отвезти в Спас-Лутовиново, но помешал дождь, всё областное кооперативное начальство суетилось вокруг меня в лучшем ресторане «Русский воин», построенном на олимпийской трассе. Хозяйка ресторана вилась около меня: напишите о нашем ресторане да напишите!.. А Мищенко всё никак не мог мне дорассказать, как однажды в «Первом воине» потчевали Константина Симонова (я шёл по симоновским местам?). А из ресторана в поезд на Москву. Загрузили мне в дорогу коробку — кг

десять — антоновских настоящих яблок и банку мёда, и прощались со мной, как с любимой женщиной: нет, не забудем, ждём ещё раз! и т. д.

В 7 утра 15 октября был уже в Москве. По дороге водитель-левак сетовал на дороговизну бензина. Я дал ему пятёрку…

23 октября

А дальше рутинная московская жизнь без почтения и особых знаков внимания. 18-го были на выставке московских художников в новом выставочном комплексе на Крымской набережной. Архитектурный антишедевр. Из картин можно выделить несколько, посвящённых Гоголю. Гоголь какой-то светящийся, полубезумный, а в окне скалит зубы чёрт. Всё мрачно, в стиле «Вия». Все эти несколько полотен художницы О. Булгаковой. А ещё картины Назаренко, Правдина, Ситникова и др. На другом этаже выставка Александра Куприна, одного из основателей «Бубнового валета». Одна из ранних работ — «Букет полевых цветов в белой вазе на чёрном фоне».

Последние прочитанные книги: «Ягодные места» Евтушенко, в журнале «Иностранная литература» — Питер Устинов и Федерико Феллини. Режис Дебре «Дневник мелкого буржуа в четырёх стенах и между двух огней». Полное неприятие

современного мира. Ему вторит Патрик Модриано (1945, Париж). Модриано считает, что Справедливость, Прогресс, Истина, Демократия, Свобода, Революция, Честь, Родина преданы и проданы, замусолены нечистыми руками, точно бумажные купюры, обесцененные инфляцией и уже не отвечающие обозначенному на них золотому обеспечению… Это отрывки из «Площади Звезды» Патрика Модриано, из книги, которую мы никогда не прочитаем…

1 ноября

Быт берёт за горло: в магазины не войдёшь, они забиты автобусниками, приехавшими из Подмосковья и ближайших городов. Шарашат всё, что есть, даже косхалву, которую раньше покупали только любители восточных сладостей. Как тут не вспомнить старое стихотворение Евгения Евтушенко «Москва — Иваново» (1978):

…Ехал я в нескором поезде,
где зажали, как в тиски,
апельсины микропористые –
фрукты матушки-Москвы.

Вместе с храпами и хрипами
проплывали сквозь леса

порошок стиральный импортный
и, конечно, колбаса…

…Самого себя я спрашивал
под гудки и провода:
«Мы узнали столько страшного –
может, хватит навсегда?»

И ещё мной было спрошено:
«Мы за столько горьких лет
заслужили жизнь хорошую?
Заслужили или нет?»…

Трудности у нас, трудности в Польше. «У нас не только денежная инфляция, но и инфляция слов», — заявил новый лидер страны Войцех Ярузельский. Но в Польше с властью борется организованная оппозиция «Солидарность». А у нас — тишь и гладь, только бурчание, ворчание, негодование и никаких организованных форм протеста. Были рабами и остались…

На фабриках, заводах и в учреждениях читают закрытое письмо о фактах расхищения народного добра, о взяточниках, поборах и прочем. Нерадивые люди из народа виноваты, а власть, партия, правительство ни при чём — белые и

пушистые… Было на тему закрытого письма и собрание в редакции. Экспансивная Зоя Шкабельникова зашлась в крике: что делается? всё разворовывается! общество гниёт!.. Остальные покорно молчали, что мы можем сделать, мы люди маленькие… В «Правде» выступил Роберт Рождественский со стихотворением «Государственный частник» о том, что он «широко, изворотливо грабит казну». И концовка:

Круговая порука невзрачных подсобок,
величавых приёмных и чёрных ходов!..

Что я могу сказать сегодня, спустя 37 лет? Никто смело не мог сказать: виновата система! что социализм потерпел полный крах… (15 октября 2018 г.)

Но вернёмся к той давней дневниковой записи. А что я? Я пока сижу, пользуюсь свободным режимом: хожу по магазинам, днём сплю, печатаю, использую преимущества «первого парня на деревне». Половик величает меня Классиком потребительской кооперации. Но это спасибо радио, оно научило меня крутиться, вертеться и всё делать быстро.

Ще достала копию ходящих сейчас по Москве 200 песен Владимира Высоцкого. Жаль, когда

писал о нём, под рукой не было этих текстов. Замечательная «Тихорецкая»:

Вагончик тронется, а он останется…

3 ноября

На наше с Ще 14-летие сводил любимую женщину во МХАТ на горьковских «Дачников» и подарил три роскошные розы.

14 ноября

Вчера Ребёнок улетел в Индию, в Дели, на работу в контору ГКЭС при металлургическом комбинате в Бхилаи — делопроизводителем. А 8 ноября собрала всех Лена Чижова. Мальчики уже взрослые и седые, но почти все дурачились, выпили, пообщались и разбежались по своим углам, заботам и проблемам. А через пару дней меня прихватило, какие-то «животные страсти», посмотрел в зеркало: ну, прямо страдальческий лик Христа. Все мы ходим по краю тютчевской бездны.

Кто смеет молвить: до свиданья,
Чрез бездну двух или трёх дней?..

Вот чуть прихватило — и сразу ничего не надо. А что надо вообще в этой жизни? И оказывается: спокойно дышать, ходить, не ощущать никакой

боли. Только и всего?..

18 ноября

Написал два письма, одно Ребёнку в Индию, другое Саше Серикову в Никарагуа. «…Тружусь. Печатаюсь. Много времени уделяю своему хобби, по-прежнему раскладываю свой интеллектуальный пасьянс: страны, даты, события, люди…»

29 ноября

Был на двух выставках: акварелей на Малой Грузинской и в Пушкинском музее на выставке Игнатия Нивинского, не корифей, но всё равно любопытно… Из последних книг — «Тропинка во ржи» Маргариты Алигер. Смешные страницы о Корнее Чуковском: Алигер всегда дарила ему коробки с мылом и заморский одеколон, эти подарки Корней Иванович называл «мойдодырскими» и сетовал, что сын Коленька пользуется этими подарками тоже: «Я был глубоко возмущён и категорически пресёк это…»

6 декабря

В последний день ноября на работе было собрание. От Чупахина требовали работу, статей, заказов, новых авторов, а он заявил, что ещё мыслит и этот его мыслительный процесс сдерживает руководство. Каков гусь? Кончится тем,

что его из редакции попрут… А у меня снова чих, горло, насморк, «соплюшник», как выражается Вера Павловна. Но всё равно занимаюсь и с интересом прочитал неоконченный роман Юрия Трифонова «Место и время».

«Не гони кобылу, — говорит герою романа писателю Антипову его дружок Маркуша, — делай паузу. Всех книг не напишешь. Всех денег не заработаешь… Сидим хорошо, пьём пиво, куда ты, паскуда писательская, спешишь. На Ваганьково? Успеешь, не волнуйся…»

Кобылу не гоню, но кое-что отдаю перепечатывать за деньги и собрал к своему 50-летию толстый том в 166 стр., который затем отдал переплести — «Избранное». Вот содержание:

Игорь Северянин: поэза жизни. Этюд (сентябрь 1975)

Почти школьное сочинение: Анна Ахматова (июнь 1976)

Николай Рубцов. Попытка постижения (осень 1976)

Авангард в арьергарде. Заметки с выставки Отари Кондаурова (январь-февраль 1980)

Вечер поэзии в зале Чайковского (Боков, Межиров, Жигулин, Визбор, Тряпкин и др.) — ноябрь 1980

Андрей Вознесенский. Страницы из Календаря Ю.Б. Соблазн Вознесенского. Ещё раз о нём

Маленькое эссе в связи с просмотром фильма «Зеркало» Тарковского

Встреча с Андреем Тарковским

Владимир Высоцкий. Человек и поэт на краю бездны (ноябрь-декабрь 1980)

«Я мало сказал в кино…». Неопубликованное интервью с Леонидом Марковым

Начало неоконченного детектива «Ядерный шантаж»

Ремарка. Первая самиздатовская книжка (если не считать рукописные сборники стихов). Получил из переплёта и поставил дату: 10 января 1982. А первая гонорарная настоящая книга — «От Рюрика до Ельцина» была подписана в печать в 1993 году, в руках держал 5 января 1994-го. То есть спустя 12 лет… (16 октября 2018 г.)

12 декабря

Приходил Георгий Фролов — призрак из «Советского студента», гордый до невероятия: его книга о партизанке Вере Волошиной вышла 7 изданиями (3 — в Воениздате и 4 — в Кемерово). Он занимается этой темой уже 25 лет и сейчас хлопочет о присвоении ей звания Героя Советского Союза. С одной стороны, благородно, но на самом

деле цинично кормиться от своего деяния. Где-то я вычитал, точно не помню: «Какое направление в нашей газете?» — спросил полицейский чин одного дореволюционного купца-издателя. «Кормимся, батюшка, кормимся», — ответил тот.

Кормёжка как основной стимул, основной двигатель. А вот у чешского поэта К. Сыса нечто иное:

Сегодня утром я проснулся
с диким желанием
написать стихотворение.
Стихотворение случайное, как жизнь,
стихотворение окончательное, как смерть…

И не вышло, ибо поэта донимали другие дела и обязанности: «я должен был быть начеку, / я должен был быть на высоте, / я должен был спорить с телефонными карликами, / я должен был глотать прокажённые слова, / я должен был улыбаться, когда мне хотелось / взреветь зверем».

Это вам не Фролов, строкогон.

13 декабря

Воскресный день, за окном +3. Голые сиротливые берёзы. Снег вперемешку с грязью. Темно.

Неуютно. Тоскливо. Как точно подметил Иван Бунин: «Первобытно подвержен русский человек природным влияниям». Сижу под электрической лампой и пишу очередную дребедень. Зачем? Для чего и для кого?.. Есть повод. Через 79 дней мне исполнится 50 лет. На языке истории — полвека. На языке улицы — полтинник, мелкая монетка жизни со стёртым рисунком не то горделивого орла, не то дохлой курицы.

Размышления на пороге 50-летия

А далее в дневнике на 7 плотных машинописных страницах «Разговор наедине с самим собой на пороге 50-летия». Некий литературный монтаж о времени, о жизни, о прожитом и о грядущей старости. Приводить весь текст не имеет смысла, а приведу только отдельные выдержки, цитаты и пассажи.

Сначала Веневитинов с его знаменитым замечанием «Сначала жизнь пленяет нас. / В ней всё тепло, всё сердце греет…». В конце:

Потом и жизнь постыла нам:
Её загадка и развязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка

Усталому пред часом сна.

Логичное сравнение: пушкинская «телега жизни»: «…А время гонит лошадей».

И много различных строк о молодости, в том числе и Льва Мея:

Ау-ау! Ты, молодость моя!
Куда ты спряталась, гремучая змея?

Конечно, Тургенев, конечно, Гоголь и другие русские писатели и поэты на тему, куда всё уходит — «ланит и персей жар и нега» (Николай Языков). И если не использовать старославянские выражения, то можно жахнуть по-современному: «Всё укатилось в такую мглу, ничего не разглядишь, очертания смылись…» (Юрий Трифонов. «Время и место»). Ну и конечно, Юнна Мориц:

Хорошо быть молодым!
Просто лучше не бывает!..

Это как общее правило. А вот у меня молодость, после смерти мамы, была далеко не лучшей порой. Мне лучше вспоминать не бодрую Мориц, а унылого Евгения Блажеевского: «По дороге в Загорск понимаешь невольно, что осень…» Или вот Бальмонт:

Отшумели, как в сказке, погони,
Больше нет мне вспенённого бега…

Кони… «Можжевеловый куст» Николая Заболоцкого. Один из почти ровесников — Геннадий Шпаликов:

Но откуда на сердце
Вдруг такая тоска?
Жизнь уходит сквозь пальцы
Жёлтой горстью песка…

Это ещё не прошли последние дни и недели 49 лет, а какой уже стоит стон и какой плач, рыдания. Всё это вылилось в поздней книге «Плач по возрасту» (2013), на 460 страницах я уже поплакал, порыдал и горько посмеялся над возрастом, но, правда, тогда мне уже был 81 год. А вот в 49 лет перед юбилеем была, оказывается, генеральная репетиция взрыдов и всхлипов. Вслед за «Разговором с самим собою» я написал дополнительную главку «Бумажное опьянение», вняв совету Шарля Бодлера: «Чтобы не быть рабами и мучениками Времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью, — чем хотите». Я — писанием, творчеством, литературой.

С детства книгочей и книгоман, я старался

читать всё, что читают все, и всё, чего никто не читает, как сказал Андре Моруа. От Дидро до Ремизова, от Гельвеция до Лотмана (имена выбраны случайно). Книжник, глотатель литературы, искатель интеллектуального жемчуга (на старости лет так и называли «Ловец жемчуга»). Мысли великих — от Конфуция до Льва Толстого — помогли мне понять устремления человеческого духа, томление тела, определить место индивида в социуме, разобраться в проблеме «Художник и общество» и т. д. А можно выразиться без пафоса, полегче и попроще, как это сделал Илья Эренбург:

Немного смутного искусства
За лёгким пологом дождя.

И, конечно, в главке «Бумажное опьянение» много стихов и цитат. Они как подпорки в жизни, без них будешь спотыкаться и падать. «Я не служить рождён, а петь», — говорил молодой Алексей Константинович Толстой, флигель-адъютант с блестящей карьерной перспективой. Читаешь такие признания и слышишь отзвук в своём характере и своей судьбе. И тут, кстати, всплыли строки Аполлона Григорьева:

Нет, не рождён я биться лбом,

Ни терпеливо ждать в передней,
Ни есть за княжеским столом,
Ни с умиленьем слушать бредни.
Нет, не рождён я быть рабом…

И много размышлений о писательстве. В 1981 году какой я писатель? Так, пробольщик пера, нащупывание своих возможностей, потенциала. И страх приниматься за книгу, хотя бы одну! Ведь были Лев Толстой, Достоевский, Бунин. Не случайно после прочтения Шекспира Вирджиния Вулф воскликнула: «Зачем после него вообще кому-либо писать?» Зачем бледно повторять то, что было гениально отчеканено титанами литературы? Действительно, зачем?.. Всё это так, но всё равно упорно хотелось писать, хоть неумело и непрофессионально выразить своё «я», свой мир, свои ощущения, рефлексии. Именно это без претензий на священный статус (титул) писателя.

Если возвращаться к прошлому, то я всё время что-то писал и постоянно уничтожал написанное. И всё время находился в роли Брэди Пирсона — героя романа Айрис Мэрдок «Чёрный принц», который говорил, что он «всегда может написать что-нибудь».

Что-нибудь — это ведь тоже нечто что-то. Мил-

лионы других не могут ничего ни сказать, ни написать, ни выразить. И всё же существует такая болезнь: упорнография. У Юрия Трифонова в «Вечных темах» есть короткий разговор: «Он спросил: — Вам не надоело? — Что? — Всё время писать. Ещё надеетесь поразить мир? Думаете, что мир крякнет однажды, прочитав ваш опус?..»

Конечно, никто не крякнет. Просто писать — это самоутешаться, — так считал французский писатель Барбе д'Оревильи.

И снова в том далёком тексте пошли цитаты: Герман Гессе, Серен Кьеркегор, Александр Блок... Может быть, хватит? Как заметил Николай Заболоцкий:

Во многом знании немалая печаль,
Как говорил творец Экклезиаста.

И Заболоцкий ссылался на предыдущие авторитеты. Все мы — дети Библии, дети Бога, который кинул нас на эту грешную землю, раздираемую раздорами и войнами, и забыл о нас, полагая, что выживет тот, кому это положено. А писать будет тот, кому вложен некий божественный дар. «И вся любовь!» — как говорят в народе.

Ну а возраст? С этим ничего не поделаешь. Как писал Николай Рубцов:

И сдержанный говор печален
На тёмном печальном крыльце,
Всё было весёлым вначале,
Всё стало печальным в конце.

Всё приведённое — всего лишь коротенькие отрывочки из длинного письменного монолога, который я писал в течение двух недель: с 13 по 27 декабря 1981 года. Ну, а попурри из него насвистывал, делал выжимки в октябре 2018-го. Ну, а теперь вернёмся к концовке 1981 года.

22 декабря

В Польше утром 13-го введено чрезвычайное положение. 18 и 19-го торжественно и пышно отмечался юбилей (75 лет) Леонида Ильича Брежнева… Хачу распирает от гордости: «Надо решать вопросы, но лень ходить по Кремлю». Так и сказал, упоённый социальным оргазмом… Читаю и современных авторов: «Старая рукопись» Зорина, рассказы Маканина. Но вот что печально, что их герои живут вне жизни страны. Ни слова о культе личности, об экономическом положении страны, о международных событиях, об еврейском вопросе и т. д., как будто всего этого нет. И это что — художественная правда времён социализма?..

31 декабря

Получил гонорары за несколько публикаций в «СПК», деньги как на радио, а купить нечего. К тому же инфляция съедает почти все бумажки. Перефразируя Гавриила Державина: где стол был яств, там ныне кукиш…

Улицы никто не убирает и никакого праздничного настроения. Спросил Хачу, а как там у вас, в Совете Министров СССР? Хача с удовольствием перечислял, что там у них в столовой: 16 закусок, 8 первых блюд, 10 вторых, — все на выбор. «А как приготовлено!..» — Хача закрыл глаза от удовольствия и буквально замурлыкал. Н-да, между былыми друзьями пролегла огромная социальная пропасть. Ещё наш Совмин рассказал, как побывал с женой в доме отдыха Совета Министров: коммунизм, да и только. В водоёме плещется форель, птички поют… Он рассказывал, я возмущённо слушал. Выпили. Разошлись, точнее, я ушёл своим ходом, а Он («он» с большой буквы) укатил в сияющие дали…

Но у меня тоже есть чем гордиться: в популярнейшем издании «Футбол/хоккей» я, как журналист, участвовал в опросе «Кто за кого», выбирали тройку лучших советских футболистов по итогам сезона 1981 года. Рядовые болельщики

могут обзавидоваться…

Что жду от нового, 1982 года? Всё будет катиться по наклонной и дальше: международные события, экономика, финансы, здоровье… Ну, а личные пожелания и прогнозы? Буду, как Витя Черняк, забрасывать сеть в надежде на улов золотой рыбки. Поймать хотя бы ма-а-аленькую позолоченную рыбёшечку…

1982 год – 49/50 лет. На кооперативной волне. Конец брежневского застоя. Командировка в Таллин, в марте – «Берёзки», в декабре – короткий отдых в «Лесном»

9 января

Закрутились морозы. 2 января с утра был плюс, а потом стало заверчивать, и вот уже неделю — бррр! — как холодно. Сегодня минус 22. Никак не отойду от ноябрьского гриппа, периодически распухает нос — и можно выходить на манеж в качестве клоуна.

В «Центросоюз-ревью» в третий раз вернулся Аркадий Гаврилов, не выдержав жизни на вольных хлебах. И мы с ним сразу закрутили разговор про «Петербург» Андрея Белого, Шершневича, Мандельштама, Вельтмана, — и сразу куда-то исчезло убожество нашей кооперативной конторы. Вчера пришло письмо читателя из деревни Верхний Сердак, Татария: «Всё говорим о качества, а не делаем. Особенно плох сельскохозяйственный инвентарь. Топоры не рубят, пилы не пилят…»

(орфография Нурзады Муллагалиева)… Как-то в ресторане Домжура был свидетелем разговора молодых коллег: «Приезжай в гости… отдохнём… нахлещемся беленьким…»

16 января

Невольник записей. Устал. Надо бы сделать перерыв… Иногда впадаю в отчаянье, что занимаюсь чем-то не тем. А что делать? Разве я первый? Жена Булгакова вспоминала, как писатель работал над киновариантом «Ревизора»: «Как он мучился с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег…» Но то были мысли Гоголя, а тут приходится заниматься с месивом бессмыслия, приводить в нормальный вид чужие чудовищные тексты… Ездил в Институт экономики, ловил академика Владимира Александровича Тихонова, одного из создателей агропромышленного комплекса. По коридорам института туда-сюда снуют учёные, остепенённые и нет, доктора наук, вихлястые аспиранты. И какая-то общая неразбериха, шум, гам — полное отражение положения дел в нашей экономике. У академика поразила наколка на руке: сердце (напоминание о первой любви?).

Был в мастерской у скульптора Королёва вместе с Георгием Фроловым. Сошлись три интереса,

Фролов нашёл для себя золотую жилу: убитую партизанку Веру Волошину, пишет о ней и добивается, чтобы ей присвоили звание Героя Советского Союза, мол, такая же, как Зоя Космодемьянская. Вите Королёву нужна новая тема, он изнемог от серийного Ленина. Ну, а мне нужна военная публикация для журнала. Сидели втроём, толковали, выпили полбутылки водки. И мне, честно говоря, было не очень уютно в компании средненького советского скульптора и средненького советского писателя — Фролов считает себя уже писателем. Моё место рядом с Тарковским и Вознесенским, а я сижу с Королёвым и Фроловым.

23 января

Я лечу свой нос. Фомин пишет докторскую. Заостровский весь в редакционном кипении, Фишер ходит мрачный, как будто у него украли любимую канарейку. Лишь один Половик радуется жизни — книгам и лыжам… Читаю исторические и мемуарные книги ради Календаря — Блез Паскаль, Эдвард Мунк, Эммануил Казакевич, Ахматова, Зощенко, и им приходилось нести свой крест…

31 января

У Зощенко есть прелестный пассаж: «Пишешь, пишешь, а для чего пишешь — неизвестно. Читатель, небось, усмехнётся тут. А деньги, скажет…» Вот и я пишу и пишу — историю памятника ревкома на Чукотке (наваял Королёв) и «Вернуться в Россию стихами» о поэзии Георгия Иванова, Ходасевича, Минского и других поэтов. В журнале «Отчизна», где работает Фролов, главный редактор Олег Куприн предложил мне сделать материал о поэтах-эмигрантах, это уже похоже на литературоведение.

27-го Гриша, Гаврилов и я, втроём, сбежали с работы в Музей Пушкина на выставку немецких экспрессионистов. Группа «Мост» — Кирхнер, Отто Мюллер, Эмиль Нольде, Хеккель… А ещё любопытная графика Джорджа де Кирико… Ще тоже не отстаёт и побывала на экскурсии «Цветаева в Москве». В Мерзляковском переулке к группе выскочила какая-то баба и заголосила: «Возят тут, про дуру умалишённую рассказывают, окна только застят… О людях думать надо…»

Все так и оторопели от такой всенародной любви к большому поэту России…

5 февраля

Побывал на съезде профсоюзов в зале «Россия». Выступления делегатов были неинтересные

и бледные, а вот буфет роскошный (жульен с грибочками — прелесть), а груди большинства делегаток тоже вызывали восхищение. По-немецки Venusberg (гора Венеры). Как признавался Александр Бенуа, область Венеры играла большую роль в его жизни. Значит, я тоже немного Бенуа…

Ещё встречались три работника многотиражки «Советский студент», 25 лет назад мы делали первые шаги к журналистике. А теперь? Фролов весь в военных окопах, Стрижев пишет о временах года и об овощах, ну, а я бултыхаюсь в диапазоне: кооперация — литературоведение — история… Показал Стрижу свой Календарь, он в восторге: «Красота подробностей!..»

Звонил Тарковскому. У них дома грипп. Собирается поехать на Запад, ставить там фильм…

9 февраля

Русский физиолог Н. Пэрн в течение 18 лет вёл своеобразный физиологический дневник, в котором записывал свои ощущения и настроение. Он обнаружил, что, например, ясность мышления, склонность к сочинительству повышаются через 7, 14, 21, 28 дней. А ещё сексуальная восприимчивость. Отмечал он и влияние космоса на самочувствие человека, например, сердечные

боли учащаются при пересечении Землёй межпланетного магнитного поля и т. д.

14 февраля

Провёл интервью с академиком Тихоновым — типичная учёная абракадабра, туман учёных дефиниций. Посидел часа два, и заломило голову. Переключился на «Литературку». Статья Чупринина «Оживляж». На смену пуританским прежним годам в литературе появились игривости, когда женщина не только трудится на производстве, но и во время встречи с мужчиной «скидывает», «сбрасывает», «стаскивает» с себя бельё. «Ольга стащила платье… и, отчаянно крикнув: „Нагишом будем! Стесняться некого!“ — скинула трусы» (цитата из журнала «Волга», 9-1981).

У современного итальянского писателя Итало Кальвино читатель приходит в магазин и мысленно классифицирует всё выставленное на полках: «Книги, Которые Ты Можешь Не Читать; Книги, Сделанные Для Другого Употребления, Нежели Чтение; Книги Уже Прочитанные. Хотя При Этом Не Было Даже Необходимости Раскрывать Их, Поскольку Они Принадлежат К Категории Уже Прочитанного Ещё До Того, Как Ты Начал Их Читать…»

В последнее время я стараюсь читать лишь то, что мне интересно и ново, в частности, под углом зрения Календаря, новые имена, повороты судьбы, любопытные высказывания и т. д. К примеру, недавно проштудированные воспоминания Авдотьи Панаевой, книгу Божовича о западных режиссёрах, «Мой путь и мои песни» Мориса Шевалье, второй том Бенуа и прочее собирание колосьев на культурной ниве…

27 февраля

В среду, 24-го, только и разговоры про катастрофу в метро на станции «Авиамоторная». Тысяча слухов и четыре строки в «Вечёрке». Живём в закрытом, почти секретном обществе…

Чествовали 80-летнего Семёна Васильевича Потапова у него дома. Я боялся воспоминаний («Белых знал не по книгам, а встречался с ними лицом в лице…») и направил его память в русло встреч со Сталиным. В 1946 году Потапова (а он был первым замом министра заготовок) вместе с министром Двинским вызывали на заседание Политбюро по поводу того, как поднять сельское хозяйство. Микоян накануне их инструктировал: говорите только кратко и по делу, вы же не Маяковские… С томлением в коленях Потапов, рассказывал он, вошёл в кабинет заседаний.

Члены Политбюро сидели за столом, а Сталин всё время ходил и курил свою трубку. Маленького роста, рябой, уже не рыжеватый, а седой. Вопросы задавал со знанием предмета… Вождь работал с 10–11 часов утра до 18, потом большой обед, а дальше с 21 часа вечера и до 4 часов утра. И так работали все министры…

Потапову — 80, а я иду к своему 50-летию. Когда Борису Слуцкому исполнилось 50, то он написал простое и суровое стихотворение:

Кончилось мое ещё,
Началось моё уже.
Как моё уже – тоще,
на последнем рубеже.
Все начала кончил я.
Начинается конец.
Он тяжёлый, как свинец,
но правдивый. Без вранья.

Грустновато, если не сказать больше. Всё зависит от степени откровенности и вкуса. Можно, конечно, выразиться иначе, с изящной иронией, как Анатоль Франс: «Молодость прекрасна тем, что она может восхищаться, не понимая. Позже является желание постигнуть известное соотно-

шение вещей, а это уже большое неудобство».

А можно и по-другому с вибрирующим юмором: «О себе я могу сказать твёрдо. Я никогда не буду высоким. И красивым, и стройным. Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье… Я наверняка не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения. И фильм не поставлю… Я не возьму 7 метров в длину… Просто не возьму. Ну, просто не разбегусь… Ну, даже если разбегусь. Это ничего не значит, потому что я не оторвусь… Дела… Заботы…» Михаил Жванецкий хорошо передал это возрастное ощущение того, что никогда не будет, никогда не исполнится. В силу возраста, социального положения и роковых обстоятельств. Да, ещё есть одна мелочь: талант…

Ну, и Вознесенского можно процитировать:

Что ты ищешь, поэт, в кочевье?
Как по свету ни колеси,
Но итоги всегда плачевны,
Даже если они хороши.

Вот и меня одолевает грусть накануне 50-летнего рубежа. Полтинник — это грустно.

4 марта

В ночь на 1 марта и наутро 2-го шёл пушистый чистый зимний снежок. День рождения получился зимним. А вчера дохнуло теплом и отчаянно задребезжала капель. А сегодня лил откровенный весенний дождь, и все громадные грязно-шелудивые снежные сугробы разом потекли. Солнца нет. Плюс 5. Хмарь и грязюга. Гриппозный безрадостный фон.

1 марта на работе мне подарили электрический самовар (мечта В.П.), чешские стаканы и кофейный набор «Квартет». А потом поехал в гости к Стрижеву на ул. Семашко. Конечно, расстроился из-за писательской библиотеки, старинные шкафы, книги, раритеты, — ничего подобного у меня нет. Даже есть календарь Брюса. Сюда, в квартиру Новикова-Прибоя (а Саша женат на его внучке), приходили Багрицкий, Алексей Толстой, Куйбышев… Портреты, картины — целая история, род. А у меня, как у Ивана Непомнящего, ничего нет… Саша подарил мне одну из своих книг — «Лесные травы». Меня как-то травы не очень интересуют…

На работе 2 марта было чествование, милое и глупое, типа пожеланий: «…И никаких гвоздей!» (Фомин), «Юра, вы родились удачно в день 13-й зарплаты» (Демидов), «С вашими статьями хоть

на край света» (Панкратова) и т. д. Даже была импровизированная пресс-конференция, где меня спрашивали:

— Какое место занимает в твоей жизни Центросоюз?

— 28-е.

— А что на первом месте?

— Дом.

— А почему?

— А потому, что дома можно снять социальную маску и быть самим собой…

А потом с Половиком и Гавриловым отправились ко мне немного праздновать. Была симпатичная беседа, но потом Аркадий, разомлев от выпитого, спьяну спел гимн китайских добровольцев на китайском языке. Потом мы с Гришей его провожали, и Гаврилов на «Соколе» закричал: «Братцы! Куда вы меня завели, ведь это Сокольники!..» Да, парень он замечательный, но слабый по части алкоголя. А попивает, к сожалению, от полной невостребованности…

На этом приключения не кончились, нагрянули Витя Кузнецов с Таней и завалили сладким: громадная коробка печенья «Кружевница» и несколько коробок конфет, — что значит работать на кондитерской фабрике: имеем то, что

сторожим… Выпили шампанского «за старшего брата», не в оруэлловском смысле, а в натуральном.

Юбилеи, юбилеи,
Я от вас уже шалею…

Но это не всё: основной сбор 6-го, в субботу.

8 марта

Пришлось потрудиться над столом (специально ходили на рынок), и в итоге всё получилось отменно: гости дружно заявил, что «обожрались». Кроме вина и еды, я потчевал гостей разложенными двадцатью альбомами, в которые все с громадным интересом вгрызались. Всего было с нами 17 человек: школьные друзья, родственники. И были, естественно, всякие слова и тосты. Мила заявила, что я для неё «неразгаданная тайна». Говорили про талант, про магнит, что-де притягиваю к себе людей и т. д. Но всё, как говорится, дели на два… Боря Кузнецов пытался ораторствовать, что все Кузнецовы — самородки, но всем не везёт, вот только Юра… Давидовский кричал: «Хватит болтать, давайте лучше плясать!» Ну, и так далее, в том же праздничном ключе.

Первая книга, которую начал читать на шестом

десятке лет: Роберт Фальк «Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике».

9–19 марта

Подмосковные «Берёзки».

Маленький весенний отпуск по линии Госстроя СССР. Накануне отъезда распух нос и стал каким-то клоунским. В дневнике обо всём подробно, но в книге сделаю сжатое попурри из дневниковых записей. До «Берёзок» добирались сложно: такси, электричка, автобус. Старый корпус на 5 этажей. Всё некомфортно и без письменного стола. И погода: небо мглистое без солнца. Одна радость: кислород и не надо готовить и мыть посуду. 11 марта Ще уехала на экскурсию в Марфино, а я хрюкал на кровати до упора. 12-го образовалась компания с новой работы Ще: Галя Н. и Эльвира К. Галя — та ещё штучка, молодящаяся, завистливая, жаждущая мужского общения и не любящая общих разговоров: «Я это знаю!» Эльвира — антипод, открытая, наивная, доверчивая в поисках новой религии: третьего глаза и тонкой материи. Но тем не менее весело общались и даже играли в футбол. Совершили поход в ближайшую деревню Чиверёво.

Как дела? – спросили в Чивирёво.

Нам ответили дружно: – Хреново!

А ещё ходили в Осташково, которое я переименовал в Фисташково. Юморист… Болели за фигурное катание, но, увы, Джейн Торвилл и Кристофер Дин обыграли в танцах на льду наших Бестемьянову и Букина. Так и шло время: гуляние, общение, кино, телевизор, веселие и томление. Была и живность: белочки, синички, лани. И всех забавляла Эльвира, демонстрируя упражнение по йоге. Под конец у Ще повысилось давление, и она отлёживалась. Её навестили девочки, и мне пришлось их не столько развлекать, сколько удивлять мрачными стихами Георгия Иванова:

Ты ещё читаешь Блока,
Ты ещё глядишь в окно,
Ты ещё не знаешь срока –
Всё неясно, всё жестоко,
Всё навек обречено…

И слова поэта «ты ещё не знаешь срока» мы воплотили в жизнь: за два дня до окончания срока покинули «Берёзки». Надоело. Неинтересно… В Москве догуливали отпускное время в своей ближней роще и в дальней за «Войковской».

28 марта

Вышли на работу и тут же начисто забыли про «Берёзки». Снова тихая заводь с рябью склок. В «Юности» начал читать дневник Корнея Чуковского. Мой человек! «Без писания я не понимаю жизни», — и я так же, как Корней Иванович. Из 87 лет он 70 вёл дневник. «Я боюсь ничтожных разговоров, боюсь идиллии чайного стола, боюсь подневольной, регламентированной жизни. Я бегу от неё. Но куда? Как повести иную жизнь? Деятельную, бесконечную, свободную? Как?» — это написал Корней Чуковский 2 марта 1901 года, за 31 год до моего рождения. Ну, и я спрашиваю: как?!.

В новом сборнике Вознесенского «Безотчётное», на мой взгляд, мало глубины и много выкрутасов, виртуозничает Андрей: «За что тебя, Авель? — За кафель!» или в стихотворении «Женщина перед зеркалом»:

Шехеразады выдохлись и Чосеры,
Ты всё причёсываешься…

Уверен, 99 процентов читателей спросят, а что такое «Чосеры»? А возможно, буквально единицы знакомы с английским поэтом Джефри Чосером, жившим в XIV веке, и читали его «Кентерберийские рассказы», и поэтому Вознесенский

занимается метанием бисера, развлекая более себя, чем читателей.

Хотели тут попасть на спектакль «Взрослая дочь молодого человека» — не попали. Взамен купили книгу «Культура эпохи Возрождения и Реформации», — эстетствуем, так сказать.

25-го был на Совете Центросоюза в гостинице «Турист». Сидел рядом с Хачатуровым, — чисто инерционная дружба. В фойе столкнулся с Колей Котелевским, бывшим плехановским комсомольским секретарём, ныне — подымай выше! — работником ЦК партии. «Ты всё с бородой ходишь?» — спросил он меня, и тут Хача подсуетился: «Это наш кооперативный Хемингуэй».

Маленькая ремарка. Тогда я ещё ничего практически не опубликовал, хотя и написал много. Но пройдут два десятилетия, и начнут выходить мои книги. В одной из них я поместил очерк-эссе о Хемингуэе. А поэт Евгений Рейн при встрече в ЦДЛ, увидев меня, оповестил всех: «Наш Д'Аламбер пришёл!» Имея в виду, что Д'Аламбер и Дидро вместе редактировали «Энциклопедию». В какой-то степени я, действительно, энциклопедист (пишу обо всех и обо всём), но следует иметь в виду, что Жан Лерон Д'Аламбер был не только философом-просветителем, но ещё математиком

и механиком, а уж я никакой не математик и не механик… (3 июля 2010 г.)

3 апреля

«На что уходит жизнь?!» — воскликнул в одном из стихотворений Евтушенко. На что? Меня наградили значком «Отличник потребительской кооперации», значит, с точки зрения общества (или отрасли, где я работаю) я тружусь хорошо и вношу свой вклад. Но этот вклад мне до лампочки. Я чувствую, что моё предназначение иное, и поэтому я упорно долблю свой Календарь мировой истории. Это — настоящее, но за это значков и орденов не дают, тем более что это делается вопреки цензуре и всяких табу.

В редакции появился новый сотрудник, международник Юрий Владимирович Медведев, работавший в конце 50-х годов ответственным секретарём иностранной комиссии Союза писателей. Рассказывал, как один из председателей — Сергей Михалков иногда заглядывал в дверь комиссии и спрашивал: «Никто никому не набил морду? Никто никого не трахнул?.. Ну, тогда я пошёл. Мне некогда…» Ну, фрукт!..

31 марта с утра бегал по магазинам, стоял в очереди среди тех, о которых писал Зощенко: «Мы люди низменные, не имеющие особого интереса

к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания…» Потом клеил футбольные вырезки, — накопилось!.. А затем с Ще пошли в Пушкинский музей на выставку новых поступлений. Отстояли 40 минут в очереди. В итоге не «ах», но всё же интересно. Две маленькие картины Яна Брейгеля Бархатного, «Луизиана» американца Рональда Голдена, подсвечник Сальвадора Дали, «Жанровая сцена» Бориса Григорьева (о нём знаю лишь по книгам Бенуа и Фалька), три акварели Филонова. Постояли у «Женской головы» Тышлера, полюбовались «Обнажённой перед зеркалом» Конашевича. А вот женщины в ранних работах Пименова раздражили — толстомордые, толстозадые, тупые…

11 апреля

Жизнь идёт: громыхает, как телега, плавно проплывает, как теплоход, и стремительно проносится, как реактивный самолёт, — и всё это как-то одновременно: и тягуче медленно, и жутко быстро. В марте ушли из жизни долгожители: Мариэтта Шагинян, Леонид Утёсов, маршал Чуйков…

Тут в «Вопросах литературы» прочитал о судьбе Андрея Белого. Как он метался! Как постоянно захлёстывала его штормовая волна замыслов, как

он жаловался на жизнь — «Будь у меня деньги и простор времени…». Как всё это мне созвучно! Меня тоже тяготят планы, а выполнять их, реализовать я никак не могу. Хожу, а в голове рождаются сюжеты, пишутся рассказы, слышатся яростные споры героев… А вот сесть и написать — никак не получается. «Да, время какое-то рваное, — говорил Половик, — час тут, час там, а надо всё отбросить, сесть, подумать…» Григорий давно на всех махнул рукой: он не творец, не создатель, он — только потребитель, интеллектуальный гедонист, развлекатель при телевизоре и книгах. Я успеваю что-то и писать, но всё равно это мало…

В «Лит. учёбе» рассказ о Геннадии Лысенко (1942–1978) — способный поэт и загубленный. Как написал критик: «Шёл человек в русскую поэзию, а попал в Литфонд и Бюро пропаганды…»

> *Что посеял, того не пожну, – сил не хватит, да и не успею; к этой истине, словно к вину, привыкая, сживаешься с нею…*

Бедный Лысенко: «Я рос, как все, под красным флагом / и ненавидя, и любя…» Все мы шли под красным флагом, вот только вопрос: куда пришли? В чём разобрались? И во что окончательно

поверили? Или разуверились во всём?.. «И с каждым днём разборчивей душа, / и с каждым ограниченнее выбор…» — Геннадий Лысенко, Рубцов, Шпаликов — все ушли рано. Выбились из общего потока…

Антуан Ватто (книга Германа из серии «Жизнь в искусстве») — другая историческая эпоха, но та же неудовлетворённость собою и сделанным. Горечь даже в совсем не горьких сюжетах, за праздником и весельем — некая инфернальность, неизбывность зла…

Мерзкая погода. Давящая. Очевидно, всё же парад планет влияет на бедного, маленького человека даже в могучей стране социализма. К могуществу и величию отношусь с изрядной долей скептицизма и иронии.

18 апреля

Выделю из общего потока — фильм Бергмана «Осенняя соната» (смотрел во время работы на сеансе 12.30 в кинотеатре «Призыв») и концерт сатирического ансамбля «Кохинор» в Доме архитектора. Всякие архитектурные шуточки: от барокко до барака… из-за Ховрино на Химки выплывают типовые, крупноблочные челны… Владыкино — поднатыкано… И в небо взлетели шпили — как нас за это били… и т. д. Горькие при-

знания, что мы — не Корбюзье, что строим плохо и что с западными зодчими нам соревноваться не по плечу… И на мотив песенки Боярского и других мушкетёров: «Пока, пока по радио идёт вечерний звон…» Кстати, на работе развлекался тем, что навскидку листал синие тома Ленина. «Тошнит всех от общих фраз, — писал вождь, — они плодят бюрократизм и поощряют его… Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть современный „комбюрократизм“» (16 марта 1922 г.). Ильич смело смотрел правде в глаза: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны…»

Всё это я беру в свой Календарь, или вот возмущение Хрущёва в Америке в сентябре 1959 года в Голливуде, где он увидел, как в танце девушкам приходится «задирать юбки и показывать заднее место»: «У вас это будут смотреть, а советские люди от этого зрелища отвернутся. Это порнография…»

Ремарочка. И эта «порнография» стала излюбленным зрелищем постсоветских людей. «Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно…» — как поётся в одной песенке. Не оценил всю глубину советских людей Никита Сергеевич, не вник в неё… (10 июля 2010 г.)

Гаврилов принёс на работу «Опавшие листья» Розанова. Просил дать домой почитать — не дал. Часа три листал 500 страниц розановского текста. «По обстоятельствам климата и истории у нас есть один „гражданский мотив“: — Служи. Не до цветочков».

Вот мы сидим и служим. Лишь отслужив, дома припадаю к пишущей машинке и бегаю по орбите собственного «я».

25 апреля

Три года назад, когда я работал на радио, я метался, был взвинчен и находился предынфарктном состоянии. Сейчас у меня состояние вялое и сонное. Барахлит здоровье: нос, левая рука, глаза…

Медведев продолжает рассказывать всякие байки. Однажды Сталин вызвал к себе журналистов и кинематографистов и учинил им разнос, что они плохо работают. Оператор-кинодокументалист Кац от страха упал в обморок. Сталин, глядя на поверженного, сказал: «А к вам, товарищ Кац, это не имеет отношения, вы как раз работаете хорошо». После слов вождя вокруг Каца сразу засуетился народ…

Теперь журнал «Отчизна»: материал о Чукотском ревкоме опубликован, а вот поэты-эми-

гранты не прошли, соответствующие инстанции решили, что не надо их вспоминать и пропагандировать. Георгий Иванов не пересёк советскую границу. Мне искренне жаль… На эту же тему. В редакцию нашу пришёл большой опус товарища из Днепропетровской области с любопытной припиской: «Сделайте хотя бы небольшую заметку. Это в какой-то мере компенсирует мои духовные затраты и ожидания…» Я — человек сердобольный: кое-что компенсировал…

Случайно попал в Дом дружбы на выставку итальянского графика Пиппо Гамбино. «Творчество Гамбино, — написал в проспекте Ренато Гуттузо, — делает нас свидетелями и участниками человеческой жизни со сжатыми зубами, жизни человека, который страдает, борется и не сдаётся». Это — западная позиция. А вот наша, социалистическая, вся лучезарная: «Действительность наша подобна поэме!.. ведь солнце и звёзды мы взяли в друзья». Это стихи Владислава Шохина в «ЛГ». Фальшивая социалистическая бредятина с открытым от восторга ртом.

2 мая

Англичане колошматят Фолкленды. Ирак и Иран дубасят друг друга. Абсурдный мир. А мы живём в своём, локальном мире. Первомайскую

демонстрацию смотрел, лёжа на диване. Генсек совсем плох, и нас ждёт переходная эпоха… За целый день с Ще выпили бутылку «Гурджаани». Пироги. Кое-что ухваченное в магазине. И новая порция книг. Громадный том литературного наследства (изд. 1935): Письма Чаадаева, Гончарова и Победоносцева, дневник Одоевского, автобиография Константина Леонтьева — всё безумно интересно. А ещё книга о Дюрере (плохо написана), избранное Бориса Пильняка. То есть стараюсь читать только особенное и — пролетарии всех стран, извините!..

7 мая

Нет ничего лучше на свете молодой народившейся зелени и юности прелестных девичьих щёк, бархатистых и чистых, беззаботного смеха весёлых глаз. Сам был молодым, но тогда я не чувствовал прелести юных лет, и только потеряв их, понимаешь, как это здорово быть молодым. А по нынешней весне чувствую себя старым и разбитым.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны вёсны,
Как прохладны объятья воды! –

писал Фёдор Сологуб. О бытовых делах умолчу. Как сказал один остряк: все жанры хороши, кроме прозы жизни. Проза жизни ужасна…

15 мая

Вечно мучающий вопрос: зачем пишу? Натура архивиста, как у Александра Гладкова, который вёл дневники всю жизнь, с юности до смерти. Фиксировал всё, был «протоколистом своего времени», вот и я такой… Фомин ввёл меня в состав редколлегии журнала, причём обставил это так, словно награждал маршальской звездой. Теперь с надбавкой 230 рублей — самый большой оклад в моей жизни. Путь Фомина — 25 лет в одном журнале, угождать начальству, лезть наверх и добиваться цели: кандидат наук (а их как собак нерезаных), возглавлять отраслевой журнал — это не для меня, а «слава только дым», к тому же какая это слава? Карьерный писк и только… На работе Наташа Лукацкая рассказывала о своём 17-летнем сыне Мише. Считает, что учёба — это потерянное время. Много времени проводит на ипподроме. Маме однажды сказал: «Ты такая тёплая, как лошадь». В Большом театре на «Иване Сусанине» пришёл в восторг, когда увидел лошадь на сцене: «Да это же Стандарт, я его расчёсывал!..»

У каждого свои удивления и сюрпризы. А я когда читаю о ком-то или конкретно кого-то, то, бывает, удивлюсь совпадению мыслей и чувств — так же мыслю и так же рефлектирую. Последнее удивление: автобиография Константина Леонтьева (1831–1891) «Моя литературная судьба» (до нас дошёл только отрывок). Интереснейшая судьба. Писатель, публицист, литературный критик. Какие надежды подавал, а вот остался без литературной славы. Почему? Сам Леонтьев отвечает на этот вопрос:

«Я нахожу теперь, что самый глубокий и блестящий ум ни к чему не ведёт, если нет судьбы свыше. Ум есть только факт, как цветок на траве, как запах хороший… Я не нахожу, чтоб другие были способнее или умнее меня; я нахожу, что Богу угодно было убить меня; и я не считаю Бисмарка во всём выше и годнее Наполеона III, я думаю только, что первому пришёл черёд по воле Божией, и больше ничего… А почему другие в лучшем положении, чем я?.. Это воля Господня… Или какие-нибудь их тайные заслуги, опять-таки перед Богом, а вовсе не умение устраиваться, как говорят…»

И далее: «Есть нечто бесконечно сильнейшее нашей воли и нашего ума, и это нечто сокрушило

мою жизнь, а не мои ошибки».

Ссылки на Бога понятны: XIX век. Вместо Бога можно подставить фатум, рок, стечение обстоятельств… Вот и я не попал в колею, без родственников, друзей, меценатов. Сам Леонтьев презирал тех, кто обивает литературные пороги редакций — «разные Аверкиевы и т. п.». Леонтьев называл себя удалённым и брезгливым человеком… Как поздний славянофил, считал главной опасностью либерализм с его «омещаниванием» быта и культуры всеобщего благополучия, проповедовал «византизм» (церковность, монархизм, сословная иерархия и т. п.). В советские годы считалось, что Леонтьев стоял «на крайнем фланге реакции».

Печальный пессимист Константин Леонтьев советовал: «Терпите! Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите…» (1886).

Утешил Константин Николаевич, утешил. Леонтьев прожил 60 лет, как о нём выразился один современник, пользовался «заслуженной неизвестностью». Смешно, но кто-то из современных писателей сказал мне однажды: «Вас хорошо

знают в узких кругах». Н-да… (25 марта 2019 г.)

23 мая

Хожу на работу и мечтаю о блаженной пенсии, чтобы не ходить в присутственное место и не видеть людей, от которых тебя тошнит. Когда Вяземского Николай I определил на службу в Министерство финансов, князь записал в своём дневнике: «Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу!..» Гордый был князь Пётр Вяземский. В стихотворении «Негодование» (1820) признался: «Я ранее „прости“ сказал младой весне, / Весне надежд и заблуждений!..» Жил бы Вяземский в наши дни, из него сформировали бы человека политически активного, знающего дело, умеющего работать и всегда готового к защите своей родины — так сформулирована задача на съезде комсомола. И не «прости», а только «вперёд!».

17 мая в Центросоюзе состоялась встреча руководства с делегатами XIX съезда ВЛКСМ. Делегаты лихо шпарили текст по бумажке. Благодарили за заботу старших товарищей, давали клятву верности, а ещё просили помочь товарами, транспортом и всем необходимым, которого мало или совсем нет… По теле выступал комсомольский

вожак Пастухов и пылал ненавистью к классовым врагам. Есть враг — есть цель, значит, всё в порядке, а товары, транспорт — это мелочь…

30 мая

Ещё один «коллега» по дневникам — Константин Паустовский: «Надо ежедневно записывать всё. Иначе дни тают, как дым, как рыжее марево». И что записывать, что 24 мая состоялся Пленум и принята Продовольственная программа — и забрезжили горизонты надежды? Боюсь, что это только «рыжее марево»: при нашей системе ничего путного в России не получится, надо менять не карты, а всю колоду. Отвратили людей от земли, и как их вернуть обратно? Нужны действительные стимулы, а не голые призывы: давай-давай. «Давали уж много раз!» — так можно перефразировать слова из какой-то оперетты (кажется, «Фиалка Монмартра»).

Как-то обедали в Домжуре славной четвёркой: Феликс Медведев, Половик, Аркадий Гаврилов и я. Книголюбы! Знатоки! Но солировал Феликс со своими историями, как был в маршальской квартире у Роберта Рождественского с окнами, выходящими на Центральный телеграф, как он встречался с Вероникой Полонской, о том, кто что собирает: Валентин Катаев, к примеру, кепки,

Лев Никулин — лезвия. О том, как критик Тарасенков приходил к Эренбургу и, захлёбываясь от восторга, читал стихи Мандельштама, а потом в своих критических работах громил поэта как выразителя буржуазного сознания…

Были в гостях у Сериковых. Рассказы о том, как живут наши корреспонденты за рубежом, где что выгоднее покупать. Далее советская хроника: кто с кем, кто кого бросил, к кому ушёл и т. д. Галя рассказывала это с горящими глазами, ну, и о том, что сегодня в моде бриллианты и изумруды. Н-да. А через день мы поехали на Химкинское кладбище, где покоятся люди, отмечтавшие о драгоценностях. На памятнике — фамилия Зайчик. Значит, отпрыгался и отбегался сердешный. Оленька Умникова-Пузь, 23 года. Вот и вся жизнь. Поэтому, как говорил в последнем романе Трифонова его герой Маркуша своему приятелю Антипову: «Не гони кобылу! Делай паузы…» Потише, мой друг, поспокойнее…

19 июня

14-го исполнилось 30 лет со дня смерти мамы. Тот печальный день стоит у меня перед глазами. Был на Ваганьково, положил цветы, повздыхал и пошёл. А что можно ещё сделать? На выходе заглянул к Высоцкому — море цветов. А на

следующий день в ночь умер сосед сверху, беспробудный пьяница Юра. Допился. Ще встретила другого соседа сверху, Петра, и строго ему сказала: «Вот и вам урок». «А я что, — ответил он, — я ничего, я как стройный тополь»… Тополя, тополя. Вся Россия в тополях, и только пух летит пеленой. Мне соседа не жалко, а вот умершего на днях актёра Тарковского Анатолия Солоницына очень жалко. Он на 4 года моложе меня…

В редакции была срочная вычитка спецномера. Куча ошибок. Вместо «семян рапса» — «семена рабства», вместо «премирования работников» — их «кремирование». «Победы социализма» перенесены так, что на строке выведены «беды социализма». Такие ошибки подводят под монастырь!.. Почитал знаменитые «Вехи», ничего не устарело, всё актуально. К примеру, «…средний массовый интеллигент в России большею частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения…» Из этого же времени. Сатирик Аркадий Бухов:

Мучительно наше сегодня,

Где всё – наболевший вопрос.

27 июня

Чем больше живу, тем яснее понимаю, какая это трудная штука — жизнь. Иногда кажется, что я живу хорошо и всё хорошо получается: стал журналистом, относительно других много пишу, многим занимаюсь дома, постоянно что-то узнаю новое и расширяю свой горизонт и т. д. А иногда кажется, что ничего я не достиг, и что жизнь пустая, иллюзорная, и надо жить как-то иначе. Но как? Вон Гриша всем доволен: зарплатой, книгами, телепросмотрами, и всегда в довольном тонусе. А я — нет. Всё время мучаюсь. Чего-то всё время не хватает… «А жизни нет, жизнь только снится нам», — кажется, Камоэнс.

4 июля

Приехавшие в Москву собкоры журнала рассказывали всякие местные ужасы. В Краснодарском крае решительно взялись за жуликов и хапуг. Надели наручники на бывшего секретаря крайкома Тараду, прихватили директора краснодарского холодильника — аферы с мясом… В Краснодаре сгорел огромный универмаг… убили парочку секретарей райкомов… Словом, картинки с выставки.

Настоящую выставку Эдварда Мунка посмотрели с Гришей на «Кропоткинской». «Крик», «Поцелуй», «Двое», «Ревность» — на переднем плане художник с глазами, полными мукой и растерянностью. На заднем плане женщина в распахнутом красном платье. Обнажённое тело завораживает. Тут же мужчина в чёрном фраке. То есть видение, которое преследует художника: неверность и обман…

Прочитал книгу Майи Туровской про Бабанову, воспоминания Рины Зелёной, в «Воплях» интересен обзор современной шведской литературы. «Мемуары Каина» — роман в стиле коллажа, — Юлленстена. Каин убивает своего брата за то, что он — другой, за то, что Авель мыслит, чувствует и поступает не так, как он, Каин, считающий свой образ бытия непреложным.

Вся неделя была холодной, в Москву прикатил холодный воздух из района Шпицбергена. Потом зарядили дожди. И только сегодня разголубелось небо. Плюс 18.

18 июля

Меня тошнит от нашего телевидения. Очередной детектив о чекистах «Долгий путь в лабиринте». Всё чисто, высветлено, приглажено, умненькие чекисты, моральные, кристальные.

А враги уродливые, коварные, нечистоплотные. И залихватские песни: «Гусарская рулетка — жестокая игра! / Гусарская рулетка — дожить бы до утра!..» Чекисты, гусары — какая-то телекаша с отвратительным идеологическим запахом. Отдыхали на «Шербурских зонтиках». Изящно, красиво и с налётом печали… Никому не ведомо, что будет дальше. Все мы живём с завязанными глазами. Дальнейшая дорога всегда за поворотом.

25 июля

Как говорил Жюль Ренар: «Записывай, записывай, и побольше! Будет жвачка на зиму». Вот я и записываю. Ще как-то повстречала своего сокурсника по университету Алика, подававшего надежды, но ставшего типичным аутсайдером, он говорит: «Евреи делятся на две категории: одни живут в Бруклине, другие навсегда остаются Эриками и Аликами…» Спросил Ще: «Ну, а муж-то ничего? Соображает? Это я понимаю, что хороший: шкаф сделает. Ну, а поговорить-то с ним можно?..» Ще рассказывала мне об этом, и мы оба хохотали до слёз. Можно! Можно!

На прошедшей неделе посмотрели «Механическое пианино», все актёры на месте, а Калягин — корифей. Картина получилась концептуаль-

ная, типично русская: всё тонет в море исключительной болтовни. Никто не хочет заниматься делом, все говорят и говорят, купаясь в словах и рефлексии. Отражение сборника «Вехи»… А 23-го в Домжуре посмотрели принципиально иное: «Амаркорд» Феллини, ещё не дублированный, на итальянском языке. Можно посмотреть десяток фильмов Сергея Герасимова, к примеру, и не запомнить ни одного, а вот «Амаркорд» забыть трудно, и красное платье Градиски на фоне ослепительно-белого снега. А сумасшедший дядюшка Тео, который залез на дерево и оттуда истошно вопил: «Хочу бабу!» Федерико Феллини — гений!..

Новая порция книг: статьи и письма Михаила Фокина, книга о Радищеве, дневник Жюля Ренара, Асаф Мессерер «Танец. Мысль. Время»… Одно из последних стихотворений Аркадия Гаврилова, которое он прочитал мне:

Вчера был стакан и сегодня – бутылка.
А завтра я вытащу гвоздь из затылка
И им нацарапаю: «Чаша испита!»
И в дырочку капну немножечко спирта.
Не морщите лобик, товарищ нарколог,
Ведь пили по-чёрному даже наркомы.
И даже весьма уважаемый Горький

Усы заспиртовал в рюмочке с горькой.
Но все они были врагами науки,
От мира скрывали душевные муки.

А мы? А я? 25-го, в воскресенье, варили абрикосовое варенье… шёл дождь… Утром в понедельник сжимало сердце, руки были ледяные… Вчера с Ще отправились на Манеж на выставку «50 лет МОСХа». Старые мастера хороши: Николай Чернышёв, А. Шевченко, Штеренберг, Тышлер, Лентулов, Осмёркин, Фонвизин… А вот поздние — А. Моравов «Подсчёт трудодней», 1934 год — типично сталинская, лучистая картина… Обратно шли по набитой Тверской и ненавидели Москву, эх, лучше бы по Праге, по Парижской улице, по Карлову мосту. Но близок локоть, да не укусишь…

7 августа

На работе началась Чупахиниада. Фомин захотел уволить пупсика, но не тут-то было — он завизжал, как резаный поросёнок: «Кровавая потребительская кооперация!» Что ж, одни умеют работать, другие умеют визжать! По странному совпадению, изучая Лермонтовскую энциклопедию, натолкнулся на записку Николая I чиновнику-медику по поводу стихотворения

Михаила Юрьевича на смерть Пушкина: «…И удостовериться, не помешан ли…» Нет, наш Пупсик не помешан, он просто по натуре сквалыга и жалобщик. Угрожает: «Я ещё пружины не все раскрутил!..»

22 августа

Ездил в редакцию «Футбола-хоккея» подписываться на еженедельник, стал свидетелем сценки: пришёл какой-то старик, чтобы узнать у специалистов, почему плохо играет сборная команда СССР. Кто-то из редакционных работников его «успокоил»: «У нас, батя, вообще футбола нет… им никто не руководит… И лучше бы ты, отец, пошёл бы подышать свежим воздухом…»

29 августа

И ещё одна неделя пролетела, сгорела, исчезла и канула. Фьюить — нет её! А была ли неделя?..

4 сентября

«Мясорубка дней. Мелькание…» (Эдвард Радзинский)… В томе «Русская старина» натолкнулся на дневник Василия Жуковского периода 1822–1826 годов. Вот отрывочки:

«Весёлый вечер. Читал Мольера… Обедал у Бенкендорфа… Мысли о Лаокооне… Опера… Живописный туман над развалинами Гейдель-

берга… поутру у короля… Жаркий спор о греках… Потсдам. Театр. Танцовщицы. Ужин… Император подарил бутылку токайского вина… Отъезд из Бриенцы на лодке: тирольская песня…»

Ну и так далее. Совпадения можно искать в таких записях, к примеру: «Штутгарт. 1-й день болезни…» и «До 7 часов клеил…» Болел и клеил, как и я, а в остальном всё иное — ни королей, ни принцесс, ни заграничных поездок, ни тирольских песен… Можно сделать такую запись: «Зашёл в кондитерский магазин на Соколе. Все ящички уложены ядовито-фиолетовыми конфетами „Морозко“, а на полочках выставлены ряды грязного морковного цвета пачек молотого кофе. Изобилие эры Продовольственной программы. В магазине „Мясо“ ажиотаж: „выбросили“ сосиски. Приезжие и москвичи в народной драме „Дружба городов и сёл“».

19 сентября

В квартире ремонт. Люба Иванова из Тамбова поклеила обои и приступила «к маслу»: начала красить окна… Методично, тщательно и жутко медленно, о своей личной жизни говорит так: «Всё так сложно, всё так запутано. Лучше не думать, а работать…» А я принёс очередную порцию книг из библиотеки, в том числе Канта, ЖЗЛ.

Кант и ремонт — неплохое сочетание!

4 октября

Всё проходит, даже ремонт… За окном плюс 4, утром было 2. Захолодало. Желтизна и слабая багряность на листьях, да и они порядком поредели: двор стал просвечиваться. Скоро зима, тёмные дни и берложье настроение: забиться в постель, в тепло и спать, ни о чём не думая… Спросили позвонившую Русико из Тбилиси, как там у вас с погодой, ответила: «Днём ходим без жакэтки, а вечером с жакэткой».

В кино посмотрели михалковскую «Родню» и телефильм Антониони «Тайна Обервальда», в роли Елизаветы Австрийской — Моника Витти. С точки зрения цвета — это одна из лучших картин, которую я когда-либо видел… Читаю с большим интересом «Некрополь» Ходасевича и растаскиваю его по персонам в Календарь: Брюсова — к Брюсову, Горького — к Горькому и т. д. И любопытна книга Степана Шешукова «Неистовые ревнители» о литературной борьбе 20-х годов. Лихие мальчики Леопольд Авербах, Семён Родов, Лелевич. Наводили порядок в литературе, дым шёл столбом…

5 ноября

Очередная командировка в Таллин, куда отправился поездом 1 ноября. От соседей по купе узнал, что прошла в Таллине манифестация молодёжи с лозунгами «Свободу Эстонии» и «Долой оккупантов!». Поселился в маленькой кооперативной гостиничке на Нарвском шоссе. В отличие от русских городов тут отношение сдержанное и деловое, никто не расшаркивается и никаких особых знаков внимания. Председателю Эстонского потребсоюза Аго Мадику было не до меня.

Как бедный родственничек к дяде,
Я просидел в приёмной час.
Всё ждал, когда же примет Мадик,
Когда обрадует он нас.

Побывал на химкомбинате «Орто», в объединении «Авто» и в каком-то магазине Харюского райпо, — и всё. А далее гуляние по Таллину, от Длинного Германа и Толстой Маргариты к Ратуше, а потом вниз к «Виру» и обратно. 4 ноября попрощался и поехал в аэропорт, хлопнув напоследок стакан сока из ревеня. Короче, ничего особенного, а вот Боречка Л. обзавидовался: «Тебе хорошо — ты был в Таллине, а мне в 30-й раз придётся ехать в Кимры». Но кто в этом виноват?..

13 ноября

Эра Леонида Брежнева, длившаяся 18 лет, закончилась, началась эра Юрия Андропова. Сообщение о смерти генсека объявили спустя сутки. Неожиданно отменили концерт, посвящённый Дню милиции, и хоккей был заменён Бетховеном, а 11-го по всем программам началась симфония Чайковского «Манфред». Объявлен траур. В коллективах идут митинги, но никакого уныния нет: Брежнев — не Сталин. Такое впечатление, как будто бы ничего не произошло: умер — и умер. Был — нет. Лично меня больше интересовала третья книга лит. наследства — Александр Блок.

25 ноября

В субботу, 20-го, был хороший вечер. Ще гладила, а я читал ей вслух из синенькой тетради «ЮБиблии» отрывки из Камю, Шопенгауэра, Розанова, Георгия Иванова, Бунина, Ларошфуко и т. д. — пир для ума.

Сочинил ли нас царский указ?

Потопить ли нас шведы забыли?.. –

писал Иннокентий Анненский. Сколько горьких размышлений о судьбе России. А что нас ждёт впереди?

27 ноября

Чтобы поехать в дом отдыха «Лесное» от Министерства мясной и молочной промышленности, нужна медсправка, — и тут начинается одиссея мытарств. Смольная улица, психдиспансер: не псих ли? Михалковская, тубдиспансер: а не тубик? А ещё сдача мочи? «Моча прозрачная». А хирург? «Нагнитесь, раздвиньте ягодицы!..» Сколько мороки из-за формальной справки! На Кипр (и такая идея поездки есть) через анальное отверстие! Но это в феврале, а пока наше доморощенное «Лесное»…

Не можем попасть в театр: все билеты достаются мясникам и торговцам, держателям дефицита, ну, а я как журналист вынужден пьесы лишь читать. Прочитал «Смотрите, кто пришёл!» Владимира Арро (кстати, мой ровесник — с 1932 года, но питерец). В пьесе есть такой диалог:

— России, как всегда, нужны порядочные люди.

— А что, их мало, да? Опять не хватает?

— Хорошо подстриженных больше…

Тут узнал: в Москве всего 17 тыс. театральных мест на 10 миллионов человек (меньше, чем в Ленинграде). «Зритель какой-то вокзальный, пролётный, блатной, он и там, и сям, он ничего не

понимает толком, ему бы только отметиться, людей посмотреть, себя показать — „были, видели, ужасно!“, „были, видели, гениально!“» (Михаил Рощин, сборник «Современная драматургия»).

13 декабря

6-го отправился в дом отдыха «Лесное». Контингент старушечный. Сплошное «Былое и дамы», «Помню, я ещё Снегурочкой была…». Но интеллигентную пару всё же нашли. Переводчик из Ленинграда и его друг-юрист с тех же берегов Невы. В один из дней я сыграл с ними 17 пятиминуток в шахматы, блиц: 9 побед, одна ничья и 7 поражений. А ещё карты — «кинг». И, конечно, разговоры. Жена одного из новых знакомых — Вера, работница ЦГАЛИ, рассказывала о том, как у них архивариусом работал бывший министр иностранных дел Шепилов, тот, который «и примкнувший к ним…». Четверть века писал какие-то внутренние рецензии. Услышав про мои записи об Андрее Тарковском, запричитала: сдавайте их к нам в архив, в ЦГАЛИ…

Изучали окрестности. Прошли по берегу реки Рожайка (впадает в Пахру) до деревни Битюгово… Осмотрели Морозовский особняк — всё в упадке. Когда-то здесь Мария Андреевна прятала Николай Баумана от полиции. Любил тут отдыхать

Савва Морозов. Сейчас на субботу-воскресенье приезжает отдыхать-развлекаться высшее руководство ВЦСПС, нынешние лже-Морозовы… В самом «Лесном» есть личный отсек министра Антонова — роскошные апартаменты, личная кухня, бассейн. Слуги народа привыкли отдыхать индивидуально, подальше от народных глаз и в своё удовольствие, роскошно…

В пятницу, 10-го, почувствовал себя плохо и рванул в Москву. Померил температуру — 38,3, ломает, врач поставила диагноз: отит. И Ще на больничном: жуткий кашель… Умер Юрий Казаков… Звонил Асаулов, просил назвать для еженедельника «Футбол» тройку сильнейших футболистов. Я назвал: Дасаев, Демьяненко (просил Давидовский) и Курненин.

21 декабря

Смотришь на В.П. и сам начинаешь разваливаться: то тут кольнёт, то там. Лучшее лекарство — сублимировать своё состояние в словах, в стихах, в какой-то в общем вербализации. И вот сочинил некое стихотворение в прозе:

Никогда я не думал, что старость –
Это целое море удовольствия,
Что можно ощутить боль в пояснице,

Услышать, как трещат суставы в ноге,

С трудом поднимать кверху правую руку,

Почувствовать ломоту в зубах

И наждак в горле,

С трудом слышать и с трудом видеть…

– Старик, тебе уже за 50, чего тут удивляться…

– Чего-чего? Надо забавляться?

– О, видишь, какая полненькая блондиночка

идёт и покачивает бёдрами?

– Да? Вижу какие-то картиночки, блёклые. А если женщины,

то без бёдер и грудей.

– Старый ты дуралей!

– Старый-старый… Знаете, в теле всё что-то болит

и трещит, особенно когда ложишься…

– Дряхлеют мышцы.

И живот…

– Ах, бросьте вы этот компот! Надоело. Опротивело.

Скулу свело.

– А утром вы, знаете, ещё ничего…

Излил душу и стало легче? Ничего подобного. Ничего не хочется делать, ни звонить кому-то и куда-то ехать. Полная апатия. Соскин предлагает что-то придумать в футбольный календарь. Когда-то посчитал такое предложение за счастье, а сейчас ни крошки энтузиазма.

26 декабря

Вчера был дождь и смыл последние остатки снега. Сегодня чуть подморозило. Асфальт чистый, умытый, подсушенный. Ни намёка на Новый год, и редкие персоны с ёлками на улице воспринимаются с недоумением, а это что за невидаль? Зачем?.. Никакой праздничной приподнятости. Очереди, хмурые лица, злобная перебранка. Жратва — основа бытия. Ракеты или масло — мы не в состоянии выпускать и то и другое. Возмутил показанный по телевизору репортаж Фесуненко о днях Рождества в залитом огнями Париже. Игорь с сардонической ухмылкой говорил, что всё изобилие в парижских магазинах недоступно нищим и инвалидам, про

обычных граждан и журналистов он умолчал. Тупая пропаганда, желание выдать белого кобеля за чёрного. Сияние огней, товары, покупки, радостные люди в предвкушении праздника — это, мол, только видимость. Истинный Запад — это пессимизм и мрачность, сплошной практицизм и нет никакой нашей духовности. А мы с вами — о-го-го!.. Каждый второй пишет роман про Каренину Нюру. Критик Мулярчик разбил в пух и прах современную литературу США, всё, что там, за океаном, печатают — грязь и обочина — «Одинокая леди», «Маленькие пташки» и т. д. У них, ТАМ, всё плохо!

Сколько людей заняты этой бессовестной пропагандой и, как выразился Салтыков-Щедрин, находятся в процессе мучительного оподления. «И — жив. И — семья не вымерла. И — крыша над головой. И — что-то на столе…» И интеллигенты продают себя за чечевичную похлёбку. Фу! Гадость!.. «И рассказать бы Гоголю / Про нашу жизнь убогую…» — как пел Высоцкий. В нём не было ни грана конформизма. Он резал правду-матку…

30 декабря

Сунулся в магазин, там темно от очередей. Какая-то женщина с синяком под глазом кричала: «Когда же нажрутся, наконец?!» Удалось купить

фруктовый кефир и два плавленых сырка «Дружба» — почти новогодний набор. «Выкинули» окорок, но очередь. Нет, стоять два часа истуканом с острова Пасхи не в состоянии. Заменю окорок «Новым миром».

Ремарка вдогонку. Данная книга — это личное воспоминание и ощущение ушедшей советской эпохи, которая с годами уходит от реальных черт и превращается в некое счастливое мифологическое время. У меня оно другое, без ностальгии и восторженного сю-сю. Да, было что-то хорошее, но в целом таким гнилым интеллигентам, книгочеям, вроде меня, было несладко. В каком-то давнем номере «Новой газеты» натолкнулся на строки уважаемого мною Евгения Бунимовича (москвич, с 1954 года, ровесник моей дочери). Вот его стихотворение без запятых и точек — одна из картинок времён СССР:

страна была нерушима
постель в вагоне стоила рубль
если не брать
проводница смотрела косо
лучше взять
простыни были всегда сырые

но всегда были
матрас доставали откуда-то сверху
разворачивали на полке
подушка всегда падала на пол
сизая в перьях
но постель всегда стоила рубль
и везде стоила рубль
и страна была нерушима.

Так что продолжайте, восторженные патриоты, лить лимонадные слёзы по поводу исчезнувшей советской Атлантиды. (14 апреля 2019 г.)

ТВ и радио продолжают эфирное буйство по поводу 70-летия советской примадонны Аллы Пугачёвой. Она тоже надрывается: «А ты такой холодный, как айсберг в океане…»

Иди-свищи тот айсберг, может быть, уплыл в Израиль?.. Ну, а я никуда не уехал. Остался на месте. И готов к воспоминаниям следующего, 1983 года.

1983 год – 50/51 год. Разъездной год. Туризм: Греция – Кипр – Египет. Командировки: Вильнюс, Волгоград, Владивосток

1 января
От года Собаки к году Свиньи.

Мы в ожиданье. Мы в тревоге,
Что принесёт нам поросёнок Хрюша?
А вдруг из яств появятся миноги
Или, напротив, от осла дадут нам уши…

Год Кабана, или Свиньи, — волнение среди интеллигенции, в чём встречать Новый год? Говорят, что надо в чёрном, белом и розовом и обязательно нельзя мыться, — и во всю эту чушь верят… Главное, чтобы не было свинства со стороны государства и чтобы никто из окружающих не подкладывал свинью друг другу, тем более свинью-рекордистку с ВДНХ весом в 537 кг. А там посмотрим… Пробовал набросать строчки:

С каждым годом мир становится

безумней и абсурдней,

Люди уходят в хрусталь, дублёнки и гороскопы…

Далее пошло как-то банально… Пришло письмо из Тбилиси от Лики: «Дорогая тетя Аня!..» И в конце письма: «Я горжусь, что моя тётя такая хорошая…»

Настроение какое-то странное. Недомогание во всех членах…

9 января

В ночь на 2-е грянул мороз (–21). Мороз постоял два дня, и вновь оттепель. Плюсовая температура, снег почти весь растаял. Учёные говорят, что это всё последствия извержения мексиканского вулкана Эль-Чичона. И ещё один негативный фактор: В.П., у неё такие тоскливые и страдальческие глаза, что, глядя на неё, сам начинаешь немедленно разваливаться и всё начинает болеть… Ну, и постоянные сюрпризы от Ребёнка…

Были в гостях и принимали гостя — ничего интересного… Занимался своим Календарём — такая прелесть, такая умница, информирует, развлекает и утешает…

5 января на редакционном «рафике» отправились на Чеховский полиграфический комбинат.

Самый большой комбинат в Европе. И тем не менее всё ещё ручной набор, потом текст от наборщика переходит к тискальщику, который набор тискает. То есть печатает. Потом отливка… Новое в полиграфии — фотонабор. Грохочущие старые линотипы и бесшумные красивые фотонаборные машины. Показали нам 3-этажную французскую машину «Маринони» — у нас таких не выпускают… На обратном пути развлекал магнитофон:

Спрашиваю Маню, що ты будешь пить?
А она мне лепит: голова болит…

На работе самое интересное было воспоминания Юрия Владимировича Медведева в его бытность секретарём иностранной комиссии в Союзе писателей. После разоблачения культа личности состоялось собрание, которое длилось 3 дня, и никто не мог никак выговориться, ибо у всех наболело. Было столько обид, криков, страстей. Выясняли, кто на кого писал доносы, кто кого топил, пинал ногами и т. д. Эренбург, не вынимая трубки изо рта, сказал, что в ту сталинскую пору люди делились в основном на две категории: на дураков, слепо верящих Сталину, и на трусов, приспособленцев, которые не верили

вождю, но шли за ним. Себя Эренбург причислил к третьей категории. На сцену выбежал Борис Полевой и стал чуть ли не душить Эренбурга, горячо спрашивая его, а куда отнести тех, кто погиб на войне, произнося святое имя Сталина, к дуракам или приспособленцам? Писатель Ян, сам отсидевший, заявил, что Сталин, да, не виноват, просто были допущены какие-то искривления в партийной линии, да и время было такое — тревожное… Тогда старушка Мариэтта Шагинян пристукнула палкой и воскликнула: «А я всегда говорила, что Сталин — мерзавец!» Тут же Медведев вспомнил, как Калинин вручил Шагинян орден «Знак Почёта», после чего Михаил Ивановича заболел, а Сталин прислал ему то ли записку, то ли письмо с советом: больше не связываться с безумной Мариэттой…

А ещё Медведев рассказывал, как в 1938 году награждали орденами. Список представленных к наградам принесли Сталину, а он неожиданно спросил, а почему нет детских писателей. Все засуетились, и кто-то сказал: а Маршак? Сталин жёстко поправил: Маршак идёт в списке не как детский писатель, а как переводчик Бёрнса. Другой фамилии детского писателя никто не мог назвать, тогда Сталин спросил Светлану, дочь,

а как фамилия того писателя, которого она читает? Она ответила: «Михалков, дядя Стёпа». И Сталин сам вписывает в список фамилию Сергея Михалкова и красной стрелой направляет её на перечень тех, кто представлен к ордену Ленина. И сразу никому не ведомый Михалков меняет драное пальто на бобровую шубу и торжественно входит в ЦДЛ, куда его прежде пускали с превеликим трудом или не пускали вовсе. А потом война с белофиннами, Михалков — военный корреспондент, шпалы в петлицы, — взлёт и слава…

И ещё Медведев рассказывал про Пастернака и про его последнюю любовь Ивинскую. Медведев трижды к нему приезжал в Переделкино, уговаривая его стать переводчиком Бертольта Брехта, на что Пастернак заявил, что его устраивает только… Пастернак. До сих пор не ясно, кто перевёл Брехта на русский язык — Пастернак или Федин?..

16 января

На работе безумствует Заостровский, он — борец за дисциплину. Бумажная душа, канцелярский суслик, он не умеет ни писать, ни редактировать, лишь переставляет слова из одного места в другое, и сегодня он кричит: «Запятая — это тоже дисциплина!» А тут пошли андроповские

времена. Вылавливают людей в рабочее время из магазинов, из кинотеатров и бань. Газеты пишут: «Давайте строго взглянем на себя». Всё верно: народ разболтался страшно. Все плохо работают, тяп-ляп, отсюда и товары плохого качества. Но конторские работники — это нечто другое. Ну, придёт какой-нибудь Иван Иванович в свою контору в 9.00, и что он будет в ней делать? Делать-то по существу нечего. Скрытая безработица, и у нас в «СПК» не нужно держать столько людей. Журнал вполне могут делать 3–4 человека, а не 20. Гриша, пылая на дисциплинарные требования Зао, заявил: «Интриган вроде Ришелье». Я поправил: «Какой Ришелье? Так, четвертушка Мазарини». И так всё противно, что ждёшь пятницу как манну небесную. Чтобы уйти из редакции и два дня принадлежать самому себе.

В Домжуре был на экономическом семинаре по поводу агрокомплексов. Чехарда, неразбериха, отсутствие дисциплины. Мне стало скучно, и я набросал строки:

Колбаску, рыбку, пиво, вина
Ты нынче, миленький, забудь.
Всего главнее – дисциплина,
В ней жизни нашей нынче суть.

30 января

В Театре Моссовета разочаровали «Братья Карамазовы» (Иван — Тараторкин, Митя — Киндинов, Алёша — Стеблов. И даже Плятт плохо смотрелся в роли отца, на уровне был лишь Бортников — Смердяков). Ушли со второго отделения… Читаю сочинения Николая Фёдорова, статьи Блока, том о Дягилеве, книгу о Франклине Рузвельте и ещё кучу другого.

17 февраля

Зарубежная поездка (Греция — Кипр — Египет) была в тумане, едем — не едем, и вдруг 11 февраля, за неделю до отлёта, звонок: собирайтесь! Еле наскребли деньги — 1025 рэ. И вопросы: как там погода, политическая обстановка? Судя по репортажам, в Афинах идут демонстрации против присутствия на греческой территории американских баз…

14-го помчался на квартиру Георгия Гулиа брать интервью для «Театральной жизни». После беседы угощал греческим семизвёздным коньяком «Клаус» и армянским «Ахтамаром». Отпечатал беседу и отнёс ему на подпись. «Молодец, Юрочка, очень профессионально!» — сказал маститый писатель. Но мне уже не до «Театральной жизни», я уже в группе, в сборной профсоюзов Москвы,

есть и медики, и машиностроители, и прочие профессии. Как сказали на собрании: «Одна треть состава — коммунисты, за рубежом все бывали… группа крепкая». Но: «Выезжаете в страны с довольно-таки сложным политическим положением, поэтому проявляйте бдительность!»

О, это советское бди!..

Отрывки из записей о поездке в Грецию – Кипр – Египет

Умные люди говорят: побывав в чужой стране неделю, легко написать статью; если месяц, то можно составить книгу. А вот пожив в стране год, из-за обилия впечатлений что-либо сочинить трудно. Я пробыл в трёх странах 16 дней и постараюсь отразить увиденное в своём излюбленном жанре компот-эссе. Итак, начнём…

18 февраля

Встал в 2.30 ночи. В 8.25 самолёт взмыл в воздух. В 13.45 (время московское) получил из багажа свою сумку уже на земле древней Эллады. Город Пирей, аэропорт Олимпик. Вышли. Зелёная травка, а в горах лежит снег. Еду в автобусе, кручу головой по сторонам, а в голове крутятся обрывки сведений об Афине и Спарте, о греко-персидских

войнах, о золотом веке Перикла, о реформах афинского архонта Солона и т. д. и т. д. Гомер, Платон, Гесиод, Аристотель, Эпикур, Гераклит — великие имена в истории человечества. А ещё Сократ, Эсхил, Еврипид, Софокл!..

В Афинах размещают в небольшом отеле «Гекас». После обеда выдают по 35 долларов. Доллар вижу впервые — весёленькая зелёненькая бумажка!.. По официальному курсу он стоит 72 копейки. На чёрном рынке ходит от 5 до 7 рублей. Доллары в кармане — можно идти завоёвывать Афины. До центра Афин не доходим (нас поселили на окраине), к тому же довольно холодно.

19 февраля

Первая экскурсия. Гид говорит, что Афины в древние времена были очень красивы, и древние греки говорили так: «Кто побывал и не восторгался городом, тот осёл. Ну, а тот, кто уехал из Афин по собственному желанию, тот верблюд». Нынешние Афины не потрясают, красиво, конечно, но… потрясает некогда прочитанная книга профессора Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Эти легенды и мифы в Афинах ощущаются на каждом шагу.

Музей Генриха Шлимана. Все экспонаты дышат естественностью и какой-то природной нату-

ральностью. «Древние греки, — объясняет гид Хрисула, — были близки к природе, понимали её, а мы удалились от неё». Зал скульптур: задумчивые коры и обнажённые куросы. «Первым, кто осмелился обнажить женщин, был Праксителъ». Зал, где выставлены стелы… Около статуи Париса с яблоком туристское коловращение: кому вручать, кто красивее?.. Каждой женщине хочется быть Еленой Прекрасной, ну, а Троянская война — это мелочь.

— А вот и наша красавица! — говорит Хрисула. Обнажённая Афродита одной рукой прикрывает лоно, другой отмахивается от настырного Пана. Медики из нашей группы придирчиво осматривают Афродиту, находят её не столь уж красивой, более того, ставят диагноз: мол, у неё щитовидка… О, женщина! Как они не терпят соперниц, даже мраморных. Тысячелетний спор за яблоко не утихает по сей день!..

Экскурсия продолжается. По дороге претенциозный памятник Байрону: Греция в виде полуобнажённой женщины венчает поэта пальмовой ветвью.

Встревожен мёртвых сон, – могу ли спать?

Тираны давят мир, – я ль уступлю?
Созрела жатва, – мне ли медлить жать?.. –

восклицал Байрон, отдавший жизнь за освобождение Греции…

И, наконец, перед нашими глазами — Парфенон — голубая мечта всех архитекторов, строителей и художников. Действительно, даже в нынешнем не полностью сохранившемся виде Парфенон — архитектурная песня песней.

Архитектор Андрей Буров писал: «Об Акрополе писать труднее, чем о чём бы то ни было. Это так хорошо, что перестаёт быть архитектурой. Чувство огромного внутреннего спокойствия охватывает тебя… Не замечаешь ни деталей, ни поразительного развёртывания кадров… Ощущение устойчивой лёгкости, полное внутренней разрешённости и поразительного спокойствия, доминирует надо всем. И ни одной прямой линии…»

Лучше специалиста и не скажешь. У Акрополя богатейшая и драматическая история. Греки строили — персы разрушали. А уже в наше просвещённое время Парфенон ограбил лорд Эльджин и увёз в Англию 12 фигур с богато декорированного

фронтона Парфенона, 56 плит фриза и даже одну кариатиду. Переговоры о возврате увезённого идут по сей день… Когда мы вознеслись на Акрополь, в этот момент пошёл снег. Крупные хлопья торжественно планировали над Парфеноном. Такой погодный феномен бывает раз в 50 лет. Нам повезло: мы видели заснеженный Парфенон.

20 февраля

Экскурсия была преоригинальная: кладбище-базар-музей. То есть смерть, жизнь и созерцание. Или печаль, радость и размышление. На базаре можно купить всё, от древних амфор до современных кроссовок. Отлично идут морские раковины, «во рту которой — все напевы моря, / все голоса, все шёпоты и стоны…» — как написала Юнна Мориц, описывая базар в Афинах:

– Продай мне эту раковину, грек!

– За тысячу и двести драхм, синьора!

Задаром, фру! Наши деньги – мусор!

Я торговаться, леди, не привык,

Ведь я – моряк! – присвистнул грек лукавый…

Мы ходим по базару, решая трудную проблему: купить или не купить. По нашим деньгам всё

— «охи-охи», по-гречески: «нет-нет, слишком дорого!»

Охи-охи. Дела наши плохи.

Хочется купить, а остаётся выть, –

соревнуюсь с Юнной Мориц. После базара — музей Бенаки. Грек Антонис Бенакис вроде нашего Третьякова — коллекционер и собрал много ценного.

После обеда с Борисом Краковским, инженером-гидравликом, поехали снова в центр с криком: «Только руины!» Не магазины и музеи, а именно натуральные руины. В «Записках по Греции» Михаил Алпатов писал, что больше всего его изумлял в Греции свет дневной, ясный, ослепительный, который придаёт предметам одухотворённость…

21 февраля

Рано утром отправляемся на полуостров Пелопоннес. Коринфский канал, соединяющий Эгейское море с Ионическим. Хрисула рассказывает, что была Эллада и жили в ней эллины, а римляне придумали название «Греция» от местечка «Греко» в Сицилии, и в истории закрепилось название — Греция и греки.

На нашем пути сплошные исторические места:

монастырь Дафни, удивительное озеро Риза, город Элевсинос, город олив и оливкового масла. Кругом перламутровая голубизна. Небо и море сливаются воедино… Далее Коринф, Архикоринф, где вечный труженик Сизиф вкатывает в гору тяжеленный камень, — все мы Сизифы, и каждый из нас немного Сизиф!.. В автобусе нас развлекает Хрисула, рассказывая про гетер. «Есть они и сейчас, но только теперь это не образованные гетеры, а всего лишь женщины для публичных домов». Из группы слышится крик: «Безобразие!.. Зачем публичные дома, лучше бы работали на фабриках, как у нас… Труд облагораживает человека!..» На лице гида заиграла улыбка. «О, эти русские! Вечно они лезут в чужие монастыри со своим уставом!..»

А вот и развалины древних Микен. Череда мифов: Атрей, Полисфен, Агамемнон, Клитемнестра, Орест, Электра, — одни высокие кровавые трагедии!.. «Боги поступали хуже современных людей», — комментирует мифы Хрисула.

Террасы из вековых каменных блоков. Всё выше и выше. Внизу долина, зажатая горами. Тишина. Горы и вечность. Ветер колышет волосы. И как в старом анекдоте:

— Господи, как хорошо-то, Маша!

— Я не Маша.

— Всё равно хорошо.

Знаменитый храм Геры, источник укрепления девственности. Хрисула хихикает: «Сюда ходят не находить, а терять…» Маленький городок Нафплион. И райское место — Эпидавр. Вечнозелёные рощи и птичье разноголосье. Дышится на редкость глубоко и свободно… Здесь когда-то жил Асклепий (он же Эскулап) — бог врачей и врачебного искусства. Дочери Асклепия — Гигиена и Панацея тоже стали помогать людям сохранить здоровье. Ну и конечно, целительный воздух Эпидавра. А ещё в Эпидавре был знаменитый театр, построенный страшно сказать когда — в IV веке до нашей эры. Воображение рисует картину: величавые горы и потрясённые зрители. И какие авторы? Эсхил, Софокл, Еврипид! Группа усаживается на каменные плиты древнейшего театра и взирает на пустую сцену. Вспоминаются строки Николая Гумилёва:

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актёры
В театре Господа Бога.

Ещё одна краткая остановка у Саронического

залива. Сказочный вид. Горы, обрыв и тёмно-синяя гладь воды.

22 февраля

С утра свободное время, и мы шатаемся по Афинам. Попадаем на рынок, где горластые и усатые «Янаки, Ставраки и папа Сатырос» (так, кажется, у Багрицкого?) торгуют и делают «Доброе дело! Хорошее дело!». Из рынка в римскую Агору, открытую археологами в конце XIX века…

После обеда экскурсия на мыс Сунион, в южную часть Аттики. Колонны почти исчезнувшего храма, на одной из колонн — автограф лорда Байрона… К вечеру заезжаем в какую-то таверну под названием «Молодой рыцарь», где наяривает оркестрик из 5 человек. Еда, питьё и гвоздь программы — танец живота. Услужливая память подсказывает строки пародии Александра Иванова на Льва Ошанина, которого в загранпоездке шокировал этот танец живота:

Восточная красотка хороша!
Но кровью облилась моя душа,
Ведь так недалеко и до конфуза…
Халат взяла бы или хоть пальто,
А то нагая… Это же не то,

Что греет сердце члена профсоюза!

Нет, члены советского профсоюза смотрели во все глаза на оголённый розовый живот в складочку. Солистка дергала животом, играла грудями и крутила бёдрами. Потом она со сцены перебралась на стол и продолжала ритмически извиваться среди бутылок и тарелок, не задевая их. Кто-то из наших завизжал от страха. Наконец жрица животного танца облюбовала нашего ветерана Мотина и села к нему на колени, стала поглаживать ладошкой по голове. Дед мужественно держался, как панфиловец при обороне Москвы. Даже не дрогнул. Георгий Кузьмич Мотин щеголял в поездке орденскими планками и интересовался одним: «А какова численность вооружённых сил в стране?» Его волновали орудия и танки, а отнюдь не женщины с голыми животами.

23 февраля

С утра холодина, но ехать надо — Дельфы (176 км). Погодные феномены в Ливане, Бангладеш, Японии и Греции — то снегопады, то ураганы. И тем не менее мы едем. Древние Фивы, которые уничтожил Александр Македонский… Проезжаем Левадию. Кипарисы гнутся под тяжестью

снега.

Я ехал в Элладу, где солнце всегда.
А что я увидел? Снега и снега.

Рядом с Дельфами огромные скалы Федриады, с которых сбрасывали вероотступников. Сбросили и Эзопа (а мы продолжаем говорить на его языке). Вершина Парнаса. Ну, а в Дельфах руины храма Аполлона. Хрисула переводит нам высеченные на камне советы мудрецов:

1. Познай конец жизни. 2. Познай самого себя. 3. Ничего лишнего. 4. Всё в меру. 5. Никогда не гневайся. 6. Ни за кого не ручайся. 7. Худших всегда большинство.

Как всё просто и как всё мудро… Ну, а худших даже в нашей группе большинство: или глупые, или самовлюблённые.

В археологическом музее с удивлением взираем на «пуп земли» — глиняный омфал. Ну, а наши патриоты считают, что пуп земли именно в Кремле.

Возвращаемся в Афины, снег не прекращается, плотная снежная пелена, и автобус встал. Потом сдвинулся и поехал как бы на ощупь. Приехали в столицу Греции: сухо, ни единой снежиночки.

24 февраля

Последний обед в Греции: капустка на оливковом масле, омлет, свинина, пюре и уже надоевшее сухое вино «Алегро». На десерт два промёрзших мандарина. И в аэропорт Пирей. Какой-то английский самолёт-супер. Полтора часа — и Кипр. Аэропорт Ларнака. Далее везут на окраину Никозии и селят в отель «Хилл». Вечером сделали попытку пойти в Никозию — не дошли, — темнота и ничего не понятно, где что есть.

25 февраля

Утро начинается с завтрака и автобуса. Никозия — название латинское, а древнее — Левкозия. Маленький остров Кипр никогда не знал покоя и мира: на лакомый кусочек зарились все, от египтян до турок. Вот и сегодня остров разделён на греческую и турецкую часть. Колючая проволока, солдаты… Центральная площадь Элефтерия (Свобода). Кафедральный собор св. Ионна (по-кипрски Яниса). Торговая улочка Лидра. Все бросились что-то покупать. Краковский купил туалетную бумагу: «Интересно ведь», — сказал, радостно улыбаясь. Ветеран Мотин истратил 16 долларов на русские книги: Фет, Тургенев и Гиляровский. Я хотел купить халат для Ще, но остановила цена: 20 кипрских фунтов. «Однако, — пробормотал Ипполит Матвеевич, — телячьи котлеты

— два двадцать пять...» В итоге купил изящную серебряную цепочку за 10 долларов... Вечером навалилась усталость от международного туризма да ещё эти цены, которые двоились, троились, множились, — и начиналось головокружение.

26 февраля

В автобус — и вперёд! Изумрудные поля и плантации: круглый год растут фрукты и овощи. Нежно-голубое небо. Автобус едет вдоль Средиземного моря, и всё радует взор. Сказочный город Лимассол, здесь в Средние века Ричард Львиное Сердце женился на Беренгарии из Наварры. Сегодня в Лимассоле каждый месяц проходят карнавалы, выставки цветов, праздники вина — это как раз по восклицанию из великого романа Ильфа и Петрова: «Живут же люди!..» Апельсины возят грузовиками, как у нас картошку. В Лимассоле производят много вина. «Английская королева пьёт только кипрское „Шерри“», — утверждает гид Мария. На острове сейчас проблема, как заставить киприотов пить как можно больше вина. Господи, какие разные проблемы: одни страны озадачены тем, что пьют мало, другие борются с пьянством. Одни никак не могут решить продовольственную проблему, другие не знают, куда деть то, что произведено...

Выезжаем из Лимассола и катимся по туннелю из кипарисов. Кругом рай: виноградники, цитрусовые плантации, инжирные деревья, апельсиновые рощи, какие-то лиловые цветы — всё цветёт, благоухает, щедро одаривает красотой. Хочется восклицать в стиле Бурова: «Лозанна — это всё время очень, очень красиво». И вздыхать: Лимассол — это тоже очень, очень… Неожиданный подарок: автобус останавливается, и нас запускают в апельсиновую рощу: рвите плоды собственной рукой. Все балдеют. Апельсины золотятся в руках…

Курион. Руины святилища Аполлона. Доисторическая мозаика. Театр, обращённый кольцевидными рядами прямо в Средиземному морю. Кто-то из тупых в группе спрашивает: «А как называется этот водоём?» О, Зевс, покарай тупоголовых!..

Следующая остановка автобуса: «Камень грека». Согласно мифу, именно здесь из морских волн вышла богиня любви Афродита, на Кипре её часто называют Кипридой.

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо

В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В её сиянье исчезает…

Это — Пушкин. Но женщины из нашей группы не согласны с классиком. Одна из них, каракатица с большим животом и кривыми ногами, заявляет: «Лучше нашей русской женщины не бывает. Красивая. Добрая. И работящая». Главное, работящая, тягловая лошадь — главный критерий красоты…

Выезжаем в Пафос, он был во времена Римской империи столицей Кипра. В Пафосе жил Цицерон… Небольшой музей с чудесными мозаиками. Орнаменты из жизни диких зверей… Обед в ресторанчике у моря. Все смакуют красный кларет «Афродита». Салфетки с изображением однорукой богини мгновенно обращаются в сувениры… А ещё сувенирами становятся камешки, которые я собираю у водяной кромки Средиземного моря… Все в группе пребывают в состоянии тихого блаженства. Мария неожиданно вспоминает о бедствиях и страданиях народа из-за греко-турецкого конфликта в 1974 году, на что Мотин

возмущается: «Подумаешь, у вас конфликт! Глупости всё это по сравнению с нашей Великой Отечественной войной… У нас был немец — это вам не турки!..» Н-да, ветеран-шовинист.

Вечером в гостинице принимающая нас фирма «Грутас» устроила небольшой банкет, под зажигательные звуки сиртаки и крики «Оп-па!».

27 февраля

С утра в аэропорт и возгласы «Кайро! Кайро!». Это значит, что группа летит в Египет, в Каир. А это уже Северная Африка. Первое впечатление от каирского аэропорта: масса снующих по залу ободранных голодных кошек. И толпа услужливых и тоже далеко не сытых египтян: один несёт чемодан, другой указывает путь, третий играет на дудочке — и все просят бакшиш.

После живописных гор Греции и зелёных рощ Кипра Каир поражает своим приглушённым песочным цветом. Пески, да и дома жёлто-песочного цвета. Много лачуг с развешанным цветным бельём. Въезжаем в город. Потоки машин, забитые до отказа трамваи, повозки с осликами. Какофония автомобильных гудков. Тяжёлый воздух. Улицы, забитые народом. И сам Каир большой, перенаселённый, кишащий людом, пыльный, — увы, не Лимассол… Камни и песок.

Ни травинки. Дети. Собаки. Уныние и нищета. Лишь в одном дворе увидели весело прыгающего козлёнка.

Две трети египтян ходят в национальной одежде, одна треть — в европейской. Идут, ковыляют, ползут (в зависимости от возраста и увечья) не спеша, степенно. Пестрота неописуемая: дамочка в меховой шубе и бедуин в сандалиях на босу ногу. На каждом углу что-то жарят и варят. Около домов сидят в глубокой задумчивости почтенные старцы, и в их глазах — тоска веков…

Размещение в гостинице «Сфинкс». После обеда нас везут в советское консульство через великий Нил. Мост через Нил стерегут два каменных льва. Мост соединяет город с островом Гезира. На нём высится башня в форме цветка лотоса. Кругом красивые сады, спортивные клубы со своими площадками и кортами. Иностранные посольства и консульства. Это Каир XX века. В консульстве: «Запишите телефоны на случай непредвиденных обстоятельств…» Ну, а далее о положении в Египте: острейший экономический кризис, никто ничего не покупает, но есть всё… в стране сильны позиции организации «Братья-мусульмане», которые считают, что арабам нужен не научно-технический прогресс, а только

религия. «Сядем на верблюдов и ослов и снова будем верить и читать Коран…» Ну и далее: не ходить в одиночку, только группа, ничего не менять и не продавать, фрукты мыть с мылом и марганцовкой…

После всего услышанного захотелось сразу в самолёт и обратно в Москву. Или в Мытищи, по крайней мере. Всех разбили на пятёрки, и все двинулись в город глазеть на витрины. Торговцы-арабы сразу вычисляют русских и предлагают «ченч»; просят водку, фотоаппараты, электрические утюги, обещают за это «гуд прайс» — хорошую цену. «Нет, нет!» — испуганно машем мы руками.

В кофейнях каирцы играют в нарды, курят кальян. Разумеется, одни мужчины. Проходящих по улицам женщин они провожают жадным раздеванием взглядом. Мечта о гареме у каждого из них в крови. У Гумилёва всё иначе, лиричнее:

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе,
Пред кальяном и огненным кофе,
Вечерами в прохладных кафе…

Нет, Каир не приглаженный, не цивилизованный, а шумный, пёстрый, всклокоченный

и вместе с тем мечтательно-созерцательный, задумчивый…

28 февраля

Утренний клёкот муэдзинов разбудил рано. Молитва. Намаз. С высоты гостиничного номера видно, как развозчик лепёшек грузит свой товар на повозку с осликом. Часть лепёшек падает в грязь. Возчик поднимает и, не отряхивая, кладёт их обратно в повозку. Контраст: в гостинице официанты подают булочки щипцами. Кофе разносят опрятные арабские милашки.

Первая экскурсия: Национальный музей. История Египта. В книге «Я — Нил» Кристофер Лукас пишет: «Я древен, как мироздание, велик, как вселенная, полезен, как колесо. Я прекрасен и выразителен, как поэзия. Я самая длинная, самая могучая река в мире. Я — Нил… на моих неподвластных времени берегах и в прибрежных городах зарождалась цивилизация. Ещё за 3 тысячи лет до нашей эры мой народ пользовался иероглифическим письмом, знал систему мер, ирригацию, основы арифметики и астрономии… Моя долина и мой народ процветали несколько тысячелетий…» Ну и так далее. Весьма интересно и поучительно. Не стоит Европе задирать нос, ну а нам, русским, и подавно. Русь молода, неопытна

и, да простят меня патриоты, — глупа.

В Национальном музее фантастично много экспонатов, и описать их практически невозможно. Весь второй этаж отдан под сокровища Тутанхамона. Он умер в 20 лет. Ничего не сделал, но вошёл в историю, потому что его гробница оказалась единственной не разграбленной. 26 ноября 1922 года археолог Говард Картер пробил отверстие и стал вглядываться в темноту. Лорд Карнарвон с волнением спросил: «Вы что-нибудь видите?» — и получил ответ: «Да, чудесные вещи!»

Немыслимое обилие золота и драгоценных камней. Глядя на них, начинает кружиться голова… Не легче на улицах и площадях Каира. И я рано убегаю от арабской яви в сон, от убогих, нищих, кричащих, жестикулирующих, сидящих, лежащих, несущих на головах корзины — от всего этого арабско-палестинского мира вкупе с Египтом. Я — европеец, и Восток не для меня. Он мне чужд. Усталость и раздражение сдавливают мою грудь…

1 марта

В Каире около 600 мечетей, около 200 христианских церквей, 22 синагоги. По религиозным признакам жители города делятся на мусульман, иудеев и коптов (египтяне, исповедующие хри-

стианство). С утра едем осматривать религиозные памятники. Первый — церковь Сергия и Вакха — древний памятник коптской архитектуры в Вавилоне. Потолок из синего дерева в виде перевёрнутого Ноева ковчега. Внутренний интерьер украшают 12 колонн из белого асуанского мрамора по числу апостолов, лишь одна колонна, символизирующая Иуду, из красного гранита.

Синагога Бен-Израиля, построенная на месте, где нашли ребёнком первого иудейского пророка Моисея… Мечеть Мухаммеда Али. За обязательные войлочные шлёпанцы надо платить бакшиш. С американцев просят доллары, у поляков — крем, а с русских требуют карандаши, только фабрики Сакко и Ванцетти или на худой конец Красина, и зачем им карандаши?!. Алебастровая мечеть Мухаммеда Али (наместник турецкого султана) торжественна. Есть и минарет высотою 72 м. А ещё колодец глубиной 52 м.

После храмовых сооружений нас везут в новый район Каира — Гелио-полис. По дороге осматриваем огромную четырёхугольную площадь для парадов. Здесь 6 октября 1981 года на правительственной трибуне был убит президент Анвар Садат. Шёл военный парад, и президента подстрелили, как куропатку… В 1952 году Садат в

числе других «свободных офицеров» сверг короля Фарука. Египтом стал управлять Насер, а затем Садат. При нём расцвела политика «открытых дверей», и в Египте появились небоскрёбы, роскошные отели, фешенебельные дома, «жирные коты»-миллионеры и т. д.

Ещё удалось увидеть скульптурный монумент «Пробуждающийся Египет» у Каирского университета и грандиозную статую фараона Рамзеса на привокзальной площади. И в который раз убедились, что Каир — это город контрастов: небоскрёбы и глинобитные лачуги, роскошь и нищета…

Вечером нас ждёт представление «Свет и звук» на плато пирамид. Удобные стулья, мягкие подушечки. Розовая кромка неба быстро тает, и все погружаются в синеву вечера. И начинается радиоспектакль: голос автора, голос сфинкса и голоса пирамид, у каждого своя партия. Прожектора по очереди высвечивают пирамиды, а сфинкса подсвечивают то розовым, то изумрудным цветом. Захватывающее зрелище — да и только!.. Над головой огромнейший чёрный свод неба, усеянный миллионами звёздочек, — ничего подобного я прежде нигде не видел.

И эти замечательные египетские пирамиды!

Хеопс, Хефрен — сын Хеопса и маленький Микерино. Всё разрушалось со временем — храм Артемиды, Александрийский маяк, сады Семирамиды и другие чудеса света, а вот пирамиды выстояли!.. «Мир боится времени, а время боится пирамид»… Пирамиды — совершенство простоты и красоты…

2 марта

Свой 51-й год отмечаю в Африке, в шумном и пыльном Каире. И день выдался целиком пирамидный. Сначала приезжаем в Мемфис, который ныне всего лишь посёлок. У входа в музей лежит 11-метровая статуя фараона Рамзеса II. Его тронное имя Усер-маат-Расотеп-ен-Ра. Он много строил и удачно воевал. Имел 44 жены и 110 детей. «Впрочем, это количество постоянно варьируется», — с улыбкой говорит гид.

Саккара — город мёртвых, район первых пирамид. Справа — пальмы, зелень, слева — безжизненные пески пустыни, хотя Гумилёв считал и пророчествовал: «Скоро ринутся хищные стаи песков / Из пылающей юной Сахары». Учёные сегодня подтверждают: пески наступают!..

Спускаемся в одну из гробниц, в пирамиду Тети по деревянным ступенькам. Ударяюсь головой о каменный свод — подарок от давно ушедшего

фараона?.. Гробница давно разграблена — ничего нет. Лишь на стене сохранились древнейшие росписи.

Ансамбль пирамид древнего царства Джосера. Храм. Всё сохранилось, но всё равно, даже от останков веет величием и царской торжественностью… У пирамиды Джосера мы сталкиваемся с польской группой. Один поляк стрельнул в меня глазами и неожиданно пропел песенку 30-х годов: «Шёл со службы пограничник…» Хорошо, что не застрочил пулемётчик за синий платочек, а то был бы международный конфликт, а так всё прошло мирно, на улыбках и песенке.

Спускаюсь в одну пирамиду фараона Унеса (5-я династия). Коридоры-лазы, темнота, тусклый свет горелки, спёртый воздух, учащённое сердцебиенье. Хватит!..

Обед в ресторане «Саккара нест» — в гнезде города мёртвых. Однако аппетит у всех к тому времени был живой. Ресторанчик под открытым небом, лишь навес из тростника и апельсиновых деревьев. Какой-то жалкий салатик, рис, кусочки шашлыка, апельсин и чашка чая. Никаких салфеток и подозрительная нестерильность. Но главное не это, а встреча с великими пирамидами на плато Гиза. Не успеваем выйти из автобуса,

как местные коробейники поднимают истошный вой: «Колóния! Колóния!», то есть предлагают менять одеколон на красочные открытки. У меня нет одеколона, и я стою сиротливо в сторонке. Вдруг подлетает ко мне араб с торбой и буквально срывает с головы мою лыжную шапочку с помпоном, которой, как говорится, сто лет в обед. Взамен коробейник предлагает набор открыток с видом пирамид. Я стою в некотором ошеломлении от такой наглости, тогда он протягивает мне ещё открытку и говорит почти по-русски: «Бери Нефертити». Он испарился, а я остался с открытым ртом и Нефертити в руках. Неожиданный ченч!..

Около пирамид толпятся торговцы и верблюд. Кто-то из наших суёт верблюду булочку, на что погонщик сурово и на ломаном русском говорит: «Верблюд не хочет булочка, верблюд хочет чиколат». С этого момента я стал смотреть на верблюдов как на своих опасных конкурентов. Я тоже люблю шоколад. Мы подходим к Хеопсу, и нас даже пускают внутрь метров на 20 до первой решётки. Сумрачно, величественно и чуть страшно… Высота Хефрена 143 м, чуть ниже Хеопса. Рядом высеченный из скалы Сфинкс. Воин и страж. Борец и мститель, по-арабски «сфинкс»

означает «отец ужаса». Лицо сфинкса изуродовано. Согласно одной из версий, когда Наполеону сказали, что сфинкс улыбался Цезарю и Александру Македонскому, Бонапарт якобы сказал: «У меня он не будет улыбаться». И приказал солдатам стрелять в сфинкса из пушек ядрами.

Сфинкс улёгся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты… –

писал Гумилёв. Итак, на мой день рождения выпали Джосер, Хеопс и Сфинкс. Вечером в гостиничном ресторане мне вручают подарок — альбом «Московские живописцы», увы, не египетские. В ход идёт общественная водка, кипрский коньяк, чёрные сухарики, припасённые из Москвы, апельсины, чай, кофе. Смех, танцы, шутки. В общем, вполне сносно, если не считать начинающуюся простуду.

3 марта

Утром отправляемся в Александрию, 280 км от Каира. Александрия — жемчужина Средиземного моря. Не сохранившаяся легендарная библиотека, в которой работал Эвклид и где читал лекции

Марк Аврелий. Нас поселяют не в городе, а за его чертой, в плохоньком отеле «Нью-Адмирал», напоминающем студенческую общагу. Не адмирал, а какой-то матрос-кочегар. В номере собачий холод и прилетевший с моря песок. Лежу в носках, голова обмотана шерстяным шарфом, — нет, сезон купания не открыт. Злобящая холодрыга…

4 марта

Утром вышли к морю, оно в ста метрах от отеля. Бирюзовая вода. Маленький штормик. Белые барашки. Вспоминаются Эол и сирены. Но воспоминания приходится закрывать — начинается экскурсия. Везут в катакомбы. «На сколько рассчитано захоронение?» — деловито спрашиваю я, и шутка имеет успех… Однако меня больше интересуют арабские женщины, а не катакомбы. У них, как правило, маленькие головки, тоненькие плечики и широкие, как Нил, бёдра. Арабские женщины пикантны именно нижним ярусом. Своей плавной походкой, колыханием торса, волхованием колен… «Я на одну чудачку из Порт-Саида шышнадцать хвунтов страстил… и не жалею…» — говорил один моряк в Одессе в 1916 году. Я фунты не тратил, я рассматривал красоток бесплатно. Издали, не сближаясь кормой к корме.

В Александрии оказалось много сохранившихся сфинксов — «больше, чем людей», — заметил Краковский… Автобус сквозит мимо знаменитых александрийских пляжей — Стэнли-Бич, Чатби-Бич… далее набережная и парк Монтаза, королевский дворец, однако внутрь дворца нас не пустили, мы немного погуляли по парку. В автобус и курс на Каир… «Последняя большая дорога, аэропорт — и конец гражданской войне», — заявил Мотин и тряхнул седой головой. У всех свои сравнения…

Вечером в каирской гостинице — прощальный вечер. Хилый концерт, какой-то негритос в белых штанах пел что-то тягуче-колониальное, а потом вдруг затянул песню про загадочные Васюки, очевидно, имея в виду цветы васильки. Кто-то из группы сказал тост о чудесной родине России. Кто-то даже прослезился, очевидно, больше от усталости, чем от ностальгического чувства.

5 марта

Последний день египетских терзаний. Глотаю лекарства от простуды. Довольно холодно. Надеваю даже кальсоны. Кальсоны — это мой протест против разгула холода в Африке! Последние покупки. Нереализованной мечтой осталась спортивная майка с номером (дань многолет-

нему увлечению футболом?). Поздно вечером — аэропорт. Нас загружают в самолёт, летевший из Найроби. В 3.25 уже 6 марта садимся в Симферополе на дозаправку. Все выходят. Знакомый снежок и в Крыму тоже!

6 марта

В 8 утра я уже дома и смываю с себя дорожную грязь… «Что привозит с собой человек из дальних странствий?» — спросили как-то Юрия Сенкевича. «Новые впечатления, эмоции, а также любовь к тем краям, где он побывал», — ответил он. Поездка в Египет меня убедила, что Восток — это не моё. Я — человек Запада. Европа — мой бог и кумир…

20 марта

На работе требовали рассказов о Греции — Кипре — Египте, я устал рассказывать и отвечал лаконично, как президент Рейган, который, побывав в четырёх странах Латинской Америки, заявил: «Я узнал массу нового, ведь всё это — разные страны!»

Там всё новое, а в Москве всё старое. Грязь со снегом, унылое небо, серые дома, магазины штурмуются местными туристами. И как написала Марина Кудимова в сборнике «День поэзии,

1982 год»:

Стою в очередях и нахожу утеху
В том, чтобы выяснить, за кем же я стою…

И снова хочется цитировать Салтыкова-Щедрина и его письмо к тётеньке с вопросами, почему у нас всё так. Почему у нас, как писал уже Василий Розанов, «всё — тише, глаже. Без этих Альп… Все Валдайские возвышенности, едва заметные даже для усталой лошадки…». А если уж пирамиды, то пирамиды Бесхозяйственности, Глупости, Догматизма… Ах, ответь, милая тётушка, прошу тебя, почему?.. Но молчит старушка…

24 марта

Поездка позади, но не забывается. 23 марта, сидя в редакции на Студенческой, сочинял:

Мой месяц, март, коварный и жестокий,
Иллюзий месяц и надежд пустых.
Вначале выпал снег глубокий,
А после стал предельно рыхл.
Тепло нагрянуло, и сразу
Всё застучало, потекло…

И тротуары непролазны,
И ветер дует под пальто.
И хочется сидеть у печки,
Вино сухое попивать
И вспоминать одно местечко,
Где было просто благодать.

На работе смерти, юбилеи, приходы-уходы. Ушёл Юра Медведев — пришёл Владимир Иванов, изношенный и болезненный, ещё один парашют, спустившийся с небес. Ходим в кино. Были на выставке ФРГ. В Домжуре слушал лекцию зампреда Госплана СССР Либединского. Перекосы в экономике, диспропорции. Сколько собрали зерна в 1981 году? Ни в одном статистическом справочнике не найдёте — зерно покупали за золото… Либединский возложил надежды на ЭВМ и мудрое 695-е решение (о хозяйственном механизме).

2 мая

Накануне Первомая Ще сидела в моей комнате и листала журналы «Англия» и «Гутен Таг», а я делал выписки из второго тома Мандельштама «Четвёртая проза», «Египетская марка», «Шум времени». Какое богатство ассоциативных ря-

дов и связей! И такого гениального человека загубили. «И страшно жить, и хорошо», — восклицал Осип Эмильевич. «Мы стреляем друг у друга папиросы и правим свою китайщину…» Мандельштам — этот дервиш с гранитных набережных холодного Санкт-Петербурга, мечтал съездить на греческие острова Саламин и Лесбос… мечтал об эллинских цикадах… Не довелось. Разрешили съездить только в Армению…

О себе. Болит сердце, отдаёт в руку. Лечусь работой: начал делать второе расширенное издание своего Календаря. 56 страниц напечатал, а только ещё 7 января… Эта громадина давит меня, а бросить не могу: архиинтересно. А когда же придёт черед «голубушке прозе»?..

Из записок по Вильнюсу

Если не ошибаюсь, то 26-я командировка. Вильнюс, промкомбинат. 7 июня полетел туда самолётом. Встретили меня на «Волге» директор комбината Витаутас Бальчунас и главный механик Мечислав Дурко. Поместили в интуристскую новую гостиницу «Даугава», которую строили 10 лет и ещё не закончили. Шикарный полулюкс, с двумя туалетами, и это не «Нью-Адмирал» в Александрии!.. Работа на комбинате (осмотр,

знакомства, интервью) перемежалась с хорошим застольем в ресторанах. В Вильнюсе походил по улице Марка Антокольского (он здесь родился). Посетил костёл Петра и Павла (памятник XVII века), он считается шедевром барокко. Осмотрел кафедральный собор. Поднялся на гору, где возвышается башня Гедиминаса. Вспомнились чьи-то стихи:

Я стою на башне Гедимина.
Рядом Польша.
Подо мной Литва…

У Вильнюса богатая история. В 1811 году Вильно был третьим по численности населения городом Российской империи — после Москвы и Петербурга.

9 июня на комбинате. Говорил с ветеранами и молодыми. Простые люди, простая работа: косынки, фартуки, пододеяльники… Бальчунас говорит: «Надо гостю показать Тракай», — и меня везут в Тракай. На озере Гальве стоит замок островного типа, он соединён мостами. И всё же Тракай — не Брюгге. Возвращаюсь в Вильнюс и досматриваю город: часовню-усыпальницу князя Казимира, костёл св. Анны из красного кирпича… 10-го ещё раз гулял по Вильнюсу. Заходил в магазинчики,

не Запад, но всё чистенько, аккуратненько и без московских ужасных очередей… А далее — самолёт и Москва.

26 июня

Всё было вроде ничего, но жизнь полна сюрпризов, и часто печальных: 22-го В.П. стало плохо, вызвали «скорую», а потом тащили её с 4-го этажа на простынях вниз. В.П. была распластанная и белая, снова дыхание смерти. Больница в 6-й раз, на этот раз 19-я на Красной Пресне. И соответственно, у нас с Ще снова ломка жизненного уклада, жизнь вдвоём и совсем иная атмосфера… Вышел на работу, там Козлов в своей каморке развлекается магом, и звучат разухабистые песенки: «Люблю я труд, но только лишь газету…» Ну, и «в семь сорок он приедет… Он выйдет из вагона и двинет вдоль перрона…». И конечно, «Там были девочки Тамара, Роза, Рая / И спутник жизни — Стёпа-Шмаровоз». Наша интеллигенция ну никак не может жить без блатняка! Может быть, это просто вызов официальной пресной жизни?..

Умер дядя Шура — последний могикан из рода Кузнецовых, мамин старший брат, который за ней присматривал и, кажется, порицал за брак с отцом. Кулибин-самоучка, смастерил в 40-е годы сам телевизор и иногда давал нам, младшим,

посмотреть волшебное действо по маленькому экрану. Был замкнут, нелюдим, многие утверждают, что я на него немного похож, и даже внешне. Всю жизнь прожил с тётей Симой без детей…

Что ещё? Причуды погоды. Рутина работы. Тиски долгов. Редкие всплески уютности и радости.

23 июля

Пока В.П. находилась в больнице, мы пребывали в своеобразных каникулах, в благостной тишине дома, без обид и поджатых губ… Но жизнь не даёт скучать: то отравились вдвоём (пельмени Дмитровского завода), то меня «прострелило» — адская боль в пояснице с отдачей в ногу. Но и у наших знакомых дела со здоровьем не лучше. А тут ещё одиссея с ремонтом «Темпа». Отключили горячую воду. Сломалась какая-то труба. В больнице у В.П. ночью брякнулась одна больная: из туалета торчат одни ноги. Все переполошились, все, кроме безмятежно дрыхнувшей медсестры. Один мужик растормошил её: «Они все передохнут, пока ты спишь!..» Вот такая кругом идёт се ля ви, как говорят французы.

Отрадной была поездка в Калистово, где мы с Аркадием Болдинским от души постучали в мяч. Пробили друг другу пенальти. И даже сделал несколько пробежек и рывков, — ох, где моя

молодость?!. Немного гостили у нас Додо и Лика с дарами из Тбилиси. Витя Асаулов устроил меня в пресс-центр Спартакиады народов СССР (всё делается только по знакомству). Побывал на матче Киргизия — Казахстан. Болельщиков практически нет, одна милиция и солдаты…

13 августа

Снова дома в полном составе, и снова укоры Ще: «Всё делаешь не так, как надо!» А как надо, знает только В.П. В редакции бушует Юрий Георгиевич. Страшное дело — начальник-дурак. Дуралей, дурундай, дурастель, дурашман, дурында. Но вот беда: нельзя его послать далеко-далеко. Язык логики не понимает, он изъясняется только газетными призывами, дисциплина — и только!..

Из-за напряжённого печатания своего Календаря ухудшается зрение, время от времени появляется дымка в глазах. Пошёл к окулисту: левый глаз — минус 9, правый — минус 11. И «с горя», как я люблю говорить, сочинил строки:

Бедные мои глаза-глазыньки
Стали всё хуже видеть.
Все буквы азбуки
Предстали вдруг в худшем виде.

Всё исказилось и стёрлось,

Как у импрессионистов.

И сдавлено горло

Как перед выстрелом.

Продолжаю ходить на матчи в рамках Спартакиады. Москва — Армения, 3:0. А 30-го пришлось идти на пленум ЦК профсоюза во Дворец труда — редкая возможность съесть бутерброд с ветчиной… Был на трёх пресс-конференциях в клубе МИДа на Зубовской. Отхватил дефицит: две пиалы, кошелёк, альбом Кустодиева, стихи Бунина, книгу об Аристотеле… Первого августа Ще вернулась с работы вся в цветах — в розах, флоксах и астрах. Роз я насчитал 38 штук. И плюс двухъязычный Роберт Бёрнс. Шоколад, козинаки из миндаля — целое пиршество на 43-летие.

31 августа

В эпиграф дня можно вставить строки Николая Тряпкина:

И пушу, и грущу. А в душе на себя ухмыляюсь:

Будто я – уж не я, а какой-то сплошной Гесиод…

Да, точно как Гесиод, древнегреческий поэт,

автор поэмы «Труды и дни». В редакции ничего не меняется, каждый — по-своему фрукт, в раздражении написал большое стихотворение, но приведу лишь концовку:

…Хватает всякого товара
И не хватает только слов,
Ругательных и возмущённых, –
Ах, боже мой, куда попал?!
А жизнь летит всё по наклонной.
И как поётся, «…пал туман…».

Володя Иванов приехал из Варны, влез в контору: «Не могу — пыль, тараканы, убожество… Был бы маленький — заплакал…» И это говорит седой человек!.. Да, после белизны спецбуфетов и ухоженных кабинетов наверху — спускаться вниз по лестнице не очень приятно…

Наконец-то завершилась история с Георгием Гулиа (с февраля!) — интервью вышло в 15-м номере «Театральной жизни». Маленькая победа!.. А так жизнь с каждым днём, месяцем, годом становится всё тяжелее — всё даётся с трудом, с боем, с нервами, и лишь кремлёвские и цековские теоретики пишут о том, что в современной жизни «утверждается разумное и благородное

бытие». Высоконачальственный цинизм. У них там, наверху, — всё хорошо и всё без проблем. А каково народу?!. Кое-кто из знакомых делает карьеру. Юра Медведев — в Фонде мира, сосем другая публика, сытно и хмельно… Хачатуров жалуется, но самого распирает от удовольствия: «Работы много — из Кремля не выхожу…» Тьфу! Противно!..

13 сентября

7-го в ресторане «Москва» чествовали Соломона Рутберга (80 лет). Было даже ничего, мило. Соломон сказал, что в жизни ему повезло: он встретил трёх замечательных людей: Крупскую, Тухачевского и Климова (многолетнего председателя правления Центросоюза). «Лишь две вещи я не хотел бы пережить заново, — сказал юбиляр, — войну и коллективизацию!..»

С продуктами какой-то кошмар. Ни мяса, ни конфет. «Красную Шапочку» съели, «Чародейка» затюкана атеистической пропагандой, «Стратосфера» растворилась в небесах, «Мишка» действительно убежал на Север, «Ромашка» и «Василёк» погибли в результате экологического бедствия. И наконец-то отняли — после стольких угроз — конфеты «Ну-ка отними!». А что будет дальше?.. Сбит южнокорейский самолёт «Бо-

инг-747» (269 человеческих жертв!). Все покорно говорят, что вот-вот грянет новая мировая война. Страшное время! Но с другой стороны, разве во времена Джордано Бруно и Яна Гуса было спокойнее и умиротворённее? Конечно, нет… Спасает юмор. Заявление: «Прошу направить меня на курсы повышения зарплаты».

Отрывочные записи по поездке в Волгоград

Двадцать лет спустя, прямо по Дюма, лечу в Волгоград в очередную командировку. Вылетел 14 сентября на Всесоюзный слёт руководителей комсомольско-молодёжных коллективов потребительской кооперации. Разместили в Молодёжном центре на улице Чуйкова, вручили папку и талон на получение дефицитных книг: «Мария Стюарт» Цвейга, «Полезные советы» и «Новая книга о супружестве» Нойберта.

15-го начался слёт. Слушать выступающих было непросто, в основном они передавали, к примеру, «большой казахский рахмат» и рапортовали о достижениях. Как сказал один днепропетровец, «мне поручили положить на стол газету с опытом нашей работы». И потом ещё несколько раз что-то «клал на стол»… Затем повезли к Вечному огню и провели антивоенный митинг. Ритуалы

и заклинания. Затем поездка на Мамаев курган. Лично мне то, что создали скульптор Вучетич и архитектор Белопольский, не понравилось: помпезно и некрасиво. Не мастера, а деляги от искусства. Павшие заслуживают большего… Лучшее, что было, — звучащая в зале «Мелодия грёз» Шумана.

16-го я по индивидуальной программе катался на «Волге». Посмотрел на Волжскую ГЭС и увидел выпрыгивающих из воды осетров. Затем в посёлок Средняя Ахтуба, где председатель райисполкома мне стал жаловаться, что «помидор садится»: не успевают убирать волгоградский помидор 5/95. Увы, московский гость никак не мог повлиять на проблему с помидорами. После Ахтубы поехал в город Ленинск. Короткие интервью с работниками, что закончили, как пришли в кооперацию, что мешает работе и т. д. На обед в ресторане потчевали тройной ухой, запечённым сазаном, мясом, фрукты-яблоки-арбузы и в заключение — на десерт (?!) — ало-красные большие раки, мечта Карцева, Жванецкого. Я лично сразу вспомнил «Ваську Свиста» Веры Инбер:

Он берёт рака за алый хвост
И, как розу, подносит ей.

Обед в ресторане в Ленинске был как награда за все московские продовольственные мытарства и дефициты… Вечером молодёжная дискотека. Я стоял и наблюдал, вспоминая свою стиляжью юность, достоялся и довспоминался до того, что меня пригласила танцевать Наталья Мороз, кассир из белорусского города Лида. Журналист и кассирша, — и как пела Шульженко: «Чем мы не пара?..»

17 сентября. Всех потряс психолог Лев Харлампиев, заявив, что «все радикулиты — от нервов». Открытие Америки на берегах Волги. После обеда все участники слёта отправляются осматривать Сталинградскую панораму. Сталину предлагали оставить в неприкосновенности разрушенный город, как памятник войны, а Сталинград построить новый, он не согласился. От войны осталась только разваленная мельница, а вокруг мемориалы и монументы, и теряется трагедия, и вместо неё какое-то казённое псевдовеличие. Панорама в Ватерлоо куда интересней смотрится!..

18 сентября. Отлёт. Но с утра на рынок: овощи-фрукты для Москвы. Понравилось объявление: «Фотографии готовы за 3 минуты 4 позы 35 копеек». Четыре позы — неплохо и даже пикантно… Прогулка по гранитной набережной, а в 14 часов

самолёт уже стартовал на столицу.

1 октября

Прислал письмо Игорь Кудрин. В Мадриде всё сохнет, пылится, всё перегрето. А у нас было великолепное бабье лето, и только вот сейчас заоктябрило: холодный ветрюга основательно пообрывал листья с деревьев. Зябко, неуютно и всё время хочется спать…

В один из вечеров, в десятом часу, звонок: срочно явиться в военкомат. Ще стала меня собирать как на войну. Оказалось: проверка боевой готовности, как офицеры запаса готовы к быстрой мобилизации. Угроза войны. «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой…» — по старой песне. А если по-современному, то идёт большая игра мировой политики…

9 октября

Прочитал «Книгу воспоминаний» театроведа Маркова. Он с детства бредил театром и писал домашние рецензии. Скрупулёзно вёл реестр спектаклей, статистику, — какой молодец! А я сколько времени в юности и даже в позднее время потратил на футбол, на собирание и статистику. Хорошо, что вовремя одумался, почти всё выкинул и занялся Календарём мировой

истории. Это настоящее… В Календаре благодаря Маркову появились новые персоны: артисты Юренева, Гзовская, Леонидов.

16 октября

Что достойно для истории? Побывал в редакции еженедельника «Футбол-хоккей». С Виталием Артемьевым обнялись, так и хочется написать: их сдружила Олимпиада! Встретил ещё Константина Есенина, тоже тепло пообщались. Я его спросил, а он мне ответил, что образ Зинаиды Николаевны Райх в книге Туровской «Бабанова» не искажён, я с ним согласился не совсем. Витя Асаулов сделал мне подписку, а потом изливал душу. Я как бы выполнил роль душевной отдушины. И, наконец, Хача заловил меня в здании Совмина на улице Разина, чтобы продемонстрировать мне свои «владения», — слаб человек, слаб, весь в гордыне и тщеславии. Выдали мне пропуск с грифом «Комендатура Совета Министров СССР». Вышколенные мальчики, секретари, три телефона. Бывший плехановец на вершине карьерной горы. Хачатуров вальяжно смотрится в кресле. Только начали общаться, как звонок: вызывают в Кремль, к Бодюлу, зампреду, курирующему торговлю. Я говорю: не ходи. Хача смотрит на меня: «Ты понимаешь, что говоришь? Это же Бодюл!

Тут не может быть: хочу или не хочу!» И пошёл — общение так и не состоялось. И это бывший друг? Карьера и дружба — вещи несовместимые.

Сам организовал себе командировку во Владивосток: договорился с местным начальством, они выслали деньги (за их счёт, а не за счёт редакции), получил в милиции разрешение на временное проживание во Владивостоке (город ведь закрытый). Интересно побывать на Дальнем Востоке. Лететь более 11 часов, расстояние 9302 км.

Фрагменты записей «Владивосток-83»

В 1890 году Чехов писал Лазаревскому: «Когда я был во Владивостоке, то погода была чудесная, тёплая, несмотря на октябрь, по бухте ходил настоящий кит и плескал хвостом… Устрицы по всему побережью крупные, вкусные!..»

То был Антон Павлович, а теперь черёд Юрия Николаевича. Вылетел в воскресенье, 23 октября, из Домодедово в 17.10. А на следующий день, 24 октября, а точнее, в ночь, в 0.55, приземлился во Владивостоке. Меня встретило ослепительно-голубое небо и лёгкий морозец (–1). Разница с московским временем — 7 часов, по местному уже 8 утра. История гласит, что город молодой. В июне 1860 года в бухте Золотой Рог бросил якорь

русский военный транспортник «Манжур», и с той поры «город нашенский». В первый год существования Владивостока всех собак, привезённых сюда поселенцами, съели… тигры. Одна из улиц города и поныне называется Тигровой. Но тигров, конечно, оттеснили, и стал Владивосток портом и крепостью на Тихом океане…

Поместили меня в гостинице «Челюскин», опекала меня Любовь Петровна Афанасьева, зампред по кадрам, с которой я познакомился в Волгограде и которая меня и пригласила посетить Дальний Восток. Со мной она носилась как с писаной торбой.

25 октября

С Афанасьевой и начальником орготдела Поволоцким мы отправились знакомиться с торговой сетью края: Уссурийск (112 км), Михайловка (131) и Покровка (146). Деревеньки убогие, и даже новые магазины не красят их. Но народ везде бодрый и улыбчивый. Очевидно, нытики на Дальнем Востоке не выживают…

В Октябрьском райпо подарок: непьющий председатель. Родная душа. Пили вместе минеральную воду. Заскочил председатель райкома партии. Пытался его расспросить о работе кооператоров, замахал руками: нет-нет, больше

с журналистами связываться не буду, им говоришь одно, а они пишут другое. В его глазах был неподдельный ужас. Я ставлю диагноз: острое фельетонное отравление… Заночевали в Михайловке.

26 октября

Осмотр сети, беседы с людьми. А далее мне в качестве фавора (то бишь любезности) показывают границу, которая проходит по реке Суйфун. «Покажи гостю живого китайца» — так сформулировал сопровождающий меня, обращаясь к начальнику. До этого погранзаставы я видел только в кинофильмах. Мне разрешается залезть на 20-метровую смотровую «пирамидку», где есть мощнейшие бинокли, и понаблюдать за жизнью китайской деревни Син-ли. СССР и Китай разделяет нейтральная полоса, — «А на нейтральной полосе цветы — / Необычайной красоты» (Высоцкий). После насыщенного дня возвращаемся во Владивосток, в «Челюскин», а когда-то это был отель «Версаль», старенькая дежурная по этажу рассказывает, что «когда-то тут было великолепно… гуляли белые генералы…». Не здесь ли родилась песенка про бедных институток с горькой судьбой.

И вот я проститутка, я фея из бара,
Я чёрная моль, я летучая мышь…

Историк Константин Харнский (естественно, расстрелянный в 1937 году) вспоминал: «Этот скромный окраинный город был похож тогда на какую-нибудь балканскую столицу по напряжённости жизни, на военный лагерь по обилию мундиров. Кафе, притоны, спекулянты, проститутки, шантаж, внезапные обогащения и нищета… Парламенты. Военные диктатуры. Речи с балконов. Обилие газет и книг… Проекты и прожектёры. Бесконечные слухи, то радостные, то пугающие… Таким был Владивосток в период с 1918 по 1922 год».

Сегодня такого затейливого калейдоскопа нет и в помине, Советы навели свой казённый порядок…

27 октября

«Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни…» — нет, этого я не напевал, а сумрачно шёл завтракать в ближайшее кафе, где висело объявление: норма отпуска бутербродов в одни руки не более пяти. Взял один…

С другим зампредом Раисой Ивановной отправляемся в путь, в сторону Японского моря. Дорога

вьётся между сопок. Мимо города Артёма, посёлка Большой Камень, приезжаем в посёлок Андреево, Уссурийский рыбкооп, кооператив, обслуживающий рыбаков. Всё на контрасте: чудо-ресторан с росписями на стене и туалет с выгребной ямой. Российский феномен: нет элементарного, зато есть что-то небывало-невиданное! Эх, удивлю!.. Дегустирую в ресторане трепанги, кальмары, крабы, жареную красную рыбу и прочие вкусные вещи. А ещё завезли на оптовую базу, закупить что-то импортное… Вечером по абсолютно тёмной дороге возвращаемся во Владивосток.

28 октября

Пришлось отметиться и в крайкоме партии, в громадной вертикали, на 17-м этаже. Зав. отделом торговли и бытового обслуживания — Николай Брагин, выпускник Плехановки. А потом после всех деловых встреч и разговоров московского журналиста решили ублажить: повезти на запретный Русский остров. Паром «36» за 30 мин. доставил группу начальства с гостем в заповедник в заливе Петра Великого. Длина острова 18 км, ширина 13 км, там военные и спецпропуска. Нас встречает капитан I ранга Юрий Камацкий и на военном газике везёт на безлюдный берег неописуемо красивой бухта Рында. В «кунге»

(домике) всё готово для банкета, но ничего меня не радует: не та компания, не тот уровень. Когда солнце село, а садилось оно за горизонт исключительно красиво, матросик около «кунга» разжёг костёр, и беседа под корейскую водку продолжалась.

А дальше сюрприз. Задул ветер, начался шторм, и паром не вышел в море. Мы отрезаны от Владивостока, и пришлось заночевать у военных моряков. В казарме, в ленинском уголке, на матросской кровати под бюстом вождя.

29 октября

Утром за нами приходит катер — приключение на Русском острове закончилось. От офицеров и матросов осталось приятное впечатление: исправно служат родине да ещё пытаются угодить незваным гостям.

В аэропорту пришлось ждать целых 6 часов: самолёт не мог вылететь из Хабаровска. А по радио неслось: «А я бросаю камешки с крутого бережка далёкого пролива Лаперуза…»

30 октября

Обед в 0.45. Летим из владивостокской ночи в московскую. Тяжёлый перелёт, но всё имеет конец. В 2 часа ночи беру в аэропорту частника

и мчусь домой усталый, обросший, с ноющей поясницей…. Жаль, не побывал в уссурийской тайге, но в целом доволен: хотя бы немножко, но побывал на Дальнем Востоке. Это тебе, брат, не Кимры, куда зачастил Боречка…

8 ноября

Всё время вспоминал огромный голубой свод Дальнего Востока и приходил в ужас от постоянной московской облачности, серости и задымлённости. В каком каменном аду мы живём!..

3 ноября повезло: достал билеты в Большой: «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова и «Иоланта» Чайковского. Масленников — Моцарт и тяжеловатый Артур Эйзен — Сальери. В «Иоланте» хорошо пел и играл Евгений Нестеренко. Водемон — Соткилава не понравился: толстый грузин на кривых ногах, со смазливой физиономией и лоснящимися глазками, — увы, не герой-любовник… Самое смешное, что в театр мы отправились с сумкой, где лежали… четыре живых рака, подаренных Школьниковым, который привёз их из Астрахани. В сумке раки шевелились, и это придавало особый трепет прослушиванию оперы.

26 ноября

Давно не записывал. Что главное? Угроза войны. Американцы загоняют нас в угол. В ответ на размещение крылатых ракет и «Першингов» в Европе мы разместили свои ракеты в ГДР и Чехословакии. А что дальше? Дальше пуск? И тогда как в американском фильме «На следующий день» — конец всей жизни… Но, может быть, в конце концов разум победит безрассудство?.. На Западе противники войны проводят пикеты, манифестации, возмущаются, бросаются под колёса военных машин. У нас всё иначе. Если нет команды, то все молчат. Дали — вышли на антивоенный митинг. Сам народ ничего не решает да и не хочет решать. «Нам думать неча, коли думают вожди» — так, кажется, сказано ещё у Маяковского.

4 декабря

Тут удивил Заостровский: «Юрий Николаевич, посоветуйте, что почитать?» Дожил почти до пенсионного возраста, но так и не определился, что надо читать и что нет. «Не иметь книг — это высшая степень умственной бедности», — говорил Рескин. «Уединение с книгой лучше общества с глупцами» (Буаст). Цитировать можно без конца, достаточно вынуть из шкафа «Слово о книге». Ну а что читаю я? «Полководец» Карпова в последнем

«Новом мире», «Театральная площадь» Свободина, «Воздушные пути» Пастернака — слабая и аморфная проза поэта с отдельными блестками. Любопытная книга Прицкера о Жорже Клемансо. Политик-гигант, ещё занимался журналистикой и даже писал романы. Не чета нынешним политикам, за которых думают и пишут секретари, референты и прочая аппаратная челядь. Любопытна книга З. Шнабля «Мужчина и женщина. Интимные отношения». У нас ведь работать и вкалывать умеют, а как строить интимные отношения — дремучий лес. Ну и главное, пожалуй, — наконец-то прочитана «Лолита». Эстетная книга. «…И когда моя рука нашла то, чего искала, выражение какой-то русалочьей мечтательности — не то боль, не то наслаждение — появилось на её лице».

18 декабря

Я привёз себе из Владивостока куртку «Аляска», а Ще пошила в ателье зимнее пальто шоколадного цвета с воротником из нутрии. Новое пальто — это событие, это целый этап в нашей далеко не богатой жизни. Не шинель Башмачкина, но всё же!

28 декабря

«Проснулся я наутро свежее и душевней», — отмечал «Подросток» Достоевского. Про себя мне так сказать труднее, и всё же я в отпуске. Первый день ушёл на поиски продуктов: холодильник пуст. По Жванецкому: достал — ставь «псису». В кулинарии удалось «отхватить» мясо — жирная «псиса» и т. д.

Сумерки года. Ну и пора!
Хочется лечь на диван и забыться,
Грезить под пледом весь день до утра
О Сингапуре, Гавайях и Ницце…

…Сумерки года – понуро бреду,
Словно я – грешник у Данте в аду.

Из развлечений американский фильм Рене Алена «Мой американский дядюшка». Человеческие жизни и опыты на белых мышах, и делается вывод, что биологическая основа человека и животного одинакова: агрессия… страх… торможение… и каждый человек хочет господствовать, доминировать над другим (другой вопрос: далеко не всем это удаётся). Удивительно, как этот фильм наши купили. Правда, критик Капралов предупреждает: это о язвах капиталистического общества, не о нас, у нас такого нет…

31 декабря

Продолжаю печатать Календарь, благо отпуск. «Тикальщик!» — говорит обо мне тёща. Прочитал «У Германтов» Марселя Пруста. Не очень понравилось — это надо читать в деревне, в тишине, медленно и совсем не отрываясь. А в городе суетно… Осилил декабрьские «Вопли». Любопытна ранняя рецензия Мариэтты Шагинян на первый сборник Цветаевой: «Для всякой чистой женщины мужчина есть враг, и история любви к мужчине есть в то же время повесть о военных действиях, осаде и взятии. Непременно — взятии…» А далее цветаевская строка: «И чует сердце: вы враги». Хорошо бы написать роман на эту тему…

Вдогонку, спустя годы. А ведь написал, да не одну книгу, а несколько (и первая — «Любовь и судьба») о взаимоотношении полов, о любви, о страдании, о встречах и разлуках. Но тогда, в конце 1983 года, это были всего лишь воспалённые мечты. «Без надежды надеюсь!» — как любила повторять Леся Украинка. (30 июля 2010 г.)

1984 год – 51/52 года. Вечер Евтушенко в зале Чайковского. Кооперативный съезд в Кремлёвском дворце. Поездки: Винница, Жмеринка, Тбилиси, Гори. Отдых в Кисловодске

Начнём с романа английского писателя Джорджа Оруэлла «1984», написанного в 1949 году. Провидческая политическая и социальная утопия, об авторе и романе я написал эссе «Большой Брат рядом» и включил его в книгу «Избранное из избранного» (2015). Вот небольшие отрывочки из этого эссе:

Если Олдос Хаксли в 30-х годах в своём романе утверждал: «Свобода — это круглая пробка в квадратном мире», то Оруэлл в романе «1984» ярко рисует, как раздавлены последние остатки и крохи свободы в тоталитарном государстве, где тотально властвует Большой Брат.

Герой оруэлловского романа 39-летний Уинстон Смит, обычный человек, рядовой работник Министерства Правды в государстве Океании,

задыхается в созданном мире тотальной слежки, страха предательства и мучений. Никто не ропщет, а Смит негодует. Его начальник О'Брайен презрительно говорит ему: «Если ты человек, Уинстон, то — последний человек. А наследники — мы. Ты хоть понимаешь, что ты один?»

Уинстон Смит — как последний человек эпохи гуманизма. Не случайно Оруэлл хотел назвать свой роман-памфлет «Последний человек Европы». На смену таким, как Смит, приходит новый Человек, верный исполнитель и подручный Большого Брата, не размышляющий и не рефлектирующий. Это новая генерация людей (или полулюдей) — работников, чиновников, боссов и эффективных менеджеров…

…В своём романе Оруэлл показывает, как давление и насилие способны превратить человека не просто в раба, а во всецело убеждённого сторонника системы, которая раздавливает его сапогом. И вот уже принуждение и унижение переходят в убеждение и даже восторг. Ликующие лица. Крики «Ура!» (разве нам это не знакомо?..).

Этот отрывочек из эссе Ю.Б. будем считать эпиграфом к главе о 1984 годе, что сбылось или не сбылось, но каким в реальности предстал 84-й в дневниках всего лишь одного человека, совет-

ского Уинстона Смита, как удавалось выжить рядом с громко сопевшим Старшим Братом. Итак. Дневниковые записи:

1 января

В новогоднюю ночь, когда неохотно уходит в прошлое КАБАН, когда СВИНЬЯ издаёт свой последний хрюк, а ПОРОСЁНОК — визг, тихо, неслышно появляется МЫШКА. И если читать Владимира Даля, то мышь в свою норку тащит корку. Пригляделся внимательно, увидел в её зубках театральные билеты, о которых написал строчки:

С миру по нитке,
Ища на авось,
Билеты на Шнитке
Достать удалось.

А вслед, вроде пенки,
Что сняли не зря, –
Концерт Евтушенки
На день января…

Ну, а с каким здоровьем вступаю в новый мышиный год? Все системы организма работают, мягко говоря, не чётко. То голова заболит, то зуб

прихватит, то поясницу не разогнёшь, то в плечо стрельнёт, то разбитые пальцы от пишмашинки заноют и т. д. И программа наперёд:

…И хватит интриганства!
Не хочу ни славы, ни богатства.
По небу пронёсся и исчез мой шанс…
Ну и чёрт с ним! Я уйду в аббатство.
Буду книжки мудрые читать,
Напрягая лба литые складки.
А на мир жестокий – наплевать
На его законы и порядки…

Из всех новогодних ТВ-программ можно выделить только одну песню Раймонда Паулса на слова Вознесенского «Полюбите пианиста»:

Не спешите удивляться:
Жизнь полна импровизаций…

Что ж, будем импровизировать, если позволят и не помешают.

4 января

И первая импровизация — пришлось ехать на Смоленскую набережную в магазин № 13 (именно 13!) и покупать жидкие дрожжи, чтобы пить и

привести в порядок кожу на спине. Господи, одни неприятности.

6 января

И ещё одно лечение — музыкой. В зале Чайковского — Шестая симфония Авета Тертеряна (1929) — первое исполнение в Союзе. Лавина нарастающих звуков. Втрое отделение — цикл песен американского композитора Джорджа Крамба, и третье — композиция Альфреда Шнитке «Жёлтый звук».

7 января

Снова зал Чайковского.

Выступление Евгения Евтушенко

На него сбежалась «вся Москва». Женя суперпопулярен. Я сделал кое-какие наброски и кое-что приведу из них.

Евтушенко по-прежнему моден, как замшевый пиджак, кожаное пальто и куртка «Аляска». Он прост, удобен и понятен всем, от школьника до академика, от шофёра до авиаконструктора, от любителя поэзии до любителя спиртного. Его поэзия предназначена для всех. Поэзия для народа.

Вознесенский слишком усложнён и метафоричен, Ахмадулина чересчур интимно душевна

(исключительно для одиноких мечтательниц), Юрий Кузнецов излишне философичен со своим тяжёлым эпосом, Кушнер — очень книжен и искромётен, Жигулин — традиционен и т. д. А Евтушенко — в самый раз: и мудр, и прост, и груб, и нежен. Он — лирик, сатирик, публицист, баталист, пейзажист. Он многолик и всеяден. Он — всё, почти Пушкин наших дней.

На сцене зала Чайковского поставлен маленький столик, покрытый синей скатертью, на ней белый термос то ли с чаем, то ли с кофе, стопка книжек и отдельных листков. И вот появляется ОН. Голубые узкие брюки, синяя рубашка-куртка с блестящими пуговицами и вшитыми молниями — нечто спортивное и полувоенное. Никаких бантов, жабо и завязанных шарфиков. Короткая стрижка. Подтянутая фигура. Слегка развинченная походка. Молодой взгляд и уверенный голос прирожденного выступальщика.

Евтушенко начинает говорить, что после съёмок «Детского сада» возвращается в поэзию. Притихший зал ловит каждое его слово.

— Буду читать вам стихи разных лет и разных направлений… Начну с маленькой поэмы «Дальняя родственница».

Евтушенко водружает на маленький носик

незаметные, чеховские очки в металлической оправе, берёт листы и начинает коряво читать:

– Я как-то был на званом выпивоне…

Стихотворение мне незнакомое про какую-то тётю Марусю, которая, оказывается, не лыком шита — она учительница в Орле и знает английский язык:

– Интеллигенция глубинки
с трагическими сумками в руках…

И пошли чисто евтушенковские взрыды-обращения к совести, к душе, чистоте и правде, и всё завершается афоризмом:

– Духовная столица есть душа.

Публика восторженно гудит. В советском житье все забыли о совести и душе, а тут о ней напомнили. И все обрадовались: есть! Есть!.. Кто-то лихорадочно шарил по карманам, будто душа — это вроде засаленной трёшки, затерявшейся там…

Пока зал реагирует, поэт сглатывает слюну и пытается открыть термос. Крышка сопротивляется, и Евтушенко громко объявляет: «Ослабел… старость — не радость…» Кто-то бросился помогать ослабевшему поэту.

Евтушенко продолжает читать, то по памяти, то по своим листкам.

Конечно, пьёт.

Но кто сейчас не пьёт?

В ответ зал взрывается аплодисментами. А Евтушенко вошёл в раж, зычно-энергично читал и читал в отличие от многих поэтов, что-то мямливших и бубнящих. Поэт почти буквально набросился на взяточников и хапуг, которые всё гребут под себя. В их квартирах даже набиты книжные шкафы:

Стоят нечитаемые

Пастернак и Цветаева…

Евтушенко лихо карал работников магазинов и прилавков. Как летописец эпохи, он не может пройти равнодушно мимо злобы дня. А ещё его волнует еврейский вопрос.

Я всем антисемитам как еврей,

А потому я – настоящий русский.

Зал клокочет, кто-то утирает слёзы. «Есть же благородные русские», — думают изрядно пострадавшие евреи. «И какой это чудесный человек — Евтушенко!..»

Понятна залу и позиция евтушенковского Галилея:

Учёный, сверстник Галилея,
был Галилея не глупее.
Он знал: что вертится Земля,
но у него была семья…

Не успели сидящие в зале Чайковского вникнуть в проблему «Человек и власть», как Евтушенко обрушивает на них лирическое признание:

Со мною вот что происходит:
Ко мне мой старый друг не ходит,
А ходят в праздной суете
Разнообразные не те…

То есть Евтушенко отражается во всех гранях собственного Я. Он даже предъявляет автохарактеристику:

Устоев никаких не сотрясал.
Смеялся просто над фальшивым, дутым.
Писал статьи. Доносов не писал.
И говорить старался всё, что думал…

Но чем больше слушаешь поэта, тем яснее пони-

маешь, что он не просто читает, что накопилось в душе, а наигрывает на публику. Актёрствует. Изображает. Вместо сокровенного лирического откровения предлагает рифмованный ширпотреб. Слова-кубики, фразы-кирпичи, словесные блоки…

Театр Евтушенко продолжился во втором отделении. «Мама и нейтронная бомба» и длинный утомительный монолог о «шестьдесят Явтушенок» — близких и дальних.

О своём творческом пути: «Я так завидовал всегда / тем, кто пишет непонятно… / я формалистов обожал… / но сам трусливо избежал / абракадабств и тарабарщин…» Действительно, никакой «тарабарщины» — бессмысленного и непонятного. Не Андрей Белый, не Пастернак, не Цветаева. Мало лирики. Много фельетонной публицистики. Разве нужно писать стихи о том, что советские обувщики выпускают ботинки «тяжкие, как гробы» и производят «мильонные траурные трусы». Пускай с бракоделами борются контролёры, не поэтическое дело — писать о трусах и ботинках. Но собравшиеся у Чайковского почему-то рыдали от восторга, я даже боялся, что будут бросать в воздух бюстгальтеры за отсутствием не выпускаемых ныне чепчиков. Но слава

Богу — обошлось…

В конце концов Евтушенко устал и никак не мог найти в листках нужное стихотворение и заявил: «Я так запутался в собственных стихах… столько написал, что перед народом стыдно становится…»

И это стало последней каплей. Мы с Ще встали и стали пробираться к выходу. У дверей никакой толпы не наблюдалось, не было и конной милиции. Да это и понятно: ничего особенного — просто в зале Чайковского продолжался вечер популярного поэта Евгения Евтушенко.

15 января

10-го после перерыва вышел на работу. Утреннее метро — все торопятся, бегут, спотыкаются, толкают друг друга, обмениваются бранью. Все боятся опоздать — идёт андроповская борьба за дисциплину. Маленькая дочка Шахурина говорит отцу утром: «Папа, вставай, а то прогрессивки лишат…» Смышлёные дети: уже всё понимают!.. Ходят слухи, что скоро закроют 50 журналов (маленькие тиражи, дубляж и прочее), кто-то уже впадает в панику…

Для разнообразия жизни купил две пластинки с песнями Утёсова и ариетками Вертинского: я его обожал со школы и один-единственный раз

видел на концерте. Неизгладимое впечатление.

Манит, звенит, поёт, зовёт дорога,
Ещё томит, ещё пьянит весна.
А жить уже осталось так немного,
И на висках белеет седина.

Ну, и так далее: «Идут, бегут, летят, спешат заботы, / И в даль туманную текут года…» Это — «Аравийская песня». Каждая песня — это новелла о жизни, к примеру, о мальчике при буфете «на мирном пароходе «Гватемала»:

Вас обижает мэтр за допитый коктейль,
Бьёт повар за пропавшие бисквиты, –
Что эти мелочи, когда мечты разбиты,
Когда в 12 лет уже в глазах печаль…

Всё это спето тихо, без всякого надрыва, с грустью приправлено немного юмором, но в целом надсадно и печально.

Если говорить о стране, то какие коктейли, какие бисквиты, в Советском Союзе идут экономические реформы, точнее, гальванизация отвергнутой в 1965 году реформы Косыгина, — об

этом нам поведали на экономическом семинаре в Домжуре.

15 января

В серии «Мыслители прошлого» издали Владимира Соловьёва, с интересом прочитал. Из развлечений — чемпионат Европы по фигурному катанию. Бестемьянова и Букин показали «Русскую ярмарку» — шумную, безалаберную, вульгарную. А нас с Ще покорило безукоризненное, точное, изящное «Болеро» в исполнении английской пары Торвилл и Дин.

22 января

В двух коллективах совместного проживания на Студенческой улице — в «СПК» и «Центросоюз-ревью» (для иностранных читателей) — происходят склоки, дрязги, подсидки, борьба за власть. Очень противно, и мы с Гришей стараемся почаще избегать всего этого и часами пропадать в книжных магазинах и в выставочных залах. На эту тему я написал строки с посвящением Григорию:

Горько в стойло забиваться,
На соломе жёстко спать.
Хорошо б поразвлекаться

И куда-нибудь сбежать.
Побывать на вернисаже:
Рокотов, Пуссен, Ватто.
И, поспорив, бросить в раже:
«Господи! Да всё не то!..»
Мимо
универ-
мага
– промелькнуть – пусть будет пуст! –
Посмотреть на модернягу,
Впасть в безумие искусств.
Модильяни и Гуттузо
Кирико, Шагал, Дали, –
Сразу видно: мир не узок,
Расплывается вдали.
Нет подсидок и главенства,
Анонимок и возни.
Живопись – одно блаженство,
Совершенство, чёрт возьми!
Зарядившись так озоном,
Возвращаемся назад…
Здесь отравленная зона.

Долго ли терпеть нам, брат?!.

«Отравленная зона, — сказал Гриша, — это ты здорово придумал!» 17-го с Половиком рванули обедать аж в Фонд мира. По дороге обратно — Пушкинский музей, а там афиша о выставке Ватто и Домье. Конечно, соблазнились и продолжили обеденное время (привет Юрию Владимировичу Андропову!). Ватто мало — лишь две картины, в основном французские художники XVIII века — Друэ, Рау, Турньер, Ланкре Ванлоо. Заодно заскочили к импрессионистам. Что-то новенькое: «Белый дом» Утрилло. На раме выгравировано «дар М. Кагановича». Интересно, сколько даровых полотен хранилось у советских сановитых особ?..

Приехал домой и с удовольствием взглянул на свои репродукции Антуана Ватто, висящие на стене, — «Обезоруженный Амур» и «Опасный сон». И на следующий день на работе, 20-го (с точным указанием времени написания — 12.45), написал следующее стихотворение:

На остров Цитеру отплыть бы хотел
Подальше отсюда, от всех этих дел.
Здесь зависть и подлость, измена и ложь.

От гнусностей этих бросает так в дрожь.

Отплыть бы на остров, где милый Ватто
Искал утешенье когда-то давно…
Ах, все только ищут – не могут найти,
И всем нет покоя на этом пути.

Как нет всем блаженства, а есть мае-та,
Гремящая в шуме одна пустота.
А остров Цитера – блаженная смерть.
Ни видеть, ни слышать,
ни знать, ни уметь.

Да, строки, полные оптимизма. Редкий случай: мне самому понравились. И ясно, я — не Евтушенко…

Проездом из Парижа в Москву была тётушка Эло из Тбилиси (Елена Павловна Метревели, 1917). Мы её встретили и отвезли в гостиницу Академии наук (она ведь академик). Вручила какие-то сувениры, в том числе — таблетки аспирина. Аспирин из Парижа — это нечто!..

31 января

25-го получили с Гришей гонорар и отправились обедать в Домжур. Вольница. Гуляйполе, а не работа. В январском номере «СПК» мои материалы о Приморском крае, в том числе очерк о председателе Уссурийского рабкоопа Марии Тарачевой, которая в 19 лет, во время Отечественной войны была доблестной зенитчицей и сбивала вражеские самолёты. «Любовь к своему делу, высокий профессионализм и щедрое сердце — вот что несёт по жизни коммунист Мария Николаевна Тарачева», — в заключение очерка писал я и не лукавил при этом. Действительно, Золотой трудолюбивый народ, ему только вот с властью и антидемократическим режимом не повезло…

Из Владивостока пришло благодарственное письмо «за оперативное решение вопросов публикации материалов о нашем доблестном Приморском крайпотребсоюзе. У всех нас, кто близко с Вами столкнулся, останутся самые тёплые воспоминания о чудесном человеке, деловом, энергичном — Ю. Безелянском…». И подписи из той компании, которая меня «развлекала» на острове Русский. А ещё привет от Кати Зайцевой. А это кто такая? Не могу вспомнить. Никакой близости точно не было, а была, наверное, дефи-

цитная мужская душевность…

Это из области приятного. Но было и неприятное, затемпературили оба — я и Ще, — в субботу, 28-го, отлёживались оба. А я ещё успел прочитать три стихотворных сборничка Арсения Тарковского, Галины Гампер и Николая Тряпкина. 30-го собрался с духом и поехал на работу. В троллейбусе водитель мрачно объявил по микрофону: «Будьте внимательны: билеты стали короче!» Сплошные изменения: ассортимент товаров уже, билеты короче, а солнце социализма высоко!..

18 февраля

В.П. всё время болеет. Её жалко, и нечем помочь, когда она, как Офелия, с седыми распущенными волосами, бьётся в надсадном кашле. А с 10 февраля начался больничный тур, 7-й по счёту. Мы с Ще то остаёмся одни, то снова с больным человеком, да и сами впадаем в какое-то нездоровье, возможно, даже чисто психологически…

А 10 февраля, после короткого пребывания у власти — 15 месяцев — ушёл из жизни Юрий Андропов, энергично взявшийся за проблемы страны, но ничего толком не успевший сделать. И вместо больного Андропова страну возглавил более больной и немощный Константин Устинович Черненко, как сказали «голоса», типичный

аппаратчик и образец осторожности. Москву на время траурных дней закрыли — ни очередей, ни мешочников…

Ну, я тем временем завершил 7-ю книгу Календаря (1–18 мая).

28 февраля

Есть выражение «с собой увёл» — так вслед за Андроповым последовал ряд уходов: «великий писатель» Шолохов, маршал Батицкий, писатель Ермолинский, не совсем величина, а аргентинец Хулио Кортасар (1914), внёсший в литературу игровые мотивы — «Игра в классики». И в бисер тоже? Это — величина, бесспорно. Увы, признаюсь, я о нём читал критику, но не сами его произведения. Стоит на очереди… А вот Шолохов неплохо знаком. «Тихий Дон» — это бурлящий роман. А сам писатель частенько проявлял себя как отъявленный черносотенец, громя диссидентов. Пастернака обозвал поэтом старых дев, Даниэля и Синявского призывал поставить к стенке и расстрелять. Доживи Евгений Замятин до шолоховской поры, то Михаил Александрович непременно уничтожил бы Замятина из-за его романа «Мы». Этот роман мне дали почитать почти что тайно, я прочитал и обомлел: неужели это наше будущее и почти настоящее? Люди под

номерами. Главный герой Д-503. Жёсткая система запретов и принуждений, в том числе любить и восхвалять Благодетеля. И главное: работать-работать до потери памяти. И внутри романа рассказ о «трёх отпущенниках», отпущенных на свободу и лишённых привычной работы. Замятин: «Несчастные слонялись возле привычного места труда и голодными глазами вглядывались внутрь…» Они были приучены и знали только рабский труд…

4 марта

Совпадение: в день рождения 2 марта — 52 года! — привезли из больницы В.П. Более того, даже отметили мой праздник. Ще испекла блины, и достали припрятанную баночку с красной икрой, плюс сделанное мясо, и приглашённый к нам Половик наворачивал так, что только скулы трещали. А потом подрулила его молодая жена Лена с бутылкой шампанского, и вот уже получилась маленькая компания. На десерт ликёр «Бенедиктин» и соло Лены — подвыпила и шумно выступила, ругая на чём свет стоит сидящего рядом мужа Гришу: стихи не пишет, спит отдельно, муж-заочник, что-либо сочинять и творить не хочет, все вечера проводит у телевизора, лентяй первостепенный и т. д. Мы с Ще обомлели. Гриша

на следующий день извинялся: «Вроде она всегда такая нейтральная, тихая, а тут разошлась…» Да, вот тебе и жена на 15 лет моложе мужа. И вспоминается запись Ильи Ильфа: «Семейные драмы идут без репетиций».

Но что мне до проблем Гриши? — пускай разбирается сам. У меня свои проблемы: мне 52 года, больная тёща и тихо фырчащая Ще. Володя Иванов опять же потихоньку принёс мне ещё одну запретную книгу — «Приглашение на казнь» Владимира Набокова. Читал с упоением — это вам не «Годы без войны» Ананьева, это настоящее… Где вы, новые Замятины и Набоковы, чтобы показать миру вошедшую «нагишом растрёпанную действительность», как выразился Гоголь. И стихами чужими не прикроешься:

И кричит душа моя от боли,
И молчит мой чёрный телефон…

13 марта

Ждал трёх праздничных дней (8 марта плюс суббота-воскресенье), и они мгновенно пролетели. И снова «СПК»-муть. Лёня Гейман сманивает на новую работу — в Энциклопедию.

В жизнь заглянула новая леди

Со странной фамилией – Энциклопедия.
И говорит, искушает, как бес:
Питаю, мол, к вам я большой интерес…

Сейчас в редакции замыслили Шахматную энциклопедию и ещё что-то, нужен квалифицированный работник. Заманчиво, но если честно, я так обленился в своём журнале и отвык вкалывать за з/п, что и страшновато: одно дело — вкалывать для себя для Календаря, другое дело — на чужого дядю…

Дома по комнатам бродит В.П. Зашла в нашу комнату, а там — бог знает что: зять читает дочери стихи. И тёща нервно: «Вот вы стихи читаете, а у вас на кухне картошка кипит…» Без комментариев… В выходные немного гуляли и слушали пластинку Утёсова: «У меня есть новый патефончик…» и «Ой, лимончики, мои лимончики, / Да вы растёте на моём балкончике…» Глупость, но очаровательная… А ещё в к/т «Ленинград» смотрели «Тутси» («Милашка») американского режиссёра Сиднея Поллака. Дастин Хоффман и Джессика Ланж…

17 марта

Где-то вычитал про термин «шутэны» от сло-

ва «шут»: неприятные розыгрыши, насмешки (сегодня это называется троллинг: кого-то троллить. — 23 октября 2018 г.). В прессе лягнули Андрея Вознесенского, на Таганке сняли Юрия Любимова, и театр возглавил Губенко. В Колонном зале в связи с 60-летием «короновали» Юрия Бондарева: срочно после ухода Шолохова нужен классик отечественной литературы. Бондарев — классик. Ещё один шутэн.

20 марта

Попали на творческий концерт Михаила Жванецкого. Концерт полуофициальный-полулегальный, афиш нет. Жванецкий читал бумаги из своего портфеля, и зал немел, а потом грохотал от хохота, слушая смелую критику «отдельных недостатков» в стране. И у многих мысль: пора этого дерзкого крамольника-сатирика брать!.. Хотя на партию и режим он не покушался, а вот на дефициты!.. «Где именно растёт гречиха?..» Гречка — острейший дефицит. «Тонкий слой интеллигенции» (выражение Жванецкого) от души гоготал… А Жванецкий поддавал жару, что надо лучше работать: «Тщательне́й, ребята!..»

27 марта

Сочинил монолог хлюпающего редактора. Вот

выдержки:

Где найти бедному редактору тихое место? Чтоб не гремело, не лихорадило и не взрывалось?.. Чтоб главный редактор был тих и кроток, как лесная фиалка, и к тому же благоухал любезностью… Где, скажите мне, где? Я помчусь туда на такси, не доверяя медлительному трамваю. Я буду тщательно вытирать ноги, чтобы не наследить и не осквернить редакционный храм грязью интриг и склок… Куда попрятались такие редакции, где отлажен технологический процесс прохождения рукописей, где работают мягкие, интеллигентные люди, которые знают дело и умеют нормально разговаривать? Не бьют по голове и не пинают ногами, где, скажите, где?..

29 марта

Провожал Ще в Гродно, нет, какая-то ознакомительная, туристическая поездка от работы, в общем плацкартном вагоне… А когда поедем вместе на отдых, в путешествие? Несбыточная голубая грёза…

8 апреля

Ще вернулась 2-го полная впечатлений… Из Тбилиси прислали бандероль с книгой «Иверский свет» Вознесенского… На Щекиной работе

был концерт Александра Дольского, и концерт вылился в смотрины мужа Анны Львовны… Песни Дольского вполне ничего, но до Галича, Высоцкого, Окуджавы ему как до Луны…

15 апреля

Теплынь, а у меня насморок и простуда… А В.П. начала сезон с сидения на стульчике на балконе — давно уже не выходит на улицу… Из прочитанных книг больше всего понравились эссе и биографии знаменитых людей Андре Моруа…

22 апреля

60 лет назад, 22 января 1924 года, ЦК РКП обратился к партии и народу в связи со смертью Ленина: «…Мы твёрдой ногой стоим на земле. В европейских развалинах мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в будущее…» И вот спустя десятилетия — разваливаемся мы, а не Европа. И как разваливаемся? Со свистом, с неизжитыми пороками, недостатками и фобиями, в частности, с бытовым антисемитизмом.

18-го пораньше ушёл с работы, чтобы выполнить некие хозяйственные функции по дому: сдал бельё в прачечную, скопившиеся бутылки и на эти жалкие денежки купил болгарское вино

«Медвежья кровь». Естественно, стоял в очереди и услышал, как кто-то сзади меня, женщина средних лет, сказала другой гражданке, при этом стрельнув глазами по мне: «А евреи на Пасху пьют кровь младенцев… Мне-то хорошо, у меня детей нет…»

Я услышал и обомлел от такого махрового невежества: в столице мира и в таком образцовом городе Москве, как каждый день подчёркивает пропаганда, такая вот гнусь. Разреши завтра еврейские погромы — побегут толпою спасать Россию от жидов. Вот такие ладушки спустя 60 лет после смерти Ленина, в крови которого тоже текла еврейская кровь, но этот факт держался в архивных секретах…

В сборничке Олега Чухонцева «Слуховое окно» вычитал строки:

Мы пили когда-то – теперь мы посуду сдаём…

…Теперь мы трезвее и реже сидим за столом,

Где нет уже многих и мы уж не те между нами…

Что ещё? Продолжаю печатать свой исторический Календарь. Листал стенографический отчёт

о Втором съезде РСДРП, где состоялся раскол на большевиков и меньшевиков. Съезд собирался тайно в Брюсселе и Лондоне. И сколько там было среди депутатов евреев: Цедербаум (он же Мартов), Левин (Егоров), Пиккер (Мартынов), Мошинский (Львов), Гинзбург (Кольцов), Штокман (Горский) и т. д. А скажи сегодня, что множество евреев стояли у колыбели партии и совершили революцию, то… То-то и оно.

5 мая

На горизонте появилась поездка в Чехословакию, и Ще перестала причитать: «Ничего не видим», «Никуда не ходим». На это есть причина: больная В.П. Далеко из дома не уедешь, только вот Серебряный Бор 2 мая. А уже вечером умудрился печатать Календарь под музыку пластинки с ритмами Гарфункеля и Саймона, пение Энди Вильямса и Дина Мартина, под мелодии оркестра Джеймса Ласта. И что удивительно: печатание шло хорошо: пассажи о Жорж Санд, Бакунине и Гершензоне. Развлечение интеллигентов в эпоху развитого социализма… Вера Павловна благодушно смотрит на зятя: не пьёт, не курит, не дебоширит, не сквернословит, как многие мужики, а только тикает на машинке, и называет меня «тикальщиком».

7 мая

Встали в 4 часа утра — я провожал Ще в Чехословакию… На днях повстречался с Луизой, и она рассказала о последних новостях на Иновещании. Банан по-прежнему свирепствует и бросает очки на стол: «Ну не дают работать!..» В журналистику попёрли сыновья и дочки маститых: журналистика престижна. «А ты как?» — спросила Луиза. На это я ответил: «Всё непросто, всё сложно, как сама жизнь…»

13 мая

Где-то у Шкловского вычитал: «Течёт время, как вода, смывает память». Всё верно. Чтобы не всё смыло, немного запишу. Думаю о Ще, как она там в Праге, повели ли группу в ресторан «Бебетка» или в специальный винный — «У маркизы». Какой выбор пивных: «У Фауста», «У Бонапарта» — за свободомыслие и поплатились чехи в августе 1968-го. А тут в Москву пожаловал испанский король Хуан Карлос I с королевой Софией. Вера Павловна, глядя на телеэкран, прокомментировала: «А эта королева нашей Анне в подмётки не годится!..» Я не спорил…

И ещё о высоких людях. На Кутузовском проспекте, глядя после обеда, стал свидетелем, как к дому, где жил Брежнев, подкатила чёрная «Вол-

га», из неё вышла бывшая первая леди страны с какой-то старой напарницей, и они поменяли цветы на подставке мемориальной доски Леонида Ильича. Цветы падали, они их поднимали, и никто не пришёл на помощь, седой водитель-охранник смотрел на всё это равнодушно. В общем — «глориа мунди», как говорили древние: «Sic transit gloria mundi». 18 лет правил страной Брежнев, умер — и кому он теперь нужен?..

Редакции «СПК» и «Ревью» провожали Сергея Луконина, сына поэта Михаила Луконина, на Цветной бульвар, в журнал «Наш современник». Прямо на глазах человек уходил в большую литературу. Я написал шуточные строки:

Признаюсь: плачу, слёзы лью –
Звезда скатилась с небосклона –
Уходит из сосед-ревью
Наш современник С. Луконин…

Он в литжурнал, а я помчался за очередными знаниями в библиотеку: взял монографию о Жорж Санд, воспоминания о Леониде Андрееве и Бабеле, стихи Межирова, книгу Рассадина о поэтах пушкинской поры.

Ремарка из будущего. Мне до большой литературы оставалось ждать 10 лет — первая книга «От

Рюрика до Ельцина» вышла в январе 1994 года.

В «Утренней почте» по радио звучала ироническая песенка:

Мы купили пианино,
Сколько клавиш у него!
Мы купили пианино,
Интересно, для кого?
Папа занят, мама тоже,
Остаёмся я и дед.
Только мы играть не можем,
Потому что слуха нет…

17 мая

В дневник всё время влезают какие-то отдельные детали, к примеру, услышанные факты о положении торговли на Западе и у нас, что были обнародованы в Доме политпросвещения, куда я хожу по долгу службы. У нас в стране до 90% ручного труда, на Западе почти всё механизировано… А в Домжуре зав. промышленного отдела «Правды» Парфёнов жаловался, что стоят трактора, комбайны, не работают станки — нет рабочих квалифицированных рук, зато с каждым годом растёт число управленцев, чиновников — инструкции, приказы, бумаги… Беда и с руко-

водителями: не умеют руководить. Всюду кризис, нет профессионализма…

20 мая

18-го рано утром прилетела из Праги Ще. С подарками. Мне обломилась чёрная куртка-ветровка из серии «модни новинка», и было несколько вечерних рассказов о Вацлавской площади, о Нерудовой улочке и т. д. Много радости от впечатлений и много печали от сравнений: мы живём значительно хуже чехов. Мы отстающие и нищие…

27 мая

На работе травил редакцию Фомин, вернувшись из Швейцарии с кооперативного конгресса: райское капиталистическое житьё. Но что об этом!.. Вот у нас, как сообщил встретившийся в Домжуре Феликс Медведев, готовится литературная реабилитация 20 авторов, стало быть, будут издавать. После 17 лет проволочек издали какого-то Рейна, мне неизвестного (с которым позднее мы даже слегка и подружились — с Женей Рейном, другом Бродского. — 26 октября 2018 г.).

2 июня

Теле-, радио- и газетные обещания «поднять народное благосостояние на качественно новую

ступень, улучшить весь комплекс условий жизни советских людей». Слова-то какие казённые, чужие, холодные, и народ вычитывает подтекст: будет ещё хреновее!.. А я продолжаю себя занимать и отвлекать, долблю Календарь, читаю книги. Увлёкся выпусками сборников «Современная драматургия» — Валентин Азерников, Людмила Петрушевская и другие авторы, у всех — густопсовый быт, отсутствие любви, денег, товаров, одиночество, ожесточённость…

Встречались в Домжуре с Витей Черняком. Жалуется: трудно даются вольные хлеба, не всё написанное принимают, а платят и того меньше. Но свобода: «не хожу на работу, не вижу эти паскудные рожи и не вступаю с ними в контакт…» И ещё признание: «пробиться со сценарием на студию всё равно что найти кошелёк с деньгами на улице».

10 июня

Были в гостях у Куриленков, подрулили Лена Чижова и Коля Меркулов. Боже, какие они старые, с измученными лицами (себя-то мы не видим со стороны!). Отработанный человеческий материал! Да, жизнь — жестокая штука. И как спрашивал Георгий Иванов:

Что ж, дорогие мои современники,
Весело нам?

Из событий: проходил Совет Центросоюза: все республики, края и области приехали в Москву. Было занятно видеть, как Фомин обхаживал председателей потребсоюзов, как брал за руку и что-то ворковал на ушко. Блатмейстер — это точно. Мастер обделывания личных делишек: я вас прославлю в журнале, а вы уж мне… Я так не могу и категорически не хочу. Вот и другой гроссмейстер Х., бывший плехановец, сидел в президиуме в третьем ряду за затылком секретаря ЦК партии Капитонова и, кажется, от важности созерцания партийного затылка чуть ли не падал со стула. Да, я язвлю, а как иначе комментировать. Кстати говоря, очень популярны в настоящее время анекдоты о неудачнике и несмышлёныше чукче. Чукча — не национальность, а диагноз неумелости и неловкости.

Сводил Ще на выставку живописи на М. Грузинскую. На этот раз больше впечатления произвели отзывы, а не сами представленные картины. «Маразм и вырождение». «Злостные формалисты. А надо быть художниками». «Впечатление затхлости и болота». Но есть и противоположные

мнения: «Я побывал в раю». «Живите, творите, будоражьте обывателя. Обнимаю вас…» И кто-то, кипя ненавистью: «Жидовство». И рядом другая угрожающая запись: «Только попадись!..»

Что ещё? Осваиваю новый жанр: пишу отзывы на работы студентов Московского кооперативного института, типа: «Дипломная работа выполнена на хорошем аналитическом уровне. Дипломант собрал обширный материал… Дипломная работа заслуживает положительной оценки».

И небольшие денежки, что совсем неплохо.

17 июня

32-я годовщина смерти мамы — ездил на Ваганьково. Памятник Высоцкому у входа по-прежнему в цветах. Насчитал до 50 корзин с цветами. Как жаль замечательного артиста, поэта и исполнителя волнующих песен:

Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, –

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..

Владимир Высоцкий чувствовал, что ему отмерено немного, и молил: «Хоть мгновенье ещё постою на краю…»

Стараюсь развлечь Ще (из-за затяжной болезни В.П. она вся на нервах). Посмотрели спектакль Театра Гоголя «Пришёл мужчина к женщине» — трагифарс о жизни за горло и невпопад. Публике всё это не очень нравилось, а когда героиня начала стелить постель, зал буквально ахнул: да как это можно — на сцене?!. Не привык наш отечественный зритель, не привык. К подвигам, к военным действиям он привык, а вот к постели, к любовным подвигам — нет. Извините! Это должно быть за кадром, за кулисами, в ненаписанных страницах книг. Оболваненный советский зритель и читатель…

24 июня

Дома всё время вспыхивают какие-то мелкие дурацкие скандалы. Ще случайно разбила тарелку, и тут же вопль: «Не бережёшь! Вам всё легко достаётся!..» И обижаться на В.П. нельзя: больная, старая и — страшно написать — ненужная… И на работе аврал: сдача номера.

Номер сдаётся. Номер сдаётся.
Сразу в редакции хаос и гам.
Рифы такие, что опытный лоцман,
Если возьмётся, то разобьётся

Об этот авральный тар-тара-рам.

Машинки стрекочут, как будто щекочут

Девушек милых, что мило трещат…

Ну и т. д. Это ведь не лирика, а так, строки на злобу дня (есть такая рубрика в газетах). И на рассказы Ще о её поклонниках на работе тоже написал стишок:

Шлейф поклонников вьётся и вьётся,

И шуршит шепоток за спиной:

«Хорошо Анне Львовне живётся!

Хорошо быть любимой женой!..»

23 июня был бенефис у евреев: в связи с 50-летием Еврейской автономной области её наградили орденом «Знак Почёта». И где-то в Москве состоялся концерт, и евреи после долгого перерыва смотрели и рыдали, как танцуют «Фрейлекс». В.П. вспоминала, как евреев насильно отправляли в далёкий Биробиджан. А еврейский театр с Михоэлсом и Зускиным застал ещё я. А потом всё ликвидировали. И стало очень сиротливо: чукчи есть, а евреев нет. Евреи потянулись в Израиль…

А тем временем я обнаружил ещё одну родственную душу — Николая Александровича

Рубакина (1862–1946). Великий читатель, прочитавший 250 тыс. книг. Его рабочий день состоял главным образом из чтения… Умерла Клавдия Шульженко. Специально задержали некролог: не надо народа, не надо скопления!.. Знаменитая песня «Давай закурим» — теперь уже вместе не закурим…

А ещё в июне был жуткий смерч. Разрушения, написали, что одна семья спряталась под кровать, а когда вылезли, то «не только крышу, всё унесло: и холодильник, и телевизор, и швейную машинку…». А про гибель людей ни гугу. Гибель людей противоречит официальному оптимизму существующей системы. Счастье — и всё! И тут «Правда» высекла писателя Маканина, что в какой-то повести он проявил плаксивость по поводу «разбитых ваз». Автор напомнил Маканину, что своими печальными и ненормальными писаниями он подрывает социально-нравственное здоровье народа.

Нет, писателем быть в условиях лучезарного социализма невозможно. Подождём лучших времён…

8 июля

Можно отметить дату: 27 лет назад я начал свою трудовую биографию в конторе на Полянке

— «Очень душно, очень устаю. Очень напрягаюсь…». Как пишут прожжённые газетчики: этапы большого пути. Нет, ещё маленького: Мосхлеб-торг, «СПК», Иновещание в Радиокомитете, газета «Лесная промышленность», второе пришествие в кооперативный журнал. Где я в последнее время практикую работу на дому. Быстро-быстро всё делаю и занимаюсь своей работой для души. Новый куратор журнала Дахов захотел выступить на страницах «с раздумьями». Под эти «раздумья» я и покинул редакцию. Дома сварганил (очень подходящий глагол) даховскую руководящую статью и погрузился в Календарь, а там Лермонтов, Тютчев — что может быть лучше!.. Да ещё успел с кастрюлей сходить на рынок и купить клубнику для варенья. Принёс, а В.П. как взрывпакет, местный Везувий: всё ей не так…

14 июля

Программа французского ТВ о взятии Бастилии. Виды столицы Франции. Неужели никогда не попаду в Париж? Зарубленный Бананом Париж…

22 июля

Умер неведомый мне преподаватель ВПШ Иван Матвеевич Есин. Не знаю почему, но Олегу Славному предоставили право распродать

библиотеку умершего. Славный предложил: приезжай, посмотри, может быть, что-нибудь тебя заинтересует. Приехал. В большой комнате весь пол завален книгами, много книг по философии. Вываленные книги из шкафов выглядели обездоленными сиротами. Купил несколько штук: «Письма к русским эмигрантам» Шульгина, «Социальные истоки антисемитизма» проф. Лозинского, монографию Льва Копелева «Фауст», стихи Александра Жарова, изданные в 1928 году, — неутомимый активист из плеяды комсомольских поэтов.

Странное состояние быть в чужой квартире и перебирать книги того, кого уже нет. Он их собрал, читал, что-то выписывал… и как не вспомнить Екклесиаста:

«…И возненавидел я весь труд мой, который трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом, которым я трудился под солнцем…»

Так оно и бывает. Время собирать камни, и время разбрасывать камни. Вот и у меня собрался большой архив моих трудов, и со временем он попадёт в чужие руки: «И кто знает: мудрый он

будет или глупый?» А может, всё будет выброшено и пущено на ветер? Меня это беспокоит, тревожит, угнетает. Нет наследника, нет заинтересованного лица, нет ни Эккермана, ни Лукницкого… Хотя надо признать, что я не Гёте, не Николай Гумилёв…

Странная штука — жизнь. Прекрасная и безобразная, мудрая и глупая, тяжёлая и лёгкая. Вся суть в том, как к ней относиться самому… Шутка из журнала «Пшекруй»: «То, что мы называем жизнью, — обычно всего лишь список дел на сегодня».

1 августа

Домашний «юбилей»: Ще — 44 года. Написал цикл стихотворений как бы от разных поэтов. Только кусочки. Почти по Фету:

В который раз уж август у окна,
Задумчив, щедр, степенен и душист…
…Так ты, мой друг, хоть к осени идёшь,
Но неизменно хороша,
И все слова про возраст – просто ложь.
Восторгом переполнена душа.

Почти по Маяковскому: «…Какой там возраст? Юнона. / А по-гречески: Афродита. / Не женщина,

а в углу икона, / И бьют ей поклоны открыто…»

По Блоку: «…Идёт таинственно надменно, / И чуть колышатся шелка. / Вся из себя необыкновенна, / На удивление легка…»

По Вознесенскому:

Женщины при приближеньи Аньки

Мужей хватали, как при крике: «Танки!»

А. Вознесенский. «Уездная хроника»

Ах, Анька, Анька – гроза женатых.

При виде Аньки гремят дебаты,

Звучат признанья и сзади хвост.

«Что делать дальше?» – вот в чём вопрос.

Бледнеют жёны, они в истерике, –

Послать бы Аньку туда, в Америку,

Чтоб безопасность пришла бы в дом

И можно счастье вкусить вдвоём.

Но призрак счастья им только кажется.

Увы, мужья их никак не вяжутся.

Но это не всё. Ещё Кавказский вариант:

Батоно Анико, ты родилась не на Рионе,
И город не родной тебе Тифлис.
Но всё равно – и в подмосковном лоне
Кавказский чувствуется в тебе извив…

12 августа

Материалы работников журнала «Советская милиция» пошли в номер «Советской кооперации»: сам на них вышел, уговорил что-то написать, а потом выправлял, редактировал и дописывал. Пожаловался нашему старейшине Соломону Рутбергу, который работал в 20–30-е годы в «Крестьянской газете», он сказал, что тогда запрещалось писать за кого-то, и задача редакторов была слегка подправить и убрать явную чепуху — и в набор! Увы, сегодня чепухи 90 процентов.

Закончил 12-й том Календаря (июль-август) и приступил к 13-му. И успеваю брать в библиотеке и читать книги, из последних: монография о Тютчеве, том Багрицкого и ещё одна любопытная книга «Горький и Бунин»: Алексей Максимович очень завидовал лёгкости и изяществу письма

Ивана Алексеевича… Да, забыл написать: наш Соломон Рутберг работал в редакции при Надежде Крупской. Сейчас Соломон на пенсии и со смаком рассказывает о высших пенсионерах; наконец-то Маленкову дали квартиру в Москве (до этого жил на даче в Удельной), Молотов написал мемуары, и они напечатаны тиражом в 200 экз. для узкого круга. А Лазарь Каганович на пенсии сапожничает: начал с сапог и сапогами заканчивает, круг замкнулся… А Владимир Войнович по р/с «Свободная Европа» излагал крамольные вещи, как Жданов в блокадном голодном Ленинграде играл в теннис, чтобы согнать лишний вес. Будучи большим знатоком культуры, играл на пианино одним пальцем и притом давал указания Шостаковичу и Прокофьеву, как надо сочинять музыку…

Что касается Войновича, то он вычеркнут из советской литературы, а его песня-гимн «Заправлены в планшеты космические карты…» запрещена. Уехавший на Запад Войнович числится ренегатом. Зато в почёте другие писатели — Шундик и Рытхэу.

Ремарка вдогонку. Упомянул я Войновича, и мне тогда в голову не могло прийти, что пройдут годы, что я тоже стану писателем, и мы с Вой-

новичем обменяемся книгами. Как ровеснику, я подарил ему «Клуб 1932». (29 октября 2018 г.)

19 августа

Газеты и радио шумно реагируют на «ядерную шутку» президента США Рейгана, который объявил Россию вне закона и пообещал начать бомбардировку через 5 минут. Не дружба, не мир, а яростное противоборство. В Америке Олимпийские игры, у нас сразу — альтернативная олимпиада. И каждая из сторон доказывает, что она лучше и мощнее. И как же трудно молодому поколению разбираться в этом бушующем море призывов, лозунгов, кличей и криков. Каждая сторона кричит: ату его! И хочет взять, разорвать, съесть… Увы, всем нам суждено жить в эпоху оголтелого милитаризма, шовинизма и разнузданного патриотизма, в звериной ненависти друг к другу. Пропаганда мгновенно превращает людей из друзей во врагов. Сегодня симпатия, завтра — непримиримая вражда…

Винница, Жмеринка, Станиславчик

А доктор Мей в Жмеринку поедет,

А доктор Дора собирает чемодан…

Из песни

20–25 августа

31-я командировка. По странному совпадению 4-я подряд на букву «В»: Вильнюс, Волгоград, Владивосток, Винница. Что будет следующим? Ванкувер, Варшава… 4-я командировка на Украину (не считая отдыха в Одессе и в Крыму): 1962 — Киев, Тетиев; 1965 — Киев, Черкассы, Умань; 1966 — Львов; 1980 — Запорожье, Мелитополь…

Итак, Винница — 1077 км от Москвы. Из Внукова на Ту-154, полёт в течение 1.15. В самолёте летели работники культуры и костерили союзные порядки: всюду косность, формализм, нет условий для настоящего творчества. В Виннице меня встречают и везут в готель «Жовтнева», в номер люкс. И тут сопровождающий задаёт вопрос: «Как будем ужинать? В ресторане или в номере?» Я предпочёл скромно в номере. Скромно не получилось, и зампред облпотребсоюза по заготовкам Клапчук притащил в гостиницу две огромные сумки и тут же ловко соорудил банкетик для двоих: всякие колбасы, сало, помидорчики-огурчики и что-то ещё. Конечно, водка, которую мы закусы-

вали ломтями сочного арбуза. И куда денешься? Ритуал, «проверяющий» из столицы.

Утром 21 августа встал: в ногах слабость, голова туманная, язык деревянный. «Ну, — думаю, — однако!..» И дал себе приказ: ша! И в обед в ресторане «Южный Буг» пить наотрез отказался. Зато была расширена культурная программа и съездили в усадьбу знаменитого хирурга Пирогова. Рядом монастырь, где находится забальзамированное тело Пирогова. Зрелище мрачноватое…

В 16.30 в облпотребсоюзе началась настоящая работа: «круглый стол» с руководящим составом из районов области. Я вёл этот стол, выступал сам и умудрялся ещё стенографировать сказанное другими. Все докладывали, как они добиваются «непоганых показникиву роботы»… А затем ужин в загородном отеле «Дубовый грай». Обильно, вкусно и тяжело. Клапчук с горечью заявил, что никому не расскажет, как четверо здоровых мужиков, сидящих за одним столом, не смогли усидеть одну бутылку водки. Иначе — не поймут! Когда Клапчук всё это изрекал, я думал, что по области пойдут легенды об удивительном непьющем московском журналисте. «Не пьёт?» — будет удивляться народ. «Да не может быть!..»

Из ресторана отправились на осмотр «Волчьего

логова» — бетонного бункера, построенного 18 тысячами военнопленных для Гитлера, но Винницу фюрер так и не посетил…

22 августа — едем в Гайсин на промкомбинат, затем в местный универмаг, в «Дитячий свит» — всё добротно и аккуратно. Не худо такое иметь и дома, на Соколе. И товаров больше, от пальто до панчок (чулок) и шкарпеток (носков). В заключение обильный ужин из 20, не меньше, блюд. Пшённая каша с растёртой курятиной мне не понравилась, а вареники с яблоками, политые мёдом, — объеденье.

23 августа я выразил желание (как говорится, от фонаря) поехать в Жмеринку, в облпотребсоюзе как-то поморщились от моего желания, но всё же были вынуждены повезти непьющего журналиста в воспетую в песнях и анекдотах Жмеринку.

Жмеринка — горбатая, пыльная, насквозь провинциальная и какая-то ущербная. Когда-то она была остановкой на пути Киев — Одесса, и в 1904 году в Жмеринке архитектором Журавским был построен великолепный железнодорожный вокзал — «один з краших», в виде корабля. Действительно, вокзал красив до сих пор. Здание понравилось Николаю II, и он предложил архитектору построить царские конюшни.

Журавскому это показалось обидным, и он… повесился. Такова легенда.

В зале вокзала стоит памятник Ильичу (это уже достижение советского времени), и какой-то вождь странный, сидит на скамейке в полуобороте к невидимому собеседнику. Как это понимать? Мне объясняют: соратника Ильича срезали и убрали. До XX съезда партии был соратник-собеседник, а потом его убрали. Как пел Александр Галич про Сталина: «Оказался наш отец не отец, а сукою…»

В Жмеринке мне показали разные «точки», в том числе магазин «Стимул»: сдаёшь собранное лекарственно-техническое сырьё и получаешь право на приобретение дефицитных поваров, такой вот стимул.

Знакомят с заведующим. Я тихо ахаю. В аромате лечебных трав передо мною возникает молодой еврей с тонкими, благородными чертами лица. Одеть бы его по-городскому, да нацепить галстук-бабочку, да дать ему в руки скрипку — он будет второй великий скрипач Иегуди Менухин или третий Давид Ойстрах из волшебного мира звуков. Но вот он раскрывает рот, и о чём он говорит? О каких-то товарных накладных. Как это несправедливо! Этот красивый молодой человек

явно родился не там. Почему в Жмеринке, а не в Женеве? Или хотя бы в Питере, в городе на Неве, там есть консерватория. Там есть профессора. Там гуляет по Невскому культурная публика. А что есть в Жмеринке? Жалкий кинотеатр «Спутник» да «Будинок культуры зализничков», то бишь железнодорожников. Жмеринке не нужны скрипачи и виолончелисты. Жмеринке нужны работяги с мозолистыми руками. И потом у данного юноши есть один маленький изъян: он — еврей. А раз так, то горизонт сужен до магазина с фальшивым названием «Стимул». И вся работа: отбирать травку и взвешивать принесённые грецкие орехи. А из глаз — боже мой, какие большие печальные глаза! — тихо сползает слеза. Боже мой! Азохен вей!..

Около магазина собирается толпа поглазеть на залетевшую московскую звезду: такое бывает не часто. Из собравшихся выделяется седой старик в очках и с толстой книгой в руках — уж не Талмуд ли? Он похож на бабелевского старика Гедали, который не знал, какая существует разница между революцией и контрреволюцией. Он подошёл ко мне и тихо спросил:

— Вы из Москвы?

— Да.

— Вы там, наверное, всех знаете?

— Ну, не всех.

— Скажите: а погромы будут?

— Думаю, нет…

Старик немного успокоился: мысль о грядущих погромах, видно, не даёт ему спокойно жить. Пока нет погромов, есть маленький заработок, то жить можно. А вот если… Старик замолкает, но страх не покидает его еврейских глаз.

Но что об этом?.. Далее из Жмеринки мы катим в Станиславчик, он рядом со Жмеринкой, и тут такая же «тяжке житти». Как говорили раньше и, возможно, говорят теперь: «Кожна хата мает свою журбу, своё горе».

Из Станиславчика — в Браилов, в бывшую усадьбу баронессы Надежды фон Мекк. Здесь, в Браилове, Пётр Ильич Чайковский написал романсы: «Средь шумного бала», «То было раннею весной», «Серенаду Дон Жуана». Крохотный музейчик, но на замке, ключей так и не нашли. Музыкой не пахнет. Кругом разорение и запустение, никаких лебедей, озерцо в тине. Во дворце фон Мекк — училище для подготовки рабочих сахарных заводов. Церковь почти уничтожена. Кельи в монастыре приспособлены для общежития учащихся техникума. Всё в пыли и дремоте.

Шофёр Вася, который нас вёз, выносит вердикт:

«Как мы робим, надо ещё 200 лет, чтобы привести всё в порядок…» А я подумал: «Социализм — это тупик».

Под вечер вернулись в Винницу. Чтоб размять ноги, прошёлся по центральной улице, естественно, Ленина. Почему-то отчаянно грохочут троллейбусы и трамваи с надписью «Заразковый маршрут» — образцовый по-русски. Поразили винничанки: ноги как колонны, бёдра широкие, как Чёрное море, большие, как пушечные ядра, груди. Лица румяные, свежие, глаза с поволокой, недаром их так боялся Николай Васильевич Гоголь, боялся, что они повергнут его в омут роковой страсти.

На следующий день знакомство с кооперативным техникумом, оптовой базой и зверохозяйством, везде пришлось отказываться от угощения — от сала и коньяка. На самолёт билет не удалось достать даже всесильному потребсоюзу, и пришлось возвращаться поездом в спальном вагоне Жмеринка — Москва. В 12 часов 25 августа я вышел на перрон Киевского вокзала в столице.

2 сентября

Доложил о результатах поездки и получил 3 домашних дня на «отписывание». Смастерить

«круглый стол» не представляло труда, а дальше погрузился в дебри своего Календаря: Анненский, Дягилев и другие знаменитости, не имевшие никакой связи с потребительской кооперацией. Как контрастны командировки в Винницу и строки Иннокентия Анненского:

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, ещё дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено…

Или вот ещё из Анненского, не оптимистического соцреалиста, а мрачнейшего символиста:

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжёлых стеклянных потёмок
Нет путей никому, никуда…

С утра зарядил дождь. Двор ещё зелёный, но уже подступает к горлу осеннее уныние. 52 с половиной года. Жизнь уходит…

13 сентября

Левая часть лица воспалилась (так называемый опоясывающий лишай). Осип голос, и… работаю. Мне домой привезли статью секретаря ЦК ВЛКСМ

Иосифа Орджоникидзе. Чем не Павка Корчагин?.. В промежутке от комсомольского секретаря читаю том воспоминаний Эренбурга. Какие у него были встречи! А какая насыщенная плодотворная жизнь! А что у меня? Единственная встреча на лавочке в Переделкино с Вознесенским, интервью с Жаровым, Фрейндлих и Марковым. Рабочие разговоры с главным муфтием Узбекистана в Ташкенте да расспросы изгнанного из Политбюро Мухитдинова и переведённого в Центросоюз по поводу дел в журнале. Ну да, Андрей Тарковский. И всё! И никаких заоблачных высот!..

18 сентября

Ещё на больничном. Диагноз: таинственный гербис. Я не в форме, В.П. в осадке, и Ще приходится крутиться: рынок, магазины, готовка, стирка. И мы все втроём под обломками нездоровья и проблем быта. А 16-го слегла Ще. «Воще!» Дружные ребята, и все по своим комнатам, благо их три… 17-го, после 6-дневного сидения и лежания дома, вышел и поплёлся в поликлинику. Назначили ультрафиолет — облучение. По дороге редкая удача: купил туалетную бумагу — «великие пустяки жизни», как выразился где-то Юрий Трифонов.

23 сентября

Бюллетенил с 11-го по 23-е. Получил 4 ультрафиолета, на 5-й день аппарат испортился. Писатель Борис Можаев попал в больницу и об этом поведал в «Литературке»: «У каждого свои страдания, своя боль…» Вывод не ахти какой глубокий. Ушли из жизни старики: актёр Мартинсон и поэт Жаров. И относительно молодые 50-летние Нодар Думбадзе и Юрий Визбор… Ну, а я спасаюсь и лечусь Календарём — прекрасная отвлекающая работа…

30 сентября

И какие развлечения в жизни? В «Ленинграде» английский фильм «Генрих VIII и шесть его жён». Подышали в Серебряном Бору. По ТВ с интересом смотрели «Кинопанораму» с Эльдаром Рязановым — тёплую, человеческую. Слушаю «голоса», которые чихвостят в хвост и в гриву выросшее в СССР «поколение, сбившее ладони в аплодисментах». Отхлестали публициста Юрия Жукова за «жизнь советского холуя — это гордиться величием своего барина». Вспоминали советскую историю, как Сталин ловко оттяпал Западную Украину и Белоруссию и т. д.

6 октября

Ще на 12 дней уехала в отпуск в «Берёзки», а

мне приказано сторожить В.П. Вдвоём мы поехать не можем, последний совместный отпуск в 1977 году в Паланге. Но не буду развивать эту печальную тему.

3 октября выступил на отчётно-выборном собрании двух редакций. Представитель райкома похвалил: лучшее выступление. А что толку: и в «СПК», и в «Ревью» кипят нешуточные страсти… Тут звонили Линский и Давидовский и, не сговариваясь, сказали, что идут «серые будни». И работа постылая, и никакого увлечения или хобби. А у меня — Календарь да параллельно книга: «Жизнь Шиллера» Петера Ланштейна, сборник «Смех в Древней Руси», воспоминания Сергея Конёнкова, и они весьма хорошо скрашивают «серые будни».

В книге «Смех в Древней Руси» поразили строки о «недуге» молодой жены:

Пустился недуг к сердцу,
Пониже её пупечка,
Что повыше коленечка,
Между ног, килди-милди…

Это что, древнерусская эротика, секс? Вокруг да около. А вот когда появился Барков, то тут уже всё пошло открытым текстом. Но обойдёмся без

Баркова, я противник ненормативной лексики. Лучше вспомню Юрия Крижанича, конец XVII века, который писал о жителях Московии, что у них «нет умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве; люди здесь ленивы, непромышленны, сами себе добра не хотят сделать, если их не приневолят к тому силой…».

14 октября

Сегодня Покров. Небо заволочено. Но сухо. Двор почти гол, лишь на берёзке перед окном держатся червлёные листочки. Плюс 6.

В воскресенье, 7-го, ездил к Щекастику в «Берёзки». Нагулялись досыта. Ходили в Троицкое. После собрания Фомин явно потеплел ко мне, назвал «корифеем» и подписал командировку в Тбилиси — билет уже на руках, рейс 923.

В альманахе библиофила натолкнулся на историю русских календарей. Каких только календарей не выпускали, но мой особый — Календарь одинокого человека (история, искусство, политика, литература, философия, жизнь). Собиратели счастливейшие из людей, считал великий Гёте.

21 октября

Завтра лететь в Тбилиси, и — никакого желания. Знакомая песня. Собраны все подарки и

гостинцы, включая коробки конфет и финский сервелат. Читал в дневнике первое посещение Тбилиси в 1971 году и от души смеялся. Молодец, оставил на память кусок жизни… На работе исполнял обязанности уехавшего главного редактора и читал все материалы в номер — какая муть!

Тбилиси-84

На проспекте Руставели
Сто платанов встали в ряд.
На проспекте Руставели
Грустных слов не говорят…

Белла Ахмадулина

Тбилиси, 22–30 октября. Командировка от «СПК» с посещением родственников Ще. Слоёный пирожок: работа и в гостях, служба и дружба. Запутанный психологический фон. Мотание по районам, везде банкеты, непривычная еда. Контакты, разговоры, тосты — всё это изрядно утомило меня, и я вернулся домой изрядно утомлённый.

В Ту-154 пытался учить грузинский: доброе утро — дила мшвидобиса, благодарю — гмадлобт, сколько стоит? — ра гирс и т. д.

И вот Тбилиси. Ламазио — красиво. Воздух в сравнении с Москвой тёплый и бархатистый. Первый встречающий: «едем завтракать».

— Что будете пить? Коньяк, водку, шампанское?

— Только сухое.

«Вино моё, я твой заблудший князь…» — признавалась Ахмадулина. И она же: «Никто не живёт в такой близости от песни, как грузины…» И действительно, в любом ресторане, духане, кафе поют. После завтрака везут в гостиницу на Руставели — в «Тбилиси» (бывший «Мажестик»). Далее по моей просьбе отвозят на Мцхетскую улицу, к дому, где живёт семья Левана Ильича Харашвили, отца Ще. И сразу сонм улыбающихся и голосящих родственников. Собралось человек 20. И застолье. Тосты косяком, цветастые, как русские сарафаны, и узорчатые, как персидские ковры.

23 октября

Рабочий день. В Цекавшири, в республиканском потребсоюзе намечается маршрут поездок. Первый автонабег в Мцхету. И конечно, храм Светицховели, XI век. Аскетическая красота. Могилы грузинских царей. Осенью 1839 года в Мцхете был Лермонтов и здесь услышал рассказ, который лёг

в основу поэмы «Мцыри»…

Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла…

Под вечер объявился на Мцхетской, где Русико поставила вопрос ребром: «Ты наш или не наш?!» А после ужина Русико докладывала, звоня в Москву, Ще: «Он ничего не ест. Я не знаю, что с ним делать?..» В итоге мне пришлось покинуть гостиницу и перебраться в качестве почётного гостя в дом Левана Ильича.

24 октября

Поездка в Гори, на родину вождя. В Гори высится единственная уцелевшая после XX съезда статуя Сталина. Под мрамор и стекло подведены две комнатки, где родился и провёл детство тиран и диктатор Иосиф. Предельно скромная обстановка: стол, шкафчик, самовар, латунная лампа, сундучок, табуретки. Музей-домик был открыт в 1937 году, в год смерти матери Сталина. А рядом высится величественное здание музея, возведённого уже в 1957-м. Музей открыли, а проспект о нём издать запретили…

Молодой Коба писал романтические стихи, типа:

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой…

В музее поразила фотография 1926 года: Сталин, Орджоникидзе, Микоян, отчаянно молодые, полные пыла и революционных преобразований, ещё несведущие своей дальнейшей судьбы… После музея — банкет. Слава богу, что обошлось без песен. Тосты были, а песен не пели — ни Михаила Исаковского: «О самом родном и любимом — / О Сталине песню споём!» Ни Алексея Суркова: «С песнями, борясь и побеждая, / Наш народ за Сталиным идёт». Ни других. Мне подарили портрет Сталина, который я благополучно забыл потом в машине. И прощай, Гори!..

25 октября

Поездка в Сагареджо. Если Мцхета — Западная Грузия, то Сагареджо — Восточная. Восточные грузины — карталинцы, кахетинцы. По приезде знакомлюсь с торговыми точками, в том числе и с книжным магазином, там мне торжественно дарят книгу «Витязь в тигровой шкуре»… После осмотра, разумеется, банкет с бесчисленными тостами: за детей, за родителей, за женщин, за

любовь, за мир, за дружбу и бог знает ещё за что… В какой-то момент сидящие забыли про гостя и перешли на родной язык, грузинский клёкот и сплошные восклицания: «Хо!» и «Ки!».

26 октября

Поездка в Гудаури, где строится туристско-хозяйственный комплекс «Кавказсиони». Мчимся, а порою тянемся по знаменитой Военно-Грузинской дороге. Красивейшие виды: Мухранская долина, хребты Хевсуретии, замок-крепость Анаури, красноватые скалы, Млетский спуск, повороты, изгибы, кручение…

И вот Гудаури, высота 2196 м над уровнем моря. «Чудный горный воздух!» — как отмечал Остап Бендер. Вечер тихий и домашний, без возлияний, рисовый супчик и паровая котлетка. Отдыхал душой и телом.

27 октября

Служебная часть закончилась, — и «Юра наконец-то наш!» — торжествует Русико. Вчетвером — Давид, Русико, маленькая Тата — отправились гулять по Тбилиси. Фуникулёр, Ботанический сад, старый Тбилиси, памятник Вахтангу Горгосали…

28 октября

Посещение праздника «Тбилисоба-84». Ярко,

нарядно, изобильно, весело, музыка, танцы, традиционная лезгинка… Вечером я пытался записать впечатления. Но не смог: на колени взобралась малютка Тата и спросила: «Писáешь, да?» И попросила поиграть с ней в куклы. На следующий день удалось осмотреть пантеон. В каменном гроте покоятся Грибоедов и Нина Чавчавадзе… Ну и конечно, побывал на рынке. «Самая зелёная в мире зелень! Самая пряная, самая полезная! Мужчины, не проходите мимо!.. Горийские персики! Горийские! Вы понимаете, что это такое? Посмотрите, какой пушок! Напоминание о юности — вот что такое горийские персики! Поверьте, мне нелегко расстаться с ними!..»

После базара уже в доме наслаждался альбомом Ладо Гудиашвили. Грузинский Ренуар. Если у французского художника женщины напоминают кондитерские изделия — зефир и крем, то у грузинского — всё более плотское, мясистое, ноги, как окорока. В картине «Поэтесса» женщина розовотелая, с влекущими руками и бюстом в целый холм: взбирайся и наслаждайся. И печальная скрипка не нужна, а нужен только танец с саблями. Альбом Гудиашвили приходится отложить: последний домашний ужин…

30 октября — аэропорт. С трудом заношу в самолёт дары Грузии, и в 14.05 я уже во Внуково, в Москве.

4 ноября

31-го вышел на работу и увидел в глазах у редакционных женщин зависть (у всех у них неблагополучная личная жизнь). Сориентировался и заявил, что в Грузии всё было плохо: не так встретили, не так кормили, болела печень и т. д. И тут же у всех забегал огонёк радости, что ему так было плохо там, как и тут в Москве. О, люди! Люди!..

А 1-го в к/т «Ленинград» смотрели с Ще фильм Ролана Быкова «Чучело», и тоже о страстях, на этот раз подростковых. Неприятие чужака, угнетение слабого… 3-го — 17-летие брака. Ходил на рынок: 5 больших белых хризантем по рублю за штуку, плюс веник. А потом «Жестокий романс» уже в к/т «Варшава». Вечером — сухое молдавское вино, пирог с яблоками, чурчхела и В.П. с поджатыми губами — вот и весь семейный праздник. 5-го у Ще в институте вечер Глеба Панфилова (Чурикова не приехала). После я столкнулся с Панфиловым, перекинулись фразами, и он сказал, что Андрей Тарковский остался в Италии…

Из внешних событий: убили Индиру Ганди,

вернулась на родину Светлана Аллилуева, с дочерью Ольгой Петерс, 13 лет. В США переизбрали Рейгана…

13 ноября

Начал XXVI дневниковую тетрадь, в предыдущей 147 машинописных страниц. Архив разрастается… В стихотворении «Дневники» Пётр Вегин советовал всем:

Ведите дневники,
не будьте простаками.
Равно как рыбаки,
Удите дни за днями.
Веденье дневника
не требует таланта,
Хотя похоже на
гранение брильянта…

Совсем кратенько, что было. 10 ноября работал дома над статьёй Бестужева-Лады «Культура досуга». Вроде бы корифей, а пришлось его дополнять и править (может быть, для «СПК» делал левой ногой?).

11 ноября занимался своими делами: клеил футбольные архивы, писал эссе-отчёт о Грузии.

А затем поехал в ЦК ВЛКСМ подписывать статью у Иосифа Орджоникидзе. Стал свидетелем его крика в разговоре по телефону с кем-то из подчинённых. Бросил трубку и мне пожаловался: «Никто не хочет работать!» Система буксует, нет цели, нет стимулов, всё вязнет в рутине и формализме. Всё забюрокрачено, и отсюда плачевные результаты везде и повсюду по всей стране.

16 ноября — в Театре Станиславского «экспромт-фантазия» Виктории Токаревой, в главной роли — Альберт Филозов. Вполне ничего. А на следующий день Половик вытащил меня в Селезневскую баню. Давненько не бывал я в бане!.. Три раза заглядывал и парился в парилке, не выдержал и покинул её окончательно, под гогот молодых жеребцов: «Старик не выдержал!..»

Чтение. Сборник публицистики «Шестидесятники», там лучшее — статьи Варфоломея Зайцева (1842–1883) про «подлую империю». Два номера «Воплей»… Стоит странный ноябрь. Морозно, сухо и почти солнечно, без всяких осадков.

25 ноября

Жизнь продолжается. Были в гостях у Линских, Боречка с гордостью показал, как он обделывает антресоль, сказав: «Я не спешу, закончу к апрелю… Приходишь домой — есть цель…» Всё

правильно, должна быть цель: у кого бутылка, у кого календарь, у кого антресоль и т. д. С целью легче жить… Сыграли в блиц, проиграл 1,5:3,5. Надо признать, что Боречка в шахматах сильнее меня. Я ведь играю редко, эпизодически…

На работе фокусы: то Фомин в приказе ущучил меня, это было 14 марта, а сейчас, 19 ноября, поощрил своим приказом: «Редактор отдела Ю.Н. Безелянский проявляет в работе большое трудолюбие, творческий поиск и чувство ответственности. В последнее время организованы высококачественные материалы…» Далее в приказе отмечены, какие именно. А в итоге благодарность и премия в 50 рублей. Что сказать? «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь…» (так, кажется, у классика). После приказа в глазах женской части редакции читалось: везунчик, фаворит. Я уже был фаворитом при Банане, и чем это кончилось на радио…

Приказ приказом, а Фомин остаётся Фоминым: и скривился по поводу подготовленной мной статьи работника журнала «Охота и рыболовство» о положении амурского тигра в Приморье. Вроде бы интересно, но последовала кривая усмешка шефа. Я ответил стихами:

Амурский тигр пытался забрести

В журнал, чтоб порезвиться вволю,
Но остановлен был на полпути
Редакторской железной волей.
В итоге ус безжизненно повис.
Ах, бедный тигр: Фомин его загрыз.

Из культурной сферы можно отметить многосерийный фильм Швейцера «Мёртвые души». Прекрасно сыграли Чурикова и Федосеева-Шукшина. И книгу воспоминаний Светланы Аллилуевой. Находка для Календаря…

1 декабря

Первый день зимы: после морозов вдруг оттепель +3. На работе диспансеризация. Пожаловался на ухудшающееся зрение и спросил врача: «А что-нибудь помогает?» В ответ мрачно: «Ничего не помогает». На работе в «СПК» и в «Ревью» идут бои за смещение начальников. Что-то вроде какой-то забавы, для взбадривания жизни. Маленькие коллективы, а дрязги большие.

Удивила признанием Ще. Она сказала, что в начале нашего знакомства она гордилась своим университетским образованием, а потом я, по её мнению, как ракета, умчался вперёд: «Я даже не заметила, как это произошло», — призналась

Ще.

9 декабря

Читая письма Михаила Булгакова (1921, Москва), натолкнулся на строки: «…бегаешь как собака, а питаешься только картошкой…»

Дома уныние, недомогает В.П., Соня Лежебокович, то бишь Ще, не в тарелке. У меня насморок. Тёмные дни. Унылая, серая полоса. Россия… А в «Утренней почте» по ТВ шоколадная взбивалочка из Ямайки: скачет и поёт, волны энергии…

16 декабря

У Ще много разных занятий (помимо хозяйства, книги, немецкий язык, «крыжанье» Календаря), но есть и удивительные заботы и проблемы, вдруг меня тормошит: «В чём мне сидеть в президиуме?» То бишь на работе, на собрании. Ну, прямо:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня…

Ну, а я 10-го в гололёд поехал в ЦК ВЛКСМ на встречу с молодыми кооператорами — делегатами съезда кооперации. Почти все, как одна: грудастые передовички. Вёл с ними беседу, а одна, Катя Тищенко, мастер бараночного цеха из Белгородской области, уверенно говорила о своих

достижениях, а потом вдруг: «А вот ребят потянуло на Запад». Как это? — спрашиваю я. «Ну, в музыку, джинсы одевают, побрякушки всякие…»

С 11 по 14 декабря — работа в пресс-центре съезда, в Большом Кремлёвском дворце, в зале, который строил архитектор Тон во времена Николая I. Георгиевский, Владимирский залы, Грановитая палата — всё в золотом великолепии. А можно оценить и иначе: роскошь вопиющая, можно сказать, агрессивная. Вот мы, цари, такие, а ты — ничтожный маленький человечишко, падай на колени и молись на нас…

В поддам рассказ Ще об одном из подразделений НИИ жилище в Лобне: нет туалетов. Мужчины ходят к стенке, а для женщин предназначено ведро. Ну, а в Кремлёвском дворце белоснежные ватерклозеты да ещё с мягкой туалетной бумагой. И всюду так: два мира — два Шапиро!..

Да, ещё такая подробность. Проход в Кремль через Спасские ворота. Милиционеры-охранники внимательно проверяют пропуска и документы, особое пристрастие они ощущают, просматривая мои бумаги: вроде бы всё правильно, но по запаху чувствуют: чужой. И пропускают с большим сожалением…

Это был мой 5-й по счёту пресс-центр (Олимпиа-

да, Спартакиада, футбольный турнир Гранаткина, кооперативный конгресс и вот съезд). Бесплатное кормление: боржом с иностранной этикеткой (ух как вкусно!) и бутерброды. За бутерброды отвечал Измайлов, он приходил и говорил: «В 17.25 принесут, подтягивайтесь!..» Как бывший военный, он и бутерброды планировал, как важную военную операцию… Первый день прошёл торжественно, а потом пошла рутина и усталость — от золота, от высоких речей, от орденов и медалей. А что испытывали приезжие делегаты, из своих тьмутараканей попадая в Кремлёвский дворец?..

13-го был концерт для делегатов в «России», который начался с текста приветствия, написанного мною, да ещё с элементами юмора. Текст зачитала Ангелина Вовк, и я тихо гордился, что мой текст читают в огромном зрительском зале. Среди выступающих артистов были звёзды: Максимова и Лавровский, Моисеевский ансамбль, Нани Брегвадзе, Клара Новикова, Надежда Чепрага, Ширвиндт и Державин и др. Да, и Евгений Петросян с его народным простецким юмором, что можно было упасть с балкона… А 14-го был последний день работы съезда, и прощай, жульен, который так мне понравился.

21 декабря

Несколько дней мельтешения по поводу путёвки в санаторий Центросоюза в Кисловодске — справка от врача, оформление 30-процентной путёвки, скидка на билеты на самолёт (льготы советского периода). Причитания по поводу Кисловодска: В.П. — «Один знакомый поехал, лёг в нарзанную ванну и не встал». «Юкелис: ванны — чудо, так освежают!» Так освежают или убивают?.. Разве предугадаешь? Как сказал Андрюша Вознесенский:

Не спешите разрыдаться,
Жизнь полна импровизаций…

Плохо лишь то, что встреча Нового года порознь: Ще останется дома, а я буду в Кисловодске.

Печатал я дневник: в глазах вспыхивали какие-то пятна, руки дрожали, а в ушах звенели слова доктора о том, что я, как пациент, здоровый. Здоровый-то здоровый, но вполне дошедший до кондиции и поправки здоровья в Кисловодске.

22 декабря

Забавлялся: написал рассказик из названий идущих на экране кинофильмов. Только кусочек:

«Ураган приходит неожиданно». «Внезапный

выброс». «Дом под Луной», «Блондинка за углом», «Амок». «Репортаж из бездны». «И жизнь, и слёзы, и любовь». «Опасный спуск с Эвереста». «Новые приключения „Жёлтой Розы“». «Тайны виллы „Грета“». «Парад планет». И «В холодильнике кто-то сидел». Ну и т. д.

А пока я развлекался, тёща мрачно заявила Ще:

— У нас нет сметаны.

— А ты её хочешь?

— Нет.

— И я не хочу.

Тяжёлая пауза. И опять трагическое: «У нас нет сметаны…»

Санаторий в Кисловодске

24 декабря

Встал в 5.30. Автобус во Внуково, и в 8.45 аэробус Ил-86 взмыл в небо. Где-то в половине первого уже в Кисловодске, который расположен в котловане северных предгорий Большого Кавказа на высоте 720–1060 метров над уровнем моря. 100 тысяч населения своих и плюс приезжие, больные и отдыхающие. 29 здравниц и 18 пансионатов. А ещё гостиницы и частный сектор…

Меня поселили в полулюкс 155-а. Корпус ста-

рый, допотопный, со скучным интерьером, но главное: я один в номере, есть туалет и душ. И началась однообразная курортная жизнь (увы, без курортных романов). Вставал в 6.30, включал радио и слушал сообщения о былых ратных подвигах и о современных мирных достижениях: где-то задули домну, где-то отремонтировали трактор… Ленивая зарядка, и в 7.45 на водопой, в нарзанную галерею с преодолением нескольких подъёмов и спусков по парку. Нагрузка для мышц и благодать для лёгких, конечно, воздух обалденный…

Завтрак, прогулка, сон или ванна. Обед. Путешествие в горы или в сон, в зависимости от самочувствия. Тоскливое ожидание ужина. Вечер — шахматы, танцы и писание писем Ще, в Москву. Программа «Время», кефир, и в 22 часа заваливался в холостяцкую жёсткую постель… Ванн принял 9, и этого хватило. После ванны становишься Икаром и взлетаешь над санаторием Центросоюза в голубое поднебесье…

Описывать соседей по столу и разговоры с ними — не для истории. Жалостная бытовщина, без единого умного слова, короче, кооператоры, работники сельпо и райпо. «Книжка интересная?» — «Да, толстая…»

И всё же несколько людей были вполне достойны. Член редколлегии журнала «СПК», кооперативный учёный и корифей Григорий Наумович Альтшуль (конечно, еврей), отдыхавший в Кисловодске с семьёй. И его знакомый, доктор экономических наук, профессор со странным именем Делез (первые буквы лозунга 20-х годов «Дело Ленина завершим» — Делез). Делез занимается экономикой и социологией и пишет стихи, чуть графоманские, но искренние и, главное, с мыслями. Кооперативные интеллектуалы скрасили моё пребывание на курорте. А ещё волейбол в зале, которым я активно занимался, а в итоге получил прострел и два дня ходил скрюченный, и Альтшуль растирал меня какой-то импортной мазью…

Немного по хронике.

26 декабря — поездка в Пятигорск. Множество лермонтовских памятников, разбавленные и Пушкиным. Старинное здание Ермоловских ванн. Нарзан и в царские времена был нарзаном… А уж после революции в «12 стульях» монтёр Мечников жаловался: «Дуся! Я человек, измученный нарзаном…»

28 декабря

Вышел за территорию санатория и бродил по

старой части Кисловодска:

Здесь Пушкина изгнанье началось,
И Лермонтова кончилось изгнанье… –

писала Анна Ахматова. «Здесь он ходил. Здесь смотрел. Здесь любил… Здесь записал…» (Ахмадулина). «Глядя на современную толпу, трудно представить былое общество: дамы, офицеры, лошади, живые классики. Где всё это? Куда делось? Куда сплыло?..»

30 декабря

За ночь навалило снега. Дружил с рыжим котом. Чесал его за ухом, а он мурлыкал на весь кисловодский парк… Кормил белочку. Пока она грациозно грызла семечки у меня на руке, я чесал её животик. Дамочке нравилось… Вечером смотрел по телевизору «Песня-84». И все певцы раздражали: и бодрячок Хиль, и вечная «Романтика» София Ротару, и даже Пугачёва с её всхлипом: «А ты такой холодный, как айсберг в океане…»

31 декабря

После завтрака в горы по Высоцкому: «Лучше гор могут быть только горы, / На которых ещё не бывал…» Горы и солнце — прекрасно! Огромные

мохнатые ели сбрасывали с себя снег, и ты под ними попадал под снежный дождь…

Вечером в номере Альтшуля новогодний сабантуй: на столе несанаторная колбаса, ветчина, мясо, водка, коньяк, конфеты и даже огромная дыня, она появилась вместе с Арсланбеком Газизбековым, председателем правления Таджикского потребсоюза, членом ЦК партии своей республики, БАЛЬШОЙ человек!..

Собралась новогодняя семёрка. Ударили по питью, закускам и по дыне. Чуть захмелев, Делез Полторович взахлёб читал свои стихи, а потом даже запел про евреев-эмигрантов, которые, как журавли, покидают Россию, лелея надежду когда-нибудь вернуться назад… Жена Делеза Фаня всё одергивала мужа: что ты делаешь? зачем ты это поёшь? Ведь это антисоветчина… Но Газизбеков сделал вид, что ничего не понял. А мы с Альтшулем мурлыкали, как два кота, от удовольствия… В начале третьего ночи уже в январе 1985 года питье, пение и стихи закончились, и все разбрелись по своим номерам-палатам. Я заснул с мыслями о Щекастике.

Так завершился 1984 год.

1985 год – 52/53 года. Отдых в Кисловодске. Новый этап жизни: вдвоём. Поездки: Киев, Брест, Витебск, Днепропетровск. Отдых в Аксаково. Книги, Календарь

1 января (из курортного дневника. Кисловодск, санаторий «Центросоюз»).

Продолжение новогодней встречи, всё в той же компании председателя Таджикского потребсоюза Арсланбека Газизбекова. На обеде он отказался есть «жидкое» и устроил свой обед. Новогоднюю семёрку добавила полновесная Галя, чего там бухгалтер — Леди Макбет Вахшской долины. Обедали ровно 4 часа. На моём боевом счету значились три цыплёнка табака, съеденная гора орехов, изюма, кураги, живого винограда. Немного выпили, а в основном пили зелёный чай № 95. И всё это шло под таджикскую музыку, звучащую из личного кассетника Арсланбека. Короче, приобщился к жизни национальной элиты.

3 января

Альтшуль уговаривал меня делать диссерта-

цию и защититься в Кооперативном институте. Идея благотворная, но для меня совсем не привлекательная. Я не хочу быть кандидатом экономических наук, мечтаю быть академиком писательских наук. Или там хотя бы магистром.

5 января

Скука и тоска, даже горы не спасают, «эльбружата» (это Кирсанов: «Двугорбый верблюд, двугорбый Эльбрус»). Решил, как Егор Прокудин из «Красной калины», устроить бордельеро и зашёл в каптёрку к двум подружкам-санитаркам, тридцатилетним девочкам (на двоих 5 детей) — армянка Мариэтта (но не Шагинян) и кабардинка Фатима. Но «праздника» не вышло: они видели во мне не мужчину, а журналиста из столицы и тут же засыпали жалобами и просьбами: повысить зарплату, улучшить жилищные условия и т. д. Как и герой Шукшина, я потерпел полное фиаско. Вышел в холл. Там сидел узбек, а у его ног молодая узбечка и очищала ему орехи, он милостиво их ел…

6 января

После обеденного сна пошли в санаторий им. Горького. Там Делез Полторович читал свои стихи. Запомнилась строчка: «Мы друг к другу

спешим ремонтировать души». Делез — кооперативная величина, учёный, а в душе несостоявшийся лирик.

7 января

К больной пояснице прибавилось горло — из-за холодной дыни (дары Арсланбека). Не курорт, а Сан-Ремонт. В постель лёг с магнитами, цитируя Бодлера: «Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?»

9 января

Самочувствие получше. На завтрак давали грузди с луком и творог с сахаром. Потихоньку вышел на дорогу «2Б» и дошёл до 48-й станции (туда и обратно — 5 км).

10 января

С утра при деле: ходил пить нарзан, забил гвоздь в ботинке, принимал живительные токи от «Тонуса-2»… Вечером с Сухоницким пили огненный спирт маленькими дозами, запивали водой с клюквой и мёдом. Ели настоящую колбасу и копчёное мясо. И играли в шахматы. Матч из 8 партий я выиграл.

11 января

Последний, 19-й день в Кисловодске (опять

раньше срока!). Прощаться было легко: лил дождичек и сразу смазал все красоты Кисловодска, стало как в Москве. Далее скорый поезд Кисловодск — Москва, который скоростил (или тащился?) 30 часов 35 минут.

В купе каждый рассказывал свою историю. Женщина (она не представилась) вспоминала блокаду Ленинграда. Чтобы получить карточки как за живых, трупы прятали в комнатах, за шкафами и диванами. Приходилось есть мертвечину. От голода их семью спас какой-то чин из окружения Жданова — сразу появились мёд, какао и прочие деликатесы. У первого мужа была мечта — он был капитаном I ранга, — объехать весь мир на яхте. Пять лет строил яхту, забыв о своей семье. Построил. Плавая по Чёрному морю, сел на мель. Поставил яхту на прикол. Её разграбили (уникальный дубовый паркет на полу). Кончилось всё публикацией в «Комсомолке» — «Под парусами за рекламой». Женщина не выдержала и ушла к другому. И снова муж вне семьи: водка, рыбалка, охота. «А тут подлетела старость, — призналась рассказчица, — что делать? Сидеть бабушкой при внуках — не хочу. И что делать? Не знаю…»

18 января

В Москве зима — морозная, снежная, из ряда ве-

ликих, как поведал синоптик. В Европе ещё хуже. В Париже 8 января был самый холодный день за всю историю метеонаблюдений: минус 11,4. Для французов это Сургут!.. Накопилось много прессы — газет, журналов, потихоньку разгребаю. Доставила удовольствие переписка трёх друзей — Тынянова, Эйхенбаума и Шкловского. Вот бы с кем бродить по кисловодским подъёмам! Но как написал Юрий Тынянов, «Новых друзей в нашем возрасте уже не приобретают, только соседей в поезде…».

Бедному Борису Эйхенбауму, как и мне, многое хотелось: «…и людей хочется, и впечатлений хочется, и писать хочется, и успеха немного хочется или хоть уважения, что ли, — я не знаю, как это называется, то, чего хочется. А всего этого нет. Есть только история…»

Лично у меня нет не только успехов, но и умных собеседников и друзей. И от этого горько…

3 февраля

Прочитал том «Английская новелла» (разочаровал Моэм), третий том Вознесенского. После лёгкого питания в Кисловодске мучаюсь с московским — пища тяжёлая, придавливающая. С Гришей бегаем по разным едальням и везде плохо. Рискнули «под аркой» — слава богу, остался

жив… Ни с кем не хочется видеться, никуда не хочется ходить. Апатия. Надоела зима, надоели морозы, хочется травы, цветов, солнца.

10 февраля

И снова мой вечный вопрос: зачем нужен дневник, зачем фиксировать мимолётности жизни? Чтобы знать, что живёшь? А то пройдёт жизнь, пролетит как вдох и выдох — и ничего не останется, ничего не запомнится. На эти размышления натолкнула меня книга Лакшина «Вторая встреча» (воспоминания и портреты), которую сейчас с удовольствием читаю. Конечно, Лакшину больше повезло, чем мне: он учился в университете, встречался с проф. Гудзием, дружил с Марком Щегловым, бывал у Книппер-Чеховой, общался с Твардовским, Маршаком и другими корифеями. У меня этот круг блистательных имён значительно уже, да имена в основном какие-то тусклые, но что делать — другой жизни у меня нет. И тем не менее она интересна мне. А другим? Вопрос риторический…

…На работе занимался организацией майского номера. Звонил по телефону и кричал в трубку: «Абдулла Марданкулович!» А в ответ Самарканд молчал… Пролистал брошюру «Реальность в рекламе» американца Россера Ривса. Сколько

ухищрений, сколько денег и идей тратится на то, чтобы стимулировать вовлечение людей в потребление. А у нас всего лишь — летайте самолётами «Аэрофлота», храните деньги в сберегательной кассе и пейте томатный сок! По существу рекламы нет. «А что рекламировать? — спрашивает Архипова, а она спец рекламного дела. — Половина телевизоров — это сплошной брак!»

Начал читать «Игру» Юрия Бондарева в «Новом мире» и бросил: ну и классик! Очень слабо пишет, неинтересно, скучно…

17 февраля

В редакцию из Кировоградской области пришло письмо: «Я молодая хозяйка. Очень люблю готовить, а в особенности печь пирожки, кексы, булочки. Но вот беда: нет дрожжей…» Так и представляешь сдобную украинку, которая мается из-за того, что в магазине нет дрожжей. Ах, если бы только дрожжей!.. С трибуны вещается, что «родина стала сильнее и краше, а жизнь — более обеспеченной и содержательной». А если сойти с трибуны и окунуться в жизнь, то кругом что? — одни недостатки, нехватки и, соответственно, нервность и озлобленность людей…

В Домжуре встречался с Виктором Черняком. У

него вышла книга «Час пробил», и где — в «Совписе»! На обложке он начертал автограф «Дорогому Юре Безелянскому! В память о заморских странствиях, несбывшихся надеждах и многом другом, о чём автор может говорить только с тобой. С любовью к тебе, Юрочка! Искренне твой В. Черняк». Сказал, что теперь может два года скромно жить на ренту…

Черняк — один из многих моих знакомых, которые крутятся в журналистике. А в медицине, в архитектуре, на эстраде?.. Евреи, евреи и даже в Мавзолее… Удивительно жизнестойкий целеустремлённый народ. Там, где русский опускает руки и погружается в дрёму, еврей начинает стремительно искать какой-нибудь шанс для жизни и находит. Именно за это и не любят евреев, как сильных и удачливых конкурентов-соперников. Даже чукчи обиделись и предлагают впредь героя анекдотов именовать так: еврей-оленевод…

Комментарий. Пройдёт 15 лет, и выйдет в свет моя книга на эту тему: «5-й пункт, или Коктейль „Россия“». В ней обо всех национальностях, в том числе о русских и о евреях.

23 февраля

Скоро взберусь на отметку 53 года. С ума сойти — какая высота!

Года идут, здоровье тает,
То там кольнёт, то тут зажмёт.
Где взять здоровье? Где? В Китае?
Здоровья нет и не бывает –
Разбей надежды, идиот!

Строки для внутреннего пользования, и вряд ли, если бы я показал их на работе Архиповой, она сказала своё излюбленное «очхор» или «борзо написано»… Вот Юра Золотарёв писал неплохо свои фельетоны. Умер на 61-м году жизни. Я лично его не знал, но всё равно жалко…

Пытаюсь узнавать новости из зарубежных «голосов». «Голос Америки» утверждает, что на карту поставлен военный престиж СССР: 5 лет идёт война в Афганистане, а победы не видно. Более 10 тысяч убитых. Американцы обвиняют нас в тактике выжженной земли, в применении химических веществ и т. д. Ещё утверждают, что мы вышли на первое место в мире по продаже оружия, гоним оружие в огромных количествах в страны третьего мира… ещё, что болен генсек, что арестовывают евреев — преподавателей иврита и т. д.

Вчера вечером в подземном переходе бушевал инвалид с палочкой. «Правильно немцы говори-

ли: свиньи, свиньи!..» Но этого ему показалось мало, и он начал распекать самое высшее лицо в стране. Навстречу ему шёл подполковник милиции в годах. Увидев его, инвалид заявил: «Я молчу, молчу безоговорочно...» «И правильно делаете, что молчите», — сумрачно сказал подполковник.

1 марта

В программе «Время» показали голосующего (в Верховный Совет РСФСР) генерального секретаря. Черненко давно не появлялся на людях, и вот выход. Черненко стоит застывший, безжизненный, манекенный. С трудом поднимает правую руку и говорит единственное слово: «Хорошо»... Телевидение — жуткая штука, на экране всё просвечено, как на рентгене, и для всех ясно: Константин Устинович — не жилец...

10 марта

Оглядываясь назад: 2 марта — 53 года. Накануне убеждал себя, что волнения должны быть по юбилеям. 50 — это полтинник, а 53 — какая-то мелочь, копейка. И поэтому 2 марта прошло буднично: ходил в магазин, достался длинный батон и молоко по 25 коп. А ещё вместе с Ще на рынок: бидон квашеной капусты по заданию В.П. Вокруг

неё и крутится жизнь: врачи, анализы, аптеки, капуста и т. д. И из этого круга не выйти. Мне на день рождения достался только советско-американский одеколон «Чарли».

3 марта вырвались в Серебряный Бор, 5-го приходили гости — Куриленко. Выпили, поели, Ще блеснула кулебякой. Травили байки: «…не приходя в сознание, приступил к работе…» Обсуждали текущий политический и экономический момент, я немного почитал Георгия Иванова:

Россия, Россия, «рабоче-крестьянская» –
И как не отчаяться! –
Едва началось твоё счастье цыганское,
И вот уж кончается.

Деревни голодные, степи бесплодные…
И лед твой не тронется –
Едва поднялось твоё солнце холодное,
И вот уже клонится.

Это 1930 год, за 2 года до моего рождения. Но чёткое осознание, что добром в России, увы, не кончится…

8 марта пришлось дома переписывать и создавать заново статью председателя правления Центросоюза Трунова «Вклад кооператоров в

Победу» для майского номера журнала. И это совсем не то, что вспоминал поэт Серебряного века Жорж Иванов: «Над розовым морем вставала луна, / Во льду холодела бутылка вина, / И томно кружились влюблённые пары / Под жалобный рокот гавайской гитары…»

Что ещё? Прочитал две книги Наталии Сац. Какая женщина! Какая судьба! Какая стойкость! И какая воля! Вынесла тяготы террора и выжила… Ещё прочитал «Разговор в письмах» Владимира Леви. Тоже любопытственно. Главный тезис: очень полезен свежий воздух, надо больше гулять. А кто спорит? Только вот когда гулять?..

13 марта

Смерть третьего генерального секретаря за короткое время: Брежнев, Андропов, Черненко… Когда умер Сталин, было оцепенение и страх перед будущим. А вот сейчас, на улице, в транспорте, всё спокойно и буднично: люди ходят, стоят, сидят, разговаривают, жуют, смеются — удивительно аполитичное состояние. «Дожили!» — сказал попугай. Вожди отдельно, народ отдельно. И никаких единых чувств… «Голоса» говорят о Черненко, что он хотел чуть больше демократии, но чтобы всё оставалось как прежде… Во многих театрах произошли замены

спектаклей: в Сатире вместо спектакля «Восемнадцатый верблюд» 12-го пошёл другой: «Прощай, конферансье».

Мы пошли на Таганку. Горьковское «На дне» трауру не помешало. Только Юрий Любимов мог соединять всех средних актёров (лишь Высоцкий и Демидова были звёздами) и создавать из них броские спектакли. А у Эфроса, мне так кажется, всё разваливается. Очень всё средненько. Очень старался Бортник, но его Сатин так и не стал героем спектакля. Удивил Смехов: его барон не опустившийся аристократ, а какой-то предводитель банды жуликов, самодовольный ёрник.

…На работе идёт подготовка военного номера. В очерке Шевякова перлы: «Всё вокруг гремело, взрывалось, взлетало и падало».

17 марта

14-го, в Евдокию, рухнула наконец зима и был первый весенний солнечный день. Плюс 5. Зазвенела капель. Потекло, хотя кругом ещё горы серого и чёрно-антрацитного снега. Тротуары как катки, ходить невозможно…

Смена руководства, смена руля. Власти постарались поскорее перевернуть очередную страницу истории, посчитав её (а так оно и было) промежуточной… Один из астрологов на Западе

предсказал Горбачёву лишь 10 лет правления. Посмотрим, посмотрим… Какой-то «голос» сравнил нашу систему со старым линкором, который устарел, но ещё функционирует…

Сегодня с Ще были на Малой Грузинской на выставке 20 московских художников. Разнообразно, живо, эпатирующе. У Тамары Глытнёвой выписана обнажённая женская фигура, которая руками держит шар, прикрывающий вход в лоно. Лицо спокойно, как у мадонны…

24 марта

По «голосу» была интересная передача по книге Марка Поповского «Он, она и власть». Власть не строила жилья, люди не имели отдельных спален, нельзя было привезти женщину в гостиницу и т. д. Сплошные деформированные любовные отношения… А сегодня в «Правде» разгромная статья о жилищном строительстве в стране, игнорируются законы эстетики и красоты. «Плохо, но зато индустриально!» И вывод: архитектура — слепок эпохи.

Об эпохе и фильм, который мы посмотрели в кинотеатре «Пламя», — «Мой друг Иван Лапшин» Алексея Германа. Фильм чёрно-белый, и даже не фильм, а просто вырванный пласт жизни. Всё реально сделано, сыграно, снято. Люди комму-

налок, дух братства, товарищества, незыблемая вера в будущее — «посадим сады». Самоотверженная работа и быт жуткий — скученность, грязь. Рядом жулики и прочая нечисть. Но люди жили, не скулили, не сетовали, они жили надеждой — вот в чём была сила 20-х и 30-х годов. И этот дух, энтузиазм масс хорошо передан в фильме. Чистота отношений бывает только в нищете, пока у пролетариата есть только цепи, а когда приходит достаток, начинается расслоение — тогда всё рушится. Так называемый вещизм, чёрная зависть и т. д. И вместо гармонии человеческих отношений — сплошная дисгармония.

31 марта

Дома довольно-таки напряжённые отношения из-за тёщи. Она не одобряет любой наш выход — «нет чтобы дома посидеть!» Старческий эгоизм? И мы сидим, а вырываемся из дома почти что с боями. И что делать? Пушкин писал Плетнёву из Царского Села в Петербург: «…Не хандри — холера на днях пройдёт, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы» (22 июля 1831 г.).

Архипова принесла в подарок 6 старых номеров журнала «Театр» за 1950 год. Какая клюква! Ануйль и Теннесси Уильямс — «мракобесы и реакционеры», советский театр — лучший в

мире, а английский — «безнадёжно больной». Формулировки короткие и зубодробительные. Бедные деятели искусств, как им было тяжко в те времена. А сейчас?..

На работе мучает проблема питания. Фабрика-кухня «Под аркой» — неубранные столы, грязные подносы, неопрятные поварихи… Приходится прибегать к системе питания «у станка» и жевать бутерброды…

Все мы озабочены будущим, ну и я, конечно. До пенсии осталось 6 лет и 11 месяцев. Доживу ли?.. Так хочется посидеть дома, читать любимые книжки, не спеша разбирать архивы… не видеть тех, кого я не хочу видеть… Мечты, мечты. Но время летит так быстро, что в один прекрасный день вдруг мечта осуществится. И что я почувствую тогда? Буду счастлив?..

Комментарий из пенсионного времени. И вот уже 18 лет сижу на пенсии. Да, иногда читаю любимые книги, разбираю архивы. А в основном — этого я не мог предположить — бешено работаю, вынужден дополнительно к жалкой пенсии зарабатывать деньги. Куча написанных книг, горы напечатанных статей. Не творчество, а конвейер. Я как машина для зарабатывания денег. Работа на пределе последних сил… (20

апреля 2010 г.)

6 апреля

Снова много читаю. Письма Пушкина. «Я устаю быть зависимым от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника… единственное, чего я жажду, это независимости (слово неважное, да сама вещь хороша)…» — из письма Казначееву, Одесса, 1824 год. А бытовые письма Пушкина Гончаровой?.. «Какая ты дура, мой ангел!» С большим наслаждением прочитал замятинское «Мы», кусочки взял в свой исторический Календарь. Прочитал Эйдельмана «Герцен против самодержавия», воспоминания Мироновой и Менакера, «Историки Рима», роман Сологуба «Мелкий бес». Целую авоську книг принёс из библиотеки, и на душе был праздник…

14 апреля

Власть продолжает бороться с церковью. По ТВ врубили концерт Пугачёвой поздно вечером именно во время крестного хода. Пугачёва вместо Пасхи. Мало кто пошёл в церковь, все лицезрели народную Аллу. Под звуки эстрадных барабанов атеизм победил Пасху!..

А что интересного удалось посмотреть нам с Ще? Фильм «Парад планет». Впервые в кино пока-

зана растерянность людей, попавших в ситуацию пешек: ими отыграли и как ненужных сбросили в ящик… И прекрасная выставка произведений русских художников XVIIIXX веков из собрания Зильберштейна. Мне особенно милы наши мирискусники — Бенуа, Бакст, Добужинский, Сомов, Серебрякова, Чехонин, Судейкин… Все они собраны у меня в Календаре.

21 апреля

Отхватил сборничек Николая Глазкова «Автопортрет».

Мне писать надоело в ящик
И твердить, что я гений и скиф,
Для читателей настоящих,
Для редакторов никаких.

17-го в Доме союзов в белом Колонном зале (давно там не был) был на праздничном мероприятии: собрали воинов-героев кооперации. У многих на груди иконостас орденов и медалей. Военно-патриотическое шоу вели ведущие программы «Время» Кириллов и Моргунова. «Чарочку хмельную полнее наливай!..» и «Маруся, раз-два!..» В зале сидело много молодёжи из торговых училищ Москвы и Подмосковья.

Эдакие лолиточки. Одна из них никак не могла справиться со своими большими грудями, они всё время вываливались из платья и мешали ей смотреть концерт…

28 апреля

В начале недели было тепло, до +20. Ходил без шапки, в плаще-пыльнике нараспашку. Прошла первая весенняя гроза. Проклюнулись почки, и отдельные кустики уже зелёные. Ещё немного, и, как писал Соколов-Микитов, «всё попрёт». Но в пятницу похолодало, сейчас +6, пасмурно. Такая вот погодная диспозиция…

Настроение ближе к плохому. С утра безотрадное хождение по магазинам: повсюду очереди, а товаров почти нет. И тем не менее никакого намёка на недовольство, лишь вздохи: «Только бы не было войны!» Ох, народ! В 1823 году Александр Сергеевич писал:

К чему стадам дары природы?
Их должно резать или стричь.

Сталин и резал, как баранов… Долготерпелив русский народ. Француз давно бы окочурился. Об американце и говорить нечего. А наш тянет. И опять обольщён надеждами. «Важно, — заявил на партийном пленуме Михаил Сергеевич Горба-

чёв, — чтобы советские люди уже в ближайшее время ощутили перемены к лучшему». А далее — «неумение говорить с людьми языком правды». И нам позарез, оказывается, нужна ленинская правда, беспощадная, но справедливая. Ну, и прочий ворох прекрасных слов. Новый генсек — явный говорун…

Случайно попались две миниатюры из «Часослова Этьена Шевалье» Жана Фуко. Часослов как вид молитвенной книги возник в конце XIII века. В его состав входили календарь, извлечения из евангелий, молитвы, иногда тексты светского содержания — отрывки из философских и художественных произведений… То есть тот календарь, который я делаю, — своеобразный средневековый Часослов, только упор перенесён с религии на художественную литературу…

4 мая

На праздниках были в гостях у приехавшего из Никарагуа Алехандро Серикова. Это уже не тот Саша из латиноамериканской редакции, худенький и робкий. Толстоватый, заматерелый, самодовольный мужичище. Полный дом шмотья и японской техники. А угощали свёклой под майонезом да холодцом из магазина, «Белая лошадь» со льдом отнюдь не скрасила угощение.

ОНИ на диете! Пьют талую воду. На обед салат из подорожников, бульон ольховый, одуванчики в собственном соку и желудёвый кофе. Как только появляется богатство, тут же начинается отчаянная забота о здоровье! Есть что терять…

8 мая

40 лет со дня капитуляции фашистской Германии. Идёт густой барабанный перебор. А «голоса» вспоминают преступления Сталина против собственных военных и считают, что его, как преступника, надо судить. Раскручивается тема Катыни. Мы упорно твердим, что жертвы — это дело рук гитлеровцев, на Западе убеждены в том, что это мы. В Варшаве открыт памятник жертвам Катыни, ночью к нему прикрепили табличку: «Жертвы НКВД».

12 мая

С 10 мая начался новый, 8-й по счёту, больничный тур. Водитель машины: «67-я — это дурдом… никто ни за что не отвечает… сидят только диссертации пишут…» В больнице лифт не работает. Еле разыскали лифтёра, он пьяненький, обещает, нажимая на кнопку: «Увезу тебя я в тундру…» В грузовом лифте его собутыльник с фиолетовым носом… В коридоре, куда приехали, висит

социалистическое обязательство: «Закон работы отделения — максимальная бережливость и разумная экономия». Мрачно и неприятный запах…

На работе похороны. У Ще хоронили директора института Рубаненко, а у нас в редакции Крамаровского. Он, как ребёнок, всё ждал к празднику Победы орден Отечественной войны (танкист, горел в танке), не дождался, орден положили ему лишь в гроб… Записываю и такое. «Я Нестор, летописец мезозоя…» (Арсений Тарковский).

19 мая

У Фомина была командировка в Париж (Елисейские Поля, обнажённые женщины в «Лидо»), ну, а я отправился в Киев. Новая гостиница «Салют». Устроился в хорошем номере (не я, а меня устроили) и сразу гулять. Крещатик, парк за «Арсенальной», где памятник Лесе Украинке, — запахи обалденные — цветут каштаны, черёмуха, сирень, поют птицы — всё прекрасно, только вот нет рядом Ще для полноты ощущений… Киев более человечный, более уютный город, чем Москва.

16 мая в Доме кино на ул. Саксаганского, Совет украинских кооператоров. 17-го. Днепр в утреннем серебре. А запахи, какие запахи!.. Экскурсия

в музей Отечественной войны. И полковник Брежнев там выше всех маршалов и военачальников, увенчанный пятью золотыми звёздами героя, — выглядит это диковато… Вечером уже индивидуальное хождение с заходом на Бессарабский рынок. Поезд, и 18 мая утром уже Москва.

25 мая

23-го был у Веры Павловны в больнице. Сказала, что «лежит, как пешка», и просила «душевную книгу». А вечером её не стало… Была красивой женщиной, а вот красота не принесла счастье: личная жизнь не сложилась, война, болезни, Бог не дал внуков…

9 июня

Новая жизнь — вдвоём, без В.П. Она всё время твердила, что мы с Ще не умеем жить, при таких деньгах и ничего не откладываем, а она даже из скудной пенсии сумела накопить сумму. Ще осталась без советов. Тут на днях я неосторожно посоветовал ей, какую лучше кастрюлю использовать, и тут же получил в ответ: «Вера Павловна, здрасте!..»

Кончился мой страх, который меня преследовал несколько лет и о котором я не хотел писать в дневнике: я открываю дверь, а там… короче,

видение гроба, похорон меня иногда доводило почти до обморока. Но вот это свершилось. И наваждение исчезло…

Посмотрели в «Ленинграде» фильм «Агония». В целом ничего, но с многочисленными «но», очень сильный перекос с показом Распутина (Петренко играет блистательно), но ведь не в одном Распутине было дело. История ведь многофакторная и многовекторная штука.

16 июня

Один из героев Оскара Уайльда говорит: «Погода никогда не бывает хорошей». Это точно. С воскресенья, 9-го, она вконец испортилась: похолодало, задождило, снова пришлось влезать в плащ. Утром встанешь — небо зашторено, и вид плакуче-тоскливый кругом.

Давление скачет. На ТВ посыпались письма: «Когда же будет настоящее лето?» А пока то дождь, то ясно, а ещё этот противный тополиный пух. А Стрижев заливается соловьём в «Вечёрке» — «Роскошь цветения достигла полноты»…

Много проглатываю книг и дополняю свой Календарь мировой истории: о первых художниках Петербурга, о народовольцах, Дейч о Гейне — «Гарри из Дюссельдорфа», лит. критику В. Боткина, любопытную книгу Шепулинского

«Шекспир-Ретленд» (1924) и т. д. Удалось посмотреть два роскошных фильма — «Бал» Этторе Скола в «России» и «Кармен» Карлоса Саура у нас в «Ленинграде». А ещё побывали на Весенней выставке на Малой Грузинской… Да, в кинотеатре на «Кармен» рядом сидели какие-то девушки и всё время хихикали: Кармен им была непонятна. Я не выдержал и при выходе им сказал: «Вам надо „Неуловимые мстители“ смотреть, а не „Кармен“». И тут же получил в ответ: «Ах, какой тонкий ценитель с Карменой под ручку!» Кармена рассмеялась…

28 июня

Вернулся из командировки в Брест, куда прилетел 25-го. По приезде самолично отправился в экскурсию в Брестскую крепость. Защитники крепости, бесспорно, герои, но кто несёт ответственность за гитлеровскую «внезапность» и нашу полнейшую неготовность к войне? У стен крепости зелёная Мухавец впадает в Буг. Плакучие ивы. Тенистые заросли. Щёлкают соловьи и кричат жерлянки в камышах. Удивительно спокойно и лениво. Я даже посидел на лавочке. А когда-то здесь горела земля и буквально лилась кровь. Но надолго ли сегодняшняя тишина?..

26-го начался семинар кооперативных работ-

ников. Выезды в Берёзу и Пружаны, знакомство с передовым опытом обслуживания сельчан. Ужин без алкоголя — веянье времени, а точнее, новых горбачёвских указов. Мне хорошо. Я пил сок боярышника… По возвращении в Брест в автобусе кооператоры развлекались песнями:

Девушки, где вы? – Тута!

А моя Марфута упала с парашюта!..

27-го. По радио «Добрые раницы…» и о погоде: «без опадков». Это всё по-белорусски. Ещё один выезд: райцентр Жабинка. Оттуда на самолёт и обратно в Москву.

Сегодня с утра пошёл по нашим магазинам, и какое убожество по сравнению с брестскими сёлами: там всё чистенько, уютненько, печений и пирожных не счесть, 10 наименований различных соков, а тут у нас, в столице, на Соколе — грязь и вонь, толпы и стада покупателей, а товаров пшик. Москва — жуткий всё же город…

13 июля

На работе кручусь. Вечерами после работы беру реванш: читаю книгу Орлова о Блоке, Герви Аллена «Эдгар По», книгу о Врубеле, воспоминания Михаила Нестерова…

Я люблю усталый шелест

Старых писем, дальних слов…

Долблю свой Календарь. «Котору пятницу летим, а всё четверг!»

29 июля

В Москве открылся фестиваль, но нам-то что? Вчера ездили в дальнюю рощу и погуляли немного. Вдруг ко мне подошёл какой-то пьяный и говорит: «Ты татарин? Баба у тебя очень приятная…» Я не понял, какая связь между национальностью и «приятной бабой»? Но почему-то вспомнил модную ныне песенку:

Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой.

А если я усну – шманать меня не надо.

Я сам тебе отдам – ты парень в доску свой

И тоже пьёшь когда-то до упаду!..

А это что за сервис, если нету баб?

Мне с утра хотелось, но нынче вот ослаб.

Но чтоб с какой-то лярвой я время проводил?

Был бы кореш старый – он бы подтвердил…

Ретива нынче интеллигенция на подобные песни. Кругом табу, цензура, запреты, разные ферботены, без разрешения начальства и шагу сделать нельзя. А интеллигент залезает в свою берлогу, включит маг, махнёт стопаря, — и сразу вольный казак, как Стенька Разин или Емеля Пугачёв, море по колено, крашеную лярву целует…

На работе приходится выполнять разные начальственные функции, и как это всё обрыдло. «С горя» (моё любимое выражение) листал новый справочник Украинского потребсоюза. Какие люди! Анна Журавель, Галина Дворник, Джанна Бескоровайная, Екатерина Писанная, Борис Ландыш, Александр Кот… Но опять же мне не до юмора. К часу пошёл в райком партии на совещание: подписка, фестиваль, новый учебный год. И чего-то всё надо, надо…

1 августа

В альбоме для Ще поместил стихи на 45 лет под заголовком «Главные мечты не сыграны»:

Конечно, лучше восемнадцать…
Резвиться, прыгать и порхать.

Скользить по жизни, забавляться,
Печальных дум совсем не знать.

Конечно, лучше. Кто же спорит?
Но только годы не вернуть.
Их не сыскать, как ветра в поле.
О том, что было, позабудь.

А лучше надо распорядиться
Сегодняшним своим житьём:
Подкраситься, поднарядиться,
Украсить, обуютить дом.

И выступать слегка надменно,
Чуть сдержанно и не спеша,
Чтоб люди поняли мгновенно:
Есть Человек и есть Душа.

Вчера Ще повёл в парк Горького на фестивальную площадку, и она была в восторге от выступления юных танцоров Дагестана, танцоров из Литвы, услышала песенку «Синеглазая Катюша — фестивальный сувенир», увидела интерьер киргизской юрты, «Лебединое озеро» на плавучей площадке посередине пруда и т. д. Конечно, это не парк «Тиволи», но всё же, всё же…

А на работе — кто в отгулах, кто в загулах, я в конторе один и сплошная круговерть, которую выразил в стихотворных строчках:

Козлик в огороде, Половик в гульбе.
Иванов гуляет просто по себе.

Фишер затемнился, Захаров ускакал.
Я один остался. И один пропал.

Я у телефона. Адъютант иль страж?
Я уже в заходе. Я лечу в вираж.

Козлик в огороде, Половик в гульбе.
Видел я всё это – как это? – в «гробе»!

4 августа

Сильное кровоизлияние в глазу. Двоение и потеря фокуса. Поехал в глазную больницу. Провели некоторое исследование. В левом глазу: минус 8, в правом — аж 11. Нужны дополнительные исследования. И куча рекомендаций: не поднимать тяжести, не волноваться, больше гулять, отдыхать, хорошо питаться, фрукты-овощи и т. д. Н-да… А пока читаю или печатаю — начинают прыгать буквы… Я в панике. Если не читать, не сочинять и не печатать, то для чего тогда жить? А дневники, а тома Календарей, а книги?.. Неужели

по Рубцову:

Всё было весёлым вначале,
Всё стало печальным в конце.

…Вчера, в субботу, отмечали день рождения Ще: родственники и знакомые, но не единомышленники. Таня несла околесицу по поводу арабского гарнитура. Витя говорил, что тех, кто сопротивляется нам в Афганистане, «надо давить, как червяков». Лида молчала, Борис радостно хлопал глазами… Ели-пели-смотрели альбомы — цокали языками, а в общем было неинтересно. Из подарков выделялись две новые кастрюли, ваза и книга «Пушкин в 1836 году».

Витебск

19 августа

Голь на выдумки хитра. Я придумал командировку в Витебск, а главное, взять с собой Ще. На встречавших пришлось потратить силы, чтобы убедить их, что привёз с собой «не бабу», а коллегу, журналистку. Поверили. Но с трудом… 15 августа в ночь отбыли в поезде на родину моего отца. Поселили нас в гостинице «Витебск» на 12-м этаже. Первый выезд в Бешенковичи на «Волге». Осмотр торговых объектов и кондитерского цеха.

Естественно, обед. От выпивки я категорически отказался (с бабой и водкой — криминал!), поэтому на столе пузырился лишь боржом. Но еда была роскошная: разные закуски, грибы жареные, холодный борщ, картофельные блины с колбасной похлёбкой и т. д. Поели, как говорится, от пуза. У Ще расширились и светились глаза: вот это приём!..

Вечером погуляли по Витебску. Зелёный и уютный городок, по которому не идут, а плывут витебчанки и витеблянки, солидные по грудям и бёдрам и некоторые даже с усиками, — довольные собою и миром. В Витебске жил не только Марк Шагал, но и наш Репин — в Здравнево на правом берегу Западной Двины. Здесь он написал более 40 картин… Когда-то в Витебске было много костёлов, но потом их превратили в православные церкви… В Бешенковичском районе родился знаменитый генерал Лев Доватор. Витебчанин Иосиф Бумагин повторил подвиг Матросова… Справочник по Витебску с гордостью сообщает, что здесь 7 февраля 1920 года был открыл Театр революционной сатиры — Теревсат, декорации для которого писал неизвестный тогда Шагал. Весной 20-го театр гастролировал в Москве, в его труппе были Леонид Утёсов, Василий Топорков,

Григорий Ярон…

«Нас очень огорчает, что ты не пишешь нам писем, — сетовал некий портной в Америке в письме к своему другу на родину. — Потому что с тех пор, как начались у вас все эти революшн, конститушн и погромы, мы тут ужасно расстроены… напиши мне про твой бизнес: работаешь ли ты в мастерской, или сам себе босс? И как поживает твоя Хана-Рекл? И что поделывает Гершл? И Иосл-Генах? И Мотл? И что с остальными портными? И думаешь ли ты перебираться в Америку?..»

А тот отвечает: «…даст бог у нас потише станет, люди перестанут резать друг друга, тогда приедете… пойдём вместе на кладбище: там, слава тебе господи, немало наших родственников прибавилось, не говоря о знакомых…»

Так писал Шолом-Алейхем. А что касается кладбища, то там, в Витебске, покоится мать отца, моя бабушка Циля, а вот насчёт дедушки ничего не знаю… Как всегда, сапожник без сапог. А я без дедушки…

16 августа едем в Полоцк (100 км), он известен с 862 года и упомянут в «Повести временных лет». С Полоцком связаны имена Симеона Полоцкого и Скорины, белорусского просветителя. Осмотр

Софийского собора… Далее в Ветрино. Обед, который нам в Москве и не снился: холодное свежайшее мясо, суп-холодник, оладьи-дерунки, фаршированные мясом, тающий во рту эскалоп, капустка с яблоками и море боржома. Настоящий гастрономический кайф. Ветрино — это что-то вроде маленького филиала рая. Только, правда, без гурий…

Насытились, и потянуло на духовное. Прошу сопровождающих отвезти меня в книжный магазин. «Посмотрим ваш вопрос», — говорят мне и ведут в книжный, а там — я балдею! — Зощенко, Булгаков, Бунин, чего не сыщешь днём с огнём в московских магазинах.

17-го занимались поисками родственников и происхождением фамилии Безелянских. Натолкнулись на Базилианский монастырь. Базилионе, Базилянские, Безелянские, — может быть, так? Базилиане — последователи Василия Великого, видного деятеля христианства IV века. Он организовал свой орден в Византии, затем монахи-базилиане перебрались в Западную Европу, но особого влияния не оказали. Защищали интересы католиков. Униатская церковь. Затем орден рассыпался, и многие адепты базилиан перешли в православие… это одна гипотеза. Другая. Не

образовалась ли фамилия Безелянских от французского слова «безе», что означает «поцелуй». В 1812 году армия Наполеона пошла на Россию через Белоруссию, и разве могли некоторые витебчанки устоять против пылких французских солдат и офицеров? Амур-тужур и всё такое. Конечно, нет, и поцелуй — «безе» — лёг в основу смешанных связей. По крайней мере, я почти всю жизнь испытывал тайную тягу и любовь к Франции…

Согласно справочнику, Наполеон Бонапарт в течение двух недель жил в губернаторском дворце в Витебске и постоянно устраивал перед дворцом парады-смотры своих войск. Парады днём, а вечером? Французы есть французы. Они умелы в бою и изысканны в любви…

Последнее, что мы увидели в Витебске из высокого окна своей гостиницы, — два мероприятия сразу: похороны и свадьба, «мероприятия» проходили параллельно и нисколько не мешали друг другу. Ну, что ж, как говорили древние: Vita varia est — жизнь полна превратностей. Ну, а мы на фирменный поезд «Двина» — и в Москву.

25 августа

Бултыхаюсь и плаваю в книжно-журнальном море. Очень интересны «Флорентийские пись-

ма» Марины Цветаевой. «Жить — это неудачно кроить и беспрестанно латать, — и ничего не держится… А за окном идёт вечный дождь». Книга «После смерти Пушкина» о судьбе трёх сестёр Гончаровых — Натальи, Александры и Екатерины, о детях и внуках поэта… Много интересного нашёл в антологии русского советского рассказа (20-е годы). «Я убого скучал по ласке и по надежде…» (Всеволод Иванов). «В русском желудке долото сгниёт!» (Сергеев-Ценский). Хороши рассказы «Отваги зарево» Артема Весёлого и «Агитвагон» Мариэтты Шагинян… А ещё куча журнальных публикаций. Привлекла «Иностранка» со статьёй о молодёжи Запада в 80-е годы. Идёт новое Look-поколение, для которого главное «показывание» и «смотрение», то есть только визуальные наслаждения…

7 сентября

Горбачёв ретиво взялся за дело. Действительно, надоели безалаберность, бесхозяйственность, безответственность. Вчера генсек в Тюмени сказал: «Любые приукрашивания — а тем более враньё! — вредят обществу». Сегодня открыл газету: слово «враньё» опущено. Снова приглаживание?..

11 сентября

Для будущей книги. Пальман работал прорабом в 50-е годы на стройке, и молодые женщины-разнорабочие часто болели и в больничном писали диагноз: не аборт, «ушиб живота». Пальман им говорил: «Вы с животами своими поосторожнее», а они на это только посмеивались.

Вчера Ще принесла том перепечатанных песен Вертинского (самиздат работает беспрерывно!). В конце 40-х я любил напевать песенки Александра Николаевича:

Сколько вычурных поз,
Сколько сломанных роз,
Сколько мук, и проклятий, и слёз!
Как сияют венцы! Как банальны концы!
Как мы все в наших чувствах глупцы!..

А дни бегут, как уходит весной вода.
Дни бегут, унося за собой года.
Время лечит людей,
И от всех этих дней
Остаётся тоска одна,
И со мною всегда она…

Интересно, что «Дни бегут» написаны весной

1932 года и им, как и мне, 53 с половиной года. И ещё у Вертинского в одной из ариеток есть хорошая фраза: «Кто ж выдумал всё эти „надо“ — „не надо“?..»

16 сентября

Коротко о командировке в Днепропетровск. Готель «Днепропетровск» — лучший в городе. 11-й этаж, с видом на Днепр. Всё замечательно, но нет воды: отключили. Кто-то из заехавших побежал к Днепру с ведром набирать воду. Прелестно… Слёт кооперативных зампредов по кадрам (считай, замминистров).

Утро 13-го. Воды нет, радио не работает. Кое-как позавтракали и на торжественное открытие слёта. Доклады. Возложение цветов к памятнику Ленина и выезды в районы. Царичанка, 80 км от Днепропетровска. Там со мной произошло ЧП: не разглядел стеклянную дверь и с ходу в неё врезался, рассёк левую бровь. В обкомовской больнице сшивали бровь. Н-да. «Жизнь — без начала и конца, / Нас всех подстерегает случай…» Блок прав: подстерегает…

14-го утром встал, посмотрел в зеркало: видочек. Левый глаз несколько заплыл. Плюс наклейка. Не то дебошир, побитый в драке, не то участник каких-то боевых операций. Все рас-

спрашивают, что це такое. Долго и нудно всем объяснял: не заметил стекло. И тем не менее свою служебную миссию выполнил до конца. Высшее начальство похвалило за мужество.

21 сентября

«Что уж за жизнь… так, одна околесица…» — пел Вертинский песенку на слова Сологуба.

На работе надбровная наклейка вызвала жгучий интерес. Все сразу стали рассказывать аналогичные случаи и травмы. К примеру, во время открытия кинотеатра «Россия» сквозь стеклянную дверь прошёл артист Евгений Моргунов: дверь вдребезги, а он цел-целёхонек!..

Сегодня конец бабьего лета. Странная осень: почти нет желтизны. Кругом поблекшая зелень. А багрянца и в помине нет…

4 октября

Прихватил радикулит. Врач сказал, что надо делать анализы, что «под маской радикулита» могут скрываться разные болезни: почки и прочее. И наверняка тайные агенты ЦРУ. Анализы делать не стал и вместо них набросал терапевтические стишки и тут же их отпечатал:

Давай поплачемся в каретку,

Ведь осень на дворе,
А старость на пороге.
Уже не слушаются ноги,
И радость навещает редко.
Давай поплачемся в каретку.
Никто нас не жалеет и не любит.
Кругом безжалостные люди,
И бьют, и жалят очень метко.
Давай поплачемся в каретку,
Авось, и полегчает понемногу…
Ну, выше голову, детка!
И твёрже ставь больную ногу!

Принята новая программа производства товаров и развития услуг, и что? Да ничего. Нет, простите, всё становится хуже. Сплошные дефициты. Овощи и фрукты — или их нет, или гнильё. Хлеб стал отвратительный: клёклый, непропечённый. Музыканты не могут купить пёрышко «рондо» (об этом поведала «Советская культура»). Космические корабли и металлическое пёрышко «рондо» — чёрт знает что такое! Горбачёв в речах возмущается, а положение дел никак не меняется.

И ещё мной было опрошено:
«Мы за столько горьких лет
Заслужили жизнь хорошую?
Заслужили или нет?..» –

так писал Евтушенко в 1978 году. Прошло 7 лет. Ну и что? БАМ, Атоммаш — всё это строится, всё это есть. А быт? Реальная повседневность с её удовлетворением мелких потребностей. Ну, никак не улучшается. А эти гнетущие очереди? Какой-то остряк пошутил: очереди — это социалистический подход к прилавку. Но самое удивительное то, что страдающий от всех нехваток народ не только терпеливо сносит все тяготы, но даже доволен жизнью. Как тут не вспомнить Энгельса, который отмечал, что люди могут чувствовать себя хорошо и в «тихой растительной жизни», быть довольны «образом жизни, недостойным человека…» (Маркс, Энгельс, т. 2, стр. 124, 350).

Ну, ладно, хватит «плакать в каретку» — слёз хватит на целый сухогруз. Жизнь — не шоколад. Кстати, потихонечку с прилавков исчезают дешёвые плитки, разные «Алёнки», а появляются другие, с фестивальной эмблемой и более дорогие. Инфляция, как тихий воришка, шарит по нашим карманам и вытаскивает из них рублики…

12 октября

Побывали на осенней выставке живописи на Малой Грузинской. Тихо и малолюдно. И никакого скандала. Действительно, никакого «ах», никакого потрясения. Интересно, что Блок в 1904 году отметил, что «Петербург этих дней… страдает болезнями подделок и в архитектуре, и в живописи…». Сегодня это не болезнь, а целая эпидемия: сплошные подделки под кого-то, и нет свежего, собственного взгляда и стиля. И всё же хорошо, что есть такая выставка, она — дань разрядке, духу Хельсинки. А то раньше одни картины-лауреаты, картины-орденоносцы. Родина, пафос, героика. А на Грузинской на холсте Кротова нарисована всего лишь вилка, воткнутая в кусочки колбасы… или голая вакханка Гордеева, меньше всего похожая на вакханку, — и какая любовь?! — за электричество не уплачено, молока в магазине нет, да ещё Зинка грозилась прийти и набить морду за своего мужика, — боже, как всё надоело!..

22 октября (из записей в доме отдыха «Аксаково»)

Фомин в Штаты, командировка, а я с Ще в Аксаково в счёт отпуска. Какой-то пансионат треста «Центросовхозмонтаж», который мы переиме-

новали в «Хренмонтажстрой». Туда добирались по воде на «Ракете». Пансионат не понравился. Неуютно, грязно, утлый номер. Кормёжка плохая. Народа мало: сезон закончился. Спасла погода: все 8 дней были сухими, без дождя.

Заброшенный уголок России (самое смешное, что рядом совсем с Москвой). И как всё типично: сонный персонал в грязных халатах. Работать никто не хочет, зато охочи что-то обсуждать, спорить. Вместо заботы об отдыхающих одни только вывешенные призывы и лозунги на стенах — «образцово», «надо» и т. д. А на самом деле никто ни за что не отвечает, и, соответственно, запустение.

«Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений добрых малых-мерзавцев, хлебосолов-взяточников…» — писал 130 лет назад Иван Аксаков.

Но всё тут искупает природа. В аксаковских местах обретаешь душевный покой. Врачует вода, большая гладь Пяловского водохранилища, созданное в долине реки Учи. Мы обошли почти все берега, дошли до села Юрьево…

17-го дошли до Федоскино, центра лаковой живописи. Побывали в местной церкви и му-

зее… Прогулки, разговоры, чтение — вот и весь отдых. 21 октября обратно на «Ракете» и прощай, Аксаково!..

27 октября

Продолжение отпуска в Москве. «Утиная охота» Вампилова в Театре Ермоловой. Зилов — Жарков, Кузаков — Павлов… Как отметил критик Рудницкий, в Зилове выражен общественный индифферентизм, упавший до нуля… 26-го на электричке отправились в Дмитров. 65 км от Москвы, основан Юрием Долгоруким в честь рождения сына Дмитрия. Почти всё осмотрели, начиная с Борисоглебского монастыря. Разор, уныние и безделье… Успенский собор. Внутри музей. Челобитная начала XVII века: «Кровавыми слезами челом бьём…» Грандиозный иконостас, рядом современная надпись: «Всё это великолепие призвано было внушить людям религиозность, терпение, покорность, веру в загробную жизнь, отвлекая их, таким образом, от борьбы против эксплуататоров».

Эксплуататоров свергли. Построили новый Дмитров. И что?! Новые эксплуататоры и новая коммунистическая вера, вот только новых челобитных нет: «кровавыми слезами челом бьём…» Нет, челом не бьют. Тишь и гладь, полная рабская

покорность новым властям…

Ещё удалось посмотреть на домик Петра Кропоткина, идеолога русского и мирового анархизма.

Ну, а в Москве я ловил «голоса». Советолог, профессор Михаил Восленский говорил, что советские руководители приходят, обещают и уходят, а очереди остаются; что большинство населения живёт ниже порога бедности, который есть в США. Что экономика наша военизированная, что масло и пушки одновременно производить мы не можем, что производимые в СССР товары вызывают насмешку, что никак не удаётся раскачать унылую империю ни холёным бюрократам, ни рабочим, которые не хотят работать… Вот так говорят разные «голоса». Кто-то им верит, а кто не верит и считает, что Запад злобствует, а у нас всё хорошо и прекрасно. У всех своё мнение. Лично я верю, ибо вижу, что происходит вокруг, и надо быть слепым и глухим, чтобы не видеть. Но к горькому сожалению, советская пропаганда отравила многие миллионы людей. Задурила им головы. Вбила туда всякую дичь и чушь…

17 ноября

Повезло с билетами: попали в Театр миниатюр на спектакль «Хармс! Чармс! Шардам! Или Школа

клоунов» — Мих. Левитин по мотивам произведений Хармса. Блистала длинноногая Любовь Полищук. Это было 14-го числа, а 15 ноября вышли на работу, где свой Чармс-Шардам. И снова говорили, что: не жаль, что молодость прошла, а жаль, что старость не настала. Старость — как будущий рай.

24 ноября

По Би-би-си была программа о Михаиле Бахтине, об учёном с мировым именем. Жертва культа. Был сослан, работал бухгалтером и в сталинские годы опубликовал одну лишь работу, посвящённую отчётности в колхозах (!). Философ свободы. Был признан у нас лишь после смерти.

8 декабря

Были на вечере памяти Тициана Табидзе, вёл вечер Лев Озеров. Украшением стала Медея Джапаридзе, она с достоинством рассказывала эпизоды из жизни Тициана. Читала стихи. Играли дудукисты — музыканты на дудуках… Юнна Мориц сравнивала Тициана Табидзе со звездой:

Кто разрешил её казнить,
Кто это право дал кретину –
Совать звезду под гильотину?

Кто разрешил её казнить…

…Казнить звезду – какая подлость!..

А вот казнили. 16 декабря 1937 года Тициана Табидзе расстреляли. Реабилитировали посмертно, как обычно… Тициан начинал как символист. Окончил филфак МГУ. В 21 год писал:

Кто я? Денди в восточном халате.

Я в Багдаде в расстёгнутом платье

Перечитываю Малларме.

Будь что будет, но, жизнь молодая,

Я объезжу тебя и взнуздаю

И не дам потеряться во тьме.

Действительно, не затерялся…

15 декабря

Строго по хронологии. 8-го смотрели фильм «Зимняя вишня», одна из тех картин, которая будоражит одиноких женщин. Хороши все три актрисы — Сафонова, Удовиченко и Русланова. Неплох и Виталий Соломин. Отдельные сцены хороши, но есть в фильме много неправд и красивостей. Если рыбачит, то ловит карасей в локоть длиной и т. д. Елена Сафонова некрасивая, но подвижная и эмоциональная. Один раз мелькнула в

кадре голой, что для старых фильмов, типа «Трактористы», было немыслимо. Но ныне наметился в кино явный прогресс…

А вот и печальное. 12-го хоронили Володю Иванова, 43 года. Убивалась жена, плакала дочь, падала в обморок парализованная старуха-мать… Мы всё собирались с Володей посидеть дома, поболтать, хотел показать ему Календарь, но никак не могли договориться, когда, в какой день… И вот — никогда. Жаль. По многим позициям мы с ним совпадали… На Митинском кладбище кипит работа: роют траншеи для захоронений, вьётся дым из труб крематория, конкурирующие «организации» прибывают со своими оркестрами… Холодно… Траурные звуки… Нервный колотун… Заостровский произнёс дурацкую в своём стиле речь: «…его планы и предложения вошли в тематический план редакции на 1986 год…»

…Продолжаю читать и собирать цитаты для персоналий в свой Календарь: Михаил Кольцов, Шеллинг (ЖЗЛ — Гулыга), Д'Аламбер, Аксаковы, Лаплас, Эйлер, Оуэн, Томас Мор (Павленковская серия), Джойс («Вопли») и т. д.

22 декабря

Кино как страсть. Посмотрели «Зимний вечер в Гаграх». Старый чечёточник Беглов (его пре-

красно играет Евстигнеев) вспоминает прошлое и мечтает купить старый диван в комиссионном магазине. Но мечта не сбывается, он умирает. Никаких сладеньких карамелек. Зрители выходили из зала недовольные: «Кроме чечёток и песенок, ничего нет».

Неудовольствие разлито кругом (но только на бытовом уровне, а отнюдь не на общественно-политическом). Тут наблюдал сценку с приехавшим автобусом — иногородние в поисках товаров.

— Всё? — нетерпеливо спросил водитель.

— Одна ещё не допрёт никак, — ответила женщина, еле взбираясь в автобус, таща тяжеленные сумки.

Вот и у Ще на работе переполох. Ще назначили начальником информационного отдела, и её ЦНИИЭП взбудоражен. Художник Николай Николаевич в панике: «Кто начальник? Кого слушать?!.» А Купряшкина мечтательно заявила: «Хорошо, когда начальник — мужчина». Ще отрезала: «Теперь у вас будет женщина. И мойте голову почаще!..»

29 декабря

Грядёт год Тигра. «Говорят, опять злой тигр / Снова к нам запрыгал. / Он любитель острых игр. / Хитрый прощелыга…» Написал несколько

стихотворений, в том числе и «Предновогоднее»:

Нам не дано предугадать, –
Сказал когда-то верно классик.
Поэтому давай, Юрасик,
На картах больше не гадать.
Нам не дано предугадать.
Что там грядёт, поди, узнай,
Куда достанутся нам визы –
В инферно или в парадизо, –
В несчастный ад или в счастья рай? –
Что там грядёт, поди, узнай.

30 декабря

На улице что-то невообразимое: водяная феерия — дождь, снег, слякоть, гололёд… идти и дышать почти невозможно… С грехом пополам достали кое-что из продуктов, благодаря заказам… Прислала телеграмму Лика из Тбилиси, племянница: «…Берегите и любите тётю Аню, она у вас бесценная. Вы просто счастливец». Каково?!. Последняя прочитанная книга года — «Карел Чапек в воспоминаниях современников». Нашёл в Чапеке некоторые сходные черты с собой и с его персонажем — паном Повондрой, который

собирал газетные вырезки о саламандрах… Этих «саламандр» у меня горы: досье по литературе, по кино, городам и т. д. Эвересты вырезок. И что с ними делать?..

О Чапеке. Ромен Роллан считал, что Чапек нашпигован иронией, не совсем свободен от снобизма, но по сути искренен и трагичен… «Мой мир умер, — писал Чапек в последние годы, — ведь я верил в какие-то обстоятельства, в так называемую честь и тому подобные вещи, в нынешней толчее я не сумею приспособиться…»

А что записывали в дневниках другие?

Готовя эту книгу к изданию, перечитывал страницы год за годом и в конце 1985-го споткнулся: а что другие писали в это же самое время, что их тяготило, напрягало, волновало? И поднял «Дневник Юрия Нагибина» (изд. 1996). Что он писал о советской «сияющей жизни»? В предисловии Юрий Маркович (3 апреля 1920 — 17 июня 1994) отмечал: «Мои записи — это, прежде всего, порыв к отдушине. Я хватался за свою тетрадь, когда чувствовал, что мне не хватает воздуха, и, чтобы не задохнуться, выплёскивал переживание на страницы, которые, кроме меня, в чём я был уверен, никто не увидит…»

Увидели. Прочитали. Возмутились. Но не буду вспоминать, как встретила общественность откровения Нагибина. Приведу несколько выдержек из нагибинского «Дневника» за ноябрь-декабрь 1985 года.

«Опять ужасная слабость, не мог заставить себя пойти на прогулку. Всё время засыпаю, а просыпаюсь в таком изнеможении, что нет сил подняться. Что это — естественная разрядка после долгого мучительного напряжения… всей моей пустой, но изматывающей деятельности…»

«Для бездарных писателей у нас рай на земле, талантливых ждёт царствие небесное. Как, оказывается, все чтили, любили, ценили несчастного спившегося Юрия Казакова, которого даже делегатом съезда не выбрали (не назначили), хотя там полно было ничтожеств. Ныне кажется, что Трифонов был вторым Шолоховым…»

И далее строки о Булате Окуджаве, который, «чтобы его не кусали, прикинулся совершенным дохляком-оборванцем…». И о себе Нагибин: я «жил размашисто, сволочь такая…».

И последние слова из 1985-го: «А куда делись люди?»

В 1993 году судьба свела меня с Юрием Нагибиным, и мы оба стали первыми кавалерами газеты

«Вечерний клуб». После его смерти вдова Алла сказала мне, что «Юрий Маркович внимательно следил за вашим творчеством и возлагал какие-то надежды…». Но, увы, так я остался без старшего литературного брата… (18 апреля 2019 г.)

1986 год – 53/54 года. Явление Бориса Ельцина. Чернобыль. Командировки: Гродно, Ярославль (Карабиха), Калинин (Тверь). Отдых в Суханово и Ярославле

1 января

Новый год решили встретить вдвоём. Приоделись, выпили полбутылки сухого шампанского под орехи, чернослив, курагу и яблочный пирог. Смотрели «ящик», станцевали два танго. Продержались до 3 часов ночи… С утра вышли на улицу. В витрине магазина на Куусинена стоит искусственная серебристая ёлочка и с десяток вольно разбросанных сырков «Лето» в ядовито-зелёной упаковке, — и всё! В угловом магазине на Соколе пожилая кассирша жаловалась молодой (благо кабинки их рядом): «…Даже на Калинина рано закрываются магазины, а наш-то придурок до десяти работает, а торговать всё равно нечем…»

В гости идти не хочется. Дома хорошо. Читаю записки Екатерины Дашковой, выковыривая, как выразился Стриж, изюм из булки. Вот так и живём с изюмом…

12 января

Вечный вопрос: вести или не вести? Продолжать дневник или нет? Лев Николаевич вёл дневник в течение всей жизни, с некоторыми перерывами. Начал 18-летним студентом, а закончил 82-летним всемирно знаменитым писателем. Вёл просто дневник, «тайный дневник», «дневник для одного себя»… Мы, конечно, не Толстые. И всё же. Надо хотя бы на пенсии осмыслить свою жизнь… вспомнить… всплакнуть над страницей: «Были когда-то и мы рысаками…»

На работе Фомин время от времени взбрыкивает. Очень нервничает, ведь в стране идёт массовый съём руководителей (слетели Гришин, Промыслов и другие тузы), и он явно боится за своё хлебное место. «Советская Россия» сегодня в передовой заявила, что «ветер перемен — хороший ветер… Отлично продувает застоявшийся воздух ведомственных кабинетов…». Взятки, злоупотребления, коррупция. Хочется верить, что страна освободится от всей этой нечисти…

Читаю «Взбаламученное море» Писемского.

19 января

Сегодня 50-й день зимы, осталось 50. Тёмное берложье время декабря прошло, когда хотелось не вылезать и сопеть в подушку. Теперь каждый

день прибавляет минутки, яснеет небо, больше света — впереди весна. Из-за плохих глаз я жутко не люблю темноту и очень люблю свет. Сегодня Крещенье. С утра минус 20. Решили посидеть дома. Выспались, вкусно поели, прибрались и за занятия: Ще крыжит Календарь, а я долблю на машинке. Идиллия…

14-го в школе идеологического актива (и я там) выступал некий Леонид Доброхотов из отдела пропаганды ЦК. Малокровный человек с горящими глазами. Говорил о пропаганде и контрпропаганде, мол, стало невозможно глушить все «голоса», а тут ещё грядёт спутниковое телевидение — настоящая информационная идеологическая война! «Мы больше не можем быть монополистами информации», — с печалью заявил товарищ из ЦК. Раньше за железным занавесом было спокойно, и любая лапша на уши проходила, а теперь надо давать отпор идеологическим врагам и не заниматься рисованием «лубочных картинок». Услышал я это и даже ущипнул себя, правильно ли я слышу? Десятилетиями рисовали картинки, сеяли благость, а теперь надо всё менять? Народ требует суровой правды. Оказывается, надо писать и вещать, уважая интеллект читателя и слушателя. Во времена

настали! А как же привычная лапша на уши? Неужели больше не нужно?..

В другой день слушал другие лекции, и всё откровение. На Западе промышленные объекты строят за 2 года, а мы умудряемся строить более 11 лет. Необходимо освобождаться от плохо работающих. Но тогда безработица? Тысячный зал гудел от негодования. Реформы вступают в противоречие с интересами народа: работать вполсилы, не напрягаясь и тихо поругивая порядки…

26 января

В субботу, 25-го, с утра изучал отчётный доклад Ельцина на Московской партийной конференции. Разнос в пух и прах (всё плохо — промышленность, строительство, транспорт, торговля, здравоохранение и т. д.). Всю газету пришлось испещрить красным карандашом. Самое интересное, что на конференции в президиуме сидел экс московский секретарь Гришин (как член Политбюро, он не снят), и он всё это был вынужден слушать, до чего довёл Москву? Это что, новый общественный вид казни?

Пока начальники разоряются с высоких трибун, обыватели соприкасаются с жизнью. Поехали за подкладкой в ГУМ. Продавцы и покупатели — все потные, издёрганные, нервные. Какой-то

дурдом. Еле купили, оказалось, совсем не то, что надо. С трудом на улице Горького купили «ВЭФ-317» (81.02). Какой-то покупатель орал на весь магазин, что во всём виноваты евреи. И гордо заявил, что сам он — русский, без штанов, но русский!.. Приехали домой вдрызг измочаленные и усталые…

У Писемского замечательный есть пассаж про то, как «губернаторы в своей милой власти разыгрались до последней прелести».

Настроение переменчивое, от желания умереть и не видеть всего творящегося вокруг до «а жить всё-таки хорошо…».

2 февраля

Есть большой мир и есть маленький. В большом — трагедия с «Челленджером», покушение на Папу, смерти и снятия больших партийных функционеров и т. д. Ну, а в маленьком мире, повседневном, мелком, обыденном, свои неожиданности. Вдруг в продаже появились давно пропавшие макароны. Объявились кефир и сырки, банки с налимом и толстолобиком невесть откуда всплыли и неожиданно встретились в томатном соусе с покупателями. В магазинах более или менее прибрано и даже продавцы чуть-чуть помылись. Батюшки-светы! Откуда и

почему? Оказалось, что после критики Бориса Ельцина районное начальство спустилось на землю и лично поинтересовалось, как живёт простой народ. Ну, и кое-что изменилось сразу к лучшему. Старая русская забава: потёмкинские деревни! Начальство высшее посмотрело, проверило и уехало. И тут же всё вернулось к тому, что было, точнее, чего не было, и кальмары уплыли в неизвестном направлении, заодно прихватив с собой и кефирчик…

Местная новость. В нашем приёмном пункте стирки белья вместо ленивой и вечно сонной русской девахи появилась новенькая: шустрая полуевреечка Лия. Приехала из Сибири, лимитчица, и охотно делится своим жизненным опытом: «Все евреи должны быть русскими», «С мужем можно разойтись… А главное — профессия: с ней ведь ночью и днём…». Мечтает работать в милиции…

Порадовал трёхсерийный французский фильм «Милый друг» (актёр Жак Вебер). Хороши все женщины: Клотильда де Марель (Мариза Беренсон), Мадлена Форестье (Орор Клеман), мадам Вальтер, её дочь Сузанна… Картина хорошо снимает производственные и транспортные стрессы.

9 февраля

Мука и одновременно удовольствие с Календа-

рём мировой истории закончена. Первое издание было сделано за один год и 7 месяцев (26 апреля 1977 — 27 ноября 1978). Шесть переплетённых томов. Второе издание, расширенное, дополненное и прочее, сделано за 3 года и один месяц (начато 3 января 1983 — закончено 4 февраля 1986). Всего 23 переплетённых тома, это более 3500 страниц! Гигантский труд! Даже не верится, что я всё осилил. Три последних года — праздники, выходные, рабочие дни, вечера — я сидел за машинкой и долбил-долбил до одури, до головной боли. А теперь всё есть — своя историческая и литературная энциклопедия, со стихами, с цитатами, с выдержками из дневников и писем… Третьего издания не будет — это непосильно.

Откровение из школы идеологического актива: 40% всех средств, идущих на здравоохранение, уходит на лечение алкоголиков… По поводу наших откровений и гласности, как сказано на р/с «Свобода»: гласность — это свобода с разрешения начальства, «старательно аранжированная гласность» и вообще, мол, наша гласность — всего лишь полугласность.

16 февраля

Стоят хорошие дни — морозные, голубые, солнечные, всё залито светом… Среди прочитанных

книг больше всего мне понравилась книга воспоминаний Александра Дейча «День нынешний и день минувший». Новое для меня имя — дореволюционный журналист Пётр Моисеевич Пильский. Острый и язвительный, часто свой пыл превращал в «театр для себя». Эта чёрточка Пильского, кажется, свойственна и мне…

Ну, а в прессе пошли статьи одна острее другой. Всюду развал, караул. Хватит заклинаний. Пора спасать экономику!.. Алексей Смирнов в «Неделе»: талантливого человека замучили, унизили, растоптали… И действительно: кругом торжество серого и бездарного!..

Даниил Гранин: «Надвинулось волнующее ощущение перемен, здоровых, исцеляющих… Всколыхнулось нравственное чувство народа…»

22 февраля

Сведения черпаю из «Свободы»: 15 евреев начали голодовку — им не дают визы на выезд, среди них гроссмейстер Борис Гулько. Радиостанция зачитала длинный список уехавших и бежавших в прошлом году (какая-то женщина бросилась с борта нашего теплохода в ледяную воду), среди них — актёр Олег Видов, танцовщица Галина Чурсина, пианист Андрей Гаврилов… Комментатор «Свободы» сказал, что «грустно за страну, из кото-

рой спасаются бегством…». Кстати, на «Свободе» выступают бывшие наши: Виктор Некрасов, Лев Круглый, спортивный журналист Ефим Рубин…

Наши газеты полны криминальными темами: «хлопковое дело» в Узбекистане, «торговое дело» Трегубова в Москве. Воруют, хапают миллионами… раньше был Бог, была религия, был страх, потом был Сталин, террор, были, наконец, какие-то идеалы — всё это сдерживало человеческую жадность и разнузданность, — человек всегда воровал, но масштабы были иные… А тут как будто открылись шлюзы… «Богом, правдою и совестью оставленная Россия — куда идёшь ты в сопутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников?..» — спрашивал Сухово-Кобылин.

27 февраля

На партийный съезд избрали и группу кооператоров. Мне поручено взять интервью у завмага «Детский мир» из Таджикистана Халимы Адинаевой. Ловить делегатку оказалось не так-то просто, тем более что Фомин не удосужился оформить аккредитацию. Халиму еле достал. Маленькая, смуглая, вся перепуганная громадной Москвой. По-русски говорит плохо. Вытягиваю слова и делаю из нее государственного человека, мыслящего широко, за всю страну…

XXVII съезд КПСС. Первыми вошли в зал и сели в центре Горбачёв, Громыко, Лигачёв, Рыжков… Горбачёв всё время пил молоко (или специальную смесь). В конце поперхнулся и сказал: «Наверное, дело к концу подходит». Зал живо реагировал… Кунаев несколько раз вывернул словечко «принципиально».

3 марта

Перед днём рождения заболел, высокая температура, бредил и охал. Лежал, изредка вставал и брёл на кухню пить горячее молоко, включил «Маяк», там песня: «Долетим мы до самого солнца…» Подумал: в таком состоянии явно не долетим. Было лихо. Опасался воспаления лёгких, но пронесло, врач поставил диагноз: трахеобронхит.

Потом стало полегче. Поддержали Абдулов с Фарадой:

Уно, уно, уно моменто,

Уно, уно, уно сантименто…

Смех — лучшее лекарство… А 2-го стукнуло 54 года. Ще принесла с рынка 9 жёлтеньких нарциссов. Половик через курьера прислал стихи:

Глянь в календарь – второе марта крас-

ным.

По поводу? Ба, для меня всё ясно:

Какие люди родились прекрасные –

М. Горбачёв и Юрий Безелянский!

6 марта

Как обычно, когда больной, то много работаю дома, для себя. Но лучше сидеть дома и не болеть. Последние простуды замучили. Носоглотка забита и отдаёт в голову. Но преодолеваю плохое самочувствие работой и чтением. Могу даже процитировать Юрия Кузнецова: «Моё счастье звать „Девка с придурью“». На него, кстати, обрушилась критика: «демоническая скорбь», «энтузиазм зла» и т. д. Прочитал книгу Игоря Кона «В поисках себя. Личность и её самопознание» (1984). Ожидал большего. На эту тему я писал когда-то 4 тома о Человеке по тому же принципу: стреляющие цитаты и свой комментарий. Но у Кона всё похуже и пожиже. Натолкнулся у него на определение дневника — «это лонгитюдное исследование, прослеживающее развитие человека на протяжении длительного времени». Вот что такое лонгитюд. Я, как Журден, оказывается, не знал, что говорю прозой…

Кон приводит результаты одного социологиче-

ского обследования ленинградских инженеров: 35% из них главной сферой самореализации считают свою профессиональную деятельность. Для 16% жизнь только начинается после работы (значит, я не один такой!). Около 30% выборки — люди, находящие удовлетворение и в труде и в досуге. Остальная часть — неудовлетворённые тем и другим (в основном женщины).

9 марта

Закончился партийный съезд. У нас вновь пылкие надежды, а Запад трезв и угрюм: «Не меняющаяся Россия» («Дейли телеграф»). Лишь косметические изменения, бюрократы не тронуты, они хорошо окопались… И прогноз: никаких творческих свобод не будет. Не издадут ни «Доктора Живаго», ни «Реквием» Ахматовой и жертв «поимённо» не назовут. Неужели не дождёмся?!.

Повеселил Павлик Копнин, изливая свою душу «сестрёнке» Ще: «Хорьки трамбуют свои сберкнижки, а я не такой: всё Кланьке отдаю». По поводу Веры: «На морде собачья старость». И напрямую Ще: «Ты такая пышная, гладкая, без морщинок…»

Ночь с 8-го на 9-е выдалась неспокойной: несколько раз падал с койки верхний сосед по кличке Таракан, очевидно, спьяну. Отчаянно

выли мартовские коты, лаяли собаки, плакали дети…

22 марта

На совете Центросоюза (он проходил в здании СЭВа) встретил Х. Старого друга — и «Не узнаю Григория Грязнова!». Сплошной чиновничий оргазм: «Алиев меня вызвал… Алиев меня пригласил… Алиев сказал… Алиев дал поручение…» и т. д. Глаза сияют: сам Алиев! Новый кремлёвский светоч!.. Было противно. У меня другие боги! Боги литературы и искусства…

30 марта

В пятницу, 28-го, после сдачи номера поехал на улицу Кирова. Жуткая очередь за пластинками: «давали» битлов и Глена Миллера. Отстоял очередь и взял обе пластинки. Господи, в 1947–1950 годах я танцевал под миллеровские мелодии — «В настроении» и «Чаттануга чу-чу» Даже были дурацкие русские слова: «Чу-чу, зачем ты ходишь к моей тёте? Я — нет. Ей сорок лет…» и т. д. Были гонения, запреты и прочее. А теперь, спустя годы, государственная фирма грамзаписи выпускает запретные мелодии и наваривает барыши. Н-да. Умные люди говорят: в России надо жить долго!..

В библиотеке набрал новую порцию книг и

первую прочитал про Чаадаева (ЖЗЛ).

13 апреля

Вчера закончил вчерне новую работу «в стол», которая меня увлекла, назвал её так: «Западный ветер в восточную сторону» (попытка беглого исследования национальных корней в России). Пока напечатано 50 страниц, но всё время что-то дополняю…

Комментарий вослед. Через 14 лет работа, предназначенная в стол, увидела свет. 29 июня 2000 года была подписана в печать книга «5-й пункт, или Коктейль „Россия“», в основе которой лежали заметки, написанные весною 1986 года.

Прочитал книгу Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского» (1923). Оказывается, Ольга Сократовна была та ещё штучка! И тем не менее Николай Гаврилович любил свою «голубочку» и прощал ей всё… И возникла у меня дальняя идея: сделать книгу, в которой собрать историю любовей, увлечений, любовных заблуждений русских писателей и поэтов. Заманчивая идея. Но как пробить? Опубликовать?..

И снова комментарий. Была такая популярная песня «Весёлый ветер» на слова Лебедева-Кумача: «Кто весел — тот смеётся, / Кто хочет — тот

добьётся, / Кто ищет — тот всегда найдёт!» Эта «дальняя идея» реализовалась в нескольких книгах: «Любовь и судьба», «Налог на любовь», «Вера, Надежда, Любовь», «В садах любви». Многолетние выписки в конце концов были реализованы… (26 апреля 2010 г.)

19 апреля

В «Вопросах литературы» интереснейший материал Цецилии Кин: итальянская интеллигенция в ожидании 2000 года. В Италии широкий спектр духовной жизни, а у нас цензура, идеология — все душат. Мы, как кастрированные быки, призваны выполнять лишь рабочие функции… Глава Итальянского астрологического центра Серена Фолья предложила три талисмана для будущего: свобода, воображение и осведомлённость… В «Литературной учёбе» любопытна подборка «Быть или не быть… знаменитым?» О бесе тщеславия. Правильно заметил Белинский, что в каждом из нас хоть чуточку сидит Хлестаков… «Смирись, гордый человек», — призывал Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи, а сам с удовольствием признавался жене, что «целовали мне руки»… А мои дневники — это что? Желание оставить царапину на грифельной доске жизни?.. Да и все произведения культуры — это суррогат

несуществующего природного бессмертия…

На работе отмечали 50-летие Архиповой. Я пожелал ей:

Не повторяйте Вы судьбы Андрея Курбского –

Сбежать туда, где стонут соловьи.

Поэтому желаю Вам здоровья лесорубского,

А то ведь рубят… рубят все статьи!

Вечером было «гуляние» в ресторане гостиницы «Советская»… Где-то рядом гулял знаменитый хоккеист Валерий Васильев.

2 мая

Во вторник, 29-го, раскрыл «Советский спорт» — некролог, умер Константин Сергеевич Есенин. Хотел навестить его в больнице, но мысль так и не материализовалась в действие. Мы хоть шапочно, но были знакомы и, кажется, испытывали симпатию друг к другу. Поехал на панихиду в ЦДЛ. Говорили футболисты и литераторы, говорили о великом отце и о том, как трудно быть его сыном. Лев Филатов сказал, что Константин Сергеевич хотел написать воспоминания о своей матери и не успел. Просил похоронить его рядом

с Зинаидой Николаевной Райх. Какая судьба: отец повесился, мать убили, отчима расстреляли, сам долгие годы жил с клеймом сына кулацкого и кабацкого поэта. Это сейчас Есенин — национальная гордость, а раньше был вычеркнут из советской литературы… А наследник Костя с упоением ушёл в футбольную статистику… Среди пришедших на панихиду были братья Старостины — Николай и Андрей, два старика с прямыми спинами, полные достоинства и скорби…

В апреле ушли из жизни певец Юрий Гуляев (56 лет), драматург Алексей Арбузов. Последним словом Арбузова, которое он еле выговорил, было: «Без-на-дё-га…»

Произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции. Вот уже третий день «Правда» печатает короткие сообщения от Совета Министров: двое погибли, 18 человек в тяжёлом состоянии, посёлки эвакуированы. «Голоса» тут же вспомнили публикацию Любови Чайковской в «Литературной Украине» от 27 марта, за месяц до аварии, где отмечалось, что атомную станцию строили плохо, тяп-ляп, ну, и как у нас водится, с надеждой на небось и авось…

10 мая

Запад кипит по поводу Чернобыля: мрачное

знамя Чернобыля, мёртвый Киев, что необходим контроль, а не скрытность, и вообще, что советский строй — это лицемерие и византийское раболепство… Пропагандистская машина на Западе работает на полную мощность, и нам пришлось «соответствовать»: пошли в газетах материалы и про героев, и про дезертиров, и про какую-то бабку Ганну, которая никак не хотела эвакуироваться из опасной зоны, ибо «таке хорошее життя» пошла, да вообще «картоплю» сажать нужно, а не покидать родной дом…

Вчера в «Ленинграде» смотрели фильм Германа «Проверка на дорогах», снятый 15 лет назад и вынутый из запасников. Прекрасный фильм о жестокой войне. Нас долгие годы поили киносиропчиком, вроде «Воздушного извозчика», где война — это что-то вроде военной оперетты, только вместо канкана — стрельба… По ТВ была неплохая программа про БДТ и показали кусочек из Островского. Крутицкий (его вкусно играет Лебедев) говорит: «Раньше крепче было!»

В «ЛГ» интервью с Виктором Розовым: «Просто и не снилось мне, что доживу до таких времён. Читаю газеты, смотрю спектакли. Критика без эзопова языка, прямо в лоб, без фиги в кармане. Ушам и глазам не верю. И слова самые распре-

красные — правда, и ничего, кроме правды… А мне хочется и кроме, мне, как и всем, хочется дел…»

17 мая

Приехала родственница Наташи Давидовской из Киева. Из города вывезены все дети. Беременным женщинам предлагают делать аборт (а что родится?..). Кругом много неразберихи. В нашу готовность и организованность лично я не верю: 1941 год — яркий пример. Идёт помощь извне из 15 стран: аппаратура, лекарства… 87-летний Арманд Хаммер откинул нам лекарств на полмиллиона долларов (а если старик умрёт, кто же нам, бедным, помогать будет?!.). В Москве тоже некая паника: закупают йод, мажутся им, пьют его. Никто не хочет ехать на Украину. Закрыт Крым. Бешено поднялись цены на подмосковные дачи… А тем временем наш двор загустел зеленью… цветёт яблоня… воздух душистый…

24 мая

Русико после Египта и Иордании гостит немного у нас. Рассказывает, что сама группа была хорошая («джорджиа группа»), но руководитель был истеричен и всё время проводил митинги. Русико всё подробно рассказывает нам, потом

звонит в Тбилиси и повторяет уже грузинским родственникам и друзьям, то и дело восклицая «Ламазиа!» и «Хо!». Не дом, а уже Смольный…

28 мая

В клубе МИИТа побывали на концерте шоу-группы «Фрейлехс» из Биробиджана, — сбылась места идиота! Вёл программу Илья Лернер. Песни, танцы… Удивительная динамичная нация! Хотя я знаю нескольких евреев иных, малахольных и вялых.

В Москве по рукам ходит кем-то отпечатанное выступление Бориса Ельцина в Доме политпросвещения перед пропагандистами. «Миллион москвичей проживает в коммунальных квартирах, я побывал в этих квартирах, отличить их от бараков нельзя, порой это ночлежки…» «Хуже молока, чем то, что пьют москвичи, никто в стране не пьёт…» О метро: только в 1985 году в метрополитене было 2000 аварий и сбоев. В Моссовете, сказал Ельцин, процветают консерватизм, показуха, бахвальство — «Я это им в лицо сказал».

1 июня

Накатила новая волна молодых поэтов: Александр Ерёменко, Иван Жданов, Лев Рубинштейн, Михаил Синельников, Марина Кудимова, Елена

Шварц, Ольга Седакова, Алексей Парщиков, Илья Кутик, Алексей Королёв… Кто из них раскрутится и станет популярным, покажет время. Вот строки Ерёменко:

В густых металлургических лесах,
где шёл процесс созданья хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах…

Критик Мих. Эпштейн пишет, что концептуально-гротесковая поэзия выполняет важную работу по расчистке культуры: выявление и отслоение её мёртвых, клишеобразных, китчевых слов…

С интересом прочитал письма литературоведа Наума Берковского. В возрасте 41 года Наум Яковлевич писал: «Я по-своему бальзаковский герой — погибну от жадности, — жадность до всего решительно у меня с годами не убывает, а возрастает, и при этой жадности всё восчувствовать и обо всем высказаться я, вероятно, в конце концов ничего не сделаю. Я всё ещё меряю своё будущее десятками лет, а если разумно смотреть, то давно бы уже надо было себя придерживать — пора смириться, сэр». Под этими словами Берковского я готов подписаться. И ещё созвучные мне строки: «Живу не слишком нарядно, но работаю много

для себя и отписываюсь всякими статейками…» Вот и у меня творчество имеет двойной счёт: для себя и для печати.

21 июня

14 июня была 34-я годовщина со дня смерти мамы. Были на Ваганьково. Положили цветы. И цветочек Косте Есенину. На чёрном обелиске две надписи: Мейерхольд и Райх, хотя никаких останков Всеволода Эмильевича тут нет, его прах, как «японского шпиона», покоится где-то далеко, может, в Сибири, где Сталин гноил своих врагов… Рядом с Есениным похоронена некая Елочка Вишневецкая. И надпись:

Не дожила, не долетела,
Не долюбила, не смогла…
Как много в жизни ты хотела!
Как мало жизнь тебе дала!

16-го смотрел футбол СССР — Бельгия, наши проиграли и вылетели на стадии 1/8 чемпионата мира. С блеском победили венгров и никак потом не могли отойти от эйфории. Кружили головы комплименты: русские дали ослепительный спектакль, сборная СССР — фаворит чемпионата, золотые парни и т. д. А потом мыльный пузырь

лопнул: не хватило мастерства, воли, азарта, везения… Как написал Авдеенко в «Культуре»: «Вот так, блистательно всё начавшись в Мексике, так грустно завершилось для нас на рассвете в понедельник…» Федосов в «Известиях»: «…а не создаётся ли впечатление, что мы от наших футболистов требуем без должных на то оснований на чемпионатах мира невозможного?..»

А 18-го снова печаль, похороны на Пятницком кладбище, около Рижского вокзала, хоронили Игоря Смурыгина (в апреле ему исполнилось 52 года). Он называл себя «мальчик-колокольчик», а мы хоронили полковника КГБ, он лежал в гробу в форме и с планками каких-то медалей… Отзвонил колокольчик. Со школьной скамьи мечтал ловить шпионов, и вот отловился сам… Хоронили его с воинскими почестями. Гроб несли и укладывали комитетчики. И салют из карабинов… Мы шли с кладбища со странным чувством, что рядом идут ещё живые одноклассники, правда, седые, обрюзгшие, усталые, но ещё наполненные жизнью… А 40 лет назад все были ясноглазыми, шустрыми и дурашливыми, и никто не знал своей судьбы…

29 июня

Сегодня с утра ходили на выставку «Шедевры

пяти веков» из собрания Арманда Хаммера. Ушли с праздничным чувством. «Кавалер и дама» Ватто, «Венера с дельфином» Буше, «Слуга» Хаима Сутина, «Обнажённая, стоящая против света» Боннара… Латур, Коро, Тициан, Писсарро. Рисунки Рафаэля и Микеланджело… «Голубой ангел» Шагала.

После хаммеровской коллекции на экспозицию Третьяковки «Этапы пути», но, увидев малявинских баб, решили не портить впечатление от Рембрандта и Шагала. Не тот класс.

А в Москве ещё проходит выставка Глазунова. Стоят толпы. Выставка подогрета печальным событием: погибла жена художника, то ли сама выбросилась с 7-го этажа, то ли её выбросили… Кто знает правду?.. Глазунова осаждали поклонницы, одна из них вопила: «Хочу в вашу мастерскую!» На что художник сказал: «Все мои картины висят тут. А если хотите в постель, говорите прямо…»

13 июля

Погода совершает кульбиты: от +30 до +11. И всё же холод лучше, чем жара… Был на семинаре кадровиков на ВДНХ. Соотношение раскрытых преступлений к нераскрытым составляет 1 к 10… А я сумел «съесть» 6 журналов — пятые и шестые

номера — «Иностранная литература», «Искусство кино», «Декоративное искусство»… Не знаю, попаду ли в поездку в Париж от Союза журналистов или нет, но пока готовлюсь, прочитал книгу Бирюкова о Париже (очень слабая) и нарисовал схематическую карту столицы Франции. Заочник-путешественник.

20 июля

В центре внимания Солженицын, «Данте нового времени». Пишет роман «Красное колесо». Считает, что родина пребывает в глубоком упадке. Требует ухода с нерусских земель, отказаться от политики империализма и всенародно покаяться за содеянные грехи против других народов…

26 июля

Сцена на рынке:

— Что-то огурцы у вас вялые.

— Какие вялые?! С утра рватые!..

Другую продавщицу замучили вопросами, откуда помидоры. Она отвечала-отвечала, а потом разозлилась: «Из Чернобыля!» Очередь мгновенно разбежалась… Анисиму Гиммерверту на день рождения написал стишок, вот его концовка:

Я посылаю вам конверт,

В нём пожеланий целый список:
Творите долго, Гиммерверт,
Живите сочно под Матисса.

Хотя я понимаю, что жить под Матисса в наше чрезвычайное процветающее время чрезвычайно трудно. Первый секретарь МК партии Ельцин громыхает: «Долго ль нам ещё наблюдать пустые прилавки и вагоны гниющей продукции?» Постановления, выговоры, снятие с работы, — а сдвигов к лучшему никаких. И как жить дальше? Старых ответов на старые вопросы уже нет. Нужны новые ответы. А пока страна в тупике. Советский человек в шоке. Всё было прекрасно в СССР, глаза слепило от звёзд героев, уши привыкли к торжественным песнопениям, а оказывается, такое творилось на самом деле, куда там откровениям Высоцкого и Жванецкого. Неблагополучие везде — в школе, семье, в экономике, в сельском хозяйстве, кино, литературе, в театре и даже в цирке… И процветает «богиня ложь» (выражение Каверина).

1 августа

Попробую хотя кратко вспомнить командировку в Гродно, куда прилетел на Ту-134А. В конце XVI века при короле Стефане Батории Гродно

являлся фактически столицей государства Речь Посполитая. Небольшой зелёный городок (200 тыс.). Прекрасный бернардинский костёл, смешение сразу трёх стилей — готики, ренессанса и барокко.

29-го проснулся в номере гостиницы «Беларусь», включил радио, там «Роздум над фактами» и «Ход жнива». Спрашиваю приехавшего за мной зампреда по кадрам Алексея Ивановича Гарбуза:

— Как люди у вас относятся к повышению радиационного фона?

— Никто о нём не думает, — ответил Гарбуз. — Всё равно помирать!..

И всё же — ел сметану в буфете и думал, а нет ли в ней стронция-90 или цезия-137? А в твороге нет ли циркония-95?..

В районном центре Мосты (6 км) провожу «круглый стол» часа на три. Затем начальство садится на три «фурманки» (машины) и едем смотреть торговую сеть. На следующий день поездка в Друскеники, но вначале посетили гродненский колбасный цех. Я поинтересовался у женщины-сторожихи:

— Выносят ли работники колбасу?

— Ещё как! Но я их всех мацаю.

— Что?

— Ну, мацаю, проверяю, щупаю, а то норовят на груди кусок мяса спрятать…

Обед в Вертилишках, там колхоз-миллионер «Прогресс» построил шикарный торговый центр. Подкрепившись, въехали в Литву. В Друскениках беглый осмотр курорта и развлекаловка: посещение музея Чюрлёниса… 31 июля опять выезд — на это раз в Обухово. Всё по делу, а для души приобретение трёхтомника Николая Заболоцкого: в Москве его не купишь…

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей…

12 августа

Шпарит нещадно, вот уж какую неделю по 25–30 градусов, и никаких дождей. Солнце какое-то интенсивное, злое. Дышишь каким-то парным воздухом, густо настоянным на выхлопных газах, табаке и прочих городских миазмах. И вдруг жутко захотелось прохлады, монотонного осеннего дождя… сидеть бы дома, перебирать книги и немного томиться от скуки… Но нет. Ни осени, ни дождя. Солнце. И заботы. Постоянная нехватка времени. Шторм мелких дел…

В письмах Константина Федина натолкнулся на такой пассаж: «Я чувствую себя совершенно разбитым и изнурённым. В подобном состоянии лошадей, например, подвешивают на вожжи и „ставят на овёс“. О, если бы меня поставил на овёс!..»

16 августа

В Москве творится что-то невообразимое: толпы, стада, массы стад из Кавказа и Средней Азии. С детьми, с сумками, чемоданами и баулами. Всё ищут, покупают, хватают, рвут — чёрт знает что! Москва стонет… Вот и к нам пожаловали родственники из Тбилиси: Додо и Лика, студентка биологического факультета Тбилисского университета. И новые словечки: «шлямпа» (шляпа), «чюстики» (тапочки), какие-то таинственные «псандали» и т. д.

Гортанная речь нынче в моде,
И только и слышишь, что «моди!».
Шалею от жгучей сей публики
Из самой кавказской республики.
И думаю: видимо, лучше
Дружить с меланхоликом-чукчей…

Речь огрузинена: холодильник — «мацивари»,

стол — «магида», пить чай — «чай далие»… Ласковые ругательства: «охери», «копачка»… Лика (Лия Нодаровна Глонти) — умненькая, начитанная, с очень грамотной русской речью. Думаю: далеко пойдёт…

28 августа

Не перестаю удивляться нашей прессе: она из розовой стала почти чёрная. Раз гласность, то пишут такое, что неподготовленные читатели кричат: караул! Пишут такое, за что, как сказал Войнович по «Немецкой волне», раньше «давали большие сроки». Время сказочек кончилось. Ныне в моде правда-матка. Оказывается, у нас не только алкоголизм, но и наркомания, а как с ней бороться, непонятно: нет врачей, нет лекарств, нет методик лечения. Стали писать и о проституции, — она, родимая, есть! А ещё всякие ужасные секты…

В стране всего 17 тыс. книжных магазинов — это на все города и деревни. До трети книг в библиотеках никто никогда не взял и не читал. Как был в России культурный слой, так он и остался, никак не расширился. Есть книжники, эрудиты, но их крайне мало, а всё остальное — пошехонье, умеющее читать и писать, но в основном потребляющее культуру исключительно

через телеящик…

1 сентября

Во второй раз не попадаю в Париж: в 1979 году в Радиокомитете из-за Банана, из-за его начальственного гнева, и мою характеристику не стали утверждать на парткоме, и вот в 1986 году: так и не попал из резерва в основной состав группы. Никто не заболел, не отказался, не раздумал, — все 30 человек едут. А я во второй раз в пролёте. И мимо Булонского леса, и Елисейских Полей. Нет так нет, и он ставил заплаты на брюки и на жилет, — как говорится в «Рыжем Мотэле». Можно утешаться и наподобие польского пёсика Фафика, который советовал: «Махни на всё это хвостом». Конечно, махну, но всё же обидно. Так хотел в Париж!..

Поедет какая-то мамзель, а по возвращении будет закатывать глаза и говорить: «Париж — это я вам скажу…» Дальше последует длительная пауза и ничего она толком не вспомнит. А я в писательском раже уже написал большое эссе о Франции — об истории, о французской литературе, о кино, о живописи… написал, и всё впустую? Потешил самого себя?..

Пришёл домой и на нервной почве съел огромную тарелку щей с краюхой свежего хлеба.

Глубоко вздохнул и сел за пишущую машинку. Осталось написать мемуар: «Как я не побывал во Франции…»

Комментарий спустя годы. Впервые в Париже мы побывали с Ще в 1995 году на автобусе из Дортмунда — после ночного переезда мы въехали в Париж в 8.15, если быть предельно точным, и провели там целый день до 5 апреля позднего вечера. А потом ещё несколько раз были в Париже: по туру, по заказанной гостинице и в доме Эдуардо на берегу Сены (2004 и 2005). Итого: 5 раз. Реванш за первые две неудачи. Исправление исторической несправедливости…

7 сентября

Сегодня утром группа улетела в Париж, а мы с Ще отправились на Ленинградский рынок (лук — 2 рубля, помидоры — 1 рубль, яблоки по 70 копеек). Но что моё разочарование? Вот произошла трагедия с пароходом «Адмирал Нахимов». На 4 сентября 116 утонувших. Многих продолжают искать… Дочитал «Плаху» Айтматова, до Достоевского далеко, но всё же…

Накапливаются интересные вырезки, материалы идут косяком, надо всё прочитать, систематизировать, обработать, приготовить для своего Календаря. Растут бумажные горы — зашиваюсь.

А ещё книги, журналы…

12 сентября

9-го что-то произошло с правым глазом — какие-то всполохи. Пошёл к врачу. Стали колоть стекловидное тело и принимаю таблетки. Глаза — это всё. Молю Бога, чтобы не стало хуже. Ще то и дело спрашивает: «Не сверкает?!.» А на работе пошли гранки. Читаю — и всё плывёт…

18 сентября

Продолжаю хождение по врачам, был в Институте Гельмгольца. Сказали: береги левый глаз, он ведущий, а правый — совсем плохой. Ну, и разное лечение… Сначала у меня был шок, а потом как-то приспособился. Как, наверное, с костылём: сначала ужас, а потом человек ловко начинает скакать на костыле. Природа наделила человека высокой приспособляемостью и пластичностью.

14-го с Ще побывали на Крымской на экспозиции русского авангарда из частных коллекций… Ездил в УБХСС МВД СССР вытаскивать от них статью (3-й отдел — торговля и потребкооперация). Серьёзная организация. Все в штатском, все подтянутые, поджарые, как борзые, и всего тебя глазами ощупывают…

Рассмешила Ще, её подруга по работе Эльвира

спросила: «Сюрреализмус — он что, прибалт?»

21 сентября

Есть такая песенка, в которой говорится, что если от тебя уходит жена, «то неизвестно, кому повезло». Кажется, подобное произошло и с Францией. Я очень отчаивался, а как себя чувствует группа советских журналистов? Шесть взрывов сотрясли Париж, первая бомба взорвалась 9 сентября, шестая — 17-го у универмага «Тати», куда я собирался зайти. Заголовки газет: «Париж: тревожный сентябрь», «Страх над городом». Усиленные наряды полиции, пожарные машины, кареты «скорой помощи». «Голоса» сказали, что Париж напоминает прифронтовой город. «Либерасьен» заявила: «Враг у дверей». А «Матэн»: «Наши генералы проявили полную неспособность выиграть первые сражения…»

Комментарий. Нам тогда, в 1986 году, всё это было в диковинку, но террористические акты нагрянули и в Москву, и не раз, — и тоже был шок и неспособность властей предотвратить взрывы и защитить людей… (28 апреля 2010 г.)

Какую-то группу архитекторов вернули обратно. Когда начало взрываться, наши сидели в гостинице и смотрели на происходящее по телевизору, боясь выйти на улицу, — вот и все

удовольствие от Парижа…

А что в стране родимой? Возродили программу КВН. Пишут о московской торговой мафии. В «ЛГ» остро выступил Александр Гельман. Чем закончилось великое революционное учение? Бюрократизмом, кормушками, массовым уходом интеллигентов в сторожа… никакого состязания личностей, а одна уравниловка… пресловутый «вал» породил целое поколение начальников-приписчиков…

В «ЛГ» подборка писем Александра Куприна. «Я уныл, беден и зол». 13 августа 1926 года: «Ах, кляну себя, что, про запас, не изучил ни одного прикладного искусства или хоть ремесла. Не кормит паршивая беллетристика…» И в итоге: «Нам остаётся обматериться и замолкнуть…»

26 сентября

Конфликт на работе. Фишер бездарно сделал репортаж о торговле кооператоров на московских рынках, Фомин попросил меня его переписать. Я сделал, и получился вполне симпатичный текст. Фишер на меня обиделся и обозвал «передовиком»: «Ну, ты у нас ведь передовой работник!» Мне оставалось одно: послать его на три буквы. Когда-то Фима плавал кочегаром на торговом судне, а потом пошёл в журналистику, не имея

на то никаких способностей. Кочегар-редактор. Плюс неудачная личная жизнь. Живёт один с канарейкой. Отсюда истерики и стрессы…

30 сентября

Посмотрели фильм «Письма мёртвого человека». Вроде бы всё неплохо — и режиссура, и игра актёров, и музыка, — но лично мне не хватало натуральности ужаса и страданий — в фильме всё же излишне много картонности. Страхи лишь обозначены: говорят макеты, лица актёров всего лишь загримированы под страдания, всё как-то ненатурально… И концовка: дети выползают из бункера и бредут утиной стаей, держась друг за друга, и есть уверенность, что добредут до уютного мирного дома, а там их обогреют и накормят. И никакого Брейгеля, у которого слепые обязательно упадут в бездну… Наши ужасы — это как бы чуть-чуть. Неслучайно кто-то из кинематографистов заметил: «Ужасы показывать вообще не надо…»

А вчера по ТВ показали документальный фильм «Бабий Яр: уроки истории». Фильм был снят 5 лет назад, и только сейчас его решили показать советским зрителям. В отличие от «Писем мёртвого человека» он потрясает документальными кадрами: сытые, хохочущие немецкие солдаты,

голые женщины, стоящие под дулами автоматов, горы человеческих костей… Пока гласность осваивает лишь первые белые пятна запретных тем. Но это палачи-фашисты. А доживём ли мы до показа и разоблачения собственных заплечных мастеров убийств, Соловки, 1937 год, ГУЛАГ и многое кое-чего мрачного и страшного. Но пока об этом молчок. Язвы прошлого прикрыты тканью забвения, и народ беспечно танцует и подпевает Софии Ротару: «Лаванда, горная лаванда… / Наших встреч с тобой синие цветы…»

А что, собственно говоря, может сделать рядовой человек? Обыватель? Человек массы? Да ничего! Лишь ждать своей судьбы. Как говорил Мартин Хайдеггер: «…мы можем только ожидать, ибо мы не господа истории, а только сторожа истины бытия». По телевидению показали поучительную программу «Бывшие» о советских гражданах, уехавших в США. Многим из них казалось, что в Америке «отороченные мехом облака проливаются колбасным изобилием», но не всё так-то просто оказалось. «Тут чересчур много свободы», — жаловался таксист-эмигрант. «Самое трудное — это конкуренция, ей надо учиться», — говорил другой переселенец через океан. «Нет опыта борьбы за свою жизнь…. В Рос-

сии можно жить счастливо. Не надо бороться, не надо сражаться. А тут без этого нельзя…» — горькое признание новообращённого «бруклинца». Некая Мария: «Американские бизнесмены любят рисковать, но для меня рисковать — это страх, как прежний страх перед КГБ…»

Да, мы все — дети, воспитанники, продукты, жертвы одной системы, в которой, как кем-то сказано: «одна партия, одно мнение, одна правда». За нас практически решают всё, и поэтому выехавший на Запад, скажем, редактор, журналист в растерянности: о чём думать? о чём писать? Нет привычных подсказок. Есть только непривычная свобода. Свобода самовыражаться и свобода принимать самостоятельные решения. Мир не прощает, что ты нерасторопен и ленив…

Писатель Лев Халиф: «В России писатель — пророк. Главное — творчество, а тут коммерческий подход… Я тоскую по КГБ, которое обращало на меня внимание, они первыми прочитывали мои рукописи, и очень внимательно… Я был личностью… А тут в условиях демократии я — жертва… Я не знаю, где лучше, я теряюсь…»

Интересно, а смог бы я выжить на Западе?..

8 октября

Отпуск, на этот раз в Суханово, некогда это

была вотчина князей Волконских. Кое-что от тех времён сохранилось: мавзолей, бельведер у пристани, ампирный павильон, катальная горка, грот и т. д. Но весь ансамбль в 1935 году был уничтожен: колокольня и колоннады были разобраны, ну, и прочее варварство… О славном прошлом не знают даже старожилы местности, спросил одного, он ответил: «Князь Волконец какой-то жил…»

А как жили, можно и не спрашивать, а прочитать у Толстого в «Плодах просвещения», там кухарка просвещает мужиков про барскую жизнь: «…Да уж здоровы жрать — беда! У них ведь нет того, чтобы сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят… Только отвалятся, сейчас опять чай…

— Ну, а когда же дела делают?

— Какие у них дела? — отвечает кухарка. — В карты да в фортепьяны — только и делов… А то двое фортепьян поставят, да по двое, вчетвером запузыривают…»

Лично мы на отдыхе в фортепьяны не запузыривали, в карты не играли, а ходили, дышали, слушали всякие разговоры. Собралась небольшая компания из Щекиного института жилищного проектирования: Инна Соболева, Нина Абра-

мовна Дыховичная, сестра сатирика Владимира Дыховичного, ну, и другие. Самая популярная шутка была «про это»: «ну, это?!» На соболевской машине добрались даже до церкви в Дубровицах — некий небольшой вариант Нотр-Дам.

Недалеко от нас полуразрушенный монастырь, заложенный ещё при жизни Алексея Тишайшего. В 1937 году в монастыре оборудовали тюрьму — печально знаменитая Сухановская тюрьма. Говорят, что в ней содержался маршал Тухачевский и другие именитые жертвы.

В 1948 году в Суханово — в доме отдыха, а не в тюрьме — отдыхал Борис Лавренёв и написал подражание «Евгению Онегину»:

Мой доктор, самых честных правил,
Когда я стал не в шутку плох,
Меня в «Суханово» направил
И лучше выдумать не мог…

Лавренёв, как и мы сегодня, вынужден был обедать в мавзолее-столовой: «Мы, как под Калкою татары, / Волконских попирая прах, / Пируем, сидя на князьях…»

В Суханово мы приехали 1-го и застали ещё золотую осень. А потом золото с деревьев начало облетать. «По дороге неслись сумасшедшие ли-

стья» (Николай Рубцов). А когда уезжали, то на фоне прозрачного неба чётко прорисовывалась геометрия линий голых деревьев.

Мы много гуляли, заходя за покоробленный и скособоченный щит, утверждающий, что СССР — оплот мира. Кстати, по телевизору удалось посмотреть матч Франция — СССР из Парижа (Париж меня преследует). Дружина «рыжего» (Валерия Лобановского) выиграла 2:0. Я был единственным, кто был огорчён поражением французов…

Ещё одно развлечение в Суханово: анекдоты.

Евреи делятся на 5 категорий: уездные (которые уехали), потомственные (которые уедут потом), дважды герои (кто уехал, а затем вернулся), со знаком качества (кто числится по паспорту русским) и никудышные (кто никогда никуда не уедет).

Китайско-японская трагедия: когда у китайского рикши и японской гейши рождается еврейский Мойша.

Монголо-еврейское дитя: Чингисхайм.

Классификация отдыхающих: львы, которые приезжают со своими возлюбленными; волки, которые рыскают по сторонам; медведи, которые спят; бараны, которые лишь в конце отдыха знакомятся, но им говорят: «Простите, но уже

поздно…» И, наконец, ослы, приезжающие со своими жёнами…

Кто это всё придумывает? Интеллигенты горазды на всякие придумки и хохмочки. Веронику Дударову переименовали в Венерику Додырову. Если она это слышала, то наверняка упала в обморок…

Но лучше анекдотов и устных рассказов была всё же сухановская библиотека с обилием дореволюционных изданий, от Арцыбашева до графа Салиаса. У Льва Толстого натолкнулся на неоконченную комедию «Заражённое семейство». Один персонаж там говорит:

— А вот, как хочешь — не даётся женщинам вместе миловидность и развитие. Эти глупенькие, розовенькие всё-таки приятнее…

С интересом прочитал небольшую повесть Генриха Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм»… В «Огоньке» за 1950 год обнаружил стихи Дыховичного и Слободского «Тётя Даша едет за границу»:

Тётя Даша, взвесив обстановку,
Спать ложится: утром – на вокзал…
Снится ей, что ей командировку
Сам товарищ Сталин подписал…

Я прочитал Нине Абрамовне стихи её брата, она заулыбалась с нежностью (вспоминая не о Сталине, а о брате). Он имел хорошую профессию, но бросил всё и ушёл в эстраду. Был очень непрактичным в жизни. Дружил с Константином Симоновым, который, как призналась Дыховичная, ухаживал за ней. «Но я ничего не записала, а сейчас уже ничего не помню…» Да, Нина Абрамовна, надо было бы дневник вести, и тогда воспоминания о Косте всплыли бы мгновенно…

С любопытством и трепетом листал дореволюционные журналы: «Мир искусства», «Столица и усадьбы», «Золотое руно» и др. Издавали роскошно: рисунки, фотографии, акварели, шрифты, заставки, виньетки, наконец, сама бумага… Но всё после революции закрыли, разогнали, уничтожили и начали с красного нуля… А журнал «Столица и усадьба» имел подзаголовок «журнал красивой жизни». И фото роскошной женщины — княгиня Мария Павловна (Абамелек-Лазарева — урождённая Демидова Сан-Донато). И чем она закончила? Умерла в изгнании, в нищете?..

Рубрика «В стране любви и землетрясений»… Стихи Агнивцева… рисунок: женщина в шляпке сидит за столом. Пустые тарелки. Выпито вино. На её губах лукавая улыбка: «Господа, заплатите

кто-нибудь за мой ужин, а я того угощу… десертом».

Ранний Лев Никулин. Стихи про Петергоф: «Где так пикантны проститутки / И „страсть шикарны“ юнкера…» Фёдор Сологуб:

Расстегни свои застёжки и завязки развяжи,

Тело, жаждущее боли, нестыдливо обнажи…

И, конечно, апология вина. «Не пить вина — это всё равно что не читать прекрасных стихов, не влюбляться в женщин, жить в беспросветной прозе».

А на Руси, где ж пить – веселье,

Где жить нельзя без кабака…

Ах, эта сладкая предреволюционная жизнь богатых и состоятельных людей: вино, женщины, экипажи, моторы, карты, мистицизм. «В России любовь к мистическим пряностям доходит подчас до исступленного хлыстовства…»

До хрипоты спорили о путях развития России. В фельетоне за подписью Вл. К. прочитал: «В истории России не было периода, когда миллионы народа работали энергично. Были толчки еди-

ничной воли (Пётр Великий), но работала только эта единичная воля, думал только один, а остальные шевелились под угрозой палки. Как только палка скрывалась, так затихала и работа. Слишком ли мы молоды или уже слишком стары?..»

Это написано в апреле 1917 года и наводит на грустные размышления. Вот и сейчас призывы — «ускорение», «перестройка», — а основная масса работников продолжает пребывать в сладкой полудрёме… Славянская лень, национальная черта. Такой менталитет. Хоть головой об стенку бейся — ничего не изменится.

Пожилая дама в пьесе Чулкова: «Хочется упасть на землю и выть от ужаса».

Из старых объявлений: «Роскошный бюст. Метод Гарнье… гарантируется округлость, белизна и упругость».

«На днях поступает в продажу новый роман „Пора любви“. Требуйте во всех магазинах Петрограда, Москвы и провинции».

Поэт Потёмкин: «Блестят на солнце зубы / У девушек и баб: / Их смех и удаль любы, — / Любая обняла б».

Все эти старые журналы хочется листать и листать.

Пусть я паук в пыли библиотек:

Я просвещённый, книжный человек,

Людей, как мух, в сплетеньях слов ловлю.

Встаю чуть свет: читаю, ем и сплю…

Это — Андрей Белый. «Любитель мудрости». И Мережковский, повесть в стихах «Вера»:

Повсюду жалобы: «Искусство пало».

Поэтов тьма – поэзии не стало.

И он же, Мережковский, в статье «Грядущий хам» мечет гром и молнии в мещанство. «Чечевичная похлёбка умеренной сытости» — неменяющийся рацион обывателя. «Жизнь русской интеллигенции — сплошное неблагополучие, сплошная трагедия».

Цитировать можно без конца. Но, увы, устал. И напоследок всё же Мережковский, стихотворение «Старость»:

Мне юности не жаль: прекрасней солнца мая,

Мой золотой сентябрь, твой блеск и тишина.

Я не боюсь тебя, приди ко мне, святая,

О, старость, лучшая весна!..

16 октября

Ещё в отпуске. В «Варшаве» посмотрели фильм Тодоровского «По главной улице с оркестром», в Музее Востока попали на выставку Пиросмани. Бедный художник: жизнь не баловала его, недаром на одной из его клеёнок-картин бедного зайчика терзает огромный хищный орёл. Пытались что-то купить в магазинах (спортивный костюм, кофе…) — бесполезно. Что за система, что за страна, где невозможно пристроить честно заработанные деньги?! Мыкаются все, как последние дураки. Мирное небо над головой, а радости нет…

24 октября

Остаток отпуска планировали провести в Ленинграде, во Львове, Риге, а поехали в Ярославль — 20 октября поездом. Вагон грязный, противный, даже рыжий таракан откуда-то сверху свалился на столик. Четыре часа мучений, и приехали. Я предварительно звонил местному коопначальству, и нас поместили в уютненькую гостиничку обкома партии. Город понравился, много старины и малолюдно, отдыхаешь от московской суеты.

21-го с утра прогулка. Ще то и дело вскрикивала: «Смотри сюда! Боже, какая церковь! А дальше видишь, какой замечательный старинный дом!..»

Затем на «Волге» в сопровождении инспектора по кадрам отправляемся в Тутаев (38 км). Тоже есть что посмотреть, но, к сожалению, всё в забвении, в хламе, в разрухе. А все восстанови, покрась, приведи в порядок и вози сюда иностранцев, греби валюту, но нет. Не можем? Не умеем? Не хотим? Немцев бы сюда да японцев — они показали бы, какое золото лежит у нас под ногами. Вечером вернулись в Ярославль. Побывали на знаменитой «стрелке» — на косе на Волге и даже посмотрели спектакль в Ярославском академическом театре им. Фёдора Волкова. Пьеса Арбузова «Виноватые» — какая-то вариация Островского. В буфете рядом с конфетами лежат куски варёной курицы…

22 октября. Поездка в Ростов Великий. На берегу озера Неро возвышается архитектурный ансамбль, сооружённый при митрополите Ионе в конце XVII века. Ростовский кремль. Отреставрировано, но чрезвычайно плохо. И, как обычно, запустение, грязь, сиротская неухоженность. Не Ростов великий, а Ростов убогий. Не умеем хранить старину, не дорожим ею…

А вот и Карабиха, усадьба Некрасова. Поэт предвидел:

Знаю: на место сетей крепостных

Люди придумали много иных…

Тоталитарные цепи посильнее, пожалуй, сетей крепостных…

Вечером погуляли по ярославской набережной, а рано утром 23-го снова на поезде «Ярославль» отправились в Москву. И погода, как кто-то сказал, «разжмурилась».

2 ноября

Отпуск кончился. Началась работа. Пошёл густой быт… «Голоса» поведали, что Брежнев затащил страну в экономический тупик да помимо этого вверг её в ряд внешнеэкономических авантюр (Афганистан, Йемен, Эфиопия и т. д.). А теперь это всё надо расхлёбывать. В стране голод не голод, но нет мяса, масла, овощей и прочих продуктов. Анекдот про старого чукчу:

— Что вы испытывали до революции?

— Голод и холод.

— А сейчас?

— Голод, холод и большое чувство благодарности.

Перефразировка старой темы. У Даля есть поговорка: прежде жили — не тужили; теперь живём — не плачем, так ревём!.. Кругом суета, очереди, страдания и радость вокруг глагола «достать»:

достал — не достал.

8 ноября

5-го был сбор у Чижовой. Были Куриленко, Меркуловы, Давидовские, Ильенко, Боряки… Я написал и прочёл грустные строки:

Как в старом году на Арбате,
Где переулки, как пальчики,
Собрались в тесноте, будто в вате,
Прежние мальчики…

Мальчики, ставшие дедами,
Мальчики с седыми висками.
Жизнь наша неведомая,
С загадочными глазами…

Что впереди ещё будет?
Не задавайте вопросов.
Ах, как путь этот труден –
Всё по крутому откосу…

Лина обиделась: а где же девочки?.. А дальше кипучий разговор про Рейкьявик, Чернобыль, про Щёлокова — страсти кипят, глаза горят, никто не хочет соглашаться ни с кем, каждый настаивает на своей версии событий. Умора! Самое

большое удовольствие для русского человека — не дело делать, а всласть поговорить, поспорить, выпустить душевный пар… Бывший комитетчик Боряк причал: «Я пенсионер! Я всё могу говорить!..» Ильенко: «Не надо чернить Щёлокова: он столько хорошего сделал для миллионеров…» Толя Ильенко — бывший милиционер, ему, наверное, виднее. Короче, словесный гвалт, крышка кипящего чайника… Итак, бывшие школьники, одноклассники: один умер, один инвалид второй группы, двое вышли на пенсию, остальные вкалывают и мечтают о покое… Вспоминали Тарковского… Было ощущение какого-то братства, но на самом деле это, наверно, всего лишь иллюзия…

Прочитал вторую часть «Доктора Живаго». Ясно: Пастернак не романист. Но отдельные куски хороши. Очень интересны воспоминания Юрия Трифонова о Твардовском. Какая была атмосфера травли вокруг него. «А знаете, Юрий Валентинович, — говорил Твардовский, — иногда проснёшься утром и думаешь: а не бросить ли всё это? Не послать ли куда? Ведь сил не хватает на борьбу…»

И признание Трифонова: «К сожалению, ничего не записывал, и это было величайшей глупо-

стью». А я бы всё записал!..

15 ноября

Зашёл в библиотеку. Раиса Дмитриевна: «А мы думали, что вы остались во Франции...» Выходит, я воспринимаюсь, как внутренний эмигрант. Ещё немного — и слиняю...

Фомин благополучно выбрался из-под нависших над ним туч. По Ежи Лецу: брось счастливчика в воду, он выплывет с рыбой в зубах. Прямо непобедимый рыцарь — Родриго Фоминс. Вместо выговора — поощрение. Умудрённый и умелый карьерист — как раз то, чего я лишён начисто. У меня другие ценности и приоритеты...

11-го в филиале МХАТа смотрели пьесу Гельмана «Скамейка» — в ролях Табаков и Доронина. Ще рассказала о спектакле на работе и выразила мнение, что ей не очень понравилось, на что Бубновская закричала: «Вам этой проблемы не понять. Вы — женщина благополучная...»

А на следующий день во МХАТ на Тверскую — инсценировка Додина «Господа Головлёвы» с несравненным Смоктуновским. Великий Кеша прекрасно играл Порфирия Владимировича.

...Весь мой стол тонет в бумагах — вырезки, книги, журналы. Иногда находит бешенство: всё разметать, сбросить, сжечь и спокойно смотреть

в окно, без мыслей, без всякого напряжения. Но, увы, не могу. Видно, судьба приговорила меня к каторжному труду — всё время что-то делать. А может, всё это только Сизифов труд? И эта мысль меня мучает…

23 ноября

Ещё один увиденный театральный спектакль — «Амадей» Питера Шеффера, постановка Марка Розовского. Пинчевский — Моцарт, Сальери — Табаков. И музыка Моцарта и Сальери… Тема зависти звучит и на работе.

Ах, чудная жизнь средь рогов и копыт,
Достойна таланта Лу Синя.
Вот жил бы писатель…
Узнал бы весь быт
И суть обнажил бы: зверинец.

По телевидению была любопытная программа про бардов. Высоцкого и Окуджаву при Лапине не допускали к экрану. А теперь Высоцкий — посмертно — мелькает на ТВ, а Булат — на старости лет, и в звёздах первой величины. О самодеятельной песне Окуджава: «Этот жанр создают думающие люди для думающих людей… не для танцев…»

Я песен не пишу, но вот стишки сочиняю. Грише Полевичку на 50 лет: «Смотреть и дальше зорко вдаль / Желает Грише сам Стендаль. / Идти упрямо и бодрей / Напутствует Хемингуэй. / И сам Марсель, который Пруст, / Сказал: „Гони ты эту — грусть!“ / О, пожеланий целый рой. / Брет Гарт, и Сартр, и Лев Толстой, / Франс, Диккенс, Купер, Эдгар По, — / Все незнакомцы для сельпо, — / Желают Грише дружно все, / Чтоб жизнь цвела во всей красе. / „И наполнялась до краёв“, — / Добавила Катрин Денёв».

Все шуточки да иронизмы, господин Учитель!..

30 ноября

На юбилее Половика солировал Феликс Медведев, он, как выразился, «командует поэзией» в «Огоньке», и его очень любит новый главный редактор — Коротич. Рассказывал, как ездил к Астафьеву под Красноярск, как грузины грозились убить писателя и прочий окололитературный трёп. Короче, Феликс на коне. И вскоре исчез: повёз водку для Ильи Глазунова. Эдакий удобный литературно-хозяйственный мальчик при сонме великих. Нет, роль не для меня… Жена Гриши Лена спела под фоно несколько песен, в том числе гумилёвского «Жирафа»:

Ты плачешь? Послушай… далёко на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

На работе сплошные собрания, сначала партийное, потом журналистское. Все научились говорить, но никто не умеет работать.

В «Книжном обозрении» впервые напечатаны стихи Владимира Набокова. Событие. Прочитал роман Набокова «Камера обскура» (1932) — третий после «Лолиты» и «Приглашения на казнь». Герой «Обскуры» Кречмер женился — «не то чтоб не любя жену, но как-то мало ею взволнованный». Набоков — мастер находить точные слова…

3 декабря

Блиц-поездка в Калинин. Накануне был разговор с Тбилиси, Русико посоветовала Ще: «Муж уедет, а ты побренчи серёжками». Вот это перл!..

Калинин до ноября 1931 года был Тверью, а Советская улица называлась раньше Миллионной. Город осмотрел галопом, вполне презентабельны старые постройки. Выезд в районы с фотокором Курышевым. Деревня Степаньково. В чайной работает немка Зельма Адольфовна Гихель: всё горит под её руками — печёт и парит… Далее Сахарово, Завидово. Доярка Мария Филипповна,

120 кг: «Вы меня лучше сфотографируете под коровой». К приезду корреспондентов из Москвы специально в местный ларёк завезли кое-какие товары. Доярки возмущались: «Когда это рисование кончится?!»

Интересны клички коров: Берёзка, Ягодка, Капризуля, Февралька, Кусачка, Кнопка, Льдинка и т. д.

7 декабря

Продолжим дальше «Анамнез витэ» — историю жизни. Из зрелищ: «Новые амазонки» — польский фильм, спектакль «Луна в форточке» по Булгакову в Театре Пушкина. Средняя постановка, средняя игра актёров, выделялся лишь Арчил Гомиашвили… Показывали концерт Аллы Пугачёвой по ТВ из Чернобыля. Что поехала туда — молодец, но как выглядела: непристойные жесты, подмигивания, подмаргивания, какой-то кабак в порту!..

В журнале «Знамя» понравился роман Александра Бека «Новое назначение». Впервые в советской литературе сказано, что «великие стройки коммунизма» возводились «неисчислимыми колоннами заключённых», и в этом был «трагический парадокс времени».

14 декабря

Ещё одна новация: фильм Андрея Смирнова «Осень». По существу первый советский фильм на тему «Мужчина и женщина»: выяснение отношений, поцелуи, постель, ожидание, тревога, боль… Картина полочная: была снята в 1974 году.

«Голос» сообщил о смерти Анатолия Марченко, диссидента. В 48 лет закончил свою жизнь в тюрьме, говорил о режиме: «Вместо того, чтобы бить по идеям, бьют по черепам». Марченко уморили, а вот Юрия Орлова и Анатолия Щаранского отпустили на Запад. Где логика?.. Прочитал «Печальный детектив» Виктора Астафьева. Почти шок. Нация катится под откос, в бездну аморализма…

21 декабря

На каждый день календаря у меня есть стихотворные строки. На 21-е из песни Вертинского:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило серой пургой.
И печальные ветры степные
Панихиды поют над тобой…

И какие совпадения? Сегодня серая пасмурь, сижу с лампой, завывает метель. Вот такая по-

годка… А что происходит в стране? Объявлено о возвращении академика Сахарова в Москву… Волнение в Алма-Ате в связи со снятием Кунаева с поста первого секретаря ЦК Казахстанской компартии. Раньше бы всё это замолчали, а теперь нельзя: гласность… По «Голосу» читали отрывки из книги профессора Ивана Земцова: при Сталине была полицейская элита, при Брежневе — поднята экономическая элита и потеснена военная…

Вчера были в концертной студии «Останкино» на концерте Иосифа Кобзона. Было много именитых людей. Ян Френкель стрельнул глазами в сторону Ще, но, увидев, что дама не одна, сразу увял…

28 декабря

За сто лет до моего рождения, в 1832 году, в Петербурге вышла книга «Чтение книг, или Указание, каким образом, какие книги и для чего читать должно». В ней говорилось: «…Чтение книг… как пища и питьё. Книги открывают новый свет, питают ум… они разгадывают таинства сердца человеческого… изощряют внутренние наши чувства, образуют разум, очищают вкус, исправляют сердце…»

Всё это так. Но читающих почему-то мало. Всё больше смотрящих голубой экран… А лично я с

удовольствием и с некоторым ужасом вникал во второй том воспоминаний Надежды Мандельштам. Страшные чёрные бездны…

31 декабря

Среди треска и помех радиоголосов услышал: умер Андрей Тарковский; «жил со смертью в душе… будучи ни диссидентом, ни изгнанником, он жил с чувством ущербности как на Западе, так и на Востоке…» Включил «Маяк» — передают о смерти Макмиллана, бывшего британского премьера. А о Тарковском ни слова. Зла на них нет!.. Перестраиваются-перестраиваются, но благородства так и не могут обрести: раз уехал — значит, не наш! Чужой. Изменник. И что о нём говорить?!.

Проходят дни густой лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой тишины.
Пришёл, уснул под гроба чёрной сенью,
Увидел сероскучной жизни сны… –

как писали мы с Андреем 37 лет назад (30 ноября 1949 года) в школе, на уроке, сидя на одной парте…

И только к вечеру «Маяк» передал официальный некролог о смерти Тарковского.

Последняя книга года, которую читаю: «Защита Лужина». Набоков. Стрижев сказал, что изданы воспоминания Зинаиды Гиппиус, переписка Софьи Парнок с Цветаевой (лесбийские мотивы) и прочая интересная «потусторонняя литература». Бедные отечественные Шундики, кто их будет теперь читать?..

Уходит год Тигра. Впереди год Зайца. Красного зайца.

1987 год – 54/55 лет. Книжно-журнальное раздолье гласности. Поездки: Тернополь, Хмельницкий. Ще в Финляндии, отдых в Коктебеле

3 января

Вот и новый год настал. Было три с половиной свободных дня, а осталось уж полдня, завтра на работу. «А время свистит красиво…» И ничего не поделаешь… Настроение вроде хорошее и одновременно жутко грустное. Умер Андрей… Сам третий день недомогаю от простуды. Но с другой стороны — дома, вместе с Ще, среди вороха книг и вырезок, да из съестного что-то поднабрали: баночка красной икры, венгерская колбаса, остатки грузинской посылки… Пока дышим-живём, и не надо сетовать на жизнь…

Вчера был неплохой КВН. «Клуб джентльменов» (кажется, одни евреи). «Слышите, джентльмены, говорят, можно смелее!!..» Как выразился Евтушенко в «Сов. культуре», идёт процесс детабуизации… Вчера целый день печатал «Памяти Андрея Тарковского» — первые 9 страниц, ис-

пользовал записанную с ним беседу от 28 марта 1981 года.

8 января

За балконом: –30, а в комнате +23, парко. Сижу дома, болею. Но успеваю работать для журнала и читать прессу для себя. Всё нынче кипит! Грант Матевосян в «Огоньке»: «Обновление! Но есть факты, не дающие сомкнуть глаз. И мы знаем о них: миллионное воровство, приписочный обман государства, министры-преступники… Волосы седеют!» Да, хочется кипеть, возмущаться, крушить старое… Вот так, наверное, подогретая молодёжь вышла в Китае в 1966 году, раздувая гнев «культурной революции»… Этот гнев вылился недавно в Алма-Ате. Всегда найдутся «весёлые мальчики», был бы повод и команда «фас». И это страшно, когда на улицы выходит разгневанная масса…

6-го по ТВ дали «Монолог» Высоцкого, снятый 22 января 1980 года и пролежавший на полке по воле Лапина почти 7 лет. Видно, что Высоцкий был не в форме (жить оставалось полгода), но всё равно Высоцкий есть Высоцкий. Ему было подвластно всё: лирика и героика, сатира и юмор, быт и пафос… Пел знаменитое письмо в редакцию с Канатчиковой дачи:

Вот дантист-надомник Рудик,
У него приёмник «Грюндик»,
Он его ночами крутит –
Ловит, контра, ФРГ.
Он там был купцом по шмуткам
И подвинулся рассудком –
К нам попал в волненье жутком
С номерочком на ноге…

Перл за перлом. «Лектора из передачи! / Те, кто так или иначе / Говорят про неудачи / И нервируют народ!..» Владимир Высоцкий тоже возбуждал, нервировал народ, и на него был наложен запрет, табу. Теперь вот растабуируют…

14 января

В одной американской пьесе (Эрнеста Томпсона) герой говорит: «Я старею с каждой минутой». Ще вчера тоже была вся в печали: «Старею… морщинки…» Я утешал. Ще сказала: «Ты как мама»…

Страна в ожидании нового пленума партии. И без информации ясно: наверху идёт отчаянная борьба за новый курс, у которого много противников: сталинисты, брежневисты, просто бюрократы и чиновники, кому так уютно ничего не делать для страны и народа и уютненько под-

гребать под себя всевозможные блага…

18 января

Наши морозы переместились в Западную Европу. Париж под снегом, и нанятые безработные разгребают сугробы детскими лопаточками, по крайней мере, так ехидно сообщают советские газеты.

Дочитал воспоминания Натали Саррот, а ещё Юрия Нагибина… 13 января в один день умерли Анатолий Эфрос и Игорь Ильинский. Про Эфроса Кучкина в «Комсомолке» написала: «Он был неудобный художник. Он не вписывался…»

25 января

У Л. проблемы в семье. Андре Моруа советовал: «Самое трудное в браке — уметь перейти от любви к дружбе, не жертвуя при этом любовью». А если нет того, чем жертвовать?..

Печать переполнена интересными материалами — о том, как разворачивалась борьба за власть в марте 1985 года, о Марке Шагале, о том, как Сикейрос готовился к налёту на дом Троцкого, о Ленине, Сталине и т. д. И всё такое, от чего дух захватывает. Гласность! Подходы к правде!..

В Доме архитектора были на «Кохиноре и Рейсшинке» (архитекторы шутят, пародируют и

юморят). «У начальства нет плохих решений, — / Каждое решенье — благодать…»

1 февраля

Во МХАТе Олег Ефремов затевает реформы, один из его противников сказал актрисе Мирошниченко: «Самое главное — дожить до пенсии. В гробу я всё это видел…»

Всё стало лишь товаром,
И никаких тебе святынь, –

так написала сегодня в «Правде» Маргарита Алигер. И далее:

Парившие под облаками,
Могли ли мы тогда понять,
Что торговавшие веками
Хотят и дальше торговать…

10 февраля

Семь лет отработал в журнале на Студенческой, и вот теперь новый адрес: у Красных ворот, Красноворотский проезд, 3. Здесь жила когда-то семья Аксаковых (наверное, в доме, который снесли). У Красных ворот была когда-то Огородная слобода, на месте нынешнего МПС — Дворянский женский институт… Переезд был тяжёлый: грузчиков нет,

всё на себе — и столы, и бумажные тюки, и машинки… Вчера и сегодня сижу дома: подготовил статью проф. Язева о законе об индивидуальной трудовой деятельности. Пахнет новыми временами…

В воскресенье приезжал в гости Володя Куриленко. Мило посидели, выпили грузинское «Ахашени», дал я ему почитать про Тарковского и Западный ветер. Он: «Ставьте раскладушку, я к вам буду приезжать и читать дальше…» Потом я пошёл его провожать и спросил шутя: «Доживём до пенсии?» Он бодро: «Вряд ли». Что-то все пребывают в печали и в унынии… Да и в стране всё как на весах, куда потянет. Как в 1917 году…

6-го в «Правде» подвал Заславской «Перестройка и социология»: «Мы как бы заново учимся смотреть правде в глаза… У нас была социология без социологов».

15 февраля

10-го в «Варшаве» смотрели «Покаяние». Сеанс длился 2,5 часа, никто не ушёл, а в конце картины даже аплодировали. Тенгиз Абуладзе сделал настоящую вещь. Но фильм не однолинейный, и Варлам Аравидзе (в блестящем исполнении Автандила Махарадзе) — не только Лаврентий Берия. Зло многолико, и оно существует во все

времена, везде, где попирают законы, человеческую личность, а террор, доносы и страх становятся привычным состоянием общества…

Критик Вл. Лакшин спрашивает, нужна ли горькая память о прошлом, об ошибках и преступлениях? Фильм отвечает на этот вопрос: необходима. «Нельзя иметь выборочную память и помнить только то, что греет душу!..» — заклинает Роберт Рождественский в номере «ЛГ» за 21 января. Словом, «Покаяние» имеет шквальный успех…

Би-би-си говорит о 70 годах коммунистического удушения и выражает сомнение, что вряд ли русский медведь станет ласковым… Разумеется, они нас не любят и боятся, ну, а мы-то как их не любим и остерегаемся! И тем не менее надо мирно уживаться друг с другом. Недаром в Москве открылся международный форум «За выживание человечества».

В обалденно интересное время живём! «Московские новости» расхватывают мгновенно…

22 февраля

Идёт такой густой поток информации, что голова кругом, и оттого ощущение быстротекучего времени. В школьную пору время тянулось медленно, а сейчас: вот пятница — пролетела неделя

и тут же понедельник — началась новая. Может быть, это возрастное восприятие времени?

Дорога на работу тяжёлая: тьма народищу, нет этого тишайшего отрезка в метро «Киевская» — «Кутузовская», когда можно сесть на любое место. Тут центр и оголтелые чиновники… В обеденное время изучаю новый для себя район. Здание президиума ВАСХНИЛ — бывшие Волковы палаты. Нарышкинское барокко. Интересно. Куда-то мы за новизной ездим, а своей родной Москвы толком не знаем…

Спустя 7 лет повторно посмотрели «Сталкер» и не разочаровались. У Тарковского какой-то излом, тщета, опустение, разорение — все наши российские мотивы. А у Феллини, фильм, который мы посмотрели, — «И корабль плывёт», — роскошь буржуазного Запада, но с явным душком разложения. Философская притча, в которой интриги, амбиции, страсти, патология…

Звонил Х., важно заявил, что приходится каждый день ходить в Кремль… А у меня свои ценности и интересы: в «ЛГ» дали подвал об Ирине Одоевцевой, в «Огоньке» — Зинаида Гиппиус, в «Знамени» вышла поэма Твардовского «По праву памяти» и т. д. — и всё безумно интересно, ибо вышло из-за запрета… А ещё сам составляю

Хронику-86…

1 марта

Опять нелады с глазами (то ли переутомление, то ли что?), и вообще такое ощущение, стал сдавать. Ещё взлетаю на свой 4-й этаж, ещё бегом спускаюсь в метро по эскалатору, и всё же, всё же… 26-го на работе было собрание, и я ринулся в бой с главным редактором: хватит волюнтаризма, субъективизма, издевательства над коллективом. Прикрылся XXVII съездом партии, который «преподал урок правды, по-большевистски прямого и открытого анализа острейших проблем, решительно отбросил накопившиеся застойные явления и наметил новые пути продвижения вперёд» (формулировка не моя — газетная). Ну, и т. д., почти по зубам. Горбачёв открыл шлюзы, ну, а мы-то что, не лыком шиты?.. Прочитал я доклад, и — тишина, все в шоке, к такому стилю никто не привык. Ф. сидел то белый, то красный… А после собрания на очередном совещании был воплощением демократичности и коллегиальности, советовался по каждому вопросу…

5 марта

2 марта стукнуло 55 лет. «О боже!» Ничего не организовывали, сидели дома, смотрели фото-

альбомы, заводили пластинки с песнями 30–40-х годов. «Чайка смело полетела над седой волной…» — эту чайку в фойе какого-то кинотеатра я слушал перед войной. А после войны почему-то запомнилась «Рамона» в исполнении Казимира Малахова. «Рамона, ты слышишь ветра нежный зов…» И мне это было почему-то интереснее и ближе, чем «Каховка, Каховка — родная винтовка, / Горячая пуля, лети!..» Нежный ветер всё же лучше горячей пули…

Сегодня принесли мартовский номер «Нового мира» с поэмой Твардовского «По праву памяти»:

Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать ему конца…

Всё время вскрываются всё новые и новые факты преступлений и злодеяний Сталина: залил кровью и затоптал в грязь всю страну. А как скромно начинал — кадры, организация, картотека, за что его насмешливо называли «Товарищ Картотеков». Потом он всем показал кузькину мать…

В прессе вспоминают травлю Пастернака.

Виталий Коротич: «Либо мы очистимся, либо запачкаемся ещё больше». Идёт целый вал воспоминаний, откровений: прорвав плотину, бушует правда. Тут где-то вычитал афоризм: «В спорах рождаются истины, но умирают Сократы». Пастернак умер, исключённым из Союза писателей. Тарковский так и не услышал добрых слов в адрес своих фильмов. Высоцкий не дождался дня, чтобы увидеть изданную книгу своих стихов и песен. Неужели сегодня положение дел меняется к лучшему?..

8 марта

И все же 7-го собрались на 55-летие. Мне по наивности хотелось общения, разговора о возрасте, о времени, о судьбе. Ничего не получилось. Гости пришли, поздравили, выпили, поели, поговорили о пустяках и разошлись.

14 марта

Вот уже неделю стоит удивительная солнечная погода: голубое небо и море света (я ужасно люблю свет и ужасно не люблю тьму). Идёт весна, казалось бы, только радоваться, но радости нет: вдруг начинает неметь левая рука… Эта жуткая жизнь в условиях большого города: вечная толкотня, вечный шум, вечное раздражение… В

«Утренней почте» по ТВ передают всякие игривые песенки, вроде:

Ой, напрасно, тётя,
Вы лекарство пьёте
И всё смотрите в окно, –
Ваш дядя на работе,
А не с дамою в кино…

Ну, и Вайкуле с Леонтьевым: «Ах, вернисаж, ах, вернисаж, / Какой портрет, какой пейзаж!…» Пошла какая-то новая вакханалия с нэпмановским угаром и страстью к развлечению. Праведники-ветераны войны, наверное, вздрагивают… Из письма одного инженера из Свердловской области в «Правду»: «…Плачу оттого, что сын у меня в достаточной степени потребитель и эгоист. Наглотался гнилого ветра…» Немного свободы — и уже «гнилой ветер».

Валерий Туровский в «Московских новостях»: «Мы оттачивали язык намёков и достигли в этом такого головокружительного мастерства, что язык Эзопа нам стал роднее и ближе языка Пушкина…»

Лен Карпинский: «…была и всё ещё остаётся главная проблема — нехватка социализма…» Вознесенский: «Идёт духовная революция». Помимо

статей, ещё и романные публикации — «Зубр» Даниила Гранина, «Последняя пастораль» Алеся Адамовича… Как сказал один товарищ из ЦК: с июля 1986 года цензура перестала заниматься идейно-политическими вопросами. И — пусть редакторы соображают сами, что давать, а что нет… И вот уже в печати сказка Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», где генерал:

Вынюхивает, как собака,
Думающих инако,
Подслушивает разговорчики –
А вдруг в стране заговорщики?..

22 марта

Попали на две популярные ныне премьеры: «Стулья» Ионеско в Театре им. Станиславского и «Костюмер» Рональда Харвуда в Театре им. Ермоловой… Ионеско у нас мордовали-мордовали за разложение, а его пьеса, оказывается, несёт большой гуманистический заряд. А в целом «Стулья» — трагифарс: показан абсурдный, иллюзорный мир, в котором не на что опереться. «Стулья» написаны в 1951 году, и вот спустя 36 лет они дошли до нас. Может быть, дойдёт очередь и до Беккета «В ожидании Годо»?

В «Костюмере» блестяще играет Всеволод Якут

(актёр-премьер Джон) и Зиновий Гердт (его помощник, слуга Норман). После спектакля чествовали Якута: ему в этот день исполнилось 75 лет. Гердт всё обращался к нему: «Севочка!..» Критик Рудницкий отметил, что, когда театра в советские времена фактически не было, Якут всё же умудрялся пленять своим артистическим обаянием, и вспомнил нелегальную пьесу Глобы о Пушкине…

26 марта

Праздник гласности продолжается. Трещит по швам шкала ценностей. Разве после Мандельштама можно читать Егора Исаева?.. А вчера, 25-го, разорвалась сверхбомба. «Московские новости» не побоялись перепечатать из «Фигаро» письмо 10 диссидентов (Аксёнов, Буковский, Юрий Любимов, Эрнст Неизвестный и др.) под названием «Пусть Горбачёв предоставит нам доказательства». Это такое!..

«Советский Союз тяжело болен. Болезнь настолько затянулась, что даже руководители страны были вынуждены порвать с 70-летней традицией молчания — им необходимо доверие людей в СССР, доверие всего мира… Сегодня всем, даже глупцам, очевидно, что, если 70-летнее правление при помощи „самого передового учения“

привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признаёт Горбачёв, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое? Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чём вопрос. А если нет, то что же тогда произойдёт?»

Рядом напечатано мнение Егора Яковлева, который, естественно, ругает «ребят из Парижа», но, что примечательно, не навешивая бранных ярлыков. Корионов в «Правде» более жесток: «Паника в стане „бывших“… писание отщепенцев, торгующих собственной совестью». Но важно другое, что письмо в «Фигаро» опубликовали у нас и можно читать и сравнивать различные позиции — вот что замечательно. В тех же новостях корреспондент английской «Гардиан» Мартин Уолкер пишет: «Перестройка: сюжет такой захватывающий, что весь мир, затаив дыхание, следит за его развитием… Советский Союз самый захватывающий газетный материал на свете…»

Но что ужасно, гласностью и новым поворотом

истории упивается только интеллигенция, а простой народ у нас по-прежнему ничего не читает, мозги крутятся лишь по поводу колбасы да о том, где бы что-то выпить…

29 марта

Начался футбольный чемпионат, а я впервые за свои 43 года «боления» им не интересуюсь: не вчитываюсь в календарь игр, не веду статистику встреч, не обмениваюсь мнением с друзьями-болельщиками. Давидовский сказал: «Ну, Юрка, ты совсем плохой стал!..» Произошло смещение интересов. Футбол — слишком узкая тема, а литература, искусство и нынешняя политическая обстановка жгуче привлекательны. А тут ещё увлекла тема Луны. Начал собирать различные метафоры о ночном светиле:

На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
А иногда и жабы пузо
Напоминает мне она, –

выверт Фёдора Сологуба.

В мартовском номере «Октября» напечатан ахматовский «Реквием» о том, как «безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами / И под

шинами чёрных «марусь»… Адвокаты соцреализма забили в набат: кого печатают? И туда же молодые!.. Проскурин: они «стыдятся в своих книгах упоминать слово „коммунист“»! Юрий Бондарев: «идёт гражданская война в литературе». Феликс Чуев в ужасе: Ахматова, Мандельштам, Пастернак признаны значительным явлением русской поэзии XX века, и в подтексте у Чуева: а как же я? А где моё место? Караул!..

И ещё одна актуальная, трепещущая тема: проституция. Публикация в «Крокодиле» «Чума любви». Из объяснительной записки: «Я спросила у фирмача, что он подарит за любовь. Он сказал, что зонтик. Я возразила, что этого мало…»

4 апреля

Сегодня бы Андрею было 55 лет… Не дожил… Хлынула о нём волна публикаций. То молчание, ярлык «не наш», то великий режиссёр, создавал шедевры… В этом посмертном признании Тарковского есть что-то пугающе-противное и постыдное. И разве Андрей один? А судьба Вампилова, Шукшина?.. Сейчас поднимают на щит ушедших недавно Фёдора Абрамова и Бориса Слуцкого… Старая история: мёртвые очень удобные персоны — ничего не скажут, ничего не возразят. Их можно, как бант, приколоть к

новому платью… У Слуцкого есть замечательные строки о своём прошлом:

Я в ваших хороводах отплясал.
Я в ваших водоёмах откупался.
Наверно, полужизнью откупался
За то, что в это дело я влезал.

Я был в игре. Теперь я вне игры.
Теперь я ваши разгадал кроссворды.
Я требую раскола и развода
И права удирать в тартарары.

Я тоже был в «игре». И я из неё вышел. Или выхожу… А вот и Ольга Берггольц (публикация в журнале «Знамя»):

На собранье целый день сидела –
То голосовала, то лгала…
Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..

А ещё в журнале Георгий Иванов, «Ночевала тучка золотая» Приставкина… В «Неве» записки Лидии Гинзбург. Вспоминала Евгения Шварца, который говорил в Ленклубе за обедом:

— Есть всё-таки в жизни тихие радости. Вчера,

например, что-то попало в глаз. Потом, когда оно вышло, полчаса испытывал такое облегчение!.. Сегодня опять-таки подавился…

11 апреля

Не успеваю читать всё, что выходит. Пока успел одолеть роман Дудинцева «Белые одежды» и присланный мне из Воронежа сборник Евгения Замятина (свой Замятин дома — конец свет!). В «Новом мире» эссе Набокова о Гоголе. В «Книжном обозрении» — Хармс. «…Домой Андрей Андреевич пришёл очень злой и сразу лёг спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щётку и чистит зубы каким-то подсвечником». И в том же обозрении Новелла Матвеева жалуется на работу издательств, на «закулисное движение», «кулуарные связи». И спрашивает, почему её заявка на книгу «Избранное» пролежала в «Худлите» 20 лет: «Пусть мне ответят на эти вопросы, связанные с моим творчеством, и не драматическим шёпотом, а вслух». Бедная Новелла. Я как бы чувствую, что в издательства ходить бесполезно: не издадут…

Решил без согласия главного аккредитоваться на XX съезд ВЛКСМ. Фото делал у Чистых прудов у старого еврея Абрама Евсеевича.

— Вы ещё молодой человек, — сказал он.
— Какой молодой? Собираюсь на пенсию.
— А что вы будете делать — со скуки умрёте?
— Какая скука: есть цветы, книги, земля…
— Земля? Сколько можно её копать?..

19 апреля

15-го двинул в Кремль, во Дворец съездов. Разумеется, много молодёжи: шум, гам, свет юпитеров, съёмки, интервью, тут же поют, танцуют… а ты уже старый, не танцуешь и не поёшь, а только наблюдаешь за юным разливом сил и чувств, — немного обидно. Молодёжь не умолкает и скандирует: «Ленин, партия, комсомол!» С некоторым любопытством прослушал доклад Мироненко, во время которого к Горбачёву и Лигачёву всё время подносили какие-то бумаги (срочные сообщения?)… 17-го ещё немного посидел на съезде, а потом устроил «круглый стол» с делегатами-кооператорами, и материал с ходу пошёл в номер. Да, в Кремле на съезде столы ломились от яств, а в магазинах по-прежнему пусто. Да ещё постоянный рост цен, как отметил Рубинов в «ЛГ», изобретён «вечный двигающийся механизм повышения цен, которые всегда идут в гору…». Интересный «круглый стол» по Би-би-си (не чета моему!), его участники (Лешек Колаков-

ский, проф. Восленский, Александр Янов и другие) пытались спрогнозировать будущее России: либерализация — это хорошо, но по-прежнему хозяином положения остаётся номенклатура. И в неприкосновенности сохраняется становой хребет системы — КГБ.

И ещё: день рождения Архиповой отмечали в ресторане «Новоарбатский». Всё было так себе. Новинка: выступление варьете на западный манер — девочки меняли одежды, задирали ноги и крутили «нижним бюстом». Не очень профессионально, но, наверное, учатся — и всё впереди… Хохмочка: я стою у ресторана: замуж — поздно, сдохнуть — рано… Из рассказа Татьяны Толстой про взрослого дебила Алексея Петровича, который живёт под прикрытием Мамочки: «Женщины — очень страшно. Зачем они — неясно, но очень беспокойно. Мимо идут — пахнут так… и у них — Ноги…» Хороший рассказик выдала Толстая!

Зачем я всё это собираю? Коплю информацию — историческую, социальную, художественную… Цитаты, отрывки, стихи, пассажи, какие-то удивительные факты… К примеру: средневековый рыцарь с доспехами и оружием весил около 225 кг, и его нёс на себе конь.

В метро акселерат старушке: «Вы выходите или выползаете? Я выхожу за три секунды…»

1 мая

Ще рассказывала, как ей накануне праздника жаловался зам. директора института К.:

— Три дня!.. Ненавижу праздники! Не знаешь, чем заняться… Ну, а что твой будет делать? Строить будет?

— У нас нет ни дачи, ни участка.

— Значит, под машиной будет лежать?

— У нас нет машины.

— А что же тогда он будет делать?

— Будет работать: писать…

— А разве это работа?..

Для меня работа: прочитать, разобрать, написать… Гласность навалилась на меня и погребла под ворохом публикаций… Сгинула эра парадности, лжи, фальши. Ушла немота. Раскрылись уста, — и оказалось, что в стране много интересно мыслящих людей, как глубоко они всё понимают, как нестандартно мыслят, как страстно говорят. А где они были до этого? Сидели на кухнях и пыхтели?.. Как кто-то написал: «Сморщенное лицо страха глядит из всех наших форм ограничений и принуждения — разнообразных инструкций, правил, методов, положений и приказов…» Да, и

если говорить честно, то я порой не смел писать в дневнике то, что думаю на самом деле, оставаясь в плену самоцензуры. Память о том, как чекисты листали мои записи, не выветрилась и не стёрлась…

В последнее время прочитано: Маканин «Один и одна», Тендряков «Покушение на миражи», Каледин «Смиренное кладбище», ну и куча статей.

9 мая

Перестраивается не только печать, но и радио. Прежде кондовые тексты пытаются очеловечить, утеплить, — все очень не приводит к многочисленным ошибкам и оговоркам: «парижане, простите, пражане», «с нами в студии эфирные операторы» и т. д.

В сегодняшнем «Огоньке» материал о шахтёре-биографе Александре Андреевиче Данилове. Мой духовный родственник! Такой же ненормально-одержимый человек, как и я: читает книги (прочитал на сегодня 23 805 — ведёт учёт) и выписывает всё на карточки (я всё интегрирую в Календарь). У него идея: судьбы людей. Если в последнем СБЭ дано 20 тыс. персоналий, то у него в библиографическом словаре «Люди голубой планеты» собрано на сегодня почти 172 тыс. фамилий… Такой же подвижник, как я. Этот Да-

нилов 22 года искал фамилию пушкинской няни Арины Родионовны и нашёл: Яковлева — по мужу, Матвеева — в девичестве. «Слышь, философ, зачем тебе всё это?» — спрашивали Данилова, кто с недоумением, кто с явным состраданием. Этот вопрос «зачем?» я часто задаю себе… Чудаки украшают мир? Данилов — пенсионер, живёт в Алма-Ате. Пишет от руки. А я печатаю на машинке. Но оба заняты одним делом, но при этом я стараюсь представить судьбу человека в противоречиях «про» и «контра». Пока это собрано в томах моего Календаря, но со временем, — об этом мечтаю, — возможно, представлю в книгах. Утопия? Кто знает…

14 мая

Мы накануне отпуска. Путёвки с дотацией: 70% от соцфонда. И по какой-то сложившейся традиции — разваливаемся перед дорогой. Крутят животы, болят ноги, и легче перечислить то, что не болит, чем то, что ноет, саднит, подскуливает… Все мысли уже у Чёрного моря, как доедем, каким будет номер?..

Выдержки из записей «Коктебель-87»

15 мая

Утром приехали в Феодосию. В поезде извелись, измаялись, измотались… Далее на такси в Планерную (старое название Коктебель было упразднено 21 августа 1945 г.). Курортная база «Приморье», 33-й номер во втором корпусе с видом на море. За отдельный номер доплатили, а так почти все живут в комнатах-общежитиях. Из перифраза Северянина: «Гарсон, сымпровизируй приличный нам комфорт!..» — ничего не получилось. Комфорта не было.

Первая экскурсия на пароходике «Иван Поддубный» вокруг вулканического массива Карадага. Как там у Волошина?

И напряжённый пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали…

В 1820 году мимо Карадага на парусном судне «Мингрелия» проплыл молодой Пушкин. Золотые ворота поразили воображение поэта, он запомнил их и позднее нарисовал в черновике первой главы «Евгения Онегина». В те времена Золотые ворота назывались Шайтан-Капу (Чёртовы ворота), и, может быть, поэтому Пушкин изобразил рядом с ними беса в окружении пля-

шущих бесенят и ведьму на помеле?..

16 мая

После невыразительного и невкусного завтрака с группой отправились на горную вершину Кучек-Енишар, на могилу Максимилиана Волошина… Простая плита, обрамлённая коктебельскими камушками… После обеда экскурсия в дом-музей Волошина, который его обитатели в шутку называли «обормотником». Фотографии, акварели, письма, книги, портреты… «Мой кров убог. И времена суровы. / Но полки книг возносятся стеной. / Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы…»

Вечером на пляже собирали камни — удивительно приятное занятие.

17 мая

Весь туристический комплекс содрогался от завывания Софии Ротару — лаванда и лаванда. Отправились на территорию дом отдыха Литфонда, там висит плакат: «Соблюдайте тишину: работают писатели». Из писательского цеха видели одну лишь Юлию Друнину, а так в основном отдыхают шахтёры (вместо пера отбойный молоток?). Вечером ходили к мысу Хамелеона и до Тихой бухты.

19 мая

В Коктебеле всё разведали и поехали в Феодосию. Музей-корабль Александра Грина.

Волшебник милый, сказочник туманов,
Свою страну создавший в мире зла,
Ты был угрюм, порой казался странным.
Судьба твоя горька и тяжела… –

писал влюблённый в Грина юноша Миша Гринин (1948–1966).

Вернулись обратно. Вечером гуляли и сидели у моря, у «торжественно-пустынных берегов», как определял Волошин. Мало народа и дышится отменно.

Под небом сладостном полуденной страны Забудем слёзы лить о жребии жестоком…

Это — Константин Батюшков, стихотворение «Таврида». Вернулись в корпус, и блаженное состояние мгновенно улетучилось. Снова люди, рожи, задницы, шум и беготня…

21 мая

Кризис жанра, то бишь отдыха. Доконал ужин.

Я спросил девушку, разливавшую кофе в чайники большим черпаком из огромного бака:

— Вы кофечерпий?

— Нет, я дежурная, — строго ответила она.

Разговор с Тамарой Николаевной, инструктором. Оказывается, чтобы стать инструктором, надо иметь не только соответствующее образование, но и спортивные разряды. А зарплата всего 120 — и вертись! Муж не выдержал постоянных её походов и ушёл. Сказав это, Тамара Николаевна истерически засмеялась…

22 мая

На морском трамвае «Витя Коробков» отправились на экскурсию по синю морю. Объехали Карадаг, он был в тумане. Высадились в посёлке Орджоникидзе. Кафе «Бриз» закрыто, я тут же предложит его переименовать в кафе «Брысь». Что поразило в посёлке — обилие ленинских скульптур: Ленин сидящий, Ленин стоящий, Ленин пишущий, Ленин указующий… Ни шагу без вождя!

23 мая

Солнца нет. Всё пасмурно, хмуро, ветрено, — и сразу Коктебель неуютен. В кафе нет кофе. Из пирожных всего лишь один вид, и этот вид

выглядит неаппетитно. Это не США, о которых Андрей Битов по возвращении сказал: «Что-то такое чрезмерное, слишком уж всего много!..»

24 мая

Ночью был холод и пришлось спать в вязаной шапочке. Встали — за окном сплошной Айвазовский. Девятый вал. О причал бьют водяные глыбы… Занятий никаких… На следующий день, 25 мая, отправились в Судак. Судачок большой и пыльный, ничего примечательного, кроме, конечно, Генуэзской крепости. На вершине закружилась голова… Из Судака в Старый Крым, к последнему прибежищу Ал. Грина… Последний вечер в Коктебеле выдался благостным, умиротворённо-приятным.

26 мая

На 12-й день мы покинули Коктебель. Красивая и длинная дорога. Симферополь, аэропорт, Ил-86 и вечером в Москве.

27 мая

Самый счастливый день: уже дома, в памяти Коктебель и ворох газет и журналов.

31 мая

Навёрстывание культурной программы: фильм

«Курьер» Шахназарова, «Фавориты луны» Отара Иоселиани, американская лента «На следующий день» (о третьей мировой войне) и фильм Натальи Крымовой «Владимир Высоцкий». Марина Влади: «Он был очень талантлив… но был и врун, болтун и хохотун…»

Но главная сенсация, как сообщила Би-би-си, легкий спортивный самолёт, пилотируемый гражданином ФРГ Матиасом Рустом, приземлился на Красной площади и сел у Сан-Базилио. ТАСС сообщил: «Совершил посадку в Москве». Хороша посадка! А как же «граница на замке»?! Получается, что какой-то немчик учинил злую шутку над сверхдержавой, вот тебе и «ракетный щит родины» — всё ложь и показуха!.. «Раса авантюристов ещё не совсем исчезла!» — воскликнул министр внутренних дел Паскуа и тут же добавил, сожалея, что «речь идёт не о французе».

14 июня

В воскресенье, 7-го, поехали в центр. На Тверском бульваре какая-то жалкая вымирающая зелень. Встретились с Григорием Гориным, он сумрачно выгуливал свою собачку. В музее Ермоловой попали на выставку Александры Экстер.

Не стихает вал интереснейших публикаций. Потрясла хроника разрушения храма Христа

Спасителя. Кто ответственен за тот вандализм? Сталин, Каганович, Ярославский, Хрущёв? Кто?.. Или коллективный коммунистический разум?.. Когда опубликуют все эти решения, стенограммы, записки?.. Бедная-бедная, многострадальная Россия!.. В «Науке и жизни» — неопубликованная с 1965 года статья Константина Симонова о войне и Сталине. Ну, и прочие ужасающие публикации. Благодаря гласности победный цвет родины становится кроваво-трагическим. Все хотят узнать как можно больше — и за газетами выстраиваются большие очереди, мне приходится вставать в 7 утра и ехать за ними на «Сокол». Охота пуще неволи!.. Итак, первый выход за прессой. Затем второй: в магазины, иногда удаётся достать какие-то крохи от былых продуктов. Третий выход: провожаю Ще на работу (если работаю сам дома), покупаю минералку. Дома читаю и режу газеты для досье. Да, ещё заканчиваю своё исследование «Луна в офсайде» — лунные метафоры в русской поэзии.

20 июня

Неделя прошла в гранках, в переговорах, разговорах и прочей дребедени. А что сделано для вечности?! Владимир Турбин жалуется в «Лит. России», что его творческий КПД был не выше,

чем КПД паровоза 5–7%. И что надо было писать больше в стол, тогда что-то бы всплыло… Я вот долблю в стол. Складирую свои материалы, как некогда говорил Безбородов на радио… В три вечера «съел» роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Здорово, но с некоторым «но»…

26 июня

По Би-би-си была любопытная передача про интеллигенцию. Интеллигенция — это процесс, развитие. Интеллигент — он всегда на полдороге… Интеллигент на службе — внутреннее грехопадение…

Разливанное море прессы. «Снова нас читает Россия, / А не просто листает нас…» (Борис Слуцкий)… С упоением прочитал «Котлован» Платонова, и трудно определить жанр: что это? Эпос, гротеск, сатира?.. «Музыка перестала, и жизнь осела на всех прежней тяжестью». «– Чаклин, что же ты так молча живёшь? Ты бы сказал или сделал мне что-нибудь для радости!»

Хотя иногда в жизни встречаются платоновские выверты. Был тут у нас слесарь из ЖЭКа, чинил раковину и сказал: «Сил моих дамских нет». В маршрутке одна старуха жаловалась: «Как за семидесятку перевалит, сразу что-то с памятью делается: ничего не помню…» И симпатичная ого-

ворка Ще: «Подожди, я переобую бюстгальтер».

3 июля

В «Огоньке» гвоздь публикаций — письмо Раскольникова Сталину. «Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв...» Неужели когда-нибудь произойдёт настоящая десталинизация общества? Дай бог дожить до неё.

24 июля

ЦК принял специальное постановление по снабжению Москвы и Ленинграда. Торговля в условиях социализма — это что-то страшное. Пустые полки, грязь, хамство продавцов, очереди за дефицитом, постоянное ухудшение качества товаров, хлеб стал такой, что его можно выкидывать сразу. Быт вопиющий... А что будет дальше?.. Вообще, нынешняя жизнь состоит из одних страхов: война, ядерная, химическая и ещё бог знает какая... экология — жуткий воздух, гибнет зелень, кислотные дожди... непонятные болезни, паника из-за СПИДа, призывы «спи один» и прочие напасти и весёлости, а мы по-прежнему находимся в поэтически сладостном уповании — авось пронесёт?..

Усталость придавливает меня, как плита. Не

успеваю «переваривать» выливающуюся кучу новостей. Раньше собирал всё по крохам, отыскивал факты и фактики, а тут всё сыпется и сыпется до бесконечности. Надо бы начать делать третье издание своего Календаря, но как подумаю об этих тысячах и тысячах страниц, становится просто страшно. Нет никаких сил…

27 июля

Помимо всего прочего, идут литературные бои. Лидеры журнала «Молодая гвардия» (про него сказали, что это не орган ВЛКСМ, а скорее орган неформального объединения политических недорослей) Анатолий Иванов, Проскурин и прочие заявили, что не хотят никаких перемен и выступают против «набоковщины». Литературная стенка на стенку. Никто не хочет отдавать свой кусочек с маслом…

30 июля

Накатил потный вал вдохновения, как сказано в великом романе, и вот появились строки о погоде:

Не хочет небо голубеть
И золотые нити солнца
Спускать на сумрачную твердь,

Чтоб вспыхивали все оконца.

Не хочет небо голубеть
И расставаться с серой краской.
И я на мир смотрю с опаской,
Ведь можно так и озвереть…

В «Знамени» прочитал отрывки из дневников участников войны 1812 года. Интересно: события, нравы, слова… «Ретирада»… какие-то игры — бостон и макао… не говоря уже о подробностях и эпизодах военных действий.

Поездка на Украину

10 августа

Конспективно о командировке в Тернополь и Хмельницкий. 4 августа вылет из Быково, остановка в Киеве и далее Тернополь (до 1939 года польский город). Летел вместе с зав. отделом «Сельской жизни» Анатолием Костюковым, и он вывалил на мою бедную голову кучу разной информации — о коллективизации, о современном положении в деревне, о сельском машиностроении, о дубарях-министрах Ежевском и Хитруне, о просчётах в конструкции комбайна «Дон-1500», о химизации продуктов и т. д. Разговор продол-

жился в номере гостиницы (люкс) до часу ночи…

Тернополь махонький, аккуратный, зелёненький. Здесь родилась Саломея Крушельницкая и работал Лесь Курбас.

5 августа с Костюковым проводили «круглый стол». Разговор шёл о кооперативной демократии, о том, как задействовать затюканного пайщика кооператива, который юридически является хозяином, а на практике — никто. Затем банкет в ресторане «Пролисок» («Подснежник»). Блюд не менее 20. А в завершение обильнейшей трапезы вареники с вишней, плавающие в мёде, какое-то желе и вожделенный кофе.

6 августа

На «Волге» отправились в другую область — в Хмельницкую. Город Хмельницкий (бывший Проскуров), тут моим куратором была женщина Зинаида Петровна Бризицька, зампред по торговле, по-украински «заступник головы». Поехали в район — в Староконстантинов. Все предприятия отменны — в Москве таких и нет, — порядок и чистота, ну, и наполненность продуктами…

7 августа

Как говорится, едем дальше. Каменец-Подольский. Здесь, кстати, когда-то жил Владимир Даль.

Город симпатичный и заповедный, по архитектурным памятникам третий на Украине, после Киева и Львова… Странность: к кафедральному собору пристроен турецкий минарет. Внушительна Старая крепость (XVI век)… Обед в ресторане, устроенном в старой синагоге. Потом в машине слушал любимые песенки водителя: «…Но толстая Кармен достала первой свой кольт — / И над столами в морге свет включили…» — надрывался Розенбаум. А далее самолёт и Москва…

Странные эти кооперативные командировки. Ты приезжаешь на место в качестве какого-то проверяющего высокого начальника (не дай бог в статье напишешь что-то критическое!..), все перед тобой заискивают, угождают тебе, ловят каждое слово… Короче, разыгрывается вечный российский сюжет: Хлестаков в роли ревизора и всего боящийся городничий со своими присными. Городничий у Гоголя причитает: «О, ох, хо, хо! Грешен. Во многом грешен. Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой никто не ставил…»

15 августа

Верховный суд СССР реабилитировал группу 15 учёных, среди них знаменитый аграрник, профессор Александр Чаянов. Его идеи шли вразрез с

линией на коллективизацию, за что и пострадал. Расстреляли… Тут по Би-би-си пел Эмиль Горовец («Их бин аид» — я — еврей), пел песни на слова расстрелянных еврейских поэтов…

В литературе продолжается кипение страстей. Пётр Проскурин употребил слово «некрофилы» в отношении возвращения к читателям книг Набокова, Булгакова, Платонова, Ходасевича и прочих истинных мастеров. Сам он ни писать, ни говорить не умеет. Тут выступал по ТВ, одни слова-паразиты: «так сказать», «значит». Отвечая на записку из зала, сказал: «Человек духовен… вообще…» и замолчал, почти замер, соображая, что же это он такое сказал. А вот Войнович, напротив, купается в своей языковой стихии. Тут по «голосу» несколько раз читали отрывки из его романа «Москва 2042». А там шалости: продали тело Ленина, собор Василия Блаженного… учредили «обряд звездения» и т. д.

23 августа

Печальное событие: на гастролях в Риге умер Андрей Миронов. 46 лет. Ужасно жалко. Даже написал стихи:

Есть остров Невезения и острова Печали,

Архипелаги Неудач и роковых Страстей.

Как вспомнишь: все мы бодро начинали
И сколько было всяческих затей.

А ныне все бредём в понурости житейской.
Кто подошёл к черте, а кто и заступил…
И ни к чему улыбки фарисейства,
Сочувствия к тому, кто свой растратил пыл.

Есть остров Памяти, и есть, увы, Забвенья.
Кому какой удел. Кому что выдал рок.
И может только настоящий гений
Расшифровать, что спрятано меж строк.

Миронов ушёл в расцвете сил. Несправедливо. Но жизнь сама по себе не может был справедливой или несправедливой. Жизнь есть жизнь. Другое дело: рок, фатум, судьба. Кому какой удел, кому какой жребий…

Ах, как жизнь бесполезна порой и на-

прасна.

Как мучительна жизнь, а порой и легка.

Только плохо лишь то, что усилия наши напрасны,

Как стремленье проникнуть сквозь стекло мотылька.

И ещё одни стихотворные строки — «Шутка»:

Есть в Испании город Валенсия.

Ах, как чуден, красив, говорят.

Катану вот туда, когда выйду на пенсию,

И возьму там… семейный подряд.

По соседству есть город другой – Барселона.

О Мадриде уже умолчу.

Только всё это сказки. Есть зона,

Где запреты на всё, что хочу.

Комментарий. Иногда бредишь — и вдруг явь. Трудно было помыслить, что когда-нибудь окажусь в Испании, а вот неожиданно сбылось. И именно на пенсии. 19 мая 2001 года (менее чем через 14 лет) я оказался в Барселоне. 22 мая —

переезд в Мадрид. И 25 мая — пенсия-Валенсия. Вот чем обернулась стихотворная шутка… (10 мая 2010 г.)

29 августа

Вчера накануне отъезда Ще в Финляндию (повезло: попала в группу) вошли в магазин и сказал ей: «Смотри и вспоминай! Такого в Финляндии не увидишь…» Итак, ещё лето (по-фински «кеся»), август («эло-куу») и день («юкси пайвя») Ще в Финляндии — город Иматра. Провожая Ще на вокзале, сказал руководителю группы: «Берегите эту даму». Сказал значительно и внушительно, на что тот ответил: «Слушаюсь, полковник». Принял за кагэбиста? А лето тем временем кончилось, в этом году оно было урывками, и сплошной пасмур, прохлада и дождь.

2 сентября

31 августа после долгих телефонных переговоров меня принял зам. генерального прокурора СССР Олег Васильевич Сорока. Величина. Но вполне благожелательный (ничего не просил, а брал интервью). Прошёл по красному ковру мимо кабинета Рекункова, генерального прокурора, вздохнул, интересно было бы узнать, когда реабилитируют, к примеру, Бухарина?..

Продолжаю пребывать в читательском запое. Бутрин, Георгий Гачев и Кураев («Капитан Дикштейн»), статьи Карякина (он определил схему «охранителей»: невежество — непонимание — подозрительность — delatio [донос]). Эстонец Уко Мазинг вывел формулу советской жизни: «делать Ничего». Маршак в разговоре с Берестовым о будущем: «Они проворуются, милый, они проворуются».

5 сентября

Занимался зубами. За три раза в очереди и в кресле у врача провёл в общей сложности 8 часов — аккурат рабочий день. Ещё были операции: «Боржоми», «Набойки», «Раковина» — и везде осложнения. Все бытовые неурядицы смешно смотрятся на фоне передовой «Правды» — «Уважение к человеку». Увы, человек у нас — это всего лишь пыль под ногами.

Любознательность меня губит, покупаю один журнал за другим: «Советский экран», «Литературная учёба», «Польша», «Литературное обозрение», еженедельник «Новое время»… и в каждом номере что-то есть интересное, и всё это бережно собирается… Би-би-си несколько дней кряду передавала отрывки из «Апокалипсиса нового времени» Василия Розанова — жгуче ин-

тересно. Конечно, это надо читать, а не ловить на слух, но ведь не издано и запрещено. В «Воплях» статья Виктора Ерофеева «Розанов против Гоголя». Гоголевские «словечки» как ни у кого…

Интересны публикации о судьбе Максима Литвинова и Яна Рудзутака.

13 сентября

8-го встречал Ще на вокзале. Группа вывалилась из поезда с синими коробками (в них дефицитные магнитофоны) — зрелище на тему «Наши вернулись!». Всю неделю Ще рассказывала, какое сильное впечатление произвела на неё маленькая Финляндия — сервис, комфорт, ухоженность, строгая красота. Бывшая царская колония обскакала великую империю. И привет!..

20 сентября

Глава КГБ Чебриков признал наличие социальной напряжённости в стране. Экстремисты рвутся на улицы. Активизировалась «Память». Никто не хочет работать, все хотят что-то отнимать и распределять.

Никак не займусь привезённым из Финляндии двухкассетником «Нордик». Стоит и стоит, а ведь как мечтал о нём. Я, как Вронский после обла-

дания Анной Карениной, не слишком-то весел: «Несмотря на полное осуществление того, чего он желал так долго, он не был полностью счастлив». Человек — загадочное существо…

26 сентября

Дождливый сентябрь, но жизнь тем не менее продолжается. В субботу отстоял 45 минут за «Огоньком» — запоздал привоз. Были на Дне города — Москве 840 лет. Особого праздника не увидели.

7 октября

День конституции, в которой есть разные права и, как я понимаю, на личную жизнь, на писание дневника. Вот и пишу… Повезло побывать на выставке Марка Шагала. Весь цвет московской интеллигенции купался в голубом мире Шагала. Голубой ангел — прелесть… По вечерам крутим записи неофициальных песен:

Небоскрёбы, небоскрёбы,
А я – маленький такой,
То мне страшно, то мне грустно,
То теряю свой покой…

20 октября

Начался сезон простуд. В пятницу прихватило

поясницу, еле ползал. Сижу дома — вторая часть отпуска. Хожу по магазинам и читаю. Книга о Талейране. Прелюбопытно. В «Огоньке» интересный материал о Василии Гроссмане.

24 октября

Кто-то страшится одиночества, мается, когда не на работе, а я готов восклицать: ах, как прекрасно сидеть дома! И заниматься своими делами. Добиваю своё исследование об Андрее Вознесенском (исключительно «не для печати»). Читаю: «Встань и иди» Нагибина, подборку новых стихов Евтушенко о том, что «профукана страна».

Когда же избавиться мы решим
от наших взбираний, потений,
от наших бесславных падений
и низменных ложных вершин?..

По Би-би-си читали «Окаянные дни» Бунина. Весной 1919 года Бунин мучился в Одессе, что всё время чувствовал «тревожное ожидание чего-то».

31 октября

«Нас всех подстерегает случай…» Классик прав. В понедельник, 26-го, неожиданно прихватили боли в пояснице и в животе. На крик. Вызвали

«скорую». Сделали уколы. Потом приступ повторно и вновь «скорая». А 27-го меня увезли в Центросоюзовскую больницу на Лосиноостровскую, 39. Отделение урологии. Стали делать анализы: моча по Нечипоренко, кровь и т. д. Разные проблемы: у кого не идёт струя из мужского органа, у кого, наоборот, «как из шланга».

Я, как обычно, разговаривал со всеми и узнавал детали «про жизнь». Говорил и с лифтёром, сказал ему, что-де выйду на пенсию и пойду в лифтёры, а он в ответ: «Думаешь, сахар?.. В чужих руках всегда длиннее и толще… (тут он показал, что держит в руках)… Работа тут, как гармошка: то откроешь, то закроешь. К вечеру так накувыркаешься, что давление приходится мерить. Всё гудит, всё время ходишь под током. Домой прихожу — всё куда-то еду, всё внутри трясётся… И за это 70 рублей… Тьфу!..»

По поводу положения общих дел в стране лифтёр-аналитик сказал так: «Все опошлились, обленились, спились… Сами виноваты, что до такого дерьма дошли… никто не хочет работать… Одно только соревнование: чтобы у каждого было лучше, чем у соседа…»

Итак, меня по моей же настоятельной просьбе выписали. Что было? То ли выходил камень, то ли

песок?.. Меня выписали с наставлением не забывать про почки (диагноз выписки: купированный приступ правосторонней почечной колики). Ну, а далее дом. Радость возвращения, разбор газет, слушание «Нордика»: «Невеста танцует… Оп-па!.. Горько!..» И в другой песне: «Тётя Маня, закрой дверь!..» Ну, и про то, как «налётчики устали от налётов, — всю ночь работать — кому охота?!.».

8 ноября

Великому Октябрю — 70 лет. Я учил и знал один Октябрь, а сейчас после новых публикаций вырисовывается совсем иной Октябрь, и роль Сталина совершенно другая…

На Крымской были на выставке Аристарха Лентулова. Не Шагал. Не очаровал своими лукаво-карнавальными взрывами.

По теле смотрели парад. Были даже тачанки. Много кумача, меди оркестра, шума, знамён, — всё било по глазам и ушам. А потом праздничный концерт. «Где-то лебеди летели, утки кукарекали…» — пела Валентина Толкунова, и это было как-то не в масть с новыми временами гласности и открытия архивов, правда, открываются они пока с опаской и малыми дозами. Тут в «Огоньке» был материал о Довженко. Я и не знал, что он тоже жертва, правда, его не сажали, но душили с

удовольствием. Такие были времена: задушить, не пущать, стреножить! Но правда в конце концов пробивает бетон всех запретов и табу…

11 ноября

Хотел поехать в Туркмению, но Фомин не пустил: поехал сам. Очевидно, снимать большой урожай. А мне досталось редактировать беседу с туркменским председателем Нурклычевым. Да, снова переезд редакции: в Большой Черкасский, в здание Центросоюза. Библиотека под боком — очень хорошо, и первая книга: воспоминания Добужинского. А из окна комнаты на 5-м этаже видна одна из кремлёвских звёзд. Если бы я был истинным патриотом, то возрадовался бы. А так просто интересно. Звезда. Не Вифлеемская, а кремлёвская…

Говорить с Фоминым — сплошная мука, а не говорить нельзя — начальник. Жаловался мне, что в журнале у нас нет настоящих профессионалов, как в «Литературной газете». Сравнил ещё! Ему хочется, чтобы под его началом трудились Толстой и Достоевский, а он бы их учил, как надо писать… А на радио в Латиноамериканской редакции к власти пришла новая хунта во главе с Леонардом Косичевым. Если бы я не ушёл, то наверняка сейчас бы был наверху. Только хорошо

ли это? Молотить деньги — это ещё не всё…

15 ноября

Ельцина с треском сняли с поста первого секретаря МГК партии. Личные амбиции, политическая незрелость, демагогия и прочие обвинения в его адрес. О Борисе Николаевиче везде гудят, на улице, на транспорте, в коридорах учреждений. Молодёжь недоумевает: высунулся человек и получил сразу по башке. Он боролся против номенклатуры и в конечном счете проиграл. «Голос»: отставка Ельцина ясно демонстрирует пределы перестройки. «Как мало изменений произошло в кремлёвской машине». И Ельцин «канул в политическую неизвестность».

Игорь Клямкин в «Новом мире» (№ 11): интеллигенция отщеплена от государства психологически, а от народа — культурно… «Осталась тоска и маета. Душа застряла между жаждой высшей духовности и соблазнами низкой материальности…»

22 ноября

Глотаю все новые книги и публикации и вношу интересненькое в свой Календарь-поминальник: Дмитрий Журавлёв, Любовь Орлова, Михаил Кольцов, Хачатурян, Танеев, французский ре-

жиссёр Ален Рене, Инна Чурикова, Мордвинов, Эйдельман «Твой XVIII век», воспоминания Риты Корн (жены Афиногенова) — «Друзья мои…». В «Огоньке» воспоминания Анны Лариной (Лурье) о Бухарине. Нежность и боль… Абсолютно пустая монография об Ольге Яковлевой, а вот беседы Эккермана с Гёте — это сплошное удовольствие.

Эккерман: …Я невольно ищу человека, соответствующего моей натуре…

Гёте: …требовать, чтобы люди с тобой гармонировали, — непростительная глупость. Я её никогда не совершал… Я научился общаться с любым человеком…

10 декабря

Ещё неделька откатила! Всё ближе к старости, к пенсии, к смерти. Увы, это так… Продолжает поражать наш народ (точнее, отдельные его представители, которые любят писать письма в газету). И что их волнует? Перестройка? Хозрасчёт? Реформа цен? Встречи в верхах? Проблема молодёжи? Алкоголь, наконец? Ничего подобного. Больше всего приходит писем на тему: Алла Пугачёва. Пишут и сторонники певицы, и её противники («Народ возмущён»). Не дай бог выплеснется на улицу народная злоба да агрессия, кровь потечёт повсюду…

На работе обнаружил тома второго издания Малой советской энциклопедии (1935–1940). Пролистал четыре тома, много «вкусностей» для Календаря. Дочитал «Пушкинский дом» Андрея Битова. Есть блестящие страницы, а есть проходные… Впервые напечатан у нас Иосиф Бродский — живой эмигрант!

Посылаю тебе, Постум, эти книги.

Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?

Всё интриги, вероятно, да обжорство…

Лихую статью о делах театральных выдал критик Борис Любимов: «Сборный сюжет пьесы 1987/1988: проститутка, наркоман и взяточник (возможны варианты): Сталин и Троцкий (возможны варианты); органы ЧК, КГБ, ГПУ (возможны варианты) в сопровождении ВИА (возможны варианты) и хорошо раздетых подруг героини (без вариантов). Долго ль на этом продержимся?»

26 декабря

Купили пластинку Высоцкого «Всё не так, ребята!..». Там — «Или куришь натощак, / Иль

пьёшь с похмелья». Я не курю и не пью, но утром тоже «всё не так». То правый бок отваливается, то голову ломит. И Ще чувствует себя не ахти. Стрессовое время?.. И опять эти длинные ночи, короткие тёмные дни, хмарь, то мороз, то слякоть под ногами, и никаких кипарисов, пальм и голубого неба… В далёком 1908 году Саша Чёрный тоже нервно реагировал на климат и жизнь:

Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка,

Холод, слизь, дожди и тьма –

так и тянет из окошка

Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой –

Негодую, негодую… Что же дальше, боже мой?!

А в другом куплете: «Мой близкий! Вас не тянет из окошка / Об мостовую брякнуть шалой головой? / Ведь тянет, правда?»

В «Комсомолке» статья о «Памяти». В стране подняли голову неофашисты. Ищут масонов и евреев, хотят видеть Россию «юденраин» — чистой от евреев… А ещё баталии вокруг Сталина и 1937 года. Кипят страсти: кто яростно «за», кто активно «против». Хорошо написал поэт Ваншенкин:

«Различное отношение к истории и, в частности, к 1937 году — не просто дело вкуса. Люди, жалеющие о тех временах, подсознательно, по характеру — доносчики, тюремщики, каратели; а ужасающиеся при мысли о той поре — потенциальные жертвы…»

Мы с Ще — потенциальные жертвы…

31 декабря

Стали почему-то волновать некрологи. Умер Аркадий Райкин — целый пласт жизни. Дозволенная властью сатира… Вслед за Райкиным ушли артистка Князева (знаменитые когда-то радиопередачи «Принц и нищий», эдакий волевой мальчик) и Николай Литвинов, актёр-сказочник, голос которого украшал радио: «Здравствуй, дружок!..»

Но сменим тему. В «Литературке» Солоухин поведал историю, как во время пребывания в ФРГ его пригласили помыться в совмещённой бане. И всё было нормально, спокойно, голые женщины не волновали, а были наподобие мраморных античных скульптур. А вот у других советских специалистов случился казус, когда они вошли в парную и увидели сплошное «ню», то один из них истошно завопил: «Коля, назад! Провокация!..»

1987 год заканчивается, и ему не крикнешь

«назад!». На днях отдался стихии подсчётов (наверное, во мне среди прочих сидит статистик), сколько заработал денег за текущий год и что на них купили. Приведу только одно: за истекающий год куплено 49 книг на 153 рубля — примерно одна месячная зарплата ушла на книги.

Маленькое добавление, спустя 31 год.

Я, как многие «гнилые интеллигенты» в очках, радовался гласности, восстановлению исторических имён, реабилитации невинно погибших, свежему ветру перемен и надежд. Но существовали и другие «товарищи», которые не хотели расставаться с душным лагерным прошлым, скрипели зубами от новаций и в душе мечтали о реванше.

И тут мне на помощь пришёл Евгений Евтушенко со своим сборником стихотворений и поэм «Граждане, послушайте меня…» (1989).

Сталинистам была люба и по нраву сталинская эпоха, и они упорно за неё цеплялись. Об этом Евтушенко написал несколько стихотворений: «Плач по плакальщикам», «Отечественные коалы», «Страх гласности» («Страх гласности — ещё от крепостничества… / Страх гласности — от собственной неясности… Страх гласности — от ужаса невластности…» И концовка:

Народоразвратители, вы ласкою
и страхом нас хотите развратить
и нашу гласность в шлюху полугласности
из Орлеанской девы превратить.

Спасибо Евтушенко за дополнения в эту книгу. С единомышленниками всегда легче шагать вперед, в неизведанное… (21 апреля 2019 г.)

1988 год – 55/56 лет. Карьера: зам. главного редактора в «СПК». Командировки: Ивано-Франковск, Закарпатье, Бухара. Отпуск: Рига, «Лесные поляны»

3 января

За балконом +5, великое потепление. Громко стучит капель, потекли снега, и от перемены погоды и давления жутко трещит голова. А в предыдущие дни был нормальный морозец. Ох уж эти прыжки…

Новый год встретили вдвоём. Выпили немного водки. Запасённая красная икра, кооперативная ветчина и испечённая Ще шарлотка с яблоками. И дурацкое смотрение ТВ. Юмористы юморили, певцы пели. «На теплоходе музыка играет, а я один стою на берегу…» Или что-то под иностранное: «Хау ду ю ду, мистер Браун!» Клевали носом, но упорно ждали зарубежной эстрады. Дождались, и ничего особенного: дым, эффекты и какая-то инопланетная молодёжь. Легли около 5 часов утра. Рекорд…

Первая книга Нового года — «Белый коридор»

Ходасевича. Борьба двух кремлёвских дам — Марии Андреевой и Ольги Давыдовны Каменевой… А что будет с нами, со страной? Что преподнесёт год Дракона?..

7 января

Феликс Медведев предложил Грише перейти в «Огонёк», на что Половик сказал: «Но там ведь крутиться надо…» А в «СПК»? Можно дремать? И дремлет… В энциклопедии 1935 года утверждается, что в СССР женщину освободили «от материальных тягот устаревшего хозяйства». Безумные фантазии коммунистов…

10 января

Два вечера подряд смотрел ночные программы «Взгляд» и «До и после полуночи». Первую ведут молоденькие ребята, самый симпатичный из них Влад Листьев. Вторую ведёт Владимир Молчанов со своим интимно-фальшивым голосом. Песни, информация, видеоклипы. Модная ныне песня «Букет» в исполнении Барыкина: «Я буду долго гнать велосипед…»

Переплетён 4-й том моих избранных материалов, там — Франция, Вознесенский и прочее. Вместо книги самиздат.

В «Огоньке» некий Разбухаев из Ульяновска

пишет, что журнал читать ему трудно, но он очень любит кроссворды. Согласен с писателем Анатолием Ивановым, что народу не нужны Мандельштам, Пастернак, Зощенко, Платонов и Цветаева. И к тому же сообщает о том, что «враги вокруг нас». И таких Разбухаевых в стране миллионы. Они — поклонники Сталина, в их головах и душах — рабская философия винтиков, слепых и глухих исполнителей, бездумных роботов. Всё принимают на веру, что им говорят. Сказано, что Пастернак — враг, значит, враг. Что тут соображать?

24 января

Информационный поток продолжает хлестать. Интересные публикации об Александре Чаянове, Борисе Збарском… Нахожу новые детали о жизни Максвелла, Боливара и Кржижановского — и сразу вставляю в Календарь. Старика Кржижановского таскали на допросы и тоже предъявляли ему нелепые обвинения… Фритьофа Нансена мы в 30-е годы называли «мелкобуржуазным пацифистом и филантропом»…

16-го мы с Ще повесили в комнате В.П. новые пять полок, и потом я трудился над книжной экспозицией. Комната преобразилась и стала напоминать какую-то читалку…

18-го в телепрограмме «Служу Советскому Союзу» министр Язов в Министерстве обороны принимал писателей (Розов, Проханов, Карпов и кто-то ещё). Министр обрушился на прессу: какие это такие «вечные вопросы»?! Служить надо! Какая дедовщина? Маменькины сынки! Затем стал трясти в руках «Огонёк» и заявил: какая похабщина!.. Бравый маршал, ничего не скажешь…

30 января

24-го на Кузнецком мосту были на выставке Александра Тышлера (1898–1980). Удивительные картины. Тышлер артистичен и фантастичен. У него прослеживается навязчивая идея клетки, камеры, тюрьмы. Идея поруганной свободы, стеснённого пространства. Не вырваться, не уйти, не выскользнуть… Тышлер разговаривает со зрителем на языке метафор и романтических уподоблений… Оригинальные картины: «Директор погоды», «Соседи моего детства», «Махно в гамаке» и очень много разнообразных женщин, от тонюсеньких, почти бестелесных, до огромных бабищ с пудовыми грудями… Ну, и разные шпильки, вуалеточки, флажки, флюгерочки, корзиночки, шляпы и т. д.

— Молодой художник? — спросили меня о Тышлере на работе.

— Да, молодой. Родился в конце прошлого века.

Н-да, кругом знатоки и любители литературы и живописи.

25-го Высоцкому исполнилось 50 лет, и все журналы (разных толков) бросились наперебой писать об ушедшем поэте и певце. Юрий Любимов сказал, что Высоцкий «зарифмовал всё своё время во всех его проявлениях…». Наслушался и насмотрелся Высоцкого, так что защемило сердце и пришлось пить валокордин…

В «Новом мире» напечатана Петрушевская — «Свой круг». Начинаешь читать с улыбочкой, а заканчиваешь — с рыданиями. Страшное разложение нашей полуинтеллигенции. Нет стержня, всё крутится вокруг развлечений, тряпок, водки и постели. Духовный вакуум. Этическая глухота.

5 февраля

О работе писать противно, хотя Гриша считает, что в «нашей конюшне» жить вполне можно. Нет, это не стойло Пегаса, увы. Из редакции скорее спешишь домой. Дома хорошо… книжные полки… тишина… Один, без коллег и соседей. Прямо по Ремизову: «…А хочется тихо в своей норе посидеть. И чтобы было тепло, главное, натоплено, а по Достоевскому ещё и чая попить, а по мне и

с баранками и без всякого Лермонтова, вообще без „человека“, а только домашние животные допускаются, пускай себе лают и мяукают, и если охота, топчутся на здоровье…»

Увы, нет собачки, нет кошки, — и заводить нельзя, кто будет сидеть с ними дома?.. Но и нора, то бишь квартира, разваливается, нужен ремонт, а это!..

Прочитал ксерокопированную книгу Авторханова «Загадка смерти Сталина». Сколько любопытных фактов и деталей. Сталин, узнав о своём диагнозе, который дал академик Виноградов, закричал: «В кандалы его! В кандалы!..» На банкете в честь Максима Горького Карл Радек поднял якобы шутливый тост: «Я пью за нашу максимально горькую действительность»…

Сделал и переплёл дополнительный том к Календарю, около 150 стр. Тружусь, как муравей…

9 февраля

Погода жуткая. Какой уж день: оттепель, туман, капель, под ногами лёд и грязь, а главное, всё тонет в жуткой безотрадной серости… Из развлечений: «Забытая мелодия для флейты» (метания между женой и любовницей — Филатов, Купченко и Догилева) и «Спрут-2» — сериал для дома и дивана. В книгах и статьях всплывает наша

история с её преступлениями и извращениями — «Быль царей и явь большевиков» (Волошин). Фальсифицировали даже дневники. У Антона Макаренко раньше было: «Много читаю Ленина…» В издании 1951 года уже иначе: «Много читаю Сталина…» Короче, опасная эта штука «гласность». Сначала мордобой в печати, а потом всё может выплеснуться на улицы. У народа, которого веками держат в узде, нет никаких навыков демократии.

21 февраля

За последнее время посмотрели три замечательных фильма: «8½», «Кордебалет» и «Кукушку». Феллини, конечно, гений, но не всё его зашифрованное способен понять советский зритель. По выходе из кинотеатра одна зрительница сказал своему спутнику: «Я ничего не вынесла для себя…» Привыкла что-то всё выносить, как продукты в сумке. А если кино, чтобы всё было разжёвано и понятно, а думать самой не научена. Другой «ценитель» сказал предельно просто: «Бред какой-то пьяный… ничего не понятно…» Им всё Чапаева подавай: свои-чужие, скачи, руби, коли… Тут натолкнулся на высказывание Репина в письме к Стасову из Италии, 1873 год: «…не все люди с кривыми рожами, есть светлые

личности, есть прекрасные образы, озаряющие собой целые массы». Добавим: но таких единицы, а масса именно «с кривыми рожами».

Американский фильм «Кордебалет». Музыка, хореография, пение, юмор, жизненные истории — всё сплавлено едино и выглядит органично. Смотрится на одном дыхании. «Полёт над гнездом кукушки» Милоша Формана иной. Не сцена, а психбольница, и два пласта жизни — комический и драматический. В главных ролях Джек Николсон и Луиза Флетчер (медсестра). Всё сделано на взрыве чувств. Всё вроде бы просто, но за этой простотой скрывается великая сложность. Наше кино на такое не способно. После «Кукушки» отечественные фильмы просто не смотрятся. Другое дело — литература. Тут, пожалуй, мы впереди планеты всей, по крайней мере, так хочется думать. Повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна» замечательна.

Ну, а что в жизни? Создаётся впечатление, что Горбачёв обращается непосредственно к народу через головы бюрократов и партаппаратчиков и чуть ли не призывает открыть «огонь по штабам», как в Китае. Идёт жуткий саботаж. Управленцы никак не хотят расставаться со своими тёплыми, насиженными местами, и их пугает растущая

активность людей. Чем всё это кончится? Недовольны верхи, недовольны низы, всё бурлит и клокочет. Растут цены. А тут ещё проблемы с прошлым. И различных проблем бездна. Весь мир переходит на компьютеры, а у нас в стране не хватает самого примитивного — досок и мела.

24 февраля

Однажды Борис Тенин встретил Петра Олейникова в книжном магазине, он был растерян. «Читануть бы чего… да поздновато». Мне не поздновато, в самый раз, и я читаю и читаю. Среди прочего в «Сельской молодёжи» большой материал о Льве Гумилёве. Его рассуждения о пассионарности, горении. Пётр I, к примеру, пассионарная личность, а вот многие наши современники… На этот счёт строки Бориса Чичибабина:

Как страшно в субботу ходить на работу,

в прилежные игры согбенно играться

и знать, на собраньях смиряя зевоту,

что в тягость душа нам и радостно рабство.

Как страшно, что ложь стала возду-

хом нашим,

Которым мы дышим до смертного часа…

Раньше такое публиковать было немыслимо. А сейчас печатают. Не устаю удивляться всем этим волшебным изменениям с приходом Михаила Сергеевича и с провозглашённым курсом на демократию и гласность.

…Сегодня помылся, поспал, но всё равно нет хорошего самочувствования. Неужели возраст? Всё время посещают грустные мысли. О том, о сём…

28 февраля

Грядёт 56-летие. Меня часто спасает сознание, что не мне одному бывает и было плохо. 13 января 1912 года Блок записывал: «…Скучно, скучно, неужели жизнь так и протянется — в чтении, писании, отделывании, получении писем и отвечании на них? Но — лучше ли „гулять с кистенём в дремучем лесу“?»

Это из 4-го тома лит. наследства об Александре Блоке… Среди современных публикаций можно выделить статью Георгия Куницына в «Лит. России» о вырождении нации, холопстве в душе, что «дебильность стала частью бытия». И надо прибавить не изжившийся ещё в народе страх,

недаром ходит четверостишие:

Мы живём в эпоху гласности,
Растёт и ширится она,
Но органы госбезопасности
Запомнят наши имена.

3 марта

Некоторым событием стал американский фильм «Амадей» в России. Грандиозная постановка Милоша Формана (мой ровесник: родился 18 февраля 1932 года). Великолепная игра актёров. Спектакль во МХАТе явно слабее, не говоря уже о том, что много слямзено у Формана. Ещё по ТВ было интересно узнать про Павла Нилина (ещё один книжный или бумажный человек). Всю жизнь писал, дневники в том числе, а издал мало. Сейчас его сын, Александр Нилин (спортивный журналист), собирается издать все записи отца под заголовком «Кипа бумаг». А кто мою «кипу» будет разбирать и издавать? Кому она нужна?..

8 марта

6-го с утра был весенний, почти голубой день, но снега ещё навалом. Поехали на Речной вокзал, к воде, то бишь скованной льдом Москве-реке, и совершили прогулку по запорошенному снегом

льду от причала № 6 через канал к пристани Захарково. Солнце. Лыжники. Собаки. И удивительно раскованное настроение — такое бывает редко. После кислородной части — эстетическая. Выставка работ Константина Васильева (1943–1976). Способный художник, но он скорее со своими русоволосыми бородами для «Памяти», а не для нас. Нам с Ще ближе Шагал и Тышлер… А пока мы живём в своём мирке, в большом мире бушует Нагорный Карабах. В Сумгаите вырезали 31 человека. Дружба народов трещит по всем швам?!.

13 марта

Из Вильнюса по ТВ показали впервые проведённый конкурс красоты. Это было так необычно, что я воскликнул: «А где же трактор?» Ще тут же грохнулась со стула… А угон самолёта семейством Овечкиных — это уже не смех, а трагедия… На Западе ехидничают: развал империи. Но действительно, всё разваливается. Тут на совещании в ЦК по пищевой промышленности обнародовали: 40% предприятий — рухлядь, 50% — нуждаются в скорейшей модернизации. Караул с духовыми музыкальными инструментами, об этом поведал в «Прожекторе перестройки» генерал-духовик. Отечественные инструменты никуда не годятся.

Все профессионалы играют на зарубежных. Всего недостаёт, а если есть, то плохого качества, от ботинок до детских сосок. И что будет дальше?!.

Радует только прошлое. В Музее Пушкина были на роскошной выставке «Русское театрально-декорационное искусство 1880–1930»: из коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Сталин изгнал всё искусство, подменил его цветной панегирической фотографией, а тут мы видим такую роскошь: Бенуа, Бакст, Мясин, Кирилл Зданевич, Сомов, Судейкин… Русский авангард. Пир красок, линий, разнообразие приёмов… Всё это было чрезвычайно личностным, а следовательно, не нужным сталинской эпохе. Нужны были не личности, а исполнители железной воли вождя, винтики, рабы, глухие и слепые…

20 марта

В «Литературке» захватывающий дневник Вернадского, в «Москве» интересно об Астафьеве, в «Комсомолке» нападки на Бродского, мол, поток зарифмованных банальностей, пошлостей и цинизма. «Мулатка тает от любви, как шоколадка, где надо — гладко, а где надо — шерсть». В «Мос. новостях» интервью с Кавериным о том, как он писал в стол книгу «Эпилог». В «Звезде» продолжение Одоевцевой — «На берегах Невы».

А сколько ещё лежит на очереди. Боже ты мой! Сумасшедшее время для читателей. Некогда даже серьёзно заняться собственным дневником, порассуждать, попечалиться. И всё из-за этого газетно-журнального водопада, и вот уже дневник превращается в длинный перечень только что прочитанного…

3 апреля

Снова накатила грусть. Грустно сознавать, что жизнь в основном прошла. Можно кричать: когда, как, где?.. Но это факт. Сейчас пошёл период доживания. У Валентины Ходасевич есть на этот счёт такой пассаж: «Странно, до чего же быстро прошла жизнь. Какие-то периоды, особенно неприятные, длились и мучили, казалось, бесконечно долго. И всё хотелось ускорить бег времени. А теперь кажется, что жизнь промелькнула неестественно быстро и многое, даже неприятности, возмущения и страдания, хотелось бы пережить вновь, и думается, что наслаждалась бы вдумчиво и скаредно даже несчастьями, потому что всё входит в понятие жизнь».

Не совсем согласен с сестрой Ходасевича, но, наверное, это так.

10 апреля

Про работу писать скучно и неинтересно: журнал готовят — журнал выходит. А параллельно мелкие дрязги, склоки, обиды… Тут подскочило давление: 130/100. Отлёживался… Из культурной программы: в «Варшаве» посмотрели прекрасный фильм Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира». На Крымской были на выставке «Война и мир глазами художников. СССР, ФРГ». Народа мало, иностранцы да наши колбасники.

— А шо такое нарисовано?

— Стой и не шокай!

Экспозиция большая, условно от Дюрера до Малевича и дальше. Есть замечательные картины, вроде «Танец скелетов» (1944) Феликса Нусбаума, «Ландшафт с радугой» Отто Дикса (радуга над кладбищем, в центре монумент в форме креста). Неизвестная мне картина Дейнеки «Игра в мяч», написана в мой 1932 год. Три обнажённые молодые девушки. Крепкие, мускулистые чистые тела. Ни грана физиологии…

В прессе почти крещендо. Вал откликов на публикацию Нины Андреевой о её железных принципах. Крик или окрик консервативных сил, протестующих против изменений в стране и обществе… Стремительно идёт заполнение белых

пятен истории: Бухарин, дело врачей, «Саночки» — воспоминания репрессированного Георгия Жжёнова… Читаешь, и мороз дерёт по коже. Всё, что написано Джеком Лондоном, тускнеет перед жизнью в сталинские времена…

В апрельском «Октябре» подборка стихов-песен Александра Галича.

Я выбираю свободу –
Пускай груба и ряба,
А вы валяйте, по капле
«Выдавливайте раба»!

30 апреля

Главные события: в один день проглотил книгу Светланы Аллилуевой «Только один год», изданную в США в 1968 году. Не только прочитал, но многое и выписал. Ещё событие: 25 апреля в клубе медработников на Никитской был вечер Иосифа Бродского. Вёл его Евгений Рейн, который начал словами: «Настраивайтесь на волну размышлений…» Показывая слайды, делились воспоминаниями, читали стихи. Великолепно читал Михаил Козаков…

1 мая

Погода отменная: голубизна небес, солнечные

лучики и начавший зеленеть двор. Но всё портит радикулит. Еле ползаю по квартире. Отвлекаюсь стихами Николая Олейникова:

Я влюблён в Генриетту Давыдову,
А она в меня, кажется, нет –
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет…

9 мая

Пасмурный, холодный, дождливый день. По ТВ показывали документальный фильм «День Победы». Зная многое, уже нельзя без отвращения смотреть на «усатого гуталинщика» — великого Сталина… Без чтения никак — страшная книга «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына… По редакции гуляет копия о весёлой жизни Галины Брежневой… В автобусе удивила миловидная блондиночка, пухленькая, взбитенькая, для ласк и утех, — читает. Пригляделся к заголовку: «Иду на таран!» Ну, а круг моих интересов: дневники Франца Кафки.

31 мая

Если записывать все события, то это множество страниц. И не только чтение великого романа Гроссмана «Жизнь и судьба», но и события

собственной судьбы. Умер Лео, отец Ще, и она полетела в Тбилиси на похороны. Доставание билета — целая драматическая поэма. В Тбилиси свои слёзы и свои ритуалы. Каждый вечер панихиды. На поминках 9 тостов: первый и последний за усопшего. Из разговоров выяснилось агрессивное отношение к русским. Узкий национализм, ограниченность мышления разочаровали Ще… Ещё из печальных новостей: покончил с собой комментатор американского отдела радиовещания Володя Афонин, я с ним много раз беседовал. Уравновешенный, спокойный, и что?.. Самоубийство академика Легасова…

12 июня

8-го отправился в очередную командировку. Як-42 вместо Ивано-Франковска приземлился во Львове. Непредвиденная посадка. Снова взлёт, пассажиры уже боятся, как бы самолёт не сел в Черновцах. А я предпочёл бы Турцию. Нет, все-таки Ивано-Франковск. По прилёту первая обжираловка: жареная курица размером с орла, разные салаты, колбасы, шампанское. В голове вертятся строки из поэмы о Ваське Свисте: «Ну, думаю, однако…»

Ивано-Франковск — это польский город Станислав до 1939 года. Выезд в районы и обед по

дороге в «Лесной сказке», в гуцульском стиле: борщок, знаменитый банаш (кукурузная каша на сметане с грибным соусом). В итоге получил большие проблемы с желудком и отказался ехать в Ужгород. Принимающий меня Мазур звонит в Закарпатье: «Отбой вам даём, гости не приедут…» И соответственно, банкет не нужен. 10 июня в Городенко. Много костёлов. Памятник Мицкевичу.

11-го райцентр Надворная и Яремча, жемчужина Карпат, низкогорный климатический курорт, река Прут, водопад Перебой, село Яблоница. Всё красиво и симпатично. Пансионат «Беркут» и опять приём, от которого схожу с ума. И наконец-то обратно, вечером уже во Внуково.

15 июня

Приехал, и напасть: Фомин назначил меня ответственным секретарём редакции, мне это совсем ни к чему… И сенсация: отменены приговоры по делу Зиновьева — Каменева, Пятакова — Радека. Конец света для сталинистов!.. Эх, дожить бы до пенсии и поработать ещё над Календарём, внести дополнительные факты сталинской трагедии и брежневского фарса.

Ремарка вдогонку. Дожил. Дополнил Календарь и печатал отрывки в журналах «Наука и жизнь», «Огонёк», в газетах «Вечерний клуб», «Вечерняя

Москва» и ещё где-то. В 2001 году вышла книга «Огненный век» — хроника российской истории за XX век… (19 мая 2010 г.)

19 июня

Всю жизнь чего-то ждёшь, и жизнь идёт в каком-то ожидательном томлении. В каком виде пойдут в печать подготовленные мной материалы, какие будут перестановки в редакции, что будет с отпуском, попаду или не попаду в поездку в Италию, жду очередных номеров журналов… всё жду и жду… Настроение так себе. Трещит голова. К перемене погоды?..

Смотрел по ТВ футбол СССР — Ирландия, что-то ужасное. Наши играли тяжело, испуганно. И с Ще посмотрели у нас, в «Ленинграде», три документальных ленты «Хау ду ю ду?», «Адам, Ева и загранпрописка» и «Таланты и поклонники» о поколении 80-х, о молодых людях, которые хотят только развлекаться и потреблять. Их деды и бабки были энтузиастами первых пятилеток, рыли землю голыми руками, практически ничего не получая за свой труд. А их потомки не хотят так вкалывать. В первом фильме одна красотка так и говорит: хочу жить красиво, всё иметь, всё покупать, но при этом совсем не трудиться ни за станком, ни за письменным столом. Только

рестораны и постель. И это, мол, мечта любой женщины… И всё это происходит на фоне новых исторических реалий: «идёт бескровная гражданская война», как сказал академик Арбатов. Страсти вокруг политической и экономической реформы. Боевики из группы Васильева («Память») откровенно играют мускулами. А в ушах звучит старая песня 30-х годов: «Эх, хорошо в стране советской жить!..»

26 июня

Фомин «запродал» меня в ЦК, и 21-го я впервые в своей жизни переступил порог святая святых — ЦК, до сего дня Бог миловал… Дежурные офицеры внимательно осмотрели мой партбилет и даже проверили уплату членских вносов. Далее 6-й этаж, кабинет зав. секретарём потребкооперации Сергея Максимовича Кузьмичёва. Скромный кабинет среди мраморного великолепия особняка. Вызвали меня и Эдика Краснянского из «Советской торговли» на предмет подготовки статьи в газету «Правда»: её будет подписывать то ли секретарь ЦК партии Слюньков, то ли зав. отделом Сташенков. Сами они не пишут — им готовят и подносят на блюдечке. Поначалу Кузьмичёв чувствовал себя неуютно в компании «разбойников пера» Безелянского и Краснянского, его русская

душа была шокирована. Но потом неловкость пропала, а в итоге Кузьмичёв сказал Фомину, что «ребята что надо», на что дядя Толя ответил: плохих не держим!..

Остальную кутерьму дел (партсобрание на Вернадском, звонок к цензору и т. д.) не расшифровываю.

3 июля

Ехал на маршрутке, какая-то женщина раздумчиво сказала: «Все чего-то ждут...» 28-го открылась 28-я партконференция — её и ждали. Прения были достаточно острые. «Ни у кого в мире нет столько министров, как у нас, а дело идёт погано...» (Кабаидзе, ген. директор из Иваново). «Говорят, что у нас нет мафии. Я утверждаю, что она у нас есть», — выступающий из Ставрополья. «Меня не волнует, что там на 16 процентов коровы стали доиться лучше. Меня интересует, сколько людей стало лучше жить, стали более счастливыми...» (хирург Фёдоров). Григорий Бакланов заявил, что Афганистан был ошибкой. Ярко выступил Ельцин, а ему противостоял Лигачёв, ну и т. д. Выступали и писатели. Юрий Бондарев кричал о каких-то «рыцарях экстремизма», говорил о каких-то горных высях, что ни фраза — то загадка. Вычурно и путано. Туда же

дул и Распутин. О прошлом: Сталин не виноват. А кто? Конечно, Каганович… Ну, и что дальше?

7 июля

В туристическую группу в Италию я не попал. Прокатили. Обнадёжил Кузьмичёв в ЦК, сказав, что вот в Милане есть прекрасная школа менеджеров, управленцев, и хорошо бы послать туда недельки на две наших товарищей: «профессора Орлова, вас из журнала и кого-нибудь ещё». Конечно, это чистый блеф, кремлёвские, вернее, цековские мечтания. Но погрезить всё равно приятно: Милан… Италия… служебная командировка… Момэнто, сантимэнто, комплимэнто!

10 июля

Кузьмичёв читал подготовленную статью и ни словом не обмолвился о командировке в Милан. Видно, придётся проходить стажировку в другой школе, не менеджеров, а в Школе обманутых надежд и напрасных иллюзий. Ничего, переживём и это. Вот с жарой дело похуже: дома приходилось редактировать очередную статью во влажных трусах, — видочек был тот ещё!.. «Эта вечная мысль о рассвете. / Это вечное: „Сил не жалей!“» (строки Вадима Халупова).

16 июля

11-го подписан приказ: я — заместитель главного редактора. Не скажу, что очень обрадовался. Новый хомут: вести номер, думать о подписке, всяческие бумажки: «В бух. Прошу оплатить» и прочее. А самое ужасное: надо сидеть в редакции долго, к чему я совсем не привык. «Товарищи! Мы все уже не люди! / Мы все уже товарищи давно!» (Виктор Коркия)… Жарко. Нечем дышать. Температура около +30.

17 июля

Посмотрели «Жертвоприношение» Тарковского. Ще: «Я как будто причастилась…». Как всегда, у Андрея что-то обязательно разобьётся, на этот раз разбился кувшин с молоком и молоко разлилось… Тема разбитости жизни, разлетаемой на кусочки… Фильм, конечно, элитарен: для нежных и понимающих душ, для тех, кто умеет понимать и сострадать… Вышли из кинотеатра и не могли отделаться от воспоминаний, как Андрей приходил к нам домой, как сидел на тахте, как смотрел, говорил… А мы, дураки, даже не взяли у него автографа, не попросили что-то написать на память. И в голову не пришло, что это последняя встреча… Безумно жаль Андрея: его растоптала Система. Но разве его одного? Радищев, Пушкин, Мандельштам, ещё раньше Аввакум, десятки, сот-

ни тех, кто пророчествовал, видел мир по-своему, вещал, говорил, был независим от государства и системы, за что и был безжалостно раздавлен… Безопасно жить в стае. Опасно быть вне её.

24 июля

Такой устойчивой длительной жары в июле не было, как объявлено, 100 лет. А тут ещё Фомин ушёл в отпуск, и я — ВРИО главного редактора. Час от часу не легче… Продолжают нагнетаться литературные страсти, условно говоря, между русофилами и западниками, которых Куняев упорно называет «дети Арбата». Белов, Шундик, Алексеев, Викулов, Лобанов и прочие считают, что во всех бедах страны виноваты жиды, масоны и евреи-коммунисты. Концепция такова: они все гады, а мы — истинные патриоты, у них — «арбатская грусть», а у нас — «великорусская грусть». Жутко и смрадно от этих ура-патриотов. И я согласен с Евтушенко, что

Литературная Вандея,
пером не очень-то владея,
зато владея топором,
всегда готова на погром.

Литературная Вандея,

в речах о родине радея,
с ухмылкой цедит, что не жаль
ей пастернаковский рояль…

И далее у Евтушенко: «…с прихрюкиваньем и с присвистом / идёт реакция свиней…» И подтверждение в июльском номере «Нашего современника», где утверждается, что вклад в отечественную литературу сделал не Твардовский, главный редактор «Нового мира», а Никонов — главный редактор «Молодой гвардии».

Как говорится, приехали…

30 июля

Какой-то остряк сказал: сейчас читать интереснее, чем жить… И он прав. Читаю среди прочего грустные рассказы Ариадны Эфрон. Но, к сожалению, давит начальственная ноша:

Как раньше было хорошо:
Ушёл из дома – и сразу тишь.
А тут сидишь, а тут всё бдишь,
а тут сидишь ещё…

3 августа

Как-то на КВН пошутили: «Известный лозунг: советская власть плюс электрификация. Совет-

ская власть есть. Электрификация есть. А где плюсы?!» Действительно, где? Пропало детское мыло, жуткие проблемы с экологией, а тут ещё возникла проблема: лимитирована подписка на 42 журнала. Подписка началась с 1 августа, люди вставали с ночи, беря с собой стулья и раскладушки… Я в это убийственное действо не влезал и из замысленных подписать 9 журналов удалось подписать только два: «Юность» и «Лит. учёбу». Леса в стране много, а заготовленные «кругляки» вывезти не могут, отсюда дефицит и с бумагой. И хочется петь: «Я другой страны такой не знаю!..»

7 августа

«Быт пожирает бытие» — так написала Ариадна Эфрон из Туруханского края, в письме к Пастернаку в 1952 году. Я не в ссылке, я на воле, но могу похвастаться бытием и пребыванием в высших сферах. Всё более внизу, в быту, в рабочих моментах. Новый оклад есть, а деньги не выдают по какой-то там причине. Надо добиваться. Деньги получил — не на что истратить, ну и прочие прелести нынешнего времени. В какой-то из дней попытался войти в кондитерскую на Пушкинской, но не смог: густая, плотная толпа алчущих и жаждущих. Развернулся и ушёл… В газетах новая рубрика «Очередь — социальное

зло». Пишут и возмущаются, а толку? Товаров и продуктов почти нет, а очереди за ними безграничные. Иногда ненависть к подобной жизни подходит к горлу.

Спасает чтиво. «Чёрные камни» Жигулина, переписка Эфрон с Пастернаком, неизвестный Алексей Эйснер. Жил в Париже, вернулся на родину в 1940-м и тут же был отправлен в Воркуту: 16 лет вырвали из жизни. «Повторяется музыка старых стихов. / Повторяется книга и слёзы над нею. / В загорелых руках молодых пастухов, / Повторяясь, кричит от любви Дульцинея…» — писал Эйснер. Всего так много, что заброшена собственная писанина.

14 августа

Купил книжечку стихов Алексея Жемчужникова. В стихотворении «Не помню» он сетовал, что память не может восстановить «событий, лиц, речей, имён»:

Как будто снег занёс цветы,
Иль вещи вынесли из дома,
Иль кем-то вырваны листы
Из дорогого мне альбома…

Ноябрь 1903 г.

Я не могу этого допустить, поэтому и печатаю эти листки в свой «альбом». Дневник — это память о прошлом.

21 августа

Пресса открыто пишет об отравленных продуктах, о вредном воздухе, о бедах экологии, неожиданная публикация об абортах. Страна в тупике. Или на краю пропасти. Все реформы идут со скрипом. Вот и недалёкое прошлое: Николай Клюев писал из ссылки: «Умываюсь слезами. Огорчений каждый день не предусмотреть…» Это Клюев, про которого говорили «природы радостный причастник», называли его «олонецким Лонгфелло». «Мои застольные стихи / Свежей подснежников и хмеля», — писал он. Большевиками был объявлен «бардом кулацкой деревни», необоснованно репрессирован и погиб в 1937 году.

31 августа

Лето-88 завершает свой путь. Больше его не будет. Будет лишь лето-89, ну и последующие, если будут… Конец августа прошёл в бытовых проблемах: ремонт раковины и ванны. От этих проблем хочется материться…

4 сентября

Погода стоит тихая, умиротворённая, очень бледная голубизна небес, струящееся серебро нежаркого солнца, зелень ещё густая, жёлтых и ржавых листьев мало, — и хорошо сидеть за столом при открытой балконной двери. Печатать, читать, думать. Но, к сожалению, эти счастливые часы быстро проходят и снова начинается рабочий крутёж-вертёж…

Комнатное предбалконное умиротворение краткое, а так, как сказал Юрий Карякин, мы ведём две войны: друг с другом и все вместе с природой. Гибнет Арал, гибнет Байкал, всё гибнет… Развал с экономикой. Пропали стиральные порошки и дешёвые сорта мыла. Почти исчезли шоколад и конфеты, и мне, как бывшему работнику кондитерского магазина, можно выступать перед молодёжью с воспоминаниями: были «Трюфель», «Раковая шейка»…

11 сентября

С ужасом замечаю, что начинаю меняться, как сказано у Андрея Платонова: «почётное положение и сладострастное занятие властью». Внешне всё вроде бы в норме, но внутри появился червячок удовлетворения: решаю вопросы!.. Слаб человек, слаб… Одно дело — многочисленные и. о. — на радио и в журнале, — другое дело — по-

стоянное руководящее кресло…

В честь Дня города «выкинули» банное и детское мыло — народ отоваривался (или намыливался?). На территории стадиона «Динамо» народное гуляние, чай, бублики, бутерброды и художественная самодеятельность на злобу дня. «Фруктов у нас нет из-за того, что нет тары, но хорошо, что помогают друзья-болгары!..» Очень смешно…

Что удалось ещё прочитать и узнать? «Театр Иосифа Сталина» сына Антонова-Овсеенко, в «Правде» целая полоса о Троцком, — обидно узнавать историю своей страны на склоне лет. Другими словами, мы жили без подлинной истории. Нас обокрали… Интервью с Юлием Даниэлем, политический портрет Брежнева «кисти» Роя Медведева, — нами руководил труп?!. В «Огоньке» рассказ о романе Пастернака и Ольги Ивинской… Поток, лавина, тайфун информации!..

И ещё целое эстетическое событие — выставка «Искусство в Берлине за 300 лет» — посуда, мебель, картина, монеты, медали, кубки… Удивительна «парадная софа» XVII века с орлами по бокам и короной по центру. Кто-то на ней восседал, лежал, занимался любовью, вёл раз-

говоры… Большой монетный кубок, в который вмонтировано 688 талеров и 46 медалей… Табакерки удивительно тонкой работы Даниэля Ходовецкого (у Кузмина есть строки, посвящённые мастеру). Глядя на всё это тихое и красивое благополучие, невольно думаешь: пир для глаз, ритмика благополучия, преуспевание сытого бюргерства. Они умели работать, умели отдыхать и наслаждаться…

Интересны немецкие экспрессионисты Кишнер, Нойшуль и другие. Есть современные полотна. Например, вариант судьбы «трёх сестёр». Одна, совсем опустившаяся, в дезабилье, курит, отрешённый взгляд, всё в прошлом, крах иллюзий. Другая приодетая, но сидит полуотрешённая, сохраняя некоторые надежды на лучшую участь. И третья женщина — одетая на выход, с оживлёнными глазами, вся в надеждах и иллюзиях на счастье. Разочарования, опустошение где-то ещё далёко. Короче, три стадии человеческого состояния.

Поездка в Бухару

Командировка на Всесоюзное совещание директоров кооперативных техникумов была описана на 8 машинописных страницах, для кни-

ги необходимо всё сжать, спрессовать и опустить ненужные подробности. Но совсем не вспомнить Бухару нельзя.

Вылет из Домодедово 21 сентября. Соседка по креслу: «Вы врач?» — «Почему вы так подумали?» — «Руки…» Я с интересом посмотрел на свои руки. Полёт продолжался 3.05 и приземление. Боялся жары, а там скромные +17. Вышли. Возгласы «Салям», «Рахмат» и общая неразбериха. Ободранный номер гостиницы «Зарафшан». Знакомство со старым городом. Лабиринты из глинобитных построек. Похоже на Египет, но без пирамид.

22 сентября. Ночь под восточный молитвенный вокализ (как в Каире). И вот совещание. Цветы, бубны, барабаны, какие-то трубы (карнаи — ?). Познакомился с народом. У каждого своя судьба. По окончании трибунных разговоров культурная программа в одном из медресе. Выступление ансамбля «Бухарча». Сидящая со мной представительница Узбекского потребсоюза (Узбекбрляшу) говорит, что все эти танцы как разогрев в гареме. Медленно, плавно, неуклонно — и вот уже горит эротическое пламя. Ну, а апофеоз — танец живота. Все аплодировали, но никто не засовывал деньги в её лиф…

На другой день снова совещание, тягучие ре-

чи, обильная жирная еда, чай из пиалы… 24-го экскурсия по Бухаре. Живут 40 национальностей, в том числе 3% евреев… Мавзолей Чашмааюб, древний центр Шахристан, знаменитый минарет Калян. Воздвигнут в 1127 году, высота 46 метров. В былые времена с минарета сбрасывали осуждённых. Сегодня тоже можно было бы кое-кого сбросить без ущерба для общества… На дверях медресе Улугбека вырезана надпись: «Стремление к знаниям — обязанность каждого». Около мечети Магоки ещё одна достопримечательность — верблюд Миша. Он на привязи: всяк верблюд знай своё место. Дальше ансамбль Ляби-хауз с водоёмом. Памятник Ходже Насреддину. Современный. Кто автор? Ну конечно, Шапиро. Яков Шапиро. Уже смешно… Цитадель Арк с внушительными крепостными стенами. Главная резиденция бухарского эмира. В Арке жили и творили великие учёные, поэты, философы: Рудаки, Фирдоуси, Авиценна, Фараби, позднее — Омар Хайям.

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Одна из рубаи Хайяма в переводе О. Румера. Но что увидел ещё? Страшный зиндан, тюрьму с ямой. Самый страшный грех — не отдать долг.

Заключительный вечер. Снова песни и пляски и неимоверное обжорство. Страсти по туалету и безумная ночь. Наконец 25-го дома. Открываю дверь, меня встретил плакат: «Больше не отпущу!»

Отдых: «Лесные поляны»

Редакционные «вихри враждебные» позади. 6 октября отбыли в отпуск. Курская ж/д, станция Гривно, дом отдыха «Лесные поляны». Контингент жутковатый — в октябре под Москвой отдыхать, конечно, нельзя. Питание так себе. Но пейзажи, виды, воздух — всё хорошо. Прогулки по окрестностям. Разорённая усадьба брата Чайковского Анатолия Ильича. Торчит один остов, кругом грязь и мусор. Естественно, расстроились. А когда попали на некий пригорок под названием «Сонькина гора», объяло чувство почти вос-

торга. Внизу гигантская поляна, светит солнце, простор, — настоящая услада для интеллигента-урбаниста. А обратно неожиданно заблудились, что вызвало гнев у Ще: «Караул! Куда ты меня завёл! Не знаешь дороги, не берись! Сусанин!..» Но, слава богу, благополучно всё же вернулись в корпус. Дети большого города, что с них взять!..

Местный краевед поведал историю хутора Воробьёво на реке Рожайке. Екатерина II подарила эту усадьбу Петру Татищеву, будущему главе русского масонства. Здесь в усадьбе бывали Баратынский, Вяземский, Денис Давыдов, красавица Аграфена Закревская. Последний владелец Пётр Шантелен, коммерсант из Москвы, хотел сделать Воробьёво маленьким Версалем, да не успел — грянул 1917 год. И сразу всё разграбили и разорили. Была тут и колония для беспризорных, и санаторий для пролетариев. Стояли кедры — спилили. Возвели уродливого бронзового Ленина…

12-го съездили в Серпухов. Неплохой музей. Картины Маковского, Семирадского, Айвазовского, В. Васнецова… Прелестные Адам и Ева кисти Юона. Гончарова, Фальк и даже картина Давида Бурлюка «Аллея» (1910). Ещё осмотрели Покровскую церковь… Побывали и в бывшей усадьбе Ланских, когда-то здесь были 7 прекрас-

ных прудов, в «лягушатнике» плескалась Наталья Николаевна с детьми. Сейчас никто не плещется. Ряска. Забвение. Местный молокозавод залил все пруды простоквашей и окончательно погубил всё. Или, как выразился один местный, забурьянило всё. Горожанин так бы не сказал…

14-го под песню Александра Градского — «Я не знаю, что со мной? / Где мой берег, где покой?..» — покинули дом отдыха и вернулись домой. Вечером по своему телевизору смотрели «Взгляд» с сенсационным кадром о снежном человеке. Учёная дама рассказывала о нём с придыханием. А её оппонент, другой учёный, зашёлся от смеха: «Это клиника!..»

19 октября

В московской части отпуска следует выделить выставку Павла Филонова (впервые в Москве) и фильм «Маленькая Вера». Филонов потрясает. На картине «Кому нечего терять» изображены люди-обрубки, люди-функции, придатки к машинам и ничего индивидуального. Филонов, как Достоевский, Кафка, Платонов, стоял на стыке бездн. Кругом всё было мрачно и страшно, и художник не мог рисовать мир розовым и счастливым… «Пир королей» (1913) — торжество властей мира, которые сеют вокруг себя только смерть…

Ещё осмотрели экспозицию Фрэнсиса Бэкона. Английский художник-корифей говорит: «Я привык жить рядом с насилием в тех или иных формах». Отсюда его искусство — крик, излом, боль. Бэкона причисляют к направлению «новая фигурация». Вышли с выставки в состоянии сплошного ошалевича. Вышли на Крымский мост — милицейская эстафета. Это уже перебор.

«Маленькая Вера» Василия Пичула — это лента о серой, тупиковой жизни, без всяких интересов, без книг, чтения, выставок… Самый кайф — это актриса сверху над своим молодым человеком (Наталья Негода и Андрей Соколов). Зрители были шокированы: дома — это понятно, но на экране? — как это можно! Ханжеское общество. Убивать — в порядке вещей, половой акт — стыдно.

В «Огоньке» первая публикация о Науме Коржавине (Наум Мандель). Жёсткие стихи о власти, написанные в 1964-м:

Они уселись и сидят.
Хоть знают, как на них глядят
Вокруг и всюду все другие…
…Они бездарны, как беда.
Зато уверены всегда,

Несут бездарность, словно Знамя.
У нас в идеях разнобой,
Они ж всегда верны одной
Простой и ясной – править нами.

Рига-88

27 октября сел за отчёт об отпускной поездке в Ригу. Опять же написал много, надо кратенько. Стало быть, компрессия, сжатие-ужатие.

19 октября отправились на поезде «Латвия», на следующее утро Рига. Гостиничный комплекс «Турист», номер 727. Погода дивная, как на заказ, и мы двинули в город, наугад, по разным улицам — Ленина, Блауманя, Барона Кришьяна, Горького, Петра Стучки, Лачплеша, Суворова… Рига хотя и эклектична, но достаточно красива. Часто на зданиях на фронтонах вырезаны латинские изречения, типа «Жизнь коротка, искусство вечно» или «После работы отдых» — экс лабореотиум — это как раз для нас.

Бульвар Падомью, канал, золото осенних листьев, утки-лебеди, — красиво и отдыхательно. Затем Старый город и Домский собор, церковь Петра, костёл Екаба и т. д. Много женских скульптурных изваяний: груди, бёдра, крепкие ноги, —

очень впечатляет. Скульптурные изображения молчаливы, а сама Латвия вслед за Эстонией закипает: народный фронт, интернациональный… латыши против русских… в лесах тренируются «дети дьявола»… перепуганные евреи и прочие социально-политические кульбиты.

22-го отправились в пригород, на станцию Дзинтари. Я волновался: «Где море?» В 11.20 вышли к Рижскому заливу. Красотища! Сосны, песочек, голубые барашки воды, чайки плюс безделье — всё это создавало особое очарование. Прошлись по янтарному берегу. Вышли в Майори, это, конечно, не Брюгге, но вполне прилично. Хотели дойти до Булдури, но не было уже сил. В гостинице ждал приятный сюрприз: нас перевели в люкс, 317-й.

23-е. Рижский рынок. Памятник Свободы. Роскошный жёлтый дом, фасад украшает женская голова. Что-то знакомое, и тут же экскурсия напомнила: это дом, куда направлялся профессор Плейшнер (Евстигнеев) в «Семнадцати мгновениях». А напротив дом, где «жили» Шерлок Холмс и доктор Ватсон… Вечером гуляли около своего «Туриста». Троице-Задвинский храм, улица с удивительным названием Пукю… тихая Беложу…

24-е. Кооператоры повезли нас в Саласпилс,

где в годы войны был гитлеровский концлагерь. Величественный и скорбный мемориал. Всё строго, чётко и ужасно… Могила Яна Райниса. Едем в Булдури, попадаем в очарование осени. Ионизированный вкусный воздух. Далее Дзинтари, Майори, мимо красивых дач с остатками былой роскоши…

25 октября — последний день в Риге. Прогулка, вкусные пирожные. Самолёт. И в 15 часов приземление. Москва встретила нас пронзительным холодом. Автобус от аэропорта попал в какой-то буран и по обледенелой дороге еле двигался. Как потом прочитали в газетах, произошло 84 дорожных столкновения с жертвами.

29 октября

Беспечная краткая жизнь в Риге сменилась на привычное колготенье столицы. Опять шаром покати. Приезжие. Очереди. Крики в прессе. С ходу посмотрели полочный фильм «История Аси Клячиной» — не понравилось. И утешение: «Времена не выбирают!» Ну, и фильмы тоже. Отпуск кончился. Самочувствие неважное, в Риге было лучше. И впору процитировать Галича:

Видно, старость – жестокий гостинец,
Не повесишь на гвоздь, как пальто.

Я тону, поражённый эсминец,
Но об этом не знает никто!..

Но — донт трабл! А если по-русски: не надо тревожить тревоги, пока тревоги не потревожат вас сами.

5 ноября

3-го наш с Ще день, смотрели в «Варшаве» фильм Анджея Вайды «Дантон». Мощная историческая фреска. Потом читал Ще выдержки о Дантоне, — оригинальный способ празднования семейного торжества.

8 ноября

Развлекаем себя культурной программой: в Камерном музыкальном театре на Соколе посмотрели две прелестные «штучки»: одноактную оперу Моцарта «Директор театра» и Россини «Брачный вексель». А в к/т «Ленинград» — полочный фильм Александра Аскольдова «Комиссар». Нонна Мордюкова — комиссар, «мадам Вавилова», и Ролан Быков — еврей-жестянщик. Снято по мотивам Гроссмана «В городе Бердичеве». Прекрасная картина, мощная, сплав прозы и поэтики…

Смотрели праздничный концерт по ТВ. Припев

из песни «Я люблю тебя, жизнь!..» в исполнении Марка Бернеса: «Всё ещё впереди, всё ещё впереди…» — звучал на сегодняшний день неожиданно угрожающе. И погромы будут? Волнуются не только рижские, но и московские евреи.

13 ноября

После 34-дневного перерыва вышел на работу, отработал три дня и надорвался. Тяжело входить в работу, замешанную на дрожжах абсурда. Но вышел — надо зарабатывать деньги… Буланже залёг в больницу, Криницкий запил, у Шитова зубные проблемы, Жильцов — классный лодырь и т. д. Опоздавшего на работу Женю Захарова попросили объяснить, на что он сказал: «Я не опоздал, я мундштук чистил. Раз в неделю чищу мундштук…» Ну чем не театр абсурда?!

Продолжаем культурную программу: «Маленький гигант большого секса» в «Эрмитаже». Нормалевич, как выражается герой Искандера. В Театре-студии киноактёра — инсценировка «Бесов». Актёрские работы, режиссёрские ухищрения — всё меркнет перед гениальным текстом Достоевского. «Россия есть игра природы, но не ума»… «У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность…»

Из книжного потока: как выразилась Лидия

Гинзбург, «наплывают свидетельства прошлых лет»… Короленко… Колчак… Анатолий Фёдорович Кони и т. д. Хочется порассуждать о прошлом страны, но некогда. А когда появится время? На пенсии? Но будет ли пенсия?..

20 ноября

Тут как-то Лена Росинская на вопрос, как дела, ответила: «А чего хорошего? Работы нет, платят гроши. Впереди — старость. Чему радоваться?» Но, увы, не все доживают до старости. 14 ноября умер Боря Давидовский в 55 лет, не дожив до пенсии. Рак костного мозга и крови. Сгорел. Жутко жалко. Можно сказать, дружили и по футболу, и по жизни… В голове невольно пляшут строки Георгия Иванова «Хорошо бродить по свету…»:

Ты ещё читаешь Блока,
Ты ещё глядишь в окно,
Ты ещё не знаешь срока –
Всё неясно, всё жестоко,
Всё навек обречено.
И конечно, жизнь прекрасна,
И конечно, смерть страшна…

Ну и т. д. 17-го были кремация и похороны. Путано говорил Коля Алексеев, де, Борис любил

родину, социализм, футбол и хоккей. Потом говорили сослуживцы от угольной промышленности, от Метростроя, мол, деловой, требовательный, но душевный… Мы с ним были на разных интеллектуальных полюсах, но отношения были близкие, тёплые. Борис был такой большой: крупный, здоровяк, жить бы до ста лет, а вот поди… Борис любил грубые шуточки, на этот счёт я даже написал строки, вот концевые: «…И остаются только шуточки, — / Смеяться, чтоб не зарыдать…»

Что ещё? Клеил альбом по Риге… Бурлит Эстония… Не затихает Карабах… не стихает вал публикаций… Марк Захаров: «Пора бы взглянуть в глаза иных вождей». В какое время живём!..

26 ноября

Вслед за Борисом ушёл из жизни хороший знакомый Ще по работе Юрий Веллер. Если Борис умер из-за болезни, то Веллер из-за того, что не смог вписаться в поворот новой жизни. Невостребованность и невозможность самореализации погубили многих. Жертвы социалистической системы… Ну, а система — это ещё и загрязнение окружающей среды, отвратительное качество питания, жуткий быт, хамство, пьянство, цинизм и далее везде.

Вернёмся к позитиву. Фильм-подарок — «Это

всё суета» (1979) Боба Фосса, режиссёра и хореографа. Классный фильм. И всё это прятали от нас, держали под запретом, как было с Мандельштамом и Набоковым… На работе был пикантный момент. Вдруг Гриша как завопит: «Смотри!» Подошёл к окну. На крыше одного из домов по Старопанскому молодая строительница в каске обнажила свою розовую попу и спокойно делала пи-пи, а потом долго натягивала различные трико и штаны. Гриша был в восторге. Но меня поразила не розовая задница на крыше дома, а то, что весь этот процесс происходил на фоне виднеющейся рубиновой звезды на Спасской башне Кремля. Вот такой милый праздник, находка для режиссёра…

4 декабря

В «Неделе» интервью с Вилли Токаревым: «Я должен был вкалывать в поте лица своего потому, что Америка не любит, когда отпускаешь пружину…» Отсюда и богатство Америки. А у нас одни стоны: «Мало получаю!..» А работать не хотят, сачкуют… И как заметил Леонид Лиходеев, «наше в общем-то бездарное чиновничество сытно кормится при общем низком уровне». А тут ещё общая политическая ситуация. Кавказ и Прибалтика клокочут. Пошли уже перехлёсты:

в Эстонии пишут о Гитлере как о спасителе… Как утверждает р/с «Свобода», идёт разложение империи. Французский политолог Анри Безансон: «Советский Союз — больной человек в Европе». Предрекают, что в начале XXI века Союз рухнет и Россия останется в пределах европейской части на московско-тамбовских землях и будет нормальной европейской страной, вроде Франции или Швейцарии, без всяких претензий на мировое господство и лидерство…

8 декабря

Раньше люди писали письма. В них спорили, размышляли, отчитывались о делах. Писали дневники. В них исповедовались о себе, о своём, а выходило — о времени, об обществе, в котором жили. Ныне мало кто пишет письма и мало кто ведёт дневники. Всё умерщвлено телефоном. Эдакая болтливая телефонная цивилизация: всё быстро и скороговоркой… Я из разряда редких исключений. Тут прочитал в одной из книг — «Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима» (М-88) о том, как в античной Италии для общения и объявления использовали стены домов:

— Сладчайший и возлюбленный — привет.

— Прошу тебя, госпожа, именем Венеры заклинаю — помни обо мне!

— Нехорошо поступаешь, Сара, оставляешь меня одного.

— Аррунций был здесь с Тибуртином.

— Сено привезли в восьмой день до октябрьских ид.

— Из лавки пропала бронзовая ваза. Если кто возвратит её, получит 65 сестерциев…

Я лично пишу исключительно для себя, без всякой огласки. В последнее время приходят печальные мысли, а что будет с моими записями? Кому они достанутся? Кто будет их читать? Что при этом подумает? Или их развеет ветер и они сгинут?.. Так устроен мир, что человек умирает, а после него спокойно живут его бумаги, книги, записи, не говоря о мебели, посуде и т. д.

Ще рассказывает, как женщины у неё в институте после смерти Веллера обсуждают, кто из них был «главнее». Одна из них — её прозвище Баядерка — заламывала руки: «Как же я буду без него?!» На что ей кто-то резонно заметил: ну что вы так сильно убиваетесь, ведь он не был ни вашим мужем, ни любовником. На что последовал истерический взрыд: «Я о нём заботилась. Мясо ему тушила!..» Как говорится, хоть стой, хоть падай!..

11 декабря

Землетрясение в Ленинакане. Десятки тысяч погибших. Газеты полны трагических подробностей. Впервые по советскому телевидению показывали гробы. Бедные люди! Бедный человек!

Всё – суета. Всё – проходящий сон.

И свет звезды – свет гибели мгновенной.

И человек ничто. Пылинка в мире он.

Но боль его громаднее Вселенной.

Так писал Аветик Исаакян. «У человека как существа разумного есть один только враг — это слепая сила природы…» — отмечал Николай Федотов. Эх, если бы только природа!.. Сам человек — прежде всего враг себе, иначе бы в Армении строили крепко и надёжно, а так дома рассыпались, как карточные домики…

Помимо тектонических, идут сотрясения политические. Армения — Азербайджан. Страсти по прошлому. Споры о сегодняшнем. «Мы опутаны веригами экономических и идеологических нелепиц» (Коротич). «Люди привыкли получать низкую зарплату и делать дело плохо…» (Баткин). А чем занимаются люди в огромных зданиях КГБ? Над чем работают?.. На «круглом столе» между

американцами и нашими Стивен Коэн вспомнил утверждение Ключевского: русская история — это процесс, в котором государство расширяется, а роль людей сокращается…

15 декабря

В Армении трагедия. У исполнителя русских песен Ивана Реброва беда: в Цюрихе из автомобиля украли соболью шубу стоимостью в 160 тыс. долларов. А что у меня? Мучаюсь простудой, замучил насморк, хожу на УВЧ и ультрафиолет. Давление 140/100. Дали больничный. Сижу дома в тепле и долблю пишущую машинку… Ну и конечно, читаю всё подряд: газетная полоса о Тютчеве, отрывки из дневников Петра-Водкина, стихи Волошина, статья Виктора Конецкого… Передача о Лихачёве. Сахаров и Лихачёв — это два утёса, две вершины, а внизу много всякой мелюзги…

В ноябрьском журнале «Театр» горькие воспоминания о Назыме Хикмете. Как он, приехав в Москву в 1951 году, хотел встретиться со своими старыми друзьями. Хотел повидаться с Мейерхольдом, а ему сказали, что он болен и живёт высоко в горах. Николай Экк — тоже в горах и т. д. Хикмет, почувствовав что-то неладное, побежал на Старую площадь и в мгновение ока оказался подозрительной личностью для кремлёвских

аппаратчиков.

25 декабря

Никак не поправлюсь. Приходила новый участковый врач, с немосковским говором, явная лимитчица. Щебетала: «Как будем лечить? Лекарств нет…» А я тут же вспомнил Фаину Георгиевну Раневскую, которая говорила: «Хороших врачей нет. Они спрашивают, на что я жалуюсь? У меня воспаление наджопного нерва. Но жалуюсь я на директора театра. Он 30 лет не дает мне ролей…»

Но на работу всё же напросился и выписался: там всё горит. С ходу начал редактировать «круглый стол»: три доктора наук — юридических, экономических и философских, — но то, что они написали, — это сив оф кэйбл, бред сивой кобылы. Откуда берутся эти доктора? Какая-то липа, а не наука…

Угнетает этот жуткий быт с его проблемами. И одно «утешение»: в блокаду Ленинграда было хуже. А пресса имеет ещё наглость говорить о «загнивающем капитализме». Тут по ТВ был роскошный кадр: панорамные виды столицы под песню «…панихиду поют над тобой». Всё обречено, всё гниёт, всё умирает…

Появилось новое словечко «заединщики» — писатели — ура-патриоты поносят всех нормальных

писателей — Рыбакова, Шмелёва, Лакшина и др. И ещё: на Западе поезд сексуальной революции уже ушёл, а к нам прикатил, в Москве открылась «Школа эротики» и появилась первая женщина-торт. «Это что, всерьёз? Это где, у нас? Ну, ребята, приехали…» — заключает Соколянский в «Советской культуре».

31 декабря

Украшением 25-го (Рождество!) стало выступление по ТВ Альфреда Шнитке. Его интервьюер Урмас Отт потерялся напрочь в своей журналистской ординарности, был слышен и виден только Шнитке, композитор, личность… А 28-го закрытая продажа в Центросоюзе, купил для Ще лак, помаду и духи «Нина Риччи», а к ним написал строки «Подаркизмы и эротизмы»:

Ах, духи французские!
Дамам самый сок.
Груди только русские,
Зычный голосок.
Руки только тёплые, –
И уже плыву…
Ноздри точно сопла,
Тяжело дышу…

Поменял обличье, –
Бешеный такой…
Виновата «Риччи»,
Что ушёл покой…

Литература наша бушует. На пленуме правления Союза писателей РСФСР кричали: «В этот критический час!..» Заединщики из «Нашего современника» и «Молодой гвардии» против «Огонька», «Знамени» и «Московских новостей». Сколько кипения, злобы… Патриотам не даёт покоя русофобия, им кажется, что нынешние реформы изменят матушку-Россию (а она давно изменилась), а Набоковы и Мандельштамы вытеснят из литературы бондаревых и проскуриных и всю их компанию посконную, домотканую и сермяжную… Крик стоит по России — империя рушится. Как написал Жванецкий: «Нашу жизнь характеризует одна фраза: „Так больше жить нельзя“. Вначале мы её слышали от бардов и сатириков, потом от прозаиков и экономистов, теперь от правительства…»

Ненависть разлита в воздухе. Что принесёт 1989-й? Ау, ответь!..

1989 год – 56/57 лет. Каунас, Вильнюс. Отпуск в Вороново. Тур по Италии. Съезд народных депутатов СССР

15 января

С чего начать? С погоды? Она жуткая. Всё время оттепель, сыро, вязко, скользко. Ботинки сырые, успеваешь только сушить под батареей. Дышать тяжело — воздух влажный. И не знаешь, как одеваться: то ли холодно, то ли жарко. Гуляет грипп, в транспорте все чихают. Тут шёл домой по водяной каше, утопая в воде и скользя по льду, из овощного магазина, нагруженный двумя сетками с картофелем, двумя килограммами яблок и коробкой яиц. Российский интеллигент, отринутый от литературы и философии и с головой погружённый в быт. А в блокаду ели клей. Но, с другой стороны, почему мы всегда сравниваем с худшим? Что за русская черта. А не с лучшим? С жизнью где-нибудь в Брюгге, к примеру? Эх, Запад нас определил как второразрядную державу с третьеразрядной экономикой, — сиди и не рыпайся…

Ну, ребята, – всё, ребята,
Ходу нету нам назад:
Оборвалися канаты,
Тормоза не тормозят,
Вышла фига из кармана –
Тут же рухнули мосты,
А в условьях океана
Негде прятаться в кусты… –

юморит Юлий Ким… В Москву на могилу Юлия Даниэля приехал Андрей Синявский (на похороны его не пустили) и говорил Марии Розановой: «Слушай, Машка, здесь так интересно!» Конечно, в Париже скучно, а тут всё время что-то происходит. Вскрываются льды истории, и льдины налезают одна на другую: последние годы Булгакова, подробности убийства Михоэлса, Троцкого… Галина Брежнева — Чурбанов — Щелоков… Ну, и я пополняю свои личные знания, читая книги: Бисмарк, Франсиско Гойя, записки Владимира Коралли, монография о Лукино Висконти. Всё в России интересно, кроме житья и быта.

29 января

26-го ходили в театр ЦДСА. Театр ужасный, труппа плохая, но текст «Мандата» Николая

Эрдмана великолепен. Поставил спектакль внук Сталина — Александр Бурдонский (сын Василия). Первая сцена: развеска картин.

Павел Сергеевич Гулячкин: Теперь, мамаша, подайте мне «Вечер в Копенгагене». (Снимает картину «Верую, Господи, верую» и вешает новую.)

Мамаша: Как же теперь честному человеку на свете жить?

Гулячкин: Лавировать, маменька, надобно лавировать…

Тамара Леопольдовна Вишневецкая: Мой супруг мне сегодня утром сказал: «Тамарочка, погляди в окошечко, не кончилась ли советская власть?» — «Нет, — говорю, — кажется, ещё держится». — «Ну, что же, — говорит, — Тамарочка, опусти занавесочку, посмотрим, завтра как».

Народ в зале повизгивал и рыдал

Комментарий. Пройдёт совсем немного времени, и исчезнет Советский Союз. Сгинет советская власть. Придёт иная, якобы демократическая, и народ расколется на два лагеря: одна часть будет радоваться переменам и свободам, другая ностальгически со слезой будет вспоминать, как раньше в советские времена было прекрасно и расчудесно… (24 мая 2010 г.)

2 февраля

В Центросоюзе на Вернадском столкнулся с каким-то сановитым седовласым чиновником с бумагами в руках. Когда он растворился, Фомин победно спросил меня: «А ты знаешь, кто это?» — «Нет». — «Это…» — и Фомин назвал фамилию, которую я тут же забыл, — то ли бывший зам., то ли сам зав. отделом ЦК. Вышел на пенсию и работает помощником, разносит бумажки… Я возмутился: «Лучше бы сидел дома!» Фомин: «А что ему делать дома? Ждать смерти?» О господи! Нечем заняться?! Если я доживу до этой прекрасной поры и выйду на пенсию, то буду сидеть только дома: сколько чтива! Сколько замыслов! Изучай, читай, сочиняй, твори!..

А пока — жадность фраера сгубила! Мало мне своих журналов, так я ещё беру в библиотеке. Как говорится, надо знать своих врагов. Полистал «Наш современник», «Молодую гвардию», «Москву» и даже «Политическое образование». Поливают грязью «Огонёк», нападают лично на Коротича, бои идут вокруг сионизма и еврейского вопроса, возносят до небес Бондарева и Белова. Вся страна пришла в движение. Инфляция, цены, солдаты-афганцы, новые кооперативы, «Память», «заединщики», Сталин, Жданов, Каганович, административно-командная система, Брежнев,

атомные станции, повороты рек, Прибалтика, Карабах, народные депутаты, СПИД, преступность, рэкет и т. д. Все эти проблемы вскипают в котле страны, крышка дребезжит, и вот-вот всё это взорвётся. Ощущение предкатастрофы. Раньше Россия была во мгле, а сейчас она в огне. Венгры и поляки решительно двинулись в сторону западной модели. А мы? Мы стоим враскорячку…

Да, для истории: я выписал на этот год 10 газет, 13 журналов и 2 еженедельника — «Огонёк» и «Эхо планеты».

5 февраля

На утреннем сеансе в «Октябре» посмотрели фильм «Кабаре». Супер. Лайза Миннелли в роли кабаретной певички Салли Боулс неподражаема, затмила Любовь Орлову и Гурченко. Но и другие актёры хороши… Ще принесла новый журнал «Наука в СССР», и я впился в него и, как коллекционер фактов, тут же нашёл интересненькое: версию о том, кто же был Шекспир на самом деле? Автор доказывает: Саутхемптон. И убедительно… А на работе свои шекспировские страсти: распределяют выделенный на редакцию автомобиль «Жигули». Склоки, скандалы. Один только я в этом не участвую: мне мотор не нужен. Я не автомобильный человек. Я пешеход…

С Ще ездили в Даниловский универмаг, кое-что прикупили, а потом зашли в наш двор на ул. Павла Андреева (бывший Арсентьевский). Дом перестроили под какой-то гидролес. Повздыхали и пошли к метро «Добрынинская». Висит огромное панно «Мы строим коммунизм». Какая-то фантасмагория! Какой коммунизм — без товаров, без доброты, с отвратительными чиновниками и грязью на улицах?..

12 февраля

Из интересного: выставка Казимира Малевича на Крымской. Оригинально выразилась Ще: «Я от классики ушла, а до модернизма не дошла…» Малевич — это «председатель пространства», — творит новые образы — «нуль форм», создаёт новые супрематические тела. Как он сам говорил: «Нравится вам или нет? — искусство об этом вас не спросило, когда создавало звёзды на небе».

Мой Календарь разбухает от новой информации: версии убийства Кирова, Мэрилин Монро, дневниковые записи Фёдора Абрамова, подробности о Временном правительстве… Разочаровывает Вознесенский. Былой кумир пал с пьедестала. Новые его стихи — всего лишь словесные побрякушки…

19 февраля

У Мандельштама где-то сказано: «Много ли человеку нужно? Маленькую службочку…» Увы, службочка была, когда я был зав. отделом, а теперь я начальник и вместо тихой заводи бурление и кипение, шум и маета: никто работать не умеет и не хочет, а воз на тебе… Самочувствие? Сидячий образ жизни — болят ноги, но в целом, подобно Фаине Раневской: «симулирую здоровье».

Неожиданности и сюрпризы: купил пластинку некогда запрещённого Петра Лещенко, — хоть стой, хоть падай! — тихий, спокойный, лирический голос. «Помнишь ли ты меня, моя Татьяна?..» Где теперь эта Татьяна и прочие Наташи, Риммы, Милы, Алисы и т. д. «Всё, что было, всё, что ныло, / Всё давным-давно уплыло…» — как бы подводит итоги Лещенко… Пришла посылка из Тбилиси: вожделенный том Гумилёва (изд. «Мерани»), банка варенья и… четыре куска дефицитного хозяйственного мыла, — и это вместо хурмы и мандаринов?!. А мы туда конфеты, макароны и печенье. Товарообмен…

В «Иностранке» начал читать Джойса. Никакого потрясения, хотя при чтении не заметил, как выкипела вода в чайнике, стоявшем на плите, и

он обуглился до черноты, а я в это время читаю и читаю… Ще с грустью посмотрела на чайник и вернулась к Джойсу:

— Расскажи вкратце, в чём дело в романе?

— Сложный роман. Там всё подробно исследовано и описана каждая травинка в Дублине.

— А чайник наш описан? — мрачно спросила Ще.

26 февраля

Крики не смолкают: «„Московские новости“ — масонские новости»; «Надоело Тель-Авидение!! Даёшь русский канал!»; «В России вообще никогда не было демократии — была соборность. И любой русский, православный должен выступать за соборность и монархию…», ну и т. д.

В «Советской культуре» с отчаянной статьёй «Где же столица?» выступил Разгонов: «…Людям надоели неустроенность, жуткая грязь на улицах… А дороги! Москва словно после бомбёжки… Кажется, будто город бросили, махнули на него рукой… А злость накапливается. А хамство растёт и ширится. Потому что нельзя ежедневно и ежечасно бороться за существование, бесконечно взывать и просить… весь город, все 8 миллионов либо в магазинах давятся, либо сидят, запершись покрепче, по квартирам. Потому что город

чужой…» Ну и так далее. Зло. Под дых. Но ведь справедливо. Москва что-то вроде города Глупова, особенно если иметь в виду администрацию и отцов города.

В общем, по песне: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!..» И ещё была такая песня «На московских перекрёстках» (слова Пляцковского, музыка Туликова):

На Москву смотрю – и сердцем понимаю,

До чего же замечательна Москва!

Вот так и живём в диком разрыве между песнями и явью, между декларациями и действительностью. Социализм потерпел полнейший крах… В «Новом мире» напечатаны «Откровения обывателя»:

…Там котёл на полнеба рванёт,

Там река не туда повернёт,

Там иуда народ продаёт…

По какому-то адскому плану…

О боже, бедная Россия! За что тебя Бог проклял? Или за то, что ты надругалась над святынями, сбросила колокола и порушила церкви?..

2 марта

57 лет. Дожил. Не верится. Жуть как много. Гриша выдал стихи:

Что наша жизнь? Поэзии всё менее.

Чем дальше в лес – тем больше суеты.

И это правило, но есть исключение.

И это исключение – ТЫ.

Как говорится, мерси боку!..

5 марта

День рождения отметили, как говорят украинцы, «дуже непогано». Посмотрели отличный американский фильм «На следующее утро». Триллер. Героиня (её играет Джейн Фонда) открывает стенной шкаф, а на неё вываливается труп, — в этот миг Ще как закричит от ужаса на весь зал… Затем домашний обед да с водочкой под песенки: «Была бы только водочка, а повод мы всегда найдём». Ну, и –

Раз пошли на дело – я лично и Рабинович.

Рабинович выпить захотел.

Ну как же тут не выпить бедному еврею,

Если у него нету слишком срочных дел…

А в ночь одним глазом смотрели концерт из Сан-Ремо — «санремонтников»…

Ремарка. Пройдут годы, и мы будем отдыхать именно в Сан-Ремо — о чём даже не мечталось. А песенку про водочку я использую в своих «Заметках ворчуна» в «Московской правде». (31 мая 2010 г.)

4-го в Ленкоме смотрели нашумевший спектакль «Диктатура совести». Политический театр Михаила Шатрова. Драма идей. Споры и размышления. Потрясающая новация: Олег Янковский прямо в зале спрашивал у зрителей, что они думают о социализме, верят или не верят в перестройку? И народ отвечал, кто робко, кто смело, — и это было самое интересное. А Янковский вошёл во вкус и надрывался: «Сыра нет! Не могу купить!..» После спектакля какая-то женщина (явно из гастронома) преподнесла Янковскому кусок сыра. «Дожили!» — сказал попугай… Актёры по ходу пьесы-дискуссии (Абдулов, Броневой, Збруев, Ларионов и другие) купались в свободе слова, в бесцензурной анархии…

8 марта

Нет хлеба, зато есть зрелища! 7-го в «Варшаве» смотрели «Ностальгию» Андрея Тарковского. Фильм смотрели, затаив дыхание. А многие уходили из зала — им было скучно и непонятно. Андрей поставил эту картину как некий кинореквием. Главный герой — Андрей Горчаков, русский писатель, смертельно больной ностальгией…

Не утихает дома телефон: звонят нам, звоним мы. Кто грустит, кто недомогает, кто нарочито бодрится, и всех поджимает возраст. Все страдают от экологии — что едим, чем дышим, что пьём?.. Россия как гибнущий «Титаник» — и об этом кричит, вопит пресса. Все сходятся на том, что гибель началась в октябре 17-го. А может, раньше? О глубинных причинах упадка есть много у Василия Розанова. «В России вся собственность выросла из „выпросил“ или „подарил“, или кого-нибудь „обобрал“. Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается». И ещё рассуждение о русском человеке. «Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы». А мне-то что лично делать? Может быть, по Розанову: «…просто сидеть на стуле и смотреть вдаль» (запись 23 июля 1911 г.). Нет, это не по мне!

12 марта

Тут общался с Олегом С. Он разразился монологом-исповедью: жизнь прожита, и что?! Ничего мы не добились, ничего не достигли, не создали ничего хорошего, не выразили себя, никуда не ездили, ничего не видели (в широком смысле — в мире), только что и было: жратва, толстые бабы и водка… Как говорит мой новый заочный знакомый философ-античник Яков Голосковер: одно наслаждение «вкусно поесть» — питаться и сладострастничать…

Нет, Олег, шалишь. Я не согласен. Лично я занят по горло своим интересным делом (работа — это действительно ерунда) — архивными изысканиями, заполнением белых пятен в истории, литературоведческими писаниями, — и это тонизирует, держит на плаву и удерживает от падения в мрачность и отчаяние. Вот, к примеру, натолкнулся на некоего Бориса Кузина, учёного, поэта, дружил с Мандельштамом и писал весёлые иронические стихи:

Пора любви и ожиданья…
Призывы в птичьих голосах…
И дева в розовых трусах
Спешит на первое свиданье.

Это — весна, а потом осень, всё увядает, «и

дева в траурных трусах / Бредёт с последнего свиданья».

Чтиво-чтиво идёт косяком. В «Даугаве» прочитал воспоминания Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», в «ЛГ» — отрывки из дневника Андре Жида. 4 июня 1949 года он записал: «В отдельные дни мне кажется, что будь у меня под рукой хорошее перо, хорошие чернила и хорошая бумага, я без труда написал бы шедевр». Странно. У меня подобные мысли возникали не раз, но с одним дополнением, чтобы было свободное время, тишина и чтоб не лаяли собаки… Но это утопия! Перо ужасное, бумага плохая, собаки не утихают, и шедевры вспыхивают в голове и в воображении и гаснут… И нет шедевров. Пока я не творец, а только потребитель культуры, страстный поклонник литературы, извлекатель информационных жемчужин. Но и это, наверное, не плохо.

19 марта

Если в целом о стране, то грядут выборы народных депутатов. Впервые в истории проходят теледебаты, — любопытно. По Москве расклеены листовки в поддержку Ельцина. Люди недовольны и в его лице бросают вызов Системе. Прошедший Пленум был половинчат: Горбачё-

ву не позволили отринуть колхозный строй, а местные царьки задушат крестьян арендой. Как сказал комментатор «Радио Свобода»: «Острое разочарование, переходящее в отчаяние…» Да, хочется остаток лет пожить по-человечески, но, видимо, не получится.

Личные дела. В Доме журналистов отдал документы на Италию. Декабрь: Флоренция под снегом?.. В Доме книги купил 4 книги, в том числе «Эразм Роттердамский и его время», на Кузнецком на «чёрном» книжном рынке Игоря Кона «Введение в сексологию» (номинал 3.50, продают за 10 рэ). И нескончаемый поток интересных публикаций в разных журналах («Конь вороной» Бориса Савинкова чего стоит!) — впору кричать «караул!» — когда всё перечитать?!.

Идут хлопоты и проблемы по работе пресс-центра в Кремле. Был в Центросоюзе на Вернадском у Кузьмичёва — сплошные звонки по вертушке и обычным телефонам, он отдувается и обращается ко мне: «Как хорошо было в ЦК, вы же знаете…» Я знаю — очень смешно! Звонит зам. зав. аграрным отделом ЦК Герман Огрызкин (понятно, почему в провале наше сельское хозяйство, если руководит Огрызкин) и требует «схему президиума» кооперативного съезда. С Вернадского возвраща-

юсь на Черкасский, затем еду в ТАСС на Тверской бульвар и чувствую, как от боли сжимается сердце. Смерть на бульваре с докладом ревизионной комиссии — что может быть нелепее и глупее…

26 марта

Сегодня день выборов народных депутатов. Газеты полны радужных перспектив: вот, мол, выберем достойных — всё наладится. Виктор Астафьев думает иначе: «Демократии стало больше, но харчей не прибавилось, в магазинах по-прежнему скудно… Народ по горло сыт обещаниями, и никто уже не верит, что завтра он будет жить лучше, чем вчера» («Советская культура»).

Я проголосовал в 8.15: вычеркнул Бракова, директора ЗИЛа, оставил Ельцина — это по Москве. Оставил в бюллетене детского врача, академика Вельтищева, а остальных альтернативных кандидатов — чиновников — по району вычеркнул. Почему за Ельцина? Не я один, многие за него, у него ореол мученика и борца против Системы. Как написано в самодельных объявлениях: «Рабочие и земледельцы, / Ваш кандидат — товарищ Ельцин». Ну, а какой он на самом деле, покажет время и только время…

2 апреля

Дни бегут, проходят, и не покидает грустное размышление: «А что сделано для бессмертия?» В редакции какой-то паноптикум. Захаров спокойно входит в кабинет Фомина и говорит, что ему надо пойти в ГУМ за ботинками: в зимних жарко, а других нет. И уходит. В рабочее время! Ну, фрукт! У него оригинальные отношения с женой, которую он называет просто «волчицей»: «Моя волчица сказала…»

По радио чуть не каждый день передают песни Вертинского. То не было никогда Вертинского, а теперь — нате!

В банановo-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван…

«А крылатые брови? А лоб Беатриче? / А весна в повороте лица?.. О, как трудно любить в этом мире приличий, / О, как больно любить до конца!..» Я обожаю Вертинского, а каково другим, непонимающим и незнающим? «Звенят, гудят джаз-банды, / И злые обезьяны / Мне скалят искалеченные рты…»

И ещё новость. Раньше ругали «Выбранные

места из переписки» Гоголя, а теперь утверждают: шедевр, Белинский ошибался… Мир как бы перевёртывается… Десятилетиями кричали о нашей миролюбивой внешней политике, а тут «Комсомолка» в номере от 23 марта её развенчала полностью: сплошные ошибки, мессианство, агрессия и неудивительно, что французы и англичане нас боятся.

9 апреля

6-го в Театре Ермоловой были на трагикомедии «В ожидании Годо», за которую Сэмюэль Беккет получил Нобелевскую премию, одна из вершин театра абсурда. И опять публика наша не готова к серьёзным философским текстам и покидает зал. Не хотят вникать, думать, сопереживать. Благодаря уходам мы с Ще пересели поближе и получили удовольствие… Все мы в ожидании Годо, ибо действительность, в которой мы барахтаемся, ужасна: очереди, сутолока, грязь, хамство… «В Ленинграде, в городе / У пяти углов / получил по морде / Саня Соколов…» (не знаю автора). Одно радует — гласность. Набоков, Гумилёв, Галич, Высоцкий — вошли в оборот, и страна не рухнула. Страна рушится не от песенок и книжек, а от острейших социально-экономических и политических проблем.

А сегодня с утра мы ездили на Крымскую, на выставку московских художников «Памяти жертв сталинизма». Выставку без внутренних рыданий смотреть нельзя: вопиют фотографии, строки, картины, кирпичи.

Вот годы настали! Не надо бояться,
Что ночью с постели поднимут тебя,
Втолкнут в «воронок» и… поехал «кататься»:
Лубянка, Бутырка, этап, лагеря…

…Кто выжил – тот выжил, кто сгинул – тот сгинул,
Что было – то было, быльём поросло.
Спасибо, палач, что ты землю покинул.
Живите же люди, вам так повезло!

Автор этих стихов — Юрий Скобченко (1923), участник войны, с мая 1945 года по ноябрь 1954-го был в заключении, потом реабилитирован… Обычная судьба миллионов сталинской поры, «усатого вампира», как написал Скобченко.

16 апреля

По работе пришлось побывать на ВДНХ на

выставке «Реклама-89». Иностранная яркая, выразительная, броская, и наша бледная, как поганка. И куда мы лезем со своим социалистическим рылом в калашный капиталистический ряд!..

А в мире столько бед и драматических событий: волнения в Тбилиси и 19 жертв, гибель нашей атомной подлодки, прекратилась связь с «Фобосом» и т. д. Читаю воспоминания и дневники Бунина. Как мне близок и понятен Иван Алексеевич! Его геморройные страхи, страхи за Веру, боязнь смерти, «сладострастные сны» и прочее. Любопытны дневники Григория Козинцева. Страшные его жалобы на жизнь, на условия работы: «Зачем меня мама родила? Чтобы служить у Киселёва?» Киселёв — это директор «Ленфильма», который душит режиссёра. У Козинцева — Киселёв, у меня — Фомин. И у всех нас одна судьба: мы все от кого-то зависим, кому-то подчинены, все — галерные рабы…

23 апреля

Дико устаю от чтения и выписок. Всё интересно и всё надо оставить на память, для истории: Ленин, Сталин, Юрий Любимов, Юлий Даниэль… У Даниэля есть убийственные строки о либералах — фаворитах эпохи, которые рвутся в «бескров-

ный бой»: «…И мы, шипя, ползли под лавки, / Плюясь, гнусавили псалмы, / Дерьмо на розовой подкладке — / Герои, либералы, мы!..»

Лишь некоторые лезли на рожон, на баррикады, бросали смелые вызовы… Честь им хвала за смелость, за поднятый горящий факел, который освещал мрак ночи…

30 апреля

Из потока событий: вылезли подробности столкновения в Тбилиси — дубинки, сапёрные лопатки, боевые газы… Из личного: впервые получили сахар по талонам… 28-го в Центросоюзе мне вручили медаль ветерана труда. Первая медаль в жизни — и сразу «ветеран»… В пятницу, 29-го (благословенная пятница! Два дня дома!), шёл с работы пешком от «Сокола», радовался распустившейся зелени и поймал себя на том, что иду и тихонько пою (или мурлыкаю?). И что? «Однозвучно звенит колокольчик…»

Что ещё? Шалею от прочитанного: «Серебряный голубь» и проза Андрея Белого, воспоминания Любови Дмитриевны Блок. Георгий Гачев о своём отце Дмитрии Гачеве и т. д. и т. п. И остаётся только принимать «Кавинтон», который улучшает «мозговую перфузию», правда, непонятно, что это такое…

8 мая

В праздничные дни по ТВ была симпатичная короткометражка Юрия Мамина «Праздник Нептуна» и телеспектакль «Самоубийца» Эрдмана. В роли Подсекальникова Ткачук. Мне кажется, что после ухода Миронова и Папанова Театр сатиры рухнул. А вот выставка «Искусство XX века во Франции», организованная Центром Помпиду, принесла большую эстетическую радость. Если перечислять экспонаты, то нужно писать страницы. После выставки немного погуляли, прошли мимо моего отчего дома на Волхонке, далее по Арбату. День тёплый, весенний, а кругом царит какая-то унылость…

21 мая

Неожиданная поездка с группой в Каунас. Утром 12-го туда прибыли на поезде. Расселение не в гостинице, а в частном секторе, — об этом заранее не говорилось. Модная присказка: «Дурят нашего брата!» Но грех обижаться, нам досталась опрятная комната в особнячке на ул. Борисова, 5. Но завтрак был в ресторане «Нерис» и тут же прогулка по главной улице Каунаса — Лайсвес аллее. Далее автобусом и осмотр Старого города, 9-го форта и прочих достопримечательностей. Город симпатичный, много зелени, сирени, каштанов…

На следующий день посетили музей Чюрлёниса, ещё музей чертей… Ратушная площадь, набережная Преплаускас, река Нямунас. Тишина, безлюдье, хорошо… В Москве всё почти бегом, а тут выпадение из ритма, тягучее, медленное ничегонеделанье и элементарное глазение по сторонам…

14 мая на автобусе поехали в Вильнюс. Очень коротко: костёл Анна, университет и ещё что-то. А далее — Тракай. Из Тракая в Вильнюс, вокзал, поезд. Короткое путешествие в Прибалтику закончилось… В редакции ничего нового: скука и мелкие интриги. Ну, в газетах и журналах страсти-мордасти: о Даниэле и Синявском (в Москве — «агент империализма», в эмиграции — «агент Москвы»), дневники Довженко, стихи Вознесенского («рашен-бред»), воспоминания об Аполлинере, перевод Зингера с идиш, перепечатанный на компьютере сборник Солженицына, а там «Письмо вождям» и «Жить не по лжи»…

28 мая

Все ждали, и вот он грянул, съезд народных депутатов СССР. И это уже не крик, а вопль у черты пропасти… 25 мая съезд нардепов открылся, и его транслировали по телевидению впрямую, значит, без купюр и вырезок. Настоящее по-

литическое шоу. Люди рвались к микрофону и высказывали то, что наболело. Крик, шум, неразбериха, никакого регламента и голосование по поднятым рукам! Некто Оболенский взял и выдвинул себя в качестве кандидата на пост председателя Верховного Совета СССР, в оппоненты Горбачёву, и как написал «Московский комсомолец»: «Дорогой товарищ Оболенский! Безумству храбрых поём мы песню!» Впервые мы увидели не подковёрную борьбу аппаратчиков, а схватку вживую между так называемыми консерваторами, либералами и радикалами. Страстно выступали Юрий Афанасьев, Алесь Адамович, Гавриил Попов, академик Сахаров, прибалты… Съезд как грандиозный спектакль. Я бы сказал так: народная драма с водевильными номерами. Циркулируют слухи о перевороте, что к Москве стянуты войска, чилийский вариант?.. А бедный Боречка Линский всё талдычит: как скучно жить, ничего интересного в жизни не происходит… Происходит! И такое!..

Маленький комментарий из сегодняшнего дня, спустя 21 год. Вот как весенним половодьем всё началось и чем кончилось? Стоячим болотом, механическим послушным голосованием всего, что желает Кремль. «Парламент — не место для

дискуссий», — откровенно заявил спикер Борис Грызлов, на которого без слёз не насмотришься. Ушли от тоталитарной системы, побузили, помитинговали, — и ша, как говорят в Одессе. К ноге! И тихо! У нас «суверенная демократия». (5 июня 2010 г.)

А что было ещё? Смотрели в театре Марка Розовского за Войковской, у «Трёх лебедей» спектакль «Бедная Лиза» по Карамзину. 26-го ездили к Володе Куриленко на его день рождения. Произнёс подготовленный заранее тост, который всех шокировал. Вот этот текст, оставлю его для памяти:

«Все выступления ныне начинаются с междометия „Ну!“. А я в пику начну с „Ах“.

Ах, как меняется время! Впрочем, не время меняется, изменяемся мы. Я закрываю глаза и вижу наш класс: бравый Ширяев и фитиль Лашков… упрямый Боряк и хмурый Алексеев… Земфира Давидовский и Галюля Каменецкий… застенчивый Куриленко и плутоватый Кайтмазов… мудрый Кочеврин и дурашливый Большаков… неистовый Тарковский и добродушный Ильенко… бесёнок Голубничий и невыразительный Миронов… хорохорящийся Смурыгин и тихий, как мышь, Маргулис… ницшеанец Шмыглевский и добряк Баженов… Можно перечислять

и дальше, но мешает слеза… Ах, милое детство! Школьные годы… Пора надежд и упований… Где всё это? Куда пролетело, просвистело, унеслось?

Кто-то не выдержал бега и сошёл с дистанции. Кто-то ещё ковыляет по трассе жизни. Кто-то продолжает бороться и стремится вперёд. Но мешают седина и перебои в сердце… И где-то там, за лесом перестройки, маячит финиш…

А пока усилия и борьба. Жизнь полна неожиданностей, парадоксов и сюрпризов… В этом бушующем водовороте, среди цунами событий и тайфуна фактов, так хорошо посидеть за домашним столом, среди своих старых и добрых знакомых, перекошенных радикулитом и травленных-перетравленных начальством…

Друзья! Давайте выпьем. Выпьем за Володю Куриленко, за редкого рыцаря и настоящего интеллигента, который являет собой приятное исключение нашего времени, где совесть, духовность и сострадательность — дефицит почище соли и спичек… За ровное биенье и чёткий пульс!..»

Тост мой всех удивил, но не взбодрил. Все были какие-то потухшие и вялые…

4 июня

Бушует съезд народных депутатов: Черничен-

ко, Евтушенко, Юрий Власов, Юрий Карякин и другие — все выступали смело, остро, зажигательно. Требовали захоронения Ленина, нападали на КГБ… Как написал один журналист в «Фигаро»: «Тем, кто 20 лет наблюдал мрачные заседания Верховного Совета, единодушно штамповавшего законы, бюджеты и назначения, нынешний съезд напоминает фильм Феллини…»

10 июня

Вчера на съезде мужественно сражался Андрей Дмитриевич Сахаров, поистине великий человек! Катастрофы с газопроводом, с поездом, где были дети, события в Фергане, Коканде, убийства, поджоги. Сталинская империя трещит по всем швам. Би-би-си меланхолично отмечает: «История показывает, что не всегда империя умирает изящно». Это точно!.. Последние дни проходят так: нервные трансляции съезда, пекло на улице и спешная читка материалов в редакции. И никакого покоя…

18 июня

В «Правде» вопль архангельского мужика Николая Сивкова: освободите нас от «нельзя»!.. Нет, выступает Лигачёв и говорит: надо держаться за совхозы и колхозы. И никаких коренных измене-

ний, всё катится, как и было раньше. Я по утрам деру себя отечественным лезвием «Восход», чертыхаюсь и мечтаю о лезвиях из Золингена. В связи с визитом Горбачёва в ФРГ показали картинку оттуда: всё ухожено, всё блестит, всё переливается красками благоденствия… И это побеждённая страна? А мы — победители? Исторический парадокс, казус, недоразумение.

24 июня

Хлынул поток материалов к 100-летию Анны Ахматовой. Не успеваю заглатывать. В «Вопросах философии» отрывки из знаменитой работы Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Вычленил мысль: «Каждая жизнь — это борьба за то, чтобы стать самим собой». В «Нашем современнике» статья Игоря Шафаревича «Русофобия», и в ней приведены слова Надежды Мандельштам: «Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей». Если говорить на эту тему, то лично я не чувствую себя ни евреем, ни русским, ни украинцем, ни поляком, хотя, разумеется, всеми корнями связан и воспитан русской культурой. Но «русскость» Белова и Распутина меня возмущает. Моя вера — гражданин мира, как Эразм Роттердамский. Если бы была

возможность, то я, как и Герцен, жил бы на Западе и с удовольствием писал о России. Европа — это культура сверх макушки, и жратва от пупа. А тут… Сегодня дозволена гласность, свобода слова, а завтра, глядишь, загуляют резиновые дубинки. То, что произошло в Китае, настораживает (танки против студентов)…

1 июля

Температура под 30 жары. Специалисты к тому же отмечают, что солнечная радиация выше нормы, я это чувствую кожей и глазами… Пришлось вербализовать свои эмоции:

Жара, духота, африканский разгул.
А в сердце – осенний туман.
И вместо раздумий лишь лепет и гул,
Прозрачный до бездны обман.

И ещё написал строки о России, естественно, для себя, в стол, а не для печати:

Ах, ты, Русь святая, ой, страна чудес.
Сундуки, кадушки – всё попутал бес.
Полная отпадина, или там – отпад.
Ничего хорошего. Только гарь лампад.
Отгорели свечи, кончился наш свет.

И остался, братцы, общий культпривет.

Может, и не стихи. А так. Сказал и облегчил тем душу, — как говорили древние.

9 июля

Мечтал о прохладе. 3-го, на Мефодия, пошёл дождь, и на несколько дней замефодило: стало пасмурно, дождливо, прохладненько. Но сегодня опять начало завинчивать… Всё надо записывать, — завещал нам князь Александр Урусов (1843–1900):

«…Ещё 100 лет, и наши кухонные книжки попадут в библиотеки в отдел рукописей. Весь вздор, какой мы пишем, будет иметь историческое значение. Каждая строчка пустого письма — через несколько веков приобретёт значение свидетельства, чуть не памятника… Моя история и биография ничтожного и неинтересного человека — и интересна и значительна как часть целого… Всё, господа, нужно коллекционировать…»

Когда читаешь такие строчки, то понимаешь: надо продолжать вести дневник. Меня абсолютно не волнует, станет ли он «историческим памятником» или пропадёт и сгинет, меня сегодня влечёт

бумага, чтобы, как писал Александр Иванович Урусов, «спасти эфемерное мгновение жизни от тления, чтобы зафиксировать мираж жизни» (цитата по книге Волошина «Лики жизни», с. 506).

На днях позвонил писателю Борису Можаеву: не может ли он выступить у нас в журнале? Он ответил так: «Кооперация — извини и подвинься… Без рынка нет кооперации… Нынешняя кооперация — это…» Далее он выругался матерным словом, но тут же извинился. Сказал, что занят новым романом и позвонить ему в октябре. Кстати, его знаменитый Кузькин пошёл на Таганке после многолетнего запрета…

Что ещё «новенького-шизофреновенького»? Это из Венички Ерофеева («Вальпургиева ночь, или Шаги командора»), и это нечто. Это просто другая литература…

23 июля

«Комсомольская правда» 12 июля на первой полосе вынесла в заголовок: «Беда наша. Недоразумение наше. Позор наш… Господи, да что же это?..» Вся страна поднята на дыбы. Забастовки, столкновения, кровь… Абхазия, Донбасс, Кемерово, Воркута… Всё кипит, бурлит, негодует… С Анисимом поехали на Пушкинскую площадь в водоворот масс. Небывалая политизация.

Какой-то дядя-пенсионер с батоном в авоське уверенно говорил о программе кадетов и эсеров в 1917 году… Говорят о крушении социализма, о многопартийности… С Гришей как-то обедали в Комитете народного контроля: большой выбор блюд, вкуснотища — суп с шампиньонами, забытый судачок, — умеренные цены. И что? Значит, народные контролёры купаются в сыре-масле, а у работяг-шахтёров вонючие столовки, 200 грамм масла на месяц и один кусок мыла — и это справедливость?!. Как писал когда-то Макс Волошин:

Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф…

Жена Бориса Безелянского Мера настроена бежать. Сначала в Израиль, потом в Америку, тут, мол, невозможно и страшно. Нет, это не для меня…

30 июля

В библиотеке взял новый словарь «Русские писатели 1800–1917», том первый. Раиса Дм. говорит: «Его будем читать только мы с вами».

26-го принимал участие в семинаре кооператоров СССР и США на Вернадском. Приехали к нам 20 крепких ребят из национальной ассоциации оптовой торговли США. Все седовласые,

поджарые, в тёмных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Все спортивные, динамичные. Выступали кратко, по-деловому, делились опытом работы. У них компьютеры, холодильники, транспорт, у них море товаров, любые заказы выполнят за считаные часы. А наши вялые, квёлые и всё только просили: давайте организуем совместные предприятия. Волка с зайцем?..

Ужасает волна преступности. Убивают, грабят, насилуют… Убили ответственного секретаря «Сов. экрана» Мишу Левитина (Левитеса). Говорухин выступил с гневной статьёй, где основной тезис: «Когда страна богатая, а народ бедный — это преступление». А какая грязь кругом! Премьер Рыжков посетил Лосиный остров и в сердцах бросил: «Довели мы… капитально…» Короче, время-жуть.

13 августа

Меня избрали в совет ФОЖ (Федерация отраслевых журналов), председатель Овчинников из «Речного флота». Очередная игра для самоуслады… Прочитал прекрасную повесть Вас. Гроссмана «Всё течёт», впервые в советской печати детабуирован Ленин. Рухнул монолит, разбился. Не устаю удивляться временам!..

20 августа

Конец света: принесли и положили в почтовый ящик выписанный номер «Нового мира» с «Архипелагом ГУЛАГ». На дом!.. Вот уже 5 недель работаю без Фомина: управляю редакционным процессом, визирую материалы, выписываю гонорары, подписываю приказы на отпуск и т. д. Справляться-то справляюсь, но мне это командование не по нутру. Мне бы в тишине одному посидеть, но не получается: всё время кто-то входит и начинается ля-ля, даже уборщица, вешая шторы, толковала со мной за жизнь…

Удалось посмотреть два хороших фильма: французский — «Анатомия любви» и американский — «Клуб „Коттон“» с Ричардом Гиром и Дайяной Лейн. Про прочитанные журналы писать надоело…

27 августа

Появилось заявление ЦК — по существу грозное предупреждение прибалтам: будете дальше идти на отрыв от СССР, то задавим, «единая семья народов» должна быть сохранена. Неужели бедных прибалтов вновь завоюют и присоединят к Москве?.. В одной из книг натолкнулся на стихи комсомольского поэта 20-х годов Джека Алтаузена (настоящее имя — Яков Моисеевич — находка

для «Памяти»):

…Две ласточки сидят на пулемёте,
И на кустах лежит мой карабин.
Журбенко! Брось напрасно ложкой звякать,
Цветёт крыжовник, зреет бузина,
Давай читать, давай читать и плакать
Над этой книжкою Карамзина…

Загубленное поколение, отравленное идеей мировой революции. Весь мир перебудоражили и в итоге собственную страну довели до социального тупика. Большинство революций ни к чему хорошему не приводят. Если к власти пришли бы декабристы, то они, как последователи якобинцев, устроили кровавую бойню, а так Николай I повесил всего лишь 5 декабристов. Сегодня эта цифра — детский лепет…

В 1929 году Алексей Толстой писал Крандиевской: «Убожество окружающей жизни, хари и морды, хамовато лезущие…» Но спустя 60 лет эти рожи и хари ещё более охамели. Увы…

3 сентября

Популярное ныне издание «Экспресс-хрони-

ка» констатирует, что страна дрейфует к хаосу: забастовки, голодовки, протесты… «Этой жизни присуща летальность, / что сгущается день ото дня…» (поэт новой волны Вл. Вишневский). Хотя наша жизнь с Ще более респектабельная и умеренная… По просьбе Фомина ездил отвозить номера журналов в ЦК, 6-й подъезд на Старой площади. Шикарный лифт с таинственными кнопками «спец. езда» и «вентилятор». Вошёл в 731-ю комнату, вскакивает сотрудник и представляется: Рыбаков. Очевидно, принял мои седины за начальственные. Отдал номера Титову (нашему куратору) — чувствуется тот ещё гигант мысли… настоящий мастер выпить и закусить. Господи, кто нами рулит?!.

В Театре им. Пушкина были на спектакле японского традиционного театра Кёган, пьесы «Футарибакама» и «Кирокуда». Всё удивительно и непривычно: речь, пластика, песни, танцы… По ТВ в программе «До и после полуночи» впервые показали Иерусалим, Стену Плача, Гроб Господень, русский монастырь, и очень много евреев и даже рыжих. Наш Углич нельзя сравнить с древнейшим Иерусалимом. Один наш знакомый, Эмиль, несдержанный на язык, заявил: «дешёвка» — это про русскую старину… В «Огоньке»

подборка песен Окуджавы: «Были песни пионерские, было всякое враньё...» Любопытное интервью взял Битов у старейшего писателя Олега Волкова. Оказывается, Волков и Набоков учились вместе в одном училище. Ровесники. Битов восклицает: «Это значит, что же?.. Набоков пишет в те же годы, что Волков сидит? Один — от „Машеньки“ до „Лолиты“, другой — от звонка до звонка. Нет, господи!..» Да, разные параллельные, не пересекающиеся жизни. У одного слава, у другого тюрьма... А Юрий Карабчиевский в журнале «Театр» раздевает Маяковского: «подростковая обида на недоданность». Когда-то в школьную пору я был в восхищении от раннего Маяковского («паспорт из широких штанин» был неприятен) — «Мария, дай!» — и всё тут. Все мы в юности — эгоцентристы, в плену своих больших желаний и хотений, и нам дорога своя слеза — чужих мы не видим... Сегодня на Маяковского я смотрю иначе, ну, а его ангажированность властью вызывает отторжение...

За окном +30, густая зелень и бледное-бледное голубое небо.

10 сентября

В поисках авторов для нашей рубрики «Страницы истории» позвонил в редакцию ЖЗЛ. А там

слёзы: «Да, похороны у нас тут… роскошная девка… 25 лет… рак…» А мы всё суетимся, дёргаемся, ропщем.

Если бы не моё хобби, увлечение исторической хроникой, своим Календарём, я бы тоже бился головой об стенку, а так — стрессы микшируются… Да, все живут по-разному. Один благоденствуют, извлекая выгоды, служа Системе. Вторые стараются честно делать своё дело, но при этом испытывают душевный надлом от невозможности реализовать себя до конца. Третьи не выдерживают бремени эпохи, спиваются, вешаются — Высоцкий, Шпаликов и много ещё таких. И, наконец, есть четвёртые: отважные бойцы, диссиденты — отстаивают идеи свободы и лезут напролом… Условно всё так, хотя, конечно, спектр людских типов и судеб значительно шире и разнообразнее — есть виды, подвиды и т. д.

А я снова качаюсь на волнах истории: дело Рютина, материалы о Троцком, очерк о Ришелье, письма Екатерины II Потёмкину и т. д. Сколько интересных фактов, сколько горечи и сколько пряностей!..

По телевизору — конкурс красавиц. Павел Каспаров по «Маяку» прокомментировал: «Может быть, наши девушки не такие красивые, но хо-

рошо уже то, что с трактора слезают…» Меняется страна, и уже не «колосятся тучные поля», и никто не поёт: «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, / Пускай поёт о нас страна, / И звонкой песнею пускай прославятся / Среди героев наши имена!..» Герои труда — это не злободневно…

Мне однажды луна зацепилась за голову

И оставила след в волосах… –

из песенки по «Маяку». По поводу головы. По подсчётам журнала «Молодая гвардия», у русских на тысячу населения имеется 17 человек с высшим образованием, у евреев — 600. Что это такое! Безобразие! — вопят молодогвардейцы и не хотят признавать русскую леность. Большой народ, огромные территории, — так хорошо, зачем выгибаться. А тут ещё Система всё подмяла под себя и доформировала рабскую психологию: есть холопы и есть барин. «Барин нас рассудит…» И мечты о счастье, воспалённые грёзы, без усилий и труда, а чтобы так, с неба свалилось… Счастье — в русской культурной мифологии одно из ключевых слов.

Кажется, наклёвывается турпоездка в Италию. С меня взяли данные для итальянской полиции

(?!): глаза коричневые, волосы чёрные с проседью, рост 175 сантиметров… Но до Италии далеко, на очереди отпуск: поездка во Львов и отдых в Вороново.

7 октября. Фрагменты из львовских записок

Львов некогда соперничал с купеческим Краковом. Он — лакомый пограничный участок между Востоком и Западом, между молотом и наковальней, между католицизмом и православием…

1 октября в час дня Як-45 доставил нас во Львов. Гостиница «Ульяновская», хоть и обкомовская (с помощью звонков в Киев), но какая-то утлая, но это не важно, важно пристанище… напротив из окна костёл сакраменток. Первое знакомство с городом и первое удивление: улицы Маяковского, Чернышевского, Джамбула… А где национальные, украинские? Их нема. Нет, есть: проспект Шевченко — «невеликий, сонячий, затишный». Вышли на «Жоржа» — гостиница интуриста, когда-то здесь останавливался Бальзак. Дом вычурный, мол, знай наших, недаром кто-то из местных патриотов говорил, что Париж и Вена тянулись за Львовом. Сначала Львов, а потом и Париж. Действительно, немало классицизма, рококо, готики и модерна. Львовский оперный посильнее нашего Большого…

Неожиданно натолкнулись на манифестацию за «самостийную» Украину, жовто-блакитные флаги, выкрики и транспаранты против пакта Молотова — Риббентропа, союза серпа и молота со свастикой и т. д. Манифестанты несли колючую проволоку, и какой-то детина лукаво говорил, приподымая проволоку: «Пожалуйте к нам, в Советский Союз». Позднее, как мы узнали из газет, произошла схватка с милицией. Короче, Львов против москалей-угнетателей.

День 2 октября деловой. Разговор в потребсоюзе о цели визита: знакомство с передовым опытом, подписка на журнал и кое-что ещё. А заодно и билеты обратно. Начальник орготдела Любомира: «Тикаете?» Нет, будем возвращаться… Для начала на машине знакомят с городом. Кафедральный (Латинский) собор, Лучаковское мемориальное кладбище… небольшой приём с коньяком, колбасой и… раками. Еле вырвались живыми…

3-го выезд в элитное райпо в Жидачов. Любомира: «Лягаем на курс?» Лягаем. Председатель райпо мой ровесник, с 1932 года, — Павел Турчин, хороший мужик, но мрачноватый. Осмотр предприятий и в финале — ресторан. Еды навалом, и всё объеденье (жареная печоночка — язык можно откусить). Ну, и выпивка соответственно.

Разомлев, мы с Ще перешли на украинскую мову: дюже, гарно, непогано, разумию, чиловек и т. д. А потом пошёл песняк: «Ревет да стогнет Днипр широкий…» У Ще неожиданно прорезался не только певческий талант, но и дирижёрский, так что Павло определил её как «гарная жинка». Комплименты, тосты, откровения (Турчина в 1956 году с Русского острова бросили на подавление мятежа в Венгрии), братание. В общем, используя журналистский штамп: незабываемая встреча!

В среду, 4-го, в первой половине дня мы были предоставлены сами себе. Успенская церковь, башня Корнякта, Доминиканский собор, Арсенал, театр Заньковецкого, Франко и неожиданно скульптура Ленина — ни к селу, ни к городу. Собор святого Юры (1744–1770, стиль барокко) и снова митингующие с флагом, националисты: «Рус, сдавайся!» А потом пришлось выступать во Львовском кооперативном институте, рассказывать о журнале, отвечать на вопросы…

На следующий день общение с местной интеллигенцией — с зав. кафедрой Виктором Апопием и доцентом Степаном Кузиком. Весьма милые, услужливые люди. Они нам многое показали, в том числе музей книги в монастыре Онуфрия. Интересна на углу Друкарской и Ставропольской

улиц музей-аптека, открытая фармацевтом Наторпом аж в 1735 году. Старые колбы, реторты, баночки… Затем появилась на «Волге» Любомира и стала нас знакомить с городом на свой лад, предварительно обругав Апопия и Кузика, что задержали своей никчёмной болтовнёй важных гостей из Москвы. Те стояли, потупив очи…

6 октября — отлёт в Москву. В ушах приблатнённая песенка: «Ведь у меня всё схвачено, / За всё давно оплачено, / И жизнь моя налажена на зависть всем…» И рифма: нет проблем! Да, поездка во Львов вышла немного за кооперативный счёт, с коньяком и ковбасями. А вот Стрийский парк и Олеський замок посмотреть не успели. Но Львов в целом понравился, а Ще вообще была в восторге.

Ах, эта жизнь – гори она огнём!
Давай, мой друг, махнём куда попало,
Давай вдвоём немного отдохнём… –

строки неизвестного мне Сергея Чухина из «Огонька».

20–22 октября. Выдержки из Вороново

9 октября — вторая часть отпуска, в госплановском доме отдыха «Вороново». 61 км от Москвы.

Великолепие эпохи застоя: всюду мрамор, мраморное давящее великолепие. Номер с видом на ели, на лесок. Когда-то Вороново принадлежало Артемию Волынскому, затем Воронцову, при котором и был сооружён голландский домик — единственное украшение. Немного ландшафтного парка, пруды, мостик, а так в здании только мрамор и металл.

Вороновская художественная галерея. Обилие Ильича, но есть и этюд Коровина. А так советские корифеи Иогансон, Герасимов, Томский. Народу никого… На следующий день поездка в Мелихово, к Чехову. Лекция о писателе. Кто-то слушал-слушал да и спросил: «А с каких доходов жил Чехов: с литературных или?..» и загадочно улыбнулся. Я не выдержал и рявкнул: «С помидор». Ещё кто-то задал вопрос экскурсоводу: «А Чехов русский?» Вернулись в Вороново и познакомились с новой отдыхающей Людмилой, внук которой зовёт её оригинально: «Баба Салют!» А она смеётся…

13 октября. С утра летели хлопья снега. Спасала библиотека. «Окаянные дни» Бунина, дневник Николая II («День был хороший, таяло. Пилили дрова. Вечером читал вслух „Женитьбу“ Гоголя…»). И ещё: «Поездка в Москву 37-го года Фейхтвангера» и «Дело врачей 1953 года».

14 октября. С утра дождик, но всё равно гуляли.

Осеню себя осенью – в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду к пруду… –

Игорь Северянин. Два кино в день: «Утоли мои печали» — наш, и «Маски» Клода Шаброля — закручено, заверчено, смотрели на одном дыхании. Вечером все прильнули к телевизору — выступал Алан Чумак. Массовый психоз — Чумак, Кашпировский, — все лечатся, все верят, все на что-то надеются.

15 октября. Давит мрамор. Мавзолей имени товарища Хеопса. И далее всё пошло как-то вразнос: плохой сон, плохое самочувствие, плохая погода. И даже закрытый показ эротической «Греческой смоковницы» не поднял настроения… 19 октября — последний день в Воронове. И как насмешка — голубой день…

28 октября

После Воронова в Москве благодать, омрачённая задымлением телевизора: сгорел «Электрон». А где купить новый? Наугад открыл Библию: «…Он сказал: Будьте спокойны, не бойтесь…» И мы сразу успокоились. В московскую часть отпуска гоняли львовские плёнки: «Пусть туман

колышется, / Пусть гитара слышится, / Но не мешайте мне спокойно жить». В последний день отпуска был в гостях у Вити Черняка. Потихоньку издаётся, предлагал написать что-то вместе. Он — на вольных хлебах, но я-то на работе, и когда?..

7 ноября

Львов, Вороново забыты. Жизнь покатилась по привычной колее. Редакционная лямка, чтение прессы и книг, писание в стол и, конечно, наш забубённый быт. И мрут журналисты, не достигнув и 60-летнего возраста: гл. редактор «Учительской» Матвеев, спортивный журналист Токарев, знаменитый известинец Борис Федосов. Жизнь косит всех… Домой с работы возвращаешься в темень и по грязи, как будто это не Москва, а какой-нибудь Кологрив.

В роскошном «Нашем наследии» публикация о Софье Парнок — новое для меня имя. Мне было 8 дней от роду, а она уже писала: «Счастливы те, кто успевает смладу доискриться, допениться, допеть» (10 марта 1932 г.). Опять зашиваюсь в чтении: Стефан Цвейг, Анатолий Мариенгоф, Сергей Довлатов и далее по длинному списку.

12 ноября

Специалисты подсчитали, чтобы в наш век

быть компетентным, нужно ежедневно прочитывать 1–2 газеты, 1–2 журнала, 100–50 страниц научного (профессионального) текста и столько же просматривать для самоинформирования. Я проглатываю больше, но надо признаться, это зверски утомительно.

А что с работой? К. снова запил, Д. бастует и выдвигает какие-то требования, у Гриши разлад в семье и ему не до работы над номером, Фомин, как всегда, в высших сферах… Но и у Ще не лучше, если не хуже: институт, по существу, брошен на произвол судьбы, никому ничего не нужно. Люди ходят на работу, получают деньги и ни фига не делают, — гримасы социализма. А плохое социальное самочувствие приводит к плохому физическому. У всех какие-то боли, жалуются, куксятся. Идёт какой-то развал. Вот и я: то сердце, то нога, то суставы рук. А тут ещё глаза. Надо колоть витамины… И с плохими глазами в Италию?.. А что творится в политике! Вслед за падением Хонеккера в ГДР пал Тодор Живков в Болгарии (социалистические колоссы). Как карточный домик — пошла цепная реакция. Ну, и у нас полный раздрай. «Московская правда» цитирует слова секретаря Российского народного фронта Владимира Иванова: «У всех советских

людей один и тот же общий враг — тоталитарная и бесчеловечная коммунистическая система, позорный и порочный общественно-политический строй… ну, а идеологами всего этого мракобесия были Маркс и Энгельс…»

Господи, какая-то ужасная каша в голове, и при чём здесь Маркс? Он писал верные вещи для своего времени, и не он строил в России то, что мы имеем сегодня… Поэт Алексей Марков сказанул правду-матку о дури народа и каре за это: «О подвигах орали, / Гремел словес обвал, / А выжали Аралы, / Загадили Байкал…» и концовка:

Какие мы потомки,
Хозяева страны?
Мы жалкие потомки,
Мы – сукины сыны.

А может быть, во втором случае не «потомки», а «потёмки»?..

Короче, как сказали на «Радио Свобода», в рядах КГБ посеялась растерянность: «Крамола разлита из края в край, / Теперь бы только сажай и сажай…» Как было «хорошо» при Сталине: могильная тишина, никто пикнуть не мог, а тут на тебе, разговорились, и, наверно, для многих чекистов это невыносимо…

19 ноября

А мир кипит и бушует. Мир социализма, разумеется. В Варшаве сносят памятник Дзержинскому: «Посмотрите на Феликса сегодня — завтра будет поздно». Вылетел из седла Живков (отгарцевал 35 лет!), он превратил «страну роз в страну политической дикости». В ГДР требуют наказания Хонеккера за содеянное (лишь у нас пенсия и молчок!). Чехи вышли на улицы, а им в ответ дубинки, газы, овчарки. Но не поможет — чехи добьются свободы, — я верю в них. Остался один Чаушеску, «выдающийся зодчий социалистического строительства», но и до него наверняка доберутся… У нас, помимо других проблем, горячо обсуждается и еврейская, многие обвиняют евреев во всех грехах и катят на них тяжёлую бочку. А недавно была опубликована старая статья Бердяева «Христианство и антисемитизм», где чётко сказано: «В основе антисемитизма лежит бездарность». То есть неконкурентность…

26 ноября

21-го пытался выразить своё настроение в стихотворных строчках:

Всё суета и суета.

Мы все спешим, шумим, шалеем.

И гулко бьётся пустота
На тротуарах и аллеях.

Ни поразмыслить, ни вздохнуть.
Кругом какой-то вихрь безумный.
Как штангу, жизнь берём на грудь.
Но разве брать её разумно?..

Всё суета и суета…
А дни бегут – и жизнь короче…
А что в итоге? Маета.
И та пройдёт и отгрохочет…

На работе на два месяца пришла пенсионерка Наташа Лукацкая. Боже, как это страшно: старая женщина, которую ты помнишь молодой. Вся в болезнях, в раздорах с мужем и в обидах на сына — обычный финал этой жизни… С работы ушёл пораньше и гонялся за мукой, макаронами, вермишелью и рисом. Два наименования достал — уже удача. Пришлось снова сочинять строчки:

Народ подался нынче в стоны:
Куда девались макароны?..
А где великий наш Союз?
Он нынче только битый туз…

Радует, что моё мнение совпадает со мнением других, назовём их интеллектуалами: Коротичем, Розовским, Марком Захаровым, Сарновым, Рассадиным, Аннинским, Шатровым, Эйдельманом, Егором Яковлевым… Мы — единомышленники, у нас единый взгляд на прошлое и происходящее в нынешнее время. Но есть и другие «мыслители»… Во «Взгляде» был кадр с руководителем «Памяти» Васильевым. Он говорил сдержанно, но от телеглаза не скроешься: махровец и антисемит…

3 декабря

Определилось с Италией. Еду. Было, кажется, 120 соискателей, из которых выбрали 30, в том числе и меня. По телевизору уже слежу, кто как одет там, и листаю знаменитую книгу Муратова «Образы Италии». Муратов считает, что «Италия принадлежит к великим темам». Но это впереди, а пока прихватывает поясницу, беспокоит правая нога и одолевает насморк, — полная боевая готовность. По радио слышал частушку:

С неба звёздочка упала
Прямо милому в штаны.
Пусть горит где ей угодно,
Лишь бы не было войны!

Печальные новости: умерли Георгий Гулиа, 76 лет, и Натан Эйдельман, 59, — жалко обоих. Кстати, Эйдельману разрешили выехать за рубеж впервые лишь в 1987 году. Был невыездным…

6 декабря

В Москве в 18 часов темень, неприятный резкий ветер, –9. А какая погода в Милане? И во что одеваться? Пальто или куртка? А вдруг дождь? Сплошные волнения. Собирали группу, уже есть ковёрный: некая Инесса Карпова, которая заявила, что в Италии она собирается купить фен. Лично мне хочется поскорее всё посмотреть, увидеть и вернуться домой.

Выбранные места из записей по поездке в Италию

По странному совпадению почти накануне телевизионщики провели опрос, что вы знаете об Италии? Дорожные рабочие-женщины в оранжевых спецовках отмахнулись от камеры: «Мы про свою страну ничего не знаем, а вы про Италию… Вот мы знаем свой движок, скребок, метлу…» Какая-то интеллигентного вида женщина мечтательно завела глаза: «О, красивая страна!..» Парень-студент ответил, как ударил: «Италия

— это футбол!»

Первый день. 7 декабря. В 5 утра пришло такси… В 12.50 по московскому времени (в 10.50 по итальянскому) Ту-154 приземлился в Милане. Весь полёт в самолёте стоял галдёж. Измученные дефицитом, советские туристы только и говорили о том, кто что везёт на продажу, переводили рубли в лиры, лиры в доллары, доллары в рубли, — и покоя не было… Нас встречает гид Лоридана, и её первые слова: «Маршрут очень богатый». Садимся в автобус, и из окна проплывают первые дома, первые улицы, начинается «Поэза раскрытых глаз» Игоря Северянина. «Я страшно жажду, глаза раскрыв»… Господи, сколько русских поэтов бывали в Италии и писали о ней с восторгом и упоением: Баратынский, Веневитинов, Растопчина, Батюшков, Языков, Полонский, Мережковский, Бунин, Брюсов, Бальмонт, Блок, Саша Чёрный… Можно цитировать и цитировать без конца…

Милан встретил нас солнцем… Милан — самый европейский итальянский город… Меня меньше всего интересуют автомобили, меня больше волнуют итальянки — не по кино, а по жизни! Некий профессор Фрати создал собирательный портрет итальянской женщины: «Плечи как у немки, но-

ги как у славянки, характер как у француженки, походка как у испанки, профиль сиенский, грудь венецианская, глаза флорентийские, ресницы феррарские, кожа болонская и, наконец, миланская грация».

Первый отель — «Эсперито корона» на виа Карло Тенка, 21. Номер 31… Первый ресторанчик «Галилео Галилей». Первая экскурсия и первое потрясение: Миланский собор, 135 шпилей!.. Внутри божественный полумрак… Далее замок-кремль Кастелло Сфорца… Венец музея — «Пьета» Микеланджело… В отель добрался на бровях и лёг в привычное время 22.30, опять же по-московски. Но прежде чем заснуть, думал, почему Италия после послевоенной разрухи рванула вперёд, а мы топчемся на месте? У нас вся энергия уходит в пар, а они вкалывают. На том и заснул.

8 декабря

До завтрака побывал в какой-то рядом стоящей церкви. Красота неописуемая, горят свечи, звучат ангельские голоса, возможно, звучала какая-нибудь «да ностра месса». На цыпочках вышел. У дверей нищие. Нищий просит у нищего. Горько… Прошёлся по улицам, вглядываясь в витрины, что в принципе можно купить на обмененные каждому из нас 105 тысяч лир? Увидел помазок

для бритья с позолоченной ручкой — 56 тысяч. Однако!.. И вспомнил парафраз Маяковского из пародии Архангельского:

А нам на них свысока наплевать,
Известное дело – буржуйская лавочка.
Плюну раз – мамочка-мать!
Плюну другой – мать моя, мамочка!

Экскурсия в автобусе. Сопровождающий Саша с безукоризненным русским языком. Оказывается, наш. Работал в фирме, женился на итальянке, и вот он уже «не наш» («изменник!», «отщепенец», «родину продал!» — как сказали бы раньше), но сейчас это не вызывает никакого отторжения, а скорее — некую зависть.

— Как живётся в Италии? — спрашиваю Сашу.

— Хорошо. Тут можно жить по-человечески, — отвечает он.

Но вот уже не до Саши, мы в театре «Ла Скала», абсолютно не впечатляющий снаружи, но внутри суперзнаменитый. В театре очень интересный музей: бюсты композиторов, сценические одежды, личные вещи кумиров, ноты, письма, веера… От имён кружится голова: Карузо, Джильи, Каллас, Тосканини… а композиторы: Чимароза, Керубини, Леонкавалло, Верди… Удалось загля-

нуть в ложу № 16 и окинуть взглядом знаменитый зал. «Мальчик резвый, весёлый, кудрявый…» Нет, увы, мужчина пожилой, медлительный, лысый и печальный…

Двигаемся дальше. Прекрасная галерея Виктора-Эммануила, в форме луча, длина луча 105 метров. Автор галереи архитектор Луко Менгони упал с лесов и разбился, а мы ходим и восторгаемся его творением… Собор Дуомо ещё одно наслаждение… Санта-Мария делле Грацие — бывший доминиканский монастырь. Стенная роспись Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Её постоянно реставрируют. Краски блекнут, но шедевр есть шедевр… Снова замок Кастелло Сфорцеска, английский парк… И обед у «Галилея». Вместо «ризотто алла миланезе» (риса по-милански) нам подают дежурные макароны… Многое не увидев в Милане, отправляемся в Венецию (3,5 часа дороги).

По пути остановка в Вероне, и сразу к балкончику Джульетты (виа Каппелло, 27). В глубине двора статуя девушки с отполированной обнажённой грудью — каждый турист желает прикоснуться на счастье к Джульетте…

Венеция поражает, город на воде, расположенный на 118 островах в живой лагуне. Острова

прорезаны 160 каналами, над которыми переброшено около 400 мостов.

Я – неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Перед дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьётся флаг… –

писал Валерий Брюсов в 1902 году… Мы приехали в Венецию под вечер, и нас размещают в отеле «Континентал» около канала Гранде. Старый отель, лифт обит плюшем. Но что лифт, главное — венецианские мосты и улочки, мы бродим по ним до ночи, подозревая в каждом прохожем Коломбину или Арлекина. «Ах, в каждой фее искал я фею…» Это куртуазный Северянин, а у Галича иное:

В канале вода зелена нестерпимо
И ветер с лагуны пронзительно сер.
– Вы, братцы, из Рима?
– Из Рима, вестимо!
– А я из-под Орши! – сказал гондольер.

Чёрные гондолы привязаны к берегу, и желающих покататься по водяной пульсирующей глади мало, ну, а нам, «русо туристо», — это вообще не

по карману.

Ночь в Венеции. Утро 9 декабря. Сели на морской трамвайчик, и прогулка по Большому каналу мимо цепи потрясающих дворцов на воде. Мраморные фасады, цветные мозаики, огромные окна, открытые аркады-лоджии, стройные колонны, — только и восклицать от восхищения «Мама миа!».

Высадились на сушу, и большая экскурсия про историю Венеции, про разных дожей, про «нехорошего Наполеона» и т. д. Посещение Дворца дожей. В зале Большого Совета одна из самых больших картин в мире — «Рай» Тинторетто (длина 22 м, высота 7 м). В картинной галерее одна картина лучше другой. И прав Борис Пастернак, который говорил: «Надо видеть Веронезе и Тициана, чтобы понять, что такое искусство». А ещё нам показали тюрьму, «мост вздохов», не подвалы Лубянки, но тоже всё мрачно…

Собор Сан-Марко, евангелист Марк, символ спящий Лев, — всё не может не восхищать, хотя когда-то Алексей Апухтин бурчал:

В объятьях заколдованного сна,
В минувшем блеске ты окаменела.
Твой дож пропал, твой Марк давно без

дела,

Твой лев не страшен, площадь не нужна…

Господин поэт Апухтин ошибался. Площадь перед собором — пьяцца ди Сан-Марко — круглогодично кишит приезжим людом из всех стран мира. Все задирают головы, ахают и щелкают фотокамерами. Туристы, туристы. На пьяцетте, на набережной Скьявони. Когда-то тут сиживал Карло Гольдони, бродил в одиночестве Вивальди, Чайковский в доме с окнами на Сан-Джорджо-Маджоре писал Третью симфонию… Городу воды, колоннад и мостов (самый знаменитый Риальто) постоянно грозят гибелью, но он живёт и не сдаётся…

В 17 часов прощание с Венецией и встреча с Флоренцией. Самый элегантный город Италии. «Флоренция, ты ирис нежный…» (А. Блок). Нас селят на окраине города, в отеле «Конкорд».

10 декабря

Флоренция. «Сегодня делаем все музеи», — заявила Лоридана. Делаем так делаем, кто возражает. Первый — палаццо Питти. Всё набито шедеврами: мраморная Венера работы Кановы, Караваджо и Гвидо Рени, картина Рубенса

«Аллегория войны». Гид по Флоренции Лео, старик с патрицианской осанкой, комментирует портреты женщин: «Чудные женские личики» (коверканный русский язык таит в себе прянность). Одна из Мадонн Рафаэля. Перуджино и Джованни Беллини… Из туристической рекламы: «Спешите увидеть Италию, пока её окончательно не разграбили».

Из Питти в сады Боболи. Грандиозно и прекрасно. На одном из домов висит доска: здесь жил Достоевский, здесь он написал свой роман «Идиот».

Небольшая пробежка и — галерея Уффици. Явное перенасыщение шедеврами, и трудно избежать «синдрома Стендаля» — не упасть в обморок от увиденной красоты. Отмечу, что группа попалась крепкая — ни одного обморока, так, лишь беглое приседание на лавочку да тараще-ние глаз, как у рыбы, которую выловили из воды и положили рядом с ведром.

Лео свой обзор начал с Джотто: «Все имеют школу Джотто, но не все имеют такой талант»… Блистательная картина «Битва при Сан-Романо» кисти Паоло Уччело… Мазаччо… Филиппо Липпи (он был человек богемный, — сказал о нём Лео)… У «Весны» и у «Рождения Венеры» Боттичелли

не протолкнуться, все стоят в каком-то восхищённом онемении. В «Образах Италии» Муратов утверждает, что «Рождение Венеры» — лучшая картина из всех картин на свете… Две Венеры Тициана. Одна юная. Вступающая в бытие. Лео: «Хочется трогать это тело…» Нет, Лео положительно в молодые годы был проказником и немного Казановой… Зрелая Венера хороша, но в гуще красок рождается мотив печали, мотив утраты… А ещё в Уффици представлен Гойя. Но к испанцу Гойе итальянец Лео относится снисходительно. По поводу одного портрета: «Посмотрите, какое у неё выражение лица… настоящая лисичка… и очень хитренькая…»

Следующий объект, а точнее, обиталище красоты — храм Сан-Лоренцо, прекрасное творение Брунеллески. Совершенство пропорций и пространственная ясность. Совершенные работы Донателло и других мастеров. Саркофаги Микеланджело: фигуры суток — утро, день, вечер и ночь.

Отрадно спать, отрадней камнем быть,

О, в этот век, преступный и постыдный,

Не жить, не чувствовать – удел завидный.

Прошу, молчи, не смей меня будить.

Так писал Микеланджело. Все папы заставляли работать Микеланджело не так, как он хотел, а как им было угодно, и, что было хуже всего, заставляли гения подчинить его искусство их личным вкусам. Мы часто сетуем на свою судьбу, жалуемся на очередного начальника, что-де притесняет, не даёт свободно парить. Но что мы?! Когда страдал от принуждения сам Микеланджело Буонарроти…

После обеда осмотр Сан-Миниато-аль-Монте, вознесённой над Флоренцией романской базилики XI века. Беломраморный фасад, инкрустированный тёмно-зелёным. Смотровая площадка — пьяццале Микеланджело и монумент в его честь. Море туристов и океан сувениров… «Здесь так привольно, так много бьющей ключом жизни!..» — писал Чайковский Надежде фон Мекк зимою 1878 года из Флоренции.

Соборная площадь, уникальный ансамбль — собор Санта-Мария дель Фьоре, колокольня и баптистерий св. Иоанна Крестителя. Можно ими восторгаться без конца, а я напишу просто:

нет слов!..

11 декабря

Ещё один шедевр (не слишком ли много?!) — храм Санта-Кроче (Святого Креста) — усыпальница великих итальянцев. Тут захоронен и Микеланджело — «Кончину чую. Но не знаю часа…». Символическое захоронение Данте:

…Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

Строки Заболоцкого… Склеп Макиавелли. Эпитафия: «Имя его выше всяких похвал». Он любил шутить и превращать любые события в предмет игры ума… Гробница Джоаккино Россини. Композитора оплакивает мраморная женщина. Лео, наверное, сотни раз бывал в Санта-Кроче, ему надоело горевать, и он игриво обращается к нам: «Посмотрите, какой у женщины буст!» Буст великолепный. Толк в нём понимали и Россини, и его герои — граф Альмавива, вездесущий Фигаро и даже паж Керубино. Нашлись знатоки женских грудей и в нашей группе. Лицом в грязь не ударили.

Площадь Синьории, на которой неистовый Савонарола сжигал книги Данте, Боккаччо и прочие предметы «суетного искусства»… Палаццо Веккьо. У входа копия знаменитого «Давида» Микеланджело. Давид красуется, а вот не менее знаменитый «Персей» Бенвенуто Челлини скрыт в лесах. Реставрация… Улица Данте, и мы потихоньку начинаем изнывать: сколько можно постигать красоты и погружаться в славную историю Флоренции?..

После обеда в гостинице шёл лихой ченч-обмен, или по-итальянски «камбио»: мои соотечественники продавали всё, что привезли с собой. Я тоже продал баночку икры и старый театральный бинокль… Один из наших, Илья Эстрин, умудрился продать коробку отечественных шпрот, которую в недоумении крутил итальянец, не понимая, что это такое. Еврей Эстрин с многозначительным видом уверял, что это первоклассный «шпротас»!..

12 декабря

Прощание с Флоренцией. Как там у Блока?

Ты пышных Медичей тревожишь,

Ты топчешь лилии свои…

Двинулись в сторону Пизы, проезжая мимо прекрасных холмов Тосканы… Древняя и маленькая

Пиза. Гумилёв посвятил ей одно из стихотворений, в котором

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою Пизанской башней.

Действительно, кривая, наклонённая, но выглядит отлично!.. Немного побродили по городку и покатили дальне, в Рим. По дороге я закрывал глаза и вспоминал строки: «И Рим увидишь и Сицилию, / Места, любезные Вергилию…» (Гумилёв). И я сам себе завидовал: увижу Рим… Увы, не каждому советскому гражданину выпадает счастье увидеть Вечный город, и как точно сожалел Игорь Губерман:

Увы, на римской улочке кривой
Не буду я топтать седые камни;
Заочнику культуры мировой,
Любовь по переписке суждена мне.

Маленькая остановка в Сан-Винченцо, и въезжаем в Рим — в столицу Италии и области Лацио. «Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь», — признавался в одном из

писем Гоголь. На виа Систина красуется памятная гоголевская доска… Нашу группу размещают на окраине Рима, в кемпинге «Парко Тиррено»…

7-й день, 13 декабря. Но в Риме этот зимний месяц, когда «мне декабрь кажется маем…» нежная голубизна неба. Сладкозвучное пение птиц. Хочется радоваться и кувыркаться, а вместо этого приходится чинно садиться в роскошный автобус «Мерседес» с красными сиденьями. Едем, то и дело попадая в пробки. Первая остановка — пьяцца Венеция, в центре которой дворец с невероятным нагромождением мраморных колонн, портиков, бронзовых статуй и бесконечных лестниц. Как только дворец был построен, римляне тут же нарекли его «Тортом». Поднимаемся на площадь Капитолия — на один из семи холмов, на которых раскинулся Рим. Внушительная конная статуя Марка Аврелия. В сочинении «Наедине с собой» Марк Аврелий выражал стремление к моральному совершенствованию и неверие в общественный прогресс… «Огнистый пурпур колыхала / Всегда холодная заря», — отметил Михаил Зенкевич в стихотворении «Марк Аврелий» (1910)…

Руины Форума… Камни сената помнят неутолённое тщеславие, злобную зависть, неприми-

римое соперничество, неуёмное властолюбие и жестокость — обо всём этом можно прочесть в произведениях Цицерона и Плиния Младшего. Здесь закололи Цезаря. Здесь прозвучало недоумённое: «И ты, Брут?..» Мы двигаемся дальше — дом весталок, арка Септимия, арка Тита… А вот и Колизей, построенный ещё до нашей эры.

Дул тёплый ветер, точно сея
Вечерний сумрак, жук жужжал.
Щербатый остов Колизея
Как чаша подо мной лежал, –

писал Иван Бунин 13 февраля 1916 года. Покрутились немного внутри Колизея и дальше… Река Тибр… мавзолей императора Адриана… Площадь Навона… грандиозный фонтан Четырёх Рек… Пантеон. Через круговое отверстие в куполе струится небесный свет… В чудесном греческом саркофаге покоится прах Рафаэля, на саркофаге надпись: когда рождается Рафаэль, природа боится быть побеждённой; когда он умирает, она боится исчезнуть…

Улица Феличе, где жили Карл Брюллов и Александр Иванов… Кстати, гид рассказывает всякие истории, связанные с советскими туристами, однажды её попросили: «Покажите картину

Рембрандта, где он держит женщину за соски». А тем временем Рим тонет в шуме: непрерывно гудит поток автомобилей, воют полицейские и санитарные сирены, грохочут отбойные молотки, ревут мотоциклы. Но вместе с тем в Риме много тихих и заветных мест и непременно с фонтаном или фонтанчиком… А осмотр длится и длится. Легендарный фонтан Треви, — и сразу в памяти возникает сцена из «Сладкой жизни» Феллини… Палаццо Поли, где в гостях у Зинаиды Волконской Гоголь читал «Ревизора»… Площадь Испании, знаменитая лестница в 135 ступеней. Я предложил всей группе немного посидеть. Присели, но, увы, язык не поворачивается сказать «хорошо сидим», ибо всё мимолетно: сейчас на площади Испании, а через пару дней ты уже на площади 50-летия Октября, и никакой красоты, всё серо, безрадостно и отчаянная беготня за товарами…

А пока — «Антико кафе Греко», легко представить, как здесь сиживал с друзьями Джакомо Казанова. Навещали кафе Гёте, Байрон, Стендаль, Шатобриан, Шопенгауэр, Мицкевич, Россини, Берлиоз, Бизе и ещё много-много славных имён. Кафе роскошное, и мы, покупающие сахар по талонам на своей родине, были здесь явно лишними… В гостиницу вернулись поздно вечером,

усталые, ошалелые, но довольные — с покупками из универмага «Станда». Я отхватил для дома тефлоновую сковородку — мечту советских домохозяек… Сковородка и нитка жемчуга, купленная в Пизе…

14 декабря — продолжение «римских каникул».

Нанёс я все визиты
Всем римским Аполлонам.
У каждой Афродиты
Я дважды побывал…

Это — Саша Чёрный… Новый день ознаменовался посещением Ватикана и ватиканских музеев. И как справедливо кто-то сказал из группы: «Ну, это больше Эрмитажа!..» Удивительные картины, фрески, рафаэлевский зал, Леонардо, Беллини, Тициан и т. д. По данным ЮНЕСКО, в Италии сосредоточено 60% всех памятников на земле… Я спрашиваю гида, а что смотрят итальянцы, приезжая в Россию? Анна задумалась и ответила не сразу: «Пространство». Вот что их привлекает и чего у них нет: безбрежные, неоглядные дали… А у них, в Италии, другое, к примеру, Сикстинская капелла — жемчужина мирового искусства.

Собор св. Петра. Когда историку Михаилу Погодину показали виднеющуюся точку — купол святого Петра, то он «вздрогнул, встал и поклонился». А внутри!.. Одних только капелл с алтарями сорок… кругом барельефы, статуи, мозаики… что-то в общем трудно вообразимое, колоссальное…

После обеда — свободное время. Как писала Валентина Ходасевич: «Рим ошеломил: античность, Средние века, эпоха Возрождения, барокко, современность — всё перемешано в нём. Глаза и мысли разбегаются, пока разберёшься во всём этом великолепии».

15 декабря

Последний, 9-й день в Италии. Утро в раздумье: почему они в целом преуспевающие, богатые, а мы бедные и не поймёшь какие? Какая-то русская гамлетовщина с маниловщиной и репетиловщиной вместе. Короткая итальянская одиссея закончена, в 11.25 садимся в самолёт. Во время полёта взял короткое интервью у Никиты Симоняна и Геннадия Логофета и узнал печальную весть: умер Андрей Дмитриевич Сахаров (радио не слушал и советских газет не читал). Приземлились, и полчаса ожидал, когда подадут трап. Вываливаемся из самолёта — снега, сугробы,

хмуро-тусклое небо и никакого Рима…

Строгий паспортный контроль. Молодой пограничник долго рассматривает мою фотографию.

— Снять кепку? — понимающе спросил я.

— О, если можно…

— Чего не сделаешь ради любимой родины! — сказал я и обнажил лысину.

В субботу, 16-го, проснулся и с удивлением смотрел в окно.

— У вас такие снега?

— Да, такие. А у вас, в Италии?

— У нас тепло… солнце…

Ах, эта Италия!.. «Мне только три вещи хотелось там посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею…» — говорил Веничка Ерофеев. Увы, Везувия не видел. До Неаполя и Сицилии не доехал. В римские катакомбы не спускался… Нет, не выпил я этот божественный итальянский напиток, а лишь пригубил, но и этот крохотный глоток меня опьянил… А сейчас вот сижу в Москве, в третьем Риме, и вспоминаю, вспоминаю… «Ми пуо индикаре иль гранде магаццино пьювичино?» — «Есть ли поблизости универмаг?» Что может быть смешнее этой фразы в нашем третьем Риме?..

24 декабря

В понедельник, 24-го, вышел на работу и

раздавал маленькие сувенирчики (открытки, пакетики чая, запечатанные кусочки мыла и т. д.). Все были в восторге, а Сухарева, полная удивления, спросила: «А почему вы вернулись?» Ответ банален: Россия — моя родина, которую я люблю и критикую… И тут же наши реалии: битва за продовольственные заказы. Из всего набора досталась только одна банка лосося… Из-за погоды почтальоны не доставляют почту. Вчера какая-то бабуля возмущалась на улице: «Хоть бы посыпали!.. Ну не хотят работать!.. Во где фашисты настоящие!..»

31 декабря

80-е годы уходят в историю, грядут 90-е… Полнейший минор… Подсуетился с заказами, и теперь в доме есть кое-что, включая финский ликёр, югославские конфеты и непонятно чья колбаса… А у Ще разгулялась печень, и она может есть только жидкую кашу… Купили ёлочку из веток — 3 рубля… Сегодня был на Калининском проспекте — никакого праздника нет и в помине. Хмурый народ, обвешанный сумками. Еле купили хлеба и усталые вернулись домой. Настроение упадническое. Радует только работа для себя, в стол… об Италии… Как писал Пушкин:

Адриатические волны!
О Брента, нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!..

Увы, Александру Сергеевичу так и не удалось увидеть «Авзонии счастливой», «Италии златой». А мне удалось — грех жаловаться на свою судьбу.

Послесловие

Закончена книга воспоминаний и дневников почти за 70 лет, начиная с 1932 года и кончая 1989-м. И всё это время постоянный поиск своего места в жизни, утверждение собственного «я». Взлёты и падения, маленькие победы и крупные поражения, а в итоге накопленный опыт жизни, приобретение некоей мудрости. Как утверждал Сенека ещё до нашей эры:

«Жизнь — вещь грубая. Ты вышел в долгий путь, — значит, где-нибудь и поскользнёшься, и получишь пинок, и упадёшь, и устанешь, и воскликнешь „Умереть бы!“ — стало быть, солжёшь».

В юности я тоже доходил до отчаяния, и приходили мысли покончить «со всем этим». Но не поддался слабости и продолжал сражаться с жизнью, лелея надежду, что всё исправится и я в конечном счёте чего-то добьюсь и стану писателем. И опять же цитата от американского писателя Чарльза Буковски:

«В жизни нам ничего не обещано. С нами не заключили никакого контракта».

Ни контракта, никакой помощи, никакой поддержки — всё только сам, благодаря своему трудолюбию, мужеству и терпению. На сегодняшний день 39 изданных книг да ещё десяток сироток, не приглянувшихся издателям или часто споткнувшихся по причине: нет денег. Но что об этом. Сплошная жалоба турка.

Перед вами 40-я книга, сделанная на основе самиздатовской «Наедине со временем» (2010), дополненная, расширенная, исправленная. Она обрывается 1989 годом и созвучна фильму Сергея Говорухина «Конец прекрасной эпохи» (2015), когда с надсадным треском рушился Советский Союз. Прекрасная эпоха была не для всех, но уж точно для некоторой прослойки интеллигенции, и в частности для работников культуры. Худо-бедно преуспевали, без напряжения и конкуренции. А потом пришли лихие 90-е годы, политические и социальные потрясения, дикий капитализм с бандитским лицом. И мгновенно пошло расслоение на ловких и неловких, на счастливчиков и лузеров. Лично я ушёл в свободную журналистику, крутился, как «Фигаро здесь, Фигаро там!..». И немного преуспел и сделал имя. Обо всём этом во 2-й книге воспоминаний и дневников. (31 марта 2019 г.)

А можно закончить первую книгу старой песней, дополненной своими словами:

«Постой, паровоз, не стучите колёса,
Кондуктор, нажми на тормоза!»
У читателей книги возникли вопросы,
И надо ответить, не пряча глаза…

Ответы в следующей, второй книге, про лихие 90-е годы, как советский паровоз сошёл с рельс…